

Проф. Н. О. Каптеревъ.

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ

II

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

1909.

Отписки изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1908 и 1909 г.г.

Печатать разрѣшается. Февраля 3 дня, 1908 г.
Ректоръ Академіи Епископъ *Евдокимъ*.

Изученіемъ времени патріарха Никона я занимался еще въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ журналѣ *Православное Обозрѣніе* 1887 года мною начаты были печатаніемъ статьи подъ общимъ заглавіемъ: *Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ*. Но эти статьи, при самомъ своемъ появленіи, въ нѣкоторыхъ кругахъ, вызвали противъ меня цѣлую бурю негодованія и обвиненія чуть не въ еретичествѣ.

До тѣхъ поръ исторія возникновенія у насъ старообрядства изучалась и писалась по преимуществу полемистами съ расколомъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, изучали событія съ тенденціозно-полемической точки зрѣнія, старались видѣть и находить въ нихъ только то, что содѣйствовало и помогало ихъ полемикѣ съ старообрядцами, поставленной ими очень своеобразно. Тогдашніе полемисты съ расколомъ на вопросъ: откуда и какъ произошли у насъ искаженія древнихъ православныхъ чиновъ и обрядовъ, и какимъ образомъ эти искаженные чины и обряды попали въ наши церковно-богослужебныя книги, обыкновенно отвѣчали: древніе православные обряды и чины исказило вѣковое русское невѣжество, а въ наши печатныя церковныя книги они внесены были при патріархѣ Іосифѣ невѣжественными книжными справщиками: Аввакумомъ, Нероновымъ, Лазаремъ и другими, которые, возставая потомъ противъ реформы Никона, въ существѣ дѣла отстаивали только твореніе своихъ собственныхъ невѣжественныхъ рукъ. Такъ смотрѣли тогда на дѣло всѣ полемисты съ расколомъ и во главѣ ихъ профессоръ нашей академіи Н. И. Субботинъ, редакторъ и издатель полемическаго противообрядческаго журнала *Братское Слово*.

Между тѣмъ въ своемъ изслѣдованіи, опиравшемся главнымъ образомъ на *Матеріалы для исторіи раскола*, изданные тѣмъ же самымъ профессоромъ Субботинымъ, мною ясно было показано, что Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и

др. никогда не были книжными справщиками и вообще никогда къ книжной справѣ никакого отношенія не имѣли, что они ранѣе совсѣмъ не жили въ Москвѣ, а только нѣкоторые изъ нихъ появились въ ней не задолго до смерти патріарха Іосифа и потому никакъ не могли имѣть при немъ вліянія на книжную справу. На вопросъ необходимо отсюда возникшій: кто же, въ такомъ случаѣ, и когда испортилъ наши древніе православные церковные чины и обряды, которые потомъ Никону пришлось исправлять, мною былъ данъ такой отвѣтъ: древніе наши церковные чины и обряды никогда ни кѣмъ у насъ не искажались и не портились, а существовали въ томъ самомъ видѣ, какъ мы, вмѣстѣ съ христіанствомъ, приняли ихъ отъ грековъ, только у грековъ нѣкоторые изъ нихъ позднѣе измѣнились, а мы остались при старыхъ, неизмѣненныхъ, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднѣйшими греческими. Это свое общее положеніе я иллюстрировалъ на формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія, при чемъ выяснилъ, что въ христіанской церкви древнѣйшею формою перстосложенія было единоперстіе, а потомъ единоперстіе у православныхъ грековъ замѣнено было двоеперстіемъ, которое мы отъ нихъ и заимствовали при своемъ обращеніи въ христіанство. И въ то время какъ греки не остановились и на двоеперстіи, а позднѣе замѣнили его у себя троеперстіемъ, русскіе остались при прежнемъ, воспріятомъ ими отъ грековъ, двоеперстіи, которое и было у насъ, до Никона, господствующимъ обычаемъ.

Указанныя два наши положенія: что Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и др. главнѣйшіе противники церковной реформы Никона и основатели старообрядчества никогда не были книжными справщиками и никакого вліянія на книжную справу при патріархѣ Іосифѣ не имѣли, что двоеперстіе является не искаженіемъ и порчею древняго обряда русскимъ невѣжествомъ, а есть настоящій древній православный обрядъ, перешедшій къ намъ отъ православныхъ грековъ, у которыхъ онъ ранѣе употреблялся, произвело очень сильное впечатлѣніе на тогдашнихъ нашихъ полемистовъ съ расколомъ. Въ томъ же 1887 году, когда мною начато было печатаніе своего исслѣдованія, проф. Н. И. Субботинъ, въ

издаваемомъ имъ журналѣ *Братское Слово*, выступилъ противъ меня съ цѣлымъ рядомъ статей, въ которыхъ особенно усиливался показать, что мой взглядъ на перстосложеніе для крестнаго знаменія неправиленъ, такъ какъ совпадаетъ со взглядами старообрядцевъ, и по самому существу не есть взглядъ православный, а старообрядческій, и что будто бы къ защитѣ собственно старообрядства направлено и все мое изслѣдованіе. Мнѣ пришлось отвѣчать на нападки г. Субботина (Прав. Обзор. за 1888 г.). Изъ моего отвѣта г. Субботинъ убѣдился, что научно-литературнымъ путемъ подорвать правильность моихъ воззрѣній и доказать правоту свою—дѣло едва-ли возможное. Тогда онъ прибѣгнулъ къ другому способу, чтобы заставить меня замолчать окончательно. Человѣкъ, близко знакомый тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода и его помощнику, онъ представилъ имъ на чавшееся печатаніемъ мое изслѣдованіе какъ очень вредное для православной церкви, а мою личность какъ неудобную для профессуры въ духовной академіи. Выгнать меня изъ академіи ему однако не удалось, но цензоръ журнала *Православное Обозрѣніе*, свящ. Ив. Дм. Петропавловскій, получилъ приказаніе отъ К. П. Побѣдоносцева не допускать къ дальнѣйшему печатанію моего изслѣдованія о патріархѣ Никонѣ, почему оно и было прекращено печатаніемъ, остановившись только на времени патріарха Іосифа.

Между тѣмъ мои взгляды на старый обрядъ въ послѣдующее время не только не были къмъ либо опровергнуты, но и получили полное подтвержденіе, какъ научно правильные. Извѣстный историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій въ 1892 г. издалъ особое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами*, въ которомъ новыми данными, относящимися къ вопросу о перстосложеніи и другимъ спорнымъ обрядовымъ вопросамъ, вполне подтвердилъ научную вѣрность моихъ взглядовъ на старый обрядъ. Теперь они приняты всѣми въ наукѣ и уже не возбуждаютъ иикакихъ споровъ среди самихъ полемистовъ съ старообрядцами и никто въ нихъ ничего вреднаго для церкви не находитъ.

Такъ какъ прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, когда остановлено было печатаніе моего изслѣдованія о патріархѣ Никонѣ, а въ этотъ промежутокъ времени появились по

данному вопросу и новые материалы, то естественно, что настоящее изслѣдованіе представляетъ изъ себя не воспроизведеніе стараго сочиненія, а совершенно новую работу, написанную послѣ повторнаго изученія всѣхъ относящихся къ дѣлу документовъ, причемъ нѣкоторые факты и явленія мною поняты и объяснены теперь значительно иначе, нежели какъ это было сдѣлано ранѣе.

Задача настоящаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, представить Никона какъ церковнаго реформатора, со всѣми сопровождающими эту его дѣятельность обстоятельствами; съ другой—показать тѣ особыя отношенія Никона къ свѣтской государственной власти, въ какія онъ, въ своемъ лицѣ, поставилъ патріаршую власть и какія потомъ онъ всячески старался обосновать и защитить, какъ законныя, уже и послѣ оставленія имъ патріаршей кафедры. Рѣшеніе первой задачи составляетъ содержаніе перваго тома, рѣшеніе второй задачи войдетъ въ содержаніе втораго тома.

Наши историки обыкновенно видятъ въ Никонѣ единственнаго виновника произведенной при немъ церковной реформы: онъ былъ ея инициаторомъ, только ему она обязана своимъ проведеніемъ въ жизнь, такъ что она—церковная реформа была исключительно дѣломъ одного Никона, она составляетъ главное дѣло его патріаршества, его главную заслугу предъ церковію. Мною высказывается и выясняется на это дѣло совершенно другой взглядъ, болѣе согласный съ историческою дѣйствительностію, именно: инициатива произвести церковную реформу, въ смыслѣ объединенія нашихъ церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ съ тогдашними греческими, принадлежитъ не Никону, а царю Алексѣю Михайловичу и его духовнику—протопопу Стефану Вонифатьевичу. Они первые, еще до Никона, задумали произвести церковную реформу, ранѣе намѣтили ея общій характеръ и начали, до Никона, по немногу приводить ее въ исполненіе; они еще до Никона вызвали въ Москву изъ Кіева знающихъ греческій языкъ книжныхъ справщиковъ, съ помощію которыхъ еще до Никона уже начали исправлять наши книги съ греческихъ и, что главное, они же создали и самаго Никона, какъ реформатора-грекофила. Никонъ, сдѣлавшись патріар-

хомъ, только выполнялъ ту программу, какая ему дана была, конечно въ самыхъ общихъ чертахъ, царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Правда, что въ самое выполненіе программы царь активно не вмѣшивался, предоставивъ въ этомъ дѣлѣ Никону полную свободу, почему практическое проведеніе реформы въ жизнь, въ томъ или другомъ видѣ, зависѣло уже исключительно отъ Никона, отъ его личныхъ взглядовъ, пониманія дѣла, его характера и такта. Самъ Никонъ никогда не считалъ себя инициаторомъ въ дѣлѣ книжныхъ исправленій и никогда не считалъ книжныя исправленія первою и главною задачею своего патріаршества. Оставивъ патріаршую кафедру, онъ совсѣмъ пересталъ интересоваться своею церковною реформою и, въ концѣ, даже отнесся рѣзко-отрицательно какъ къ тѣмъ самымъ грекамъ, по указаніямъ которыхъ онъ производилъ свои церковныя реформы, такъ и къ самымъ печатнымъ греческимъ книгамъ, на основѣ которыхъ главнымъ образомъ и велись всѣ книжныя исправленія во время его патріаршества.

Самъ Никонъ главную задачу, смыслъ и, такъ сказать, душу своего патріаршества видѣлъ и поставлялъ вовсе не въ книжныхъ и обрядовыхъ исправленіяхъ, а въ томъ, чтобы освободить церковь, въ лицѣ патріарха, отъ подавляющей ея всецѣлой зависимости отъ государства, чтобы сдѣлать патріарха, какъ духовнаго главу церкви, не только независимымъ отъ государя, но и поставить его рядомъ съ царемъ, какъ другаго великаго государя, подчинить его контролю, какъ блюстителю и охранителю вѣчныхъ неизблемыхъ божественныхъ законовъ, не только церковную, но и всю государственную и общественную жизнь, поскольку послѣднія должны быть проявленіемъ всегда и для всѣхъ обязательныхъ божественныхъ заповѣдей и законовъ. Никонъ вѣрилъ и училъ, что *священство выше царства*, и всячески старался осуществить эту идею во время своего патріаршества практически, а послѣ оставленія патріаршей кафедры, горячо и усиленно старался защитить ее теоретически. Объ этомъ я подробно буду говорить во второмъ томѣ моего изслѣдованія, который готовится къ печати.

Г Л А В А I.

Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его главные представители.

Появленіе въ русскомъ обществѣ, послѣ такъ называемаго смутнаго времени, сознанія необходимости улучшить религіозно - нравственную жизнь всего русскаго народа. Разныя челобитныя къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ съ жалобами на церковныя непорядки, на зазорное поведеніе бѣлаго и чернаго духовенства, на народныя языческаго характера суевѣрія и игрища, на разныя народныя пороки и недостатки. Правительственныя мѣры по поводу этихъ жалобъ. Образование въ Москвѣ кружка ревнителей благочестія. Глава кружка, царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Воиофатьевичъ. Его придворная дѣятельность, его приверженность къ кіевлянамъ и грекамъ, его заботы о поднятїи нравственности и просвѣщенїя среди духовенства и народа, поставленіе имъ, съ этою цѣлю, по разнымъ городамъ на протопопскія мѣста лицъ, извѣстныхъ своею строгою жизнію, истовостію въ совершенїи церковныхъ службъ, учительностію, ревностію къ насажденію благочестія въ народѣ и борьбою съ народными языческаго характера игрищами и суевѣрїями. Образование изъ этихъ лицъ провинціального кружка ревнителей благочестія. Общій характеръ дѣятельности провинціального кружка ревнителей, задачи и цѣли, какія онъ преслѣдовалъ. Его взглядъ на относительное достоинство греческаго благочестія, греческихъ обрядовъ и чиновъ, сравнительно съ русскими.

Послѣ такъ называемаго смутнаго времени, когда почти совсѣмъ погибало русское царство, когда многое, прежде считавшееся такимъ твердымъ и незыблемымъ, пошатнулось, оказалось слабымъ и малоустойчивымъ, русская жизнь уже стала не удовлетворять очень и очень многихъ. Она—русская жизнь какъ то вся заколебалась, незамѣтно стала понемногу сдвигаться съ своихъ старыхъ дѣдовскихъ основъ и устоевъ, стала, хотя сначала ошупью и въ разбродѣ, искать новыхъ путей, новыхъ болѣе культурныхъ силъ и средствъ для своего дальнѣйшаго существованія. Отсюда явились по-

пытки такъ или иначе реформировать ее, улучшить и усовершенствовать, причѣмъ бравшіеся за это дѣло подходили къ той же цѣли разными путями, съ разныхъ сторонъ и употребляли разныя средства. Одни—большинство видѣли причину всѣхъ происшедшихъ бѣдъ и нестроений народной и государственной жизни въ низкой народной нравственности, въ народной испорченности и порочности, въ недостаточности ея проникновенія христіанскими и церковными началами. Поэтому они желали нравственно перевоспитать общество съ помощію борьбы съ остатками въ народѣ языческихъ суевѣрій, грубыхъ обычаевъ, языческаго характера народныхъ игрищъ, забавъ и увеселеній, желали на народъ болѣе мощнаго церковно-религіознаго воздѣйствія. Въ этихъ видахъ они усиленно стремились прежде всего привести въ порядокъ нашу тогдашнюю церковную жизнь, въ которую вкралось много нестроений и непорядковъ, именно: они рѣшительно возставали противъ порочной и зазорной жизни духовенства, усиливались ввести въ отправление всѣхъ церковныхъ службъ чинность, истовость, учительность, чтобы сдѣлать церковныя службы вразумительными и назидательными для народа. Другіе думали поставить дѣло шире: желали еще исправленія нашихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, пересмотра и исправленія всѣхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, съ помощію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей, такъ какъ были убѣждены, что наши церковныя книги, чины и обряды потерпѣли, вслѣдствіе разныхъ причинъ, нѣкоторыя нежелательныя измѣненія, сдѣлавшія ихъ кое въ чемъ непохожими на настоящіе древне-церковныя православныя чины и обряды. Третьи, не отрицая указанныхъ причинъ, видѣли еще коренной недостатокъ тогдашней русской жизни въ полномъ отсутствіи у русскихъ просвѣщенія, какихъ бы то ни было научныхъ знаній, вообще въ ихъ умственной темнотѣ и невѣжествѣ, почему думали и стремились завести къ Москвѣ, съ помощію ученыхъ грековъ и кіевлянъ, правильно устроенную строго православную школу, чтобы при ея посредствѣ насаждать среди русскихъ недостающія имъ знанія и просвѣщеніе. Наконецъ были и такіе, хотя еще и очень немногіе, которые, то сознательно, то бессознательно, стремились сблизиться съ иновѣрнымъ просвѣщеннымъ западомъ, усвоить, путемъ подражанія и заим-

ствованія, его обычаи, внѣшнюю обстановку его жизни, а въ концѣ—западныя знанія и науку. Часто всѣ эти стремленія и направленія перепутывались и смѣшивались между собою и даже у одного и того же лица. Вообще въ переходныя эпохи, когда только что зарождаются и начинаютъ формироваться въ народной жизни новыя направленія и теченія, ихъ трудно бываетъ выслѣдить съ полною ясностію и опредѣленностію, такъ какъ онѣ сами еще очень неясны, неопредѣленны, а ихъ носители и выразители не рѣдко являются непослѣдовательными, а иногда и противорѣчивыми. Къ тому же: самыя зарождающіяся новыя направленія въ жизни почти всегда встрѣчаются затемненными сторонниками, къ существу дѣла неотносящимися обстоятельствами, разными случайными и побочными явленіями.

Среди различныхъ новыхъ направленій, начавшихъ у насъ появляться послѣ смутнаго времени, и имѣвшихъ въ виду обновить, улучшить нашу народную жизнь, прежде всего съ особою силою выступило стремленіе улучшить крайне разшатанную народную нравственность, возвысить общій уровень христіански религіозной жизни народа, стоявшей доселѣ еще на довольно низкой ступени, и даже сохранившей въ себѣ много языческаго; стремленіе исправить тогдашнее духовенство и самую церковную жизнь, въ которую вкрались многія нестроенія, особенно въ сферѣ отправленія церковныхъ службъ. Это стремленіе вызвало прежде всего появленіе различныхъ челобитенъ, исходившихъ отъ частныхъ лицъ, которыя, проникаясь ревностію къ благочестію, обращаются къ патріархамъ и къ самому государю съ ходатайствами, чтобы они предприняли мѣры къ уничтоженію общественныхъ недостатковъ и пороковъ, къ улучшенію церковной и вообще нравственно-религіозной жизни народа и самого духовенства.

Въ 1636 году девять нижегородскихъ священниковъ, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый потомъ Іоаннъ Нероновъ, подали патріарху Іоасафу челобитную, въ которой они довольно подробно указываютъ на различныя церковныя безпорядки и нестроенія, на зазорное поведеніе приходскаго духовенства, на его лѣнь и небреженіе къ духовно-нравственнымъ потребностямъ пасомыхъ, на его пьянство и безчинство, на крайне непристойное и безчинное поведѣніе

молящихся въ храмахъ, на грубыя съ явнымъ языческимъ характеромъ народныя забавы и увеселенія, свидѣтельствующія объ отсутствіи во всемъ народѣ истинной христіанской религіозности, доброй нравственности и добрыхъ христіанскихъ нравовъ. Въ виду этого челобитчики умоляютъ патріарха позаботиться „о исправленіи церковнемъ; о часѣхъ съ обѣднями и о постныхъ безвременныхъ вечерняхъ“. Они просятъ патріарха: „учени, государь, свой святильскою указъ, чтобъ по преданію св. апостолъ и святыхъ истинно славился Богъ, и до конца бы церкви Божія въ лѣности и въ небрежїи не разорилась, и намъ бы въ исправленіи и въ скудости вѣры до конца не погибнути; и вели, государь, на тѣ дѣла о церковномъ исправленіи: какъ пѣти часы и вечерни въ постъ великій и о мятежи церковнемъ, что неистовствуютъ въ церквахъ шпыни и прокураты, и о играхъ бѣсовскихъ, дати свои государевы святительскія грамоты“ ¹⁾.

Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, возстаетъ съ особою силою противъ тогдашняго распущеннаго духовенства, говоря, что пастыри церкви только „именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради своего покоя и предатели суть душамъ человѣческимъ, настоящей и маловременной, но грядущей и вѣчной муцѣ“. Этотъ суровый отзывъ о тогдашнихъ пастыряхъ неизвѣстный иллюстрируетъ въ своей челобитной указаніемъ на то, что священники совершаютъ службы „омраченные пьянствомъ“, что они „вскочутъ безобразно въ церковь“ и начинаютъ отправлять церковныя службы безъ соблюденія церковнаго устава и правилъ, стараясь только какъ можно скорѣе кончить службу. Ради этого они никогда не читаютъ въ церкви положенныхъ для народа поученій, поютъ и читаютъ заразъ въ пять—шесть голосовъ, дѣлая этимъ все богослуженіе непонятнымъ для народа, который поэтому въ церкви ничему не научается и нисколько не назидается. Священники не только не прекращаютъ въ церкви разныхъ безчиній со стороны молящихся, особенно если послѣдніе

---

1) Эта челобитная, съ очень обстоятельнымъ объясненіемъ, напечатана Н. В. Рождественскимъ въ Чт. общ. ист. и древн. расс. за 1902 г. кн. II, отд. IV, стр. 1—31.

принадлежать къ людямъ знатнымъ и сильнымъ, но и всячески заискиваютъ передъ ними и во всемъ потакаютъ имъ, не заботясь объ ихъ исправленіи, и вообще на свою паству— на ея нравственную распущенность и пороки, не обращаютъ никакого вниманія. И не только бѣлое духовенство, но и монахи, вопреки своимъ иноческимъ обѣщаніямъ и клятвамъ, „любятъ серебро и золото и украшеніе келейное, имѣютъ влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати большая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія любви достигнути“. Они устрояютъ въ обителяхъ пиры на монастырскій счетъ „для великоименитыхъ властей“, даютъ имъ взятки, чтобы получить чрезъ нихъ въ монастырѣ: игуменство, строительство, келарство и вообще какую либо почетную и доходную монастырскую должность. И вотъ такія монастырскія власти, пріемши власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразны являются суровы и мстивы томители, и святыхъ обителей грабители“; сами же они, окруженные родственниками и приспѣшниками, обыкновенно ведутъ пьяную, разгульную и развратную жизнь. Не оставилъ безъ обличенія неизвѣстный и высшихъ церковныхъ іерарховъ. Архіереи, заявляетъ онъ, сами занимая іераршія кафедръ неподготовленными, неискушенными предварительно иночески подвижническою жизнію, не стараются исправить указанныя вопіющія недостатки въ иноческой монастырской жизни. Въ виду этого челобитчикъ умоляетъ патріарха, косвенно дѣлая и ему упрекъ въ нерадѣніи: „подвигнися, пишетъ онъ, о церквахъ Божіихъ и о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ, пріими, государь, ревность ученія первопрестольникъ твоихъ великихъ святителей: Петра и Алексѣя и Іоны, ти бо на всяко лѣто области своя по всѣмъ градомъ трудолюбно сами церкви Божіи назирали, како во всей славѣ стоятъ, и монастыри, паче же живущихъ въ нихъ наставниковъ и наставляемыхъ, како безъ смущенія и страха пребываютъ. Исправи, государь хромое, да не како до конца совратится, но да исцѣлѣетъ. Не трудно бо тебѣ, государь, шествовати, путь воздаяніемъ спасенія мзды посыпана“.

Въ 1651 году иконописецъ Григорій подалъ государю челобитную, въ которой онъ жалуется на порочную и во всѣхъ отношеніяхъ очень распущенную жизнь духовенства города Вязьмы, служащую соблазномъ для прихожанъ, на разные

народныя игрища „мерзкіе“, которыя „бываютъ въ началѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимандрита, и келаря и старцовъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдаютъ“. Другое игрище бываетъ въ Троицынъ день, когда „загородъ на курганя ходять и неподобное творять“. Третье игрище—отъ Петрова до Ильина дня, когда „на реляхъ вѣшаются и накрутящихъ крутятся, и многихъ діаволь беретъ, и деньги тыхъ благословляютъ при церкви погребати“. Наконецъ было еще игрище ночью подъ рождество Іоанна Предтечи, когда „всю ночь бѣсятся, бочки дегтярныя зажигаютъ и съ горъ катають и, вѣники зажегши, скачуть“. И такъ какъ „и поиннымъ городамъ такожде много неисправленія“, то челобитчикъ рекомендуетъ государю, „таковаго бы человекъ изыскати на исправленіе поинныхъ городахъ, еже не своего искати, но Божія, и не на лица зрѣти, и посуловъ бы не брати“ т. е. онъ рекомендуетъ государю назначить отъ себя особое лицо, честное и неподкупное, и поручить ему специально заняться уничтоженіемъ въ городахъ тѣхъ безпорядковъ, безчиній и грубыхъ народныхъ языческихъ и кощунственныхъ игрищъ, на которыя указаль челобитчикъ ¹⁾.

Кромѣ патріарховъ и государя челобитныя, по поводу разныхъ церковныхъ нестроений, нравственной распущенности духовенства и народа, подавались нѣкоторыми частными лицами и разнымъ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ. Такъ суздальскому архіепископу Серапіону (поставленъ въ архіереи 5-го окт. 1634 г., умеръ въ 1653 г.) нѣкто, называющій себя Агаѳоникомъ, подалъ особую очень обширную челобитную, въ которой подробно доказываетъ необходимость введенія въ церковныхъ службахъ единогласія, указываетъ и разъясняетъ незаконность практиковавшагося тогда многогласія, его вредъ и пагубность для молящихся. Тому же архіепископу Серапіону дѣлались заявленія о разныхъ церковныхъ не порядкахъ въ его епархіи, о нравственной распущенности духовенства и пасомыхъ и т. под.

¹⁾ Челобитныя: неизвѣстнаго и иконописца Григорія напечатаны въ приложеніи нашей книги: *Патр. Диконъ*.

Помимо челобитенъ встрѣчаются еще въ рукописныхъ сборникахъ и особья статьи съ обличеніемъ тѣхъ или другихъ частичныхъ церковныхъ не порядковъ и уклоненій отъ церковнаго устава и правилъ. Такова, на примѣръ, статья о поклонахъ въ великій постъ, въ которой авторъ заявляетъ, что „въ нынѣшнее настоящее время отъ нѣкихъ іереевъ, иже страха Божія въ себѣ не имутъ, презираеми бяху и мнози поклоновъ не творятъ въ церкви во святой великій постъ, якоже уставъ повелѣваетъ, ово убо лѣности ради и небреженія, ово же безстрашія ради и нечаянія будущаго страшнаго суда и вѣчныхъ мукъ, и не хотяще разумѣти, яко сіи земніи поклони повсюду всѣмъ вообще—православнымъ инокомъ и мірскимъ—преданы отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко да никакоже сіи презираеми бывають во святой сій великій постъ, но да и паче подвигнемся, еже исправити сіе святыхъ отецъ преданіе, сирѣчь колѣнное преклоненіе, яко же уставъ повелѣваетъ, а не разрушити и вмѣсто свѣта тьму возлюбити: проклято бо сіе, съ еретики отвержено, еже не творити поклоновъ до земли въ молитвахъ нашихъ къ Богу въ церкви во уреченныя дни“. Затѣмъ авторъ старается доказать всю великость нечестія—не творить поклоны, соотвѣтствіе послѣднихъ со всѣмъ церковнымъ преданіемъ и правилами, отрицаніе поклоновъ называетъ „нечестіемъ и ересью“, и такъ какъ, по его заявленію, „во многихъ вкоренися таковое нечестіе и ересь“, то онъ и дѣлаетъ далѣе выписки изъ церковнаго устава, показывающія: когда, сколько и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ дѣлать поклоны во время разныхъ церковныхъ службъ ¹⁾).

Такимъ образомъ частныя лица, или коллегіально—какъ нижегородскіе священники, или въ одиночку, своими челобитными и литературными обличеніями и разъясненіями, вскрывали предъ высшею духовною и свѣтскою властію различныя церковныя нестроенія, царившіе въ обществѣ и среди самага духовенства пороки и недостатки, и призывали на борьбу съ ними правительство. Церковная власть, съ своей стороны, принимала во вниманіе заявленія челобитчиковъ и издавала иногда по этому поводу особья распоряженія. Такъ, по поводу челобитной нижегородскихъ священниковъ патрі-

¹⁾ Рук. импер. публ. библ. изъ собранія гр. Толстого № 258, л. л. 11—120.

архъ Іоасафъ, въ 1636 году 14 августа, издалъ извѣстную память тіуну Манойлову и поповскому старостѣ, никольскому попу Панкратію, о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и церковныхъ непорядковъ, которыя, очевидно, во всей силѣ существовали не только въ Нижнемъ Новгородѣ, но и въ самой Москвѣ, а также и въ другихъ городахъ. Память патріарха Іоасафа тіуну Манойлову имѣла значенія не для одной Москвы, но была разслана, повидимому, ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. По крайней мѣрѣ въ 1642 году 30 мая послана была: „показу великаго господина преосвященнаго Серапіона, архіепископа суздальскаго и торускаго, *память* въ Суздале городе и по всѣмъ городамъ нашия архіепископы и протопопомъ и священникомъ и діакономъ“, которая является почти буквальнымъ воспроизведеніемъ памяти патріарха Іоасафа, только съ присоединеніемъ къ ней и многого своего, выдуманнаго чисто мѣстными условіями. Память, или точнѣе, окружное посланіе къ духовенству и народу суздальскаго архіепископа Серапіона, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытно, какъ памятникъ стремленія духовныхъ властей упорядочить и улучшить мѣстную епархіальную жизнь.

Память архіепископа Серапіона 1642 года начинается тѣмиже словами, какъ и память патріарха Іоасафа, только съ измѣненіемъ названія разсылающаго ее лица и названія города, куда она адресована. „Вѣдомо убо намъ архіепископу, пишетъ Серапіонъ, отъ многихъ извѣстися, что въ Суздаль и по всѣмъ городамъ наша архіепископы, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазнъ и нарушеніе святыхъ наша православныя христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло поскору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ: говорятъ въ голосовъ пять и шесть и больши, совсякимъ небреженіемъ“ и т. д.—воспроизводится вся память патріарха Іоасафа тіуну Манойлову 1636 года 1).

1) Впрочемъ въ суздальской памяти встрѣчаются и нѣкоторыя измѣненія по сравненію съ московской, хатя и неособенно значительныя. Онѣ касаются прежде всего нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, неимѣющихъ значенія и происшедшихъ вѣроятно отъ переписчиковъ. Но кромѣ этихъ случайныхъ измѣненій въ отдѣльныхъ словахъ, въ суздальской памяти

Но воспроизведеніемъ московской памяти, съ нѣкоторыми въ ней измѣненіями и вставками, суздальскій архіепископъ

есть противъ московской и нѣкоторыя характерныя опущенія и вставки, именно: въ московской памяти говорится: „а въ церквѣ бы велѣли говорить голоса въ два, а *понуждѣ въ три голоса* опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ“. Въ суздальской памяти говорится: „а въ церкви велѣти говорить голоса *въ два*, а экзапсалмы по всѣмъ церквамъ говорити въ одинъ голосъ“; слова московской памяти: „а по нуждѣ (говорить) въ три голоса“, въ ней опущены. Очевидно архіепископъ Серапіонъ, сочувствовавшій, вѣроятно, единогласію, набираетъ средину: онъ дозволяетъ говорить въ церкви въ два голоса, но не дозволяетъ говорить, хотя бы и по нуждѣ, въ три голоса, и тѣмъ самымъ, съ одной стороны, нѣсколько удовлетворяетъ сторонниковъ единогласія, а въ тоже время существенно не расходится въ этомъ пунктѣ и съ патріаршею памятью. О нищихъ въ московской памяти говорится: „нищимъ во время святаго пѣнія по церквамъ ходити милостыни прошати отнюдь не велѣти же, а велѣти имъ стояти и просити милостыни *въ церкви*, стояти въ притворѣ церковнѣмъ, егдаже православніи христіяне должны суть подавать имъ до святаго пѣнія, входяще во святую церковь, послѣ пѣнія, исходяще изъ церкви, подаютъ. А во время святаго пѣнія имъ, въ церковь приходя, мятежу и соблазну никакого отнюдь чинити не велѣти, а велѣти имъ въ тѣ поры въ церкви Божіей стояти и слушати божественнаго пѣнія такожде со страхомъ и благоговѣніемъ, немятежно“. Въ суздальской памяти все это мѣсто изложено такъ: „а нищимъ шпынямъ по церквамъ ходити отнюдь невелѣтъ“ — и только. Сравнительно съ московскою памятью въ суздальской есть и нѣкоторыя вставки. Въ московской говорится: „а иные, полагають пелены на блюдѣ и свѣчи, собирають, рекуще: на созиданіе церквамъ; инии же творятца малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ“. Въ суздальской это мѣсто изложено такъ: „а инии, полагають пелены на блюдѣ и свѣчи, собирають, рекуще: на созиданіе церквамъ, а потомъ ихъ мнози видятъ со пьяницами; а инии проданными себя называютъ и на окулъ просятъ; а иные творятца неистовыми нравы, и потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ“. Въ московской памяти говорится; „чего нестрадахомъ: не плѣнена-ли земля, не взяты-ли быша гради, не падеша-ли безъ оружія, не помрошали скоти и не оскудѣша-ли нивы? И сія вся содѣяшася нынѣ предъ очима нашими въ наше наказаніе, и никакоже воспоминаухомъ ся! И тивуну Ивану Манойлову и пр.“ Въ суздальской памяти, послѣ словъ московской — „и никакоже воспоминаухомъ ся“ — находится слѣдующая довольно большая вставка: „и протопопомъ и священникомъ всякую службу: вечерню и повечерницу, и утреницу, и часы пѣти въ ризахъ; а которые христіяне бороды брѣютъ, и женскій полъ бѣлятца, и тѣмъ заповѣдать, чтобы впредь того не творили; и которые промышляють кабаками и тяжутся ходя хъ крестному цѣлованію, и промежъ себя любви не имѣють, живутъ во враждѣ и прелюбодѣйствѣ и въ блудѣ, и отъ таковыхъ въ церковь Божію приноса отъ нихъ не принимать, дондеже обратятся отъ

Серапіонъ однако неограничился. Онъ, съ своей стороны, къ московской памяти присоединилъ еще цѣлый рядъ собственныхъ своихъ распоряженій, разсужденій и увѣщаній, вызванныхъ, очевидно, особенностями мѣстной жизни и личными заботами архипастыря устранить и уврачевать недостатки нравственно-религіозной жизни мѣстнаго общества и духовенства.

Архіепископъ предписываетъ, чтобы всѣ православные христіане обязательно постились въ великій постъ, „и кто достоинъ, они бы пречистому тѣлу и крови Христовѣ причащались; а коимъ недостойно причаститися, и они бы къ дорѣ приходили, а отнюдьбы никто отъ православныхъ христіанъ святаго великаго поста не постяся—не минули“, причемъ архіепископъ требуетъ прежде всего соблюденія этихъ пред-

---

такихъ злыхъ дѣлъ. Да священникомъ же дѣтей своихъ духовныхъ во вся воскресенія и въ праздники наказывать по заповѣди Божіей жити, и къ церкви Божіей велѣть приходи́ти по часту, чтобы не облѣнились. Да и самимъ бы вамъ протопопомъ и священникомъ и дьякономъ добро пожити къ великой духовной крѣпости и люди учити. Помните какову власть отъ Бога пріяхомъ: поставлены бо есте Христово стадо пасти словесныхъ овецъ, православныхъ христіанъ, а ни злата, ни сребра ради и никакихъ тлѣнныхъ вещей, но токмо о душахъ христіанскихъ пецися во дни и въ нощи, да како имамъ отвѣтъ воздати Богу во второе прішествіе: се азъ и дѣти, аже ми далъ Богъ“. Въ московской памяти повелѣвается, чтобы „позорною и безстудною бранію... отнюдь бы небранилися, таковыми словесы языка и душъ своихъ не сквернили“. Въ суздальской къ этому сдѣлана такая прибавка: „и блуда и прелюбодѣйства отнюдь удалялися, и содомскаго грѣха отнюдь блюлися, понеже бо за такія дѣла Содомъ и Гоморъ Господь огнемъ пожже“. Конецъ московской памяти со словъ: „да и самому бы туну Ивану Монойпову, да старостѣ поповскому попу Панкратію велѣти у себя въ тунской избѣ сію память прочитати“. . и далѣе до конца памяти, въ суздальской изложенъ нѣсколько иначе, именно: да и сами бы есте протопопы и священницы вся творили по сей памяти, и прочитали бы есте сію память почасту православнымъ христіаномъ, кои къ вамъ въ церковь Божію приходятъ по воскреснымъ днемъ и по владычнымъ и богородичнымъ и нарочитыхъ святыхъ праздникамъ, и о томъ бы накрѣпко наказывали всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы творили такъ, какъ въ сей памяти написано, неотложно, съ великимъ утвержденіемъ. Такожде бы и вы, священницы, не безчинствовали и по кабакамъ не ходили и исправляли бы пѣніе церковное благочинно и не лѣвостно по преданію св. апостоль и св. отецъ и противъ сея памяти. А старостамъ поповскимъ по мірскимъ по приходскимъ церквамъ дозирати почасту того церковнаго пѣнія и тово въ себѣ оплошку не ставити“.

писаній отъ самаго духовенства. „А буде вы сами (протопопы священники и дьяконы), пишетъ архіепископъ, не учнете творити гакъ, и отъ пьянства и отъ иныхъ неподобныхъ дѣлъ, яже писано въ сей памяти, не воздержитесь и дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ не станете наказывать и поучать, и вамъ за то отъ насъ, архіепископа, быть въ великомъ жестокомъ наказаніи и въ пенѣ. А православніи христіаня, буде кой не учнетъ васъ слушати и во святой великій постъ не учнутъ поститися и на предняя дѣла злая своя обратятся: учнутъ блудъ и прелюбодѣйство творити, или хто пойдетъ къ крестному цѣлованью, или жены ихъ учнутъ лица свои премѣняти — на бѣсовскій обычай бѣллица, или иное какое дурно учнутъ дѣлать; и таковымъ православнымъ христіаномъ безчинникомъ запрещати, и въ церковь Божию не пущати, и приносу отъ нихъ никакова не пріимать, дондеже обратятца; и вамъ извѣщать на нихъ архіепископу, и отъ насъ такимъ безчинникомъ быти въ великомъ и жестокомъ наказаніи и въ пенѣ безошады“.

Архіепископу вѣдомо учинилось, что въ земской избѣ, гдѣ ежегодно бываютъ сходы всѣхъ посадскихъ людей, „на томъ сходѣ, промежь вами, мірскими людьми, бываютъ мятежь великъ и брань велія о всякихъ податехъ, и бываютъ у васъ промежь васъ въ податехъ оклады: на иныхъ прибавка, а съ иныхъ сбавка; и въ тѣхъ у васъ окладахъ промежь вами бываютъ клятвы великіе и боженіе не по правдѣ“. Архіепископъ слышалъ далѣе, что во время раскладки въ земскую избу на сходъ приносятъ образъ Христа „и предъ тѣмъ образомъ Христовымъ клятвы и боженія творите, а все не по правдѣ. А иніи—де безумніи челоувѣцы, на томъ у васъ сходѣ, къ тому пречестному образу въ томъ окладѣ на ротѣ и прикладываются, чтобы съ него подати сбавили“. Архіепископъ повелѣваетъ, чтобы „отселѣ впредь тако не творити, клятвы и боженія на кривѣ не глаголати, и къ пречестному образу Спасову на ротѣ во окладѣхъ податныхъ не ходити“. Нарушителямъ этого требованія—„тѣмъ безумнымъ людямъ отъ насъ, архіепископа, быть въ великомъ наказаніи, и велимъ тѣхъ безумныхъ челоувѣкъ отцемъ ихъ духовнымъ отъ церкви отлучити, и въ дома ихъ не велимъ ни съ какою святынею приходити“. А тѣмъ начальнымъ людямъ, которые все это будутъ допускать на будущихъ сходахъ, говоритъ архіепископъ.

скопъ, „будеть тоже наказаніе и запрещеніе отъ насъ и отъ отцевъ ихъ духовныхъ“.

Архіепископъ заявляетъ далѣе: „да у васъ, православныхъ христіанъ, слышимъ, что у васъ безумніи чловѣцы лають другъ друга матерны, а иніи безумніи чловѣцы говорятъ скаредныя и срамныя рѣчи, ихже невозможно писанію предати; а иніи, окаянніи чловѣцы, творять блудъ и прелюбодѣйства и садомскія грѣхи“. Архіепископъ увѣщаетъ своихъ пасомыхъ „отъ таковыхъ богомерзкихъ дѣлъ отселѣ престати, и матерны другъ друга не бранити, и скаредныхъ и срамныхъ рѣчей не говорити, и блуда и прелюбодѣйства и садомскаго грѣха не творити“. Священниковъ онъ убѣждаетъ, что бы они всячески унимали своихъ прихожанъ „отъ таковыхъ богомерзкихъ дѣлъ“, причемъ замѣчаетъ: „да и самимъ бы вамъ, священникамъ и дьяконамъ, житіе доброе жити, въ безмерное пьянство не вдаватися, и отъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ уклонятися, и на кабакъ отнюдь не ходити... И аще сами священницы удержатся отъ пьянства, то незазорно имъ будетъ и люди учити“. Свою рѣчь о пьянствѣ, замѣчаетъ архіепископъ, онъ обращаетъ не къ одному духовенству, но и ко всѣмъ пасомымъ, которыхъ онъ затѣмъ и научаетъ истинно христіанской жизни. „Подобаетъ, говоритъ архіепископъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ имѣти любовь нелицемѣрну, ненавидяще злое, прилепляющаеся благому братолюбіемъ другъ ко другу“ и т. д. Прерывая свои поученія ковсѣмъ православнымъ, Серапіонъ снова обращается исключительно къ священникамъ, какъ главнымъ исполнителямъ его архипастырскихъ предписаній, какъ призваннымъ руководить и наставлять въ доброй жизни другихъ. „Вы священницы, поучаетъ архіепископъ, разсмотрите дѣтей своихъ духовныхъ, аще кто въ нихъ повиненъ, и беззаконникъ, и непокорливъ, и нечестивъ, и грѣшникъ, неправеденъ и скверенъ, хульникъ, отца и матери досадитель, мужебійца, блудникъ, мужеложникъ, клятвопреступникъ,— съ таковыми грѣшники не повелѣно ни пити, ни ясти;—и вы бы, священницы, въ таковыхъ грѣсѣхъ кто у васъ обрящется, и вы бы имъ за такія грѣхи опитемъи давали и запрещали бы впредь такихъ богомерзкихъ дѣлъ не творили“. А такъ какъ тогдашнее духовенство и само было заражено многими пороками и недостатками, то архіепископъ опять

обращается къ нему съ поученіемъ: „да и самимъ вамъ—священники и діакони, быти непорочнымъ, трезвымъ, цѣломудреннымъ, благоговѣйнымъ, честнымъ, страннолюбивымъ. учительнымъ, не пьяницамъ, не бійцамъ, не сварливымъ, не мшелоимцемъ; но кроткимъ, смотреливымъ, независтливымъ, несребролюбцемъ, свои дома добре правяще, чада своя имуще въ послушаніи со всякою чистотою; аще бо кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіи прилежати возможно?“ Всѣхъ православныхъ христіанъ архіепископъ убѣждаетъ чтить и слушать своихъ священниковъ, любить братство, бояться Бога, чтить царя, повиноваться властямъ держащимъ, и присоединяетъ къ этому и еще другія общія нравственныя наставленія.

Обращаясь снова къ священникамъ архіепископъ запрещаетъ имъ, послѣ вѣнчанія, заходить на обѣды въ дома брачущихся двоеженцевъ и троюженцевъ, такъ какъ „возбранено есть святыми отцы іереемъ съ такими обѣдати у нихъ на брацѣхъ“. Въ тоже время относительно священниковъ архіепископъ произноситъ такое практически важное сужденіе: „суть иже (священники) божественныя книги добре вѣдуще, словомъ же и дѣломъ и житіемъ цѣломудреннымъ, таковыхъ на большіи лучшіи степень повелѣваемъ возводить, благодареніе же и чести подати имъ многи, да и прочіи, окрестъ сущіи, тверже будутъ вѣрою на сохраненіе нашего царства, якоже и кареагенскаго собора правило 71 повелѣваетъ“.

Но, пишетъ архіепископъ, что бы церковная жизнь шла правильно, необходимо всѣмъ строго соблюдать церковныя постановленія, необходимо, что бы на самыя архіерейскія каѳедры избирались люди достойные, способные истинно пасти стадо Христово. „Сице убо, пишетъ онъ, послѣдующе и мы св. апостолъ преданію и богоносныхъ отецъ, твержъшая запрещенія положихомъ святѣй и апостольствѣй церкви, яко да грубымъ и худымъ неудобь имъ будетъ восходить первое святительства, или же чрезъ божественныя повелѣнія возводя таковыя“. И приводя затѣмъ различныя свидѣтельства св. Писанія, подтверждающія его мысль, заявляетъ: „видиши ли, яко преслушанія ради божественныхъ книгъ и вся злая приходятъ на вы. Да аще убо въ ветхѣмъ законѣ толико казни и толико запрещенія, то кольми паче въ благодати

требенъ есть смотрѣніе велико имѣти. Повелѣхомъ бо сего ради на высоту святительства добрѣь могуща и крѣпкія возводити не тѣломъ, но душею и разумомъ, могущихъ на пажить обращати душа словесныхъ овецъ—паству Христову, иже поручени быша отъ Бога паставити подъ сѣнію церкви святыхъ божественныхъ таинъ, и затворити во оградѣ спасенныхъ заповѣдій, яко немощно будетъ звѣремъ входить и восхищати паству Христову и священное церковное смущающе исполненіе“.

Въ заключеніе своего окружнаго посланія архіепископъ Серапіонъ говоритъ, что нынѣ произошло смущеніе въ церкви „отъ вины брачныя“, и онъ, согласно соборному установленію, предписываетъ, чтобы четвертому браку „быти отвержену отнюдь“. Если же кто вступитъ въ четвертый бракъ, „всякого лишень будетъ собора церковнаго, и входа въ церковь святую, дондеже въ сожитіи: се бо отцемъ, прежде насъ бывшимъ, изволися; мы же волю явленѣйшу творящу, яко чужа христіанскаго житія сего отмѣщаемъ“. Третій бракъ, „человѣчестей повинующеся немощи“ архіепископъ признаетъ, но подъ условіемъ возложенія епитиміи на троебрачника. Если же, говоритъ архіепископъ, какой священникъ дерзнетъ троебрачующихся допустить до святаго причащенія ранѣе полуженнаго епитимійнаго срока (отъ 3-хъ до 5 лѣтъ), то такой іерей „въ своемъ степени бѣду приметъ“, а незаконно сподобившійся причащенія „въ неприобщенныхъ стояти до скончанія шестаго лѣта“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенной памяти суздальскаго архіепископа Серапіона, епархіальные архіереи, по поводу получаемыхъ ими жалобъ на различные церковные безпорядки, на нравственную распущенность духовенства и пасомыхъ, издавали отъ себя памяти, или окружныя посланія, адресованныя епархіальному духовенству и всѣмъ пасомымъ въ видахъ, путемъ запрещенія и угрозъ, увѣщаній и наставленій, исправить вкравшіеся въ мѣстную церковную и народную жизнь различные безпорядки и пороки.

---

¹⁾ Рукопись импер. публ. библ. изъ собр. гр. Толстаго, по описанію Калайдовича и Строева, № 258, а по нынѣшнему библ. каталогу: Отд. II, 21, № 33; л. л. 122—162. Московская память тіуну Монойлову 1636 года напечатана въ Акт. Арх. эксп. Т. III, № 264.

Но одними запрещеніями и угрозами, одними увѣщаніями и назиданіями, устранить всѣ недостатки и нестроенія въ религіозно-нравственной жизни общества и самого духовенства было очень трудно. Поэтому, и послѣ изданія памятей духовными властями, осуждаемые въ нихъ недостатки и нестроенія продолжали существовать попрежнему, попрежнему они возбуждали неудовольствія и жалобы людей благочестивыхъ, искренно и сильно смущавшихся ими, и потому жалобы на церковные беспорядки, на распущенность духовенства и народа, не прекращались. Очевидно необходимо было, кромѣ изданія памятей, употребить еще и другія средства, которыя бы болѣе дѣйствительно содѣйствовали нравственно-религіозному подъему какъ духовенства, такъ и пасомыхъ.

На одну изъ такихъ мѣръ, болѣе живо и энергично способную воздѣйствовать на улучшеніе жизни и пастырской дѣятельности духовенства, указываетъ суздальская память. Въ ней архіепископъ повелѣваетъ священниковъ книжныхъ, учительныхъ, ведущихъ трезвую цѣломудренную жизнь, ревностныхъ къ надлежащему исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей, возводитъ на высшую степень т. е. на протопопскія мѣста съ тѣмъ, чтобы они служили живымъ нагляднымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ пастырей, и чтобы эти другіе священники, смотря на нихъ—на воздаваемую имъ честь, стали всемъ подражать имъ, и такимъ образомъ жизнь духовенства сама собою стала бы постепенно улучшаться, а вмѣстѣ съ нею необходимо стала бы улучшаться и вся нравственно-религіозная жизнь пасомыхъ.

Указанную мѣру архіепископа Серапіона—выдвигать лучшихъ, выдающихся священниковъ, на видныя протопопскія мѣста, въ видахъ перевоспитанія духовенства и народа, въ широкихъ размѣрахъ постарался вскорѣ осуществить духовникъ царя Алексѣя Михайловича, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, ставшій въ Москвѣ главою цѣлаго реформаторскаго кружка ревнителей благочестія и получившій особое, исключительное вліяніе на ходъ всѣхъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ.

Благовѣщенскій протопопъ Степанъ Вонифатьевичъ, выдвинувшійся на первое мѣсто въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ съ возшествіемъ на престолъ царя Алексѣя Михайловича, какъ его духовникъ, по одному современному извѣ-

стію, былъ „мужъ благоразумень и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительнѣ во устахъ имѣяй“. Свою учительность Стефанъ направлялъ прежде всего на самаго юнаго царя. Онъ, говоритъ біографъ Неронова, „всегда входя въ царскія палаты, глаголаша отъ книгъ словеса полезная, увѣщевая съ слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній“. Даже ночью царь приходилъ къ своему духовнику, чтобы принять отъ него благословеніе и побесѣдовать съ нимъ на единѣ. Въ видахъ воспитанія и нравственнаго воздѣйствія на царя, Стефанъ или самъ читалъ предъ царемъ, или давалъ ему самому читать тѣ или другія назидательныя и учительныя книги. Нероновъ, въ письмѣ къ Стафану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 г., пишетъ: „преподобнаго отца Θεодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житія къ тебѣ послахъ, моля, да часто почитаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобъ ему, государю, вѣстно было. Пачеже и великаго свѣтильника и вселеннѣй учителя воистинну и покаянію проповѣдника, Іоанна Златустаго житіе почитати молихъ тя“. Очевидно, чтеніе Стефаномъ книгъ предъ царемъ, или передача имъ книгъ царю для прочтенія, было явленіемъ обычнымъ. Какъ сильно и замѣтно было вліяніе Стефана на молодаго царя и окружающихъ его лицъ, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: старинный, свято всѣми соблюдавшійся обычай, требовалъ, чтобы свадьбы праздновались возможно пышно, шумно и весело, что бы на нихъ все пѣло, плясало, много пило и всячески веселилось, и никто не рѣшался отступать отъ установившагося взгляда на характеръ свадебнаго пира,—иначе и свадьба была бы не въ свадьбу. Царскія свадьбы доселѣ носили тотъ же характеръ. Но когда Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ бракъ съ Марією Милославской, „тогда честный оный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оно брачное время смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнимъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію“. И хотя это требованіе благочестиваго духовника шло рѣшительно въ разрѣзъ съ вѣковыми обычаями, всѣми свято соблюдаемыми, „моленіе и запрещеніе“ глубоко уважаемаго духовника взяло верхъ: свадьба царя Алексѣя Михайловича дѣйствительно совершилась „въ ти-

шинѣ и страсть Божіи, и въ пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ“: вмѣсто прежнихъ „пѣсней студныхъ“ на ней пѣли „строчныя и демественныя большіе стихи, также и тріудей драгія вещи“ ¹⁾).

Поучая и назидая царя, заботясь о томъ, чтобы царскій домъ въ своей жизни, во всемъ своемъ домашнемъ обиходѣ, былъ примѣромъ и образцомъ для подданныхъ, Стефанъ Вонифатьевичъ въ тоже время не опускалъ случая дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ возрастить сѣмена благочестія, и подвигнуть ихъ къ строгому соблюденію правды и справедливости въ ихъ общественно-государственной дѣятельности. Бісграфъ Неронова увѣряетъ, что Стефанъ „зѣло пекійся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суца, да несовратится умъ его въ нѣкая злая“, въ то же время „и боярь увѣщеваше съ слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зряще да судяты, яко да не ввійдетъ отъ нѣкоторыхъ обиденныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваога“.

Поученія и назиданія кроткаго и миролюбиваго царскаго духовника не только никого не раздражали и не возбуждали противъ него, но царь и бояре „въ сладость послушаше его и любяше всею душею, яко истаго си отца“. Протопопъ Аввакумъ въ одномъ случаѣ замѣчаетъ, что при царскомъ духовникѣ Стефанъ „вся быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія“ ²⁾).

Стефанъ заботился о наученіи и назиданіи не только царя и боярь, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могли и любили почитать книги учительнаго и назидательнаго характера. Для этой цѣли въ 1648 году въ Москвѣ издана была, по свидѣтельству дьякона Федора, „тщательствомъ благаго духовника царя“ книга о Вѣрѣ, написанная кіевляниномъ Нафанайломъ, игуменомъ кіевскаго Михайловскаго монастыря. Вѣроятно не безъ поощренія Стефана Вонифатьевича издавались тогда въ Москвѣ и другія просвѣтительныя и учительныя книги, заимствованныя изъ южно-русскихъ произве-

¹⁾ Мат. для ист. раск. I, 97, 272—273. Забѣлина: Домъ бытъ рус. царицъ, стр. 451.

²⁾ Мат. V, 122.

деній, каковы, напрымѣръ: славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, съ обширнымъ и очень важнымъ по своему содержанію предисловіемъ, изданная въ 1648 году; въ слѣдующемъ 1649 году „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ, наипаче дѣтемъ учащимся“, напечатанъ былъ такъ называемый малый Катихизисъ, представляющій изъ себя простую перепечатку краткаго Катихизиса Петра Могилы и т. д. ¹⁾ Что Стефанъ Вонифатьевичъ сочувствовалъ кievлянамъ и кievской учености, это видно и изъ того, что его другъ—извѣстный Ѳедоръ Ивановичъ Ртищевъ, въ бесѣдахъ съ которымъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, устроилъ около Москвы Андреевскій монастырь, и заселилъ его нарочно вызванными для этой цѣли южно-русскими монахами. Точно также и вызовъ въ Москву извѣстныхъ ученыхъ кievлянъ: Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго и Епифанія Славинецкаго, за которыми послѣдовали и другіе, конечно совершился съ благословенія Стефана Вонифатьевича,—безъ его прямаго одобренія и поощренія молодой царь не рѣшился-бы на такую мѣру.

Стефанъ Вонифатьевичъ былъ не только поклонникомъ кievской учености, не только заботился о перенесеніи въ Москву кievскихъ ученыхъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и убѣжденный грекофилъ, считавшій необходимымъ тѣсное во всемъ единеніе русской церкви съ вселенскою греческою, признававшій, что греческіе патріархи, и современные греки вообще, строго православны, что у нихъ церковный чинъ и обрядъ сохранился въ его древнемъ первоначальномъ видѣ, и что если онъ въ чемъ несходенъ съ современнымъ русскимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ, то это потому, что русскія церковныя книги, нѣкоторыя церковныя чины и обряды именно у насъ, а не у грековъ, подверглись порчѣ и измѣненію. Въ 1648 году, какъ мы говорили, была издана Стефаномъ Вонифатьевичемъ книга о Вѣрѣ, которая уже въ первые два мѣсяца съ небольшимъ разошлась въ количествѣ 850 экземпляровъ, что указываетъ на крайне большой спросъ на эту книгу и на ея быструю распространенность въ тогдашней читающей публикѣ. А между тѣмъ въ ней самымъ рѣшительнымъ образомъ о гре-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ, стр. 14—18.

ческой тогдашней церкви и восточныхъ греческихъ патриархахъ дѣлаются такія заявленія: „святая восточная въ грѣхъхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Іисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинныхъ его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не совращаяся къ горнему Іерусалиму сыны своя препровождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чесомъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отецъ преданія, и седми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отмѣняетъ, и въ малтышей части не отступаетъ, не прибавляя, ни отнимая что,* но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и въ неволи пребывая, свѣтитъся правою стѣною. А чтобы лучше православны христіане въ той мѣрѣ вѣдомость могли имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственнаго врага неволю терпятъ, но вѣру истинную, и совѣсть свою чисту и нескверну, Царю надъ всѣми цари и Богу сохраняютъ. Ничесожь бо турци отъ вѣры и отъ церковныхъ чиновъ отнимаютъ, точію дань грошовую отъ грековъ пріемлютъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣнствѣ нимало не належають, и не вступаютъ въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ египетской были, вѣры не отпадоша, и первіи христіане, въ триста лѣтъ въ тяжкой неволи будучи, вѣры не погубиша; тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *да заградятся всякая уста глаголющихъ неправду, гордынею и уничиженіемъ, на смиренныхъ грековъ!*“ „Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Слушати восточныя церкви и патриарха константинопольскаго и прочихъ четырехъ, творить намъ оную пользу: благословеніе временное и спасеніе вѣчное. *Русійскому народу патриарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣхъ духовной есть польза, и приобрѣтеніе велие, спасительное и вѣчное*“ 1)...) Думать, что эти и подобныя мѣста книги о Вѣрѣ

1) Главы: 2, 20, 25.

относительно тогдашней греческой церкви явились только потому, что онѣ находились въ южно-русскомъ подлинникѣ, простымъ дословнымъ воспроизведеніемъ котораго явилось Московское изданіе, что въ Москвѣ имъ вовсе не придавали того значенія, какое онѣ имѣютъ сами по себѣ, рѣшительно невозможно. Воззрѣнія книги о Вѣрѣ на тогдашнихъ грековъ слишкомъ противорѣчили ходячимъ московскимъ представленіямъ по этому предмету, и потому никакъ не могли остаться незамѣченными какъ самимъ издателемъ, такъ и многочисленными читателями самой книги. На оборотъ, именно эти воззрѣнія на грековъ и были, конечно, главною причиною, почему Стефанъ Вонифатьевичъ „съ тщательствомъ“ занялся изданіемъ книги о Вѣрѣ: онъ сознательно хотѣлъ этою книгою подготовить московское читающее общество къ той мысли, что задуманное имъ и царемъ приведеніе русской церкви къ полному во всемъ единству съ тогдашнею греческою церковію, не должно вызывать какихъ либо недоумѣній, а тѣмъ болѣе протестовъ, какъ явленіе вполне естественное и законное, что предубѣжденіе русскихъ противъ современной греческой церкви—ошибочно, несправедливо и отъ него слѣдуетъ отказаться ¹⁾. Тѣмъ болѣе Стефанъ Вонифатьевичъ могъ рассчитывать на подобное именно впечатлѣніе въ московскомъ обществѣ отъ изданной имъ книги, что уже и ранѣе появившаяся въ Москвѣ Кириллова книга, тоже рѣшительно заявляла: „четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, также и по единому, писаньи своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ, и ихъ учениковъ, и седми вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая; ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держать, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа“ ²⁾.

Но особенно ярко грекофильство Стефана Вонифатьевича сказалось въ той дѣятельности, какую онъ, и его духовный

---

¹⁾ Въ этихъ видахъ Стефанъ Вонифатьевичъ позаботился, чтобы книга о Вѣрѣ получила возможно быстрое и широкое распространеніе среди московскаго общества, чего онъ, какъ мы видѣли, и достигъ: Книга о Вѣрѣ раскупалась въ Москвѣ очень быстро и для того времени въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

²⁾ Л. 93.

сынъ—царь Алексѣй Михайловичъ, проявили подь конецъ патріаршества Іосифа, а такъ же въ избраніи и поставленіи въ патріархи Никона, и въ дѣятельной поддержкѣ его греко-фильской реформы, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

За свой высокій нравственный характеръ, за свою кротость и миролюбіе, за свое смиреніе, соединенное съ глубокимъ благочестіемъ, Стефанъ Вонифатьевичъ пользовался величайшимъ уваженіемъ не только царя, Ртищева, Никона, но и всѣхъ вообще близко знавшихъ его лицъ. Нероновъ, въ своихъ письмахъ, называетъ Стефана „мужемъ строящимъ миръ церкви“, „подобнымъ Давидови незлобіемъ и кротостію“, заявляетъ, что онъ „дивится его смиренію и простонравію блаженному“. Игуменъ Теохтистъ, въ письмѣ къ Стефану отъ 15 іюля 1654 года, величаетъ его „великій отче и дивный моему смиренію покрове, пачеже стѣно по Бозѣ и заступниче, вселюбезный нашъ по Бозѣ пастырю и учителю“. Протопопъ Аввакумъ, не имѣвшій обычая говорить добраго слова о тѣхъ, кто не согласенъ былъ съ нимъ въ убѣжденіяхъ, не смотря на то, что Стефанъ „всяко ослабѣлъ“ т. е. стоялъ на сторонѣ Никона, сохранилъ о немъ однако самое доброе воспоминаніе,—время Стефана всегда представлялось ему самымъ лучшимъ и свѣтлымъ. Въ челобитной государю, по возвращеніи изъ Дауръ, когда Стефана уже не было въ живыхъ, онъ пишетъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко вся быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе. Тебѣ свѣту (т. е. царю) самому житіе его вѣстно“. Рассказывая о своемъ заключеніи въ Андроньевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ три дня сидѣлъ безъ пищи и питья, Аввакумъ замѣчаетъ: „тутъ мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца протопопа Стефана“. Въ посланіи къ вѣкоему Симеону Аввакумъ замѣчаетъ: „при духовникѣ протопопѣ Стефанѣ Алексѣюшко-то съ Марьюшкою (т. е. царь съ царицей) добры до насъ были и гораздо, яко Аркадій и Евдокія къ Иванну“. Въ одномъ случаѣ Аввакумъ обращается къ царю: „воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько“. Дьяконъ Федоръ называетъ Стефана, въ противоположность Никону, добрымъ¹⁾.

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. I, стр. 85, 91, 104, 109—110; т. V, стр. 122, 125, 220; т. VI, 197; т. VIII, 44.

Такъ какъ личная учительная и назидательная дѣятельность Стефана сосредоточена была только въ предѣлахъ царскаго двора и круга только придворныхъ лицъ, на которыхъ онъ непосредственно могъ оказывать свое дѣйствіе, а между тѣмъ Стефанъ имѣлъ въ виду болѣе широкія цѣли: воспитывать въ благочестіи весь народъ, то онъ и постарался изъ среды извѣстнаго ему духовенства выдвинуть такихъ лицъ, которые бы всюду въ народѣ были проводниками и исполнителями его предначертаній. Царь вполне раздѣлялъ планы Стефана и потому послѣднему легко было поставить въ разныхъ городахъ на видныя протопопскія мѣста такихъ священниковъ, которые были извѣстны ему строгою благочестивою жизнію, начитанностію и учительностію, ревностію въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, готовностію бороться съ различными общественными пороками и недостатками и т. под. Ревнители, поставленные Стефаномъ на протопопскія мѣста по разнымъ городамъ, должны были, съ одной стороны, служить примѣромъ и образцомъ для всего подчиненнаго имъ духовенства, бороться съ его распущенностію и недостатками, поучать и направлять его къ правильному достойному отправленію своихъ пастырскихъ обязанностей, и тѣмъ поднимать уровень пастырской дѣятельности всего духовенства; съ другой стороны, они, каждый въ своемъ приходѣ и городѣ, должны были учить, наставлять и обличать своихъ пасомыхъ, смѣло и неустанно бороться съ народными пороками, недостатками, съ народными грубыми развлеченіями, съ народными языческими игрищами и суевѣріями, съ недостатками въ народѣ настоящей религіозности и церковности и т. под. Изъ этихъ ревнителей, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ, по преимуществу патріаршей области, образовался особый, довольно тѣсно сплоченный, кружокъ, главою, руководителемъ и опорю котораго былъ Стефанъ Вонифатьевичъ, всегда готовый поддержать ревнителей въ ихъ трудномъ и отвѣтственномъ служеніи, оградить ихъ отъ обидъ и насилій, предстательствовать за нихъ предъ царемъ, и доводить до свѣдѣнія государя ихъ ходатайства о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, проведеніе которыхъ они считали необходимымъ для успѣха ихъ нравственно-просвѣтительной дѣятельности въ народѣ.

Въ составъ кружка ревнителей благочестія вошли извѣ-

стныя потомъ лица: Нероновъ, Аввакумъ, Даниль, Лазарь, Логгинъ. Изъ нихъ самымъ виднымъ и дѣятельнымъ помощникомъ Стефана былъ Іоаннъ Нероновъ, котораго Стефанъ нарочно изъ Нижняго Новгорода перевелъ въ Москву и сдѣлалъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора, потому что, говоритъ біографъ Неронова: „та церковь посреди торжища стоитъ, и многъ народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навькнутъ добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ иныхъ російскихъ градахъ, изсякло бѣ ученіе, и уклонилися бяху людіе въ небреженіе и слабость и во многія игралища“. Очевидно Стефанъ имѣлъ въ виду сдѣлать въ Москвѣ изъ Неронова народнаго церковнаго проповѣдника и дать въ его лицѣ образецъ московскому духовенству, какъ ему слѣдуетъ настоящимъ образомъ отправлять церковныя службы и всѣ вообще свои пастырскія обязанности. Нероновъ такъ именно и повялъ задачу и цѣль своего переселенія въ Москву. Онъ сталъ здѣсь — въ Казанскомъ соборѣ, самымъ истовымъ образомъ отправлять положенныя церковныя службы, ввелъ въ нихъ строгое единогласіе, сталъ постоянно читать въ церкви отеческія поученія и толковать ихъ народу, чѣмъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе на москвичей, которые толпами направлялись въ Казанскій соборъ, такъ что въ немъ немогли даже помѣститься всѣ желавшіе слушать Іоанна. И этихъ, невмѣщавшихся въ храмъ, Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ „написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа, приходяй къ церкви, аще и кромѣ пѣнія, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душѣ прие-млетъ“. Нерѣдко въ Казанскій соборъ пріѣзжалъ и самъ царь со всею семьею, чтобы слушать поученія Іоанна ¹⁾).

Подобныхъ же характеромъ т. е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, учительностію, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостат-

---

¹⁾ Предшествовавшая переселенію въ Москву жизнь и дѣятельность Неронова подробно изложены нами въ нашей книгѣ: *Патріархъ Никонъ*, стр. 107—113.

ками, отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Аввакума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличеніе людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы „грѣшницы не дѣлали на хребтѣ его“. Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевичъ на первый разъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди“, и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестію, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, то Стефанъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печаленъ: на что—де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословиться ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что-де городъ покинулъ?“ Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца: Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ, при первой неприятности, ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжить въ Москву.

Книжностію, учительностію, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица блага духовенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившія благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даніилъ за свои ревностныя обличенія былъ, подобно Аввакуму, изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось извѣстіе у Олеарія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патріархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ отъ мѣста, предалъ анаемѣ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Мурома къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою возвратитъ его паствѣ. Въ челобитной

говорилося, что Логгинъ мужъ учительный, „по вся дни, нощи и часы“ проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. Апостоль, обличалъ, и отъ стада Христова отгонялъ“, и что именно эти враги, изъ боязни его обличеній, ложно оклеветали его, а между тѣмъ, съ удаленіемъ Логгина изъ Муромъ, явилось въ городѣ „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ теперь придется бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротить въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говорить его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезль правленія*.

Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и другіе протопопы и священники, разсѣяные по разнымъ городамъ московскаго государства, ревновавшіе о подъемѣ нравственно религіозной жизни духовенства и всего народа, составляли изъ себя, въ кружкѣ ревнителей благочестія, особую группу, которую мы, въ отличіе отъ кружка ревнителей столичныхъ (о нихъ рѣчь ниже), назовемъ провинціальною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣніяхъ эта группа существенно разнилась отъ воззрѣній группы столичныхъ ревнителей, вслѣдствіе чего между ними, съ теченіемъ времени, и произошелъ разрывъ, вызвавшій расколъ въ русской церкви.

Объ общемъ характерѣ дѣятельности провинціальнаго кружка ревнителей Нероновъ въ своей челобитной царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 2 ноября 1653 года, говоритъ такъ: „а при отцѣ твоємъ царевѣ, блаженные памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ всея Русіи, тѣ страдальцы (т. е. Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и Лазарь) многа лѣта были, и порока въ нихъ, государь, никакова къ вамъ, государемъ, не явилоса... А они въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія бещинныя извѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти, и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утверженію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали“. И въ посланіи къ царицѣ, отъ 2 мая 1654 года, тотъ же Нероновъ говоритъ: „яко же и древле

начальникъ вѣры и спасъ душъ нашихъ владыка Христосъ зависти ради пострадалъ отъ жидовъ; сице и тѣи (т. е. Аввакумъ, Даніилъ и др.) мучени, и томлени, и изгнани, ради проповѣди закона, и ради ученія, и за еже понуждати имъ на благое всѣхъ человекъ, ревность имуща, да не единъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшитъ, но вси спасеніе да улучать и чисти предъ сотворшимъ ны предстануть въ день праведнаго суда, иже и воздастъ комуждо по дѣломъ его“¹⁾.

Такимъ образомъ, по заявленію самихъ провинціальныхъ ревнителей, ихъ особенная задача и призваніе состояли прежде всего въ томъ, чтобы они „на всякія бещиныя извѣщали государемъ“, и чтобы патріархамъ и другимъ властямъ подавали челобитныя „о утвержденіи святыхъ церквей“ т. е. ходатайствовали предъ духовными властями объ уничтоженіи разныхъ церковныхъ безпорядковъ и нестройній, которыя такъ рѣзко тогда проявлялись въ нашей церковной жизни и на которыя указывалось въ ихъ челобитныхъ. Загѣмъ задачей ревнителей, по ихъ выраженію, была „проповѣдь закона“ и наученіе, съ цѣлію побуждать всѣхъ на благое, чтобы никто изъ христіанъ не уклонялся отъ праваго пути, „но вси спасеніе да улучать“. Этими задачами, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, и исчерпывалась вся дѣятельность кружка, въ осуществленіи только этихъ задачъ состояло и должно состоять все его назначеніе²⁾. При этомъ кружку провинціальныхъ ревнителей благочестія совершенно была чужда мысль о признаніи неисправности самыхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, церковныхъ чиновъ и обрядовъ: нечинно, неправильно, небрежно совершаются духовенствомъ церковныя службы, нетакъ, какъ требуетъ уставъ и святыя отцы; пороки и нехристіанскіе обычаи царятъ въ народѣ, а пастыри объ этомъ не радятъ,—вотъ только о чемъ постоянно твердятъ всѣ ихъ челобитныя. О томъ, что нужно исправлять самыя наши церковныя книги, чины и обряды, какъ погрѣшительныя, что для этого нужно приглашать въ Москву ученыхъ кіевлянъ и грековъ и имъ поручить въ Москвѣ книжную справку, что слѣдуетъ у нихъ

¹⁾ Мат. I, 36, 80

²⁾ Частище эта дѣятельность кружка ревнителей подробно указана въ нашей книгѣ: Патр. Никонъ, стр. 117—128.

учиться разнымъ наукамъ, такъ какъ и вся вообще московская жизнь нуждается въ обновленіи съ помощію иноземной науки и просвѣщенія,—провинціальныя ревнители вовсе и не думали, подобныя мысли были имъ совершенно чужды и даже вовсе непонятны. Они, если и признавали недостатки современной имъ нравственно-религіозной и церковной жизни, признавали долгъ пастырей энергично бороться съ ними, то, въ тоже время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношеніе ея къ греческой церкви, стояли на почвѣ тѣхъ исторически сложившимся у насъ воззрѣній, которыя были высказаны нѣкоторыми нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорю чистаго, ни въ чемъ неповрежденнаго православія, уже нѣсколько замутившагося у самихъ грековъ. Москва—это третій Римъ, заступившій мѣсто новаго Рима—Константинополя; въ дѣлѣ православія русскіе заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая, ни въ чемъ неизмѣненная вѣра; только на одной Руси, сравнительно со всѣми другими странами, „большее есть православіе и высшее христіанство“, только одна русская держава цвѣтетъ теперь „совершеннымъ благочестіемъ, какъ свѣтъ солнечный“; тогда какъ у самихъ грековъ „вѣра православная испроказиса Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ именно этихъ воззрѣній, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка, по преимуществу старцемъ Елеазарова монастыря Филосеемъ, и стояли провинціальныя ревнители. Правда, они допускали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и погрѣшности; но эти недостатки и погрѣшности заключаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ неправильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырями церкви, которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправленіи. Сама же русская церковь, по убѣжденію провинціальныхъ ревнителей, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей, всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ,

даже въ самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не утратила изъ него, такъ какъ на Руси всегда твердо и неизмѣнно держались той мысли, что „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, не у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни единого слова недолжно“, „что православнымъ нужно умирать за едину букву азъ“. Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и порознилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но кое-что утратили изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вслѣдствіе чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось „пестро“, а благочестія у нихъ, „и слѣду нѣтъ“. Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ превзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и главнымъ образомъ латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому: вносить въ русскую церковную жизнь что либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію провинціальныхъ ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничѣмъ и никогда неоскверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно также провинціальныя ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ небрежными и невѣжественными переписчиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, что бы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ

настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы ихъ слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если они и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыя латиняне и лютеране вносили свои ереси. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ принимать греческихъ книгъ, и, во всякомъ случаѣ, для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженіямъ со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ провинціальныя ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ и кіевлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого либо участія въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ неразвратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусши житіе ихъ“. Нероновъ, съ своей точки зрѣнія, объясняетъ, почему безъ строгаго тщательнаго испытанія, никакъ не слѣдуетъ довѣрять ученымъ иностраннымъ выходцамъ. „Зримъ бо въ нихъ (ученыхъ выходцахъ), государь, пишетъ Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и пьянство любятъ; вмѣсто же, еже Христа, истаяти тѣло, магкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинное изобразити не хотятъ, и сложенію персть блядословнѣ противятся, яко врази истиннѣ и ругатели; на колѣнехъ же поклонитися Господеви отъ покоя ради

не хотятъ, и лжу спиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи, своевольнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ чловѣкомъ“¹⁾).

---

¹⁾ Мат. I, 67. Нужно замѣтить однако, что Нероновъ представлялъ изъ себя нѣкоторое исключеніе въ средѣ провинціальныхъ ревнителей въ томъ отношеніи, что онъ признавалъ въ церковныхъ дѣлахъ авторитетомъ восточныхъ патріарховъ, хотя и не признавалъ нужды исправленія Никономъ нашихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Подробно объ этомъ будемъ говорить ниже.

ГЛАВА II.

Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его главные представители.

Столичный кружокъ ревнителей благочестія. Особенности его воззрѣній, задачъ и цѣлей, по сравненію съ провинціальными ревнителями. Важнѣйшіе извѣстные представители этого кружка. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Его семейное воспитаніе въ грекофильскихъ традиціяхъ. Алексѣй Михайловичъ, какъ убѣжденный грекофилъ и убѣжденный сторонникъ полнаго и тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею вселенскою греческою. Политическіе мотивы его грекофильства. Рѣшеніе царя и Стефана Вонифатьевича произвести церковную реформу въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою. Предварительныя мѣры царя и Стефана Вонифатьевича, какія ими предприняты, еще въ патріаршество Іосифа, для проведенія намѣченной ими церковной реформы: вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ и начатое ими исправленіе церковныхъ книгъ съ греческихъ; заботы объ открытіи въ Москвѣ греческой школы; порученіе греческому назаретскому митрополиту Гавріилу произносить въ Москвѣ устные на современные темы проповѣди; согласованіе нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ чиновъ съ тогдашними греческими, по указаніямъ іерусалимскаго патріарха Паисія; посылка на востокъ Арсенія Суханова для изученія на мѣстѣ греческихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ; обращеніе къ константинопольскому патріарху, какъ высшей церковной инстанціи, за рѣшеніемъ вопроса о единогласіи; приказъ царя на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ, помянуть и вселенскихъ греческихъ патріарховъ. Никонъ какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Мѣры со стороны царя и Стефана Вонифатьевича привить Никону, какъ кандидату въ патріархи на мѣсто Іосифа, грекофильское направленіе и превращеніе Никона, благодаря этимъ мѣрамъ, изъ грекофоба въ грекофила, способнаго осуществить церковную реформу, ранѣе намѣченную царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, какъ дѣятельный и вліятельный членъ кружка ревнителей. Его особенная расположенность къ кіевскимъ ученымъ ивокамъ,

къ Кіевской школѣ и литературѣ; его расположенность къ грекамъ и къ русскимъ представителямъ разныхъ направленій. Его домъ, какъ сборный нейтральный пунктъ, для представителей всѣхъ направленій, гдѣ они свободно вступали между собою въ состязанія, о чемъ зналъ и государь. Анна Михайловна Ртицева, какъ дѣятельная сторонница церковной реформы, и бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, сочувствовавшій грекофиламъ.

Въ то время, какъ въ лицѣ провинціальныхъ ревнителей на сцену выступала старая Русь, выросшая и воспитавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержимомъ, прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, крайне неподатливая на всякую новину, желавшая исправлять только распущенные народные нравы, дурные обычаи, и церковныя нестроенія, вызывавшіяся безпорядочною жизнію и дѣятельностію духовенства, и притомъ желавшая исправлять все это, такъ сказать, чисто домашними средствами, не сходя съ русской исторической почвы, неизмѣняя своей родной, завѣтной старинѣ;—другая группа кружка—ревнители столичные, верхи, смотрѣли на дѣло реформы иначе. Къ тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, какія преслѣдовали провинціальные ревнители, они присоединяли еще и другія, для достиженія которыхъ уже требовалось совсѣмъ иное пониманіе дѣла, иныя средства и иные люди, ничего общаго съ провинціальными ревнителями неимѣющіе.

Отличительною чертою столичныхъ московскихъ ревнителей благочестія, сравнительно съ провинціальными, было то, что они, вопреки послѣднимъ, признавали несостоятельность старой русской жизни въ нѣкоторыхъ ея основахъ, именно: русскія церковныя книги они признавали сильно испорченными, и потому нуждающимися въ исправленіи по греческимъ подлинникамъ; а равно такъ же они признавали испорченными, нуждающимися въ исправленіи по образцу греческихъ, тѣ русскіе церковные обряды и чины, которыми русскіе порознились съ тогдашними греческими. Они признавали, что старое русское обученіе и образованіе, основанное на крайне одностороннемъ и случайномъ начетчествѣ, совершенно несостоятельно, и должно быть замѣнено устройствомъ въ Москвѣ правильной школы, съ помощію ученыхъ

грековъ и кievлянъ, которыхъ поэтому слѣдуетъ приглашать въ Москву и для обученія въ школахъ и для производства книжныхъ переводовъ и исправленій. Помимо устройства школы, недостатку образованности и знаній въ московскомъ обществѣ, они старались помочь усиленнымъ изданіемъ какъ имѣвшихся въ Москвѣ разныхъ учительныхъ и назидательныхъ книгъ, такъ особенно печатаніемъ въ Москвѣ разныхъ южно-русскихъ сочиненій. Но что особенно важно: столичные и провинціальныя ревнители благочестія самымъ рѣшительнымъ образомъ расходились между собою во взглядѣ на относительное достоинство русскаго и греческаго благочестія, на отношенія къ современнымъ грекамъ.

Если послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя многіе русскіе книжники, руководимые національнымъ самолюбіемъ и самовозвеличеніемъ, стали настойчиво заявлять ту мысль, что истинное благочестіе у грековъ стало пестро, наклонилось къ латинству, испроказилось махметовою прелестію, что высшее и совершеннѣйшее православіе теперь находится только у русскихъ, а вовсе не у грековъ, почему вѣрѣ и благочестію теперь слѣдуетъ учиться не русскимъ у грековъ, а наоборотъ—грекамъ у русскихъ; то у насъ несомнѣнно въ тоже самое время существовали и другіе взгляды, признававшіе грековъ по прежнему строго во всемъ православными, настаивавшими на необходимости всегдашняго тѣснаго единенія русской церкви съ вселенскою греческою. Она—греческая церковь, по этимъ воззрѣніямъ, никогда не утрачивала своего исконнаго православія, никогда ни въ чемъ не измѣняла своихъ древнихъ отеческихъ церковныхъ уставовъ и чиновъ, и никогда не теряла своего древняго права на руководительное значеніе въ церковныхъ дѣлахъ всего православнаго міра, а слѣдовательно, когда нужно, и въ дѣлахъ русской церкви. Если у насъ, подѣ влияніемъ флорентійской уніи и паденія Константинополя, подѣ влияніемъ факта политической самостоятельности и все болѣе расширявшагося и крѣпнувшаго московскаго царства, русская митрополія сдѣлана самостоятельною и независимою отъ константинопольскаго патріарха; то въ это же время у насъ существовала и другая довольно сильная и вліятельная партія, которая рѣшительное стояла за старину въ церковныхъ дѣлахъ т. е. за прежнее подчиненіе московской

митрополіи константинопольскому патріарху, и новый порядок считала уклоненіемъ отъ законной истинно православной нормы церковной жизни. Пафнутій Боровскій, а такъ же и другія лица, не хотѣли признавать за митрополита святителя Іону, какъ поставленнаго безъ благословенія константинопольскаго патріарха. Если потомъ національная русская партія, съ Іосифомъ Волоцкимъ во главѣ, признала митрополита Іону святымъ, заявляла, что „русская земля нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ“ (слова „Просвѣтителя“), то представители противной Іосифу партіи: Нилъ Сорскій, Вассіанъ Косой, Курбскій, Максимъ грекъ и др. не хотѣли признавать за святыхъ тѣхъ вообще русскихъ, которые явились у насъ въ качествѣ святыхъ послѣ того, какъ русская митрополія освободилась отъ зависимости константинопольскаго патріарха. Партія Іосифлянъ взяла рѣшительный верхъ и сурово расправилась съ своими грекофильствующими противниками, но окончательно уничтожить основныя идеи этой партіи не могла, — онѣ сохранились въ русскомъ обществѣ и потомъ, только въ измѣненномъ видѣ: фактъ независимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха былъ признанъ, какъ законный, но въ тоже время признавалась и необходимость всегдашняго единенія русской церкви съ вселенскою греческою, какъ вполнѣ православною. Само наше правительство, побуждаемое между прочимъ и практическими потребностями, всегда держалось этихъ возрѣній на греческую церковь: оно поддерживало непрерывныя связи съ православнымъ востокомъ, щедрою милостынею патріаршимъ и архіерейскимъ каеедрамъ и разнымъ монастырямъ оно усиленно стремилось поддержать тамъ православіе, радушно принимало у себя всѣхъ просителей милостыни съ востока, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже оставляло у себя на вѣчное житье. Съ другой стороны наше правительство, въ извѣстныхъ случаяхъ, само нуждалось въ православномъ востокѣ: такъ оно хлопотало, чтобы восточные патріархи признали царское вѣнчаніе Грознаго; по настояніямъ нашего правительства константинопольскій патріархъ ставитъ у насъ перваго московскаго патріарха, и наше правительство заботится, чтобы это ставленіе было формально и торжественно признано всею вселенскою греческою церковію. Послѣ Іерусалимскій патріархъ Теофанъ ставитъ у насъ въ патріархи Фила-

рета Никитича, благодаря чему наши связи съ греческою восточною церковію становятся еще тѣснѣе, пока наконецъ, въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, не превращаются въ рѣшительное грекофильство, такъ рѣзко проявившееся потомъ въ церковной реформѣ Никона ¹⁾).

Главными представителями этого грекофильскаго направленія въ столичномъ кружкѣ ревнителей благочестія были, какъ мы уже видѣли: глава всего кружка Стефанъ Вонифатьевичъ, его духовный сынъ—самъ царь Алексѣй Михайловичъ, Никонъ, въ послѣдствіи патріархъ, бояринъ Теодоръ Ивановичъ Ртищевъ, его сестра Анна, бояринъ Морозовъ и, вѣроятно, другія лица.

Къ кружку ревнителей благочестія принадлежалъ, (какъ мы сказали), самъ молодой государь, тишайшій и благочестивѣйшій Алексѣй Михайловичъ. Онъ сильно подчинился нравственно-религіозному вліянію своего уважаемаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича. Благодаря, между прочимъ, Стефану, изъ Алексѣя Михайловича вышелъ особый любитель церковныхъ службъ и знатокъ церковнаго устава, любитель почитать разныя благочестивыя и назидательныя книжки, человѣкъ лично очень благочестивый, великій церковникъ и ревнитель о водвореніи и распространеніи церковности и благочестія въ народѣ. Опъ до конца своей жизни близко къ сердцу принималъ всѣ церковныя интересы, близко всегда стоялъ ко всей тогдашней церковной жизни, сердечно и горячо относился ко всѣмъ ея запросамъ и движеніямъ. Онъ вполне раздѣлялъ общія убѣжденія и стремленія кружка ревнителей благочестія, относился къ ихъ дѣятельности съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, готовъ былъ оказать имъ содѣйствіе и поддержку въ ихъ стремленіи улучшить и поднять на большую высоту церковную жизнь, смягчить и облагородить грубые народные нравы и обычаи, въ которыхъ еще такъ много было языческаго. Благодаря Стефану Вонифатьевичу Алексѣй Михайловичъ познакомился съ нѣкоторыми провинціальными членами кружка ревнителей, вошелъ съ ними въ личныя сношенія. Такъ онъ и царица хорошо знали Неронова и нѣ-

1) Фактическій матеріалъ по этому вопросу достаточно изложенъ въ нашей книгѣ: Патр. Никонъ, стр. 23—39.

рѣдко царь со всею семьею прїѣзжалъ въ Казанскій соборъ чтобы слушать тамъ церковную службу, отправляемую Нероновымъ единогласно и особенно истово, слушать поученія, которыя Іоаннъ обязательно читалъ и толковалъ народу. Нероновъ являлся и въ царскій дворецъ, гдѣ учительный протопопъ всегда встрѣчалъ въ царской семьѣ радушный и благосклонный прїемъ. Благодаря Стефану царь лично познакомился и съ протопопомъ Аввакумомъ, который не разъ представлялся царю и царицѣ, былъ имъ хорошо извѣстенъ и они даже знали его дѣтей. Наконецъ царь познакомился и потомъ близко сошелся съ самымъ виднымъ членомъ кружка ревнителей—новоспасскимъ архимандритомъ Никономъ, котораго онъ особенно полюбилъ и, вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, предназначилъ въ преемники патріарху Іосифу. Такъ, благодаря протопопу Стефану Вонифатьевичу, между царемъ и болѣе видными представителями кружка ревнителей благочестія образовались личныя отношенія. Царю нравились эти строгіе, горячіе и неустанные ревнители, онъ чувствовалъ къ нимъ и ихъ дѣятельности большую симпатію и даже полюбилъ ихъ. Это давало ревнителямъ всегдашнюю возможность, особенно при посредствѣ Стефана, обращаться къ царю съ разными ходатайствами общественнаго характера, а царь охотно принималъ ихъ представленія и нѣкоторыя изъ нихъ заботился немедленно привести въ жизнь. Царь навсегда сохранилъ къ ревнителямъ, несмотря на совершенно измѣнившіяся потомъ обстоятельства, свое расположеніе, всегда старался примирить ихъ съ новымъ наступившимъ потомъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ, старался щадить ихъ и, при случаѣ, даже защитить отъ слишкомъ суровой и быстрой расправы съ ними Никона патріарха. Конечно съ согласія и одобренія царя Стефанъ Вонифатьевичъ всячески усиливался примирить Неронова съ патріархомъ Никономъ, и царь былъ очень доволенъ, когда Нероновъ пошелъ вполнѣдствіи на уступки и его примиреніе съ Никономъ состоялось. Царь потомъ употреблялъ много усилій склонить протопопа Аввакума примириться съ церковною реформою Никона, подчиниться голосу всей церкви, хотя эти усилія его и не имѣли успѣха.

Царь Алексѣй Михайловичъ воспитался въ грекофильскихъ традиціяхъ своей семьи. Его дѣдъ былъ ставленникомъ іеру-

салимскаго патріарха Теофана, которому повѣтому Филареть Никитичъ всегда оказывалъ особую любовь, расположеніе и готовность исполнять всѣ его просьбы о помощи святому Гробу, или о помощи тѣмъ лицамъ, которыхъ Теофанъ рекомендовалъ вниманію Московскаго патріарха. Крайняя не любовь Филарета Никитича къ латинству и южно-русской униі, побуждала его еще тѣснѣе примкнуть къ православному востоку, поддерживать съ нимъ непрерывныя тѣсныя связи и единеніе, вслѣдствіе чего онъ находился въ самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ со всѣми восточными патріархами, имѣлъ съ ними постоянную переписку. Всѣ приходившіе въ Москву греки встрѣчали у него ласковый и радушный пріемъ, нѣсколько греческихъ іерарховъ постоянно жили въ Москвѣ, пользовались особымъ расположеніемъ и покровительствомъ Филарета Никитича, и занимали при немъ вліятельное положеніе во всѣхъ дѣлахъ по сношеніямъ съ православнымъ востокомъ. Филареть Никитичъ сдѣлалъ нѣсколько церковныхъ исправленій, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ чиновъ съ греческими; онъ попытался было устроить на своемъ патріаршемъ дворѣ греческую школу, заставлялъ дѣлать переводы съ греческихъ книгъ на русскій. Словомъ Филареть Никитичъ много содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію у насъ идеи о необходимости тѣснаго постоянного единенія между русскою церковію и тогдашнею греческою ¹⁾).

---

¹⁾ Въ житіи преп. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря, говорится, что іерусалимскій патріархъ Теофанъ отправился въ Россію „наполняя всѣхъ мира и любви, о правой вѣрѣ и о дѣлахъ по евангелію Божію созидая, утверждая обои предѣлы т. е. великую Россію и малую. Къ сему же соединяя укрѣплялъ единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. Мы не можемъ точно указать, по какому именно частному случаю Теофанъ счелъ необходимымъ убѣждать русскихъ „единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“, и что именно въ тогдашней русской церковной практикѣ онъ находилъ несогласнымъ съ старыми законами греческаго православія и другими уставами четырехъ патріаршествъ. Намъ извѣстны только два дѣйствія Теофана въ этомъ направленіи. Когда онъ, направляясь въ Москву, проѣзжалъ южною Русью, то нашелъ въ тамошней церкви такой обычай: „въ причащеніи святыхъ и животворящихъ таинъ трикратное подаваніе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ чи-

Вполнѣ естественно было, что по тому же пути, по которому шель въ своихъ сношеніяхъ съ православнымъ восто-

сленіемъ“. Теофанъ осудилъ этотъ обычай, какъ чуждый православной церкви и неблагочестивый (Арх. Юг.-зап. Россіи, т. V, стр. 7). Но тотъ же самый обычай Теофанъ нашель и въ Москвѣ, почему онъ и обратился къ Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этотъ обычай, замѣнивъ его единократнымъ подаеніемъ святыхъ даровъ, какъ это дѣлается согласно у четырехъ патріарховъ. Настоянія Теофана имѣли успѣхъ: „тамошній московскій архіепископъ, говоритъ онъ въ окружной грамотѣ къ южно-руссамъ, за благочестивымъ царемъ тотъ трикратный обычай покинуть обѣщались“ (Рукоп. сборн. библ. Моск. Румян. Музея № 712, л.л. 204 об.—206). Другой случай—это извѣстное уничтоженіе изъ Потребника прилога слова *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе, возбудившее у насъ горячіе споры, которые были прекращены вмѣшательствомъ Теофана, признавшаго слово *и огнемъ* незаконнымъ прилогомъ, котораго нѣтъ въ старыхъ греческихъ Потребникахъ. Вѣроятно патріархъ Теофанъ обращалъ вниманіе Филарета Никитича и на другія какія либо церковныя особенности Московской Руси и настаивалъ на согласованіи ихъ съ греческимъ тогдашнимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ, чтобы „древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. По крайней мѣрѣ Филаретъ Никитичъ, въ одной изъ своихъ грамотъ Теофану (въ 1625 году), писалъ: „да ваше святительство писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ древнихъ Потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды и о прилогѣ огня *и о иныхъ духовныхъ дѣлехъ*, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего государя и великаго князя Михаила Феодоровича, всеа Русіи самодержца, *совѣтовали съ тобою*, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилогѣ исправили и утвердили *по вашему совѣту* во вѣки неподвижно“ (Большой москов. архивъ мин. иностран. дѣлъ, Греческія дѣла, 7133 г. № 5). Очевидно, что уже Филаретъ Никитичъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ и убѣжденій Теофана, производилъ частичное согласованіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Очень характерно сказалось отношеніе патріарха Теофана къ тогдашнимъ русскимъ церковнымъ событіямъ въ дѣлѣ преп. Діонисія архимандрита, такъ жестоко было пострадавшаго за свои книжныя исправленія. Преп. Діонисій былъ горячимъ убѣжденнымъ почитателемъ преп. Максима Грека, вполнѣ понималъ и одобрялъ произведенныя послѣднимъ у насъ книжныя исправленія и переводы съ греческаго, самъ ими пользовался, заботился объ ихъ распространеніи, и, при исправленіи имъ Потребника, произведеннаго по порученію царя, самъ справлялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ греческими книгами, и такимъ образомъ онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ тогда у насъ грекофиламъ, почему, какъ справщикъ, и обвиненъ былъ въ порчѣ русскихъ церковныхъ книгъ, и подвергся несправедливымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Патріархъ Теофанъ, познакомившись въ Москвѣ съ этимъ дѣломъ, энергично вступился за преп. Діонисія, постарался добиться оправданія не только его лично, но и признанія

комъ Филаретъ Никитичъ, пошелъ и его внукъ—царь Алексѣй Михайловичъ, только онъ еще шире, чѣмъ его дѣдъ,

правоты совершенныхъ книжныхъ исправленій, чего вполнѣ и достигъ, благодаря воздѣйствію на своего ставленника Филарета Никитича. Но этого мало. Прибывъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, Теофанъ особеннымъ образомъ выразилъ свое чрезвычайное уваженіе и расположеніе къ преп. Діонисію, именно: онъ торжественно, съ особою церемоніею, возложилъ при мощахъ преп. Сергія, свой патриаршій клобукъ на главу преп. Діонисія. Конечно патриархъ Теофанъ все это дѣлалъ недаромъ. Онъ видѣлъ въ преп. Діонисія сторонника и почитателя грековъ, энергичнаго представителя въ русскомъ обществѣ того направленія, которое заявляло, что не греческое провѣряется русскимъ, а наоборотъ—русское греческимъ. Поддержать и укрѣпить это слабое еще тогда направленіе среди большинства русскихъ Теофанъ, какъ грекъ, считалъ своею прямою непремѣнною обязанностію. Недаромъ конечно и современнымъ событіямъ составитель житія преп. Діонисія замѣчаетъ о патриархѣ Теофанѣ: „дивный патриархъ Теофанъ учинилъ многи сыны православныя греческія книги писать и глаголатъ, и философство греческихъ книгъ до конца научилъ вѣдать“. Конечно это замѣчаніе біографа преп. Діонисія о характерѣ дѣятельности патриарха Теофана на Руси болѣе относится къ южной Руси, но могло имѣть отношеніе и къ Руси московской. гдѣ Теофанъ, очевидно, всячески заботился поднять и укрѣпить греческій авторитетъ вообще. И это ему въ значительной степени удалось. Филаретъ Никитичъ, будучи самъ ставленникомъ Теофана, окружилъ себя въ Москвѣ разными выѣзжими греческими іерархами, всегда покровительствовалъ имъ и поддерживалъ ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ ихъ совѣтамъ и указаніямъ, какъ людямъ образованнымъ и свѣдущимъ. Такъ ахридскій архіепископъ Нектарій, выѣхавшій въ Москву еще въ 1613 году, и сдѣлавшійся у насъ епархіальнымъ вологодскимъ архіереемъ, былъ лишень каеедры мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола митрополитомъ Іоною. Сдѣлавшись патриархомъ, Филаретъ Никитичъ пересмотрѣлъ дѣло о Нектаріи, нашелъ дѣйствія Іоны (неправильными, и возстановилъ грека Нектарія на его прежней вологодской каеедрѣ въ качествѣ русскаго епархіальнаго архіерея. Въ 1628 году пріѣхалъ въ Москву и остался въ ней на житье при патриархѣ вверійскій митрополитъ Аверкій, пользовавшійся въ началѣ особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Филарета Никитича; въ 1629 году пріѣхалъ въ Москву и остался въ ней жить селунскій митрополитъ Паисій, въ 1630 году севастіяскій Іосифъ и въ томъ же году еще пріѣхали и жили въ Москвѣ митрополиты: зихновскій Неофитъ и имбрійскій Аванасій. Въ Москвѣ же жилъ, и назывался архангельскимъ, ранѣе прибывшій въ Москву съ константинопольскимъ патриархомъ Іереміею, элассонскій архіепископъ Арсеній. Оставались въ Москвѣ и жили здѣсь и другіе выходцы греки: архимандриты, іеромонахи и старцы. Такъ, на примѣръ, іерусалимскій патриархъ Теофанъ, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь, на вѣчное житье, своего старца Іоанникія, чтобы имѣть въ немъ преданнаго агента при московскомъ дворѣ, который бы служилъ

понялъ самую идею о необходимости полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, и энергичное всестороннее проведеніе ея въ жизнь сталъ считать одною изъ главныхъ и насущнѣйшихъ задачъ своего царствованія. На

въ Москвѣ представителемъ, истолкователемъ и вліятельнымъ поборникомъ интересовъ іерусалимскаго патріарха. Іоанникій сдѣлался въ Москвѣ келаремъ Новоспасскаго монастыря и пользовался особымъ расположеніемъ Филарета Никитича. Между прочимъ сохранилась „сказка Новоспасскаго монастыря келаря Іоанникія“ о монастыряхъ, имѣющихся въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и во всей греческой землѣ, писанная имъ по просьбѣ Филарета Никитича. Когда персидскій шахъ прислалъ въ даръ царю Михаилу Феодоровичу ризу Господню, въ Москвѣ остереглись сразу повѣрить въ подлинность этой ризы и, между прочимъ, обратились за справками къ келарю Іоанникію, не знаетъ-ли онъ чего про „Христову срачицу“ и про иныя святыни: гдѣ онѣ и въ какомъ государствѣ, не слыхалъ-ли онъ чего объ этомъ въ Греціи, когда былъ тамъ? (Наша книга: Характеръ отношеній Россіи къ прав. востоку, стр. 171). Вообще при патріаршемъ дворѣ Филарета Никитича постоянно толпилось много греческихъ архіереевъ, которые, пользуясь своими архіерейскими правами, участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ на ряду съ русскими іерархами и даже присутствовали на приѣмахъ иностранцевъ патріархомъ. Тяготѣніе къ грекамъ Филарета Никитича было такъ велико, что онъ, нуждаясь въ образованныхъ и свѣдущихъ людяхъ, хорошо знающихъ греческій языкъ, рѣшилъ просить въ 1632 году тогдашняго константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса прислать на востокъ и прислать въ Москву подходящаго православнаго учителя, который бы основалъ въ Москвѣ греческую школу и былъ бы способенъ переводить книги съ греческаго языка на русскій. И когда въ томъ же 1632 году въ Москву пріѣхалъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, ранѣе нѣсколько лѣтъ жившій въ южной Россіи и изучившій здѣсь русскій языкъ, онъ, по просьбѣ Филарета Никитича и государя, остался въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы „служити... духовными дѣлами: переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ; да ему жъ переводити съ греческаго языка на славянскій на латинскія ереси“. Училъ-ли дѣйствительно протосингелъ Іосифъ въ Москвѣ малыхъ ребятъ по гречески, мы не знаемъ, но книги съ греческаго языка на славянскій онъ переводилъ. Къ сожалѣнію уже въ слѣдующемъ, 1633 году, умеръ Филаретъ Никитичъ и въ томъ же, или въ слѣдующемъ, году умеръ и протосингелъ Іосифъ и дѣло объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы остановилось (Характеръ отношеній... стр. 482—483).

Такимъ образомъ Филаретъ Никитичъ, въ своей церковной политикѣ, держался яснаго, опредѣленнаго грекофильскаго направленія, желалъ и дѣломъ стремился осуществлять идею постояннаго тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, такъ что при немъ грекофильское направленіе при московскомъ дворѣ значительно окрѣпло и усилилось.

этомъ пути онъ встрѣтилъ себѣ полную поддержку и одобрение со стороны своего уважаемаго духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, благодаря чему изъ царя Алексѣя Михайловича и выработался вполнѣ сознательный, убѣжденный и очень энергичный церковный дѣятель грекофиль, какимъ онъ и остался до конца своей жизни. Извѣстный Павелъ Алепскій въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ замѣчаетъ: „нынѣшній благополучный царь и новый патріархъ Никонъ очень любятъ греческіе обряды и имѣютъ большую склонность къ разсужденіямъ и къ ученію христіанскому, *въ особенности царь*“. Тотъ же Павелъ Алепскій передаетъ, что за однимъ обѣдомъ царь, разговаривая чрезъ переводчика съ антioxійскимъ патріархомъ Макаріемъ, „просилъ (Макарія) молиться за него Богу, какъ Василій Великій молился за Ефрема Сирина, и тотъ сталъ понимать по гречески: *чтобы и царю также уразумѣть этотъ языкъ*“¹⁾. Какъ именно Алексѣй Михайловичъ самъ себѣ представлялъ свои грекофильскія церковныя стремленія и въ какую реальную форму должны были, по его мнѣнію, отливаться эти стремленія, это онъ съ особенною ясностію выразилъ вполсѣдствіи, въ своихъ грамотахъ къ восточнымъ патріархамъ, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ въ Москву для суда надъ Никономъ и для приведенія въ порядокъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Такъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Паисію онъ пишетъ: „мы нынѣ отъ зѣлнаго раченія нашего — потщавшеся обновити и подутвердити союзъ церковнаго общаго нашего мира—тоя единыя православныя вѣры, да будетъ между вами же и нами яко же прежде сие и нынѣ и потомъ непремѣнно до кончины вѣка,—пишемъ и молимъ тя извѣститесь опасно хотяще... быти намъ съ вами желаемъ едино, якоже глаголетъ самая истина Христось, моля Отца своего о хотящихъ вѣровати: да будутъ едино, якоже и мы едино есмь“. И въ заключеніе пишетъ: „Господь же мира и утѣшенія, иже разстоящая совокупляяй во едино и тойжде соединеніе вѣры да дастъ благодать пребывати единомыслію церквей своихъ, сущихъ во предѣлѣхъ нашихъ и вашихъ, даже до скончанія вѣка нерушиму съ вами во исправленіе

¹⁾ Путешествіе ант. п. Макарія въ Россію описанное Павломъ Алепскимъ, перев. Муркоса, выпускъ второй. стр. 153; выпускъ четвертый, стр. 111.

и преспѣваніе и рашеніе въ лучшая намъ“. Въ грамотѣ къ александрійскому патріарху Паисію царь заявляетъ: „во всѣхъ благочестія догматѣхъ согласоватися съ вами хотяще... Отець присносущный и Богъ... да предасть святой свой миръ, соединеніе и единомысліе святымъ своимъ церквамъ“. Въ грамотѣ бывшему константинопольскому патріарху Паисію царь пишетъ, что приглашаетъ Паисія въ Москву, чтобы „церквей нашихъ единомыслію не отторгнутися Христа и васъ“. Въ грамотѣ къ антиохійскому патріарху Макарію царь заявляетъ, что обязанность царя не о царскомъ только пе- щися, но самое главное: „еже есть общій миръ церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдать и хранить намъ; егда бо сія въ насъ въ цѣлости и снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бываютъ: миръ и умноженіе плодовъ и враговъ одолѣніе, и прочіи вещи вся добрѣ устроитися имуть“. Проситъ Макарія пріѣхать въ Москву „да общій миръ церквей отъ сего извѣстится, иже толико есть потребенъ, въ православіи сущимъ, елика и дыхати намъ воздуха, присно бо желаемъ соблюдать единеніе вѣры нашея и быти всегда соединени съ вами во единомъ дусѣ и въ союзѣ мира, яко же и звани быхомъ во единомъ упованіи званія нашего“¹⁾. Очевидно царь Алексѣй Михайловичъ попеченіе о вѣрѣ и церкви считалъ одною изъ первыхъ и самымъ отвѣтствен- ныхъ своихъ царскихъ обязанностей: Богъ взыщетъ именно съ него, какъ главнаго отвѣтственнаго лица, за нерадѣніе въ дѣлахъ церковныхъ, да и само царство его пострадаетъ, если онъ допуститъ какое либо нестроеніе церковное. Самое же попеченіе о церкви должно было выражаться, по его представленію, попреимуществу въ поддержаніи полного единства между всѣми православными церквами и, въ ча- стности, между русскою церковію и вселенскою греческою, въ устраненіи изъ русской церковной практики всего, что препятствовало и въ будущемъ можетъ препятствовать пол- ному единенію русской церкви съ греческою. Вся послѣдую- щая церковная реформа Никона была поѣтому, въ глазахъ Алексѣя Михайловича, только простымъ, необходимымъ и прямо обязательнымъ для него—царя актомъ, устрояющимъ полное единеніе русской церкви съ греческою и другими

---

¹⁾ Гиббенеть: Дѣло п. Никона, т. II, стр. 562—578.

православными церквами, къ чему онъ, какъ православный царь, всегда дѣятельно обязанъ былъ стремиться. А эта обязанность, въ свою очередь, покоилась на томъ его представленіи объ отношеніи русскаго царя къ вселенскому православію, по которому русскій царь есть единственный теперь въ цѣломъ мірѣ представитель, опора и охранитель всего вселенскаго православія, наслѣдникъ и продолжатель дѣла великихъ и благочестивыхъ древнихъ греческихъ царей. Эти идеи объ исключительномъ призваніи русскаго царя въ православномъ мірѣ, которыя на всѣ лады проводили въ своихъ грамотахъ всѣ восточные іерархи, были вполне усвоены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и онъ непрочь былъ въ своемъ лицѣ воскресить образъ древнихъ греческихъ императоровъ. Въ грамотѣ къ афонитамъ, отъ 11 января 1666 года, царь проситъ ихъ прислать въ Москву „изъ святогорскихъ монастырей грековъ, добрыхъ и ученыхъ людей, которые-бъ знали эллинское и словенское ученіе, трехъ человѣкъ иноковъ... Да въ святогорскихъ же монастырехъ сыскати бѣ Судебникъ да Чиновникъ всему царскому чину прежнихъ благочестивыхъ греческихъ царей печатной; а сыскавъ тѣхъ ученыхъ людей и книги, прислать къ намъ, великому государю, незамотчавъ“ ¹⁾. Изъ этого видно, что Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно хотѣлъ быть возможно точною копіею старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей, и ради этого, стремился имѣть у себя ихъ Судебникъ и Чиновникъ „всему ихъ царскому чину“, конечно съ прямою цѣлю, чтобы всѣмъ своимъ поведеніемъ и придворнымъ чиномъ воочію явиться преемникомъ старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей.

Съ другой стороны несомнѣнно и то, что въ церковныхъ грекофильскихъ стремленіяхъ царя Алексѣя Михайловича не послѣднюю роль играли и политическіе мотивы, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ считалъ себя преемникомъ древнихъ благочестивыхъ греческихъ императоровъ не только въ дѣлахъ вѣры и благочестія, но и законнымъ наслѣдникомъ ихъ царства, вѣрилъ, что ему, или его преемникамъ, дѣйствительно суждено въ будущемъ владѣть самымъ Константинополемъ и всѣми православными народами томящимися

¹⁾ Ibid. стр. 883, 885—887.

подъ турецкимъ игомъ. Конечно Алексѣй Михайловичъ съ особымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ, когда пріѣхавшій въ Москву, въ 1649 году, іерусалимскій патріархъ Паисій, въ своей привѣтственной рѣчи, на первой аудіенціи у государя, торжественно, въ слухъ всѣхъ говорилъ между прочимъ и слѣдующее: „Пресвятая Троица—Отець, Сынъ и Св. Духъ, едино царство и господство, благословитъ державное ваше царствіе, да умножитъ васъ превыше всѣхъ царей, и покажетъ васъ побѣдителемъ и одолѣтелемъ на сопротивныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, якоже и древнихъ и новыхъ царей: царя Давида, царя Езекиа и великаго царя Константина; да утвердитъ васъ и умножитъ лѣта во глубинѣ старости, *благополучно сподобитъ васъ воспріяти вамъ превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадыда вашего, да освободитъ народъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ отъ нечестивыхъ рукъ, отъ лютыхъ зѣррей, что похдають немилостиво; да будещи новый Моисей, да освободичи насъ отъ плѣненія, якоже онъ освободилъ сыновъ израилевыхъ отъ фараонскихъ рукъ жезломъ—знаменіемъ честнаго животворящаго креста*“¹⁾. Точно такъ же съ большимъ удовольствіемъ, вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ читалъ въ челобитной бывшаго константинопольскаго патріарха Аеанасія Пателара, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1653 году, что поработенные турками греки имѣютъ въ русскомъ царѣ „столпъ твердый и утверженіе вѣрѣ и помощника въ бѣдахъ и прибѣжище намъ и освобожденіе... А брату, государь, моему и сослужителю, великому господину, святѣйшему Никону патріарху московскому и всеа Руси, *освяцати соборную апостольскую церковь Софью премудрость Божію*“²⁾. Съ своей стороны и Никонъ, при своемъ поставленіи въ патріархи, на привѣтственную рѣчь царя, говорилъ ему, что онъ—Никонъ желаетъ государю, чтобы Богъ распространилъ его царство „отъ моря и до моря, и отъ рекъ до конца вселенныя, и *расточенная во благочестивое твое царство возвратитъ и соберетъ во едино и на первообразное и радостное возведетъ, во еже быти ти на вселенный царю и самодержцу христіанскому, и возсіати*

¹⁾ Наша книга: Сношенія іерус. патріарховъ съ рус. правительствомъ, т. I. 137. Изд. Палестинскаго общества, вып. 43.

²⁾ Чтен. общ. люб. духовн. проsv. 1889 г., наша статья: пріѣздъ бывшаго конст. п. Аеанасія въ Москву стр. 363.

яко солнцу посреди звѣзд“ 1). Понятно, что Никонъ такъ говорилъ хорошо зная, что молодой царь смотритъ на себя, какъ на призваннаго объединить въ своей благочестивой державѣ всѣ расточенные православные народы, страждущіе подъ игомъ невѣрныхъ.

Что политическіе мотивы играли извѣстную роль въ грекофильскихъ стремленіяхъ и настроеніяхъ царя, что ему не чужда была мысль сдѣлаться освободителемъ православныхъ народностей изъ подъ турецкаго ига и овладѣть, какъ своимъ наслѣдіемъ, Константинополемъ, что церковное единеніе онъ считалъ первою и необходимою ступенью будущаго политическаго единенія, на это есть нѣкоторыя указанія у Павла Алепскаго. Со словъ одного боярина Павелъ рассказываетъ, что будто-бы, когда царь окончательно отпустилъ изъ Москвы антиохійскаго патріарха Макарія, то, обращаясь къ окружающимъ его боярамъ, онъ „вздохнулъ и сказалъ: молю Бога, прежде чѣмъ умру, видѣть его (п. Макарія) въ числѣ четырехъ патріарховъ служащимъ во святой Софіи и нашего патріарха пятымъ вмѣстѣ съ ними. И всѣ присутствующіе отвѣтили: да услышитъ Господь“. Тотъ же Алепскій передаетъ и слѣдующій слышанный имъ рассказъ: въ первый день Пасхи греческіе купцы, проживавшіе тогда въ Москвѣ, вмѣстѣ съ вельможами явились къ царю съ поздравленіями. Государь одѣлилъ грековъ по два яйца и, подзававъ ихъ къ себѣ поближе, говорилъ имъ: „хотите ли и желаете ли, чтобы я освободилъ васъ и избавилъ отъ неволи? Они поклонились ему и отвѣчали: какъ намъ не хотѣть этого? и выразили ему подобающія благожеланія. Онъ продолжалъ: когда вернетесь въ свою страну, просите своихъ архіереевъ, священниковъ и монаховъ молиться за меня и просить Бога, ибо по ихъ молитвамъ мой мечъ сможетъ рассѣчь выю моихъ враговъ. Потомъ, проливая обильныя слезы, онъ сказалъ вельможамъ своего царства: мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры. Богъ—да будетъ прославлено имя Его! — взыщеть съ меня за нихъ въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ, и прибавилъ: не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это

---

1) Гиббенеть, I, 15.

дурное состояніе дѣлъ, но со временъ моихъ дѣдовъ и отцовъ къ намъ не перестаютъ приходить патріархи, архіереи, монахи и бѣдняки, стѣнная отъ обидъ, злобы и притѣсненій своихъ поработителей, и всѣ они являются къ намъ не иначе, какъ гонимые великой нуждой и жестокими утѣсненіями. Посему я боюсь, что Всевышній взыщетъ съ меня за нихъ, и я принялъ на себя обязательство, что, если Богу будетъ угодно, я принесу въ жертву свое войско, казну и даже кровь свою для ихъ избавленія. Они отвѣчали ему: да дастъ тебѣ Господь по желанію сердца твоего!“¹⁾ Говорилъ-ли дѣйствительно Алексѣй Михайловичъ тѣ слова греческимъ купцамъ, которыя передаетъ намъ Павелъ Алепскій, мы не знаемъ. Но отрицать, что Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно считалъ себя преемникомъ старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей и наслѣдникомъ ихъ царства, что онъ за себя, и своихъ преемниковъ на русскомъ престолѣ, могъ мечтать объ освобожденіи всѣхъ православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, мы не имѣемъ основаній. Тѣмъ болѣе, что и въ представленіи другихъ, болѣе образованныхъ тогдашнихъ русскихъ, идея полнаго всецѣлаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою сливалась съ идеєю о политическомъ объединеніи подъ главенствомъ русскаго царя всѣхъ православныхъ народностей, томящихся въ турецкой неволѣ. Такъ извѣстный грекофилъ и борець съ западникомъ Медвѣдевымъ старецъ Евѣимій, въ доказательство необходимости тѣснаго единенія русской церкви съ четырьмя восточными греческими патріархами, писалъ, что русскіе должны быть „согласны во всемъ и купночипны съ восточною святою церковію и со святѣйшими, равночисленными св. евангелистамъ, патріархи“, что тогда „и святѣйшіе патріархи подадутъ вящшее благословеніе и молитву о благосостояніи всероссійскаго царствія, и народи вси окружнии, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству приклонятся, т. е. Евѣимій утверждаетъ, что на почвѣ церковнаго объединенія всѣхъ православныхъ народовъ, можетъ произойти потомъ и ихъ политическое объединеніе подъ главенствомъ православнаго русскаго царя.

¹⁾ Путеш. ант. п. Макарія, Муркоса, выпускъ четвертый, стр. 158, 170—171.

Царь Алексѣй Михайловичъ до конца остался вѣренъ своимъ грекофильскимъ убѣжденіямъ, до конца настойчиво старался провести ихъ въ жизнь, осуществить на дѣлѣ. Царю Алексѣю Михайловичу главнымъ образомъ церковная реформа обязана своимъ началомъ, своимъ проведеніемъ при Никонѣ и своимъ окончательнымъ признаніемъ голосомъ всей русской церкви послѣ удаленія Никона. Никонъ—реформаторъ былъ собственно созданиемъ царя и Стефана Вонифатьевича, онъ — Никонъ энергично дѣйствовалъ и проводилъ реформу только пока живъ былъ Стефанъ Вонифатьевичъ и пока онъ сохранялъ тѣсную связь съ царемъ. Какъ же скоро Стефанъ Вонифатьевичъ умеръ, а самъ Никонъ не сумѣлъ поддержать свои прежнія близкія отношенія къ царю, его грекофильство и его прежній напряженный интересъ къ произведенной имъ церковной реформѣ сильно охладѣли и замѣнились равнодушіемъ. Послѣ удаленія съ патриаршей кафедры Никона, все дѣло поддержанія церковной реформы пришлось вести одному царю, и Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно умѣло и искусно довелъ его до конца: онъ создалъ новыхъ преданныхъ реформѣ дѣятелей—Павла, Иларіона, Іоакима, которые и дѣйствовали въ его духѣ и по его указаніямъ, такъ что только благодаря исключительно его усиліямъ и умѣнью церковная реформа Никона, не смотря на все противодѣйствіе ей со стороны большинства тогдашняго общества, была торжественно и окончательно принята всею нашею церковію.

Рѣшивъ привести русскую церковь къ полному единенію съ тогдашнею греческою церковію, и ради этого совершить провѣрку нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческими подлинниками, нашу церковно-обрядовую тогдашнюю практику объединить съ современною греческою, царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ постарались подготовить почву и средства для задуманной ими церковной реформы, которую потомъ суждено было приводить въ исполненіе Никону. Еще въ 1648 году государь послалъ въ Кіевъ въ Печерскій монастырь инока Марка „добоголюбезнаго епископа Зосима“, котораго просилъ прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго „для своего государева дѣла“, но въ то время „послати того старца невозможно было для монастырскія потребности“. Тогда въ маѣ 1649 г.

государь снова обратился уже къ кievскому митрополиту и къ властямъ кievскаго братскаго монастыря, чтобы присланы были въ Москву старцы—Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, такъ какъ государю „вѣдомо учинилось, что они божественнаго писанія вѣдуши и эллинскому языку навичны, и съ эллинскаго языка на славянскую рѣчь перевести умѣють, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ, а нашему царскому величеству такіе люди годны“, почему царь и просить митрополита прислать „тѣхъ учителей“ „для справки библѣи греческіе на словенскую рѣчь, на время намъ великому государю послужити“. Благодаря этой грамотѣ государя, 12 іюля того же 1649 года, въ Москву прибыли изъ Кіева старцы, книжные переводчики: Арсеній Сатановскій и Епифаній Славенецкій, поселившіеся сначала на большемъ посольскомъ дворѣ, а потомъ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ слѣдующемъ 1650 году въ Москву прибылъ и третій переводчикъ кievлянинъ Дамаскинъ Птицкій. ¹⁾ Значитъ, кievскіе ученые старцы вызывались въ Москву специально для перевода на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ вообще и частнѣе: „для справки библѣи греческіе на словенскую рѣчь“; вызывались они потому, что „еллинскому языку навичны и съ эллинскаго языку на словенскую рѣчь перевести умѣють и латинскую рѣчь достаточно знаютъ“. И дѣйствительно, съ пріѣздомъ въ Москву ученыхъ кievлянъ у насъ сразу книжная справка была поставлена на новыхъ началахъ: стали справляться не только съ древними славянскими рукописями, но и съ греческими и южно-русскими изданіями. Такъ въ послѣсловіи къ извѣстной Іосифовской Кормчей, которая начата печатаніемъ по повелѣнію государя, по совѣту и благословенію патріарха Іосифа въ 1649 году 7-го ноября, говорится: „буди вамъ, христоименитому достоянію, всѣмъ извѣстно: яко да союзъ мира церковнаго твердо, въ душѣ кротости хранится и да не будетъ, несогласія ради, распри въ церковномъ тѣлеси, сего ради, многія переводы сія святыя книги, Кормчіи, ко свидѣтельству типографскаго дѣла, собрани быша; въ нихъ же единая паче прочихъ, въ сущихъ правилахъ крѣпчайши, *наипаче же свидѣльствова*

1) Большой моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ. Дѣла Малороссійскія св. 4, № 8.

ту книгу греческая *Нормчая книга*, Паисіи патріарха святаго града Іерусалима, яже древними писцы паписася за многія лѣта, ему же, патріарху Паисіи, въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ“. ¹⁾ Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1650 года говорится: „подобаетъ вѣдати, яко же въ книгѣ сей указы о ипокояхъ, на повечерняхъ по трисвятомъ, и на полунощницахъ по трисвятомъ же, и по шестой пѣсни, вмѣсто воскресныхъ кондакъ, указаны наряду кондакъ—заступнице христіаномъ, отложить подобаетъ. Глаголати же вмѣсто того и на повечерняхъ и на полунощницахъ и по 6 пѣсни, егда не поется святому пошелеосъ, непременно воскресные кондаки, высоты ради воскреснаго дне: ипакъой бо точію по непорочныхъ глаголются, понеже и во греческихъ переводѣхъ по сему же уставу обрѣтохомъ, еже воскресные кондаки на тѣхъ мѣстахъ глаголати. Сего ради и послѣдующе сему, такоже указахомъ и положихомъ въ конецъ книги сія. На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ“. Т. е. справщики заявляютъ, что положенные ими „въ самой книгѣ указы вмѣсто воскресныхъ кондаковъ пѣть, въ означенныхъ случаяхъ, кондакъ Заступнице усердная“, слѣдуетъ оставить и пѣть воскресные кондаки, какъ это показано на двухъ послѣднихъ припечатанныхъ послѣ листахъ книги. Эту перемѣну они производятъ потому, что такъ найдено ими положеннымъ въ греческихъ книгахъ. Въ самой же напечатанной ими книгѣ „Шестодневъ“ эти перемѣны произведены потому, что во время печатанія книги у нихъ еще не было подъ руками греческихъ книгъ, и имъ пришлось печатать съ прежнихъ переводовъ, греческія же книги явились у нихъ тогда, когда печатаніе Шестоднева уже было кончено.—Въ послѣсловіи учительнаго Евангелія, изданнаго въ Москвѣ въ 1652 году, по благословенію патріарха Іосифа, справщики заявляютъ: „къ сему же да не усумнишися православный читателю, егда обрящещи въ святой книзѣ сей исправленія рѣченій, въ клоненіихъ измѣнена и другая таковая, и возмнится нова быти и самосмышлена, но нѣсть сице: понеже за ихъ же святительскимъ благословеніемъ со многихъ переводовъ свидѣтельствовавши исправлена суть;

¹⁾ Опис. староп. книгъ Толстаго № 114, Царскаго № 168 и 169.

переводы же собраны быша: единъ святыя соборныя великія, церкви пресвятыя Богородицы Успенія, и другій — Чудова монастыря и чудотворца Алексія, и два Симона монастыря, древнихъ писмъ, *къ симъ же инъ Острожскія печати*¹⁾.

Такимъ образомъ еще до патріаршества Никона книжная справа у насъ, благодаря царю и Стефану Вонифатьевичу, уже прочно была поставлена на совершенно новыхъ началахъ: при изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ стали справляться съ греческими книгами, ими провѣрять наши прежнія изданія и, въ случаѣ разногласія славянскихъ переводовъ съ греческими подлинниками, стали давать рѣшительное преимущество послѣднимъ. Кромѣ греческихъ книгъ стали прибѣгать еще къ сличенію московскихъ изданій съ южно-русскими, какъ болѣе исправными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ старыя московскія. Очевидно Никону впоследствии приходилось только продолжать книжныя исправленія въ томъ духѣ и направленіи, какъ это было налажено уже до него.

Помимо приглашенія ученыхъ Кіевлянъ рѣшено было еще въ самой Москвѣ основать такую школу, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему стали искать подходящаго для школы учителя грека. Когда въ 1649 году въ Москву пріѣзжалъ іерусалимскій патріархъ Паисій, а съ нимъ его дидакалъ грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ кievской Руси и зналъ славянскій языкъ, то Арсеній былъ оставленъ въ Москвѣ для предположенныхъ книжныхъ переводовъ и исправленій, а такъ же и для учительства. Въ то же время государь обратился съ особою просьбою къ іерусалимскому патріарху Паисію, что бы онъ, возвратившись изъ Москвы на востокъ, позаботился приискать тамъ между учеными греками благонадежнаго учителя и прислалъ его для учительства въ Москву. Объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота патріарха Паисія къ государю въ 1652 году, въ которой онъ, посылая въ Москву, въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавріила, пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ

¹⁾ Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

бы далече отъ еретиковъ, и послати бѣ намъ іво ко святому вашему царствію поклонитися, да учинитъ учительство и учитъ эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ другимъ“ 1). Въ то же самое время, очевидно подъ давленіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, и патріархъ Іосифъ долженъ былъ показать заботливость относительно устройства въ Москвѣ греческой школы. Грекъ Иванъ Петровъ въ 1649 году писалъ патріарху Іосифу: „даю вѣдомость о нѣкоторомъ учителѣ смышленномъ эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову, и имя ему Мелентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ. И далъ свое слово—хотѣлъ придти сюда къ благочестивому царю и къ святѣйшеству вашему, а будетъ благоволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси, и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ“ 2).

Приглашеніемъ ученыхъ переводчиковъ книгъ и пріисканіемъ на православномъ востоцѣ учителей грековъ для предположенной въ Москвѣ школы не ограничились, а пошли, въ дѣлѣ сближенія съ православнымъ востокомъ, значительно далѣе.

Въ Москвѣ рѣшительно отсутствовала церковная проповѣдь и всякое вообще церковное учительство. Правда ревнители уже заводили въ церквахъ чтеніе для народа поученій—отеческихъ произведеній, или житій святыхъ. Но это были именно чтенія, иногда мало понятныя для слушателей, чтенія о матеріяхъ крайне далекихъ, а иногда и совсѣмъ чуждыхъ интересамъ тогдашняго общества, которое нуждалось не въ чтеніяхъ по книжкѣ, а въ устной, живой настоящей проповѣди, на болѣе или менѣе жизненные и современные темы. Такъ какъ у нашихъ ревнителей не было достаточнаго умѣнья составлять и говорить такія проповѣди, то рѣшились, чтобы познать московское общество съ характеромъ настоящей живой проповѣди, прибѣгнуть къ

1) Греческія дѣла (въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ) 7161 г. № 5.

2) Греч. дѣла 7157 г. № 24.

помощи прїѣзжихъ образованныхъ грековъ. Въ Москву, 8 декабря 1650 года, прибылъ назаретскій митрополитъ Гавріиль, игравшій дѣятельную и важную роль посредника между Хмѣльницкимъ и московскимъ правительствомъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ и хорошо знавшій русскій языкъ. Ему поручено было проповѣдывать въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ остановился, и гдѣ онъ дѣйствительно сказалъ рядъ устныхъ церковныхъ проповѣдей (изъ нихъ намъ извѣстны четыре проповѣди). Особеннаго вниманія заслуживаетъ его проповѣдь, сказанная имъ въ 1651 году, въ праздникъ Пятидесятницы, причѣмъ современный писатель его проповѣдей счелъ нужнымъ сопроводить своѣмъ спискомъ такимъ замѣчаніемъ: „глаголаше же сіе поученіе изоустъ въ слухъ всѣмъ людемъ. Отпѣвъ божественную литургію“. Это поученіе назаретскаго митрополита касалось особенностей тогдашней русской жизни, и несомнѣнно имѣло прямую связь съ обличительными и реформаціонными стремленіями тогдашняго московскаго кружка ревнителей благочестія, сказано было съ ихъ согласія и одобренія. Вотъ что слышали о себѣ москвичи съ церковной каедрѣ изъ устъ прїѣзжаго греческаго іерарха: разсуждая о спасительности и важности крещенія, откуда - де произошло и самое названіе христіанъ, проповѣдникъ говоритъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ — москвичамъ: „самихъ же себѣ нарекоште болярами, и не Божіихъ сыновъ, но сыновъ боярскихъ любете себе предъ челоуѣки нарицати“; что же касается низшихъ себя — „меньшихъ братіи своихъ сущихъ“ — то ихъ называютъ небеснымъ званіемъ — „христіанми“ (т. е. крестьянами), но этимъ названіемъ „яко бы ихъ оуждають, зане поручены имъ суть, и отъ ихъ трудовъ хранилища своя исполняютъ и пространно питають“. Между тѣмъ всякая душа, не именующая себя христіаниномъ вдовица есть, лишившаяся жениха, „наипаче пространно питающаяся лихоиманіемъ отъ трудовъ кровавыхъ меньшихъ подручников“. Приглашая всѣхъ не гнушаться званіемъ христіанина, проповѣдникъ восклицаетъ: „устыдися прочее о семъ, о любимче, и воскресни отъ мертвыхъ сихъ дѣлъ и изыди отъ мрака гордыни суетнаго гроба тьмы бѣсовскаго самомнѣнія“; Царь и Творецъ всяческихъ не стыдится нарицать насъ своею братією, „ты жъ стыдишися по

Адамлю естеству и по духу благодати подручниковъ своихъ меншею братією ихъ себе нарицати. И что глаголю: и священникомъ, иже васъ крещеніемъ сынами Божиими творять, и пречистые дары божественнаго таинства преподають, и тѣмъ васъ съ Богомъ общаютъ, — зане жъ раби Бога живаго суть—выжъ съ рабы своими равно ихъ вмѣняете. Но ты кто, судяй чуждему рабу? Священника не почитаеши, священника оуждаеши; но слыши слово Его, реченное во пророцѣхъ: моихъ мнѣ отмщеніе, глаголетъ Господь; и азъ о моихъ воздамъ“. Впрочемъ, оговаривается проповѣдникъ, не одни знатные заслуживаютъ обличенія, „но и во общихъ и простыхъ людехъ многому исправленію подлежаще: недугу лютой болѣзни пѣнства, во иныхъ же сребролюбивый нравъ и непреклонный къ милостыни, яжъ къ нищимъ, иныхъ же блудодѣяніемъ и иными многими студѣянія, и льстивымъ обычаемъ, и лицемѣрнымъ челоукоугодіемъ, и небратолюбіемъ и несогласіемъ сего сродства Божіаго небснаго благородіа свѣтло помрачаютъ и оуждаютъ, и тако ругающеса, охъ горе, сими злыми дѣлы Творцу своему досаждаютъ и небснаго званія на прекрасное имя христіанское хулу отъ иноплеменникъ наносятъ, по глаголющему: вами бо, рече, имя мое хулитса воязыцѣхъ“. Послѣ этихъ обличеній проповѣдникъ взываетъ къ слушателямъ: „престаните отъ злобъ вашихъ и научитса добро творити, вы бо есте людіе Божіе, і языкъ святъ, царское священіе, яко жъ раби и сыны Божіи по благодати. Общее братолюбіе нелицемѣрно другъ ко другу имуще, въ смиренномудрії со страхомъ каждый особнѣ, дѣло и талантъ ему отъ Бога врученный, дѣлаетъ: держащій скипетра и діадему царствія, яко истинніи раби Божіи, да не туне мечъ носитъ, но на отмщеніе злыхъ, и да не полагаетъ сего на земли, но присно въ десницѣ своей держай, да посылаетъ его на отмщеніе иноплененныхъ языкъ, расхищающихъ стадо Христова и умаляющихъ достояніе его; токожде же и да потрясуетъ имъ надъ главами всякаго хищника, и лихоимца, и посульника, и на мздѣ судъ творящихъ, и на обиду творящихъ на неповинныхъ, и на всякаго насильника и еретика. И тако бо душа ихъ избавляти страхомъ отъ смерти, зане страха Божія не стяжаша, поне страхомъ слуга Божіаго царя уцѣломудрятса и въ чувство пріидутъ“. Печувъ бояръ, народъ и самага царя, проповѣдникъ обращается

съ поученіемъ къ епископамъ и священникамъ: „церковные пастыріе—святители и наставницы, учителіе и проповѣдницы слова Божія—священницы, врученный имъ отъ Бога талантъ духомъ кротости и всякимъ смиренномудріемъ и негорделивымъ нравомъ, но благимъ привѣтомъ люботщательне да дѣлаеть въ виноградъ Христовъ, нелѣнно, ниже на мздѣ, ибо мздоиманіе проклятая ересь симоніанская наречется, еюже безумніи продають Духъ Святыи,—Иуда бо Христа Бога славы по плоти продаде, симоняне Духъ Святыи продають“. Убѣждая епископовъ ставить священниковъ не на мздѣ, проповѣдникъ далѣе убѣждаетъ ихъ духовные пищи—святое ученіе чистаго и правовѣрнаго восточнаго благочестія слово не чловѣкоугодное преподавать—нищимъ и богатымъ, и всѣхъ бы ихъ равно, яко чада своя духовная отъ чистаго сердца любити, и начастѣ ихъ назирать во градѣхъ и во весяхъ и по домохъ, да не плевелы и лядина въ нихъ лукаваго бѣса вкоренившисъ, пусть и неплодень сотворитъ виноградъ Господа Саваова, его же содѣла кровію Сына своего, и тогда отъ рукъ вашихъ крове душъ овецъ своихъ и сребра своего съ лихвою взыщеть. Подобаетъ, продолжаетъ поучать проповѣдникъ русскихъ архіереевъ, пастыремъ трезвость и бодрость и многое вниманіе имѣти, и дабы имъ нещадно казнити лѣнивыхъ и піяныхъ поповъ и чернцовъ десными и шуямп, временнѣ и безвременнѣ, обаче кротостію духа и страхомъ спасти и отъ огня исхищающе“. Затѣмъ проповѣдникъ обращается съ поученіемъ къ священникамъ: „такожде и попове, говоритъ онъ, приходнымъ своимъ—чадѣ духовныхъ въ злобахъ ихъ, въ шанствахъ же и сребролюбяхъ, и въ лѣнностяхъ и нечистотѣхъ ихъ, нимало бы имъ въ тѣхъ не поблажати, ниже попускати, наипаче же самихъ себѣ образъ имъ къ добрымъ дѣламъ показывати, и тако себѣ спасуть и слушающихъ ихъ“. Не оставилъ проповѣдникъ безъ назиданія и иноковъ и, особенно, монастырскія власти. „Изрядне же, говоритъ онъ, отрехшіяся міра и мірскихъ—чернцы, обѣтъ свой, его же предъ послухомъ ангельскимъ и чловѣческимъ Богу въ залогъ дадоша, да присно тщаніе къ тщанію прилагающе, на духовный подвигъ подвизаются, взирающе на прежнихъ святыхъ отецъ, въ повиновеніи наставниковъ своихъ и отецъ духовныхъ, въ постѣ-жь и нищетѣ духовнѣй, а не-

въ піанствѣ и роспустѣ и въ непокореніи, на таковыхъ бо; рече, грядеть гнѣвъ Господень на сыны непокорствіа. Еще-жь и начальники инокомъ въ цѣломудріи и кротости и истини да строятъ святые монастыри со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ, помышляюще себѣ самихъ пришельцами и странниками на земли быти, и изгнанными отъ грѣховъ изъ міра и мірскихъ. А еже врученное имъ имѣніе монастырское, не своимъ да помышляютъ имѣти, по глаголющему: яко вся плуще и ничто-же содрѣжаще; и ниже то своимъ сродникомъ по плоти раздовати, и богатыхъ и великихъ бояръ тѣмъ друговъ себѣ набывати, да не со свято-крадцемъ Іудею осужденіе и муку приимите, но паче на удовольствие братіи и монастырскую потребу то да строете съ совѣтомъ старцевъ монастырскихъ въ чистѣ совѣсти своея; якожь и оныхъ блаженныхъ трехъ отрокъ вавилонстіа печи огнь чистыхъ и дѣвственныхъ не опали; тако бо и вашихъ неповинныхъ рукъ, или паче: душъ и совѣстей отъ монастырскаго стяжанія невредимыхъ быти, и тако наслѣдницы будете обнищавшаго васъ ради Христа, и достойную мзду съ мудрыми строители въ радости отъ него воспримите и въ день воздаяніа“. Въ заключеніе слова проповѣдникъ призвавъ всѣхъ: бояръ, богатыхъ нищихъ и убогихъ къ взаимной любви между собою, къ повиновенію церковному закону, благочестивому и христіанскому царю, чтобы быти истиннымъ тѣломъ Христовымъ, домомъ и жилищемъ Св. Троицы,—сильно порицаетъ всѣхъ невѣрующихъ въ Св. Троицу: евреевъ, аріанъ, гусіанъ, соціанъ и „проклятыхъ могометанъ“ ¹⁾).

Приведенное нами поученіе пріѣзжаго въ Москву за милостынею назаретскаго митроплита Гавріила, сказанное имъ въ Москвѣ въ 1651 году, поученіе съ довольно рѣзкимъ обличительно-учительнымъ характеромъ, обращенное имъ ко всѣмъ русскимъ, какъ къ высшимъ, такъ и къ низшимъ, какъ къ мірскимъ, такъ и духовнымъ, неисключая самихъ архіереевъ, ясно показываетъ, что отношеніе къ грекамъ, по крайней мѣрѣ высшаго Московскаго правительства, уже сильно измѣнилась даже сравнительно съ очень недав-

1) Импер. публичн., Погодинскія рукописи, по нынѣшнему каталогу № 1560. л.-л. 9—15.

нимъ временемъ, когда на прїѣзжихъ къ намъ грековъ большинство и въ Москвѣ смотрѣло очень подозрительно, а нѣкоторые священники даже не пускали ихъ въ свои храмы. Смѣлое поучительное обращеніе греческаго митрополита въ словѣ къ самому царю, чтобы онъ постоянно держалъ мечъ въ рукахъ для пораженія иноплеменныхъ, наказанія всякихъ насильниковъ, злыхъ и порочныхъ, а также еретиковъ, показываетъ, что слово ранѣе прочитано было государю и публично произнесено было съ его разрѣшенія и одобренія. Въ противномъ случаѣ прїѣзжій греческій іерархъ милостынесобиратель никогда бы не рѣшился публично проповѣдывать въ Москвѣ съ церковной кафедры въ рѣзкомъ обличительномъ тонѣ. Самое большее, на что бы самъ по себѣ могъ отважиться прїѣзжій въ Москву греческій іерархъ — это льстивое, напыщенное прославленіе русскаго царя, русскаго благочестія, публичное признаніе русскихъ свѣтомъ и опорю всего православія.

И въ сферѣ чисто церковныхъ установленій царь и Стефанъ Вонифатьевичъ, еще за нѣсколько лѣтъ до патріаршества Никона, уже выступаютъ на тотъ путь церковныхъ исправленій, какія потомъ сталъ производить Никонъ. Именно: царь воспользовался прїѣздомъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія и совѣтывался съ нимъ о постѣ въ четырехдесятицу и относительно времени совершенія литургіи и, вѣроятно, по другимъ церковнымъ вопросамъ, въ видахъ приведенія къ единству нашего церковнаго устава и всей церковной практики съ тогдашними греческими порядками и практикой, намѣчая этимъ характеръ будущей реформы Никона и, въ извѣстномъ смыслѣ, предваряя ее. Объ этомъ соглашеніи государя съ патріархомъ Паисіемъ по нѣкоторымъ вопросамъ, мы узнаемъ изъ письма къ государю самого патріарха Паисія, который пишетъ: „относительно святой четырехдесятницы царствіе твое изволилъ послать своего боярина просить насъ, чтобы мы относительно ея учинили соглашеніе со святѣйшимъ патріархомъ, братомъ и сослужителемъ; и я сказалъ, что въ продолженіи всего года должна совершаться божественная литургія въ два часа, а въ святую четырехдесятницу, которой научилъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, должно поститься до отпуска вечерни, такъ какъ она есть одесятствованіе всего года, дабы испо-

вѣдывались христіане для заглажденія грѣховъ и очищенія душъ, если что они содѣяли во весь годъ... Я же, долгоденствующій царь, сказалъ твоему боярину, чтобы было такъ, какъ рѣшено тобой, ибо въ праздникъ святаго я спросилъ твое царствіе о литургіи, и ты приказалъ, какъ пишетъ уставъ... И я, услышавъ твое царское слово, что указалъ слѣдовать уставу, очень возрадовался“... 1).

Въ то же время, въ видахъ болѣе широкаго проведенія въ будущемъ задуманной церковной реформы, въ видахъ подготовки для нея болѣе обширнаго и на мѣстѣ собраннаго матеріала, царь посылаетъ на востокъ, вмѣстѣ съ отъѣзжавшимъ туда изъ Москвы Іерусалимскимъ патріархомъ Писіемъ, извѣстнаго старца Арсенія Суханова, которому государемъ поручено было составить „описаніе святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ“, какъ онъ ихъ найдетъ, хорошо ознакомившись съ ними на мѣстѣ.

Въ 1651 году наше правительство пошло въ указанномъ направленіи далѣе. Патріархъ Іосифъ, несомнѣнно подъ давленіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, принужденъ былъ обратиться къ константинопольскому патріарху за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ и, главнымъ образомъ, вопроса о единогласіи въ церковныхъ службахъ, чѣмъ рѣшительно и ясно было признано, что въ случаѣ возникновенія у насъ сомнѣній и разногласій по вопросамъ нашей церковной практики, русскіе должны обращаться къ представителю греческой вселенской церкви—константинопольскому патріарху, которому и принадлежитъ рѣшающій голосъ по возбужденнымъ вопросамъ.

Наконецъ, не задолго до смерти патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ еще одинъ въ высшей степени важный шагъ: онъ велѣлъ на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ, поминать и вселенскихъ греческихъ патріарховъ. Іюня 11-го 1652 года Никонъ, тогда еще новгородскій митрополитъ, съ пути, при возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря съ мощами св. Филиппа митрополита, пишетъ государю: „а что во многолѣтіи и вселенскихъ патріарховъ поминать, и то зѣло благо, какъ ты го-

---

1) Арсеній Сухановъ, С. А. Бѣлокурова, ч. I; прилл., стр. XXXVI.

сударь писалъ“. ¹⁾ Это распоряженіе царя, чтобы на много-лѣтіяхъ поминались вселенскіе патріархи, было публичнымъ, торжественнымъ признаніемъ полнаго единенія русской церкви съ вселенскою греческою, публичнымъ въ слухъ всѣхъ признаніемъ тогдашнихъ греческихъ патріарховъ такими же православными, какъ и московскій патріархъ.

Такимъ образомъ царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, еще въ патріаршество Іосифа, уже намѣтили, очень ясно и опредѣленно, характеръ будущей церковной реформы, которую долженъ былъ совершить потомъ преемникъ состарѣвшагося Іосифа. Они вызвали изъ Кіева ученыхъ книжныхъ справщиковъ, которые еще при Іосифѣ уже начали въ Москвѣ исправлять книги по греческимъ и южно-русскимъ изданіямъ. Для этой же цѣли въ Москвѣ былъ оставленъ и извѣстный Арсеній грекъ, которымъ потомъ, какъ и учеными кіевлянами, Никонъ воспользовался для книжной справы. Греки еще до Никона допущены были у насъ до публичнаго церковнаго учительства, чтобы показать русскимъ примѣръ живой устной проповѣди, нами было забытой. Еще до Никона царь усиленно заботится объ устройствѣ въ Москвѣ школы, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему и разыскиваетъ на востокъ подходящаго греческаго учителя. Еще до Никона наше правительство вступаетъ съ пріѣзжавшимъ въ Москву іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ въ соглашеніе по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ, принимая во вниманіе сдѣланныя имъ указанія и разъясненія. Но этого мало. Еще до Никона у насъ уже обращаются къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ въ нашей церковной практикѣ вопросовъ, и тѣмъ открыто признаютъ въ дѣлахъ русской церкви высшій авторитетъ греческой вселенской церкви, ея право дѣлать намъ указанія и разъясненія. Въ видахъ будущаго согласованія всей нашей церковно-богослужебной практики съ тогдашнею греческою, на православный востокъ посылается нарочитый человекъ—Арсеній Сухановъ, который обязанъ былъ точно и безпристрастно описать всѣ греческіе церковные чины, какими онъ ихъ найдетъ у тогдашнихъ грековъ. Наконецъ въ Москвѣ

¹⁾ Письма русскихъ государей, ч. I, 382, стр. 302.

начинають на многолѣтіяхъ торжественно поминать греческихъ патріарховъ, чтобы тѣмъ публично засвидѣтельствовать, что русская церковь признаетъ современныхъ греческихъ патріарховъ вполне православными.

Очевидно церковная реформа, въ смыслѣ тѣснѣйшаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, въ смыслѣ согласованія русскихъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими, задумана была царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его уважаемымъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, и что они, еще до патріаршества Никона, уже усиленно готовили почву и средства для ея выполненія въ опредѣленномъ духѣ и направленіи.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, какую особую исключительную важность придавали царь и Стефанъ Вонифатьевичъ тому лицу, которое должно было занять мѣсто патріарха Іосифа. Послѣдній догадывался, а вѣроятно и положительно зналъ, о планахъ царя, о томъ, что онъ, Іосифъ, занимая патріаршій престолъ, мѣшаетъ новымъ дѣятелямъ, которые съ нетерпѣніемъ ждуть, когда онъ освободитъ патріаршую кафедру своему преемнику. Іосифъ даже сталъ думать, что его низведутъ съ патріаршества: „перемѣнить меня, скинуть меня хотять, говорилъ онъ въ послѣднее время своимъ приближеннымъ“. Но царь, въ письмѣ къ Никону о смерти патріарха Іосифа, рѣшительно отрицаетъ справедливость подозрѣній Іосифа о его низверженіи: „а у меня, пишеть царь, и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того не бывало; и помыслить страшно на такое дѣло“¹⁾. Вѣроятно царь и Стефанъ Вонифатьевичъ дѣйствительно вовсе не думали о низверженіи Іосифа, но, въ виду его старости и болѣзненности, конечно думали и говорили между собою о необходимости заранѣе намѣтить въ преемники Іосифу такого человѣка, который бы вполне раздѣлялъ ихъ воззрѣнія на предстоящую задуманную ими церковную реформу, и чтобы онъ обладалъ такими личными силами и средствами, которыя бы дали ему возможность твердо и рѣшительно провести эту реформу въ исполненіе. Они необходимо искали вокругъ себя подходящее лицо, и ихъ вниманіе остановилось на новоспасскомъ архимандритѣ

---

¹⁾ Ак. Эксп. т. IV, № 57, стр. 83.

Никонъ, который, казалось, по своимъ качествамъ вполне подходилъ къ той роли, какую предназначалось выполнить будущему патріарху.

Никонъ былъ безспорно замѣчательно умный и богато одаренный отъ природы человѣкъ: живой, воспріимчивый, сильно увлекающійся и энергичный, способный своими выдающимися качествами и всею своею личностію производить на другихъ сильное впечатлѣніе. Онъ былъ учителемъ и умѣлъ хорошо говорить поученія и рѣчи на различныя случаи, онъ обладалъ обширною начитанностію и прекрасною памятью, что давало ему возможность въ своихъ рѣчахъ ссылаться на библейско-церковно-историческіе примѣры, на свидѣтельства отцовъ и учителей церкви. По природѣ онъ былъ широкая натура, способная дѣйствовать не по шаблону, способная увлекаться новымъ, оригинальнымъ, грандіознымъ. Строить онъ, на примѣръ, монастыри, но не такъ, какъ другіе: въ одномъ онъ воздвигаетъ храмъ по образцу храма стараго Іерусалима и самый монастырь называетъ Новымъ Іерусалимомъ; другой строитъ по подобію аѳонскаго и называетъ его Иверскимъ, населяетъ его монахами южно-русскими выходцами, заводитъ въ немъ типографію, а въ своемъ Ново-іерусалимскомъ монастырѣ устанавливаетъ церковныя службы на греческомъ языкѣ Кіевскими напѣвами. Проживая въ Москвѣ въ качествѣ новоспасакаго архимандрита, онъ, какъ человѣкъ умный и воспріимчивый, сближается здѣсь съ учеными кіевлянами и греками, начинаетъ понимать и цѣнить ихъ и, сдѣлавшись патріархомъ, выдвигаетъ ихъ, привлекаетъ къ рѣшенію церковныхъ дѣлъ и опирается на авторитетъ ихъ учености и знаній. Даже въ обычной обстановкѣ Никонъ любилъ все необычное, выдающееся, красивое. Такъ въ Новгородѣ онъ выстраиваетъ новый хорошій архіерейскій домъ, строитъ въ Москвѣ новый по тому времени роскошный патріаршій домъ. Никонъ любитъ, являясь всенародно въ качествѣ патріарха, торжественную и возможно пышную обстановку: его патріаршія облаченія отличались необыкновенною роскошью и ихъ было очень много (однихъ сакозовъ до ста). Словомъ во всемъ и всюду онъ проявлялъ незаурядную натуру, оригинальность, умъ и вкусъ. Поселившись въ Москвѣ онъ заявилъ себя здѣсь очень виднымъ и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ: какъ новоспасскій архи-

мандрить онъ игралъ при царѣ эффектную роль ходатая и заступника за всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ, обездоленныхъ, что дѣлало его очень популярнымъ. Ставъ потомъ новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ показалъ себя выдающимся для того времени епархіальнымъ архіереемъ: онъ ввелъ въ Новгородъ единогласное истовое церковное служеніе, ввелъ въ церковномъ пѣніи кіевскіе напѣвы, которые такъ любилъ, говорилъ къ народу поученіи, что для того времени было мало обычно. Онъ строилъ въ Новгородѣ богадѣльни, кормилъ голодныхъ и нищихъ, щедро раздавалъ милостыню, лично посѣщалъ заключенныхъ въ темницы, заступался за неправильно осужденныхъ, заботился поднять престижъ всего духовенства въ глазахъ паствы, смѣло, во имя законности и порядка, боролся съ бунтовавшею народною массою, рискуя при этомъ быть убитымъ. Естественно, что всѣми этими блестящими качествами, выдающеюся незаурядною дѣятельностію, Никонъ производилъ сильное и благопріятное впечатлѣніе на царя и на Стефана Вонифатьевича.

Но при своихъ блестящихъ природныхъ дарованіяхъ Никонъ, въ то же время, по общему характеру строя всей своей умственной жизни, по приемамъ и способу своего мышленія, по основамъ своего общаго міросозерцанія, по пониманію православія и благочестія, по своей малой способности вращаться въ сферѣ высшихъ христіанскихъ истинъ и знаній, былъ настоящимъ сыномъ своего времени, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ существенно и кореннымъ образомъ не разнился отъ своихъ друзей, а потомъ враговъ—Неронова, Аввакума и др. Онъ даже, какъ и они, былъ такой же и snowидѣцъ и цѣлитель и чудотворецъ. Въ существѣ дѣла Никонъ—реформаторъ оставался тѣмъ же типичнымъ старымъ московскимъ начетчикомъ, подчасъ очень одностороннимъ и узкимъ въ дѣлѣ пониманія вѣры и благочестія, какъ и его противники. Какъ и у нихъ его мысль и благочестіе были прикованы по преимуществу къ внѣшней сторонѣ религіи: къ ея обряду, къ тому или другому церковному чину и обычаю, почему и его благочестіе обязательно и неразрывно соединялось у него только съ опредѣленною внѣшнею извѣстною формою выраженія,—измѣненіе этой формы являлось въ его пониманіи измѣненіемъ самаго существа благочестія. Ему, какъ и всѣмъ тогдашнимъ начетчикамъ, недо-

ставало, при ихъ выдающихся природныхъ дарованіяхъ, самаго главнаго: систематическаго правильнаго обученія, научныхъ знаній, умѣнья изучить предметъ критически, умѣнья въ дѣлахъ вѣры и благочестія существенное отдѣлать отъ несущественнаго, важное отъ неважнаго, вѣру и ученіе отъ обряда, того или другаго исторически сложившагося церковнаго чина, устава, просто обычая. А все это извѣстнымъ, неособенно благопріятнымъ образомъ, должно было стразиться въ послѣдствіи на всей его церковно-реформаторской дѣятельности. Къ этимъ интеллектуальнымъ особенностямъ Никона присоединялись еще и нѣкоторыя особенности его нравственнаго характера, которыя съ особою силою сказались, когда онъ сдѣлался патріархомъ. Въ Никонѣ-патріархѣ сказался человѣкъ очень властный, гордый и суровый, человѣкъ самолюбивый, неуступчивый и нетерпимый къ мнѣнію другихъ, а въ то же время человѣкъ очень увлекающійся, и потому недостаточно устойчивый въ самыхъ своихъ убѣжденіяхъ и, особенно, въ своихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ, способный часто дѣйствовать подъ вліяніемъ просто гнѣва или неудовольствія, и вообще тѣхъ или другихъ случайныхъ и чисто внѣшнихъ впечатлѣній. Впрочемъ всѣ эти отрицательныя качества выступили у Никона съ особою рельефностію только въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался патріархомъ; ранѣе ихъ не замѣчали, и потому Никонъ, какъ безспорно-выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, и былъ намѣченъ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ въ патріархи на мѣсто Іосифа.

Если царь и Стефанъ Вонифатьевичъ видѣли въ Никонѣ вполне подходящаго по своимъ качествамъ человѣка, который съ успѣхомъ могъ выполнить ихъ планъ о полномъ единеніи русской церкви съ вселенскою греческою, объ уничтоженіи у насъ въ церковной практикѣ всего, что препятствовало доселѣ этому единенію, если они уже заранѣе подготовили для такой реформы почву и средства, а также указали и тотъ путь, какимъ долженъ слѣдовать будущій патріархъ для достиженія намѣченной цѣли; то понятно, что предназначая Никона въ преемники Іосифу, они предварительно должны были получить твердую и несомнѣнную увѣренность, что Никонъ, по своимъ возрѣніямъ и убѣжденіямъ, есть дѣйствительно такой человѣкъ, который вполне

раздѣляетъ ихъ воззрѣнія на современныхъ грековъ, какъ на строго православныхъ, на русскія церковныя особенности, несогласныя съ тогдашними греческими, какъ на уклоненія отъ строго православныхъ нормъ, которыя сохранились только у грековъ; на русскія церковно-богослужебныя книги, какъ на испорченныя русскимъ невѣжествомъ, и потому нуждающіяся въ ихъ тщательномъ всестороннемъ исправленіи по греческимъ подлинникамъ учеными кievлянами и греками. Словомъ, они должны были напередъ увѣриться, что Никонъ будетъ имѣть полную охоту дѣйствовать именно въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ желали они. Но именно этого-то о Никонѣ и нельзя было сказать. Какъ и всѣ провинціальныя ревнители благочестія, Никонъ очень подозрительно относился къ современнымъ грекамъ и ихъ благочестію, онъ думалъ, что истинное благочестіе теперь сохранилось только у русскихъ, а не у грековъ. Эти обычныя тогда воззрѣнія большинства русскихъ на грековъ Никонъ не стѣсняясь высказывалъ открыто уже и тогда, когда онъ переселился въ Москву и сдѣлался здѣсь новоспасскимъ архимандритомъ. Нерововъ въ послѣдствіи говорилъ патріарху Никону: „Святитель, иноземцевъ (т. е. грековъ) законоположеніе ты хвалишь и обычаи тѣхъ приѣмлешь, благовѣрны и благочестивы тѣхъ родители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривалъ намъ: „гrecане-де и Малыя Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ необъявилось и благочестія нимаго“ ¹⁾. Очевидно, если потомъ Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, сразу заявилъ себя завзятымъ греко-филомъ, то значитъ, въ его воззрѣніяхъ на грековъ и ихъ благочестіе совершился въ Москвѣ, и притомъ въ послѣднее время, крутой переворотъ, превратившій Никона изъ порицателя грековъ въ ихъ поклонника и почитателя. Понятно подъ чьимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ совершился этотъ переворотъ у Никона. Поселившись въ Москвѣ, сблизившись съ царемъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ и Ртищевымъ, Никонъ попалъ въ грекофильствующую среду, выросшую въ иныхъ чѣмъ онъ воззрѣніяхъ на грековъ, на взаимныя от-

¹⁾ Матер. I, 150.

ношенія русской церкви къ греческой. Какъ человѣкъ очень умный и воспріимчивый, онъ не могъ не присмотрѣться къ этимъ новымъ для него воззрѣніямъ на грековъ и греческое благочестіе, не могъ не придти къ убѣжденію, что эти новыя для него воззрѣнія вѣрнѣе его прежнихъ, порожденныхъ національнымъ самооправданіемъ, что онѣ болѣе соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности, исконнымъ предшествовавшимъ историческимъ отношеніямъ русской церкви къ породившей ея вселенской греческой. Онъ не могъ не видѣть, что при господствѣ его старыхъ воззрѣній на грековъ и православный востокъ вообще, Россія не можетъ быть тѣмъ единымъ православнымъ царствомъ, въ которое войдутъ разрозненные и покоренные турками православныя народности, о чемъ однако постоянно мечтали и проповѣдывали старо-московскіе книжники, порицатели грековъ и ихъ благочестія. Словомъ, благодаря знакомству съ царемъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ, Ртищевымъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ ними, Никонъ незамѣтно измѣнилъ прежнія свои воззрѣнія на современныхъ грековъ какъ разъ на противоположныя, незамѣтно сталъ сочувствовать, сталъ принимать участіе въ планахъ царя и Стефана—о съ установленіи тѣснѣйшаго единенія русской церкви съ современною греческою, на почвѣ согласованія русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ греческими.

Въ этомъ же направленіи на Никона дѣйствовали въ Москвѣ и другія вліянія, окончательно убѣдившія его въ правотѣ и необходимости церковной реформы, ранѣе въ общемъ уже намѣченной царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Поселившись въ Москвѣ, Никонъ необходимо познакомился, благодаря царю и Стефану, съ появившимися тогда въ Москвѣ новыми учительными книгами: Кирилловой и книгою о Вѣрѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя и издана-то была Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Знакомство съ этими книгами, для Никона обязательное, естественно должно было убѣждать его въ ошибочности его прежняго взгляда на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное благочестіе, должно было вести его къ убѣжденію, что четыре восточные патріарха „право и неизмѣнно вѣру, данную имъ отъ св. Апостоль, и ихъ учениковъ, и седми вселенскихъ соборовъ, и

помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не нарушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держать (Кириллова книга); что россійскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣ духовной есть польза и приобрѣтеніе велие — спасительное и вѣчное“ (книга о Вѣрѣ). Къ этимъ воздѣйствіямъ новоизданныхъ московскихъ книгъ присоединились еще воздѣйствія со стороны грековъ и кіевлянъ.

27 января 1649 года въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Паисій, который съ обычнымъ почетомъ принятъ былъ царемъ. Предъ наступленіемъ великаго поста Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ листъ, въ которомъ, разсуждая о важности поста, и желая государю провести его здраво и радостно и невредимо, въ концѣ своего разсужденія пишетъ и слѣдующее: „еще пребываючи азъ при вашей милости въ прошлые дни, говорилъ еси со преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбилася мнѣ бесѣда его; и онъ есть мужъ благоговѣйный и досужъ и вѣрный царствія вашего; прошу, да будетъ имѣти повольно приходить къ намъ бесѣдовати по досугу, безъ запрещенія великаго вашего царствія“. Послѣ поставленія Никона въ новгородскіе митрополиты, Паисій снова прислалъ въ Посольскій приказъ письмо, въ которомъ восхвалялъ государя за такой удачный выборъ. „Похваляемъ благодать, пишетъ Паисій царю, что просвѣти васъ Духъ Святой и избрали есте такого честнаго мужа, преподобнаго инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствіе на святой престоль святыя митрополіи новгородскіе, и онъ есть достоинъ утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова, якоже глаголетъ Апостоль: таковъ намъ подобаше архіерей, и будетъ молити Бога о многолѣтномъ здравіи великое ваше царствіе“. Въ заключеніе Паисій выражаетъ желаніе, если позволить государь, подарить Никону одну мантию отъ святыхъ мѣстъ. Съ несомнѣнностію можно предположить, что въ бесѣдахъ между Паисіемъ и Никономъ затрогивались тѣ именно церковныя вопросы, которые касались разностей, какія тогда существовали между русскою и греческою церковно-обрядовою практикою, причемъ Паисій старался убѣдить Никона въ правотѣ

тогдашней греческой практики и въ необходимости, въ видахъ полнаго единенія церквей, согласовать съ нею практику русской церкви. Что свои бесѣды съ Никономъ Паисій вель именно на этой почвѣ, видно изъ того, что подобнаго же рода бесѣды Паисій вель и съ самимъ царемъ, а съ патріархомъ Іосифомъ онъ, по приказанію царя, даже „учинилъ соглашеніе“ относительно поста въ четырехдесятницу и времени совершенія литургіи. Впослѣдствіи самъ Никонъ заявлялъ, что іерусалимскій патріархъ Паисій заиралъ его за разныя церковныя вины и, между прочимъ, за неправильное изображеніе крестнаго знаменія. Конечно бесѣды Никона съ Паисіемъ происходили по желанію царя и Стефана Вонифатьевича, которые имѣли въ виду этимъ путемъ утвердить Никона въ убѣжденіи, что современная греческая церковь также православна, какъ и древняя, и что не русскіе, а греки должны быть образцомъ при упорядоченіи нашей церковно-обрядовой практики. Вѣроятно и самъ Никонъ, уже ранѣе признавшій ошибочность своего прежняго предубѣжденія противъ грековъ, стремился личною бесѣдою съ іерусалимскимъ патріархомъ провѣрить свои новыя воззрѣнія и убѣдиться въ ихъ правильности, и эти бесѣды несомнѣнно имѣли очень большое вліяніе на окончательную увѣренность Никона въ правотѣ его новыхъ воззрѣній на современныхъ грековъ. Что же касается патріарха Паисія, то его желаніе поближе сойтись съ Никономъ и оказать на него воздѣйствіе въ интересахъ грековъ и всего греческаго, было вполне естественно. Никонъ былъ любимцемъ царя, самымъ близкимъ къ нему человекомъ и, слѣдовательно, могъ расположить царя къ удовлетворенію всѣхъ просьбъ Паисія о помощи бѣдствующему св. Гробу. Съ другой стороны патріархъ Паисій не могъ не видѣть, что Никонъ въ скоромъ будущемъ будетъ играть въ русской церкви выдающуюся и, вѣроятно, исключительную роль, и потому съ своей стороны употребилъ всѣ усилія обратить Никона въ друга грековъ, постарался разсѣять въ немъ всѣ старыя неосновательныя предубѣжденія противъ грековъ и убѣдить его, что греки сохранили православіе, благочестіе и весь церковный чинъ и обрядъ въ своемъ первоначальномъ, неповрежденномъ видѣ и чистотѣ. Итакъ какъ это убѣжденія Никона Паисій къ тому же сопровождалъ особыми похвалами выдающимся качествамъ

ума и сердца Никона, а Никонъ никогда не былъ равнодушенъ къ расточаемымъ ему похваламъ, то онъ, послѣ бесѣды съ Паисіемъ, окончательно примкнулъ къ программѣ грекофильской церковной реформы, ранѣе намѣченной царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Своими только личными бесѣдами съ Никономъ патріархъ Паисій не ограничился. Онъ рѣшился воздѣйствовать на русское правительство, и въ частности на Никона, въ видахъ дальнѣйшаго укрѣпленія его въ грекофильскомъ направленіи, съ помощію другихъ лицъ, нарочито присылаемыхъ въ Москву. Такъ 1650 году въ Москву прибылъ, посланный Паисіемъ, назаретскій митрополитъ Гавріиль. Онъ, какъ мы знаемъ, занимался въ Москвѣ церковнымъ проповѣдничествомъ, а также книжными переводами и въ тоже время, съ разрѣшенія царя, велъ бесѣды съ Никономъ, настаивая, какъ знающій славянскій языкъ, на неисправности русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и необходимости ихъ исправленія съ греческихъ подлинниковъ, указывалъ на нѣкоторые неправые русскіе обряды и на необходимость ихъ исправленія согласно съ обрядами, существовавшими въ греческой церкви. На такого рода зазіранія назаретскаго митрополита впослѣдствіи ссылался самъ Никонъ, въ оправданіе проводимой имъ церковной реформы. Но и посылкою въ Москву назаретскаго митрополита патріархъ Паисій не ограничился. Сопровождавшій его изъ Москвы извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, затѣялъ съ греками въ Молдавіи извѣстныя свои пренія о вѣрѣ, причемъ рѣзко высказалъ тотъ взглядъ, что греки потеряли уже истинное благочестіе, которое теперь сохранилось только у русскихъ, что самое православіе современныхъ грековъ сомнительно. Для противодѣйствія этимъ взглядамъ и для поддержанія уже намѣченной въ Москвѣ грекофильской реформы, патріархъ Паисій рѣшилъ послать въ Москву такое довѣренное и авторитетное лицо, которое бы способно было убѣдительно разъяснить русскимъ ошибочность и полную несправедливость ихъ подозрительнаго отношенія къ правовѣрію и благочестію современныхъ грековъ, убѣдило бы ихъ въ необходимости привести русскій церковный обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ. Такимъ человѣкомъ былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріиль Власій, человѣкъ ученый,

знавшій языка греческій и славянскій, ранѣе уже хорошо извѣстный въ Москвѣ, такъ какъ онъ присылалъ въ Москву книги, писанныя на греческомъ и славянскомъ языкахъ, а также и разныя отписки съ тайными политическими вѣстями. При этомъ Гавріилъ Власій былъ знакомъ и съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, рѣшеніемъ которыхъ, предполагалось, ему придется заняться въ Москвѣ. Онъ не только былъ свидѣтелемъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, но и самъ принималъ въ этихъ преніяхъ непосредственное личное участіе и, значить, уже ранѣе былъ нѣсколько подготовленъ къ своей особой миссіи въ Москвѣ. Въ октябрѣ 1652 года митрополитъ Гавріилъ Власій прибылъ въ Москву, причемъ патріархъ Паисій, въ своей грамотѣ государю, рекомендуетъ Власія какъ „премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы“, что „такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаецца“, что онъ уполномоченъ, „въ которомъ мѣстѣ не будетъ, *отвѣщати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросахъ православныя вѣры нашей*“. Съ своей стороны, бывший константинопольскій патріархъ Іоанникій, въ особой грамотѣ царю, заявлялъ, что Гавріилъ „и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него *вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ отвѣтъ будетъ держати благочестно и православно, яко же воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь*“. Очевидно митрополитъ Гавріилъ Власій былъ посланъ въ Москву Паисіемъ, между прочимъ, и съ особою спеціальною цѣлію: отвѣчать „отъ богословія и изысканія церковнаго“ на всѣ тѣ вопросы, какіе, предполагалось, ему будутъ предложены въ Москвѣ. Какъ митрополитъ Гавріилъ Власій выполнилъ свою миссію въ Москвѣ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Очень вѣроятно, что онъ велъ съ Никономъ, только что сдѣлавшимся патріархомъ, бесѣды „отъ богословія и изысканія церковнаго“, относительно особенностей русскаго обряда и чина, о необходимости ихъ немедленнаго приведенія въ полное соотвѣтствіе съ тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно въ виду того, что эти обрядовыя разности, какъ показали пренія Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, подають поводъ нѣкоторымъ русскимъ подозрительно и даже прямо отрицательно относиться къ

православію современныхъ грековъ. Вѣроятно эти бесѣды съ митрополитомъ Власіемъ, человѣкомъ ученымъ и уже ранѣе подготовившимся къ такимъ бесѣдамъ, вызвали въ Никонѣ окончательную рѣшимость немедленно заняться исправленіемъ русскаго церковнаго чина и обряда. Покрайней мѣрѣ вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Москвы митрополита Гавріила Власія (онъ выѣхалъ изъ Москвы въ февралѣ 1653 г.) Никонъ, въ виду наступившаго великаго поста, издалъ свое первое извѣстное реформаціонное распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи для крестнаго знаменія ¹⁾.

Наконецъ былъ еще одинъ факторъ, который оказалъ сильное вліяніе если не на самую перемѣну въ воззрѣніяхъ Никона на грековъ, то на характеръ и выполненіе его будущей реформы. Это были пріѣхавшіе въ Москву въ 1649 году, вскорѣ послѣ отъѣзда іерусалимскаго патріарха Паисія, ученые кіевляне, и изъ нихъ по преимуществу ученѣйшій Епифаній Славинецкій. Дѣло въ томъ, что при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ въ кіевской Руси совершилась таже самая церковная реформа, которая произведена была потомъ Никонемъ въ Москвѣ: и въ Кіевѣ, какъ и въ Москвѣ, исправлялись церковныя книги съ греческихъ, церковные обряды и чины приводились, по возможности, въ полное соотвѣтствіе съ греческими чинами и обрядами. Въ виду этого вполне естественно было, что ученые кіевляне, перебравшись въ Москву, явились здѣсь поборниками той же самой церковной реформы, какую они уже пережили у себя на родинѣ, тѣмъ болѣе, что московскія церковныя особенности служили для многихъ москвичей поводомъ и основаніемъ заподозривать православіе не только современныхъ грековъ, но и кіевлянъ. Со стороны послѣднихъ поэтому вполне естественно было желать, путемъ церковной реформы въ Москвѣ, снять съ себя нареканія москвичей въ уклоненіи отъ строгаго православія. Въ одной исторической запискѣ, конца XVII вѣка, о дѣятельности Епифанія рассказывается, что онъ, прибывъ въ Москву, сталъ сличать греческую біблію съ славянскими переродами и нашелъ послѣднія очень неисправными, почему и сталъ заявлять въ слухъ всѣмъ, что стыдъ для православныхъ славянъ не имѣтъ у себя хорошаго перевода

---

1) Греческія дѣла 7161 г. № 5 (въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ).

Библии. „И оттуду, заявляетъ записка, вину приѣмъ святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги славянскія, по тогожде мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и извѣщенію, яко книга Литургіарій премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи съ греческимъ святыя литургіи. И тако мало по малу мудраго и православнаго сего Епифанія словеса доидоша въ слухи и самаго благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя, Алексея Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, что въ словенской Библии премногая суть прегрѣшенія въ реченіихъ и разумѣніи, не отъ хитрости, но отъ простоты и невѣдѣнія, и несогласіе величайшее съ эллинскою седмдесятыхъ переводниковъ, преведшихъ древле при Птоломеѣ Филадельфѣ, египетстемъ царѣ, съ еврейскаго на эллинскій діалектъ“. ¹⁾ Заявленіе записки объ Епифаніи, какъ первомъ, подмѣтившемъ испорченность славянскихъ переводовъ Библии, вовсе невѣрно, такъ какъ Епифаній и вызванъ былъ въ Москву именно потому, что тутъ уже признана была несостоятельность переводовъ старо-славянскихъ Библии и необходимость ея новаго перевода съ греческаго. Невѣрно и то извѣстіе записки, что будто бы благодаря именно разъясненіямъ Епифанія, Никонъ пришелъ къ мысли исправлять наши богослужебныя книги съ греческихъ; къ этой мысли пришли въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, ранѣе прибытія Епифанія. Но не считая Епифанія инициаторомъ въ книжныхъ Никоновскихъ исправленіяхъ, не приписывая ему на Никона того вліянія, какое усвоетъ ему указанная записка, нельзя однако не признать того, что Епифаній, съ которымъ хорошо былъ знакомъ Никонъ, равно какъ и другіе ученые кіевляне, могли имѣть значительное вліяніе на окончательную рѣшимость Никона начать церковную реформу въ извѣстномъ направленіи, что они своими знаніями и разъясненіями могли сообщить Никону большую увѣренность въ правотѣ и полезности дѣла реформы, могли воодушевлять его указаніемъ на примѣръ южной Руси, совершившей у себя, при Петрѣ Могилѣ, ту же церковную реформу. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ дѣлѣ самыхъ книжныхъ исправ-

---

¹⁾ Опис. рукоп. Ундальскаго № 1291. Словарь писателей духовн. чина ч. 1, стр. 178—183.

лений, киевляне, благодаря своимъ знаніямъ и научному образованію, были самыми компетентными и полезными со-вѣтниками и пособниками Никона, который, безъ образованныхъ и свѣдущихъ людей, хорошо знающихъ греческій и славянскій языки, не могъ бы произвести и самой реформы, такъ какъ Никонъ не зналъ греческаго языка и самъ лично не могъ руководить всѣми частностями и подробностями книжныхъ исправленій.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ царя и Стефана Вонифатьевича, и, затѣмъ, подъ вліяніемъ іерусалимскаго патріарха Паисія, назаретскаго митрополита Гавріила, митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, и подъ вліяніемъ выѣзжихъ въ Москву ученыхъ киевлянъ, Никонъ окончательно измѣнилъ свои старыя воззрѣнія на грековъ и греческое благочестіе, сдѣлался поклонникомъ и великимъ любителемъ всего греческаго, готовый, со свойственною ему энергіей, страстностію и увлеченіемъ, проводить свои новыя воззрѣнія въ жизнь. Значить, Никонъ теперь созрѣлъ въ извѣстномъ отношеніи настолько, что царь и Стефанъ Вонифатьевичъ смѣло могли предоставить ему, по смерти Іосифа, патріаршую кафедру, въ полной увѣренности, что онъ поведетъ дѣло церковной реформы въ томъ именно духѣ и направленіи, какъ это было намѣчено ими ранѣе.

Къ московскому кружку ревнителей благочестія принадлежалъ еще очень видный и дѣятельный его членъ—любимецъ и довѣренное лицо царя, другъ и собесѣдникъ Стефана Вонифатьевича, постельничій и бояринъ Феодоръ Михайловичъ Ртищевъ. Всецѣло преданный интересамъ церкви, лично глубоко благочестивый, добрый и щедро благотворительный, радѣтель о всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ, старыхъ и несчастныхъ, любитель всякаго книжнаго чтенія и почитатель людей ученыхъ образованныхъ, Феодоръ Михайловичъ имѣлъ замѣтное вліяніе на дѣятельность и все направленіе кружка московскихъ ревнителей. Ему и Стефану Вонифатьевичу всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства согласно приписываютъ инициативу введенія въ московскихъ церквахъ единогласія; Стефанъ по совѣту съ Ртищевымъ вызываетъ въ Москву Неронова, и дѣлаетъ его, какъ выдающагося народнаго проповѣдника, протопопомъ Казанскаго собора; Стефанъ совѣтуется съ нимъ и по поводу другихъ церковныхъ

дѣль. Особенно замѣтную роль сыгралъ Ртищевъ въ дѣль насажденія въ Москвѣ кievской учености и кievскаго влiянiя вообще. Онъ, говоритъ его житiе, имѣлъ особую любовь къ Кiево-Печерской лаврѣ, которой давалъ „милостыню немалу“, а это повело его къ знакомству и сближенiю съ кievскими монахами, между которыми находилось немало лицъ, обучавшихся въ Кiевской академiи. Еще въ 1640 году Кiевскiй митрополитъ Петръ Могила, чрезъ своего посланнаго, предлагалъ устроить въ Москвѣ монастырь, населить его учеными кievскими монахами и съ ихъ помощiю открыть при монастырѣ школу. Это предложенiе Могилы, чрезъ нѣсколько лѣтъ, было осуществлено Ртищевымъ, который построилъ близъ Москвы извѣстный Андреевскiй монастырь, куда изъ Кiевской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей переселилъ до тридцати иноковъ „въ житiи, и въ чинѣ, и во чтенiи, и пѣнiи, церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ“. Конечно при его дѣятельномъ участiи были приглашены въ Москву, въ 1649 году, извѣстные ученые кievляне: Арсенiй Сатановскiй, Дамаскинъ, Птицкiй и Епифанiй Славинецкiй. Въ 1652 году, по порученiю Ртищева, съ разрѣшенiя государя, путиловскiй соборный попъ Иванъ привезъ въ Москву изъ Кiева Братскаго монастыря архидiakона Михаила, „да съ нимъ спѣвакъ: Ѳедора Тернопольскаго съ товарищи—одинадцать человекъ“. Это кievскiе пѣвчiе, приглашенные въ Москву только на время, „пошли въ Андреевскiй монастырь на житье“, а двумъ пѣвчимъ: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, какъ они сами заявляютъ въ челобитной царю, „по твоему государеву указу велѣно писати твое государево дѣло: книгу Камень“ и состоять при Посольскомъ приказѣ. Съ своей стороны и архидiakонъ Михайло, по его собственному заявленiю, занимался въ Москвѣ переводомъ книги учителя Августина, „которую, говоритъ онъ, велѣлъ мнѣ переводить дякъ думный представившiйся Михаилу Юрьевичъ“, и которую архидiakонъ дѣйствительно успѣлъ перевести въ Москвѣ до своего возвращенiя въ Кiевъ ¹⁾. Такъ энергично дѣйствовалъ Ѳедоръ Михайловичъ въ видахъ привлеченiя въ Москву ученыхъ,

¹⁾ Малороссiйскiя дѣла (въ моск. арх. мин. ин. дѣль), связка 4, 1650 г. № 8, связка 5, 1652 г. № 15.

образованныхъ кіевлянъ, которые исполняютъ у насъ самыя разнообразныя порученія правительственныхъ лицъ: занимаются книжною справою, книжными переводами, служатъ посольскому приказу, обучаютъ московскихъ пѣвчихъ кіевскимъ церковнымъ напѣвамъ, которые начинаютъ получать у насъ съ этого времени значительное распространеніе. Понятно само собою, что вмѣстѣ съ кіевлянами въ Москву усиленно переправляются и разныя южно-русскія книжныя изданія, которыя находятъ на московскомъ рынкѣ хорошій пріемъ и все болѣе широкую распространенность, благодаря чему ученое кіевское вліяніе прочно и надолго укрѣпляется въ Московской Руси. И если царь Алексѣй Михайловичъ стремился обучать своихъ пѣвчихъ греческимъ напѣвамъ, любилъ слушать греческое пѣніе и чтеніе въ церкви, старался имѣть въ Москвѣ греческихъ ученыхъ и греческую школу; то Ртищевъ можетъ быть названъ главнымъ и дѣятельнѣйшимъ въ Москвѣ сторонникомъ кіевлянъ и кіевской учености, энергичнымъ проводникомъ у насъ кіевского вліянія. Такъ именно на него и смотрѣли въ Москвѣ. Дьячекъ Костка Ивановъ показывалъ на допросѣ: „говорили-де ему, Косткѣ, Лучка и Ивашко: извѣсти-де протопопу, что-де онъ, Лучка, у кіевскихъ чернецовъ учиться нехочетъ, старцы-де недобрые, онъ-де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученья у нихъ нѣтъ; нынѣ-де онъ манитъ Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никакъ не хочу. Поѣхалъ-де учиться (въ Кіевъ) Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту-де проѣзжую Ѳедоръ (Ртищевъ) промыслилъ доучиваться у старцевъ у кіевлянъ по латыни“. Значитъ Ртищевъ не только переселялъ въ Москву ученыхъ Кіевлянъ, но и москвичей поощрялъ учиться у нихъ, а успѣвающихъ въ ученіи посылалъ въ Кіевъ для завершения тамъ образованія, причѣмъ нѣкоторые изъ москвичей стали учиться у кіевлянъ только „маня“ Ѳедору Ртищеву, т. е. чтобы только угодить и понравиться ему, вовсе серьезно не думая объ обученіи ¹⁾.

Покровительствуя образованнымъ кіевлянамъ, поощряя москвичей обучаться у нихъ наукамъ, Ртищевъ, въ то же время вполне раздѣлялъ и грекофильскія стремленія царя, такъ какъ недаромъ, конечно, въ Москвѣ нѣкоторые „межъ

¹⁾ Наша книга: патр. Никонъ, стр. 139—141, примѣчаніе.

себя шептали: учится-де у кievлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той-де грамотѣ и еретичество есть“. Извѣстный цареградскій архимандритъ, учитель, Венедиктъ¹⁾, во время своего пребыванія въ Москвѣ, въ письмѣ къ боярину Борису Ивановичу Морозову, между прочимъ пишетъ: „понеже чрезъ сына моего о Дусѣ святѣ, любимаго и мудрѣйшаго государя Ѳедора Михайловича мнѣ велѣлъ еси“. Очевидно кромѣ кievлянъ Ртищевъ знакомился и близко сходилъ и съ прїѣзжавшими въ Москву образованными греками, такъ что грекъ, учитель Венедиктъ, называетъ его своимъ сыномъ, любимымъ и мудрѣйшимъ. Но и этаго мало Ртищевъ привѣчалъ у себя не только кievлянъ и грековъ, но и тѣхъ изъ русскихъ, которые выдавались изъ ряда другихъ своею жизнiю, публичною дѣятельностiю, дарованiями, начитанностiю, такъ что его домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ вообще выдающихся дѣятелей, причемъ между представителями разныхъ взглядовъ и направленiй, собиравшимися въ его домѣ, происходили иногда горячія и шумныя пренiя. Такъ Нероновъ былъ близко знакомъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и впоследствии (послѣ смерти протопопа Стефана), во время своихъ прїѣздовъ въ Москву, даже останавливался въ его домѣ. Протопопъ Аввакумъ, возвратившись изъ Дауръ, по его словамъ, „къ Ѳедору Ртищеву зашелъ“ и выражается о немъ: „дружище наше старое Ѳедоръ Ртищевъ“, причемъ замѣчаетъ, что въ домѣ Ртищева онъ, протопопъ, „съ еретиками бранился и шумѣлъ о вѣрѣ и законѣ“²⁾. Кievлянинъ, пѣвчiй Василiй, заявлялъ, что его призывали къ себѣ въ домъ Ртищевы, гдѣ въ то время были еще Иванъ Озеровъ и старецъ Симеонъ (Полоцкiй) „и клали предъ нимъ многіе книги, и онъ-де ихъ переспоривалъ“³⁾. Разъ Нероновъ, уже примирившійся съ Никономъ и признавшій его книжныя исправленiя, въ бесѣдѣ съ Ртищевымъ высказалъ однако мнѣніе, что новоисправленные служебники слѣдуетъ сжечь. Между тѣмъ кто-то донесъ Никону, что будто бы Нероновъ сжегъ новоисправленные слу-

1) Подробности объ архимандритѣ и учителѣ грекѣ Венедиктѣ см. въ нашей книгѣ: Характеръ отношенiй Россiи къ православному востоку, стр. 240—241, 284—286.

2) Матер. для ист. раск. т. I, 286—287; т. V, 59, 65, 66, 98—99.

3) Гибб. II, 978—979.

жебники и Никонъ, на основаніи этаго доноса, велѣлъ привести къ себѣ Неронова, предварительно арестовавъ его близкихъ. Нероновъ, рассказываетъ записка о его жизни „увидѣвъ сичевое, пришедъ ко окольникему, къ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, свирѣпо къ нему рекъ: Іудо, предавай! съ тобою у меня была рѣчь, а не дѣло. И окольникей нача плакати, глаголя: Старець Григорій (Нероновъ), непопусти Боже, что мнѣ на тебя клеветнику быти; потерпи Бога ради со мною въ дому; азъ съ тобою къ патріарху иду, и страдати готовъ“; и дѣйствительно отправился къ патріарху и дѣло кончилось ничѣмъ ¹⁾. Такимъ образомъ Ртищевъ ограждалъ отъ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которые въ его домѣ позволяли себѣ высказываться совершенно свободно и, благодаря этому обстоятельству, его домъ дѣйствительно былъ сборнымъ пунктомъ для представителей всѣхъ направленій, гдѣ каждый свободно высказывалъ свои мнѣнія, гдѣ велись горячіе споры по разнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогдашнее общество, причемъ самъ Ртищевъ относился къ разнымъ мнѣніямъ и направленіямъ вполне терпимо. Это были, очевидно, очень любопытныя и характерныя собранія.

Вполнѣ естественно было, что царь Алексѣй Михайловичъ хорошо былъ ознакомленъ Ртищевымъ съ тѣми преніями, какія происходили въ его домѣ, съ тѣми лицами, которыя вели пренія, почему царю хорошо были извѣстны всѣ, какъ южно-руссы, такъ и москвичи, выдававшіеся или своею образованностію, или начитанностію и своею природною даровитостію, стремленіемъ къ общественной дѣятельности, искусствомъ и находчивостію въ прененіяхъ, своимъ вліяніемъ на окружающихъ; царь зналъ, кто что защищаетъ, кто противъ чего борется, кто стоитъ за новое, кто за старое и т. под. Очевидно Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ былъ, такъ сказать, связующимъ звеномъ, посредникомъ между царемъ и тогдашнимъ передовымъ, болѣе образованнымъ и развитымъ московскимъ обществомъ: благодаря Ртищеву царь былъ въ курсѣ тогдашней передовой умственной московской жизни, самъ всецѣло примыкалъ къ ней, зналъ, не только всѣ ея направленія и оттѣнки, но и ея представителей.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ дѣй-

¹⁾ Мат. I, 160.

ствовала и сестра его—Анна Михайловна. По словамъ „Житія“ Ртищева ¹⁾. Ѳедоръ Михайловичъ свою сестру „аки мать почиташе“ и что она „бъше ему во всякомъ благотвореніи споспѣшница“. По словамъ житія Морозовой Ѳедоръ Михайловичъ и сестра его Анна (въ житіи ошибочно названная его дочерью), какъ родственники „и яко возлюбленніи Никону и его новопреданія сосуди“, не разъ пріѣзжали уговаривать Морозову соединиться съ церковію, причемъ будто бы говорили; „великъ и премудръ учитель Никонъ патріархъ, яко не туне и самъ царь его послушаетъ, и вѣра, отъ него преданная, зѣло стройна и добра, и красно по новымъ книгамъ служить“. И одна Анна Михайловна не разъ пріѣзжала къ Морозовой уговаривать ее признать церковныя исправленія Никона. „Сѣбли тебя, говорила она Морозовой, старицы бѣлевки, проглотили твою душу,—аки птенца отлучили тебя отъ насъ“ ²⁾. Въ виду преданности Анны Ртищевой церковной реформѣ Никона, въ виду той дѣятельной роли, какую она, и чрезъ брата и лично, играла въ дѣлѣ ея распространенія въ высшемъ московскомъ обществѣ, объ пей тенденціозно—насмѣшливо отзываются первые борцы за русскую церковную старину. Такъ прот. Аввакумъ, завѣряя, что Никонъ развратилъ царя, замѣчаетъ: „я вѣдь тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволомъ“. Рассказывая о призваніи Никона на патріаршество, Аввакумъ замѣчаетъ: „царь его на патріаршество зоветъ, а онъ быто нехочеть; мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладывають, какъ чему быть“. Еще въ одномъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „а о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить.... Анны Михайловны любимый владыка, подпазушной песь борзой“. Дьяконъ Ѳедоръ объ Аннѣ Михайловнѣ насмѣшливо выражается: „Анна, Никонова манна“ ³⁾. Очевидно Анна Михайловна Ртищева была горячей, убѣжденной и энергичной сторонницей грекофильской тогдашней партіи, и очевидно она играла настолько замѣтную и для другихъ роль въ тогдашней церковной реформѣ, такъ близко стояла къ ея главнымъ дѣятелямъ, что вызвала противъ себя ненависть и инсинуаціи со стороны приверженцевъ церковной старины.

1) Житіе Ртищева напечатано въ XVIII томѣ Древн. Вивліюэки.

2) Мат. VIII, 149—151.

3) Мат. VIII, 29, 38; VI, 228. А. К. Вороздина: Прот. Аввакумъ, стр. 228.

Мы должны еще упомянуть воспитателя царя, боярина Бориса Ивановича Морозова, который былъ тоже сторонникомъ новыхъ московскихъ церковныхъ вѣяній и если, по своему положенію въ государствѣ, не имѣлъ возможности принимать непосредственное дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, то несомнѣнно вполне сочувствовалъ дѣятельности и направленію московскаго кружка ревнителей, поддерживалъ и одобрялъ царя въ его стремленіи произвести церковную реформу въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ греческою, и привлеченія для этой цѣли въ Москву ученыхъ грековъ и кіевлянъ. Недаромъ, конечно, въ Москвѣ тихонько между собою говорили: „Борисъ-де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кіевлянъ-де началъ жаловать, а то-де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковымъ же ересямъ“. Константинопольскій архимандритъ, учитель Венедиктъ, писалъ, будучи въ Москвѣ, Борису Ивановичу; „преславнѣйшій и честнѣйшій, всякія чести и достоинства достойный, государю Борису Ивановичъ, — бью челомъ и поклоняюся азъ богомолецъ твой грѣшный, архимандритъ Венедиктъ цареградскій. Понеже чрезъ сына моего о Дусѣ святѣ, любимаго и мудрѣйшаго государя Федора Михайловича, мнѣ велѣлъ еси, богомольцу своему, да ти изъясляю о седми оныхъ фіалехъ, о нихъ же Іоанъ Θεологъ и Евангелистъ пишетъ во Апокалипсисѣ въ 15 главѣ дажь до 17,—да увѣсть паки твоя мудрость сіе вкратцѣ, понеже времени не имамъ, да ти пишу во мнозѣ, якожь и подобаетъ, понеже въ Посольскомъ приказѣ мнѣ велятъ по праздницѣ ѣхать. Понеже фіалы суть единъ сосудъ, яко братина; но яко суть братинки иная малыя, а иныя великія, и вся единымъ зовутъ именемъ; сиче и фіалы: иныя суть во образѣ малы, а иныя великія“ и т. д. ¹⁾ Изъ этаго письма Венедикта видно, что Борисъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ другими, интересовался религіозными вопросами, обращался, чрезъ посредство Ртищева, за разрѣшеніемъ ихъ къ пріѣзжавшимъ въ Москву ученымъ грекамъ, какъ болѣе компетентнымъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, чѣмъ доморощенные московскіе грамотѣи.

1) Рук. сборн. имп. публ. библ. по каталогу Богданова, вып. I, № 86; л.л. 207—210.

Изъ всего сказаннаго нами объ извѣстныхъ намъ представителяхъ кружка ревнителѣй благочестія, нетрудно видѣть, что въ составъ кружка вошли люди очень различнаго общественнаго положенія и происхожденія: въ немъ мы видимъ самаго царя, боярина Ртищева, Никона, сначала архимандрита, а потомъ митрополита, царскаго духовника—благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, нѣсколько столичныхъ и провинціальныхъ протопоповъ и священниковъ, и даже женьщину: Анну Михайловну Ртищеву. Рядомъ съ царемъ и бояриномъ другіе ревнители были очень невиднаго происхожденія: это или поповичи, или дѣти крестьянъ, начавшіе свою общественную карьеру съ обученія грамотѣ у какаго либо захолустнаго мастера, и потомъ перешедшіе на клиросъ или своей родной деревенской церкви или ближайшаго монастыря, и постепенно прошедшіе всѣ церковныя степени, начиная съ причетника. Нетрудно видѣть, что члены кружка ревнителѣй благочестія были люди для тогдашняго времени относительно образованные, отличавшіеся большою начитанностію, правда очень одностороннею и узкою, но всетаки рѣзко выдѣлявшею ихъ изъ среды безграмотной массы, дѣлавшею ихъ людьми сравнительно свѣдущими, знающими, почему Нероновъ и оттестуетъ ихъ „добрѣ вѣдущими законъ и пророки“. Всѣ члены кружка были люди глубоко благочестивые, набожныя, очень воздержныя въ своей частной жизни и нравственныя, всецѣло преданныя церкви и ея интересамъ, постоянно ревновавшіе не только о своемъ личномъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ, и потому люди очень учительныя, всегда готовые поучать, наставлять, обличать. Всѣ они дѣйствовали на религіозно-церковной основѣ, на почвѣ и въ духѣ тогдашняго церковнаго благочестія, одинаково и ревностно стремились къ улучшенію церковной и всей вообще религіозно-нравственной жизни общества, и свои общественно церковныя идеалы стремились провести въ жизнь подъ флагомъ строгаго православія, истинной неповрежденной церковности. Посуществу всѣ они были людьми съ реформаторскими болѣе или менѣе стремленіями, такъ какъ они ясно сознавали недостатки церковной и всей вообще религіозно-нравственной жизни тогдашняго общества, считали себя призванными бороться съ этими недостатками, перевоспитать и улучшить все общество своею дѣятельно-

стію. Но, при извѣстной одинаковости и общности стремлений всѣхъ реформаторовъ, при общности и одинаковости ихъ исходной точки и цѣли, сами реформаторы значительно расходились однако между собою въ пониманіи того, какимъ путемъ, съ помощію какихъ средствъ и въ какихъ границахъ нужно вести общество по пути усовершенствованія. Если, напримѣръ, Нероновъ и Аввакумъ были, относительно значительной массы духовенства, либералами, новаторами и чуть не еретиками, такъ какъ они строго держались единогласія, чинности и истовости въ отправленіи церковныхъ службъ и были учительны; то они же, съ другой стороны, были завзятыми консерваторами по отношенію къ Никоновской реформѣ, которая въ ихъ глазахъ была отрицаніемъ древняго благочестія, самаго православія, прямо злою ересью. Съ своей стороны самъ Никонъ, такъ горячо ратовавшій въ пользу тѣснаго единенія до послѣднихъ обрядовыхъ мелочей русской церкви съ греческою, дружившій съ учеными греками и кіевлянами, пользовавшійся въ своихъ цѣляхъ ихъ знаніями и ученостію; въ то же время крайне нетерпимо относился ко всякому заимствованію съ запада, къ западной наукѣ и образованности, видѣлъ въ этомъ угрозу православію, чуть не ересь, которую нужно всячески преслѣдовать. Если царь, Ртищевъ, Стефанъ готовы были устроить въ Москвѣ, съ помощію грековъ и кіевлянъ, настоящую школу, и съ помощію ея насаждать у насъ науку и образованность; то провинціальныя ревнители кружка относились къ греческимъ и кіевскимъ ученымъ и къ самой ихъ наукѣ прямо отрицательно, видѣли въ наукѣ и учености только одно зловерное киченіе челоуѣческаго ума, угрозу православію. Словомъ, члены кружка ревнителей, при одиноковости основъ своего міросозерцанія и пониманія окружающихъ ихъ явлений общественной жизни, при одинаковости ихъ возрѣній на задачи и цѣли своей общественной дѣятельности, въ то же время имѣли очень важныя и существенныя различія во взглядахъ на самый характеръ и причины существующихъ церковныхъ и другихъ нестроеній, на тѣ способы и средства, съ помощію которыхъ онѣ должны быть устранены и замѣнены лучшими порядками; почему одни изъ нихъ задачи реформы и улучшеній понимали болѣе широко, другіе болѣе узко, одни думали достигнуть предположенной цѣли одними

средствами, другіе считали эти средства недостаточными и находили нужнымъ прибѣгнуть къ другимъ, — единства во взглядахъ на характеръ предстоящей реформы и на средства ея проведенія у нихъ не было. Неудивительно поэтому, что члены кружка ревнителей благочестія, одинаково стремившіеся улучшить, реформировать жизнь русскаго общества, пошли къ этой цѣли разными путями, потянули русское общество въ разныя стороны, а въ концѣ концовъ враждебно столкнулись между собою и вступили другъ съ другомъ въ открытую ожесточенную борьбу, причемъ та и другая сторона, увлекаясь борьбою, впала въ односторонность, въ полное отрицаніе дѣятельности и всякой правоты своихъ противниковъ. Впрочемъ въ началѣ, когда кружку еще приходилось завоевывать, такъ сказать, самое существованіе, создавать и укрѣплять свое право на руководящую роль въ общей церковной жизни, бороться съ своими противниками и среди высшей церковной іерархіи и среди низшаго духовенства, кружекъ дѣйствовальъ единодушно и дружно.

ГЛАВА III.

Борьба кружка ревнителей благочестія съ патриархомъ Іосифомъ по вопросу о единогласіи.

Первоначальная общая дѣятельность кружка ревнителей благочестія. Неудовольствіе на эту дѣятельность со стороны высшихъ духовныхъ властей, особенно патриарха. Столкновение между ревнителями и патриархомъ Іосифомъ изъ за единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Возникновение и развитіе у насъ многогласія. Неудачная борьба съ этимъ злоупотребленіемъ, начиная съ Стоглавнаго собора. Стефанъ Вонифатьевичъ и Ртищевъ вводятъ единогласіе сначала въ своихъ церквахъ, а потомъ къ нимъ присоединяются царь, Нероновъ, Никонъ и другіе ревнители. Соборъ 11 февраля 1649 года, подъ предсѣдательствомъ патриарха Іосифа, рѣшаетъ вопросъ въ пользу стараго многогласія. Царь не признаетъ этого соборнаго постановленія и заставляетъ патриарха Іосифа передать рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе константинопольскаго патриарха, который безусловно высказывается за единогласіе. Въ 1651 году патриархъ Іосифъ принужденъ былъ созвать новый соборъ для вторичнаго разсмотрѣнія вопроса о единогласіи и порѣшить его, вопреки своему прежнему постановленію, такъ, какъ желали его противники-сторонники единогласія. Патриархъ Іосифъ теряетъ всякое значеніе въ церковныхъ дѣлахъ вплоть до самой своей смерти.

Первоначальная общая дѣятельность всѣхъ членовъ кружка ревнителей благочестія опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ. На борьбу съ общественными пороками и недостатками, на борьбу съ лѣнностію и распущенностію духовенства и выступилъ прежде всего кружокъ ревнителей, поставивъ своею задачею водворить въ народѣ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковные безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего кружокъ ревнителей энергично возсталъ противъ разныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, народныхъ иногда кощунственныхъ забавъ и увеселеній, настаивая предъ высшею церковною и свѣтскою властію, что бы она пришла къ нимъ на помощь въ этомъ дѣлѣ своими правительственными мѣрами: запрещеніями и указами. И съ этой стороны кружокъ достигалъ своей цѣли: благодаря воздѣйствію Стефана Вонифатьевича на царя изданъ былъ цѣлый рядъ указовъ и распоряженій въ видахъ уничтоженія въ породѣ грубыхъ и безнравственныхъ языческихъ игрищъ, забавъ и суевѣрій, на которыя указывали правительству ревнители. Затѣмъ кружокъ выступилъ съ энергичными обличеніями беспорядочной, зазорной жизни какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства и настаивалъ предъ властями, что бы онѣ предприняли мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ, также и разныхъ церковныхъ нестроеній, проявляющихся въ самомъ отправленіи духовенствомъ церковныхъ службъ. Въ то же время кружокъ ревнителей усиливался возстановить совсѣмъ было замолкшую на Руси церковную проповѣдь, настаивая, что бы при церковныхъ службахъ народу читались положенныя уставомъ поученія и житія, причѣмъ сами члены кружка старались неукоснительно выполнять всѣ тѣ требованія, какія они предъявляли къ остальному духовенству ¹⁾.

Указанная дѣятельность кружка ревнителей, находившихъ себѣ постоянную поддержку и поощреніе въ царскомъ духовникѣ Стефанѣ Вонифатьевичѣ и прочную опору въ самомъ государѣ, естественно не могла нравиться какъ патріарху, такъ и большинству епархіальныхъ архіереевъ. Въ дѣятельности кружка патріархъ и власти видѣли косвенное порицаніе ихъ архипастырской дѣятельности, обличеніе ихъ въ нерадѣніи въ исполненіи своихъ архипастырскихъ обязанностей, въ преступномъ ихъ равнодушіи къ печальному нравственно - религіозному положенію пасомыхъ, духовенства и самой церкви, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя челобитныя ревнителей даже прямо принимали наставительно-учительный тонъ относительно патріарха и другихъ архіереевъ. Неизвѣстный, на-

---

¹⁾ Указанныя стороны общей дѣятельности кружка ревнителей, подробно изложены нами въ нашей книгѣ: патр. Никонъ, стр. 117—128.

примѣръ, въ своей челобитной къ патриарху Іосифу, называя себя „грубоумнымъ его богомольцемъ“, въ то же время напоминаетъ Іосифу о его предшественникахъ—московскихъ митрополитахъ: Петрѣ, Алексѣѣ, Іонѣ, примѣру которыхъ и приглашаетъ Іосифа слѣдовать въ своей архипастырской дѣятельности, причемъ рѣзко заявляетъ: „твоего святительскаго рукоположенія служители (церкви), только именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители“. Онъ молить Іосифа поревновать о церквахъ Божіихъ, оказать ревность по примѣру своихъ великихъ предшественниковъ на московской каедрѣ и исправить „хромое“, пока еще есть время. Другой челобитчикъ такъ пишетъ суздальскому архіепископу Серапіону: „ты, святителю Божій, яко же слышится, не прележиши, еже отринути и воспретити худыхъ человекъ, по бѣсовскому ухищренію, возношеніе и гордость на невѣсту Христову, глаголю церковь Божію: или мниши избѣжати суда Божія? Помни реченное въ писаніи: тому же быть волку и сему, аще волкомъ терпить, а не пастырю. Ты бо еси пастырь поставленъ и стражъ людемъ Божіимъ отгоняти волки, яко же во Іезекиилѣ речено бысть. Того ради и епископъ нарицаешися и мѣста высокаго сподобилси еси, еже ти смотри опасно на вся люди, сущія подъ паствою твоею, и учити на благовѣріе... И о семъ зельнѣ болю душею, яко отдалъ еси паству свою волкомъ на расхищеніе, паче же церковь Божію въ поруганіе мятежникомъ“.—Понятно, что подобныя обличенія со стороны ревнителей самихъ архипастырей церкви, приравниваніе ихъ къ волкамъ и губителямъ своихъ пасомыхъ и самой церкви, естественно вызывали сильное раздраженіе и неприязнь со стороны высшей духовной власти. Но одними обличеніями и укоризнами по адресу архипастырей церкви, кружекъ ревнителей не ограничился. Благодаря сочувствію къ себѣ и поддержкѣ царя и близкихъ къ нему лицъ, кружекъ дѣлается постепенно крупною силою, начинаетъ оказывать очень замѣтное вліяніе и прямо давленіе на ходъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, начинаетъ оказывать вліяніе на самое назначеніе митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на царя чрезъ Стефана Вонифатьевича. Вслѣдствіе этаго руководство всею церковною

жизнiю стало переходить въ руки кружка ревнителей, который фактически дѣлался управителемъ всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала инициатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ, инициатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются все смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Очень и очень неприятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ, и относительно которыхъ ревнители, состоявшіе въ значительной части изъ бѣлаго духовенства, часто не скупились на рѣзкія обличенія. Но особенно сильно долженъ былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, подъ бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему и всѣмъ архіереямъ сила, грозившая окончательно отстранить его и всѣхъ властей отъ фактическаго управленія церковію. Тогда патріархъ Іосифъ рѣшился вступить въ борьбу съ ревнителями. Вопросъ о введеніи единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи и сдѣлался тѣмъ боевымъ вопросомъ, около котораго произошла рѣшительная борьба между патріархомъ и кружкомъ ревнителей, причѣмъ дѣло тутъ шло не только о единогласіи, но и о томъ: кто побѣдитъ—партія-ли новаторовъ-ревнителей, съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ во главѣ, или партія приверженцевъ старыхъ церковныхъ порядковъ, во главѣ которой открыто сталъ теперь патріархъ Іосифъ, поддерживаемый большинствомъ архіереевъ и приходскимъ духовенствомъ, недовольнымъ реформаторскими затѣями кружка. Почему изъ всѣхъ другихъ вопросовъ, поднятыхъ ревнителями, именно вопросъ о единогласіи выдвинулся на первое мѣсто и сдѣлался боевымъ по преимуществу, это объясняется тѣмъ, что другіе вопросы, какъ, на примѣръ, о необходимости борьбы съ остатками язычества, съ распущенной жизнiю бѣлаго и чернаго духовенства, ни въ комъ не возбуждали сомнѣній: ненормальность указанныхъ явленій и необходимость борьбы съ ними признавалась всѣми. Другое было съ вопросомъ о единогласіи: тутъ возможны были, съ точки зрѣнія тогдашняго пониманія дѣла, и споры по этому вопросу, и борьба изъ за него.

Еще Стоглавый соборъ постановилъ: „псалмовъ бы и псалтыри вдругъ не говорили и каноновъ по два вмѣстѣ не канонархали, но по единому, занеже то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ; тако творити отцы отречено бысть“. Но не смотря на такое постановленіе Стоглаваго собора, „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“ продолжались по прежнему, по прежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ, и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослуженія, окончательно терялись — церковная общественная служба, при такихъ порядкахъ, не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящихъ, но напротивъ: приучала ихъ относиться къ богослуженію чисто механически, безмысленно, только внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чувства. Многіе изъ народа стали смотрѣть на посьщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне непристойно, что чуть ли не сдѣлалось общимъ правиломъ, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба, ради многогласія, совершалась съ особою скоростію. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, позволяя въ храмѣ читать одновременно голосовъ въ шесть и больше. Эти вопіющіе беспорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возмущали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей, и по ихъ жалобамъ высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотребленій нѣкоторыя мѣры. Патриархъ Гермогенъ въ посланіи пишетъ: „повѣдаютъ намъ христіанскіе люди со слезами, а инии писаніе приносятъ, а сказываютъ, что въ мірскихъ людяхъ, паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ, вселися великая слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію св. апостолъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ-де въ голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ и

въ пять—въ шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже¹⁾ Въ 1636 году нижегородскіе священники въ своей челобитной патріарху Іосифу заявляютъ: „въ церквахъ, государь, зѣло поскору пѣніе, не по правиламъ святыхъ отецъ, ни наказанію васъ, государей, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болѣ, со всякимъ небреженіемъ, по скору. Екзапсалмы, государь, также говорятъ съ небреженіемъ не во единъ же голосъ, и въ тужъ пору и псалтыри каноны говорятъ, и въ тужъ пору и поклоны творять невозбранно“²⁾. Подобныя церковныя нестроенія совершались и въ самой Москвѣ и по другимъ епархіямъ. Такъ патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявляетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ „чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры“, во всѣхъ церквахъ „зѣло по скору пѣніе Божіе, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ“. Патріархъ запрещаеъ многогласіе, однако сейчасъ же дѣлаеъ и уступку въ пользу укоренившагося злоупотребленія; „а въ церкви бы велѣти говорити, пишетъ онъ, голоса въ два, а по нуждѣ въ три голоса, опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ, а псалтыри и каноновъ въ тѣ поры говорити отнюдь не велѣти“. Суздальскій архіепископъ Серапіонъ въ своемъ окружномъ посланіи 1642 года пишетъ: „вѣдомо убо намъ, архіепископу, отъ многихъ извѣстися, что въ Суздалѣ и по всѣмъ городомъ нашея архіепископыи, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинятца мятежи и соблазнъ и нарушеніе святыя нашея православныя христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло по скору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостоль и святыхъ отецъ: говорятъ въ голосовъ въ пять и шесть и больши, со всякимъ небреженіемъ“. Въ виду этихъ злоупотребленій архіепископъ повелѣваеъ: „а въ церкви велѣти говорити голоса въ два, а экзапсалмы по всѣмъ церквамъ говорити въ одинъ голосъ, а псалтыри и каноновъ въ ту пору говорить отнюдь невелѣтъ“. Но такъ какъ злоупотре-

1) Сахарова: Исслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣніи.

2) Чт. общ. ист. и древн. 1902 г., кн. II, отд. IV, статья Н. В. Рождественскаго.

требленія продолжали существовать по прежнему, то они по прежнему продолжали вызывать и горькія жалобы людей благочестивыхъ. Такъ, неизвѣстный въ челобитной къ патріарху Іосифу говорить: „воспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ — благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне по чину содѣваются, первому другое послѣдую, звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и не по ряду совершается, яко же предаша намъ святіи отцы, ежебы первыхъ божественны сладости вкусивше, и другихъ совершенію святыя службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщатися; но точію, государь, именовъ утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, отъ многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пьянства: къ начальному пѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести гласовъ купно бываетъ. И еще, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай? Воистину государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость“ ¹⁾. Біографъ Неронова говоритъ: „въ оная времена отъ неразумѣющихъ божественнаго ученія вніиде въ святую церковь смущеніе веліе, яко чрезъ уставъ и церковный чинъ не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга неразумѣюще, что глаголетъ; и отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и козлогласованіе въ церквахъ бываше странно зѣло: клирицы бо пояху на обоихъ странахъ псалтырь и иныя стихи церковныя, не ожидающе конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху; псаломникъ же прочитоваше стихи, не внимая поемыхъ, начинаше иныя, и не возможно бяше слушающему разумѣти поемаго и читаемаго“ ²⁾. Нѣкто, называющій себя Агаѳоникомъ, прислалъ суздальскому архіепископу Серапіону цѣлое обширное посланіе, съ цѣлію доказать необходимость введенія во всѣхъ церквахъ обязательнаго единогласія и необходимость уничтоженія укоренившагося у насъ многогласія. Послѣ меньшаго вступленія, съ выраженіемъ почтенія къ архіепископу и своего недостойн-

¹⁾ Наша книга: Патр. Никонъ, приложение.

²⁾ Мат. т. I.

ства, послѣ укоровъ архіепископу за его нерадѣніе въ борьбѣ съ приверженцами многогласія, которые, какъ волки, расхищаютъ его паству, производятъ церковный раздоръ, авторъ спрашиваетъ: „кто сіе устави единоголасное и благочинное пѣніе—повѣждь ми?“ И отвѣчаетъ: „не инъ бо кто сіе устави, но иже восшедый до третьяго небесе, Павелъ Апостоль, яко же рече: нынѣ же братія, аще прииду къ вамъ языки глаголяй, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествіи, или въ наученіи“.., и ссылаясь на толкованіе этихъ словъ Апостола Златоустомъ, говоритъ: „такое и мы, святой владыко, во святыхъ Божіихъ церквахъ, егда въ два гласа и въ три и четыре вдругъ говоримъ вси, которая польза будетъ слышающимъ? всюду неполезное будетъ, яко же Златоустый глаголетъ здѣ и Павелъ Апостоль. Слыши святой владыко, како Апостоль Павелъ, Златоустъ бесполезное показываютъ пѣніе „съ безчиніемъ бываемое“... Приводя другія мѣста изъ Апостола Павла и толкованія на нихъ Златоуста, говоритъ: „вонми святой владыко Апостола гласу, яко бѣснующихся являетъ быти всѣхъ глаголющихъ вдругъ; не явѣ-ли мы, егда въ гласа въ два, и въ три, и въ четыре, и въ пять, овогда и въ шесть и въ семь, неточію невѣрніи, но и вѣрныи, благочестіе и благочиніе церковное любяи, неречеть-ли намъ — бѣснуемъ? ей посмѣется сему нашему бѣснованію“. Снова приводя слова Апостола Павла и толкованіе Златоуста, говоритъ: „видиши-ли владыко святой, како Павелъ Апостоль и Златоустый Іоаннъ къ пользѣ вся творити повелѣвають, и къ созиданію ближняго и исправленію; кая же польза получитьи предстоящимъ въ церкви людемъ во время божественнаго пѣнія, егда въ гласа два или три и множае вдругъ говорятъ,—никако ничесого, точію шумъ всеу, и безъ пользы, и пагуба съ великимъ грѣхомъ“. И опять приводя слова Ап. Павла и толкованія Златоуста, говоритъ, что онъ „повелѣ явно вездѣ по вселеннѣй во всѣхъ церковныхъ святыхъ, пѣти единымъ гласомъ, вниманія и созиданія ради слышати хотящихъ слова Божія въ пользу себѣ, да не безъ плода отъ церкви отыдутъ“. Ссылаясь затѣмъ, въ подтвержденіе необходимости единоголасія на Григорія Богослова, авторъ, обращаясь къ архіепископу, говоритъ: „что же святителю Божій къ симъ? Аще сихъ свидѣтелей не требуемъ,

или не преемлемъ, глаголющихъ правая и истинная о Христѣ и о догматѣхъ, то убо тѣца и вѣра наша, обрѣтаютъ жеся и лжесвидѣтели Божія Апостоли, яко послушествоваше на Бога, яко воскреси Христа, Его не воскреси; и умерши о Христѣ и о догматѣхъ—погибоша; аще въ животѣ семъ уповающе есмы въ Христа точію,—окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы; и евангельская проповѣдь и апостольская преданія, и правила святыхъ и богоносныхъ отецъ будутъ ложны и не истинны, тако же и уставы церковныя; то убо нынѣшнихъ мятежниковъ и раскольниковъ церковныхъ уставы добры? Ни, не буди тако. Вся сія бляди суть суетословцовъ и своевольниковъ, якоже Златоустъ глаголетъ, зане по своему ихъ любоначалию сія глаголющимъ, и творящимъ во святыхъ церквахъ еретическій сей шумъ, а любоначалие мати есть ересямъ, якоже Златоустый глаголетъ. Буди намъ послѣдовати и творити по преданію святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ правиломъ, и по церковнымъ уставомъ, еже въ пользу себѣ и всему православному христіанству, а еретическихъ блядей и богопротивныхъ всячески ошаяватися и отметати ихъ“. Авторъ заявляетъ, что за единогласіе говорятъ не только указанные имъ святые мужи, но и московскій Стоглавый соборъ, постановленіе котораго о единогласіи онъ и приводитъ, а также и московскій патріархъ Гермогенъ, „новый исповѣдникъ“, также боровшійся съ многогласіемъ; и затѣмъ, обращаясь къ архіепископу, говоритъ: „поминай святителю Божій Златоустаго слово, яко рече: да не убо ми речеши, яко пресвитеръ согрѣшилъ есть, ниже яко діаконъ: всѣхъ сихъ на главу хиротонисавшихъ вины переходять“. Въ заключеніе своихъ разсужденій и доказательствъ въ пользу безусловной обязательности для всѣхъ единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи, авторъ приходитъ къ такому выводу, что „всею силою и мощію должны суть архіепископи и епископи имѣти стражбу о освященныхъ кононѣхъ божественныхъ правилъ, поручено бо есть имъ твердо соблюдать я, да ничто отъ нихъ преступаемое и забытіемъ преминуемо, ни изысканіемъ оставляемо, во онъ день въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ: хранящіи бо священныя каноны Владыки Бога сподобляются, сія же преступающіи, въ конечное осужденіе себѣ влагаютъ. Божественнымъ канонемъ несохраняемымъ, различна преступленія бывають, отъ тогоже Божій

гнѣвъ на насъ сходить, и многія казни, и послѣдній судъ. Тому сему повинни суть святители, не бдяще, не стрегуще винограда, еже есть церковь, но препушающе во обиду по нѣкоей страсти, или по неразумію небоязны вышняго страха, иже суть клялися сохранить и судьбы закона и правды Божія,—горекъ судъ таковымъ и подѣломъ воздаяніемъ будетъ. Бога ради, молимъ тя, святителю Божій, со всѣми, иже Бога любящими, во еже силою Святаго Духа, по богоизбранномъ народѣ твоя паствы, пачеже о душахъ ихъ, поболѣти и руку подати требующимъ и исцѣлители братію, погибнути хотящихъ, и во единое собрати разстоящіяся уды, исправить же согрѣшеніе, дондеже время настоитъ, яко да многимъ странамъ подашь подобающе согласіе, еже убо безмѣстіе худыхъ чловѣкъ погубити возношеніе, занеже се и Владыцѣ всѣхъ благоугодно и вышши всякія молитвы“ 1).

1) Агаѳоникъ, авторъ посланія къ суздальскому архіепископу о единогласіи, былъ москвичъ, а не суздалецъ. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: „якоже и въ нынѣшнее настоящее время и у насъ на Москвѣ въ мірскихъ церквахъ“... Онъ былъ не архіерей, а священникъ, потому что, говоря о священникахъ, выражается: „мнѣ подобніи“, и особенно изъ заключительныхъ словъ посланія, гдѣ авторъ называя себя худоумнымъ, „рабски творя метаніе къ стопамъ честныхъ ногъ“ архіепископа, заявляетъ, что хотя „николиже бо, святителю Божій, овца пастыремъ не бываетъ, ниже заяць лъву“, но въ надеждѣ на доброту святителя рѣшился писать къ нему. Кто былъ Агаѳоникъ, не знаемъ, такого лица не встрѣчается между извѣстными намъ тогдашними московскими дѣятелями. Предполагаемъ, что это посланіе къ Серапіону было написано или самимъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, или кѣмъ либо другимъ по его порученію, и разсылалось потомъ отъ его лица тѣмъ архіереямъ, отъ которыхъ Стефанъ ожидалъ сочувствія его заботамъ о введеніи единогласія. Къ числу такихъ сочувствующихъ, но нерѣшительныхъ архіереевъ, принадлежалъ и Серапіонъ. Это видно изъ того, что посланіе, съ одной стороны, замѣчаетъ, будто Серапіонъ, какъ слышно, не заботился о введеніи въ церквахъ единогласія; съ другой—въ посланіи говорится: „твое же, святителю Божій, похваляю съ радостію Христова подражательство по Христѣ и по церкви, и хвалу Богу воздаю, яко подкрѣпляеши церковниковъ на благочинное и боголюбезное единогласное пѣніе во святыхъ Божіихъ церквахъ, вниманія ради и пользы предстоящихъ православныхъ народовъ“. Очевидно, Серапіонъ поощрялъ церковниковъ къ единогласію только частнымъ образомъ и не рѣшался открыто признать его обязательнымъ. Что это посланіе могло быть прислано Серапіону Стефаномъ Вонифатьевичемъ, думать такъ даетъ право самый характеръ посланія. Оно рассчитано убѣдить Серапіона, что единогласіе основывается на св. Писаніи, на ученіи великихъ отцовъ церкви, на требованіи и постановленіи рус-

Но многогласіемъ въ чтеніи и пѣніи, одновременностію чтенія и пѣнія, дѣло не ограничивалось, злоупотребленія и

скаго Стоглаваго собора, на предписаніи русскаго первосвятителя и страдальца патріарха Гермогена. Наоборотъ многогласіе является нарушеніемъ яснаго ученія Христа, Апостоловъ, св. отцовъ, постановленій соборныхъ, и въ самой русской церкви представляетъ изъ себя недавнее явленіе, особенно развившееся и окрѣпшее только въ смутное время. Многогласіе представляетъ изъ себя „уставы нынѣшнихъ мятежниковъ и раскольниковъ церковныхъ“ „еретическій шумъ“ „поругательство Богу и второе Христораспинаніе, тѣла Его раздираніе“. Такъ писать о многогласіи было вполнѣ естественно горячему ревнителю единогласія — Стефану. Составитель посланія, называя себя „и худшимъ и сквернѣйшимъ и всѣхъ окаяннѣйшимъ“, будучи только священникомъ, пишетъ однако къ архіерею съ большою властію и прямо, за нерадѣніе о введеніи единогласія, выражаетъ архіепископу свое порицаніе. „Или мниши убѣжати суда Божія?“ спрашиваетъ онъ Серапіона, и сурово напоминаетъ ему, что такіе нерадивые архіереи называются въ Писаніи не пастырями, а волками. О себѣ, какъ силу и авторитетъ имѣющей, авторъ говоритъ: „и о семъ *зельнѣ болю душою*, яко отдалъ еси паству свою волкомъ на расхищеніе, пачеже церковь Божию въ поруганіе мятежникомъ“. Очевидно писавшій хорошо зналъ, что архіепископъ обратитъ должное вниманіе „на зельное болѣніе душою“ писавшаго и не отнесется къ этому заявленію автора съ пренебреженіемъ, или полнымъ индеферентизмомъ, какъ бы это могло быть, если бы авторъ не былъ сильный и вліятельный человекъ въ Москвѣ. Только Стефанъ Вонифатьевичъ могъ такимъ тономъ писать архіепископу: „всею силою и всею моцію должны суть архіепископи и епископи имѣти стражу о священныхъ канонахъ божественныхъ правилъ, поручено бо есть имъ твердо соблюдать я...“ Изъ словъ автора: „николи же бо, святителю Божій, овца пастыремъ не бываетъ, ниже заяць — льву; но вѣдая твое, святителю Божій, ко мнѣ нищему милостивное права человекѣлюбнаго, дерзнухъ извѣстити и на память ти привести“, видно, что авторъ — москвичъ, лично хорошо былъ знакомъ съ архіепископомъ и пользовался его расположеніемъ, которое и ободрило его обратиться къ архіепископу съ посланіемъ о единогласіи. Нельзя не замѣтить и того, что еслибы авторъ посланія былъ заурядный москвичъ ревнитель, то зачѣмъ бы онъ сталъ съ своими разсужденіями и доказательствами въ пользу единогласія обращаться къ архіепископу суздальскому, когда онъ могъ направить свое посланіе прямо къ патріарху, или даже къ государю, какъ это и дѣлали обыкновенно всѣ московскіе ревнители. Иное дѣло Стефанъ Вонифатьевичъ. У него уже вышло (о чемъ скажемъ ниже), по вопросу о единогласіи, столкновеніе съ патріархомъ Іосифомъ, онъ зналъ, что для рѣшенія этого вопроса будетъ собранъ нарочитый соборъ, и онъ сталъ стараться найти среди архіереевъ такихъ, которые бы, убѣжденные его посланіемъ, открыто стали на сторону единогласія. Въ лицѣ суздальскаго архіепископа онъ, очевидно, хотѣлъ пріобрѣсти себѣ сторонника въ вопросѣ о введеніи единогласія. Наконецъ нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство,

беспорядки шли далѣе, простирались на самый характеръ церковнаго пѣнія. Біографъ Неронова говоритъ, что въ то время въ церквахъ „пояху рѣчи не яко писани суть, но измѣняюще реченія ради козлогласованія своего, воспріемше обычай древнихъ безчинниковъ, и вмѣсто ежебы глаголати: Богъ, Христосъ, Спасъ, они пояху: Бого, Христосо, Спасо и прочія рѣчи измѣняюще, яко нынѣ странно зѣло слышати“: Инокъ Евфросинъ въ 1651 году писалъ: „Духъ Святый повелѣваетъ бѣ пѣти не просто, но разумно, сирѣчь не шумомъ, ниже украшеніемъ гласа, но знати бы поемое самому поющему, и послушающимъ того пѣнія разумъ рѣчей мощно бы вѣдати, а неточію гласъ украшати, о силѣ же глаголь, небрещи... Въ пѣніи бо нашемъ точію гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ, а освященныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ и письменныхъ древнихъ и новыхъ книгъ, и неточію развращены, но и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священнымъ писаніямъ учихомся, чюжи, не свойственны и сопотивны. Гдѣбо обрящется во священномъ писаніи нашего природнаго словенскаго діалекта сицевыи, несогласныя рѣчи: сопасо, пожеру, вомонѣ, тѣмено, имои, восѣни, волаемо, иземи, людеми, сонѣдаяи и прочія таковыя странныя глаголы, ихже множество невозможно нынѣ подробно исчести“ 1).

что это посланіе Стефана къ архіепископу Серапіону находится въ тѣсной связи съ извѣстной челобитной государю патріарха Іосифа (она напечатана въ приложеніи къ нашей книгѣ: Патр. Никонъ) на Стефана Вои-
 фатьевина, въ которой Іосифъ отъ лица всего собора жаловался государю, что Стефанъ говорилъ, „будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Вожіи, а меня, богомольца твоего, называлъ *волкомъ, а не пастыремъ*; также называлъ и насъ, богомольцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископа, и весь освященный соборъ бранными словами, *и волками и губителями*, и тѣмъ безчестилъ“. Въ посланіи къ Серапіону архіереи, за допущеніе многогласія, и приравниваются именно къ волкамъ и губителямъ, отдающимъ свою паству волкамъ на расхищеніе, а церковь Вожію въ поруганіе мятежникамъ — многогласникамъ, причемъ самое многогласіе, защищаемое патріархомъ Іосифомъ и его соборомъ, называется расколомъ, еретическимъ шумомъ, вторымъ христораспинаніемъ и под. (Посланіе къ суздальскому архіепископу Серапіону о единогласіи, находится въ рукописномъ сборникѣ бібліотеки московской духовной академіи, № 100, л.л. 321—341).

1) Бычкова. Опис. рукоп. сборниковъ импер. публ. библ. № XXIII. Опис. рукоп. Хлудова № 91. Сахарова: Исслѣд. о русс. церк. пѣснопѣніи.

Глава кружка ревнителей, Стефанъ Вонифатьевичъ, рѣшительно возсталъ противъ многогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи и рѣшился всюду ввести единогласіе. Вмѣстѣ съ Федоромъ Ивановичемъ Ртищевымъ они стали дѣйствовать на царя, который охотно примкнулъ къ нимъ, вполне раздѣляя ихъ воззрѣнія на единогласіе. Тогда Стефанъ и Ртищевъ „первое уставивша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе“, а потомъ, посовѣтовавшись между собою, при поддержкѣ государя, вызвали изъ Нижняго Новгорода извѣстнаго Іоанна Неронова и сдѣлали его протопопомъ московскаго Казанскаго собора. Нероновъ немедленно ввелъ въ своемъ соборѣ единогласное пѣніе и чтеніе. Къ нимъ скоро примкнулъ, въ этомъ дѣлѣ, и новоспаскій архимандритъ Никонъ, впоследствии патріархъ, который, по словамъ Шуперина, и сдѣлался Стефану „въ томъ богоспасаемомъ дѣлѣ велий поборникъ и помощникъ“. Затѣмъ, по примѣру Стефана и Неронова, за единогласіе дружно стали и провинціальныя ревнители: Аввакумъ, Лазарь и другіе.

Настойчивыя и энергичныя усилія кружка ревнителей ввести въ приходскихъ московскихъ церквахъ единогласіе, и очевидное ихъ стремленіе распространить его на всю церковь, вызвали сильное возбужденіе и недовольство среди громаднаго большинства приходскаго духовенства, которое увидѣло въ единогласіи зловерное новшество, чуть не ересь, и готово было открыто и рѣшительно возстать противъ него. Этимъ возбужденіемъ приходскаго духовенства, и въ значительной мѣрѣ самихъ прихожанъ, воспользовался патріархъ Іосифъ, чтобы подвести свои счеты съ ненавистнымъ ему, зазнавшимся кружкомъ ревнителей, состоящимъ исключительно изъ лицъ низшей церковной іерархіи и не имѣвшимъ въ средѣ своей ни одного архіерея. Патріархъ сталъ во главѣ противниковъ единогласія ¹⁾.

1) Что приходское духовенство и въ самой Москвѣ, было рѣшительно противъ единогласія, готово было видѣть въ немъ даже еретичество, новую вѣру, и всячески стояло за многогласіе, на это имѣются несомнѣныя данныя. Въ 1651 году гавриловскій попъ Иванъ извѣщалъ государя: „говориль-де ему никольскій попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдетца: заводите-де вы, ханжи, ересь новую — единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы-де людей прежде сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говариваль-де онъ попъ Прокофей: бѣса-де въ себѣ имате и вы всѣ ханжи... и протопопъ де благовѣщенскій (Стефанъ

На первый взгляд может показаться очень странным: какимъ образомъ патріархъ Іосифъ могъ защищать много-

Вонифатьевичъ) такой же ханжа: сказалъ-де онъ: Господа Саваоа видѣлъ, и онъ де бѣса видѣлъ, а не Бога. А Бога-де кто можетъ видѣти во плоти?“ И другіе московскіе священники сильно были возмущены введеніемъ единогласія и требованіемъ отъ нихъ учительства,—они шумѣли и не хотѣли подписываться подъ требованіемъ объ обязательномъ введеніи единогласія въ приходскихъ церквахъ. Тотъ же попъ Иванъ заявлялъ, что 11 февраля, въ сѣняхъ московской тѣнскаго избу, былъ сильный крикъ: „лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи: мы-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольниковымъ,—любо-де имъ будетъ единогласіе?“ И когда попъ Иванъ сталъ говорить противящимся единогласію; что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св. отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: „намъ-де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“. Въ то же время какой-то попъ Андрей говорилъ: „чтобъ ему съ казанскимъ протопопомъ (Церонымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жребій, и будетъ его вѣра права, и они-де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученія)“. (Зап. русс. археол. общ. т. II, стр. 394—396). И значительно позже послѣ собора 1651 года, сдѣлавшаго единогласіе обязательнымъ, оно еще долго однако не могло привиться въ приходскихъ церквахъ и даже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Въ 1658 году вологодскій архіепископъ Маркеллъ пишетъ на Вѣлоозеро протопопу Авраамію о наблюденіи имъ, „чтобы въ церкви Божіи всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно“ (Ак. Эксп. IV, № 105). Въ 1660 году въ царской грамотѣ ко всему новгородскому духовенству предписывается, „чтобъ во всѣхъ церквахъ Божіихъ церковное пѣніе было единогласно, со страхомъ Божіимъ“ (Ibid. и № 115). Въ 1661 году новгородскій митрополитъ Макарій, въ грамотѣ къ архимандриту Тихвинскаго монастыря Іоасафу, писалъ, что ему вѣдомо учинилось, „что на Тихвинѣ на посадѣ и около Тихвина въ новгородской десятинѣ“, въ монастыряхъ и погостахъ, „поютъ и говорятъ не единогласно“, почему-де и слѣдуетъ сдѣлать духовенству строгій наказъ, „чтобъ пѣли и говорили по всѣмъ Божіимъ церквамъ единогласно, а не во многіе гласы“ (Ак. Ист. IV, № 151). Въ 1671 году новгородскій митрополитъ Питиримъ требуетъ, чтобы въ церквахъ „пѣли и говорили единогласно“ (Ак. Эксп. IV, № 184). Тотъ же митрополитъ Питиримъ въ слѣдующемъ 1672 году заявляетъ, что ему вѣдомо учинилось, „что на Вагѣ, въ Шенкурскомъ острогѣ и во всей важкой десятинѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастыремъ у игуменовъ, и у строителей, и у черныхъ поповъ съ братьею, а по погостамъ и по выставкамъ у поповъ и у дьяконовъ и у церковныхъ причетниковъ, по святымъ Божіимъ церквамъ, многое церковное неисправленіе—поютъ и говорятъ не единогласно“. (Ibid. IV, № 188). Въ 1687 году, въ наказѣ новгородскаго митрополита Корнилія завѣдующему тѣнскимъ приказомъ, священнику Никитѣ Тихонову, говорится, что онъ

гласіе—сіе безстрашіе и нерадѣніе о церковномъ пѣніи“, „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“; ка-

долженъ наблюдать, чтобы „во святыхъ церквахъ пѣли бы и говорили единогласно, а не въ два и три гласы“ (Ак. Ист. V, № 152).

Приходское духовенство, съ своей стороны, имѣло очень уважительныя причины противиться введенію единогласія и отстаивать старое привычное для прихожанъ многогласіе. 11-го февраля 1651 года, какъ мы видѣли, лукинскій попъ Савва съ товарищи говорилъ такія рѣчи: „миѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки неприкладывать; напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи Вояромъ и окольничимъ: любо-ли-де имъ будетъ единогласіе?“ Это безпокойство приходскаго духовенства о томъ, какъ прихожане, особенно знатные, богатые и вліятельные, отнесутся къ введенію единогласія, очень сильно удлинявшаго всѣ церковныя службы, тогда какъ ранѣе благодаря многогласію, прихожане привыкли къ службамъ очень короткимъ, вытекало изъ опасенія, что между духовенствомъ и прихожанами, изъ за продолжительныхъ службъ, могутъ произойти очень непріятныя недоразумѣнія и даже открытыя столкновенія, далеко не всегда безвредныя для вводителѣй въ церквахъ единогласія. Протопопу Аввакуму, напримѣръ, сильно доставалось отъ прихожанъ за введенное имъ въ службахъ единогласіе. Многогласное пѣніе и чтеніе, говоритъ онъ, „лестъ сію молитву я предъ Богомъ вмѣняю. Того ради такъ (многогласно) говорятъ, чтобы намъ изъ церкви скорѣе выйти. Меня и самово за то.(единогласіе) бывали и гоняли безумніи: долго-де поешь единогласно! Намъ-де дома недосугъ! Я имъ говорю: пришелъ ты въ церковь молиться, отверзи отъ себя всякую печаль житейскую; ищи небесныхъ! О человекъ суетнѣ! Невозможно окомъ единѣмъ глядѣть на землю, а другимъ на небо, также сластемъ и страстемъ работати. Такъ меня за тѣ словеса въ церкви бьютъ, да волочатъ, а иные и въ ризахъ не щадятъ“. (Мат. V, 222 — 223). Когда Нероновъ прибылъ въ ссылку въ Каменскій монастырь, то, доброжелательно сначала встреченный настоятелемъ и братіей, немедленно принялся вводить здѣсь новыя церковныя порядки: единогласіе, истовость въ отправленіи службъ, чтеніе всѣхъ положенныхъ поученій и житій, что крайне удлинило монастырскія службы. Настроеніе братіи и настоятеля къ Неронову скоро измѣнилось и сдѣлалось враждебнымъ. Одинъ старецъ сталъ говорить: „какъ-де пріѣхалъ протопопъ Іоаннъ, такъ-де и пѣніе стало большее, и свѣчамъ-де большой расходъ“. Наконецъ иноки открыто возстали противъ ревнителя точнаго, истоваго соблюденія всѣхъ предписаній устава, къ нимъ присоединился и архимандритъ, который однажды „емъ Іоанна за власы, по трапезѣ влачаше, и руками по щекамъ біяше время довольно“. (Мат. I, 113—115). Сибирскій и тобольскій архіепископъ Симеонъ пишетъ государю въ челобитной: „въ прошломъ, государь, въ 161 году, въ Сибири, въ Красной слободѣ (Тюменскаго уѣзда), московскій прикащикъ Прокопей Протопоповъ священника билъ до полусмерти ослопы за церковное единогласное пѣніе: велитъ пѣть по своему угодію во многіе голоса, и налогу тому священнику большую чинить, и жену ево билъ

кимъ образомъ патріархъ могъ возстать на защиту многогласія, столь очевидно представляющаго изъ себя вопіющее злоупотребленіе, ни подъ какимъ видомъ недопустимое и не терпимое въ церкви? Между тѣмъ, съ точки зрѣнія тогдашняго пониманія дѣла, Іосифъ имѣлъ свои серьезныя основанія бороться противъ единогласія и отстаивать многогласіе.

Русскіе того времени были убѣждены, что при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ необходимо вычитать и пропѣть безъ всякихъ пропусковъ все, что положено въ церковномъ уставѣ, который однако взятъ былъ нами изъ восточныхъ самыхъ строгихъ монастырей, и введенъ былъ у насъ въ

до полусмерти“. И когда архіепископъ, призвавъ къ себѣ Прокопія, сталъ выговаривать ему за его побой священнику, „и овъ, Прокопей, и ко мнѣ обезстыдился,—отказывалъ мнѣ невѣжливыми словами: гдѣ-де вамъ—ханжамъ! Нынѣ не старое время! И не у тебя-де я подъ судомъ“. (Рук. Старина, 1892 г., мартъ, стр. 678). Очевидно священникамъ, сторонникамъ и вводителемъ въ своихъ церквахъ единогласія, приходилось иногда отъ прихожанъ очень плохо, и они имѣли всѣ основанія не подписываться къ приказу о введеніи единогласія прежде, чѣмъ къ нему неподпишутся бояре и окольные, а въ другихъ мѣстахъ вообще люди сильные и властные. Да если гдѣ священниковъ и не били за введеніе единогласія, за то прихожане, какъ свидѣтельствуется соборное постановленіе, отъ 11-го февраля 1649 года, просто переставали ходить въ тѣ церкви, гдѣ службы, ради единогласія, совершались очень долго. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, священники необходимо лишались очень многихъ доходовъ, а это, конечно, сильно побуждало ихъ крѣпко держаться за старое привычное многогласіе.

Наконецъ и безъотносительно къ прихожанамъ и доходамъ, для очень многихъ членовъ тогдашняго клира, единогласіе являлось крайне нежелательнымъ по той простой причинѣ, что значительная часть тогдашнихъ клириковъ была малограмотна, неумѣла хорошо читать и пѣть. Такимъ, при многогласіи, было очень удобно, такъ какъ стоявшіе въ церкви, ради многогласія, рѣшительно не имѣли возможности разобрать, кто, что и какъ читаетъ и поетъ, почему всякое сомнительное чтеніе и просто неразборчивое бормотанье по церковной книгѣ полуграмотнаго чтеца, могло сходить за настоящее чтеніе. Иначе стояло дѣло при единогласіи и соединенной съ нимъ истовости службы, когда каждый стоящій въ церкви могъ понять и оцѣнить всякаго чтеца и пѣвца, тутъ безграмотному клирику скрыться за другихъ становилось невозможнымъ, почему безграмотность клира и держалась упорно за многогласіе. Очевидно единогласіе не замѣтно предъявляло новыя, повышенныя нѣсколько требованія къ умѣнью клира пѣть и читать въ церкви, что и вызывало среди малограмотныхъ клириковъ противодѣйствіе единогласію.

обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ. Благодаря этому обстоятельству службы въ приходскихъ храмахъ, при вычитываніи и выпѣваніи всего положеннаго строгимъ монастырскимъ уставомъ, выходили чрезмѣрно длинными и крайне утомительными для прихожанъ, которые, при такихъ условіяхъ, неохотно посѣщали церковныя службы, какъ очень обременительныя для нихъ и требующія слишкомъ много времени. Практическая повелительно настоятельная нужда требовала сокращенія церковныхъ службъ въ приходскихъ церквахъ. Тогда наши предки, для достиженія этой, самой жизнию подсказанной цѣли, прибѣгли къ такому средству: оставаясь вѣрными тому своему возрѣнію, что весь церковный уставъ обязательно долженъ выполняться при совершеніи всѣхъ церковныхъ службъ, они стали употреблять многогласіе т. е. прибѣгли къ единовременному пѣнію положеннаго уставомъ въ нѣсколько голосовъ сразу, причемъ одинъ читалъ и пѣлъ одно, другой въ этоже время другое, третій свое и т. д., благодаря чему церковныя службы отправлялись очень скоро, а между тѣмъ все положенное уставомъ выпѣвалось и вычитывалось вполнѣ и безъ всякихъ пропусковъ. Понятно, чѣмъ наибольшее количество голосовъ раздѣлялось положенное для данной службы чтеніе и пѣніе, тѣмъ скорѣе отправлялась служба, почему, въ видахъ скорости, стали употреблять въ службахъ пѣніе и чтеніе сразу голосовъ въ пять, шесть и семь. Но такое многогласіе, въ видахъ необходимаго сокращенія времени службъ, допускалось только для приходскихъ церквей, ради немощи мірскихъ людей, ради снисхожденія къ ихъ житейскимъ заботамъ, недозволяющимъ удѣлять имъ слишкомъ много времени на посѣщеніе церковныхъ богослуженій. Другое дѣло монастыри, населенные людьми, отрешившимися отъ всего мірскаго, обязавшимся посвятить себя всецѣло служенію Богу, непрестанной молитвѣ; тамъ строго требовалось соблюденіе единогласія и долгія службы были обязательны. Полагалось, если кто изъ мірскихъ хотѣлъ слушать настоящую истовую службу, тотъ долженъ былъ отправляться на богомолье въ монастырь, почему благочестивые русскіе люди и считали себя обязанными, времени отъ времени, посѣщать ради богомолья монастыри, чтобы хотя изрѣдка помолиться какъ слѣдуетъ, выстанвая всѣ длинныя монастырскія службы.

Естественно поэтому, что когда ревнители благочестія, указывая на полное извращеніе характера и значенія церковныхъ службъ многогласіемъ, на весь вредъ подобныхъ церковныхъ порядковъ для молящихся, необходимо ничего не понимавшихъ изъ того, что читалось и пѣлось въ церкви, и потому составлявшихъ о самомъ богослуженіи и его цѣли и назначеніи, самое неправильное и извращенное понятіе,— когда они потребовали уничтоженія многогласія и введенія единогласія; то самъ собою возникъ практической и, нужно сознаться, очень важный вопросъ: какъ отзовется введеніе единогласія на посѣщеніи храмовъ народомъ, когда приходскіе службы удлинятся чрезмѣрно? Вѣдь и сторонники единогласія, также какъ и сторонники многогласія, требовали при совершеніи службъ полнаго соблюденія всѣхъ предписаній устава, даже вводили еще въ богослуженіе разныя положенныя чтенія изъ прологовъ, житій святыхъ, отеческихъ поученій, чѣмъ необходимо крайне удлиняли всѣ службы, приближая ихъ къ монастырскимъ. Никакихъ выпусковъ и сокращеній въ службахъ они не допускали; напротивъ они все совершали по уставу, очень истово, точно, безъ малѣйшихъ опущеній. Мы знаемъ, какъ такія истовыя, уставныя службы единогласниковъ должны были отзываться на молящихся во храмѣ. Павелъ Алепскій вотъ что пишетъ объ этихъ нашихъ церковныхъ службахъ: мы выходили изъ церкви, говоритъ онъ, едва волоча ноги отъ усталости и непрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя... Что касается насъ, то душа у насъ разставалась съ тѣломъ, отъ того что они затягиваютъ обѣдни и другія службы: мы выходили иначе, какъ разбитые ногами и съ болью въ спинѣ, словно насъ распинали... Мы не въ состояніи (послѣ богослуженія) были придти въ себя отъ усталости и наши ноги подкашивались“. Павелъ искренно изумляется необыкновенной выносливости русскихъ, выстаивавшихъ чрезмѣрно длинныя службы. „Что за крѣпость въ ихъ тѣлахъ и какія у нихъ желѣзныя ноги! восклицаетъ онъ. Они не устаютъ и не утомляются. Вышній Богъ да продлитъ ихъ существованіе!.. Какое терпѣніе и какая выносливость! Несомнѣнно, что всѣ эти люди святые: они превзошли подвижниковъ въ пустыняхъ. Мы же вышли (изъ церкви) измученные усталостію, стояніемъ на ногахъ и голодомъ“. „Всего больше, заявляетъ онъ, боялся я и хло-

поталъ объ отъѣздѣ (изъ Москвы) до Пасхи, что бы избавиться отъ бдѣній, трудовъ и стояній Страстной седмицы“¹⁾.

Такимъ образомъ единогласіе, истовость въ совершеніи церковныхъ службъ, введеніе въ нихъ чтеній изъ разныхъ учительныхъ книгъ, несомнѣнно не только измѣняло привычный для прихожанъ строй богослуженія, но, что особенно важно, оно чрезмѣрно удлиняло всѣ церковныя службы, дѣлало ихъ очень утомительными и обременительными для обыкновенныхъ молящихся, которые, не имѣя возможности удѣлять на нихъ слишкомъ много времени и силъ, предпочитали вовсе не ходить въ церковь. Вотъ именно на это-то практическое послѣдствіе введенія единогласія и обратилъ свое вниманіе патріархъ Іосифъ. Если сторонники единогласія говорили и проповѣдывали, что многогласіе губитъ истинное благочестіе и уничтожаетъ назидательность церковныхъ богослуженій; то противники единогласія говорили наоборотъ, что именно единогласіе губитъ народное благочестіе, такъ какъ оно совсѣмъ отучаетъ народъ отъ посѣщенія церкви и вопросъ, значить, въ представленіи современниковъ, сводился въ концѣ собственно къ слѣдующему: что лучше въ интересахъ благочестія: ходить-ли часто въ церковь и почти вовсе не понимать того, что въ ней поется и читается, или же, ради чрезмѣрной продолжительности церковныхъ службъ, посѣщать ихъ очень рѣдко? Патріархъ Іосифъ, вопреки ревнителемъ, сталъ на сторону умѣреннаго многогласія и рѣшительно выступилъ противъ пагубнаго, по его мнѣнію, единогласія, которое должно имѣть мѣсто въ монастыряхъ, а не въ приходскихъ церквахъ²⁾. На почвѣ этаго спорнаго вопроса и произошло рѣшительное столкновеніе патріарха Іосифа съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Государь въ 1649 году приказалъ патріарху Іосифу устроить

1) Путеш. антиох. патр. Макарія, перев. Муркоса, вып. II, стр. 100 164; вып. III, стр. 185, 194; вып. IV, стр. 85, 161.

2) Что патріархъ Іосифъ допускалъ многогласіе только въ приходскихъ церквахъ, а въ монастыряхъ требовалъ единогласія, это видно изъ его грамоты въ Саввинъ монастырь въ 1648 году, гдѣ онъ пишетъ: „архимандриты, и игумены, и попы черные, и строители и старцы о церковномъ пѣніи и благочиніи нерадѣють.. въ церквахъ Божіихъ *поютъ по скору, неединогласно, со всякимъ безстрашіемъ*“. (Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ—Иванова; стр. 302. Ак. Эксп. т. IV, 325).

соборное засѣданіе съ тѣмъ, что бы на немъ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о единогласіи и рѣшенъ „какъ лутче быти“. Дѣйствительно 11-го февраля 1649 года, въ царской средней палатѣ, составился соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о единогласіи. Разсматривая этотъ вопросъ соборъ нашель, что отъ введенія въ московскихъ приходскихъ церквахъ единогласія, что сдѣлано въ самое послѣднее время, „на Москвѣ учинилась молва великая, и всякихъ чиновъ православныя людіе отъ церквей Божіихъ учили отлучатися за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ“. Въ виду этаго патріархъ „со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ совѣтовали и уложили: какъ было при прежнихъ святителехъ митрополитехъ и патріархахъ по всѣмъ приходскимъ церквамъ божественной службѣ быти по прежнему, а вновь ничево не вчинати“ ¹⁾. Такъ соборнымъ постановленіемъ 11-го февраля 1649 года, вопреки домогательствамъ Стефана и другихъ ревнителей, единогласіе въ приходскихъ церквахъ формально было отвергнуто, какъ мѣра вредная для народнаго благочестія, а многогласіе, какъ старый обычай, торжественно было узаконено.

Понятно, какое сильное и удручающее впечатлѣніе это соборное опредѣленіе должно было произвести прежде всего на Стефана Вонифатьевича. Всѣ его хлопоты и старанія о введеніи единогласія, его горячая увѣренность, что безъ единогласія въ народѣ не можетъ насаждаться истинное благочестіе, о чемъ онъ такъ усиленно заботился вмѣстѣ съ царемъ и другими ревнителями, должны были кончиться ничемъ, благодаря сопротивленію патріарха и его сторонниковъ. Этаго мало. Соборное формальное постановленіе окончательно узаконяло у насъ многогласіе, это „въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“, полагало сильное препятствіе, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, всѣмъ дальнѣйшимъ попыткамъ ввести у насъ единогласіе. Всегда спокойный и кроткій Стефанъ на этотъ разъ не выдержалъ. Онъ публично жаловался государю на патріарха и всѣхъ властей, присутствовавшихъ на соборѣ, называлъ ихъ волками и губителями, а не пастырями, говорилъ, что утвержденнымъ

1) Дѣяніе собора 11-го февраля 1649 г. напечатано С. А. Вѣлюковымъ въ чт. общ. ист. и древн. 1894 г. кн. IV.

соборомъ многогласіемъ уничтожается истинная церковь Христова, и въ глаза бранилъ и безчестилъ патріарха и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ сторонниковъ многогласія. Эта несдержанная выходка Стефана сильно оскорбила патріарха и властей, тѣмъ болѣе, что все это произошло публично. Іосифъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы окончательно раздѣлаться съ ненавистнымъ ему царскимъ духовникомъ. Отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора онъ подалъ государю челобитную на благовѣщенскаго протопопа Стефана Воиновъ, въ которой писалъ: „въ нынѣшнемъ, государь во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христілюбивый государь царь, мнѣ, богомольцу своему, и намъ богомольцомъ своимъ, быть у себя, государя, въ средней. И тотъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, государю, на меня, богомольца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ волкомъ, а не пастыремъ; тако жъ называлъ и насъ, богомольцовъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками, и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, меня, патріарха, и насъ, богомольцовъ твоихъ, освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ“. Затѣмъ патріархъ заявляетъ: „въ уложенной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какія хульные словеса, да смертію умретъ, а онъ, Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ и на всѣ Божіи церкви, и насъ, богомольцовъ твоихъ, обезчестилъ“. Въ виду этаго патріархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ ¹⁾. Но государь не придавалъ значенія этой челобитной Іосифа и собора и не далъ ей хода. Онъ неутвердилъ и соборнаго постановленія Іосифа, узаконявшаго многогласіе, такъ какъ самъ всецѣло былъ на сторонѣ Стефана, вполне одобрялъ и поддерживалъ его стараніе ввести у насъ во всѣхъ церквахъ обязательное единогласіе. Однако соборное постановленіе о многогласіи, хотя и неутвержденное царемъ, всетаки состоялось, съ этимъ фактомъ приходилось считаться итакъ или иначе парализовать

¹⁾ Эта челобитная патріарха Іосифа на Стефана, напечатана въ нашей книгѣ: патр. Никонъ, въ приложеніи.

его. Тогда государь и Стефанъ Зонифатьевичъ пришли къ мысли, передать рѣшеніе вопроса о единогласіи на разсмотрѣніе и рѣшеніе константинопольскаго патріарха, какъ высшей и руководственной инстанціи въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ и оказано было ими давленіе на патріарха Іосифа.

Патріархъ Іосифъ ранѣе не только не былъ принципиальнымъ противникомъ грековъ, но открыто и рѣшительно признавалъ, что восточные патріархи православную вѣру до нынѣ держатъ твердо и ненарушимо, и находятся въ полномъ единеніи съ русскою церковію. Такъ въ первомъ своемъ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ Іосифъ между прочимъ пишетъ, что „греки и Русь“ отвергли папу „за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ“, „а назвали соборную каеолическую церковь едину восточную, которая седьмію вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ всеемъ ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаетъ и до днесъ“, что „римляне и германе“ не крестятся прямымъ крещеніемъ, „якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седьмію соборы въ три погруженія, еже и до нынѣ у грековъ и у насъ Руси невредимо соблюдается“. Во второмъ посланіи къ Вольдемару Іосифъ пишетъ, что рускіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимірѣ, „что съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесъ о православіи ссылаемся, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архимандриты прежде сего и нынѣ пріѣзжаютъ, да еще и сами патріархи свидѣтельствованные въ вѣрѣ (т. е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней“. Доказывая, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ Іерусалимской истинной церкви принадлежатъ теперь и другія „паче же и четыре патріаршіе мѣста, къ сему же (къ истинной іерусалимской церкви) съ тѣми (четырьмя восточными патріархами), со всѣми святыми вкупѣ, и наша святая, великая російская церковь согласуется правымъ исповѣданіемъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ патріархъ Іосифъ самое пра-

¹⁾ Рукоп. нашей академической бібліотеки (москов. духовной) № 338, л.л. 3, 96, 99 об.

вославіе русскихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскимп, православную вѣру „не нарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь“. Мы уже не говоримъ о томъ, что напечатанная съ благословенія патріарха Іосифа Кириллова книга и книга о Вѣрѣ, заявляютъ, что русскому народу вселенскаго константинопольскаго патріарха слѣдуетъ слушать „и ему подлежати и повиноватися въ справѣ и науцѣ духовной“. Значить, патріархъ Іосифъ, по характеру своихъ возрѣній на грековъ, не могъ оказать особенно упорнаго сопротивленія требованію царя перенести спорный вопросъ о единогласіи на рѣшеніе константинопольскаго патріарха, хотя, несомнѣнно, онъ уступалъ въ этомъ дѣлѣ царю крайне неохотно, такъ какъ хорошо понималъ, что это требованіе царя направляется противъ него, патріарха, и составленнаго имъ соборнаго опредѣленія противъ единогласія. Но такъ какъ царь придавалъ этому дѣлу важное принципиальное и практическое значеніе,—этимъ указывался и расчищался путь для будущей реформаторской дѣятельности Никона, то патріархъ Іосифъ уступилъ давленію царя и обратился къ константинопольскому патріарху съ особою грамотою, въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно-ли многимъ архіереямъ или іереямъ служить божественную литургію двумя по-тирами? Подобаеть-ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единогласно? Нѣкоторыя жены оставляютъ мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужи оставляютъ женъ своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно-ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ, или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа изъ Константинополя былъ полученъ соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ, въ желательномъ для царѣ духѣ, заявлялось, что великая константинопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзать двери вѣрнымъ къ разумѣнію божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумѣніи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, „напаяетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви“, такъ какъ она всѣ догматы

благочестія „хранить ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняли, не умалили и не прибавили“. Константинопольскій патріархъ и лично отъ себя прислалъ Іосифу грамоту, въ которой опять заявляетъ, „что великая церковь Христова, благодатію св. Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна въ нихъ исправлять неисправленное“. Относительно же единоголаснаго пѣнія и чтенія въ церквахъ, грамота патріарха рѣшительно заявляетъ, что единоголасіе „не только подобаетъ, но и непременно должно быть“ ¹⁾.

Отвѣтъ константинопольскаго патріарха былъ полнымъ торжествомъ царя и Стефана Вонифатьевича и не по частному только вопросу о единоголасіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ являлся и оправданіемъ и поощреніемъ всей ихъ грекофильской дѣятельности. Въ 1651 году Іосифъ долженъ былъ, для рѣшенія вопроса о единоголасіи, созвать новый соборъ, на которомъ, вопреки постановленію собора отъ 11 февраля 1649 года, рѣшено было „пѣти во святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градомъ, единоголасно, на вечерняхъ, и повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтирь говорить въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно; со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ“ ²⁾. Но и здѣсь, уступая необходимости, Іосифъ остался себѣ вѣренъ: въ объясненіе того, почему онъ теперь предписываетъ во всѣхъ службахъ, по всѣмъ и приходскимъ церквамъ, строго держаться единоголасія, противъ котораго онъ еще такъ недавно возставалъ соборно, онъ ссылается не на посланіе константинопольскаго патріарха, а на постановленіе русскаго Стоглаваго собора. Патріархъ заявляетъ; „потщахся и изыскахъ въ соборномъ уложеніи, сирѣчь, въ Стоглавѣ“, что тамъ предписывается единоголасіе, онъ и повелѣваетъ всюду держаться о единоголасіи этаго соборнаго русскаго постановленія. И какъ бы предвидя, а вѣроятно и зная, что скоро русскіе церковные чины и книги должны будутъ потерпѣть значительныя измѣненія, онъ говоритъ: „а иже кто гордостію дмяся, и отъ неразумія безумень, сый сего древняго и нынѣшняго нашего соборнаго уложенія учнетъ превращати, и на свой разумъ чины церков-

¹⁾ Греческія дѣла 7159 ч. № 8.

²⁾ Ак. Эксл. IV, 327.

ныя претворяти, мимо нашихъ древнихъ письменныхъ и печатныхъ книгъ, и таковой по правиломъ святыхъ отецъ отъ нашего смиренія приметъ отлученіе и изверженіе“. Но ни на жалобы Іосифа, что онъ „уже третіе лѣто есть бѣенъ отъ свадникъ, терпя клеветныя раны“, ни на его угрозы тѣмъ, кто бы сталъ на свой разумъ претворять церковныя чины мимо нашихъ древнихъ письменныхъ и печатныхъ книгъ“, уже не обращали вниманія. Въ извѣстномъ намъ кружкѣ церковная реформа рѣшена была окончательно, все дѣятельно и энергично къ ней приготовлялось, и патріархъ Іосифъ увидѣлъ, что его терпятъ только изъ уваженія къ его старости и сану, почему въ послѣднее время говорилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соборомъ объ отставкѣ буду бить челомъ“. Такъ дѣло шло до самой смерти Іосифа.

ГЛАВА IV.

Первыя церковно-реформаторскія дѣйствія патріарха Никона.

Вступленіе Никона на патріаршую кафедру. Онъ разрываетъ свои прежнія близкія отношенія къ провинціальнымъ ревнителямъ. Причины и ближайшія послѣдствія этого поступка Никона. Первое реформаторское дѣйствіе Никона: распоряженіе его о поклонахъ и перстосложеніи. Протестъ противъ этого распоряженія со стороны провинціальныхъ ревнителей благочестія. Расправа съ ними Никона. Дѣйствительныя отношенія между Никонимъ патріархомъ и царскимъ духовникомъ протопопомъ Степаномъ Вонифатьевичемъ. Соборъ 1654 года, уполномочивавшій Никона произвести книжныя исправленія. Впечатлѣніе, произведенное соборомъ 1654 года на русское общество. Слабыя стороны собора 1654 года.

15 апрѣля 1652 года умеръ патріархъ Іосифъ. Преемникъ ему уже ранѣе былъ предопредѣленъ царемъ и его духовникомъ, протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Это былъ новгородскій митрополитъ Никонъ, который въ то время возвращался изъ Соловецкаго монастыря въ Москву съ мощами св. митрополита Филиппа. Царь, извѣщая Никона о смерти п. Іосифа, писалъ ему: „возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, обирать на патріаршество именемъ Θεογνωστα, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся... ты, владыко святыи, помолись... чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное, а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человекъ вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный“¹⁾.

Съ другой стороны и члены кружка ревнителей благочестія сильно были заинтересованы вопросомъ, кого избрать пат-

¹⁾ Ак. эк. IV, № 57.

ріархомъ на мѣсто умершаго Іосифа, такъ какъ они, благодаря Стефану Вонифатьевичу, уже привыкли вмѣшиваться въ дѣла по замѣщенію разныхъ іераршихъ каедръ. Того обстоятельства, что вопросъ о новомъ патріархѣ уже давно и окончательно былъ рѣшенъ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ, они совсѣмъ не знали, а потому считали себя призванными позаботиться о выборѣ преемника Іосифу. Естественно, что они пожелали имѣть патріархомъ одного изъ членовъ своего кружка. Самымъ лучшимъ, казалось имъ, избрать патріархомъ главу и патрона кружка—Стефана Вонифатьевича. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Стефанъ рѣшительно уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія, и указалъ своимъ друзьямъ на Никона, какъ на самого подходящаго кандидата въ патріархи. Они согласились съ Стефаномъ и подали царю челобитную о Никонѣ, такъ какъ по ихъ тогдашнему мнѣнію, послѣ отказа Стефана, Никонъ былъ самымъ подходящимъ и желаннымъ лицомъ для занятія патріаршей каедры ¹).

Никонъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ его членовъ, находился какъ къ Стефану, такъ и къ другимъ ревнителямъ, въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Впо-

---

¹) Какъ и при какихъ условіяхъ произошло избраніе Никона въ патріархи и какую роль въ этомъ дѣлѣ играли ревнители, объ этомъ Аввакумъ сообщаетъ слѣдующее: „Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловокъ Филиппа митрополита. А прежде его прїѣзду, духовникъ Стефанъ моля Бога и постясь седмицу съ братією, и Я съ ними тутъ же, о патріархѣ, да дасть Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ. И съ митрополитомъ Казанскимъ Корнилиемъ, написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ. Егда же прїѣхалъ (Никонъ изъ Соловокъ) съ нами яко лисъ челомъ да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ и что бы откуля помѣшка какова не учинилась“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ о томъ же: „въ лѣта 7160 году, іюня въ день, по пущенію Божію вкрался на престолъ патріаршескій бывший попь Никита Миничъ, въ чернцахъ Никонъ, обольстя святую душу протопопа духовника царева Стефана, являлся ему яко ангелъ, внутрь сый діаволь. Протопопь же увѣща царя и царицу, да поставятъ Никона на Іосифово мѣсто. И азъ окаянной о благочестивомъ патріархѣ къ челобитной приписалъ свою руку; ано врага выпросили и бѣду на свою шею“. (Матер. для ист. раск. т. V, стр. 17, 261—262).

слѣдствіи Нероновъ говорилъ Никону, уже патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ. А которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, по его государеву совѣту, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: неаксіось, сирѣчь недостойнъ. Тогда у тебя вси непорочніи были, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойніи стали.... Доселѣ ты другъ нашъ былъ—на насъ восталъ“. Въ письмѣ къ царицѣ изъ Спасокаменнаго монастыря Нероновъ жалуется, что онъ и братія страдаютъ теперь „но древле отъ любимаго нами по Бозѣ, нынѣ же честь взявша и перемѣнишася“. Игумень Теокистъ въ письмѣ къ Стефану Вонифатьевичу говоритъ, что „братія“ страдаетъ теперь „не отъ врага, по Бозѣ отъ отца и отъ любезнаго намъ древле зѣло, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, жестока бывша къ намъ и горка зѣло дотолика, яко и смерть у кождо насъ предъ очима“¹⁾. Сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ дѣятельно и энергично осуществлялъ въ своей епархіи идеи ревнителѣй и поддерживалъ съ ними, особенно со Стефаномъ, прежнія близкія дружескія отношенія. Такъ, отправляясь на Соловки за мощами св. митрополита Филиппа, Никонъ поднесъ въ даръ Стефану дорогую шапку для церковнаго служенія²⁾. Въ росписи книгъ и писемъ, взятыхъ при обыскѣ у игумена Теокиста въ Вяткѣ, между прочимъ значится: „отписка преосвященнаго Никона митрополита новгородскаго къ духовнику Стефану Нифантьевичу, ево руки, на трехъ столбцахъ“, изъ чего можно заключить, что Никонъ, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, находился въ перепискѣ съ Стефаномъ⁴⁾. Даже по возвращеніи

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 47, 82, 110.

²⁾ Временникъ моск. Общ. Ист. и Древн. кн. XIII, стр. 32.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 331—332.

своёмъ изъ Соловецкаго монастыря, когда Никонъ уже хорошо зналъ, что царь предназначилъ его въ патріархи, онъ поспѣшилъ явиться, по свидѣтельству Аввакума, къ Стефану и другимъ ревнителямъ съ поклономъ и ласками, будто бы въ тѣхъ видахъ, чтобы снова подтвердить свою полную солидарность съ кружкомъ ревнителей и не встрѣтить съ ихъ стороны какой либо помѣхи въ достиженіи имъ патріаршества.

Несомнѣнно, что кружокъ ревнителей благочестія, выставя Никона кандидатомъ въ патріархи, видѣлъ въ немъ не только своего личнаго друга, но и человѣка, казалось ему, вполне раздѣлявшаго всѣ взгляды и убѣжденія ревнителей. Нероновъ говорилъ впослѣдствіи Никону патріарху: „святитель, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ приемишь, благовѣрны и благочестіи тѣхъ родители нарицаешь, а прежде сего у тебя же слыхали, что многожды ты говаривалъ: гречане де и малые Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія ни мало“¹⁾. Изъ этихъ словъ Неронова очевидно, что ревнители видѣли въ Никонѣ, до его патріаршества, человѣка ихъ убѣжденій и воззрѣній, и потому не имѣли никакихъ особыхъ причинъ противиться кандидатурѣ Никона, на котораго къ тому же указывалъ самъ Стефанъ. Съ избраніемъ Никона у ревнителей даже соединялись особыя надежды: они рассчитывали при немъ играть болѣе видную и дѣятельную роль въ церковныхъ дѣлахъ, нежели какую они играли при Іосифѣ, такъ какъ видѣли въ Никонѣ не врага, а своего друга, единомышленника и даже свою креатуру. Впослѣдствіи игуменъ Θεоктистъ писалъ Стефану Вонифатьевичу, что ревнители желали бы видѣть его своимъ отцомъ и учителемъ въ вѣрѣ, т. е. патріархомъ на мѣсто Никона, такъ какъ они ожидаютъ отъ него, что онъ будетъ строить миръ церкви „внимая прилежно отца Іоанна (Неронова) глаголомъ“. Конечно и отъ Никона ревнители ожидали прилежнаго вниманія глаголамъ отца Іоанна и другихъ братій. Но провинціальнымъ ревнителямъ пришлось скоро и горько разочаро-

¹⁾ Ibid. стр. 150.

ваться въ своемъ бывшемъ другѣ, единомышленникѣ и избранникѣ въ патріархи, на котораго они возлагали столько надеждъ. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшительно и рѣзко порвалъ всѣ прежнія связи съ провинціальными ревнителями, и даже сталъ къ нимъ прямо во враждебныя отношенія.

Никонъ въ послѣднее время окончательно примкнулъ во взглядѣ на характеръ предстоящей церковной реформы къ программѣ царя и Стефана и, конечно, обязался предъ ними держаться ее и выполнить по своему вступленіи на патріаршій престолъ, причемъ царь и Стефанъ должны были служить ему опорой и поддержкою въ этой его дѣятельности. При такихъ обстоятельствахъ кружокъ провинціальныхъ ревнителей, иначе понимавшій и представлявшій себѣ задачи предстоящей церковной реформы, былъ теперь для Никона не только не нуженъ, но еще стѣснялъ его, мѣшалъ ему своими притязаніями, своимъ безпокойнымъ стремленіемъ вмѣшиваться во всѣ церковныя дѣла и направлять ихъ сообразно своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ. Кромѣ того: уже по самому своему характеру Никонъ не терпѣлъ ничего, что не подчинялось ему безусловно, не терпѣлъ ни малѣйшаго ограниченія своего самовластія, не выносилъ никакого противорѣчія себѣ. Онъ хотѣлъ быть патріархомъ на всей своей волѣ: ни царь, ни бояре, никто не долженъ былъ вмѣшиваться въ его патріаршую дѣятельность, всѣ обязаны были безпрекословно исполнять его архипастырскія распоряженія. Недаромъ Никонъ, вступая на патріаршую кафедру, заставилъ публично умолять себя царя, бояръ и весь народъ, недаромъ онъ взялъ съ нихъ клятву, что всѣ они и во всемъ безпрекословно будутъ слушаться своего новаго отца и архипастыря. Онъ видѣлъ, въ какое жалкое, прямо унижительное положеніе поставилъ кружокъ ревнителей (впрочемъ не безъ участія и самаго Никона) предшественника его патріарха Іосифа, какъ кружокъ вершилъ разныя церковныя дѣла, не обращая вниманія на безсильнаго, публично оскорбляемаго имъ патріарха. Съ Никономъ этого не случится: онъ будетъ крѣпко стоять во всеоружіи патріаршей власти, высоко надъ всѣми подниметь ея знамя, такъ униженное при его предшественникѣ, онъ поставитъ ее рядомъ съ властію самаго великаго государя, и даже его заставитъ покориться ему—

патріарху во всѣхъ духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ. Отнынѣ всѣми церковными дѣлами будетъ управлять только онъ, святѣйшій Никонъ патріархъ; отъ него, какъ главы церкви, будетъ исходить вся власть, всѣ церковныя распоряженія; всякій иной источникъ власти, всякое иное движеніе, не исходящее отъ него патріарха, онъ вырветъ съ корнемъ; его архипастырской волѣ не будутъ противиться даже самъ царь и бояре—они публично клялись ему въ этомъ. Очевидно при Никонѣ патріархѣ кружку ревнителей, съ его притязаніями заправлять и руководить всѣми церковными дѣлами, не было мѣста.

Но, съ другой стороны, и ревнители, согласившись на избраніе Никона патріархомъ, вовсе не думали вмѣстѣ съ этимъ устраниться отъ дѣлъ, отказаться отъ руководящей роли въ церковныхъ дѣлахъ, отъ приобрѣтеннаго ими ранѣе общественнаго значенія и вліянія. Напротивъ, они рассчитывали, съ восшествіемъ Никона на патріаршую кафедру, играть еще болѣе видную и дѣятельную роль, думали быть при Никонѣ душою и главными дѣятелями въ управленіи церковными дѣлами. Понятно теперь, какъ должны были ревнители, мнившіе подъ рукою Никона вершить всѣ церковныя дѣла, отнестись къ своему бывшему другу, единомышленнику, когда онъ, сдѣлавшись патріархомъ, не только не сталъ совѣтоваться съ ними, но даже пересталъ пускать ихъ и въ крестовую! Понятно, какое озлобленіе, какую страстную, непримиримую ненависть должны были почувствовать къ Никону особенно болѣе пылкіе члены кружка, почему они до конца жизни имѣли о нравственномъ характерѣ Никона самое нелестное представленіе, почему они никогда уже болѣе не вѣрили ему и во всей его дѣятельности видѣли одно только дурное, подъ всѣ его поступки подкладывали всегда самые нечистые и низкіе мотивы. Понятно также, что ревнители вовсе не думали мириться съ тѣмъ опальнымъ положеніемъ, на которое такъ для нихъ неожиданно осудилъ ихъ бывшій ихъ другъ и единомышленникъ, понятно, что они не хотѣли сойти со сцены молча, не хотѣли безъ борьбы поступиться своимъ прежнимъ очень виднымъ, почетнымъ и вліятельнымъ положеніемъ. Ранѣе ревнители боролись, и довольно успѣшно, съ патріархомъ Іосифомъ, ничто не препятствовало имъ вступить въ борьбу и съ преемни-

комъ Іосифа. Царь по прежнему хорошо относился къ ревнителямъ, въ самой царской семьѣ они пользовались уваженіемъ и вліяніемъ ¹⁾, связи ихъ съ знатными боярскими домами были обширны и крѣпки, члены кружка были тѣсно сплочены и готовы всячески постоять другъ за друга, во главѣ ихъ по прежнему стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, во всемъ и вполнѣ, казалось имъ, солидарный съ ними. И по самому характеру своихъ членовъ кружекъ ревнителей не былъ способенъ остаться въ спокойномъ, выжидательномъ положеніи, онъ уже ранѣе привыкъ дѣйствовать, бороться, обличать, привыкъ о всемъ говорить публично, всенародно. И кружекъ дѣйствительно заговорилъ по своему обычаю не стѣсняясь, рѣзко и очень обидно для новаго патріарха: недаромъ же въ похвалу членамъ кружка ставилось то, что они говорили „не обинующася лицъ сильныхъ, по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящася“. А между тѣмъ Никонъ вовсе не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя спокойно выслушиваютъ отъ другихъ разныя обличенія и назиданія и относятся къ нимъ спокойно и равнодушно.

Такъ естественно и необходимо, въ силу особенностей характера Никона и ревнителей, въ силу ихъ предшествующихъ личныхъ отношеній, должна была между ними произойти борьба. Но если бы эта борьба происходила, какъ нѣкоторые думали, только на почвѣ однихъ личныхъ отношеній, если бы они боролись только изъ-за власти и вліянія, если бы между ними только рѣшался вопросъ о томъ: кто будетъ въ дѣйствительности управлять дѣлами русской церкви: Никонъ или кружекъ ревнителей; то эта борьба не имѣла бы никакого особеннаго важнаго значенія для всей русской церкви и всего народа, не вышла бы изъ границъ обыкновенной придворной интриги, не перешла бы въ народъ, не вызвала бы раскола въ русской церкви. Если же

---

1) Священникъ московскаго Казанскаго собора Иванъ Даниловъ въ 1653 г. писалъ Неронову въ Спасокаменный монастырь слѣдующее: „и безъ тебя государь, не единого намъ корму не было; а побии челомъ Аннѣ Михайловнѣ (сестрѣ государя) о кормахъ, чтобы печаловалася о насъ; и она сказала: п впредь де не будетъ вамъ ничево, молилися де, да и вымолили Ивана Неронова вонъ“. (Матер. для ист. раск. т. I. стр. 32—33).

случилось совершенно противное, то, значить, борьба ревнителѣ съ Никономъ далеко не исчерпывалось ихъ личными только отношеніями, а имѣла подъ собою болѣе глубокую и широкую основу, которая создала возможность перенести эту борьбу изъ узкой сферы столкновеній дворцовыхъ партій на широкую арену народной борьбы, народнаго дѣла, которая дала возможность заинтересовать въ ней и знатнаго книжнаго аристократа, и простаго грамотнаго крестьянина, и архіерея и убогаго инока,—словомъ, лицъ всѣхъ ранговъ, общественныхъ положеній и состояній. Эта борьба уже давно пережила не только ея первыхъ зачинщиковъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей, но и цѣлый рядъ послѣдующихъ поколѣній, а между тѣмъ она не прекратилась, она съ полной силой продолжается и доселѣ, и мы сами, отдѣленные отъ начала борьбы вѣками, волей-неволей являемся, такъ или иначе, ея активными участниками и продолжателями. Ясное дѣло, что видѣть начало и причину этой вѣковой борьбы только въ личныхъ отношеніяхъ, объяснять ея возникновеніе только личными счетами начавшихъ борьбу, значить заключеніе выводить не изъ надлежащихъ посылокъ.

Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшительно порвалъ не только свои прежнія, очень близкія связи съ ревнителями, сталъ къ нимъ во враждебныя отношенія, лишивъ ихъ прежняго вліянія на дѣла церковныя, но вмѣстѣ съ этимъ онъ отрицательно и враждебно отнесся и къ тѣмъ возрѣніямъ и идеаламъ, представителями и дѣятельными поборниками которыхъ были провинціальныя ревнители. Разрывъ между ними и Никономъ шель, значить, съ самаго начала, гораздо дальше простыхъ личныхъ счетовъ и столкновеній: это былъ разрывъ лицъ рѣшительно разошедшихся между собою во взглядахъ и убѣжденіяхъ, разрывъ лицъ, одинаково желавшихъ и стремившихся къ реформѣ въ наличныхъ порядкахъ русской церкви, но совершенно различно понимавшихъ исходную точку, задачи, цѣли и объемъ реформы, способы и средства, которыми она должна быть проведена. Въ этомъ различіи собственно и заключается вся важная и серьезная сторона столкновенія Никона съ кружкомъ провинціальныхъ ревнителѣ, здѣсь именно лежали причины, придавшія борьбѣ Никона съ ревнителями широ-

кій народный характеръ, вызвавшій и распространившій въ русской церкви расколъ. Въ борьбѣ Никона съ провинціальными ревнителями рѣшался, впрочемъ, не одинъ только церковный, но и въ высшей степени важный для всей послѣдующей русской жизни общественно-культурный вопросъ: останется ли Русь при своихъ старыхъ идеалахъ, воззрѣнїяхъ, задачахъ и цѣляхъ, какъ они опредѣлились у насъ подъ влїяніемъ Флорентійской уніи и паденія Константинополя; или же русское общество уже выросло изъ того платья, которое было шито ему по мѣркѣ книжниковъ конца XV и первой половины XVI вѣка? Побѣда Никона означала бы отреченіе отъ прошлаго, съ его особыми своеобразными идеалами, цѣлями и стремленїями, означала бы признаніе самимъ русскимъ обществомъ несостоятельности его прежней жизни, необходимости ея реформы, перестройки на новыхъ началахъ, въ виду инаго пониманія ея задачъ и цѣлей. Напротивъ побѣда провинціального кружка ревнителей благочестія надъ Никономъ показала бы, что прежнія устои и основы русской жизни стоятъ еще прочно и крѣпко, что русская жизнь вовсе не нуждается въ какихъ-либо коренныхъ реформахъ, въ новыхъ путяхъ, въ всестороннемъ обновленїи, а будетъ продолжаться по прежнему, будетъ держаться за прежнія идеалы и весь связанный съ ними строй понятій и дѣйствій. Въ такомъ или иномъ рѣшенїи этихъ вопросовъ, повторимъ, и заключался весь смыслъ, все великое для послѣдующей русской жизни значеніе ожесточенной, страстной, обостренной личными отношенїями, борьбы между Никономъ патріархомъ и кружкомъ провинціальныхъ ревнителей благочестія.

25 іюля 1652 года Никонъ былъ поставленъ въ патріархи, и уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ между нимъ и кружкомъ провинціальныхъ ревнителей благочестія произошло открытое столкновеніе по поводу слѣдующаго распоряженія Никона, которое онъ разослалъ по всѣмъ московскимъ церквамъ, предъ наступленїемъ великаго поста 1653 года: „по преданїю св. Апостоль и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанїя творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились“.

Это неожиданное единоличное распоряженіе новаго патріарха, покушавшееся измѣнить старый привычный церковный

чинъ и обрядъ, распоряженіе ничѣмъ немотивированное должно было крайне смутить совѣсть всѣхъ благочестивыхъ людей, воспитанныхъ въ преданности наличнымъ церковнымъ чинамъ и обрядамъ, не допуская и мысли, чтобы въ нихъ нужны и возможны были какія-либо измѣненія и передѣлки. Тѣмъ болѣе должны были многіе смутиться по поводу неожиданнаго распоряженія Никона, что у русскихъ существовало прямое и вполнѣ опредѣленное относительно перстосложенія для крестнаго знаменія постановленіе Стоглаваго собора: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христосъ, да есть проклятъ“. Въ виду такого постановленія Стоглаваго собора, имѣвшаго тогда для всѣхъ обязательную силу, первое реформаторское дѣйствіе Никона необходимо ставило всякаго благочестиваго русскаго чело-вѣка въ очень затруднительное положеніе: подчиниться распоряженію своего новаго архипастыря,—значило пренебречь яснымъ и опредѣленнымъ соборнымъ постановленіемъ, значило подвергнуть себя страшной соборной клятвѣ; остаться вѣрнымъ соборному постановленію,—значило явиться ослушникомъ своего архипастыря, который уже ранѣе связалъ всѣхъ клятвою—безпрекословно исполнять всѣ его архипастырскія распоряженія.

Особенно сильное впечатлѣніе распоряженіе Никона с поклонахъ и перстосложеніи должно было произвести въ кружкѣ ревнителѣй, для которыхъ оно имѣло и особенное значеніе. До сихъ поръ церковные вопросы и предполагаемыя церковныя реформы и обсуждались въ средѣ кружка и имъ приводились въ исполненіе. Теперь Никонъ единолично дѣлаетъ важныя церковныя распоряженія, не спрашиваясь и не совѣтуясь съ своими друзьями, чѣмъ ясно даетъ понять кружку, что его роль совѣтника и руководителя по церковнымъ дѣламъ уже кончилась, что всѣми церковными дѣлами теперь будетъ управлять не кружокъ ревнителѣй, а только одна воля и благоусмотрѣніе его, Никона патріарха. Конечно не безъ цѣли Никонъ послалъ свое распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи прежде всего въ Казанскій соборъ къ Неронову—онъ хотѣлъ, очевидно, посмотрѣть, какъ кружокъ отнесется къ его единоличнымъ церковнымъ патріаршимъ распоряженіямъ. Кружокъ хорошо понялъ относящій къ нему смыслъ распоряженія Никона, понялъ, что

Никонъ открыто и рѣшительно объявляетъ ему войну. Протопопъ Аввакумъ говоритъ, что когда получено было распоряженіе Никона, „мы же задумались, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хочеть быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ,—седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія! Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; тоже Коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследокъ огнемъ сжегъ въ Новгородскихъ предѣлахъ; потомъ—Даниилу, Костромскому протопопу; тоже сказалъ и всей братіи“ ¹⁾).

Предчувствіе кружка, что для него наступаетъ зима, время страданій, скоро вполнѣ оправдалось. Въ настоящемъ его положеніи для кружка возможны были два исхода: безусловное подчиненіе новому патріарху и всѣмъ его распоряженіямъ, съ оставленіемъ всякой мысли о прежней выдающейся роли въ церковныхъ дѣлахъ; или—открытая борьба съ Никономъ, человѣкомъ рѣшительнымъ, крутымъ, и при этомъ, крайне сильнымъ, такъ какъ за него стоялъ самъ царь. Кружекъ, какъ и слѣдовало ожидать, избралъ послѣднее. Онъ всегда считалъ себя на стражѣ истиннаго благочестія, былъ его всегдашнимъ присяжнымъ ревнителемъ и поборникомъ, члены кружка тѣмъ именно и славились, что они, „ревность велію имуще по Бозѣ“, не боялись смѣло выступать на обличенія лицъ сильныхъ и даже, „по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящаяся“. Именно борьба съ нечестіемъ, публичныя обличенія другихъ за уклоненіе отъ существующихъ церковныхъ уставовъ и постановленій, составляло, такъ сказать, специальную профессію членовъ кружка, создавшую имъ и громкую извѣстность и очень видное общественное положеніе. Единоличное, ни чѣмъ повидимому неоправдываемое распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи, давало имъ прекрасный случай выступить въ привычной, и прежде очень благодарной для нихъ, роли обличителей и порицателей нечестія Никона, который къ тому же пересталъ пускать своихъ недавнихъ друзей и „въ крестовую“. Въ опроверженіе распоряженія Никона членами кружка немедленно составлена была за-

---

¹⁾ Мат. для ист. раскола т. V, стр. 13.

писки о поклонахъ и перстосложеніи и подана государю, но тотъ, какъ догадывается Аввакумъ, передалъ ее Никону.

Нельзя сказать, чтобы первое реформаторское дѣйствіе Никона—отмѣна стараго двоеперстія и распоряженіе о поклонахъ—было выбрано имъ удачно, вполне достаточно соображено съ возрѣніями и понятіями того общества, въ которомъ Никону приходилось дѣйствовать. Никонъ началъ свою церковную реформу тѣмъ, что сразу, съ перваго же шага, безъ всякой подготовки къ тому общества, затронулъ ранѣ всѣми признаваемый церковный обрядъ и чинъ, т. е. ту именно область, на которой по преимуществу воспиталось религиозное чувство русскаго народа, и которая поэтому была особенно близка ему, дорога и священна въ его глазахъ. Русскіе, которымъ недоступны были наука и образованіе, а вмѣстѣ съ этимъ возможность теоретическаго усвоенія системы христіанскаго вѣроученія внѣ обряда, по необходимости сосредоточили свое вниманіе на внѣшней обрядовой сторонѣ христіанства, которая, какъ наглядное выраженіе отвлеченныхъ истинъ, была ближе и понятнѣе для простаго, необразованнаго народа, мало способнаго къ отвлеченному мышленію. Обрядъ такимъ образомъ естественно выступалъ на первый планъ въ христіанской жизни русскихъ: не отъ вѣроученія переходили они къ обряду, какъ бы слѣдовало, а совершенно наоборотъ: они начинали прежде всего съ обряда, и уже чрезъ обрядъ и при его посредствѣ приходили къ усвоенію и пониманію самаго ученія, такъ что русскихъ воспитывалъ и училъ христіанству прежде всего опредѣленный обрядъ, внѣ котораго они не могли ни представить, ни мыслить христіанства. На самый обрядъ и его значеніе, по историческимъ обстоятельствамъ своей жизни, русскіе смотрѣли значительно иначе, чѣмъ напримѣръ греки. Греческая церковь, отправляясь отъ ученія Христа и апостоловъ, въ теченіи своей исторической жизни выработала у себя, на основаніи этого ученія, цѣлую систему обрядовъ, которыми она выразила внѣшнимъ образомъ содержимое ея ученіе и свое пониманіе его за различное время. Понятно что она, какъ создавшая православный обрядъ, хорошо знала его происхожденіе, его отношеніе къ вѣроученію, его истинное значеніе въ христіанской жизни. Къ русскимъ обрядъ перешелъ уже готовый, въ существенныхъ чертахъ

вполнѣ сформировавшійся и законченный; процессъ его историческаго происхожденія и постепенной выработки остался для нихъ совершенно неизвѣстнымъ, почему они приписали ему одинаковое происхожденіе и значеніе съ самымъ вѣроученіемъ. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ для значительнаго большинства русскихъ обрядъ былъ тоже, что и вѣроученіе; онъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и вѣроученіе. Измѣнить обрядъ, по ихъ мнѣнію, значило тоже, что измѣнить вѣроученіе; иной обрядъ указывалъ на иное ученіе, разность въ обрядѣ указывала и на разность въ ученіи, а не на иную только внѣшнюю форму его выраженія, такъ что русскій не ученіемъ повѣрялъ обрядъ, но обрядомъ ученіе; всякій держащійся иного обряда былъ въ его представленіи иновѣрующій, ибо правый обрядъ повсюду единъ, какъ едино повсюду правое вѣроученіе. При этомъ большинство русскихъ искренно и твердо было убѣждено, что правый обрядъ во всей его чистотѣ и первоначальной неизмѣнности сохранился только у нихъ однихъ, тогда какъ у современныхъ грековъ, и у другихъ восточныхъ православныхъ христіанъ, онъ уже нѣсколько видоизмѣнился, воспринялъ въ себя нѣкоторыя новшества. Въ виду подобнаго отношенія русскихъ къ обряду понятнымъ становится, какъ опасно было затрагивать именно эту неприкосновенную и завѣтную для религіознаго чувства русскихъ область ихъ вѣковыхъ вѣрованій, понятно, какого осторожнаго и бережнаго отношенія требовалъ къ себѣ обрядъ со стороны каждаго. А между тѣмъ Никонъ, только что успѣвшій войти на патріаршую кафедру, сейчасъ же, безъ всякихъ разъясненій и оправданій, безъ всякой предварительной подготовки къ тому обществу, единолично своимъ распоряженіемъ измѣняетъ вѣковой обрядъ, всѣми признаваемый доселѣ за правый, недопускающій никакихъ перемѣнъ.

Но этого мало. Никонъ, по непонятнымъ для большинства причинамъ, измѣняетъ тотъ именно обрядъ, который постоянно употребляется каждымъ православнымъ христіаниномъ, и неизмѣняемость котораго была утверждена и ограждена клятвою Стоглаваго собора, вслѣдствіе чего Никонъ, въ мнѣніи большинства общества, необходимо долженъ былъ явиться противникомъ такихъ соборныхъ постановленій, ко-

торыя въ то время для всѣхъ считались обязательными, и ни съ чьей еще стороны не возбуждали сомнѣній,—долженъ былъ явиться такимъ человѣкомъ, который свою волю, только свое личное усмотрѣніе въ церковныхъ вопросахъ, ставить выше голоса всей церкви, тѣмъ болѣе, что Никонъ, фактически упраздняя постановленіе Стоглаваго собора о двуперстїи, въ тоже время вовсе не объяснялъ, какъ его распоряженіе о перстосложеніи относится къ существующему по этому предмету соборному постановленію, прямо ему противоположному. Наконецъ такой образъ дѣйствій не особенно, былъ удобенъ для Никона и потому, что на патриаршей кафедрѣ Никонъ былъ новымъ, для большинства вовсе неизвѣстнымъ человѣкомъ, что онъ не только не успѣлъ приобрести того подавляющаго нравственнаго авторитета, который бы заставилъ его паству спокойно смотрѣть и на такія его дѣйствія, которыя съ перваго взгляда могли показаться ей не имѣющими достаточнаго оправданія ни съ исторической, ни съ канонической точки зрѣнія; но онъ имѣлъ еще у себя и непримиримыхъ враговъ, всегда готовыхъ самыя правыя и законныя его дѣйствія объяснить въ дурную сторону и тѣмъ вооружить противъ него народъ.

Такимъ образомъ первый реформаторскій шагъ Никона былъ дѣйствиємъ поспѣшнымъ, недостаточно обдуманнымъ и соображеннымъ съ тѣми условіями, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать; а между тѣмъ такой шагъ долженъ былъ имѣть для всей послѣдующей дѣятельности Никона очень важное значеніе: онъ сразу поколебалъ въ мнѣніи многихъ довѣріе къ Никону патриарху, заставилъ зорко-недовѣрчиво относиться ко всей его послѣдующей реформаторской дѣятельности, далъ сильное противъ него оружіе въ руки его противниковъ.

Впрочемъ Никонъ самъ скоро увидалъ и созналъ ошибочность и поспѣшность своего перваго реформаторскаго дѣйствія, и потому немедленно рѣшился взяться за дѣло реформы иначе, идти къ той же цѣли инымъ, хотя и болѣе медленнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ путемъ.

Оказанное Никону открытое сопротивленіе со стороны кружка провинціальныхъ ревнителѣй благочестія, по поводу его распоряженія о поклонахъ и перстосложеніи, дало ему случай убѣдиться въ томъ, что въ лицѣ отвергнутыхъ имъ

ревнителѣй онъ найдетъ себѣ самаго сильнаго и опаснаго врага, способнаго дискредитировать въ мнѣніи общества проводимыя имъ реформы и подорвать самый его патріаршіи авторитетъ, только опираясь на который онъ сдѣлалъ извѣстное распоряженіе о покловахъ и перстосложеніи. Поэтому Никону необходимо было прежде всего такъ или иначе освободиться отъ враждебныхъ ему ревнителѣй, которые легко могли сдѣлаться органомъ всѣхъ недовольныхъ, какъ лично Никономъ, такъ и его церковными реформами, и тѣмъ создать ему массу затрудненій и непріятностей въ будущемъ. Дѣйствовать относительно своихъ бывшихъ друзей мягко и примирительно, постараться привлечь ихъ на сторону предложенной церковной реформы, воспользоваться ихъ ревностію, энергіею и дарованіями для достиженія своихъ цѣлей—Никонъ не хотѣлъ, потому что уже ранѣе хорошо изучилъ взгляды и убѣжденія своихъ бывшихъ друзей, и ясно видѣлъ сильную нерасположенность съ ихъ стороны сочувственно, или только терпимо, отнестись къ намѣченной церковной реформѣ. Въ виду этаго Никонъ рѣшилъ просто отдѣлаться отъ своихъ притязательныхъ, заносчивыхъ и опасныхъ для него и его дѣла друзей, и при томъ такимъ способомъ, который бы сразу далъ имъ почувствовать всю силу и могущество Никона, а ихъ собственное безсиліе и ничтожество предъ нимъ. Всемогущему царскому любимцу и патріарху нетрудно было найти поводы и способы покончить съ непріятнымъ опаснымъ для него кружкомъ. Члены кружка ревнителѣй всюду, гдѣ только имъ приходилось дѣйствовать, создавали себѣ немало враговъ, благодаря своимъ рѣзкимъ обличеніямъ чужихъ неправдъ, пороковъ и недостатковъ. Никонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Онъ сталъ принимать жалобы озлобленныхъ противъ ревнителѣй и, давая вѣру этимъ жалобамъ, сталъ привлекать ревнителѣй къ отвѣтственности. По такой жалобѣ онъ отдалъ за пристава Логгина, чѣмъ крайне возмутились всѣ ревнителѣи. Нероновъ выступилъ полномочнымъ защитникомъ Логгина, и между нимъ и Никономъ публично произошла очень бурная сцена, въ присутствіи цѣлаго собора. Нероновъ при этомъ случаѣ до того забылся, что дозволилъ себѣ самыя грубыя и рѣзкія выходки противъ патріарха, обвиняя его въ неуваженіи и презрѣніи къ царю, въ неправдахъ, въ

жестокости, въ склонности слушать клеветниковъ и наушниковъ, въ довѣрїи къ людямъ завѣдомо недостойнымъ, и въ преслѣдованїи людей добрыхъ и хорошихъ. Когда, на примѣръ, Никонъ, обличаемый Нероновымъ въ неправомъ судѣ, замѣтилъ: „я де кромѣ Евангелїя ничѣмъ не сужу“, то Нероновъ такъ отвѣчалъ ему: „во святомъ Евангелїи написано: Господь рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ; а тебѣ кто и добра хочетъ и ты и тѣхъ ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тѣхъ любишь и жалуешь и слушаешь. А кто тебѣ кого огласить напрасно, хотя за пять сотъ версть, или за тысячу, и ты вѣры имѣешь... тебѣ клеветники въ явѣ клеветуютъ на добрыхъ людей, а ты имъ вѣры имѣешь... Доселѣ ты протодіакона Григорїя и прочихъ, которые нынѣ въ крестовой у тебя совѣтники его, врагами Божиими и разорителями закона Господня сказывалъ; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди... Доселѣ ты другъ нашъ былъ, на насъ возсталъ. А коихъ ты разорилъ, и на ихъ мѣсто поставилъ иныхъ, и отъ нихъ добраго ничего не слышать. А коихъ ты оставилъ, вины на нихъ положилъ, что они людей мучать, такъ де ненадобно дѣлать, какъ ты говоришь; а самъ безпрестанно мучишь: старца соловецкаго и въ крестной день велѣлъ еси бить немилостиво. Се того себѣ не вмѣняешь, властемъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь... Нынѣ отъ тебя боголюбцы терпятъ скорби, и бѣды и разоренїя“. Нероновъ рѣзко порицалъ не только одного Никона, но и весь соборъ“. Незнаю, говорилъ раскодившійся ревнитель, чѣмъ вашъ сей соборъ назвать, потому что не поболѣнїе ваше о законѣ Господни, но укоризны и поносы! Таковы соборы были и на великаго святителя Іоанна Златоустаго и на великаго святителя Стефана Сурожскаго“ ¹⁾.

Такъ ревнители, съ самаго начала патріаршества Никона, подвергли его патріаршія дѣйствїя самой рѣзкой и придиричивой критикѣ, находили въ нихъ только одни неправды, произволь и жестокости, проповѣдуя открыто и рѣшительно, что Никонъ недостойный патріархъ ²⁾. Понятно, что Никонъ

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 44—49.

²⁾ Обвиненїя Никона въ жестокомъ обращенїи съ подчиненными обычны. Но здѣсь скорѣе имѣла мѣсто не только личная жестокость, но и такъ называемый духъ времени, тогдашнїе суровые нравы,—тогда такъ всѣ поступали. Протопопъ Аввакумъ, на примѣръ, про себя рассказыва-

не могъ остаться равнодушнымъ къ этимъ зазорнымъ и рѣзкимъ обличеніямъ, имѣвшимъ въ виду окончательно подорвать его значеніе патріарха, тѣмъ болѣе, что все это происходило въ первый годъ патріаршества Никона, когда его положеніе еще не вполне окрѣпло и установилось, почему нападенія на него ревнителей грозили ему серьезною опас-

---

еть, что онъ обыкновенно приходилъ къ утрени ранѣе всѣхъ и одинъ начиналъ полунощницу: „докаместъ сходятся крылошаня, а я проговорю въ тѣ поры. Прощаются—и во Богъ проститъ; а который дуруеть, *то на чепь добро пожаловать*: не раздувай уса—тово у меня“. (Матер. VIII, 91). Но особенно важно для характеристики суровыхъ нравовъ тогдашняго времени собственное свидѣтельство архіепископа сибирскаго Нектарія (въ одномъ изъ его писемъ) о томъ, что онъ вытерпѣлъ отъ старца, у котораго жилъ на послушаніи въ Ниловой пустыни, до своего архіепископства. Вотъ что онъ сообщаетъ: „до смерти мнѣ надобно помнить, какова милость Божія надо мною грѣшнымъ была въ пустынѣ и что мы кушали: вмѣсто хлѣба сіе брашно: траву папорть и кислицу, ужевникъ и дягиль, дубовые жолуди и дявлевицу, и съ древесъ сосновыхъ кору отыскали и сушили и, съ рыбою смѣшавъ, вмѣстѣ толкли; то намъ брашно было, а голодомъ не уморилъ насъ Богъ. И како терпѣлъ отъ начальника съ первыхъ моихъ дней: два года по дважды на всякій день былъ битъ въ два времени, а не по единому время на день бои были. Но и въ свѣтлое воскресеніе Христово дважды битъ былъ. И того сочтено у меня въ два года по два времени на всякій день боевъ: тысяча чотыреста и тридесять. Сколько ранъ и ударовъ на всякій день было отъ рукъ его честныхъ, тѣхъ не считаю—Богъ вѣсть—и не помню: отъ ранъ великихъ едва дыханіе во мнѣ бысть. Пастырь мой плоть мою сокрушалъ, а душу мою спасалъ. Что ему въ рукахъ прилучилось, тѣмъ и жаловалъ меня, свою сиротку и малаго птенца. Училъ клюкою, и оствомъ прободалъ, и полѣномъ, коимъ въ жерновѣ мелютъ муку, и пѣстомъ, что въ ступѣ толкутъ, и кочергою, что въ печи уголье гребутъ, и поварнями, что ѣствы варятъ, и рогатками, что растворъ на хлѣбы и просфоры и на пироги въ сосудѣхъ бьютъ, чтобъ хлѣбы, или просфоры и пироги были бѣлы,—чтобъ душа моя темная свѣтла была, а не темна; и въ ушатахъ, что двое носятъ моторъ, и тѣмъ древомъ изъ ноги моя икра выбита, чтобъ ноги мои на послушаніе Христа ради готовы были. И нетокмо древомъ всякимъ, но и желѣзомъ, и каменіемъ, и за волосы драніемъ, и кирпичемъ, и что прилучилося въ рукахъ его, чѣмъ раны дать, и что тогда глаза его узрятъ, тѣмъ душу мою спасалъ, а тѣло мое смирялъ. И въ то время персты мои изъ составовъ выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и нынѣ немощенъ и скорбенъ, чаю себѣ скоро смерти“, почему желаетъ оставить каеедру и остатокъ дней провести въ мѣстѣ своего перваго обѣщанія—въ Ниловой пустынѣ. Нектарій умеръ въ Москвѣ въ январѣ 1667 года. (Рукопись Виѣанской духовной семинаріи № 2369, л. 60, 198—203).

ностію. Никонъ поспѣшилъ окончательно отдѣлаться отъ своихъ бывшихъ друзей. Съ Неронова онъ снялъ скуею и послалъ его подъ крѣпкій началъ въ Спасокаменный монастырь; Логгину онъ остригъ голову, т. е. лишилъ его сана священства, причемъ послѣдній, когда его разстригали въ соборѣ, не удержался отъ публичныхъ грубыхъ и неприличныхъ выходокъ противъ Никона. Съ видимымъ удовольствіемъ, какъ о какомъ-то высокомъ подвигѣ, рассказываетъ объ этомъ Аввакумъ слѣдующее: „остригше, содрали съ Логгина однорядку и кафтанъ. Логгинъ же, разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая и чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ. Распоясался, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ“. Не смотря на все крайнее непреличіе поведенія Логгина, оно однако, по словамъ Аввакума, было увѣнчано всенароднымъ чудомъ: „и чюду, повѣствуетъ онъ, растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискось, бытъ-то воздухъ“. Но нечестивый Никонъ, по словамъ Аввакума, къ подобнымъ очевиднымъ чудесамъ надъ ревнителями, относился не только скептически, но и насмѣшливо. Когда ему донесли, что Богъ чудесно, заключенному послѣ разстриженія въ темницу Логгину, далъ шапку и шубу, то Никонъ только разсмѣялся и при этомъ замѣтилъ: „знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ“ ¹⁾. Вслѣдъ за Логгинымъ и Нероновымъ опалѣ подверглись и другіе ревнители—Аввакумъ и Даніилъ Костромской, которые было подали царю челобитную за Неронова. Даніилъ былъ разстриженъ и сосланъ въ Астрахань, Аввакума же спасло отъ растриженія заступничество царя, но онъ все таки былъ сосланъ въ Сибирь.

Такъ Никонъ отдѣлался отъ своихъ бывшихъ друзей, лишивъ ихъ прежняго вліятельнаго и виднаго общественнаго положенія и разославъ ихъ по дальнимъ уголкамъ Россіи. Царь рѣшительно стоялъ на сторонѣ Никона и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій въ церковной сферѣ, отказываясь отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла. Нероновъ, еще до своей ссылки, говорилъ Никону: „подалъ равноапостольный, благочестивый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи тебѣ волю, и ты,

1) Матер. для ист. раск. т. V, стр. 21—22.

заснався, тако всякія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь, я де дѣлаю по Евангелію и по отеческимъ преданіямъ“, Стефанъ Вонифатьевичъ писалъ сосланному уже Неронову, уговаривавшему его побудить царя вмѣшаться въ церковныя дѣйствія Никона, что царь „на себя такого чина не взираетъ, что управити ему, государю, благочестіе“; и въ другомъ мѣстѣ: „царь государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу“ ¹⁾.

Такимъ образомъ Никонъ находился теперь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно выполненія предположенной церковной реформы. Тѣ лица, отъ которыхъ онъ только и могъ ожидать серьезнаго противодѣйствія себѣ, находились далеко отъ Москвы, въ ссылкѣ; царь оказывалъ ему безусловное довѣріе и предоставилъ ему въ церковныхъ дѣлахъ полную свободу дѣйствій; власти, бояре и весь народъ уже ранѣе клялись ему безпрекословно подчиняться всѣмъ его архипастырскимъ распоряженіямъ. И однако же, не смотря на все это, Никонъ встрѣтилъ сильныя препятствія на пути къ осуществленію церковной реформы, и открытое рѣшительное сопротивленіе всѣмъ своимъ реформаторскимъ распоряженіямъ. Противодѣйствіе исходило отъ его бывшихъ друзей — ревнителей, которые, не смотря на свою ссылку, очень чувствительно давали знать о себѣ Никону. Пользуясь своими прежними связями и особымъ положеніемъ въ Москвѣ, они обращались съ своими челобитными къ царю и царицѣ, а также и къ царскому духовнику, чтобы они защитили ихъ отъ Никона, который несправедливо гонитъ ихъ и преслѣдуетъ, причемъ самихъ себя они выставляли мучениками за правду, страдальцами за ревность по благочестію. Такъ Нероновъ, который теперь сталъ во главѣ своихъ опальныхъ друзей ревнителей и всѣхъ вообще противниковъ Никона, пишетъ царицѣ: „ти (Павель, Данииль, Аввакумъ, Логгинъ) мучени и томлены, и изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія, и за еже побуждати имъ наблагое всѣхъ чловѣкъ, ревность имуще, да не единъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшитъ, но вси спасенія да улучатъ и чисти предъ сотворшимъ ны предстануть въ день праведнаго суда, иже и воздасть комуждо по дѣломъ его“.

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 89, 91, 106.

Ревнители не ограничивались тѣмъ, что представляли Никона человѣкомъ жестокимъ, несправедливымъ, гонителемъ людей, ревнующихъ о правдѣ и благочестіи. Указывая всѣмъ на единоличное распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи, они на первыхъ уже порахъ стали открыто и настойчиво заявлять о томъ, что русскому благочестію грозитъ отъ Никона серьезная опасность. „Не наша бо страданія, пишетъ Нероновъ въ своей первой челобитной царю, отъ 6-го ноября 1653 года, нудятъ насъ къ тебѣ, государю, вопити, ниже скорбей и мученій нашихъ моленіе къ тебѣ, государю, приношу; *но страхъ держитъ мя о семъ, дабы благочестіе истиннѣ въ поруганіи не было и гнѣвъ Божій да не снидеть...* О, благочестивый царю, остави, молю, бурю, смущающую церкви!.. О, благочестиве! молю тя: скорби бо и гоненія, еже претерпѣхомъ за любовь Господа нашего Іисуса Христа, радость намъ воистину; а еже зрѣти или слышати люди Божія смущаемы и печалію погружаемы *прозовѣрія ради и благочестія* отъ бѣдъ и скорбей — нестерпимо“. Съ своей стороны Аввакумъ, вмѣстѣ съ Даніиломъ, еще до своей ссылки, уже писалъ царю въ особой челобитной: „о, благочестивый царю, откуда се привидоша въ твою державу? Ученіе въ Росіи не стало и *глава отъ церкви отста*, понеже озоба вепрь отъ луга и инокъ дивій поялъ и есть“. Во второй челобитной государю, писаной въ началѣ 1654 года, Нероновъ прямо уже указываетъ царю, въ чемъ заключается опасность, грозящая церкви. „Искушенія бо приде, потрясающія церковь, и велико несогласіе, пишетъ онъ царю. Чесо ради? всяко вѣси. Отцы преданное колѣнное поклоненіе попираемо, и крестнаго знаменія сложеніе персть пререкуемо, и новѣнѣнко казуемо не отъ писанія, плачю достойно, соблазнъ приносяще людямъ, ихъ же ради Христосъ кровь свою пролія... Колѣнное же поклоненіе отъ устава пріяхомъ, преданнаго церкви святыми отцы, согласующе отъ тѣхъ и блаженному Никону въ своихъ правилѣхъ, и не хотящихъ до земли поклонятися, непоклоннической ереси послѣдующихъ тѣхъ глаголетъ, юже казуеть девять-десять первую въ Дамаскиновѣ книгѣ“. Доказывая за тѣмъ истинность двуперстія сказаніемъ о Мелетіѣ антиохійскомъ, словами Феодорита, свидѣтельствомъ Максима Грека, Нероновъ говоритъ: „всѣхъ же зримъ нетленіемъ и чудесы отъ Бога прославленныхъ, отъ

нихъ же ни единъ инако мудрствуя, приложити что смѣя, послѣдующе древле бывшимъ отцемъ, и яко постепеніи другъ по друзѣ идуще, а предъ отцы не прескочающе, но пребываху въ нихъ же научени быша, *самочиннѣ же законовъ не полагаху и церковныхъ догматъ не развращаху*. Сихъ ли святѣйшія есмь? О, благочестивый царю, яко законы ихъ, ими же они Богови угодивши, и въ чудесѣхъ величѣ явльшесе, тако, яко истинныхъ проговяють бѣсовъ; мы же сія нетрудно разорити покушаемся. На сихъ ли возносимся, имъ же видимъ ты, благочестивый царю, и вси правовѣрніи князи, и боляра, и архіереи, и ереи, и православныя христіяня со страхомъ многимъ любезно святыхъ ихъ мощи цѣлуете, и ракамъ ихъ касаетеся ради освященія едиnorodныхъ нашихъ душъ, и яко да молятъ о насъ челоувѣколюбца Бога, да милостивъ будетъ намъ въ день судный, — на сихъ вознестися имамы?“ Затѣмъ Нероновъ, въ той же челобичной царю, говоритъ, что вмѣстѣ съ вѣрою русскіе приняли отъ грековъ и книги, которыя „добрѣ и богоугодно“ были переведены на славянскій языкъ, а потомъ благовѣрніи цари, князи, святители и прецодобніи отцы „писаніе уясниша и тисненію печатному предаша“ причемъ преподобный Максимъ Грекъ крѣпко завѣщавалъ „возносящимся премудростію и тщетною филозофією, развращенно же житіе имущимъ, отнюдь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ переводити, ниже вручити таковымъ, яковъ же онъ лукавый чернецъ Арсеній, о немъ же патріархъ іерусалимскій писалъ къ тебѣ, государю, изъ Путивля, что онъ Арсеній еретикъ, велѣлъ ся его остерегать. А нынѣ онъ, Арсеній, взятъ къ Москвѣ и живеть у патріарха Никона въ кельѣ, да ево и свидѣтеля, врага, поставляетъ, а въ древнихъ великихъ мужей и святыхъ чудотворцевъ свидѣтельство отметаеть и ложно нарицаеть“. Для рѣшенія возникшихъ церковныхъ недоумѣній Нероновъ предлагаетъ царю созвать соборъ, но только чтобы этотъ соборъ былъ истинный, „а не сонмище іудейско“. „Не единымъ бо архіереомъ подобаеть собраться, пишетъ онъ, но и священно - архимандритомъ, и священно игуменомъ, и протопопомъ, и священно - инокомъ, іереомъ и діакономъ, вѣдущимъ до конца божественное писаніе; такожде и въ мірѣ живущимъ и житіе добродѣтельное проходящимъ всякаго чина людемъ; поискати же лѣпо, государь, и въ пусты-

ни живущихъ иноковъ, искусныхъ отцевъ, науку имѣющихъ отъ божественнаго писанія, пачеже житія ради добродѣтельнаго и чистоты и дарованію сподобльшихся отъ Бога, да же споспѣшествуютъ намъ, государь, неточію словеса, но и молитвы ихъ, ко исправленію нашея православныя христіанскія вѣры, да же истина свѣтлѣе солнца явится. Тебѣ же, государь, яко превеликому столпу, ту предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти“. Только одного ограниченія для проектируемаго собора желаетъ Нероновъ. Это — чтобы государь никакъ не принималъ въ совѣтъ иностранныхъ иноковъ, „истинѣ и благочестію ругателей и ересемъ вводителѣй“ ¹⁾.

Царь не только не придалъ никакого значенія этимъ челобитнымъ, вполнѣ положившись въ церковныхъ дѣлахъ на Никона, но и запретилъ Неронову обращаться къ нему съ жалобами на Никона. Но это не остановило Неронова. Онъ сталъ писать царицѣ, прося ея ходатайства предъ царемъ, и особенно обращался къ своему патрону и доброжелателю Стефану Воиѣатовичу, думая найти въ немъ противника Никону.

Нероновъ, и особенно его друзья, до конца своей жизни имѣли неправильное представленіе объ участіи Стефана Воиѣатовича въ дѣлѣ церковной реформы Никона, и неправильно представляли себѣ личныя отношенія, существовавшія между Стефаномъ и Никономъ. По ихъ представленіямъ Никонъ, до своего патріаршества, очень дружилъ съ Стефаномъ, во всемъ соглашался съ нимъ, не противорѣчилъ ему и даже всячески предъ нимъ заискивалъ. Но сдѣлавшись патріархомъ, онъ рѣшительно будто бы измѣнилъ къ Стефану свои отношенія: сталъ не только гнать и преслѣдовать его друзей, но ругать и поносить и самого Стефана. Нероновъ говорилъ патріарху Никону: „преже сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто прѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ... Ты съ государевымъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прекословилъ нигдѣ... И протопопъ Стефанъ за что тѣбѣ врагъ

¹⁾ Матер. I, 23—24, 37—38, 54—67, 80.

сталь? — вездѣ ты ево поносишь и укоряешь“¹⁾.. Но такое представленіе ревнителѣй объ измѣнившихся будто отношеніяхъ Никона къ Стефану, послѣ того какъ Никонъ успѣлъ сдѣлаться патріархомъ, рѣшительно невѣрно и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Стефанъ Вонифатьевичъ несомнѣнно всегда былъ сторонникомъ Никона, какъ своего ставленника въ патріархи, и до самой своей смерти сохранилъ къ нему близкія дружескія отношенія. На производимую Никономъ реформу онъ смотрѣлъ какъ на свое личное дѣло, и потому не только не могъ ей противодѣйствовать, но и всячески ее поддерживалъ. Въ посланіи къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 27 феврала 1654 года, Нероновъ пишетъ: „по приказу отца священнопротопопа Стефана Ниеантьевича, всякое покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патріарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ, и лживыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все поистиннѣ истину, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ“²⁾. Значитъ, когда Никонъ еще былъ архимандритомъ и митрополитомъ, уже тогда между нимъ и Нероновымъ происходили несогласія, уничтожаемыя авторитетомъ Стефана, который заставлялъ Неронова оказывать Никону „покореніе и любовь“ т. е. уже и тогда Стефанъ считалъ болѣе правымъ Никона и былъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ Неронова. Тоже было и послѣ, когда Никонъ сталъ патріархомъ и началъ свою реформаторскую дѣятельность. Протопопъ Аввакумъ въ письмѣ къ Неронову въ Спасокаменный монастырь, отъ 14 сентября 1653 года, говоритъ: „а про Стефана сказать не знаю что, — всяко ослабѣлъ. Писалъ я о тебѣ челобитную, и онъ государю и не снесъ. И я помышляю: благо намъ и такъ; Давыдъ богоотецъ рекль: не надѣйтеся на князя на сына человѣческаго, въ нихъ же нѣсть спасенія“³⁾. Отсюда видно, что въ произшедшемъ столкновеніи Никона патріарха съ его бывшими друзьями-ревнителями, Стефанъ сразу сталъ на сторону не ихъ, а Никона, что подмѣтили ревнители и объясняли это странное, по ихъ мнѣнію, поведеніе Стефана тѣмъ, что онъ „вся-

¹⁾ Ibid. стр. 47.

²⁾ Матер. I, стр. 67—68.

³⁾ Ibid. стр. 25.

ко ослабѣлъ“. Ясно что ревнители не понимали Стефана совсѣмъ не знали того, что Никонъ въ своей церковной реформаторской дѣятельности осуществляетъ программу царя и Стефана, и потому они сильно заблуждались, считая Стефана сторонникомъ своихъ воззрѣній на реформу, совсѣмъ не одобряющимъ реформы Никона, и только изъ политики поддерживающимъ внѣшнія корректныя сношенія съ Никонъ патріархомъ. Въ дѣйствительности роль Стефана въ дѣлѣ столкновенія Никона съ его бывшими друзьями была ролью посредника между двумя борющимися сторонами. Онъ старался дѣйствовать примирительно, посреднически, склоняя обѣ стороны къ уступчивости, воздѣйствуя въ этомъ смыслѣ, съ одной стороны, на царя и Никона, съ другой, на Неронова, какъ тогдашняго главу недовольныхъ Никонъ. Это какъ нельзя болѣе ясно открывается изъ переписки Стефана съ Нероновымъ. Стефанъ въ письмѣ къ Неронову въ Спасокаменный монастырь совѣтуетъ ему оставить затѣянную имъ борьбу съ Никонъ патріархомъ, такъ какъ онъ — Нероновъ борется „всуе“, правъ Никонъ патріархъ, а не Нероновъ, почему послѣдній долженъ оказывать Никону послушаніе „и безъ разсужденія не прекословити ему ни въ чемъ“, тѣмъ болѣе, что Никонъ ждетъ отъ него покаянія и просьбы о прощеніи, которое онъ, подъ этимъ условіемъ, и получить. На эти совѣты и убѣжденія Стефана оставить борьбу съ Никонъ и примириться съ нимъ, Нероновъ отвѣчаетъ Стефану рѣшительнымъ отказомъ, заявляетъ, что онъ никогда не покорится Никону, а будетъ по прежнему бороться съ нимъ. „Молютя, брате, пишетъ онъ Стефану, вскую мя оскорбилъ еси, воспоминаая ми подвигъ оставити и приложитися отъ благоначинанія, яже о Христвѣ, а не добръ подтвержая мя, яко да теченіе окончаю? Или еще не уразумѣ настоящія бѣды всеи Русіи? Всякое благочестіе преста и чадомъ церковнымъ вездѣ плачь... Како же рече о возлюбленне, яко всуе ми трудъ? размотри добръ превозждѣленне, — себе ли ради сіе творю? Не буди то никакоже: но церкви ради и братіи, о нихъ же Христось кровь свою излія... Идѣже вредъ преемлетъ церковь, и многимъ блазнь бываетъ и погибель душевная, — какое тутъ молчаніе? Се въ упрямство не вмѣняй, еже къ патріарху прощенія не приношу: не вѣмъ бо себе къ нему согрѣшиша“. При этомъ

Нероновъ относительно дальнѣйшаго своего образа дѣйствій рѣшительно заявилъ Стефану, что просить у Христа помощи и заступленія, „да дастъ ми крѣпость, еже съ братією моею за имя Его любезно пострадати и съ ними, о Христѣ моими господами, смерть или животъ пріяти, да въ безконечныя вѣки съ любезными моими не разлучаюся“. Но этого мало. Нероновъ и самого Стефана старается убѣдить открыто стать на сторону дѣла Неронова и его друзей, всячески ихъ поддерживать и ради ихъ бороться съ Никономъ. Онъ пишетъ Стефану: „не прииде бо Христосъ вложить мира, но рать и мечъ, раздѣлити отца на сына, и сына на отца, и дщерь на матеръ свою, и невѣстку на свекровь свою. Сицевое Спасово реченіе часто воспоминай и намъ не стужай, дѣло начевшимъ; но, молю, и помогай; азъ ору и добрѣ землю дѣлаю, ты по ней посѣй, яко да обогатѣши. Не угаси, молю, малыя искры, лежащія въ тебѣ, да не отъ Бога наказанъ имаши быти, яко погубивъ правду“. И въ другомъ мѣстѣ тогоже письма заявляетъ Стефану: „грубыхъ словесъ моихъ не гнушайся, о превозлюбленне, но съ радостію, яко истинѣ другъ, пріемли въ клѣти, яко птица, сѣди и пой Господеви пѣсни красны, во дни и въ нощи. Прочти мученіе святого пророка и мученика Еремія, иже послалше, ко царю ученикомъ своимъ Варухомъ епистолію, они же драща и жгоша, самого же пророка и соученикомъ его мучиша, послѣди же и въ калѣ его втопташе. Опасно зри, каковъ судъ подъяша. Тако и ты, — аще и жеши и драть не будеши, но писанное тебѣ аще презирати будеши: блюди да не тояжде постраждеши. Аще бо къ человѣку согрѣшишь, отпуститъ ти ся; аще ли о церкви не радѣти будеши, и чадомъ ея блазнь сотвориши, неумолимъ судъ обрящеши въ день праведнаго суда Христова“¹⁾.

Такъ старался Нероновъ убѣжденіями и мольбами, а частію и угрозами, склонить Стефана на свою сторону, заставитъ его рѣшительно и открыто выступить на борьбу съ Никономъ. Но въ то же время Нероновъ невольно чувствовалъ, что Стефанъ вовсе не на его сторонѣ, что онъ не оправдываетъ его строптиваго, вызывающаго поведенія относительно Никона. Нероновъ искалъ причины такого, казалось ему,

¹⁾ Ibid. стр. 70—94.

непонятнаго поведенія своего друга и совѣтника. Въ припискѣ къ письму онъ спрашиваетъ Стефана: „не то ли ты мыслишь, государь мой союзниче, священнопротопопе Вѣни-еатьевичъ, что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужаль и много тебѣ жестоко и противно говорилъ?“ Значить Нероновъ сознавалъ, что Стефанъ имъ недоволенъ, что онъ оправдываетъ не его, а Никона, причину этого думаетъ найти въ прежнихъ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Стефану, когда онъ, въ виду вскрывавшагося между ними несогласія по тѣмъ или другимъ вопросамъ, позволялъ себѣ много и горячо спорить съ Стефаномъ и не соглашаться съ нимъ. Отсюда очевидно также и то, что рознь въ возрѣвнѣяхъ между Стефаномъ и Нероновымъ сказывалась уже давно и, благодаря рѣзкости и упрямству Неронова, уже ранѣе вызвала неудовольствіе Стефана, о чемъ теперь и вспоминаетъ Нероновъ.

Еще яснѣе свои истинныя отношенія къ Никону патриарху и реформатору Стефанъ выразилъ во второмъ письмѣ къ Неронову. Здѣсь онъ пишетъ, что царь, которому онъ прочелъ письмо Неронова, удивляется его (Неронова) упрямству“, что царь и Стефанъ „блазни не имѣютъ о патриархѣ,—все онъ доброе творить“, и что вообще „государь за патриархомъ ничего худаго не видалъ“. Что же касается распоряженія Никона о поклонахъ, то Стефанъ находитъ его правильнымъ, вполне согласнымъ съ русской церковной стариной; а относительно перстосложенія вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, т. е. царь и Стефанъ находили правильными первые реформаторскіе шаги Никона и вполне ихъ оправдывали, такъ какъ они, очевидно, и предприняты были Никономъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго соглашенія по этому предмету съ царемъ и Стефаномъ. Поэтому не удивительно, что и царь не похвалялъ сопротивленія и упрямства Неронова, и что онъ выразилъ желаніе, чтобы Нероновъ подчинился Никону и снова занялъ свое прежнее мѣсто въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, о чемъ Стефанъ и извѣщалъ въ письмѣ Неронова.

Такимъ образомъ Стефанъ былъ, несомнѣнно, вполне на сторонѣ Никона, и оправдывалъ его реформу предъ своими задорными друзьями—ревнителями, съ которыми онъ, особенно съ Нероновымъ, поддерживалъ всегда прежнія близкія

отношенія, всячески усиливаясь его и другихъ примирить съ новыми явленіями въ тогдашней русской церковной жизни. Несомнѣнно также и то, что и царь принималъ живое и дѣятельное участіе въ первыхъ реформаторскихъ шагахъ Никона и въ посреднической попыткѣ Стефана примирить ревнителѣй, особенно Нерона, съ Никономъ и его реформаторскою дѣятельностію.

Стефанъ мало однако рассчитывалъ побороть упрямство Неронова путемъ убѣжденій и уговоровъ, и потому рѣшили достигнуть этой цѣли инымъ способомъ; какъ видно, Стефанъ уже давно задумалъ принять монашество, промѣнять свое видное и вліятельное положеніе царскаго духовника, на положеніе простаго смиреннаго инока старца. Къ тому же онъ рѣшилъ склонить и Неронова. Послѣдній во второмъ своемъ письмѣ пишетъ Стефану: „прочее же писанное тобою (т. е. Стефаномъ), о вселюбезне, внятно разумѣхъ, смиренію твоему подивихся и простонаравію блаженному, и *благій советъ твой приѣмлю*. Молю же тя, *поне мірскаго мудрованія уклонися, якоже и міра*, и Владыцѣ нашему Господу Іисусу *послужимъ по силѣ нашей*“. Принявъ благой советъ Стефана Нероновъ, какъ извѣстно, постригся въ монахи подъ именемъ Григорія. Также поступилъ и Стефанъ Вонифатьевичъ. Въ 1655 году онъ, на средства своего духовнаго сына—государя, построилъ въ Москвѣ на „убогихъ домѣхъ“, гдѣ было кладбище для бѣдняковъ, странниковъ, умершихъ насильственной смертію, замершихъ и другихъ несчастныхъ, особый монастырь, названный Покровскимъ, въ которомъ, вѣроятно въ 1656 году, онъ и былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Савватія. Стефанъ Вонифатьевичъ, въ иночествѣ старецъ Савватій, скончался 11-го ноября 1656 года, и былъ похороненъ въ своемъ Покровскомъ на убогихъ домѣхъ монастырѣ ¹⁾. Понятно почему Стефанъ добивался и потомъ дѣйствительно постригъ Неронова въ монахи. Самъ Стефанъ смотрѣлъ на свое иноческое постриженіе, какъ на актъ всецѣлаго отреченія отъ міра и всецѣлаго посвященія себя служенію только Господу Іисусу—онъ, послѣ постриженія, не царскій духовникъ, не вліятельное придворное лицо, даже не іерей, а смиренный инокъ—просто старецъ

1) Матер. т. I, стр. 91, Письма государей № 386, стр. 350.

Савватій. Онъ былъ убѣжденъ, что и Нероновъ, сдѣлавшись старцемъ Григоріемъ, подобно ему, тоже всецѣло проникнется иноческимъ смиреніемъ, бросить свою задорную общественную дѣятельность и, какъ инокъ, смирится предъ патріархомъ, весь сосредоточится на работѣ Христу, навсегда замкнувшись отъ міра въ своей уединенной иноческой келии. Но Стефанъ ошибся въ своихъ надеждахъ на Неронова: ставши старцемъ Григоріемъ, Нероновъ не измѣнился, а по прежнему во всѣхъ случаяхъ проявлялъ и прежній задоръ, и неуступчивость, и ненависть къ патріарху, и прежнее желаніе играть въ обществѣ видную и прямо шумливую роль. Монашество оказалось безсильнымъ передѣлать непокойную натуру Неронова и направить его энергію и помыслы въ другую сторону. Въ виду этого миротворческаго стремленія Стефана по отношенію къ Неронову не удались, но за то они, въ извѣстной степени, удались по отношенію къ другому лицу,—патріарху Никону.

Если Нероновъ въ послѣдствіи говорилъ Никону патріарху „протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь“, то на это заявленіе Неронова слѣдуетъ смотрѣть какъ на преувеличеніе, какъ на выраженіе желанія Неронова показать, что Никонъ не только преслѣдовалъ его Неронова, но даже ругалъ и поносилъ такого уважаемаго и почитаемаго всѣми человѣка, какимъ былъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Стефанъ, какъ миротворецъ, сохраняя постоянно дружескія отношенія съ Никономъ, въ тоже время дружилъ съ Нероновымъ и его друзьями, всячески усиливаясь примирить ихъ съ Никономъ и его реформаторской дѣятельностію, а Никона побудить къ болѣе кроткому и снисходительному отношенію къ ревнителямъ. Возможно, что суровому и нетерпѣливому Никону иногда было непріятно это миротворческое вмѣшательство Стефана, это его стремленіе щадить и по возможности извинять своихъ друзей, и онъ позволялъ себѣ, по обычной ему несдержанности, выражать иногда свое неудовольствіе на Стефана, что подхватывалось Нероновымъ и его сторонниками и нарочно выставлялось потомъ, въ видахъ повредить Никону, какъ проявленіе его вражды къ Стефану. Въ дѣйствительности же никакой вражды къ Стефану Никонъ не имѣлъ и даже болѣе: Стефанъ и на Никона оказывалъ сдерживающее и смяг-

чающее вліяніе и Никонъ, благодаря Стефану, сталъ потомъ терпимѣй и снисходительнѣй. Мы видѣли, что Стефанъ всячески усиливался примирить Неронова съ Никономъ, но умеръ, не достигнувъ этой цѣли. Очень вѣроятно, что Стефанъ, передъ смертію, взялъ съ Никона обѣщаніе примириться съ Нероновымъ, если тотъ пойдетъ хотя бы сколько нибудь на уступки. И дѣйствительно Никонъ, уважая память Стефана, рѣшился идти на примиреніе съ Нероновымъ. Очень любопытны и характерны, для обоихъ заинтересованныхъ сторонъ, нѣкоторые обстоятельства этого примиренія, поскольку онѣ связаны съ личностію Стефана. Нероновъ, послѣ своего постриженія въ монахи, пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ у Стефана, отправился на житье въ Игнатьеву пустынь. Но такъ какъ Никонъ его разыскивалъ, то Нероновъ, скрываясь, переходилъ съ мѣста на мѣсто. Въ это время въ Москвѣ умеръ Стефанъ, и Нероновъ, получивъ вѣсть о его смерти, явился въ свою пустынь, „и моли Іоаннъ духовную братію, да въ царствующій градъ Москву, на гробъ къ отцу Савватію (т. е. Стефану) того отвезутъ проститися: зане отецъ Савватій представися, Григорій же (Нероновъ) бѣгая живяше и не сподобися послѣди се цѣловати любезнаго ему друга и брата, и во многихъ слезахъ бяше сичевыхъ ради; духовная же братія готови исполнити прошенія его, и елико той хотяше, дѣломъ исполняху.“ Нероновъ прибылъ въ Москву и здѣсь между нимъ и Никономъ произошло примиреніе, причемъ Никонъ, несмотря на задоръ, несдержанное и грубо-неприличное поведеніе Неронова, отнесся къ нему въ высшей степени сдержанно и ласково-милостиво. Между прочимъ Нероновъ просилъ Никона назначить ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ проживать во время своего пребыванія въ Москвѣ. Никонъ, имѣя въ виду близкія отношенія Неронова къ Стефану, зная, можетъ быть, что и въ Москву-то онъ прибылъ, если вѣрить его заявленіямъ, собственно за тѣмъ, чтобы плакать на гробѣ своего „друга и брата“, предложилъ ему жить въ Покровскомъ на убогихъ дому монастырѣ, гдѣ была могила Стефана. Но Нероновъ не понималъ всей деликатности предложенія ему Никона жить въ Покровскомъ монастырѣ, онъ грубо отвѣчалъ патріарху: „далече, великій святитель; гдѣ мнѣ отъ тебя поближе; потому что человекъ я древній, бродить не могу. Изволь пожаловать

на Троицкомъ подворьѣ побыть“. II патриархъ рекъ: „ино-де добро“, и Нероновъ поселился на Троицкомъ подворьи, а не въ монастырѣ Стефана. Но если Нероновъ не хотѣлъ, хотя-бы временно, пожить при гробѣ своего друга и брата Стефана, а предпочелъ поселиться поближе къ двору и патриарху, чтобы быть на глазахъ у сильныхъ міра сего; за то Никонъ, съ своей стороны, не забывалъ умершаго Стефана, съ уваженіемъ относился къ его памяти, заботился о построенномъ имъ монастырѣ ¹⁾, посѣщалъ его могилу, на которой, конечно и не разъ, плакалъ. Въ запискѣ о жизни Неронова рассказывается: „генваря въ 14 день (1657 г.) патриархъ Никонъ пріѣхалъ въ Покровскій монастырь, что на убогихъ дому, идѣже лежатъ мощи отца Саватѣя, и бывъ у гроба старцова, пошелъ къ строителю старцу Кирилу въ келью. И въ кельѣ, обычно благословеніе и миръ давъ, сѣде, покивая же главою и плача, глаголя: „старецъ Григорій!“ Старецъ (т. е. строитель Кириллъ) вопрошая его, глаголя: владыко святыи, что вина плачу, его же ради зѣло плачеши? Патриархъ же ничто же рече строителю, но, плакався довольно, отъиде“ ²⁾. О чемъ именно плакалъ Никонъ на гробѣ Стефана,—мы не знаемъ. Но судя потому, что Никонъ, плача, говорилъ: „старецъ Григорій!“ можно съ вѣроятностію заключать, что тяжелое душевное настроеніе Никона создано его примиреніемъ съ Нероновымъ, которое, какъ онъ ясно видѣлъ, не смотря на всю сдержанность и уступчивость съ его стороны, не удалось, такъ какъ Нероновъ попрежнему питалъ къ нему полное нерасположеніе и готовъ былъ всячески вредить ему. Никонъ, пріѣзжая плакать на гробъ митротворца Стефана, отдавалъ, вѣроятно, дѣло своего примиренія съ Нероновымъ, на судъ умершаго Стефана, такъ усиленно всегда объ этомъ заботившагося. Во всякомъ случаѣ, плакать на могилу Стефана пріѣзжалъ не Нероновъ, а патриархъ Никонъ, и это уже одно говоритъ за его всегдашнія близкія отношенія къ Стефану, за его любовь и глубокое уваженіе и почтеніе къ нему. О враждѣ патриарха Никона

---

1) Строитель Покровскаго монастыря Кириллъ, конечно по дѣламъ монастыря, упоминается въ числѣ посѣтителей, собиравшихся въ Крестовой патриарха Никона. Матер. I, 155.

2) Матер. I, 158—159.

къ Стефану не можетъ быть, при указанныхъ обстоятельствахъ, и рѣчи.

Никонъ, не смотря на полный разгромъ кружка ревнителѣй, на поддержку царя и его духовника Стефана Вонифатьевича, на свою всесильную патріаршую власть, не могъ однако скрыть отъ себя, что протестъ кружка ревнителѣй, относительно его распоряженія о поклонахъ и перстосложеніи, въ значительной степени былъ справедливъ, что единоличною, только своею патріаршею властію, производить такія важныя въ мнѣніи общества церковныя реформы дѣло рискованное и очень непрочное. Не могъ не сознать Никонъ и того, что его противники были люди убѣжденные, искренніе, вполнѣ вѣровавшіе въ свое призваніе бороться за истинное благочестіе, страдающее отъ самочинія новаго патріарха, что ихъ голосъ въ этомъ случаѣ могъ быть убѣдительно для очень и очень многихъ, такъ какъ въ своихъ нападкахъ на Никона они опирались на извѣстную всѣмъ и всѣми почитаемую родную старину, которую Никонъ самочинно стремится нарушить. Въ виду этого Никонъ, конечно съ совѣта царя и Стефана, рѣшается, въ своей дальнѣйшей реформаторской дѣятельности, опереться на болѣе прочную опору: на цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ, благодаря чему дѣло церковной реформы должно было стать дѣломъ всей русской церкви, а не одного только Никона. Эти соображенія вызвали соборъ 1654 года, очень важный въ томъ отношеніи, что на немъ Никонъ въ первый разъ торжественно высказалъ свой взглядъ на положеніе русской церкви и на тѣ реформы, какія бы онъ желалъ произвести въ ней.

Соборъ 1654 года Никонъ открылъ рѣчью, въ которой указалъ на причины, побудившія созвать соборъ, на тѣ вопросы, какіе подлежали соборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ оправданіе задуманной церковной реформы Никонъ сослался на постановленіе константинопольскаго собора объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, гдѣ, между прочимъ, заповѣдывалось пастырямъ церкви истреблять всѣ новины церковныя. Прочитавши дѣянія константинопольскаго собора, Никонъ говорилъ собору: „сего ради долженъ есть нововводныя чины церковныя къ вамъ объявити“, и затѣмъ перечисляетъ самыя найденныя имъ въ московскихъ служебникахъ новины. Онъ указалъ именно: а) разрѣшительную архіерей-

скую молитву, которую незаконно положено было читать священнику предъ совершеніемъ литургіи, отпустъ предъ началомъ литургіи, который принято было читать на всю церковь, и нѣкоторыя излишнія эктеніи; б) существовавшей обычай у насъ оставлять царскія врата отверстыми отъ начала литургіи до великаго входа; в) обычай праздничную литургію начинать въ седмомъ и даже въ восьмомъ часу дня т. е. въ первомъ и во второмъ часу по полудни; г) обычай— при освященіи храмовъ не полагать мощи подъ престоломъ; д) дозволеніе простецамъ двоеженцамъ и троеженцамъ пѣть и читать въ церкви на амвонѣ; е) употребленіе земныхъ поклоновъ въ чотыредесятницу (при чтеніи молитвы Ефрема Сирина) вмѣсто 12 малыхъ и ж) положеніе антимиаса подъ покровомъ, вмѣсто того, чтобы полагать его на престолѣ открыто и на немъ совершать таинство евхаристіи. Указавъ на то или другое новшество въ московскихъ печатныхъ книгахъ, Никонъ обыкновенно замѣчалъ, что указанные имъ нововводные чины несогласны ни съ греческими, ни съ славянскими книгами, и обращался къ собору съ вопросомъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ-ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ, старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ? На такіе вопросы Никона, говоритъ соборное дѣяніе, „великій государь царь... преосвященныя митрополиты, архіепископы и епископъ... и священныя архимандриты и игумены.. большаго собора пречистыя Богородицы протопопъ... и весь освященный соборъ, *все едино отвѣщали*: достойно и праведно *исправити противостарыхъ харатейныхъ и греческихъ*“; или: „святый соборъ рече: и мы тако же утверждаемъ быти, яко же греческія и наши *старыя книги и уставы повелѣвають*“; „святый соборъ рече: добро есть *исправити противу старыхъ и греческихъ книгъ*“. „И сіе соборное уложеніе благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и великій государь святѣйшей Никонъ, архіепископъ московскій, и всея великія и малыя Россіи патріархъ, написати повелѣша ради совершеннаго укрѣпленія, чтобы впредь быти исправленію въ печатномъ тисненіи божественнымъ книгамъ, *противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ уставовъ, потребниковъ, служебниковъ и часослововъ*“.

Изъ той постановки дѣла о церковной реформѣ, какую далъ Никонъ на соборѣ 1654 года, нельзя не видѣть, что Никонъ былъ очень своеобразный реформаторъ: онъ самъ, очевидно, не имѣлъ настоящаго правильнаго представленія о предметѣ своей реформы т. е. о происхожденіи, историческомъ ростѣ и дѣйствительномъ значеніи въ дѣлѣ вѣры тѣхъ церковно-обрядовыхъ явленій, которыя онъ такъ смѣло взялся реформировать. Русскіе церковные чины, несогласные съ тогдашними греческими, онъ прямо называетъ на соборѣ неправыми и нововводными, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это были правые, старые греческіе чины и обряды, нѣкогда перешедшіе на Русь отъ православныхъ грековъ и у насъ неизмѣнно сохраняемые, тогда какъ у самихъ грековъ, вслѣдствіе естественнаго роста и перемѣнъ въ церковно-обрядовой жизни, они измѣнялись, почему и стали кое въ чемъ несходны съ русскими, или что тоже: съ своими же древними греческими чинами и обрядами. Фактически, поэтому, дѣло стояло такъ, что не русскіе отступили отъ греческой церковной старины, въ какомъ видѣ она перешла на Русь, а позднѣйшіе греки, въ силу разныхъ историческихъ перемѣнъ и требованій, видоизмѣняли свои старые обряды и чины, и сдѣлали ихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, непохожими на старые, а слѣдовательно и на русскіе. Въ виду этого Никонъ долженъ былъ говорить на соборѣ не о томъ, что русскіе церковные чины и обряды есть нововводные и неправые, а—самое большее—о томъ, что это чины и обряды устарѣвшіе и отжившіе, что они уже болѣе не стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ церковною практикою всей вселенской православной церкви и потому должны быть видоизмѣнены, въ видахъ этого соотвѣтствія. Въ той же постановкѣ дѣла церковной реформы, какую далъ ей на соборѣ Никонъ, она неминуемо должна была вызвать въ обществѣ сильное противодѣйствіе себѣ, такъ какъ была несогласна съ русской церковной стариной, а слѣдовательно—и съ стариной греческой.

При чтеніи вопросовъ Никона, предложенныхъ имъ собору 1654 года, нельзя не обратить вниманія и на то рѣзко бросающееся въ глаза обстоятельство, что Никонъ въ число нововводныхъ чиновъ, на исправленіе которыхъ онъ требовалъ себѣ соборныхъ полномочій, не рѣшился включить двое-

перстія, сугубой аллилуїи, чтенія въ символѣ вѣры „истиннаго“ и вообще тѣхъ замѣтныхъ обрядовыхъ особенностей, которыми русскіе порознились тогда отъ современныхъ грековъ, и относительно которыхъ у русскихъ существовало опредѣленное обязательное для всѣхъ постановленіе Стоглаваго собора, оградившаго клятвою установленный обрядъ отъ всякихъ его измѣненій въ будущемъ. А между тѣмъ, если въ чемъ настояла для Никона особенная нужда заручиться прямымъ спеціальнымъ соборнымъ полномочіемъ, такъ это именно относительно тѣхъ обрядовъ, которые установилъ Стоглавый соборъ. Но разъ Никонъ этого не сдѣлалъ, а между тѣмъ сталъ потомъ измѣнять и передѣлывать этотъ обрядъ, онъ необходимо тѣмъ самымъ долженъ былъ, со стороны ревнителей и всѣхъ вообще почитателей русской церковной старины, навлечь на себя и на все свое дѣло горькія жалобы, нареканія и прямыя обвиненія въ самочиніи, въ презрительномъ отношеніи къ существующимъ соборнымъ постановленіямъ. Почему Никонъ не предложилъ собору уполномочить его на измѣненіе указанныхъ обрядовъ,— понятно: соборъ 1654 года, какъ чисто русскій по своему составу, никогда бы не далъ ему такихъ полномочій, что хорошо зналъ Никонъ.

Никонъ, настаивая на необходимости церковной реформы, заявлялъ на соборѣ 1654 года, что русская церковь содержитъ неправые, нововводные чины, несогласные съ древними русскими и греческими, и тѣмъ самымъ онъ открыто признаетъ, что вся вообще русская церковь не удержалась во всемъ на высотѣ строго православнаго обряда, такъ какъ она допустила у себя существованіе неправыхъ, нововводныхъ церковныхъ чиновъ, несогласныхъ съ строго православными чинами, какіе ранѣе существовали въ русской церкви и сейчасъ существуютъ у грековъ. Значить, бѣда заключалась не въ томъ только, что наши книги были испорчены невѣжествомъ, но въ томъ, что порча проникла въ самую жизнь церкви, что сама церковь усвоила себѣ нововводные, позднѣйшаго измышленія, неправые чины и обряды, выдавая ихъ за древніе, строго православные, такъ что погрѣшали не только уже книги, но и вся русская церковь. Въ виду этого Никонъ говоритъ на соборѣ не о такихъ книжныхъ исправленіяхъ, подъ которыми бы разумѣлись внесенныя

въ нихъ невѣжествомъ ошибки, описки и подобныя неважныя и легко исправимыя погрѣшности, но требуетъ исправленія книгъ поскольку онѣ содержатъ, по его мнѣнію, нововводные чины и обряды, требуетъ, такъ сказать, исправленія самой церкви, а не книгъ только. Испорченность нашихъ церковныхъ книгъ и необходимость ихъ исправленія признавалась у насъ всегда и всѣми, а при патріархѣ Іосифѣ наши церковныя книги даже стали свѣрять съ греческимъ текстомъ, что бывало и ранѣе. Но при этихъ исправленіяхъ, какъ ранѣе, такъ и при патріархѣ Іосифѣ, никогда у насъ не признавалось, что бы русская церковь потеряла или исказила въ чемъ либо древній православный чинъ и обрядъ, чтобы она обладала неправыми, нововводными чинами и обрядами, и что бы наши церковныя книги нуждались въ исправленіи именно съ этой стороны. Поэтому требуемая Никономъ на соборѣ 1654 года церковная реформа, должна была существенно отличаться по своему характеру отъ всѣхъ предшествующихъ книжныхъ исправленій.

Заявленіе Никона на соборѣ 1654 года, что церковныя книги московской печати содержатъ въ себѣ неправыя, нововводные чины и обряды, несогласныя съ истинно православными древними чинами и обрядами, необходимо должно было произвести въ высшей степени сильное впечатлѣніе на большинство благочестивыхъ русскихъ людей, и вызвать у нихъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

До сихъ поръ каждый русскій искренно и твердо вѣрилъ, что русская церковь приняла отъ грековъ православіе во всей его чистотѣ и полнотѣ, что въ теченіи вѣковъ она хранила его неизмѣнно, и ни разу не поступилась имъ ни въ какую сторону, такъ что православіе, и въ церковно обрядовомъ отношеніи, всегда царило въ ней безъ всякихъ колебаній и уклоненій, дало ей цѣлый рядъ великихъ угодниковъ Божіихъ, и самое русское государство сдѣлало могучимъ и сильнымъ,—единимъ теперь православнымъ царствомъ въ цѣлой вселенной. Сами греки не разъ открыто признавали, что русскіе всегда были тверды и неизмѣнны въ вѣрѣ, что Русь сдѣлалась опорой и единственно вѣрнымъ убѣжищемъ гонимаго на востокъ православія. Много перебывало на Руси различныхъ греческихъ іерарховъ, не разъ бывали въ ней и сами патріархи различныхъ восточ-

ныхъ каедръ, и никогда, до Никона, они не замѣчали, чтобы русская церковь содержала какіе либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборотъ, только дивились русскому благочестію, восхваляли русскихъ за горячую преданность истинному православію, за ихъ религіозную крѣпость и устойчивость. Самъ константинопольскій патріархъ Іеремія торжественно заявлялъ на Москвѣ, что въ ней теперь слѣдуетъ быть престолу вселенскаго патріарха, что Москва теперь есть истинная столица всего вселенскаго православія, что она—третій Римъ. И вдругъ московскій патріархъ Никонъ торжественно заявляетъ теперь на соборѣ, что русское благочестіе сомнительно, такъ какъ русскіе содержатъ у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самыя благослужебныя книги, по которымъ вѣруютъ и спасаются русскіе, исполнены очень серьезныхъ ошибокъ и погрѣшностей. Откуда же взялъ Никонъ это поразительное и страшное открытіе? Ему указали на него греки, церковныя книги, чины и обряды которыхъ порознились съ русскими. Тогда невольно возникалъ вопросъ: чьи же теперь книги нужно признать испорченными—русскія или греческія? Никонъ, съ голоса разныхъ сомнительныхъ заѣзжихъ къ намъ грековъ и кievлянъ, рѣшительно заявилъ, что испорчены именно русскія книги, и что ихъ слѣдуетъ исправить по книгамъ греческимъ, которыя не подверглись никакой порчѣ. Но значительному большинству русскихъ крайне трудно и тяжело было согласиться съ этимъ мнѣніемъ Никона, признать его справедливымъ. Русскія церковныя книги, обряды и чины испорчены: но кѣмъ, когда и съ какою цѣлію? Вотъ вопросы, которые необходимо возникали въ умѣ русскаго человѣка, и на которые онъ никакъ не могъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. На Руси не было, какъ въ Греціи, ни царей еретиковъ, ни верховныхъ іерарховъ отступниковъ, никакая ересь ни разу не царила на Руси, православіе всегда и всѣми признавалось въ ней неизмѣнно, Русь именно гордилась тѣмъ, что разъ принятое ея православіе она всегда хранила твердо, безъ малѣйшихъ измѣненій. Кому же теперь и для какой цѣли понадобилась порча русскихъ церковныхъ книгъ, въ которыя всѣ вѣрили, которыя въ глазахъ русскихъ всегда были такъ святы и непререкаемы, что они не рѣшались измѣнить въ нихъ даже единой буквы,

учили, что православному человѣку слѣдуетъ умирать за едину букву азъ, если она будетъ измѣнена въ его священныхъ книгахъ. А между тѣмъ, если вѣрить Никону, оказалось, что русскіе, учившіе православныхъ умирать за едину букву азъ, какъ то странно незамѣтили порчи всѣхъ своихъ богослужебныхъ книгъ, не замѣтили, какъ въ нихъ вошли неправые, нововводные чины и обряды. Когда же въ самомъ дѣлѣ и какъ могло случиться это непонятное и странное явленіе? На этотъ вопросъ русскій не находилъ отвѣта ¹⁾. Указаніе на то, что русскія церковныя книги, чины и обряды испортило, исказило вѣковое русское невѣжество, конечно ровно ничего не объясняло, потому что невѣжество могло только объяснить появленіе въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ разныхъ описокъ и неважныхъ погрѣшностей въ текстъ, произшедшихъ отъ неумѣлой или невнимательной переписки книгъ, но никакъ не могло объяснить появленія въ книгахъ неправыхъ, нововводныхъ чиновъ и обрядовъ, такъ какъ для этого требовалось уже творчество и, во всякомъ случаѣ, серьезная передѣлка существовавшихъ тогда церковныхъ чиновъ и обрядовъ на новый ладъ, — дѣло настолько замѣтное и крупное, что оно никакъ не могло пройти незамѣченнымъ, особенно въ русскомъ обществѣ, всегда крайне чуткомъ къ малѣйшимъ обрядовымъ перемѣнамъ.

Не умѣя объяснить порчу книгъ русскихъ, не представляя себѣ самой возможности этой порчи, русскіе естественно задавались вопросамъ: да дѣйствительно - ли справедливо, что испорчены именно русскіе книги? Невѣроятно - ли будетъ предположить, что испорчены не русскія, а греческія книги? Многое говорило русскому за справедливость послѣдняго предположенія. Онъ невольно вспоминалъ, при такомъ предположеніи, о господствѣ въ Константинополѣ латинянь—крестоносцевъ, объ уклоненіи греческаго императора, патри-

---

¹⁾ Дьяконъ Ѳеодоръ, напримѣръ, поэтому случаю говорить въ своей челобитной государю: „а во твоёмъ государствѣ небывало еретиковъ прежде, кои бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили“. Въ посланіи изъ Пустозерска къ сыну своему Максиму Ѳеодоръ пишетъ: „аще бы на Москвѣ приложили (въ символѣ) истиннаго: кто приложилъ именовемъ—царь-ли, или святитель кой? и въ кое лѣто? и како тому прилагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще вси люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ на Москвѣ и приложи вѣкто истиннаго и утече нѣгдѣ“. (Матер. V, 41, 15±).

арха и многихъ іерарховъ въ унию, о завоеваніи Константинополя турками, когда латиняне, будто бы скупивъ греческія книги, сожгли ихъ, и напечатали, на мѣсто сожженныхъ, новыя, ими передѣланныя, въ какомъ видѣ греческія книги продолжаютъ печататься и до селѣ въ Венеціи и другихъ иновѣрныхъ земляхъ; о томъ, что въ теперешнихъ греческихъ книгахъ, по сознанію и заявленіямъ самихъ грековъ, находится лютое еретическое зелье, внесенное въ нихъ латинянами и лютеранами; о греческихъ ученыхъ, которые получали образованіе въ латинскихъ школахъ, гдѣ многіе изъ нихъ заражались латинствомъ и т. под. Если, такимъ образомъ, для многихъ русскихъ была рѣшительно непонятна и необъяснима порча книгъ русскихъ, то наоборотъ, легко и удобно для нихъ объяснялась порча книгъ греческихъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что очень многіе русскія оказались болѣе склонными признать испорченными греческія книги, а не русскія. Но въ такомъ случаѣ, что же это значитъ, что самъ верховный архипастырь русской церкви торжественно, въ слухъ всѣхъ на соборѣ провозглашаетъ русскіе книги испорченными, нѣкоторые русскіе церковные чины и обряды неправыми и нововводными? Какъ объяснить это странное, доселѣ никогда невиданное на Руси явленіе, что верховный глава русской церкви открыто хулить и порицаетъ ея церковныя книги, чины и обряды, и наоборотъ хвалить греческіе, про которые всѣмъ хорошо извѣстно, что они испорчены позднѣйшими новшествами, тѣмъ болѣе что очень недавно самъ Никонъ заявлялъ своимъ бывшимъ друзьямъ, что гречане потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ?... Члены кружка ревнителѣй, разосланные Никономъ по различнымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи, но сохранившіе съ Москвою и между собою связь и общеніе, взялись отвѣтить на указанные мудреные и недоумѣнные вопросы, взялись разъяснить всѣмъ смыслъ того, что происходило тогда на Москвѣ. Изъ всѣхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, куда только Никонъ успѣлъ загнать своихъ бывшихъ друзей, вслухъ всего народа слышалась одна и таже грозная, смутившая всю Русь, рѣчь: на кааедрѣ великихъ святителей и чудотворцевъ московскихъ сидитъ теперь измѣнникъ православію, хулитель русской церкви и русскаго благочестія, человекъ, задумав-

шій страшное, злое дѣло — замутиль и совсѣмъ раззорить русское благочестіе, искоренить чистую, доселѣ никѣмъ еще непохуленную русскую православную вѣру. Подъ предлогомъ церковныхъ исправленій онъ рѣшился ввести на Руси различныя латинскія новшества и ереси, которымъ онъ научился отъ грековъ. При немъ, въ качествѣ совѣтника, и сейчасъ находится всѣмъ вѣдомый еретикъ, сосланный за ересь на Соловки, грекъ Арсеній, его Никонъ взялъ изъ Соловокъ, держать при себѣ и поручаетъ ему — всѣмъ вѣдомому еретику, править русскія церковныя книги, въ которыя тотъ и вноситъ разныя ереси. Извѣстные ревнители благочестія и поборники его, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Даніиль, съ самого уже начала увидѣли и поняли злыя намѣренія Никона и, движимые ревностію по вѣрѣ, смѣло обличали его нечестіе, его злыя умыслы, за что и подверглись отъ отступника разнымъ казнямъ и заточенію. Теперь Никонъ, освободившись отъ смѣлыхъ и опысныхъ для него обличителей, приводитъ на Москвѣ въ исполненіе, съ помощію окружающихъ его грековъ и малороссовъ, задуманное имъ дѣло — искоренить чистое православіе на Руси, не опасаясь болѣе помѣхи своему дѣлу со стороны разогнанныхъ имъ ревнителей благочестія. И вотъ отъ ссыльныхъ членовъ кружка ревнителей раздался по всей Россіи призывъ къ истинно вѣрующимъ и ревнующимъ объ истинномъ благочестіи возстать на защиту православной вѣры и церкви отъ покушенія на нихъ отступника Никона партіарха, призывъ на энергичную смѣлую борьбу съ этимъ еретикомъ. Спокойная и безмятежная доселѣ Русь, беззавѣтно вѣрившая въ полную истинность и спасительность содержимаго ею благочестія, сильно и глубоко заволновалась подъ вліяніемъ рѣчей и призывовъ кружка ревнителей. Почва, которую русскій человѣкъ привыкъ считать столь твердою и незыблемою, неожиданно сильно заколебалась подъ его ногами и онъ не зналъ, куда ему слѣдуетъ направиться, чтобы окончательно не сбиться съ пути и совсѣмъ не погибнуть. На Москвѣ царь, партіархъ и всѣ власти приказываютъ ему идти по указанному ими пути, тогда какъ извѣстные и уважаемые всѣми знатоки и ревнители правой вѣры и благочестія толкаютъ его на совершенно иной путь, противоположный первому: куда идти,

къ кому пристать? Смыслъ и цѣли намѣчаемой Никономъ реформы, для огромнаго большинства, были рѣшительно не понятны. Сознанія серьезной поврежденности и испорченности нашихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ у большинства тогдашняго общества вовсе не существовало, а существовало убѣжденіе какъ разъ противоположное. Поэтому реформа Никона, начатая и веденная имъ безъ всякой предварительной подготовки къ ней общества, даже съ прямымъ пренебреженіемъ къ его мнѣніямъ и пониманію, необходимо казалось большинству какимъ-то личнымъ, произвольнымъ дѣломъ одного только Никона, начатымъ по какимъ-то непонятнымъ, стороннимъ побужденіямъ, можетъ быть даже и не совсѣмъ чистымъ, какъ объ этомъ говорятъ, на что указываютъ извѣстные ревнители. Большинство - масса, всегда подозрительная ко всякимъ переменамъ стараго, привычнаго, освященнаго вѣками, всегда враждебно встрѣчающая все непонятное ей новое, разрушающее излюбленную старину, а къ крутымъ и рѣзкимъ переменамъ въ религіозной жизни всегда относящаяся и прямо враждебно, охотно вѣрила тѣмъ разъясненіямъ смысла реформы Никона, какой давали ей члены кружка ревнителей. Они, въ этомъ случаѣ, стояли на прочной почвѣ народныхъ историческихъ воззрѣній, опирались на авторитетъ всѣмъ дорогой и понятной родной старины, они были носителями и выразителями національных горделивыхъ представленій русскихъ о своемъ особомъ историческомъ призваніи, какъ избраннаго народа Божія, только въ средѣ котораго и удержалась теперь и правая вѣра, и истинное благочестіе, потерянные всѣми другими народами. Поэтому, большинство, даже верхи, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, искренно сочувствовало членамъ кружка ревнителей, болѣе расположено было къ нимъ, нежели къ суровому, очень крутому и мало понятному реформатору Никону. Въ его пользу, конечно, говорилъ привычный авторитетъ власти, но противъ него все, чѣмъ доселѣ жила, что доселѣ думала, въ чемъ глубоко была убѣждена и къ чему стремилась Русь, исключая самаго незначительнаго меньшинства, притомъ появившагося только уже въ самое послѣднее время. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Русь, между двумя указываемыми ей путями, не сумѣла выбрать одного, какъ несомнѣнно вѣрнаго, но раскололась

на двѣ половины, изъ которыхъ каждая пошла теперь своимъ особымъ путемъ.

На соборѣ 1654 года Никонъ постарался намѣчаемую имъ церковную реформу выдать за дѣло представителей всей русской церкви, показать, что его реформаторская дѣятельность опирается на согласіе и одобреніе цѣлаго собора, а не есть только его личное дѣло, или дѣло небольшого кружка лицъ, хотя бы очень сильныхъ и великую власть имѣющихъ. Но этимъ Никонъ далеко не достигъ своей цѣли, — оппозиція его реформамъ нисколько не была ослаблена соборомъ 1654 года.

Дѣло въ томъ, что соборъ 1654 года уполномочивалъ Никона произвести исправленіе замѣченныхъ имъ погрѣшностей въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ на основаніи старыхъ харатейныхъ книгъ славянскихъ и греческихъ, а вовсе не на основаніи печатныхъ заграничныхъ греческихъ книгъ, или на основаніи современной греческой церковной практики, по указаніямъ и подъ руководствомъ современныхъ грековъ. Во всѣхъ отвѣтахъ на вопросы и указанія Никона, соборъ очень ясно и опредѣленно заявлялъ, что тѣ или другія погрѣшности „достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ“; или: „и рече соборъ положить противъ древнихъ уставовъ“, т. е. соборъ желалъ и уполномочивалъ Никона производить исправленія по древнимъ славянскимъ переводамъ и по древнимъ греческимъ спискамъ такъ, чтобы эти исправленія опирались исключительно на греческую и русскую старину, а вовсе не на современную только греческую церковную практику. Затѣмъ, соборъ не уполномочивалъ Никона производить реформы въ той области обряда, которая ранѣе была ограждена отъ всякихъ перемѣнъ клятвою Стоглаваго собора (двуперстіе, двоеніе аллилуйи), хотя этотъ русскій обрядъ и расходился съ тогдашнимъ греческимъ обрядомъ. А между тѣмъ Никонъ сталъ потомъ исправлять наши церковныя книги по греческимъ венеціанскимъ изданіямъ, наши церковныя чины и обряды на основаніи современной ему практики греческой церкви, по указаніямъ и подъ руководствомъ разныхъ случайныхъ заѣзжихъ въ Москву гречанъ, сталъ, опираясь на грековъ, измѣнять и передѣлывать и тотъ обрядъ, который былъ огражденъ отъ всякихъ перемѣнъ клятвою Стоглаваго

собора. Ясное дѣло, что Никонъ, въ своей послѣдующей реформаторской дѣятельности вовсе не стоялъ на почвѣ строга соборныхъ полномочій 1654 года, и всякая попытка въ послѣдующей дѣятельности Никона видѣть только приложение полномочій, данныхъ ему на соборѣ 1654 года, будетъ просто натяжкой, не оправдываемою самымъ ходомъ дѣлъ.

И по другимъ обстоятельствамъ соборъ 1654 года не могъ произвести на противниковъ Никона никакого особаго впечатлѣнія, способнаго удержать ихъ отъ противодѣйствія реформамъ Никона. Если мы и поймемъ постановленія собора 1654 года въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для Никона, то и въ такомъ случаѣ, въ глазахъ его противниковъ, эти соборныя постановленія теряли свое значеніе, такъ какъ онѣ, по ихъ мнѣнію, служили выраженіемъ не голоса всей церкви, а только личныхъ взглядовъ Никона. Недаромъ конечно Нерововъ въ челобитной государю 1654 года настаивалъ, чтобы въ Москвѣ, для обсуждения и рѣшенія всѣхъ возникшихъ церковныхъ дѣлъ, собранъ былъ соборъ— „не сонмище іудейско“, а соборъ истинный, настоящій, на которомъ бы присутствовали не одни архіереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, книжными знаніями отличающіеся священники и діаконы, всякаго чина мірскіе люди, заявившіе себя добродѣтельною жизнію, иноки живущіе въ пустыняхъ, науку имѣющіе отъ божественнаго писанія“ и прославившіеся святостію своей жизни, чтобы такимъ образомъ на соборѣ могъ выразиться, и притомъ свободно, безъ всякихъ стѣсненій, голосъ всей церкви, а не голосъ искусственно подобранныхъ лицъ, вовсе не выражавшихъ голоса всей церкви. А между тѣмъ Никонъ собралъ соборъ только изъ такихъ лицъ, отъ которыхъ не ожидалъ себѣ никакого противорѣчія, которые дрожали предъ всемогущимъ патріархомъ и не отваживались на заявленіе своихъ, неугодныхъ ему мнѣній; они только угодливо выслушивали мнѣнія патріарха и безприкословно подписывались подъ продиктованными имъ рѣшеніями. Поэтому на соборѣ не было собственно никакихъ обсужденій и преній, какъ бы слѣдовало, а все рѣшалось по желанію и въ угоду всемогущему, не терпѣвшему никакихъ противорѣчій патріарху. На соборѣ, кромѣ подбора извѣстныхъ лицъ, предприняты были и особыя мѣры, чтобы рѣшеніе поставленныхъ Никономъ вопросовъ, совершилось

обязательно въ извѣстномъ напередъ Никономъ и царемъ предрѣшенномъ смыслѣ, какъ это видно изъ самыхъ соборныхъ дѣяній. Въ нихъ разсказывается, что когда Никонъ спрашивалъ соборъ: „и о семь прошу рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ“? то „великій государь царь... преосвященные митрополиты... *всѣ едино отвѣщали*: достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Значить, на соборѣ 1654 года царь первый подаетъ голосъ, а за нимъ и всѣ другіе, за такое или иное рѣшеніе поставленнаго Никономъ вопроса, и царь дѣлаетъ такой необычный для него поступокъ конечно съ особою цѣлю, чтобы своимъ подавляющимъ царскимъ авторитетомъ предупредить со стороны собора возможность отрицательнаго отвѣта на поставленный Никономъ вопросъ. Расчетъ былъ вѣрный. Если самъ царь первый подалъ на соборѣ голосъ въ смыслѣ необходимости совершить исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ; то, конечно, другіе члены собора уже не отваживались дать отвѣтъ, несогласный съ заявленнымъ государемъ; это значило бы открыто идти противъ ясно и публично выраженнаго желанія царя. Очевидно, голосъ государя подсказалъ отцамъ собора, что и какъ имъ слѣдуетъ отвѣтить на поставленный имъ Никономъ вопросъ, и всѣ они дѣйствительно послѣдовали за царемъ, благодаря чему вопросъ о церковной реформѣ принципиально рѣшенъ былъ соборомъ такъ, какъ этаго желалъ царь, предварительно, конечно, согласившійся съ Никономъ, какъ имъ слѣдуетъ дѣйствовать на соборѣ, чтобы достигнуть ранѣе намѣченной цѣли. Правда, присутствовавшій на соборѣ епископъ Павелъ Коломенскій, отважился было заявить свое несогласное съ патріархомъ мнѣніе о поклонахъ, ссылаясь на имѣющіяся у него два свитка. Но Павелъ жестоко долженъ былъ заплатить за свою дерзость, за свою попытку выражать на соборѣ свое собственное сужденіе о дѣлѣ, несогласное съ мнѣніемъ патріарха. Быстрая и очень крутая расправа Никона съ епископомъ Павломъ Коломенскимъ убѣдила всѣхъ, что Никонъ не терпитъ никакихъ заявленій, несогласныхъ съ его взглядами, что онъ готовъ жестоко покарать всякаго, кто бы отважился, хотя бы и на соборѣ, противорѣчить

ему, и что царь, въ этомъ случаѣ, не защититъ смѣлаго человѣка отъ расправы съ нимъ суроваго патріарха.

Соборъ 1654 года не только ничѣмъ не умалилъ значенія и силы кружка ревнителей, но даже еще болѣе усилилъ его. Кружекъ, благодаря этому собору, сдѣлалъ очень важное и видное пріобрѣтеніе: на его сторону, вопреки Никону, открыто и рѣшительно сталъ Коломенскій епископъ Павелъ, обстоятельство для кружка очень важное. Доселѣ кружекъ былъ какой-то безголовый, ему сильно вредило то, что онъ состоялъ изъ однихъ протопоповъ и вообще членовъ низшаго іерархическаго ранга. На него доселѣ можно было смотрѣть какъ на кружекъ такихъ лицъ, которые, по гордости и самомнѣнію, возмутились противъ своихъ прямыхъ начальниковъ, которые своею показною ревностію о благочестіи только прикрываютъ властолюбивыя, эгоистическія стремленія,—ни одного архіерея нѣтъ на ихъ сторонѣ, всѣ высшія законныя власти противъ нихъ. Но вотъ на сторону кружка открыто становится епископъ, конечно потому, что видитъ въ членахъ кружка не простыхъ безчинниковъ и бунтовщиковъ противъ властей, а представителей и защитниковъ истины противъ покушеній на нея со стороны патріарха. Къ простымъ бунтовщикамъ противъ архіерейской власти епископъ, самъ власть, пристать очевидно не могъ, тѣмъ болѣе, что своимъ присоединеніемъ къ кружку протестантовъ онъ не только ничего не выигрывалъ, а наоборотъ все проигрывалъ, такъ какъ такой шагъ неминуемо навлекалъ на него гнѣвъ всемогущаго и суроваго патріарха, о которомъ уже хорошо было извѣстно, какъ онъ раздѣляется съ своими противниками. Отсюда понятно, какое важное пріобрѣтеніе сдѣлалъ кружекъ ревнителей, пріобщивъ къ себѣ епископа Павла Коломенскаго, понятно также и то негодованіе, тотъ гнѣвъ Никона на епископа, перешедшаго открыто на сторону его враговъ и этимъ поступкомъ придавашаго кружку большую устойчивость и авторитетность въ глазахъ всего общества.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ соборъ 1654 года, не смотря на свою формальную правильность, терялъ однако свое значеніе и силу въ глазахъ протестантовъ, не производилъ на нихъ того впечатлѣнія, на которое рассчитывалъ было Никонъ. Послѣдній долженъ былъ сознаться, что со-

боръ 1654 года далеко не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, что опираясь на постановленія только этаго собора, нельзя было съ успѣхомъ провести намѣченную реформу, такъ какъ даже и между архіереями у него нашелся противникъ, который сталъ открыто на сторону кружка ревнителей. Молчаливое и очень условное согласіе на реформу другихъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1654 года, не предвѣщало ему въ будущемъ ничего добраго ¹⁾. Вести далѣе реформу опираясь только на свою громадную власть и тотъ страхъ, который онъ внушалъ всѣмъ, было бы дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Въ виду этого Никонъ рѣшился опереться на авторитетъ восточныхъ патріарховъ, и проводить свои реформы уже подъ ихъ высшей санкціей такъ, чтобы онѣ являлись выраженіемъ мысли и пониманія всей восточной православной церкви, а противленіе имъ, было бы противленіемъ всей православной церкви. Что на православномъ востокѣ его реформы найдутъ полное одобреніе и поддержку, въ этомъ Никонъ не сомнѣвался, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и въ духѣ грековъ, имѣлъ въ виду русскій чинъ и обрядъ привести въ соотвѣтствіе съ современнымъ греческимъ, чѣмъ онъ наносилъ смертельный ударъ горделивымъ представленіямъ русскихъ о своемъ всецѣломъ религіознымъ превосходствѣ надъ современными греками, и снова возвращалъ русскихъ къ признанію ими авторитета грековъ въ своихъ церковныхъ дѣлахъ.

---

¹⁾ Что соборъ 1654 года возбуждалъ недоумѣнія и въ послѣдующее время, это, между прочимъ, видно изъ того, что соборъ 1666 года, предъ началомъ своихъ засѣданій, счелъ нужнымъ предварительно поставить такой вопросъ: „соборъ, бывшій въ богоспасаемомъ преименитомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея в. и м. и б. Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, подписанный священныхъ руками, *какъ исповѣдати нынѣ намъ долженствуетъ*, иже содѣяся въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ по плоти же рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ лѣто 1654-е?“. Уже самая нужда ставить подобный вопросъ показываетъ, что въ 1666 году, относительно собора 1654 года, въ средѣ нашихъ іерарховъ могли встрѣтиться недоумѣнія.

ГЛАВА V.

Церковно-обрядовыя реформы Никона.

Посылка Никономъ грамоты Константинопольскому патриарху съ просьбою рѣшить предложенные въ ней вопросы. Прїѣздъ въ Москву антиохійскаго патриарха Макарія и его участіе въ церковно-реформаторской дѣятельности Никона. Расправа Никона, при поддержкѣ и ободреніи антиохійскаго патриарха Макарія, съ иконами франкскаго письма. Публичное одобреніе Макаріемъ распоряженія Никона о замѣнѣ двоеперстнаго перстосложенія троеперстнымъ. Соборъ 1655 года по разсказу служебника и по разсказу Павла Алепскаго. Соборная отвѣтная грамота константинопольскаго патриарха Паисія на вопросы Никона, не одобряющая его реформаціоннаго увлеченія, направленнаго на исправленіе и передѣлку безразличныхъ для вѣры и благочестія старыхъ русскихъ чиновъ и обрядовъ. Провозглашеніе антиохійскимъ патриархомъ Макаріемъ русскаго двоеперстія армянскимъ перстосложеніемъ. Торжественное проклятіе въ Успенскомъ соборѣ антиохійскимъ патриархомъ Макаріемъ, сербскимъ патриархомъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ всѣхъ крестящихся двоеперстно. Древнія свидѣтельства, доказывающія, что двоеперстіе есть старое православное перстосложеніе и что оно древнѣе троеперстія. Отлученіе отъ церкви и проклятіе двоеперстниковъ соборомъ русскихъ іерарховъ 1656 года. Другія церковно-обрядовыя реформы Никона, совершенныя имъ по указаніямъ антиохійскаго патриарха Макарія. Общія замѣчанія о характерѣ и дѣяности церковно-обрядовыхъ реформъ Никона.

Немедленно послѣ собора 1654 года Никонъ обращается съ особою грамотою къ Константинопольскому патриарху Паисію, въ которой пишетъ: „нынѣ же мы, разсмотривше прилежно въ книгахъ нашихъ, разньство въ нихъ обрѣтохомъ, отъ преписующихъ ли, или отъ преводниковъ, невѣдущихъ языка греческаго, не вѣмы. Сего ради пишемъ ко пресвятости твоей, пржеделаемый брате, да ту пресвятость твоя, съ прочими святѣйшими патриархи и браты нашими, и прочими архіереями, соборне, извѣстно и со всякимъ прилежнымъ

взысканіемъ о всякомъ чинѣ церковномъ, пишете“. Затѣмъ, указавъ на самыя замѣченныя имъ разности, какія уже были указаны на соборѣ 1654 года, Никонъ заключаетъ грамоту словами: „насъ же церкви Божія любовь возжизаше, да безъ порока ю пасемъ, сего ради къ святости твоей восписуемъ, да даси намъ о всѣхъ сихъ вышереченныхъ, о коеждо особѣ, потонку твоего святительства, чрезъ писаніе твое скоро, совѣтъ благъ: како вышереченная нами восточная церковь у васъ содержаше и содержитъ, и како нынѣ лѣтъ есть тоя блюсти, и что сотворити соблажняющимся о сихъ и непокорне прятчимся“. Къ этой черновой сохранившейся грамотѣ, Никонъ въ бѣловомъ ея спискѣ, отосланномъ Паисію, прибавилъ еще нѣсколько новыхъ вопросовъ (такъ что всѣхъ ихъ оказалось 27), и обвиненія противъ епископа Павла Коломенскаго и противъ Неронова ¹⁾.

Итакъ, Никонъ все дѣло намѣчаемой имъ церковной реформы передалъ на благоусмотрѣніе и рѣшеніе собора восточныхъ іерарховъ, благодаря чему весь дальнѣйшій ходъ его реформаторской дѣятельности долженъ былъ зависѣть отъ такого или иного рѣшенія Константинопольскимъ патріархомъ посланныхъ ему вопросовъ. Очевидно также, что своимъ обращеніемъ на православный востокъ Никонъ открыто и торжественно призналъ высшій авторитетъ восточныхъ іерарховъ въ дѣлахъ русской церкви, обязательность для русскихъ въ дѣлахъ церковныхъ руководствоваться указаниями и рѣшеніями восточныхъ іерарховъ. Послѣ этого позволительно было ожидать отъ Никона, что онъ начнетъ свои дальнѣйшіе реформаторскіе шаги не раньше, какъ получивъ изъ Константинополя отвѣтъ на посланные туда вопросы, и что вся его дальнѣйшая реформаторская дѣятельность будетъ въ духѣ полученнаго имъ отвѣта. Въ дѣйствительности не было ни того, ни другого.

Въ это самое время (2-го февр. 1655 г.) въ Москву пріѣхалъ за милостынею антиохійскій патріархъ Макарій. Онъ надолго остался въ Москвѣ, всячески старался угодить всемогущему тогда Никону, на котораго пріобрѣлъ замѣтное вліяніе. вмѣсто того, чтобы умѣрять и сдерживать односто-

---

¹⁾ Греческія дѣла, 7162 г., связка 32, № 23. Въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

ровній, слишкомъ бурный реформаторскій пылъ Никона, остерегать его отъ неосторожныхъ, опрометчивыхъ, а въ то-же время крутыхъ мѣръ, сильно раздражавшихъ и обижавшихъ русскихъ, Макарій—по собственному-ли невѣжеству, по предосудительному-ли желанію порисоваться предъ русскими своею горячею преданностію дѣламъ церковнымъ, съ корыстною-ли цѣлію какъ можно больше угодить, понравиться Никону, въ видахъ полученія отъ Московскаго правительства болѣе щедрой милостыни,—только онъ дѣйствовалъ какъ разъ напротивъ. Онъ постоянно указывалъ Никону на разныя будто бы отступленія и новшества въ русской церковной практикѣ, требовалъ ихъ немедленнаго исправленія, и своимъ авторитетомъ торжественно одобрялъ и оправдывалъ самыя необдуманныя и крутыя мѣры Никона. Подъ вліяніемъ Макарія, при его дѣятельномъ участіи и одобреніи, Никонъ совершилъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя сильно повредили ему и его реформѣ, и на которыя онъ, вѣроятно, не отважился бы безъ одобренія и поощренія Макарія.

Въ недѣлю православія, въ 1655 году, богослуженіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ совершалось съ особою торжественностію, такъ какъ въ немъ участвовали три патріарха: московскій, антиохійскій и такъ называемый сербскій—Гавріиль, пріѣхавшій въ Москву почти одновременно съ Макаріемъ и поселившійся было въ Москвѣ на всегдашнее житье. Въ соборѣ находился самъ царь, бояре и разныя придворныя чины; стеченіе народа было громадное. По окончаніи литургіи Никонъ сталъ говорить поученіе, направленное противъ новыхъ иконъ—франкскаго письма. Племянникъ антиохійскаго патріарха Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, рассказываетъ о происшедшемъ въ это время въ соборѣ слѣдующее: „во время проповѣди Никонъ велѣлъ принести иконы старыя и новыя, кои нѣкоторыя изъ московскихъ иконописцевъ стали рисовать по образцамъ картинъ франкскихъ и польскихъ. Такъ какъ этотъ патріархъ отличается чрезмѣрною крутостію нрава и приверженностію къ греческимъ обрядамъ, то онъ послалъ своихъ людей собрать и доставить къ нему всѣ подобныя иконы, въ какомъ бы домѣ ни находили ихъ, даже изъ домовъ государственныхыхъ сановниковъ, что и было исполнено. Это случилось

лѣтомъ предъ появленіемъ моровой язвы. Никонъ выкололъ глаза у этихъ иконъ, послѣ чего стрѣльцы, исполнявшіе обязанность царскихъ глашатаевъ, носили ихъ по городу, крича: „кто отнынѣ будетъ писать иконы по этому образцу, того постигнетъ примѣрное наказаніе“. Это происходило въ отсутствіе царя (т. е. въ 1654 году). Такъ какъ всѣ московиты отличаются большою привязанностію и любовью къ иконамъ, то они не смотрятъ ни на красоту изображенія, ни на искусство живописца, но всѣ иконы, красивыя и некрасивыя, для нихъ одинаковы: они всегда ихъ почитаютъ и поклоняются имъ, даже если икона представляетъ набросокъ на бумагѣ или дѣтскій рисунокъ... Видя, какъ патріархъ поступалъ съ иконами, подумали, что онъ сильно грѣшитъ, пришли въ смущеніе и волненіе и сочли его противникомъ иконъ. Въ это время случилась моровая язва и солнце померкло предъ закатомъ 2-го августа. Они подумали: „все случившееся съ нами есть гнѣвъ Божій на насъ за надругательство патріарха надъ иконами“. Образовались скопища, враждебныя патріарху, которыя покушались убить его, ибо въ это время царя не было въ Москвѣ, и въ городѣ оставалось мало войска ¹⁾. Въ этотъ день (т. е. въ недѣлю православія 1655 года) патріарху предста-

---

¹⁾ Въ донесеніи боярина Михаила Петровича Пронскаго царицѣ въ Колязинъ монастырь, о смутахъ въ Москвѣ во время мороваго повѣтрія, говорится: августа, государи, въ 25 день (1654 г.) были мы, холопы ваши, у обѣдни въ соборной церкви, и въ обѣдню къ соборной церкви приходили земскіе и разныхъ слободъ люди, и принесли съ собою въ кіотъ икону, а написавъ былъ образъ Спасовъ нерукотворенный: лице у той иконы и подпись верх...скребено. И какъ мы, холопы ваши, пошли отъ обѣдни, и земскіе люди учили намъ говорить: ваять-де образъ Спасовъ, на патріарховъ дворъ новгородскіе сотни у тяглеца у Софрона Федорова сына Лопотникова; а отдавъ-де ему тотъ образъ изъ тиунскіе избы для переписки, лице выскреблено, а скребенъ-де тотъ образъ по патріархову указу. И тогоже, государи, числа, въ восьмомъ часу дни, земскіе жъ люди многіе приходили къ красному крыльцу и приносили иконные цки, а говорили, что и съ тѣхъ цковъ образы скребеныжъ, и они-де тѣ цки разнесутъ для оказанія во всѣ сотни и слободы и придутъ-де къ намъ, холопамъ вашимъ, для того августа въ 26 день“. Въ отвѣтъ государыни на это донесеніе между прочимъ говорится: „а которые иконы скребены, и тѣ иконы написаны были не по отеческому преданію съ папежскаго и съ латынскаго переводу“. (Гиббенетъ, Дѣло, о патр. Никонѣ, т. II, стр. 473—475).

вился удобный случай для бесѣды въ присутствіи царя, и онъ много говорилъ о томъ, что такая живопись, какова на этихъ иконахъ, недозволительна. При этомъ онъ сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха, и, въ доказательство незаконности новой живописи, указывалъ на то, что она подобна изображеніямъ франковъ. Патріархи предали анаемѣ и отлучили отъ церкви и тѣхъ, кто станеть изготавлять подобные образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ народу и бросалъ ихъ на желѣзныя плиты пола, такъ что они разбивались, и приказалъ ихъ сжечь. Царь стоялъ близъ насъ съ открытою головою, съ видомъ кроткимъ, въ молчаніи внимая проповѣди. Будучи человекомъ очень набожнымъ и богобоязненнымъ, онъ тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: „нѣтъ отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зарюють въ землю“. Такъ и было сдѣлано. Никонъ, поднимая правою рукою икону, всякій разъ при этомъ восклицалъ; „эта икона изъ дома вельможи такого-то, сына такого-то“, т. е. царскихъ сановниковъ. Цѣлю его было пристыдить ихъ такъ, чтобы остальной народъ, видя это, принялъ себѣ въ предостереженіе“.

Но одною распрavoю съ иконами франкскаго письма Никонъ на этотъ разъ не ограничился. Вслѣдъ за проповѣдію противъ новыхъ иконъ, онъ сейчасъ же возсталъ еще и противъ стараго русскаго двоеперстнаго перстосложенія для крестнаго знаменія. Попытку эту, какъ мы видѣли, Никонъ сдѣлалъ уже ранѣе, немедленно по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, но принужденъ былъ тогда отказаться отъ своего требованія, такъ какъ встрѣтилъ себѣ слишкомъ сильное сопротивленіе, и не могъ никакими серьезными данными оправдать вводимую имъ перемѣну въ перстосложеніи. Теперь онъ рѣшился воспользоваться авторитетомъ и поддержкой антиохійскаго патріарха Макарія, чтобы показать несправедливость русскаго двоеперстнаго перстосложенія и истинность греческаго троеперстнаго, и тѣмъ показать всѣмъ, что онъ былъ правъ, когда, по вступленіи своемъ на патріаршую кафедру, издалъ извѣстное распоряженіе: „и тремя бы персты есте крестились“. Понятно, что антиохійскій патріархъ Макарій охотно поддержалъ Никона и, въ угоду ему, торжественно заявилъ чрезъ переводчика.

всему бывшему въ Успенскомъ соборѣ народу, что правое перстосложеніе для крестнаго знамени есть троеперстное, которое согласно употребляютъ всѣ православные народы. Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, рассказываетъ объ этомъ, что Никонъ, расправившись съ иконами франкскаго письма, „сталъ говорить о крестномъ знамени, ибо русскіе не крестятся подобно намъ сложенными тремя пальцами, но складываютъ ихъ подобно какъ архіерей, когда онъ благословляетъ. При этомъ Никонъ также сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха. Объ этомъ предметѣ нашъ учитель еще раньше говорилъ Никону, что такое крестное знаменіе недозволительно; и теперь всенародно чрезъ переводчика сказалъ слѣдующее: „въ Антиохіи, а не въ иномъ мѣстѣ, вѣрующіе во Христа (впервые) были наименованы христіанами. Оттуда распространились обряды. Ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на Синаѣ, ни на Аѳонѣ, ни даже въ Валахіи и Молдавіи никто такъ не крестится, но всѣми тремя пальцами вмѣстѣ“¹⁾.

Понятно какое тяжелое, угнетающее впечатлѣніе на всѣхъ производили эти крайне рѣзкія, необдуманная дѣйствія Никона. Онъ грубо оскорблялъ весь народъ въ самомъ завѣтномъ и священномъ для него чувствѣ: его исконную приверженность къ святымъ иконамъ, такъ какъ народъ—масса—плохо, конечно, понималъ различіе живописи франкской и греческой, и видѣлъ въ иконѣ всякаго письма именно только святую икону, къ которой всякій обязанъ былъ относиться съ подобающимъ святынѣ уваженіемъ,—недаромъ въ его глазахъ Никонъ являлся иконоборцемъ. Но соблазнительною расправою Никона съ новыми иконами былъ затронутъ не только простой народъ, а и болѣе образованные и передовые лица высшаго класса. Въ это время у насъ началось все болѣе усиливаться и крѣпнуть западное вліяніе, которому подчинились нѣкоторыя лица высшаго по преимуществу сословія, особенно побывавшія въ разныхъ заграничныхъ посольствахъ, или дома познакомившіеся съ жившими у насъ

---

¹⁾ Свидѣтельства Павла Алепскаго изъ его сочиненія: „Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка“, мы приводили по переводу съ арабскаго г. Муркоса, вышедшему въ пяти выпускахъ. Выпускъ III, стр. 136—137.

иностранцами, или знакомившіеся съ западомъ при посредствѣ польско-литовскаго вліянія. Иконы франкскаго письма, отобранныя Никономъ у разныхъ знатныхъ лицъ и были, между прочимъ, однимъ изъ проявленій западнаго вліянія на тогдашнее высшее русское общество. Никонъ не понималъ и не оцѣнилъ этого новаго направленія въ нашей общественной жизни, не подмѣтилъ въ немъ здоровой и живой силы, не отгадалъ его великаго культурнаго значенія для всей послѣдующей жизни Россіи, и потому рѣзко и рѣшительно возсталъ противъ него, какъ зловреднаго. Слѣдовательно, Никонъ своимъ грубымъ выступленіемъ противъ новыхъ иконъ не удовлетворялъ никого, а раздражилъ рѣшительно всѣхъ: и приверженцевъ родной старины, и приверженцевъ запада, и всѣхъ вообще людей благочестивыхъ, которыхъ не могло не возмущать его отношеніе къ предметамъ благочестія. Очевидно также, что Никонъ своими рѣзкими выходками противъ новыхъ иконъ, а равно и русскаго перстосложенія для крестнаго знаменія, изъ чего русскіе неожиданно узнали о себѣ, что они будто бы досель и лба-то перекрестить, какъ слѣдуетъ, не умѣли—самъ давалъ противъ себя прекрасное оружіе членамъ кружка ревнителей, которые естественно указывали всѣмъ на нетактичныя, необдуманныя поступки Никона, какъ на доказательство справедливости всего, что они говорятъ о нечестіи и злыхъ умыслахъ Никона.

Никонъ сильно торопился съ своими церковными реформами. Не дожидаясь полученія изъ Константинополя отвѣта на посланные имъ туда вопросы, онъ, подъ вліяніемъ указаній антиохійскаго патріарха Макарія, въ мартѣ 1655 года, поспѣшилъ созвать въ Москвѣ соборъ, на которомъ, кромѣ Никона и русскихъ архіереевъ, присутствовали еще патріархи: антиохійскій Макарій и сербскій Гаврииль. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены въ предисловіи къ служебнику, напечатанному въ 1656 году, съ согласія и одобренія Никона. Здѣсь разсказывается, что будто бы еще до собора 1655 г. была получена отвѣтная грамота константинопольскаго патріарха Паисія на посланные ему Никономъ вопросы; въ этой грамотѣ Паисій будто бы вполнѣ одобрялъ всю дѣятельность Никона, настойчиво совѣтовалъ ему провести намѣченныя имъ реформы, и даже указывалъ ему на нѣкоторыя другія

новшества русскихъ, которыя не были обозначены въ вопросахъ Никона. Рассказывается, что будто бы только послѣ прочтенія этой соборной грамоты, присланной константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, Никонъ „симъ къ большому благихъ желанію воздвигшеся“, сталъ собирать имѣвшіяся въ русскихъ монастыряхъ древнія славянскія рукописи богослужебныхъ книгъ и затѣмъ послалъ Арсенія Суханова на востокъ для пріобрѣтенія тамъ древнихъ греческихъ рукописей, чтобы, такимъ образомъ, исправить русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ спискамъ и по старымъ славянскимъ переводамъ. Только послѣ такихъ приготовленій и собранъ былъ соборъ въ 1655 году, на которомъ былъ прочитанъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія Никону, „и судиша е право и отъ Святаго Духа составлено быти“. Рассказывается, что антиохійскій патріархъ Макарій принесъ на соборъ и свои книги—служебникъ и другія, и что на соборѣ „такъ вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотрѣвше, обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Прочтеннымъ же симъ всѣмъ и разсужденнымъ, судиша тако быти, якоже апостольская и седми вселенскихъ соборовъ святыя правила повелѣвають, и якоже на святыхъ соборѣхъ, первое въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царскихъ палатахъ, потомъ же—въ Константинополи, у всесвятѣйшаго Паисія патріарха, и съ нимъ священныхъ мужей, установлено бысть“.

Весь этотъ рассказъ о соборѣ 1655 года, напечатанный, вѣроятно, съ вѣдома Никона, только спустя годъ послѣ собора, имѣлъ въ виду показать, что Никонъ, въ дѣлѣ исправленія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, руководился не личнымъ только усмотрѣніемъ, не указаніями случайныхъ заѣзжихъ въ Москву греческихъ іерарховъ—милостынесобирателей, а голосомъ всей константинопольской церкви, выразившемся въ соборномъ опредѣленіи, которое прислалъ Никону константинопольскій патріархъ Паисій. Только послѣ полученія этого отвѣта, вполне будто бы одобрявшаго реформы Никона и прямо его поощрявшаго, онъ приступаетъ къ собранію старыхъ славянскихъ книгъ, на

основаніи которыхъ, довольно ихъ изучивши, и производить исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ. Все дѣло исправленія служебника Никонъ представляетъ затѣмъ на усмотрѣніе собора, который, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и сличенія древнихъ греческихъ и славянскихъ служебниковъ, одобряетъ приготовленный къ изданію служебникъ, постановляетъ и другія книги исправить такимъ же образомъ и, между прочимъ, согласно съ тѣми указаніями, какія сдѣланы въ соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія.

Свѣдѣнія о соборѣ 1655 года, изложенныя въ предисловіи къ служебнику, напечатанному Никономъ въ 1656 году, во многомъ, и очень важномъ, невѣрны и тенденціозны. Прежде всего, грамота константинопольскаго патріарха Паисія которая будто бы послужила исходной точкой для книжныхъ исправленій Никона и публично читалась на соборѣ 1655 г., въ дѣйствительности была получена въ Москвѣ уже спустя почти два мѣсяца послѣ собора. Соборъ былъ въ мартѣ, а грамота патріарха Паисія была прислана съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ, который прибылъ въ Москву только перваго мая, такъ что все, что предисловіе служебника говоритъ о соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, читанной на соборѣ 1655 года, есть завѣдомая неправда ¹⁾. Затѣмъ, по несомнѣнному свидѣтельству Павла Алепскаго, соборъ 1655 года продолжался никакъ не болѣе одной недѣли. Слѣдовательно собору рѣшительно не было времени заниматься сличеніемъ множества собранныхъ греческихъ и славянскихъ рукописей съ книгами московской печати, не было времени и книгу служебникъ „во всемъ исправить и согласну сотворить древнимъ греческимъ и славянскимъ“ служебникамъ.

Какъ въ дѣйствительности происходилъ соборъ 1655 года, что и какъ на немъ дѣлалось, объ этомъ сохранилось вполне достовѣрное и довольно обстоятельное извѣстіе у Павла Алепскаго, очевидца собора, такъ какъ онъ лично на немъ присутствовалъ. Онъ сообщаетъ: „московскій патріархъ созвалъ соборъ (1655 г.) вслѣдствіе указаній, которыя сдѣлалъ

¹⁾ Греческія дѣла 7162 г., связка 33, № 14. О пріѣздѣ грека Мануила Константинова съ грамотами Константинопольскаго патріарха Паисія.

ему нашъ учитель (т. е. патріархъ Макарій), и совѣта, который онъ имъ далъ относительно нововведеній и разныхъ погрѣшностей въ дѣлахъ вѣры: во первыхъ, относительно того, что они не служатъ, какъ мы, на антиминсѣ съ изображеніями и съ надписями, освященнымъ мощами святыхъ, а на кускѣ бѣлаго полотна; во вторыхъ, что они, принося священную жертву, вынимаютъ не девять чиновъ (частицъ), а только четыре; въ третьихъ, что они дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ словахъ ошибки въ „Вѣрую во единого Бога“; въ четвертыхъ, прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; въ пятыхъ, не принимаютъ антидора; въ шестыхъ, касательно ихъ крестнаго знаменія при иномъ расположеніи пальцевъ; въ седьмыхъ, относительно крещенія ляховъ, ибо они крестятъ ихъ теперь вторымъ крещеніемъ, и относительно разныхъ дѣлъ и обрядовъ, о коихъ мы уже говорили и будемъ говорить. Патріархъ Никонъ послушался словъ нашего владыки патріарха и перевелъ служебникъ литургіи съ греческаго языка на русскій, изложилъ въ немъ обряды и проскомидію въ ясныхъ выраженіяхъ, доступныхъ пониманію дѣтей, согласно подлинной греческой обрядности. Онъ напечаталъ этотъ служебникъ въ нѣсколькихъ тысячахъ (экземпляровъ) и роздалъ ихъ по церквамъ всей страны; напечаталъ также болѣе пятнадцати тысячъ антиминсовъ съ письменами и изображеніями, освятилъ мощами святыхъ и также роздалъ ихъ по всей странѣ. Исправилъ многія ошибки, по царскому утвержденію и повелѣнію, на основаніи свидѣтельствъ закона и пророковъ. Заключили разсужденія на соборѣ (постановивъ), согласно мнѣнію нашего учителя, что крещеніе ляховъ недозволительно, какъ повелѣвается въ Евхологіи и Законѣ (Номоканонѣ), ибо ляхи вѣруютъ въ св. Троицу, крещены и не такъ далеко отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, какъ-то: шведы, англичане, венгеры и иные французскіе народы, кои не постыятся, не поклоняются ни иконамъ, ни кресту и т. п. Патріархъ Никонъ, такъ какъ онъ любитъ грековъ, выразилъ согласіе (на исправленіе) и сказалъ, обращаясь къ архіереямъ и прочимъ присутствующимъ архимандритамъ и священникамъ: „я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра греческія“. Нѣкоторые изъ архіереевъ отвѣтили повиновеніемъ, говоря: „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства.

возсіяли намъ изъ странъ востока“; а нѣкоторые изъ нихъ—ибо во всякомъ народѣ непремѣнно есть люди грубаго нрава и тупого ума—внутренно возроптали, говоря про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Однако, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ: (доказательство) какъ онъ поступилъ съ епископомъ коломенскимъ, ссылая его ¹⁾).

Такимъ образомъ изъ свидѣтельства Павла Алепскаго оказывается, что соборъ 1655 года былъ созванъ вслѣдствіе указаній на недостатки русскаго церковнаго обряда и чина со стороны антиохійскаго патріарха Макарія, что Никонъ исправлялъ тѣ церковные недостатки, на которыя ему указывалъ теперешній его вдохновитель, руководитель и совѣтчикъ въ дѣлѣ реформы—патріархъ Макарій, что на соборѣ вовсе не было никакихъ тщательныхъ разсмотрѣній и обсужденій древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, а только представленъ былъ простой переводъ съ служебника Макарія, съ котораго потомъ и напечатано было нѣсколько тысячъ экземпляровъ; что указанія Макарія Никону почти всѣ касались разныхъ незначительныхъ обрядовыхъ мелочей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ вѣроученію, и потому совершенно безразличныхъ для вѣры и благочестія.

На соборѣ 1655 года Никонъ очень торжественно и, въ то же время, очень рѣзко, никѣмъ не вынуждаемый, заявилъ рѣшительно о своемъ полномъ разрывѣ съ традиціонными русскими вѣрованіями и убѣжденіями, свой окончательный переходъ на сторону грековъ и греческихъ воззрѣній. „Я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра—греческія“, говорилъ Никонъ отцамъ русскаго собора. Это публичное, торжественное отреченіе верховнаго архипастыря русской церкви отъ русскихъ вѣрованій и убѣжденій въ пользу иностранныхъ—греческихъ, это торжественное признаніе себя Никонѣмъ по духу истымъ грекомъ, необходимо должно было произвести крайне непріятное и тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вовсе не думали и не желали отказываться отъ своего русскаго въ пользу греческаго, въ чемъ, конечно, и нужды-то никакой не было и для Никона. На обидное для національнаго самосознанія

¹⁾ Выпускъ III, стр. 170—171.

русскихъ заявленіе Никона, нѣкоторые изъ членовъ собора подобострастно отвѣчали, что „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ востока“. Но другіе молчали, и хотя, изъ боязни предъ грознымъ и всемогущимъ патріархомъ, не рѣшались на открытое его порицаніе, однако съ неудовольствіемъ говорили про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Значить, соборъ 1655 года не былъ выраженіемъ свободнаго голоса всей русской церкви, а почти исключительно личнымъ дѣломъ Никона, дѣйствовавшаго теперь по указаніямъ и подъ руководствомъ случайно пріѣхавшаго въ Москву за милостынею антиохійскаго патріарха Макарія, такъ какъ нѣкоторые члены собора вовсе не одобряли производимой Никономъ ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и если они открыто и не возстали противъ него на соборѣ, то единственно потому, что боялись жестокой расправы за это со стороны Никона, который не допускалъ никакого противорѣчія своимъ мнѣніямъ, какъ это ясно для всѣхъ было видно изъ примѣра епископа Павла Коломенскаго. Что же касается разсказа о соборѣ 1655 года, помѣщеннаго въ предисловіи къ служебнику, изданному Никономъ, гдѣ событія собора передаются въ значительно извращенномъ видѣ, но при томъ такъ, чтобы все дѣло собора представить въ благоприятномъ для Никона свѣтѣ, то, по нашему мнѣнію, самое уже появленіе этого тенденціознаго разсказа служить доказательствомъ за то, что и соборъ 1655 года происходилъ далеко не такъ, какъ хотѣлъ Никонъ, почему и признано было необходимымъ представить происходившее на соборѣ значительно иначе, нежели какъ было въ дѣйствительности.

Прошло уже болѣе мѣсяца послѣ собора 1655 года, какъ въ Москву былъ присланъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія на предложенные ему Никономъ вопросы. Этотъ отвѣтъ Паисія заслуживаетъ нашего особаго вниманія, такъ какъ въ немъ выраженъ взглядъ всей тогдашней константинопольской церкви на реформаторскую дѣятельность Никона, и такъ какъ онъ для всей его послѣдующей дѣятельности долженъ бы былъ имѣть руководственное значеніе ¹⁾.

¹⁾ Отвѣты Паисія напечатаны были Никономъ въ скрижали. Въ недавнее время найденъ подлинный греческій текстъ этихъ отвѣтовъ, кото-

Самая грамота съ вопросами Никона константинопольскому патриарху Паисію не дошла до насъ, но мы съ нею хорошо можемъ познакомиться изъ отвѣтовъ Паисія. Всѣ двадцать семь вопросовъ Никона, которые онъ предложилъ на разрѣшеніе Паисія и собора, очень характерны, какъ для самого Никона, такъ и производимой имъ реформы. При чтеніи этихъ вопросовъ Никона, невольно поражаешься ихъ мелочностію, не важностію, полнымъ безразличіемъ для вѣры и благочестія. Нашъ извѣстный церковный историкъ, пресвященнѣйшій Макарій, рассказывая о томъ, какъ патриархъ Іосифъ посылалъ вселенскому патриарху грамоту „о церковныхъ великихъ потребахъ“, подъ которыми онъ разумѣлъ самыя незначительные церковно-обрядовые вопросы, замѣчаетъ, въ заключеніе разсказа: „читая эти вопросы нашего патриарха Іосифа, за рѣшеніемъ которыхъ онъ обращался къ константинопольской каедрѣ, невольно подумаешь: вотъ что считалъ онъ „великими церковными требами“, вотъ что не умѣлъ онъ или не осмѣлился рѣшить самъ съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ“¹⁾. То же самое замѣчаніе съ полнымъ правомъ слѣдуетъ сдѣлать и относительно вопросовъ, предложенныхъ Никономъ на разрѣшеніе константинопольскаго патриарха, такъ какъ между вопросами Іосифа и Никона нѣтъ никакой существенной разности, все различіе между ними заключается не въ качествѣ, а въ количествѣ вопросовъ: одинъ предложилъ четыре только вопроса, а другой набралъ совершенно такихъ же вопросовъ двадцать семь. Если патриархъ Іосифъ спрашивалъ: можно ли многимъ архіереямъ и іереямъ служить божественную литургію на двухъ потирахъ? подобаешь ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и монастырямъ соблюдать единогласіе? то патриархъ Никонъ, съ своей стороны, спрашивалъ: въ какой часъ нужно начинать и оканчивать божественную литургію? Когда лампадарій зажигаетъ свѣчу, чтобы звать іерарховъ въ церковь? Когда отверзаются врата св. алтаря? приемлется ли жертва того іерея, котсрый, литургисая, хранитъ въ сердцѣ своемъ

рый, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, и напечатанъ въ журналѣ Христ. Чтеніе за 1881 г., кн. I.

¹⁾ Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 170—171.

соблазнъ памятозлобія? Кровотеченія и искушенія во снѣ не служатъ ли для іерея препятствіемъ къ совершенію божественной литургіи? гдѣ полагается антиминосъ по окончаніи литургіи—надъ или подъ святымъ потиромъ? священническое благословеніе совершается посредствомъ ли прикосновенія къ благословляемому или нѣтъ? и т. под. Изъ этихъ вопросовъ Никона съ очевидностію открывается, что онъ, какъ и его предшественникъ Іосифъ, мелочные и неважные обрядовые вопросы тоже считалъ дѣломъ крайне важнымъ—„великими церковными потребамн“—почему онъ, подобно Іосифу, и не осмѣливается порѣшить эти вопросы самъ, съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а отсылаетъ ихъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе константинопольскаго патріарха и собора. Такой образъ дѣйствій и Іосифа и Никона объясняется тѣмъ, что они, не обладая какими либо научными богословско-историческими знаніями и хотя бы какимъ нибудь правильнымъ образованіемъ и развитіемъ, помимо очень случайнаго и односторонняго начетчества—не имѣли правильнаго представленія о происхожденіи и значеніи въ христіанской церкви обряда; не знали того, что обрядъ выработывался въ церкви постепенно, въ теченіи очень долгаго періода времени, и что процессъ его образованія не закончился и сейчасъ; не знали того, что каждый обрядъ имѣетъ въ себѣ двѣ стороны: одну существенную, которую составляетъ вложенная въ обрядъ мысль, ученіе, другую—несущественную, которая служитъ только вѣншимъ, нагляднымъ выраженіемъ мысли или ученія; они не знали, что для вѣры и благочестія важна по преимуществу первая сторона, тѣсно связанная съ христіанскимъ вѣроученіемъ, а что касается второй, то она всегда подвергалась и можетъ впредь подвергаться разнымъ измѣненіямъ, въ различныхъ церквахъ была и всегда можетъ бѣть неодинакова, смотря по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ разныхъ помѣстныхъ церквей; они не знали, что нормою для опредѣленія пригодности или непригодности извѣстнаго церковнаго обряда всегда служила и служить его вѣрность православному ученію, его наглядность, понятность и назидательность для вѣрующихъ; что всѣ разные частные обрядовые вопросы и недоумѣнія могутъ быть рѣшены каждою помѣстною церковію при свѣтѣ и подъ

руководствомъ общаго христіанскаго православнаго ученія, поставленнаго въ связь съ церковною практикою древнѣйшихъ православныхъ церквей. Не имѣя правильнаго представленія о происхожденіи и значеніи въ церкви обряда, Никонъ не понималъ поэтому и того, что если русская церковь осталась во всемъ вѣрна догматамъ и всему вообще ученію православной церкви, то значитъ, она сохранила и правильный обрядъ, поскольку онъ былъ въ ней вѣрнымъ отраженіемъ содержимаго ею ученія, и что вовсе нѣтъ никакой бѣды въ томъ обстоятельстве, что русская церковь въ нѣкоторыхъ обрядахъ разошлась съ своими единовѣрцами, — тогдашними греками. Каждая помѣстная церковь всегда имѣла и имѣетъ право на тѣ мѣстные обрядовыя особенности, которыя, не касаясь существа вѣры и благочестія, однако болѣе привычны и понятны для массы, чѣмъ какіе бы то ни было обряды другой помѣстной церкви, тѣмъ болѣе, что въ помѣстномъ обрядѣ народъ оставляетъ видимый, понятный ему и очень цѣнный для него памятникъ своего пониманія той или другой христіанской истины, того или другого христіанскаго православнаго ученія.

Невысокое представленіе о русскомъ церковномъ реформаторѣ получилъ константинопольскій патріархъ Паисій изъ вопросовъ Никона. Они поразили его крайней мелочностію, неважностію, полнымъ непониманіемъ со стороны вопрошавшаго значенія и смысла въ православной церкви того или другаго обряда. Паисій увидалъ въ Никонѣ человѣка очень ревностнаго и горячаго къ дѣламъ церкви, но въ тоже время человѣка необразованнаго, не обладавшаго высшимъ кругомъ христіанскихъ знаній, и потому направляющаго свою ревность на предметы безразличныя для вѣры и благочестія, и даже могущаго своею дѣятельностію, благодаря своей неумѣренной ревности и недостаточному пониманію дѣла, принести церкви не пользу, а вредъ. Поэтому Паисій въ своихъ отвѣтахъ, написанныхъ отъ лица всей константинопольской церкви, не только не поощряетъ мелочно-обрядовой реформаторской дѣятельности Никона, его стремленія исправлять особенности мѣстнаго русскаго обряда, но наоборотъ: старается умѣрить его реформаторскій пылъ, ввести его ревность въ должныя границы, отклонить его вниманіе отъ безразличныхъ обрядовыхъ мелочей. Въ видахъ просвѣтити,

возвысить христіанское пониманіе Никона, Паисій сообщаетъ ему болѣе правильный взглядъ на христіанскій обрядъ, его происхожденіе, значеніе въ православной церкви, отношеніе его къ вѣроученію, старается дать Никону умѣнье рѣшать самому различные неважные и мелочные церковно - обрядовые вопросы. Вмѣстѣ съ этимъ Паисій даетъ понять Никону всю односторонность заявленной имъ ревности, такъ какъ православіе вовсе не требуетъ того, что бы оно разъ навсегда было заключено въ какую либо во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ опредѣленную обрядовую форму, но что оно всегда допускало и допускаетъ разнообразіе внѣшнихъ формъ выраженія своего ученія, лишь бы только эти внѣшнія обрядовыя различія церквей не были выраженіемъ различія въ самомъ ихъ ученіи. Вообще весь отвѣтъ Паисія былъ поученіемъ и назиданіемъ для Никона, имѣлъ въ виду предостеречь и удержать его отъ спѣшной и необдуманной передѣлки практиковавшагося въ русской церкви обряда, поскольку онъ не касался существа вѣры и благочестія, а такими Паисій находилъ всѣ предложенныя Никономъ вопросы.

Въ своихъ отвѣтахъ патріархъ Паисій, послѣ привѣтствія и восхваленія пастырской ревности и личныхъ высокихъ качествъ Никона, указываетъ на необходимость единенія всѣхъ церквей, но только это единеніе, по прямому смыслу словъ самаго Господа (Іоан. XVII, 11) и ап. Павла (1 Кор. 1, 10), должно состоять, говоритъ Паисій, *„въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры, съ однимъ разумніемъ и съ одною мыслию.* Говорю это потому, продолжаетъ Паисій, что усматриваю основанія къ тому въ грамотахъ твоего блаженства: ты жалуешься сильно на не согласіе *въ кое-какихъ порядкахъ, существующихъ въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь: не вредятъ-ли эти различные порядки нашей вѣрѣ.* Въ отвѣтъ на это мы похваливаемъ мысль, — поелику кто боится впасть въ малыя погрѣшности, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ, — *но исправляемъ опасеніе:* поелику, что касается еретиковъ, то мы дѣйствительно имѣемъ повелѣніе отъ апостола избѣгать ихъ послѣ перваго и втораго вразумленія, какъ развращенныхъ (Тит. III, 11), равно какъ и раскольниковъ, которые хотя и оказываются согласными съ православными въ главнѣйшихъ догматахъ, но имѣютъ кое какіе и свои особенные, чуждые

общепринятымъ въ церкви. Но если случится, что какая нибудь церковь будетъ отличаться отъ другой какими либо порядками, неважными и несущественными для вѣры, или такими, которые не касаются главныхъ членовъ вѣры, а относятся къ числу незначительныхъ церковныхъ порядковъ, каково, напримеръ, время совершенія литургіи, или вопросъ о томъ: какими перстами долженъ благословлять священникъ и под.; то это не должно производить никакаго раздѣленія, если только сохраняется неизмѣнно одна и та же вѣра. Это потому, что церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало по малу, (какъ говорить св. Епифаній Кипрскій въ словѣ подъ заглавіемъ: „Краткое истинное слово о вѣрѣ каеолической и апостольской церкви“, въ концѣ): первоначально читали въ церкви только одиннадцать псалмовъ, а потомъ уже больше, равно какъ имѣли разныя степени постовъ и мясоестій. И Великій Василій въ 29 гл. о св. Духѣ говоритъ относительно церкви Неокесарійской, что неокесарійцы не прибавили ровно ничего къ своему чинопослѣдованію, ни одного священнодѣйствія, ни слова, ни таинственнаго знака, съ тѣхъ поръ, какъ предалъ имъ это чинопослѣдованіе ихъ архіерей чудотворецъ Григорій: поѣтому то (говоритъ онъ) многое, что у нихъ совершается, кажется неудовлетворительнымъ, такъ какъ успѣло уже устарѣть съ тѣхъ поръ, какъ они все это приняли въ началѣ, и такъ какъ они не принимали того, что ввели у себя послѣ другія церкви; равнымъ образомъ антифоновъ, составленныхъ Златоустомъ, съ водруженіемъ предъ каждымъ изъ нихъ креста, не имѣетъ уже церковь. И прежде святыхъ Дамаскина и Козьмы, и другихъ творцевъ, мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ. При всемъ томъ, такъ какъ сохранялась одна и таже вѣра всѣми помѣстными церквами, то это различіе въ чинопослѣдованіяхъ не могло тогда служить основаніемъ признавать ихъ еретическими или схизматическими. Не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ, или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каеолической церковію. А для того, чтобы знать, какіе это важные и существенные члены нашей вѣры, о которыхъ мы го-

воримъ, нашъ св. Синодъ составилъ одну книгу на общепотребительномъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Православное исповѣданіе вѣры каеолической и апостольской церкви восточной“, въ которой мы твердо обосновали всѣ члены древней нашей вѣры... Если вы нуждаетесь въ этой книгѣ, а она действительно нужна вамъ для того, чтобы всѣ пять патріархій были единомысленны, мы пришлемъ вамъ одну копію съ нея“.

Раскрывъ и обосновавъ свой общій взглядъ на происхождение и значеніе въ православной церкви разныхъ чино-послѣдованій и обрядовъ, которые были и теперь могутъ быть въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ не одинаковы, что однако, при единствѣ вѣры, никогда не мѣшало и сейчасъ не можетъ мѣшать имъ составлять изъ себя единую и единомысленную вселенскую церковь; порекомендовавъ Никону поближе и получше познакомиться съ вѣроученіемъ православной церкви, въ чемъ Паисій, очевидно, замѣтилъ у Никона значительный пробѣлъ, препятствующій ему различать важное и неважное въ строѣ жизни церковной, патріархъ Паисій переходитъ затѣмъ къ рѣшенію самыхъ вопросовъ, предложенныхъ ему Никономъ. Но прежде чѣмъ отвѣтитъ на тотъ или другой частный вопросъ Никона, Паисій старается предварительно объяснить происхождение, составъ, существенныя стороны и смыслъ частныхъ православной литургіи, чтобы Никонъ, послѣ этого объясненія, уже самъ видѣлъ, какъ слѣдуетъ ему рѣшать такіе вопросы, какъ, на примѣръ, предложенный имъ Паисію: когда слѣдуетъ въ литургіи отверзать царскія врата? Отвѣчая на вопросъ Никона, въ какіе часы надлежитъ совершать литургію и находя правильнымъ начинать ее „съ третьяго часа дня“, Паисій однако, зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, спѣшитъ сейчасъ же прибавить: „но мы должны прибавить, что часы эти не опредѣлены однажды навсегда такъ, чтобы мы не имѣли позволенія литургисать и въ какой либо другой часъ кромѣ третьяго... благодать Св. Духа не ограничивается тѣмъ или другимъ моментомъ времени“.

Отвѣчая на тѣ или другіе частные вопросы Никона, Паисій опять старается убѣдить его не придавать значенія предметамъ не важнымъ и прекратить относительно ихъ споры и препирательства. „Что же касается полемики, пишетъ на-

примѣръ оный, которую ведете изъ за чина божественнаго тайноводства, какъ пишете въ седьмомъ вопросѣ, *то умоляемъ и менемъ Господа нашего І. Христа, да прекратитъ ее твое блаженство, съ свойственной тебѣ разсудительностію: рабу бо Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тим. 11, 24), и особенно въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры, а убѣждай ихъ принять тотъ чинъ, который мы описали, чинъ, содержимый во всей восточной церкви... *Но можетъ быть, говорить далѣе Паисій, ваши чины и порядки несогласны съ нашими въ вещахъ необходимыхъ, а не въ тѣхъ, относительно которыхъ уставъ представляетъ выборъ на волю настоятеля, въ такомъ случаѣ напишите намъ, какіе это чины и порядки, и мы разсудимъ объ этомъ соборнѣ*". Очевидно, Паисій тѣ обрядовыя разности и отступленія въ русской церкви, на которыя указывалъ ему въ своихъ вопросахъ Никонъ, относилъ къ разряду совершенно безразличныхъ и неважныхъ, о которыхъ *рабу Господню не подобаетъ сваритися*, такъ что всякая полемика относительно ихъ, по мнѣнію константинопольскаго собора и патріарха, должна быть немедленно прекращена въ интересахъ мира русской церкви. Но если бы въ русской церкви дѣйствительно нашлись какіе либо чины и порядки, отступающіе отъ общецерковныхъ чиновъ и порядковъ „въ вещахъ необходимыхъ“, Паисій просить тогда Никона писать ему объ этомъ. Или, напримѣръ, Паисій пишетъ, такъ: „что же касается чина крещенія, то оный неизмѣнно остается въ томъ видѣ, какъ предписываетъ уставъ, находящійся въ Евхологіѣ. Тамъ вы можете его видѣть. И если оный въ чемъ либо разнится отъ нашего, то или исправьте его сами, по взаимному соглашенію, или пишите къ намъ и мы разсудимъ соборнѣ“.

Но особеннаго вниманія конечно заслуживаетъ отвѣтъ Паисія на вопросы Никона о перстосложеніи, какъ для крестнаго знаменія, такъ и для архіерейскаго и іерейскаго благословенія, въ виду того исключительно важнаго значенія, какое придавали этому вопросу въ Москвѣ. „На двадцать четвертый (вопросъ) пишетъ Паисій, въ которомъ спрашиваете, какъ подобаетъ христіанину изобразить свой крестъ, т. е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе, по преданію, поклоняться: имѣя первыя три

перста соединенными вмѣстѣ во образъ св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, и мы научены славить единого Бога въ трехъ ипостасяхъ—Отца, Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вмѣстѣ съ крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, спешаго съ небесъ и вочеловѣчившагося и плотію пострадавшаго ради нашего спасенія. Да это и основательно, поелику чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь“.—Вотъ и весь отвѣтъ собора и патріарха относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Въ немъ указывается только на древній обычай греческой церкви, принятый по преданію, креститься тремя перстами, и объясняется смыслъ такого перстосложенія. А между тѣмъ Паисій конечно хорошо понималъ, что Никонъ требовалъ отъ него рѣшительно высказаться за то, какое перстосложеніе истинно правое и древнее: русское ли двоеперстное, или тогдашнее греческое троеперстное и, конечно, увѣренно ожидалъ, что Паисій, вмѣстѣ съ константинопольскомъ соборомъ, рѣшительно одобритъ греческое троеперстное перстосложеніе, а русское двоеперстное, какъ неправое, осудитъ. Однако Паисій въ своемъ отвѣтѣ счелъ достаточнымъ только указать на существовавшій тогда у грековъ обычай и на выражаемую имъ мысль, вовсе не думая въ тоже время утверждать, что греческое троеперстное перстосложеніе для крестнаго знаменія есть единственно правое и всегда неизмѣнно употреблявшееся въ православной церкви; не говорить, чтобы только въ этомъ видѣ оно было обязательно для всѣхъ, не говорить и о неправильности иного перстосложенія—русскаго двоеперстія. Очевидно, вопросъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія Паисій относитъ къ числу предметовъ неважныхъ и несущественныхъ, относительно которыхъ каждая помѣстная церковь можетъ оставаться при своемъ мѣстномъ обычаѣ,—греки употребляютъ троеперстіе и—правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правую мысль; русскіе спокойно могутъ держаться своего двоеперстія и также будутъ правы, конечно если они соединяютъ съ этимъ правую мысль.

Еще болѣе опредѣленно и рѣшительно свое и соборное

мнѣніе о безразличіи того или другого перстосложенія для крестнаго знаменія Паисій высказываетъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ—на вопросъ Никона относительно перстосложенія для архіерейскаго и іерейскаго благословенія. Что касается перстосложенія для архіерейскаго и іерейскаго благословенія, пишетъ Паисій, „то церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейскою рукою имя Мессіи или, что тоже,—имя І. Христа, именно: изображая *і* и *с*,—что въ сокращеніи значитъ Іисусъ, и *х* и *с*, что въ такомъ же сокращеніи означаетъ Христось. *А какими перстами кто начертываетъ эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ І. Христа при посредствѣ руки священника, и что І. Христось самъ даетъ благодать благословенія по прошенію того, что ищетъ ея съ вѣрою. Но приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается І. Христось на иконахъ, поелику такая форма перстосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Іисусъ Христось, именно большой г. е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Іисусъ, а два (второй и третій) стоймя съ небольшимъ наклоненіемъ одно изъ нихъ, *х*, и малый послѣдній *с*,—что значитъ Христось. Впрочемъ тоже самое будетъ означать, если будешь держать и два послѣдніе перста (приклонными) книзу въ формѣ двухъ *сс*, три же первые стоймя, какъ изображающіе *і* и *х*,—и это не дѣлаетъ никакого различія“.*

Такимъ образомъ патріархъ Паисій, отвѣчая отъ лица константинопольскаго собора на вопросъ Никона относительно архіерейскаго и іерейскаго перстосложенія для благословенія, прямо и рѣшительно говоритъ, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное: „лишь бы только благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ І. Христа, при посредствѣ руки священника“. Затѣмъ, рекомендуя держаться извѣстной формы перстосложенія въ благословеніи, онъ однако опять замѣчаетъ при этомъ, что такъ или иначе будутъ слагать персты“ и это не дѣлаетъ никакого различія“, и тѣмъ ясно даетъ понять Никону, что сущность дѣла здѣсь заключается не въ томъ или иномъ перстосложеніи, а въ самой мысли, выражаемой имъ, что если человѣкъ держитъ

правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какіе и какъ именно онъ слагаетъ персты. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго—архіерейскаго и іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другого перстосложенія, то тѣмъ болѣе, конечно, эта свобода допустима относительно обычнаго для каждаго вѣрующаго знаменованія себя крестомъ, лишь бы мысль, выражаемая перстосложеніемъ, была при этомъ правильна.

Въ отвѣтахъ патріарха Паисія и собора на вопросы Никона есть одинъ пунктъ, который принимается нѣкоторыми какъ прямое доказательство, что Паисій дѣйствительно настаивалъ предъ Никономъ объ исправленіи всего вообще русскаго обряда, въ видахъ полнаго, до мельчайшихъ подробностей, согласованія его съ тогдашнимъ греческимъ, и что онъ этой сторонѣ дѣла придавалъ особенно важное значеніе. На сдѣланное ему Никономъ сообщеніе объ епископѣ Коломенскомъ Павлѣ и протопопѣ Нероновѣ, Паисій отвѣчаетъ: „а что касается епископа Коломенскаго Павла и одинаковаго съ нимъ (по воззрѣніямъ) протопопа, которые говорятъ, что ни книги ихъ, ни литургія, ни перстосложеніе не согласуются съ вашими, и которые порочатъ молитвы наши (т. е. молитвы греческой церкви), будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не страха Божьяго, и говорятъ, что патріархъ (т. е. какъ таковой вообще) долженъ предъ совершеніемъ литургіи въ присутствіи другихъ іереевъ молиться иначе, именно униженнѣе и смиреннѣе страха ради Божьяго, и долженъ искать и другихъ молитвъ, разнящихся отъ тѣхъ, которыя заключаетъ въ себѣ греческая литургія, особенно произносить молитвы о бѣдныхъ, какъ вы пишете въ восьмомъ и девятомъ вопросѣ ¹⁾, отвѣчаемъ, что все это суть признаки ереси и раскола, и кто такъ вѣруетъ и говоритъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... Пусть примутъ нелицемѣрно все, *что содержитъ и принимаетъ за догматъ православная наша церковь*, или послѣ перваго и втораго вразумленія, если останутся неисправимыми, отрекитесь отъ нихъ и отдѣлите ихъ отлуче-

---

¹⁾ Начало этаго отвѣта Паисія приводится нами по болѣе точному переводу графа А. Гейдена, въ его брошюрѣ: „Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ“, стр. 24—39.

ніемъ отъ овецъ Христовыхъ, чтобы они не питали ихъ смертоноснымъ кормомъ. Въ такомъ случаѣ вы будете имѣть согласіе на это и наше и нашего синода. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ соборѣ или у какого древняго святого нашли они будто молитвы нашей церкви совершаются по человѣкоугодію; что онѣ недостаточны и неудовлетворительны и въ силу этого (присвояютъ себѣ право) требовать ихъ восполненія? Всѣми мѣрами остерегайтесь такихъ собакъ, или, точнѣе сказать, волковъ; ибо они подъ видомъ исправленія (притворяясь) будто желаютъ исправлять недостатки церковныя, на самомъ же дѣлѣ стремятся внести въ нее (церковь) ядовитыя свои плевелы... Они приносятъ къ намъ свои нововведенія и апокрифическія молитвы въ качествѣ исправленій. Въ дѣйствительности эти лица являются вратами ада, вводящими въ геену огненную, попадающую повинующихся имъ. Вслѣдствіе этого и будутъ отсѣчены отъ церкви, какъ гнилыя и неисцѣлимые члены, оставаясь нераскаянными; поелику таковыя молитвы ихъ мы считаемъ богохульствомъ, такъ какъ они бросаютъ подозрѣніе на нашихъ святыхъ, и пытаются ввести новые порядки, которымъ насъ никогда не учили отцы, предавшіе намъ вѣру⁴.

Чтобы понять смыслъ сейчасъ приведенныхъ мало понятныхъ рѣчей отвѣта константинопольскаго патріарха Паисія, нужно имѣть въ виду слѣдующее: Павелъ коломенскій и Нероновъ не хотѣли принимать „чина архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ“, составленнаго для Никона патріархомъ Аѳанасіемъ Пателаромъ, въ бытность его въ Москвѣ и тогда же переведеннаго на русскій языкъ, такъ какъ они находили, что этотъ греческій чинъ расходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ прежнимъ русскимъ ¹⁾. За это Ни-

¹⁾ Бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателаръ прибылъ въ Москву 16 апр. 1653 г. Въ Москвѣ онъ старался угодить Никону и написалъ для него особое сочиненіе подъ заглавіемъ „Чинъ архіерейскаго служенія литургіи на востокѣ“, которое сохранилось и до настоящаго времени какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянскомъ переводѣ подъ такимъ заглавіемъ: „толкованіе божественныхъ литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныхъ церкви. Аѳанасій, прежній вселенскій патріархъ на Москвѣ сиде сподобивыйся (священнодѣйствовать) въ 1653 лѣто, мѣсяца іюлія, индикта 6“. Рукопись москов. синод. библ. № 245 и 698). О пріѣздѣ и пребываніи въ Москвѣ патріарха Аѳанасія Пателара см. нашу статью въ журналѣ: Чтенія въ общ. любит. духовн. просв. за 1889 г.

конъ и жаловался на Павла и Неронова константинопольскому патриарху, и, вѣроятно, къ этому присоединилъ и другія какія-либо обвиненія, можетъ быть не вполне ясныя для Паисія. Какъ бы то ни было, только послѣдній понялъ все дѣло такимъ образомъ, что будто бы Павелъ и Нероновъ имѣютъ какія-то свои книги, литургію, перстосложеніе, отличныя отъ употребляемыхъ и въ русской церкви („не согласуются съ вашими“) и порочать молитвы церкви греческой, что подъ видомъ исправленія они привносятъ въ церковь свои нововведенія и апокрифическія молитвы, и пытаются ввести новыя церковныя порядки, какимъ никогда не учили отцы, предавшіе вѣру. Словомъ Павелъ и Нероновъ явились въ представленіи константинопольскаго патриарха Паисія какими-то новаторами, которые угрожали русской церкви появленіемъ въ ней или ереси, или раскола, почему Паисій и совѣтуетъ Никону немедленно отлучить ихъ отъ церкви, если они откажутся принять цѣлицемѣрно, „что содержитъ и принимаетъ за догматъ православная наша церковь“. Очевидно Паисій, на основаніи можетъ быть непонятаго имъ доноса Никона, составилъ о Павлѣ и Нероновѣ совсѣмъ невѣрное представленіе. Дьяконъ Фѣдоръ по этому поводу пишетъ: „на епископа же Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопopa Іоанна Неронова, писалъ Никонъ тогда ко греческимъ патриархомъ ложныя басни, оправдывая самъ себя, а на нихъ клеветца, яко діаволь, будто они составили свои новыя молитвы и чины церковныя и тѣми людей развращаютъ, и отъ соборныя церкви отдѣляются. И цареградскій патриархъ Паисій, повѣря его клеветѣ, писалъ отвѣты ему, чая его пастыря сущаго быти, глаголя ему: блюдися, брате, таковыхъ, кои что ново вчиняютъ, и отъ церкви отдѣляются; таковіи, рече, вторіи люторцы, сирѣчь нѣмцы, прельщенные отъ Лютора еретика недавно. И тѣ отвѣты напечаталъ Никонъ въ новой книгѣ своей Скрыжали, на гибельное оправданіе себѣ и невѣдущемъ людемъ на соблазнъ. Патриархъ убо Паисій о томъ право ему отвѣща по отпискѣ ево; но онъ, врагъ, къ нему, суди, неправду писалъ, но праведныхъ мужей оклеветалъ, и заводомъ, яко Езавель Навуфея. Намъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ во всей русской землѣ вѣдомо о томъ, что нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни еди-

ныя молитвы, ни тропаря новаго, и единого слова развратнаго не вложили они въ старыя книги наши нигдѣ отнюдь, и раскола у нихъ въ церкви не бывало никакова, и у книжныя sprawy на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборщикахъ не бывали: вѣдомо о семь всей Москвѣ“¹⁾. Дѣйствительно-ли Никонъ оклеветалъ Павла и Неронова, въ своихъ вопросахъ, предъ константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, какъ увѣряетъ дьяконъ Ѳеодоръ, мы не знаемъ, такъ какъ самыя вопросы Никона не дошли до насъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно только то, что Паисій совѣтывалъ Никону немедленно отлучить Павла и Неронова отъ церкви не потому, что видѣлъ въ нихъ защитниковъ стараго русскаго обряда, удержаніе котораго онъ считалъ бы несомвѣстнымъ съ православіемъ русской церкви, а единственно потому, что видѣлъ въ нихъ опасныхъ новаторовъ, церковныхъ нововводителей, стремящихся измѣнить существующіе церковные порядки, т. е. Паисій совѣтывалъ Никону отлучить Павла и Неронова за такія вины, въ которыхъ они были рѣшительно неповинны.

Итакъ, соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, далеко не заключалъ въ себѣ одобренія и поощренія реформаторской дѣятельности Никона. Правда въ Константинополѣ похвалили ревность Никона къ предметамъ вѣры и порядкамъ церковнымъ; но, въ тоже время, сочли нужнымъ настойчиво исправить его намѣреніе—исправлять русскіе церковные чины и обряды, постарались, въ видахъ наученія Никона, сообщить ему болѣе правильный взглядъ на его собственное дѣло, сдѣлать для него понятнымъ ту истину, что интересы вѣры и благочестія, правильно понимаемые, вовсе не требуютъ уничтоженія существующихъ въ различныхъ церквахъ помѣстныхъ обрядовъ и чиновъ, что единеніе церквей вовсе не состоитъ въ тожествѣ ихъ обряда во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ, а „въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслію“, и что при такомъ условіи различіе обряда въ помѣстныхъ церквахъ, какъ въ прежнее время никогда не нарушало, такъ и теперь не можетъ нарушить единства вселенской церкви. Конечно, при

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. VI, стр. 198—199.

сильномъ желаніи Никона видѣть въ отвѣтахъ Паисія оправданіе своей церковно-обрядовой реформы, онъ могъ найти въ нихъ, игнорируя ихъ общую мысль и характеръ, нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, которыя, повидимому, могли оправдывать его реформаторскую дѣятельность. Такъ, въ предисловіи къ своимъ отвѣтамъ, Паисій пишетъ: „да будемъ всегда заодно какъ въ единой вѣрѣ и единомъ крещеніи, такъ и въ единомъ исповѣданіи, одно и тоже говоря всегда одними устами и единымъ сердцемъ, чтобы не разногласить другъ съ другомъ ни въ чемъ“. Но, сказавъ это, Паисій сейчасъ же переходитъ къ объясненію, какъ нужно понимать это единство и доказываетъ Никону, что оно заключается „въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслию“, а не въ единствѣ обряда, который въ разныхъ церквахъ можетъ быть неодинаковъ. Такого же рода и два другія мѣста изъ посланія Паисія, на которыя Никонъ могъ посмотрѣть какъ на поощреніе и оправданіе своей реформаторской дѣятельности. Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Паисій, кратко объяснивъ Никону составъ, существенныя стороны и таинственное знаменованіе чина божественной литургіи, говоритъ въ заключеніе: „вотъ чинъ, котораго мы держимся въ нашей литургіи. Надѣюсь, что этого же чина держитесь и вы, въ противномъ же случаѣ, т. е. если вашъ чинъ отстываетъ въ чемъ либо отъ нашего, *вы постарайтесь согласоваться съ нашимъ, сообразно съ указаннымъ распорядкомъ*, который мы приняли съ самаго начала, *дабы одними устами и однимъ сердцемъ славить и вамъ и намъ единого Бога*“. То же Паисій заявляетъ и въ седьмомъ своемъ отвѣтѣ, когда проситъ Никона прекратить полемику“ особенно въ вещахъ, которыя не принадлежать къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры“. „Но, замѣчаетъ Паисій, можетъ быть ваши (чины и порядки) несогласны съ нашими въ вещахъ необходимыхъ, а не въ тѣхъ, относительно которыхъ уставъ предоставляетъ выборъ на волю настоятеля, въ такомъ случаѣ пишете намъ, какіе это (чины и порядки), и мы разсудимъ объ этомъ спорѣ“. Очевидно Паисій, настаивая въ указанныхъ случаяхъ передъ Никономъ, чтобы на Руси принятъ былъ тотъ чинъ, который онъ описалъ, разумѣлъ основныя и существенныя стороны этого чина, а вовсе не тѣ безразличныя обрядо-

выя частности и подробности, о которыхъ собственно хлопоталъ Никонъ и изъ-за которыхъ, по мнѣнію Паисія и собора, рабу Господню не подобаетъ свариться. Что же касается существенныхъ и основныхъ чертъ, то русскій церковный чинъ и обрядъ никогда не расходился ни въ чемъ съ греческимъ; вся разность между ними заключалась въ самыхъ неважныхъ и даже ничтожныхъ частностяхъ и подробностяхъ, при чемъ и эти неважныя русскія особенности были не русскимъ созданиемъ, а древне-греческія, только позднѣйшими греками видоизмѣненныя у себя, почему онѣ и стали у нихъ кое въ чемъ непохожи на русскія.

Отвѣтная соборная грамота константинопольскаго патріарха Паисія, долженствовавшая служить Никону исходною точкою для всѣхъ его дальнѣйшихъ реформъ, способная, при правильномъ пониманіи и усвоеніи ея, предохранить, остеречь Никона отъ слишкомъ поспѣшной, крутой и мало полезной, а въ то же время крайне опасной для мира церкви, ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ,—эта грамота не была понята и какъ слѣдуетъ усвоена Никономъ, и потому не имѣла никакого вліянія на его послѣдующую, по крайней мѣрѣ ближайшую, реформаторскую дѣятельность. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что изложенныя въ грамотѣ Паисія воззрѣнія на церковный обрядъ, какъ на слагавшійся мало-по-малу, различно въ различныхъ церквахъ, что онъ съ теченіемъ времени видоизмѣнялся и всегда можетъ быть въ разныхъ церквахъ не одинаковъ, и что изъ-за обрядовыхъ разностей и мелочей, какъ безразличныхъ для вѣры и благочестія, рабу Господню не подобаетъ свариться,—такія воззрѣнія на обрядъ были слишкомъ новы и потому, на первый разъ, просто непонятны для Никона. Никонъ, какъ показываютъ его вопросы патріарху Паисію и вся вообще его церковно-обрядовая реформа, въ пониманіи церковной обрядности, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего патріаршества, ничѣмъ существенно не отличался отъ пониманія тогдашняго зауряднаго московскаго начетчика, т. е. Никонъ, вмѣстѣ со всѣми тогдашними русскими, смотрѣлъ на обрядъ такъ же, какъ и на вѣроученіе, думалъ, что обрядъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и самое вѣроученіе, что разность въ обрядѣ указывала на разность въ ученіи, такъ какъ обрядъ,

какъ и вѣроученіе, всегда и всюду долженъ быть одинъ и тотъ же. Исходя изъ этаго тогдашняго общерусскаго представленія объ обрядѣ и его значеніи, Никонъ, какъ скоро лично составилъ себѣ убѣжденіе о неправотѣ нѣкоторыхъ московскихъ чиновъ и обрядовъ, считалъ своею священною обязанностію немедленно исправить ихъ, чтобы ради ихъ совѣмъ не замутилось на Руси истинное благочестіе, при чемъ онъ искренно вѣрилъ, что приводя русскій обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ, онъ тѣмъ самымъ производитъ крайне важную и прямо необходимую въ интересахъ православія реформу, и производитъ ее такъ, что его реформа не есть измѣненіе или передѣлка стараго, а только реставрація, возстановленіе въ прежнемъ видѣ того, что по тѣмъ или другимъ причинамъ измѣнено было русскими въ позднѣйшее время. Съ другой стороны, если бы Никонъ усвоилъ истинный смыслъ отвѣтной грамоты патріарха Паисія и сталъ бы дѣйствовать въ ея духѣ, то ему пришлось бы ограничить свою церковную реформу только исправленіемъ русскихъ богослужебныхъ книгъ, поскольку въ нихъ вкрались ошибки и погрѣшности, темныя непонятныя выраженія и т. под.; пришлось бы вычеркнуть изъ своей реформаторской программы все, что относилось къ перестройкѣ и передѣлкѣ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ по тогдашнему греческому образцу, такъ какъ, получали его изъ Константинополя, „не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто-нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которые не принадлежатъ къ числу существенныхъ и членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію“. Но Никонъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ своей реформаторской дѣятельности, и на всякое отступленіе отъ спѣшно намѣченной и очень спѣшно проводимой имъ программы реформъ, смотрѣлъ какъ на свое личное пораженіе, какъ на умаленіе престижа своей патріаршей власти, къ которой онъ всегда относился крайне ревниво. Это значило бы доставить торжество его врагамъ, которые, уже съ самаго начала, такъ рѣзко настойчиво указывали на несостоятельность его реформы, это значило бы признать правоту и справедливость ихъ заносчивыхъ нападеній на него, значило бы сознаться,

что его противники понимали дѣло гораздо лучше и вѣрнѣе его—Никона. Но это было выше силъ Никона Онъ, никогда не любилъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, у него всегда были виноваты другіе, а самъ онъ во всемъ и всегда оказывался правымъ. Тѣмъ болѣе, конечно, онъ не могъ признаться въ своихъ ошибкахъ въ то время, когда предъ нимъ преклонялось все, когда онъ буквально царилъ и въ церкви и въ государствѣ, когда рядомъ съ нимъ и государево имя стало мало слышно. Поэтому вполне естественно было, что Никонъ или вовсе не придавалъ никакого значенія грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, или же придавалъ ей совершенно не то значеніе, какое бы она должна была имѣть для него. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что Никонъ проявилъ болѣе готовности слушать не тѣхъ, кто сдерживалъ и охлаждалъ его реформаторскій пылъ, а тѣхъ, кто поощрялъ его и поддерживалъ на излюбленномъ пути. За поощрителями дѣло не стало, они были подъ рукой у Никона, готовы были оказать всякую послугу всемогущему патріарху.

Антиохійскій патріархъ Макарій, постоянно поощрявшій Никона на проведеніе въ русской церкви обрядовыхъ реформъ, уже ранѣе одобрилъ крутую расправу Никона съ иконами франкскаго письма и, тоже въ угоду Никону, ранѣе торжественно заявилъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, что для крестнаго знаменія слѣдуетъ употреблять не двоеперстное—русское, а троеперстное греческое перстосложеніе. Но выслуга Макарія передъ Никономъ этимъ не ограничилась.

Въ память св. Мелетія антиохійскаго (12 февраля) того же 1656 года Никонъ, послѣ службы въ Чудовѣ монастырѣ, въ присутствіи царя, синклита и множества народа, прочелъ изъ пролога извѣстное сказаніе о св. Мелетіи антиохійскомъ, на которое обыкновенно ссылались русскіе въ защиту употребляемаго ими двоеперстія, и, обратясь къ Макарію, спросилъ его, какъ слѣдуетъ понимать это сказаніе? Въ отвѣтъ на это Макарій торжественно, въ слухъ всѣхъ возгласилъ: „мужіе всего православія, слышите: азъ преемникъ и наследникъ сего св. Мелетія престолу; вамъ извѣстно, яко сей св. Мелетій три первые персты разлучены показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не быть; ты же паки три со-

едини, ими же и знаменіе показа. И аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, *таковый арменоподражателъ есть, арменове бо тако изображаютъ на себѣ крестъ*“. Изъ этого торжественнаго всенароднаго заявленія заѣзжаго въ Москву патріарха—милостынесобирателя—русскій народъ получилъ о себѣ совершенно неожиданное свѣдѣніе, что онъ крестится еретически, по-армянски. Это поразительное открытіе, конечно, должно было крайне смутить и изумить всѣхъ благочестивыхъ русскихъ людей, доселѣ знаменовавшихъ себя въ крестномъ знаменіи двоеперстно т. е., какъ оказалось, по-армянски. Но Никонъ не давалъ времени одуматься русскому благочестивому человѣку, поразмыслить о томъ, что это теперь творится на Москвѣ,—онъ приготовилъ для него еще болѣе поразительное зрѣлище.

Спустя двѣнадцать дней послѣ памятнаго для народа праздника въ день св. Мелетія антиохійскаго, наступила такъ называемая недѣля православія. На этотъ разъ торжественная служба совершалась въ Успенскомъ соборѣ, на ней присутствовалъ царь со всѣмъ синклитомъ, стеченіе народа было громадное. Когда начался извѣстный обрядъ православія, два пріѣхавшихъ въ Москву съ востока патріарха: антиохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, да еще пріѣзжіи греческій никейскій митрополитъ Григорій, стали предъ царемъ, его синклитомъ, предъ всѣмъ служившимъ духовенствомъ и бывшимъ въ соборѣ народомъ, и Макарій антиохійскій, сложивъ три первые перста и показывая ихъ, воскликнулъ: „сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; *а иже кто по Феодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть*“. За Макаріемъ тоже проклятіе на двоеперстниковъ повторили сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій.

Такъ торжественно пришлые иностранцы проклинали въ Москвѣ всѣхъ крестящихся двумя перстами. А между тѣмъ двоеперстникомъ былъ тогда весь русскій народъ, всѣ русскіе, можетъ быть за самыми ничтожными исключеніями, крестились дотолѣ двумя перстами, и не только въ данное

время, но такъ крестились ихъ предки и между ними всѣмъ вѣдомые и чудесами прославленные угодники Божіи. Что же это значить, невольно думали русскіе, что въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, этой національной Московской святынѣ, которая есть „всего государства мати всѣмъ церквамъ“, пришлые случайные чужеземцы торжественно предавали анаемѣ никого другого, какъ самихъ русскихъ, ихъ почившихъ предковъ и чуть не самыхъ русскихъ угодниковъ Божіихъ? Что это значить, что убогіе пришлецы-милостынесобиратели, явившіеся въ Москву молить русскихъ о подаяніи или о пріютѣ, рѣшаются такъ торжественно въ присутствіи царя, патріарха и народа позорить русскихъ, ихъ вѣковую святую старину, издѣваются надъ ихъ благочестіемъ, доселѣ еще никѣмъ не похуленнымъ? Подъ угрозой церковнаго проклятiя велятъ пришлые чужеземцы креститься русскому не такъ, какъ крестились его предки и самые русскіе угодники Божіи; но кому долженъ былъ болѣе довѣрять благочестиво, въ преданности своей церкви воспитанный русскій: голословному-ли заявленію подозрительныхъ пришельцевъ, или голосу своей церкви, которая устами цѣлаго собора изрекла: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христорь, да есть проклятъ?“ Напрасно было говорить русскому о подложности слова Θεодорита, о неправильности въ сказаніи русскаго пролога о св. Мелетіи, напрасно было ему указывать на двоеперстіе, какъ еретическое армянское перстосложеніе,—ему достаточно было въ этомъ случаѣ только посмотрѣть на лики своихъ русскихъ великихъ угодниковъ, которыми такъ богата русская церковь, ради молитвъ которыхъ крѣпло и ширилось русское царство, чтобы вполне и окончательно убѣдиться, что двоеперстіе не армянская ересь, а правое, вполне православное перстосложеніе, доказанное несомнѣнною святостію лицъ, его употреблявшихъ: лики угодниковъ Божіихъ, вотъ кто, а не какія-либо сказанія, прежде всего и главнымъ образомъ убѣждали русскаго въ правотѣ его двоеперстія. Странно было бы не то, что русскій стойко сталъ за свое перстосложеніе, а то, если бы онъ, несмотря на опредѣленный и ясный соборный голосъ своей церкви, несмотря на свою вѣковую святую старину, вдругъ бы безъ всякаго колебанія бросилъ свое родное и принялъ чужеземное только

потому, что какіе-то пришлецы приказываютъ ему это. Только одного не могъ взять въ толкъ русскій человѣкъ: что же это значить, что патріархъ даетъ волю какимъ-то пришлецамъ въ самомъ чтимомъ московскомъ храмѣ произносить всенародно хулы на русское благочестіе, на самихъ русскихъ чудотворцевъ, нетлѣнно почивающихъ въ этомъ самомъ храмѣ? Очевидно правду говорятъ про патріарха, что онъ дѣйствительно отступникъ отъ православія, раззоритель истиннаго русскаго благочестія, что онъ, сговорившись съ отступниками греками, хочетъ и на Руси искоренить правую вѣру,—иначе нельзя и объяснить происходящее теперь на Москвѣ.

Въ силу указанныхъ обстоятельствъ анаеема на двуперстниковъ, такъ торжественно произнесенная въ московскомъ Успенскомъ соборѣ антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ, не произвела однако на народъ того впечатлѣнія, на какое рассчитывалъ было Никонъ, такъ горячо желавшій всѣмъ доказать, что онъ былъ правъ, когда въ первый годъ своего патріаршества издалъ свое извѣстное распоряженіе, чтобы его пасомые крестились не двумя, а тремя перстами. Самъ Никонъ сознается, что и послѣ произнесенія анаеемы, въ Москвѣ возникли пренія о перстосложеніи и поэтому поводу произошло раздѣленіе: одни держались прежняго двоеперстнаго перстосложенія, другіе же стали употреблять новое—троеперстное. Тогда Никонъ рѣшилъ поступить такимъ образомъ: такъ какъ въ это время прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедeonъ, но Никонъ обратился ко всѣмъ бывшимъ тогда въ Москвѣ восточнымъ іерархамъ съ предложеніемъ, письменно извѣстить его, какое перстосложеніе дѣйствительно правое, причемъ, конечно, требовалъ этаго формальнаго письменнаго удостовѣренія не для себя лично. На свое предложеніе Никонъ получилъ слѣдующій письменный отвѣтъ, подписанный Макаріемъ, Гавріиломъ, Григоріемъ и Гедеономъ: „преданіе пріяхомъ отъ начала вѣры отъ св. апостолъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесъ, *есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сега*

ради и мамы его отлученна отъ Отца и Сына и св. Духа и проклята: извѣщеніе истины подписахъ своею рукою“. Этотъ отвѣтъ восточныхъ іерарховъ Никонъ напечаталъ въ Скрижали.

Приведенныя рѣшительныя, не допускающія никакихъ возраженій и сомнѣній, заявленія указанныхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ, что будто бы церковь Христова отъ самихъ апостоловъ, древнихъ св. отцевъ и отъ семи вселенскихъ соборовъ приняла и всегда неизмѣнно употребляла въ перстосложеніи для крестнаго знаменія троеперстіе, и не допускала иныхъ формъ перстосложенія, считая ихъ за еретическія; такое утвержденіе во всѣхъ отношеніяхъ было несправедливо. Въ исторической дѣйствительности дѣло съ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія стояло совсѣмъ не такъ, какъ возвѣщали указанные восточные іерархи, желавшіе выслужиться предъ Никономъ.

Первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія для крестнаго знаменія, которая употреблялась въ первые вѣка христіанства и, по церковнымъ вѣрованіямъ, ведетъ свое начало со временъ апостольскихъ, была единоперстіе;—тогда знаменовались въ крестномъ знаменіи *однимъ перстомъ*. За это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“. Св. Епифаній говоритъ о нѣкоемъ знакомомъ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ, „взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* напечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе“. Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Теодоритъ, церковный историкъ Созоменъ, св. Григорій Двоесловъ, Іоаннъ Мосхъ и въ первой четверти VIII вѣка Андрей Критскій. Только у одного Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ“. Самый крестъ, при знаменованіи себя, въ первые вѣка христіанства, изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ, иногда же и на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльныхъ частяхъ тѣла, такъ что

знаменованіе себя теперешнимъ большимъ крестомъ, съ возложеніемъ перстосложенной руки на чело, животъ, на правое и лѣвое плечо, въ первые вѣка христіанства вовсе не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время, вѣроятно начиная съ IX вѣка.

Древне-христіанское единоперстіе съ теченіемъ времени, начиная съ IX вѣка, стало замѣняться въ православной греческой церкви двоеперстіемъ, которое, вытѣснивъ собою единоперстіе, сдѣлалось у грековъ господствующимъ. Это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія принадлежитъ несторіанскому митрополиту Ілліи Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане называютъ православныхъ,—и съ несторіанами, онъ говоритъ: „въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами, что они несогласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, они знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе *двумя перстами*, ведя, наоборотъ, справа налѣво. Яковиты, осѣняя себя однимъ перстомъ слѣва направо, означаютъ этимъ, что вѣрують въ единого Христа — превель искупленныхъ отъ грѣха (слѣва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты (мелхитами сирійцы называли православныхъ), изображая крестъ въ знаменіи *двумя перстами*—справа налѣво, исповѣдываютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ божество и человѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиной нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой“. Кромѣ Ілліи Гевери уже давно были извѣстны еще два свидѣтельства изъ XII вѣка, что православные употребляли тогда въ крестномъ знаменіи двоеперстіе. Такъ одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя, подобно моноелитамъ, однимъ перстомъ, „между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и трилица (въ Божествѣ)“ т. е. правильнымъ перстосложеніемъ считаетъ именно двоеперстное. Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 го-

да (хотя вѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говорить, что въ крестномъ знаменіи *два перста* убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа, во двою естеству и въ единомъ составѣ познаваема“.

Силу приведенныхъ свидѣтельствъ вѣкоторые думаютъ ослабить тѣмъ соображеніемъ, что эти свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только будто бы у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, какъ на специально сирійскій обычай, котораго совсѣмъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстіе вовсе не употреблялось. Но такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію, такъ какъ въ настоящее время найдены два такихъ свидѣтельства, которыя ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви съ начала XI и въ XII столѣтіяхъ.

Первое свидѣтельство заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антіохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ милитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргиропуломъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году, 15 іюля, Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитами, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ Константинопольскимъ составленъ былъ соборъ, съ цѣлію обратить яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. „Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху и Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же, послѣ долгаго спора, не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали елея въ евхаристіи и *крестились не однимъ перстомъ, а двумя*“. Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, желая обратить въ

православіе яковитскаго патріарха Іоанна VIII и его спутниковъ, торжественно отъ нихъ потребовалъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, а двумя. Ясное дѣло, что въ началѣ XI вѣка, какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи, въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно православнымъ перстосложеніемъ, вопреки тогдашнему монофизитскому одноперстію ¹⁾.

Византійскіе императоры не разъ усиливались примирить армянъ съ православіемъ, для чего они неоднократно вступали съ армянами въ церковныя сношенія. Въ этихъ видахъ императоръ Мануиль Комнинъ, въ 1170 году, послалъ къ армянамъ одного изъ константинопольскихъ ученыхъ, по имени Теоріана, для богословскихъ собесѣдованій съ ними. Теоріанъ описалъ свои собесѣдованія съ армянами и о второмъ изъ нихъ, между прочимъ, сообщаетъ и слѣдующее: „Когда это (предшествующее) было сказано, всталъ одинъ сирскій священникъ и сказалъ Теоріану: для чего вы (т. е. константинопольскіе греки) *изображаете крестное знаменіе двумя перстами?* не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно, по вашему раздѣлены и два естества Христовы. Но Теоріанъ, какъ бы прибѣгая къ шуткѣ, сказалъ: не знаменуя два естества Христовы, такъ дѣлаемъ мы, но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели, и это есть ополченіе; а перстами, полагая на челъ печать Христову, мы составляемъ брань и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе и персты моя на брань* (Пс. 143, 1)—не персть (т. е. не одинъ персть, какъ у васъ—армянъ), но персты“ ²⁾. Изъ приведеннаго свидѣтельства видно,

¹⁾ О перстосложеніи для крестнаго знаменія, употреблявшимся въ христіанской церкви за различное время, находится довольно-обстоятельный трактатъ въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, гдѣ (на стр. 72—91) указаны всѣ относящіяся къ этому вопросу источники.

²⁾ Е. Е. Голубинскаго: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, стр. 95—96.

что когда одинъ сирійскій священникъ упрекнулъ константинопольскихъ грековъ, представителемъ которыхъ былъ Θεоріанъ, „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? не раздѣлены ли персты, какъ особыя одинъ отъ другаго, слѣдовательно—по вашему и два естества Христовы раздѣлены между собою?“, то Θεоріанъ подтвердилъ, что константинопольскіе греки дѣйствительно крестятся двумя перстами по такимъ-то основаніямъ. Значить, въ 1170 году въ Константинопольской церкви въ крестномъ знаменіи несомнѣнно употреблялось двоеперстіе, которое служило и признавалось тогда внѣшнимъ нагляднымъ признакомъ, отличающимъ православныхъ отъ монофизитовъ.

Почему греки древнее первохристіанское единоперстіе въ крестномъ знаменіи замѣнили потомъ у себя (не позже начала IX вѣка) двоеперстіемъ—понятно. Когда появилась ересь монофизитовъ, то она воспользовалась дотолѣ употреблявшейся формой перстосложенія—единоперстіемъ для пропаганды своего ученія, такъ какъ видѣла въ единоперстіи символическое выраженіе своего ученія о единой природѣ во Христѣ. Тогда православные, вопреки монофизитамъ, стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христѣ. Такъ произошло, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить внѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ, и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ, православное народонаселеніе было перемѣшано съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патріарха и его спутниковъ, настойчиво требовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя; а, съ другой стороны, этимъ же объясняется, почему монофизиты упорно стояли за единоперстіе и никакъ не хотѣли, не смотря на всѣ убѣжденія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ угрозы и принужденія грековъ, пе-

ремѣнить свое единоперстіе на греческое православное двоеперстіе. Это бы значило, по ихъ убѣжденію, явно и открыто измѣнить самому своему вѣроученію, такъ какъ, по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія, заключали тогда о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось въ константинопольской церкви, и потомъ между сирійскими православными христіанами, и почему троеперстіе, эта, повидимому, самая естественная для христіанина форма перстосложенія, могло сдѣлаться въ греческой церкви господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, не соприкосавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ.

Греки, измѣнившіе, по требованію указанныхъ обстоятельствъ, древнехристіанское единоперстіе на двоеперстіе, которое продолжалось у нихъ болѣе четырехъ сотъ лѣтъ, перемѣнили потомъ у себя двоеперстіе на троеперстіе. Причины этого явленія можно полагать въ слѣдующемъ: если греки отказались отъ древняго единоперстія не потому, чтобы эта форма перстосложенія, сначала строго православная, употреблявшаяся великими отцами и учителями церкви, сдѣлалась съ теченіемъ времени неправославною сама по себѣ, но потому, что ею воспользовались еретики монофизиты, связавшіе съ нею, къ соблазну православныхъ, свое еретическое ученіе, такъ что единоперстіе стало символомъ монофизитства, а двоеперстіе—православія; то и отъ двоеперстія греки отказались потомъ не потому, что оно сдѣлалось само въ себѣ неправославнымъ, а совершенно по другимъ причинамъ. Если появленіе двоеперстія и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависѣло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой особый смыслъ и значеніе, то, какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, греческая константинопольская церковь, желая и самой формой перстосложенія въ крестномъ знаменіи отличаться не только отъ монофизитовъ—одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ,

всегда строго державшихся двоеперстія, такъ какъ они соединили съ нимъ свое еретическое ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ природъ, и въ двоеперстіи видѣли символическое выраженіе и подтвержденіе своего еретическаго ученія,—замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ каждому христіанину, помимо вѣроисповѣдныхъ его особенностей, троеперстіемъ, какъ выражающимъ главный, основной догматъ христіанства—ученіе о св. Троицѣ. Эта перемѣна у грековъ перстосложенія въ крестномъ знаменіи—изъ двоеперстія въ троеперстіе произошла, какъ можно думать, въ концѣ XII вѣка и продолжалась до конца XIII-го, когда оно у нихъ сдѣлалось наконецъ господствующимъ, обстоятельство для насъ въ высшей степени важное.

Русскіе, а ранѣе и другіе православные славяне, приняли отъ грековъ христіанство въ то время, когда, какъ мы видѣли, въ константинопольской церкви двоеперстіе въ крестномъ знаменіи признавалось единственно правильнымъ и всѣми употреблялось, какъ внѣшній видимый для всѣхъ знакъ принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви. Русскіе, принявъ отъ грековъ христіанство, приняли къ себѣ и присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтителі русскихъ христіанствомъ, константинопольскіе греки, прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству, понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскихъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ то время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то конечно и русскихъ они научили знаменоваться въ крестномъ знаменіи двумя перстами; понятно, что греки такъ же научили творить на себѣ крестное знаменіе и всѣхъ обращенныхъ ими въ христіанство славянъ ¹⁾. Вотъ откуда и когда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

---

¹⁾ О существованіи двоеперстія у южноруссовъ и другихъ православныхъ славянъ см. нашу книгу: Патр. Никонъ. 68—70.

Троеперстіе, и другія предшествовавшія ему формы перстосложенія, никогда въ Греціи не вводились путемъ законодательнымъ, съ помощію какихъ либо соборныхъ постановленій, правилъ и принудительныхъ предписаній. То или другое перстосложеніе было только обычаемъ, оно возникло и распространялось, какъ обычай, постепенно, мало по малу и, какъ всякій обычай, съ теченіемъ времени, по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, видоизмѣнялось, переходя изъ одной формы въ другую, причемъ греки естественно никогда не смотрѣли на ту или другую форму перстосложенія какъ на что-то разъ опредѣленное, неизмѣняемое, равное по своей цѣнности самому вѣроученію—это только обычай, не болѣе. Троеперстіе, появившееся у грековъ не ранѣе конца XII вѣка и распространившееся, какъ обычай, въ теченіи XIII вѣка, естественно отъ грековъ съ XIV и XV вѣковъ, стало переходить и къ намъ на Русь и здѣсь находить себѣ послѣдователей. Но на Руси троеперстіе встрѣтилось съ ранѣе повсюду существовавшимъ у насъ уже нѣсколько столѣтій двоеперстіемъ, къ которому русскіе привыкли, и что главное и особенно важно—не смотрѣли на него, подобно грекамъ, какъ на измѣняющійся съ теченіемъ времени церковный обычай. Русскіе приняли всѣ церковные обряды и чины отъ грековъ въ готовомъ видѣ и были убѣждены, что они—церковные обряды и чины обязаны своимъ происхожденіемъ или самому Христу, или апостоламъ, или цѣлымъ соборамъ—вселенскимъ и помѣстнымъ, или хотя бы и отдѣльнымъ позднѣйшимъ лицамъ, но обязательно святымъ, находившимся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Божественной силы. Церковные чины и обряды, какъ имѣющіе божественное происхожденіе, сразу явились обязательно въ извѣстной строго-опредѣленной формѣ, которая повсюду, поэтому, должна быть одна и таже, и, какъ божественнаго происхожденія, не допускаетъ въ себѣ никакихъ измѣненій и потому не можетъ быть въ православной церкви не единообразна. Перстосложеніе для крестнаго знаменія ввелъ или Христосъ или апостолы—и тотъ, кто его ввелъ въ употребленіе, далъ, конечно, не нѣсколько формъ перстосложенія сразу, а только одну опредѣленную, которая и должна быть для всѣхъ обязательна, какъ божественная по своему происхожденію. И святую пѣснь аллилуію если велѣно пѣть,

то только опредѣленнымъ образомъ: или двоить или троить, но не то и другое вмѣстѣ. При этомъ въ каждомъ церковномъ обрядѣ и чинѣ, подъ внѣшней, разъ строго опредѣленной формой, заключенъ всегда опредѣленный точный смыслъ, и если они поучительны, назидательны и спасительны для вѣрующихъ, то только подъ условіемъ сохраненія ихъ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ они произошли. Значить, по своему происхожденію, смыслу и назначенію церковные чины и обряды *должны быть* всегда одинаковы во всей вселенской православной церкви; измѣнить ихъ, значить наложить руку на данное самимъ Богомъ, значить измѣнить заключенный въ нихъ смыслъ и тѣмъ отнять отъ нихъ присущую имъ спасительность для человѣка, значить божественное установленіе замѣнить своимъ человѣческимъ, и тѣмъ совершить ужасное нечестіе. Когда, поэтому, къ намъ стало проникать изъ Греціи троеперстіе и русскіе увидѣли, что есть нѣкоторая разность въ перстосложеніи между греческою и русскою церквями, чего, по ихъ представленію, никакъ не должно бы быть, то у нихъ невольно возникъ вопросъ: откуда и какъ могло произойти подобное невозможное явленіе? Ясно, казалось имъ, одно, что кто-то въ этомъ случаѣ грѣшитъ—или греки, или русскіе. А такъ какъ подобный вопросъ возникъ у русскихъ уже послѣ паденія Константинополя и принятія греческимъ императоромъ и самимъ константинопольскимъ патріархомъ флорентійской уніи, то русскіе и порѣшили, что относительно перстосложенія погрѣшили не они, а греки, почему и постарались всѣми мѣрами оградить и укрѣпить неизмѣняемость своего стараго двоеперстія, торжественно провозгласивъ на Стоглавомъ соборѣ: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христось, да есть проклятъ“. Такъ случилось, что когда у грековъ вошло во всеобщій обычай троеперстіе, русскіе не только остались при старомъ греческомъ двоеперстіи, но и признали послѣднее единственно православною и потому для всѣхъ обязательною формою перстосложенія, а греческое троеперстіе новшествомъ, вошедшимъ въ практику греческой церкви подъ вліяніемъ латинства уже въ послѣднее время.

Возвращаемся къ прерванному нами разсказу о клятвѣ на двоеперстниковъ, торжественно провозглашенной и соб-

ственноручною подписью засвидѣтельствованной антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ, никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ и молдавскимъ митрополитомъ Гедеономъ.

Безъ всякихъ предварительныхъ изысканій, безъ всякаго уваженія къ исторической правдѣ, восточные іерархиями—собиратели, совершенно голословно и бездоказательно, вопреки истинному духу и пониманію церковію ученія Христа, первые провозгласители у насъ изначальное русское двоеперстіе въ крестномъ знаменіи армянскимъ еретическимъ перстосложеніемъ, и первые произнесли анаѣму на всѣхъ держащихся двоеперстія. И это дѣлали они смѣло, рѣшительно, съ авторитетомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній и возраженій, какъ будто провозглашенное ими о двоеперстіи было дѣйствительно святою, непререкаемою, для всѣхъ очевидно истиною. Ихъ—высшихъ архипастьрей, нисколько не смущала и не тревожила мысль, что поступая такъ легкомысленно, такъ грубо—рѣзко оскорбляя своихъ милостивцевъ русскихъ, они вносятъ въ русскую, дотолѣ единую православную церковную среду, раздоры, раздѣленія и прямо—церковный расколъ. Очевидно пришлецы имѣли въ виду только выслужиться предъ всемогущимъ московскимъ патріархомъ, только заработать себѣ возможно щедрую милостыню, а какъ, какою цѣною—они надъ этимъ не задумывались ¹⁾. Конечно голосъ этихъ заѣзжихъ слу-

¹⁾ Діаконъ Павелъ Алепскій, племянникъ антиохійскаго патріарха Макарія, описавшій совмѣстное свое путешествіе съ дядей въ Москву, откровенно сознается, что цѣлю ихъ пребыванія въ Москвѣ было обогащеніе отъ русскихъ. Онъ рассказываетъ на примѣръ слѣдующее: „Царь прислалъ патріарху (Никону, во время своего похода на Польшу) болѣе ста облаченій и мантій, принадлежащихъ армянамъ и іезуитамъ, говоря ему: „дѣлай съ ними что хочешь,“ ибо считалъ ихъ нечистыми—таково убѣжденіе московитовъ. Получивъ ихъ, патріархъ не нашелъ для нихъ лучшаго употребленія, какъ украсить трапезную монастыря и сидѣнья въ церкви. Удивительно, что они даже не сняли съ нихъ серебряныя пуговицы и крючки! Мы пожалѣли о нихъ, ибо даже идолопоклонники освящаются крещеніемъ, и эти матеріи, если они будутъ окроплены святой водой, развѣ не освятятся и не станутъ годными для церковныхъ облаченій? Но такихъ порядковъ держатся московиты, несомнѣнно потому, что у нихъ изобиліе богатствъ. Развѣ мы, въ своей странѣ, не взяли бы парчевыхъ одеждъ, даже если бы ихъ носили евреи, и не передѣлали въ священническія облаченія? разумѣется, взяли бы, по ихъ

чайныхъ милостынесобирателей былъ далеко не то, что голосъ цѣлаго константинопольскаго патріаршаго собора, который, какъ мы видѣли, къ вопросу о перстосложеніи отнесся очень осторожно, не только не призналъ двоеперстія какимъ-то неправымъ, или армянскимъ перстосложеніемъ, но представлялъ русскимъ полную свободу употреблять или свое старое двоеперстіе, или тогдашнее греческое троеперстіе, такъ какъ то и другое одинаково правы и безразличны для вѣры, если только съ ними соединяется правое ученіе. Но Никону хотѣлось вѣрить заѣзжимъ милостынесобирателямъ, а не голосу Константинопольскаго собора, такъ какъ ему нужно было своихъ враговъ—стойкихъ и горячихъ защитниковъ двоеперстія, заклеить именемъ еретиковъ, доказать всѣмъ, что правъ онъ Никонъ, а не его враги и порицатели. Благодаря пришлецамъ — милостынесобирателямъ Никонъ вполне достигъ своей цѣли и притомъ такъ, что первое торжественное проклятіе на двоеперстниковъ—его личныхъ враговъ, было произнесено не имъ, а лицами совершенно сторонними, на которыхъ дѣйствительно и падаетъ главная тяжесть отвѣтственности за дальнѣйшія смуты въ русской церкви.

Опираясь на авторитетъ и поддержку антиохійскаго патріарха Макарія и другихъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ, на торжественно провозглашенное ими проклятіе на двоеперстниковъ, Никонъ рѣшается нанести своимъ врагамъ послѣдній ударъ,—подвергнуть ихъ, какъ еретиковъ, окончательному отлученію отъ церкви и проклятію. 23 апрѣля 1656 года онъ созываетъ въ Москвѣ соборъ изъ русскихъ святителей и обращается къ собору съ обширною рѣчью, въ которой указываетъ на побужденія, заставившія его приняться за исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, сообщаетъ, что и какъ онъ дѣлалъ это

рѣдкости и дороговизнѣ. Дай Богъ, чтобы они подарили ихъ нашему владыкѣ патріарху, дабы передѣлать ихъ въ облаченія и раздать архіереямъ и священникамъ въ нашей странѣ, кои въ нихъ столь нуждаются. Но если бы онъ заговорилъ съ ними объ этомъ и сталъ просить ихъ, то низко упалъ бы въ ихъ глазахъ, и они сказали бы: „смотрите, какъ мала ихъ вѣра“! Впрочемъ, добродушно замѣчаетъ Павелъ, если Богу угодно, *да попуститъ Онъ, что бы они разгнѣвались на насъ, лишь бы Онъ обогатилъ насъ чрезъ насъ!*“ (Муркосъ, вып. 3, стр. 62).

доселѣ, и особенно просилъ соборъ заняться вопросомъ о двоеперстїи, такъ какъ, объясняя оный собору, соединенїемъ, по Θεодоритову писанїю, великаго перста съ двумя малыми неправо, будто бы, исповѣдуется таинство пресвятыя Троицы, а совокупленїемъ двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуется таинство воплощенїа; указалъ на соборное посланїе Константинопольскаго патріарха Паисїа, какъ на осуждающее будто бы двоеперстїе, но главнымъ образомъ сослался, какъ и слѣдовало ожидать, на толкованїе антїохійскимъ патріархомъ Макаріемъ извѣстнаго сказанїя о св. Мелетїи антїохійскомъ, сдѣланное имъ въ церкви Чудова монастыря; на проклятїе, которое изрекли въ Успенскомъ соборѣ восточные святители на крестящихся двоеперстно, и на письменное изложенїе ими самаго проклятїа, и, въ заключенїе, просилъ и русскихъ святителей высказать и свое рѣшительное слово о томъ же предметѣ. Рѣчь Никона и весь предшествующій ходъ дѣла ясно показывалъ, чего хотѣлъ Никонъ отъ русскихъ святителей. Имъ оставалось только признать и оформить уже совершившейся фактъ, почему и составилось слѣдующее соборное опредѣленїе по вопросу, въ рѣшенїи котораго въ ту или другую сторону такъ сильно былъ заинтересованъ Никонъ: „аще кто отселѣ, вѣдый, не повинится творити крестное изображенїе на лицѣ своемъ, якоже древле святая восточная церковь прїяла есть и якоже нынѣ четыре вселенстїи патріархи, со всѣми сущими подъ ними христїаны, повсюду вселенныя обращающимися, имѣють, и яко же здѣ прежде православнїи содержаша, до напечатанїа слова Θεодоритова въ псалтыряхъ со возслѣдованїемъ московскїа печати, еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образъ святаго и единосущнаго и нераздѣльнаго и равнопоклоняемаго Троицы, но имать творити сіе непрїятное церкви, еже соединя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, *въ нихъ же не равенство святыя Троицы извѣщается, и два великосредня протерта суща, въ нихъ же заключати два сына и два состава, по Несторїевѣ ереси*, или инако изображати крестъ: сего имама, послѣдующе св. отецъ седми вселенскихъ соборъ и прочїихъ помѣстныхъ правиломъ и св. восточнаго церкви четверемъ вселенскимъ патріархомъ,—всячески отлученна отъ церкви вкупе и съ писанїемъ Θεодоритовымъ, яко

и на пятомъ (соборѣ) прокляша его ложная писанія на Кирилла архіепископа александрійскаго и на правую вѣру, сущая по Несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы“.

Приведенное соборное опредѣленіе было внесено въ „Скрижаль“, которую соборъ, по предложенію Никона, разсмотрѣлъ и одобрилъ къ печати, внесена была и напечатана и рѣчь Никона къ собору. Можно думать, что между членами этого собора были конечно лица, настолько-то знакомые съ своимъ церковнымъ не особенно уже далекимъ прошлымъ, которые навѣрное знали, что двоеперстіе существовало на Руси вовсе не со времени внесенія слова Θεодорита въ Псалтырь съ возслѣдованіемъ московской печати, а гораздо ранѣе; что двоеперстію училъ Максимъ Грекъ и его противникъ—митрополитъ Даніиль, что Стоглавый соборъ узаконилъ двоеперстіе окончательно, конечно потому, что за такое именно перстосложеніе говорила собору, вся извѣстная ему русская древность, большимъ знатокомъ, любителемъ и собирателемъ которой былъ предсѣдатель Стоглаваго собора митрополитъ Макарій, человекъ для того времени очень свѣдушій во всей русской старинѣ. Конечно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ членовъ собора, вѣроятно было очень трудно и тяжело признавать, что двоеперстіе заключаетъ въ себѣ неправославное ученіе о св. Троицѣ и ересь несторіанскую,—такъ какъ всѣ члены собора, не исключая и самого Никона до патріаршества, крестились доселѣ двумя перстами, вовсе не соединяя съ этимъ какого либо неправаго ученія о св. Троицѣ и ни мало не склоняясь, ради этого, въ несторіанскую ересь. Но подъ вліяніемъ подавляющаго примѣра бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ святителей и, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ страшнаго и скорога на самую суровую расправу Никона, мнѣніе котораго къ тому же имъ ранѣе заявлено было настолько ясно и опредѣленно, что не допускало никакихъ сомнѣній и возраженій, имъ оставалось одно: или безусловно подчиниться желанію Никона, или же, по всѣмъ памятному примѣру Павла Коломенскаго, послѣ позора и истязаній, отправиться въ заточеніе. Естественно было, что святители избрали для себя первый путь—путь полнаго смиреннаго подчиненія желаніямъ Никона, хотя бы это и не согласно было съ ихъ личными убѣжденіями.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, враги Никона и его реформы могли смотрѣть и на соборъ 1656 года такъ же, какъ и на предшествующіе т. е. какъ на личное только дѣло Никона и его друзей—восточныхъ іерарховъ—милостыне-собирателей, тѣмъ болѣе, что присутствовавшій на этомъ соборѣ и подписавшійся подъ его дѣяніями вятскій епископъ Александръ, въ послѣдствіи открыто выражалъ свои сомнѣнія въ правильности произведенныхъ Никономъ церковныхъ реформъ.

Пользуясь присутствіемъ въ Москвѣ антиохійскаго патріарха Макарія, поощряемый имъ и опираясь на его авторитетъ, Никонъ спѣшилъ провести и другія перемѣны въ нашемъ церковномъ чинѣ и обрядѣ, чтобы достигнуть ихъ полного соотвѣтствія съ тогдашнею греческою церковною практикою. Онъ просилъ Макарія не опускать изъ вниманія и исправленія ни одной ошибки, ни одного отступленія, какія только онъ замѣтитъ въ нашей церковной практикѣ. Павелъ Алепскій свидѣтельствуетъ, какъ очевидецъ: „Никонъ постоянно просилъ нашего учителя (т. е. п. Макарія), говоря ему: „если что найдешь достойное порицанія въ чинѣ нашихъ обрядовъ, скажи намъ объ этомъ, дабы мы поступали, какъ должно“, и, обыкновенно, принималъ его совѣтъ съ величайшимъ вниманіемъ“. Или, напримѣръ, Павелъ говоритъ: „Никонъ всегда предлагалъ нашему владыкѣ патріарху (т. е. Макарію), когда онъ служилъ съ нимъ, совершать рукоположеніе, ибо искалъ въ этомъ пользы, чтобы видѣть чьи обряды лучше, и постоянно спрашивалъ его о всякомъ предметѣ, дабы извлечь для себя пользу“. Макарію дѣйствительно очень ревностно старался указывать Никону, „на недостатки и неблагоприличныя дѣйствія, существующія у русскихъ“, какъ выражается Павелъ Алепскій, а Никонъ, съ своей стороны, немедленно приводилъ въ исполненіе указанія Макарія, смѣло передѣлывая русскую церковную старину на современный греческій ладъ. Какъ это иногда происходило, помимо выше указанныхъ случаевъ, видно и изъ слѣдующаго разсказа Алепскаго: „патріархъ Никонъ постоянно просилъ нашего учителя написать для него чинъ обновленія храма и весь порядокъ этаго чина, согласно обряду грековъ... дабы онъ могъ видѣть, согласуется-ли таковой съ ихъ обрядомъ. По этому поводу мы

очутились въ большомъ затрудненіи, потому что чинъ „обновленія храма“ не содержится въ печатныхъ греческихъ Евхологіяхъ, ни въ арабскихъ, ни въ иныхъ, но совершенно отсутствуетъ въ нихъ, ибо, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, нашъ учитель не нашелъ его ¹⁾... Проискавъ долгое время, мы нашли, по наитію свыше, въ одной изъ книгъ Св. Горы, древнее греческое сочиненіе по этому предмету, и нашъ владыка патріархъ съ большимъ трудомъ перевелъ его съ греческаго на арабскій. Какъ только онъ кончилъ это, патріархъ Никонъ, по собственному побужденію, пришелъ къ нему подъ вечеръ въ понедѣльникъ Пятидесятницы и просилъ его освятить церковь и совершить всю службу по-гречески... За службой присутствовалъ архидіаконъ московскаго патріарха съ нѣсколькими писцами, *чтобы записать весь чинъ*“. Иногда же дѣло происходило проще т. е. Макарій дѣлалъ указанія Никону единственно только на основаніи того, какъ самъ зналъ и представлялъ себѣ извѣстное церковное дѣйствіе и Никонъ, руководствуясь его указаніемъ, безъ всякаго изслѣдованія и провѣрки, немедленно производилъ ту или другую перемѣну въ какомъ либо русскомъ церковномъ чинѣ. Такъ въ Великій четвергъ (1655 г.) въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи обоихъ патріарховъ, все было приготовлено къ совершенію чина елеосвященія, причемъ въ большую чашу налито было одно масло, а рядомъ съ нею поставленъ былъ кувшинъ съ виномъ и еще чаша наполненная пшеницей“. Когда патріархъ Никонъ, рассказываетъ Алепскій, спросилъ у нашего владыки, все-ли въ этомъ обрядѣ сдѣлано какъ слѣдуетъ, тотъ отвѣтилъ: „да, но одного только не хватаетъ, при этихъ словахъ онъ взялъ кувшинъ съ виномъ и налилъ на масло, какъ велитъ Ветхій Заветъ и Святое Евангеліе, гдѣ говорится, что Господь—да будетъ благословенно имя Его!—

---

¹⁾ Это свидѣтельство Павла алепскаго очень важно въ томъ отношеніи, что оно прямо и рѣшительно свидѣтельствуетъ, что Макарій указывалъ Никону на неправильности русскихъ чиновъ и обрядовъ только на основаніи сличенія ихъ съ тогдашнимъ печатнымъ греческимъ Евхологіемъ, и Никонъ, исправляя наши чины и обряды по указаніямъ Макарія, на самомъ дѣлѣ исправлялъ ихъ по тогдашнимъ печатнымъ греческимъ книгамъ, какія тогда были на рукахъ у самого Макарія, или у другихъ бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ.

излилъ на раны человѣка, впавшаго въ руки разбойниковъ, вино вмѣстѣ съ масломъ. Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и остался доволенъ“ ¹⁾).

Однажды только Никонъ не согласился съ указаніями и настояніями патріарха Макарія и поступилъ самостоятельно. Это именно въ вопросѣ объ освященіи воды въ праздникъ Богоявленія. Убѣдившись изъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, что въ древнее время освященіе воды въ праздникъ Крещенія Господня совершалось одинъ разъ и именно: въ навечеріи праздника, и не въ церкви, а на рѣкѣ, Никонъ издалъ по этому поводу слѣдующее соборное постановленіе: „мы убо, по даннѣй благодати намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа, должны есмы, послѣдующе святымъ и богоноснымъ отцемъ, погрѣшенное отъ нѣкоторыхъ невѣждъ, исправить, да твердъ и непоколебимъ чинъ святыхъ восточныхъ церкви соблюдается, якоже и о чинѣ въ навечеріи святыхъ Богоявленій, како исходити ко крестильницѣ, въ греческихъ древнихъ и въ русскихъ старыхъ харатейныхъ уставѣхъ писано. И аще кто, по семъ нашемъ завѣщаніи, дерзнетъ инако мудрствовать, и не въ навечеріи святаго Богоявленія водоосвященіе дѣйствовать,—еже есть въ 5 день іануарія,—якоже святіи отцы уставили и затвердили, но на самый праздникъ святаго Богоявленія дѣйствовать, яко же и прежде, не повинуюсь отеческому преданію, да будетъ церковной казни повиненъ, еже есть: проклятію и отлученію“ ²⁾. Противъ такого образа дѣйствій Никона по данному вопросу рѣшительно возсталъ патріархъ Макарій. Павелъ Алепскій рассказываетъ: „въ праздникъ крещенія, когда Никонъ намѣревался совершить службу водоосвященія только одинъ разъ и когда это его намѣреніе дошло до свѣдѣнія нашего владыки патріарха, послѣдній отправился къ нему и убѣждалъ его, что такое дѣйствіе неправильно... но въ этомъ случаѣ Никонъ не захотѣлъ послушать (Макарія), отвергнувъ его авторитетъ по сему предмету. Царь, между тѣмъ, думалъ, что Никонъ, именно по совѣту нашего владыки патріарха, совершилъ обрядъ такъ, какъ совершилъ

¹⁾ Муркосъ, вып. IV, стр. 169, 179—180; вып. III, стр. 50—51, 181.

²⁾ Рукопись библ. моск. духовн. академіи: Подлинное дѣло о судѣ надъ Никономъ, л. 383.

его; но теперь, когда до его свѣдѣнія дошло, что дѣло было наоборотъ, онъ поспорилъ съ нимъ и выбранилъ его, назвавъ *мужикъ бл...нъ сынъ*, т. е. глупый крестьянинъ. Патріархъ сказалъ ему: „я твой духовный отецъ, зачѣмъ же ты оскорбляешь меня?“ На что царь отвѣчалъ: „не ты мой отецъ, а святой патріархъ антиохійскій воистину мой отецъ“.... Этотъ рассказъ Алепскаго о ссорѣ царя съ Никономъ, при чемъ царь будто бы обругалъ Никона, есть конечно просто сплетня, составленная недоброжелателями Никона и которую Павелъ, самъ не бывший свидѣтелемъ этаго событія, подхватилъ у какого нибудь болтуна, желавшаго этимъ понравиться антиохійцамъ ¹⁾. Никонъ, не смотря на всѣ убѣжденія Макарія сохранить прежній чинъ водоосвященія т. е. совершать его по прежнему дважды: въ навечеріи крещенія въ церкви и на рѣкѣ въ самый день крещенія, остался при своемъ мнѣніи, какъ обязательномъ для всей русской церкви. Впослѣдствіи соборъ 1667 года сдѣлалъ по этому вопросу такое постановленіе: „повелѣніе же и клятву, еже неразумно положию Никонъ, бывший патріархъ, о дѣйствѣ освященныя воды на святыхъ Богоявленій, еже дѣйствовати единощи, точію въ навечеріи, разрѣшаемъ и разрушаемъ и въ ничтоже вмѣняемъ. Повелѣваемъ же и благословляемъ творити по древнему обычаю святыхъ восточныхъ церкви и по преданію святыхъ и богоносныхъ отцевъ: въ навечеріи дѣйствовати освященіе святыхъ водъ въ церквахъ, и по утрени—на рѣкѣ,

¹⁾ Муркосъ, вып. IV, стр. 169. Въ этомъ извѣстіи справедливо только то, что тишайшій и благочестивѣйшій государь Алексѣй Михайловичъ, по обычаю тогдашняго времени, позволялъ себѣ публично браниться даже въ церкви во время богослуженія. Очень характерный въ этомъ отношеніи рассказъ мы находимъ у очевидца событія—Павла Алепскаго. Царь и антиохійскій патріархъ Макарій слушали всенощную въ Саввинѣ монастырѣ, куда они пріѣхали на богомолье. Кончили службу, рассказыываетъ Павелъ, и чтець началъ первое чтеніе изъ житія святаго, сказавъ по обычному началъ: „*благослофи оче*“, какъ обычно говорятъ настоятелю. Въ это время царь сидѣлъ на креслѣ, а нашъ учитель на другомъ. Вдругъ царь вскакиваетъ на ноги и съ бранью говоритъ чтецу: „*што кафары, мужикъ бл...нъ сынъ* (въ этой странѣ у патріарха, царя и вельможъ главное ругательство, обыкновенно: „*мужикъ, бл...нъ сынъ*“ т. е. крестьянинъ, безумный, а слова: *што кафары* значать, „что ты говоришь“): *благослофи, оче? и тутъ есть батріархъ, скажу: благослофи фладико*“ т. е. „зачѣмъ ты говоришь: благослови, отче? тутъ патріархъ, скажи: благослови владыко“. (Ibid. стр. 126).

яко же повелѣвають и вси церковныя уставы тѣже молитвы глаголати и дѣйствовати“¹⁾. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что правда была на сторонѣ Никона, когда онъ утверждалъ, что древняя христіанская церковь знала только одно водоосвященіе—въ навечеріи Богоявленія, такъ какъ этотъ чинъ, выродившійся изъ обычая крестить оглашенныхъ въ ночь Богоявленія, дѣйствительно въ древней христіанской церкви совершался только одинъ разъ и именно—въ навечеріи Богоявленія. Такъ продолжалось до XI—XII вѣка, когда сталъ вводиться обычай двойнаго освященія воды: въ навечеріи въ церкви, а въ день праздника на рѣкѣ. Никонъ Черногорецъ для двукратнаго освященія воды не находитъ оправданія и основаній ни въ письменныхъ источникахъ, ни въ практикѣ великой церкви, ни въ уставахъ—іерусалимскомъ и студійскомъ. Въ славянскихъ уставахъ іерусалимской редакціи говорится то о двукратномъ, то объ однократномъ водоосвященіи. Въ греческой церкви обычай двукратнаго водоосвященія окончательно возобладалъ, съ теченіемъ времени, надъ однократнымъ и сдѣлался всюду господствующимъ. Но, очевидно, сравнительно съ однократнымъ водоосвященіемъ, онъ былъ обычаемъ новымъ, не смотря на его всеобщую распространенность²⁾.

Передѣлывая русскіе церковные чины и обряды по указаніямъ антиохійскаго патріарха Макарія, Никонъ рѣшился воспользоваться услугами послѣдняго, чтобы старый русскій клубукъ перемѣнить на новый греческій, и это потому, что старые русскіе клубуки были некрасивы, тогда какъ греческій клубукъ очень шелъ къ Никону т. е. дѣлалъ его на видъ красивѣе. Естественно, что Никонъ самъ стѣснялся произвести эту реформу, зналъ, что она вызоветъ противъ него всеобщее неудовольствіе, но искушеніе украсить свою голову болѣе красивымъ греческимъ клубукомъ было такъ велико, что онъ вошелъ поѣтому случаю въ заговоръ съ патріархомъ Макаріемъ и научилъ его какъ дѣйствовать, чтобы прилично для своего патріаршаго достоинства достигнуть желанной цѣли. Объ этомъ казусѣ подробно рассказы-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 237—238.

²⁾ И. Д. Мансветова: Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви, стр. 156—159, 178, 278.

ваетъ соучастникъ въ дѣлѣ—Павель Алепскій. „Патріархъ Никонъ, говорятъ онъ, имѣя большую любовь къ греческимъ камилавкамъ и клобукамъ, сдѣлалъ себѣ нынѣ новый бѣлый клобукъ, по покрою клобуковъ греческихъ монаховъ, только надъ глазами вышить золотомъ и жемчугомъ херувимъ. Клобуки московскихъ монаховъ, ихъ архіереевъ и патріарха, весьма некрасивы: всѣ они вязаны изъ шерсти, не имѣютъ камилавокъ, но пришиты къ скуфьямъ безъ кружка, а съ мѣховой опушкой. Клобуки монаховъ очень велики, закрываютъ глаза и уши и ниспадаютъ на плечи: изъ подъ нихъ едва различить ихъ лица... Зная любовь къ себѣ царя, и пользуясь присутствіемъ нашего учителя, одного изъ вселенскихъ патріарховъ, Никонъ переговорилъ сначала съ нимъ и тайнѣ передалъ ему въ алтарѣ упомянутый клобукъ, какъ обыкновенно, съ камилавкой, прося его похотѣйствовать предъ царемъ, чтобы тотъ возложилъ ихъ на него, Никона, ибо онъ сильно опасался, какъ бы міряне не стали говорить ему: „ты уничтожилъ древній нашъ обычай и одѣяніе нашихъ первыхъ святыхъ архіереевъ“. Такъ это и случилось съ нимъ потомъ, именно: когда онъ надѣлъ новый клобукъ, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, изъ боязни царя. Нашъ учитель, подойдя къ царю, сказалъ ему такъ: „насъ четыре патріарха въ мірѣ и одѣяніе у всѣхъ насъ одинаково; съ нашего разрѣшенія поставленъ этотъ братъ нашъ патріархомъ московскимъ, въ равномъ достоинствѣ съ римскимъ папой, признакъ коего тотъ, что онъ отличается отъ насъ бѣлымъ одѣяніемъ. Если угодно твоему царскому величеству, я желалъ бы надѣть на него эту камилавку и клобукъ, которые сдѣлалъ для него вновь, что бы онъ носилъ ихъ подобно намъ“. Царь, по своей великой любви къ патріарху Никону, былъ очень радъ и отвѣчалъ нашему учителю: „*батюшка добро!* т. е. хорошо, принялъ отъ нашего учителя, поцѣловалъ, велѣлъ Никону снять старые клобукъ и камилавку и надѣлъ на него новые. Когда онъ возложилъ ихъ на патріарха, лицо послѣдняго засіяло: этотъ греческій уборъ очень шелъ къ нему, прежній же, какъ мы сказали, безобразилъ ихъ, будучи скуфьей, а не камилавкой, и съ клобукомъ малымъ, короткимъ и стянутымъ. Патріархъ былъ очень радъ, но присутствующіе архіереи, настоятели монастырей, священники и міряне, видя это, сильно возроп-

тали на Никона и говорили: „смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они привяли по внушенію Святаго Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ св. Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по московски, онъ сдѣлался грекомъ“. Народъ въ послѣдствіи сильно негодовалъ на него, но втайнѣ, изъ страха предъ царемъ. Подъ конецъ всѣ архіереи и монахи пожелали перемѣнить свое прежнее одѣяніе, которое дѣлало ихъ смѣшными“ ¹⁾).

Это безцѣльное, и по существу конечно довольно безобидное, переодѣванье Никона, удовлетворяя его личному эстетическому вкусу, вызывало одноко, какъ слишкомъ бросающееся въ глаза и видимое всѣми ненужное новаторство, сильное неудовольствіе на него въ народѣ, давало лишній поводъ его противникамъ нападать на него, какъ на презрителя и отметателя родной святой старины, такъ какъ народъ и на самую одежду церковно-іерархическихъ лицъ смотритъ какъ на нѣчто священное, неизмѣняемое, немогущее подчиняться измѣнчивымъ требованіямъ времени и вкуса.

Сдѣланный нами краткій обзоръ исключительно церковно-обрядовой реформаторской дѣятельности Никона показываетъ, что Никонъ, подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ на него пріѣзжавшихъ въ Москву восточныхъ іерарховъ—милостыне собирателей, пришелъ къ убѣжденію, будто церковные чины и обряды, которыми русскіе порознились съ современными греками, были нововодные, несогласные съ истинно православными древними чинами и обрядами, которые въ ихъ первоначальномъ видѣ сохранились именно у современныхъ грековъ. Усвоивши себѣ такой взглядъ на особенности русскаго церковнаго чина и обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, Никонъ логически неизбежно долженъ былъ придти къ мысли немедленно заняться исправленіемъ всего, что въ русской церкви было нововоднаго, испорченнаго, неправдаго,—это былъ, очевидно, его прямой долгъ и обязанность, какъ архипастыря русской церкви. А такъ какъ Никонъ на обрядъ смотрѣлъ, какъ и большинство тогдашнихъ русскихъ т. е. приравнивалъ его къ вѣроученію,

---

¹⁾ Муркосъ, вып. IV, стр. 107—109.

то и считалъ себя прямо обязаннымъ показать свою архипастырскую ревность прежде всего на исправленіи неправаго, по его мнѣнію, русскаго обряда, изъ опасенія, какъ бы изъ за неправаго обряда не замутилось на Руси самое православіе и вся страшная отвѣтственность за это не пала на него—Никона патріарха. Конечно, если бы Никонъ подошелъ къ затронутому имъ вопросу о правотѣ или неправотѣ русскаго обряда инымъ путемъ, именно: путемъ предварительнаго болѣе или менѣе тщательнаго изслѣдованія и изученія своей и греческой старины, то, вѣроятно, онъ пришелъ бы и къ другому взгляду на особенности русскаго церковнаго обряда и иначе бы, конечно, сталъ проводить тогда и свою церковную реформу, не слѣдуя рабски за указаніями восточныхъ іерарховъ милостыне-сбирателей. Такъ онъ дѣйствительно и поступилъ въ вопросѣ объ освященіи воды въ Богоявленіе, когда отказался послѣдовать настояніямъ антиохійскаго патріарха Макарія потому именно, что изъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ убѣдился, что въ древнее время освященіе воды въ Богоявленіе совершалось только одинъ разъ, а не два, какъ увѣрялъ и настаивалъ патріархъ Макарій. Но, къ сожалѣнію, путь самостоятельнаго изученія греческой и русской церковной старины для Никона, вовсе не получившаго какого либо правильнаго, а тѣмъ болѣе научнаго образованія, былъ рѣшительно недоступенъ, и потому онъ по необходимости принималъ на вѣру неосновательныя и прямо иногда несправедливыя заявленія своихъ случайныхъ руководителей, будто особенности русскаго церковнаго чина и обряда представляютъ изъ себя нововведеніе, искаженіе древняго церковнаго чина и обряда, и, при этомъ, искаженіе чуть-ли не еретическое. Не вѣрять своимъ руководителямъ и учителямъ, людямъ болѣе его свѣдущимъ и образованнымъ, какими они представлялись ему—простому начетчику, онъ не имѣлъ сколько-нибудь серьезныхъ данныхъ. Конечно, соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія могъ бы раскрыть Никону глаза на значеніе въ христіанской церкви обряда вообще и уяснить ему истинный смыслъ и полную ненужность нѣкоторыхъ его обрядовыхъ реформъ; но важность этихъ отвѣтовъ константинопольскаго патріарха парализовалась присутствіемъ въ Москвѣ антиохійскаго патріарха Макарія и другихъ восточ-

ныхъ іерарховъ—милостынесобирателей, которые усердно поддерживали Никона въ его стремленіи исправлять русскіе нововводные чины и обряды, служили ему авторитетными совѣтчиками и руководителями, всегда готовыми оправдать и подкрѣпить своимъ авторитетомъ всё его самыя рѣзкія и необдуманная мѣры, направленные на уничтоженіе въ русскомъ церковномъ обрядѣ и чинѣ всего, что въ немъ было несогласнаго съ тогдашнимъ греческимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ. Подчиняясь указаніямъ и руководству этихъ случайныхъ пришлецовъ, ихъ голосъ принимая за голосъ всей греческой церкви, не имѣя сомнѣній въ правильности и полной компетентности ихъ указаній, Никонъ, по крайней мѣрѣ въ то время, искренно вѣрилъ, что своими церковно-обрядовыми реформами онъ дѣйствительно спасаетъ русскую церковь отъ серьезной грозившей ей опасности исказить истинное православіе. Эта увѣренность, что онъ дѣлаетъ великое и святое дѣло—спасаетъ отъ искаженія русское православіе, побуждала Никона дѣйствовать въ своихъ реформахъ быстро, рѣшительно и энергично, не обращая вниманія на раздававшіеся повсюду вокругъ его протесты, обвиненія въ новаторствѣ и чуть не еретичествѣ, заставляла его пренебрегать и общественнымъ мнѣніемъ, очень ему враждебнымъ, и личную безопасность, которой угрожало возникшее противъ него сильное раздраженіе,—всякія колебанія, нерѣшительность и медленность, казалось ему, вовсе неумѣстны въ такомъ важномъ и святомъ дѣлѣ.

Очевидно у Никона не хватало одного, но очень важнаго для него, какъ реформатора, качества: онъ не имѣлъ о своемъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, надлежащаго правильнаго представленія, онъ дѣйствовалъ, правда, очень искренно и съ большимъ увлеченіемъ, но дѣйствовалъ по подсказкамъ другихъ, подъ ихъ руководствомъ и по ихъ указаніямъ, благодаря чему и его собственное отношеніе къ своей реформѣ впоследствии, когда онъ приобрѣлъ болѣе вѣрный взглядъ на нее, значительно, какъ увидимъ ниже, измѣнилось. Въ виду этого, главная доля отвѣтственности какъ за самый церковно-обрядовой характеръ реформы Никона, такъ значительно и за характеръ ея выполненія, падаетъ на его совѣтчиковъ и руководителей восточныхъ іерарховъ—милостынесобирателей и изъ нихъ, по преимуществу и глав-

нымъ образомъ, на антиохійскаго патріарха Макарія. Послѣдній своими совѣтами и указаніями, своимъ публичнымъ словеснымъ и письменнымъ заявленіямъ, что двоеперстіе есть армянская ересь, своей торжественно провозглашенной анаемой на двоеперстіе, и другими подобнаго рода дѣйствіями, необходимо не только вводилъ Никона въ обманъ, но и принималъ въ обрядовыхъ реформахъ Никона настолько живое и дѣятельное участіе, что Никонъ, безъ поощренія и поддержки Макарія, едва ли бы самъ рѣшился на крутую ломку русской церковной старины. Даже болѣе. Никонъ, вѣроятно, пришелъ бы прямо въ ужасъ, если бы узналъ и убѣдился, что измѣняя русскіе обряды, какъ нововводные и неправые, онъ, въ дѣйствительности, измѣнялъ древніе православные греческіе обряды, принятые русскими отъ древнихъ грековъ и у русскихъ неизмѣнно сохранившіеся, тогда какъ позднѣйшіе греки замѣнили свои старые обряды новыми, почему между ними и русскими обрядами и явилось, съ теченіемъ времени, несогласіе. Слѣдовательно, Никонъ своими реформами не возстановлялъ старый греческій обрядъ, какъ онъ думалъ и воображалъ, но только замѣнялъ новогреческимъ обрядомъ старогреческій, сохранившійся у русскихъ.

Что слишкомъ поспѣшная и крутая ломка русскаго церковнаго обряда не вынуждалась какою либо дѣйствительною, насущною потребностію и необходимостію тогдашней нашей церковной жизни, это понятно само собою. Бѣда тогдашней религіозной жизни русскихъ заключалась вовсе не въ томъ, что русская церковь имѣла свой мѣстный чинъ и обрядъ, нѣсколько отличный, въ очень неважныхъ и безразличныхъ частностяхъ, отъ современнаго греческаго чина и обряда. Недаромъ, конечно, и соборная грамота константинопольскаго патріарха Паисія поучала Никона: „не слѣдуетъ намъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ или членовъ вѣры; лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каеолическою церковію“. Или, въ другомъ мѣстѣ та же грамота говоритъ, что мѣстныя особенности церковнаго чина и обряда не должны „производить никакого раздѣленія (въ церкви вселенской); если только сохраняется

неизмѣнно одна и та же вѣра. Это потому, что церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало-по-малу“. Значить, съ точки зрѣнія константинопольской церкви, официально выраженной въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, русская церковь всегда имѣла и имѣеть полное право на свой помѣстный обрядъ, и это нисколько не повредитъ ея единенію съ церковію греческою, поскольку обѣ онѣ остались вѣрными одному и тому же православному ученію. И такъ, повторимъ, бѣда заключалась вовсе не въ томъ, въ чемъ полагалъ ея Никонъ—что русская церковь имѣла нѣкоторые обряды не во всемъ тождественные съ современными греческими, а собственно въ томъ, что русскіе того времени, и самъ реформаторъ Никонъ, имѣли объ обрядѣ неправильное представленіе, что они свой, уже помѣстный тогда обрядъ, считали за единственно правильный и потому для всѣхъ обязательный, отъ него, какъ нормы, не только заключали о правильности или неправильности обряда во всѣхъ другихъ православныхъ церквахъ, но о православіи или неправославіи самаго содержимаго ими вѣроученія, такъ какъ иной обрядъ, по ихъ убѣжденію, указывалъ и на иное ученіе, почему они и къ православію самихъ грековъ, какъ имѣющихъ кое-какіе иные обряды, чѣмъ у русскихъ,—относились очень подозрительно. Отсюда понятнымъ становится, что отъ Никона реформатора требовалось не уничтоженія особенностей русскаго церковнаго обряда сравнительно съ тогдашнимъ греческимъ, а уничтоженія неправильныхъ представленій русскихъ объ обрядѣ, требовалось установить и уяснить имъ истинный взглядъ на обрядъ, его происхожденіе, отношеніе къ вѣроученію, значеніе въ церкви, на его историческую постепенную измѣняемость и потому неодинаковость въ извѣстное время въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ; требовалось возвысить, просвѣтить религіозно-христіанское сознание русскихъ, чтобы имъ вполне доступно и понятно было представленіе о единствѣ церкви вселенской, при существованіи обрядовыхъ разностей въ отдѣльныхъ помѣстныхъ церквахъ. А между тѣмъ церковно-обрядовая реформа Никона и не удовлетворяла нисколько этой насущной потребности русскихъ: какъ имѣвшая дѣло исключительно съ

обрядомъ, она по прежнему приковывала все вниманіе русскихъ къ обряду, къ буквѣ, а не къ духу и смыслу христіанскаго ученія, она ничѣмъ не расширяла, не углубляла и не просвѣтляла русскаго религіознаго сознанія, а только поддерживала и утверждала русскихъ въ справедливости ихъ стараго ошибочнаго представленія, что въ дѣлѣ вѣры и благочестія обрядъ играетъ самую первостепенную роль, такъ что даже самое малѣйшее измѣненіе въ обрядѣ, хотя бы уже освященное вѣковымъ его употребленіемъ въ церкви и вовсе не соединенное съ какимъ либо неправильнымъ церковнымъ ученіемъ, какъ это именно и было у русскихъ, не можетъ быть однако терпимо въ православной церкви. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, со стороны Никона было большею ошибкою начинать свою реформаторскую дѣятельность съ измѣненія русскаго церковнаго чина и обряда, выдвигать эту сторону своей реформы на первый планъ, на ней по преимуществу сосредоточивать свою энергію, не обращая при этомъ вниманія на то очевидное обстоятельство, что такая реформа, веденная притомъ исключительно сверху, съ полнымъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію, народному пониманію и заявленіямъ представителей народнаго большинства, можетъ повести къ расколу въ единой дотолѣ русской церкви ¹⁾).

¹⁾ Говоримъ все это вовсе не въ видахъ обвиненія лично Никона, котораго мнѣе всего можно обвинять за церковно-обрядовой характеръ его реформы. Вина этого заключается прежде всего въ возрѣвнѣяхъ тогдашняго русскаго общества, придававшего преувеличенно важное значеніе всякому обряду. Никонъ былъ во всемъ сынъ своего времени, и ни условія его воспитанія, ни постоянная среда, въ которой онъ вращался, не дали ему возможности разглядѣть ошибочности господствовавшего тогда у насъ взгляда на обрядъ, возвыситься надъ уровнемъ прочно установившихся въ обществѣ понятій, отнестись къ нимъ критически и выработать себѣ иныя, болѣе вѣрныя возрѣвнѣя. А между тѣмъ въ Москву являются восточные іерархи—милостыне-собиратели, сближаются здѣсь съ Никономъ и начинаютъ „зазирать“ ему, что будто бы русская церковь содержитъ неправый, чуть не еретическій обрядъ, въ родѣ армянскаго двоеперстія, и что Никону, въ интересахъ православія, слѣдуетъ всячески позаботиться исправить неправые русскіе обряды. Близко къ сердцу принявъ впечатлительный, ревностный къ православію Никонъ эти зазиранія восточныхъ іерарховъ, искренно сталъ думать, что содержимый русскою церковію неправый будто бы обрядъ, дѣйствительно угрожать серьезною опасностію русскому православію. Въ своихъ зазира-

Въ доказательство неизбѣжности и необходимости для Никона произвести именно церковно-обрядовую реформу,

теляхъ Никонъ видѣлъ людей болѣе его свѣдущихъ, образованныхъ и опытныхъ въ веденіи церковныхъ дѣлъ, и потому вполне и искренно повѣрилъ въ справедливость и истинность ихъ зазираній. Находившіеся въ Москвѣ ученые киевляне, тоже подтверждали справедливость заявленій греческихъ іерарховъ, такъ какъ и въ южно-русской церкви существовали ранѣе подобные же обряды и тоже были исправлены по образцу греческихъ, ученымъ киевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Подъ такими неотразимыми для Никона вліяніями и воздѣйствіями, при его московской вѣрѣ въ обрядъ, какъ равный вѣроученію, Никонъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ мысли о дѣйствительной испорченности нѣкоторыхъ русскихъ обрядовъ и о необходимости немедленнаго ихъ исправленія. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ Никонъ объяснять и доказывать болѣе его образованнымъ восточнымъ іерархамъ и ученымъ киевлянамъ, что они рѣшительно ошибаются въ пониманіи важности и значенія въ церкви особенностей въ обрядахъ, что они невѣрно и ошибочно принимаютъ русскій обрядъ за неправый, а русское перстосложеніе даже за армянское еретическое, тогда какъ въ дѣйствительности оно настоящее православное перстосложеніе, ранѣе употреблявшееся самою греческою церковію; невозможно было ожидать и требовать отъ Никона что бы онъ, только обыкновенный, хотя и очень даровитый московскій начѣтчикъ, незнавшій, что такое богословская и вообще наука, разъяснилъ своимъ образованнымъ зазирателямъ и совѣтчикамъ, что русская церковь, какъ и всякая другая, имѣетъ полное право на свой помѣстный обрядъ, если только не соединяетъ съ нимъ какого либо противнаго православію ученія, что и въ древнее время въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ обрядъ былъ очень не одинаковъ, однако это не мѣшало имъ держаться единого православнаго ученія и составлять единую вселенскую православную церковь. Подобныхъ разъясненій нужно было ожидать вовсе не отъ Никона, а отъ его образованныхъ и ученыхъ зазирателей и руководителей. Это была даже ихъ прямая обязанность, какъ скоро они рѣшились дѣятельно вмѣшаться въ русскія церковныя дѣла. А между тѣмъ они то именно и толкнули Никона на путь исправленій русскаго обряда, и дѣятельно поощряли и поддерживали его на этомъ пути. Для чести и оправданія Никона достаточно и того, что онъ, благодаря своему свѣтлому уму, дѣйствительно пришелъ впоследствии къ той вѣрной мысли, что старые и новоисправленные служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ, что можно одинаково держаться и стараго и новоисправленнаго обряда, и что эта вѣрная мысль Никона была потомъ усвоена и высказывалась и нѣкоторыми русскими іерархами. Такъ патріархъ Іоакимъ говорилъ впоследствии двоеперстникамъ, уже открыто возставшимъ противъ церковныхъ властей: "кто какъ хочетъ, такъ и крестится—двѣма-ли персты, трема-ли, или всею дланію, *то все едино*, лишь бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не истязуемъ (Саввы Романова, въ Лѣтописяхъ русской

указываютъ обыкновенно на то, что будто бы дальнѣйшее оставленіе особенностей русскаго церковнаго чина и обряда, хотя и не заключающихъ въ самихъ себѣ чего либо дѣйствительно неправославнаго, грозило однако разрушить въ будущемъ единеніе русской церкви съ греческою“. Необходимо было, говоритъ нашъ церковный историкъ—высокопреосвящ. Макарій, устранить всѣ этаго рода (т. е. обрядовыя) несогласія нашей церкви съ греческою, чтобы онѣ не повели къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже къ разрыву между обоими церквами“. Но уже чрезъ двѣ страницы дальѣе достопочтенный историкъ самъ же уничтожаетъ основательность только что сдѣланнаго имъ предположенія: о возможности разрыва между русскою и греческою церквами изъ-за нѣкоторыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Именно: указывая на тотъ фактъ, что Никонъ, въ концѣ своего патріаршества, призналъ одинаково добрыми и старыя и новыя служебники, что онъ дозволилъ Неронову служить по старымъ книгамъ и держаться стараго обряда, историкъ говоритъ: „отсюда можемъ заключать, что если бы продолжалось служеніе патріарха Никона, и онъ скоро не оставилъ своей кathedры, то онъ, можетъ быть, дозволилъ бы и всѣмъ единомысленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, тоже самое, что дозволилъ Неронову: лишь бы только они покорились церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и той же церковной іерархіи, русскіе, одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по книгамъ исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, несмотря на всѣ разности между ними, подобно тому, какъ до Никона одни совершали у насъ службы по старымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ и правленнымъ при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ, а другіе по вновь исправленнымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, хотя между тѣми и другими служебниками и требниками есть значительныя разности. Такимъ образомъ расколъ, начавшійся при Никонѣ, мало-по-

---

литер. и древностей, т. V.). Къ сожалѣнію, эта вполне правильная мысль не была принята нашимъ церковнымъ правительствомъ, какъ руководственное начало въ его отношеніяхъ къ старообрядству.

малу прекратился бы, и на мѣсто его водворилось бы такъ называемое нынѣ единовѣріе ¹⁾. Но если въ предѣлахъ одной помѣстной церкви русской можно было безопасно держаться различнаго обряда, отправлять различныя службы по неодинаковымъ, заключающимъ въ себѣ „значительныя разности“ служебникамъ, и въ тоже время составлять единую помѣстную церковь, то тѣмъ болѣе, конечно, таже самая разность въ нѣкоторыхъ обрядахъ, содержимыхъ двумя самостоятельными помѣстными церквами, никакъ уже не могла, очевидно, повести „къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже разрыву между ними“. Это вполне подтверждается и тѣми отношеніями, какія существовали между русской и греческой церквами до Никона. Разность въ церковныхъ обрядахъ русскихъ и грековъ, обнаружилась у насъ еще съ конца XV вѣка, а между тѣмъ это нисколько не мѣшало фактическому единенію церквей и ихъ постояннымъ взаимоотношеніямъ, которыя съ теченіемъ времени не только не ведутъ къ разрыву, но становятся все шире и тѣснѣе. Съ начала XVI вѣка въ Москву начинаютъ приходять изъ самыхъ различныхъ мѣстъ православнаго востока митрополиты, архіепископы и епископы восточныхъ каедръ, настоятели и братія различныхъ восточныхъ монастырей, въ качествѣ просителей милостыни у своихъ единовѣрцевъ русскихъ. Они встрѣчаютъ радушный приѣмъ въ Москвѣ, иногда подолгу живутъ въ ней и получаютъ отъ правительства нескучную милостыню. Къ концу XVI вѣка мы встрѣчаемъ въ Москвѣ, какъ просителей милостыни, уже двухъ патріарховъ восточныхъ каедръ: антиохійскаго Іоакима и константинопольскаго Іеремію, благодаря чему между патріаршими восточными каедрами, и изъ нихъ константинопольской по преимуществу, и русскимъ правительствомъ; устанавливаются, съ конца XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII, непрерывныя живыя сношенія. Русское правительство стремится использовать эти сношенія въ своихъ видахъ и интересахъ: чтобы придать болѣе силы и блеска царскому вѣнчанію Ивана Васильевича Грознаго, оно обращается за утвержденіемъ его къ восточнымъ патріархамъ. Воспользовавшись приѣздомъ

---

¹⁾ Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, стр. 112, 115.

въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи оно, съ его согласія, учреждаетъ у насъ патріаршество и даже выражаетъ желаніе признать, при извѣстныхъ условіяхъ, къ церковности не имѣющихъ никакого отношенія, самого Іеремію главою русской церкви — московскимъ патріархомъ, и только послѣ его отказа, патріархомъ московскимъ поставляется Іеремію Іовъ. Освященіе и благословеніе восточными іерархами такихъ важнѣйшихъ актовъ нашей государственной и церковной жизни, сдѣланное притомъ по инициативѣ и настояніямъ самаго русскаго правительства, ясно показываетъ, что оно придавало участію въ этихъ актахъ восточныхъ патріарховъ очень важное и существенное значеніе, какого бы оно никакъ не могло придавать имъ, если бы видѣло въ восточныхъ патріархахъ людей неполнѣ и строго православныхъ. Сближеніе русской церкви съ греческою идетъ затѣмъ и далѣе. Эласонскій архіепископъ Арсеній, пріѣхавшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ Іеремію, остается навсегда въ Москвѣ, служить здѣсь и называется у насъ суздальскимъ. Ахридскій архіепископъ Нектарій, пріѣхавшій еще при Годуновѣ, дѣлается у насъ вологодскимъ епархіальнымъ архіереемъ, а другой греческій архіерей—Игнатій, рязанскимъ. Игнатій потомъ законно былъ избранъ и безъ всякаго протеста поставленъ русскими архіереями въ патріархи московскіе, такъ что онъ нѣкоторое время управлялъ всею русскою церковію, какъ ея законный глава. Очевидно, постоянныя непрерывныя сношенія съ православнымъ востокомъ привели постепенно высшее передовое московское общество, и прежде всего само правительство, къ мысли, что тогдашніе греки столь же православны, какъ и русскіе, почему московскій патріархъ спокойно можетъ принимать ставленіе отъ греческаго патріарха, греческій архіерей можетъ быть и русскимъ епархіальнымъ архіереемъ и даже патріархомъ московскимъ. Филаретъ Никитичъ, этотъ ненавистникъ латинства и уніи, строгій ревнитель православія, принимаетъ свое поставленіе въ патріархи отъ іерусалимскаго патріарха Теофана, къ которому затѣмъ до самой своей смерти относится съ великимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Филаретъ Никитичъ еще болѣе усиливаетъ постоянныя живыя сношенія съ восточными патріархами, а у себя дома—на Москвѣ со-

держитъ нѣсколькихъ пріѣзжихъ въ Москву за милостынею греческихъ архіереевъ, которые не только принимаютъ участіе во всѣхъ русскихъ церковныхъ службахъ и церемоніяхъ, пользуются особымъ расположеніемъ патріарха, но даже присутствуютъ на торжественныхъ пріемахъ Филаретомъ Никитичемъ иностранныхъ пословъ. Вообще всѣ предубѣжденія противъ православія тогдашнихъ грековъ, уже съ конца XVI вѣка, начинаютъ окончательно вымирать при московскомъ дворѣ и замѣняются другимъ убѣжденіемъ, что современные греки, съ ихъ іерархіею, такъ же православны, какъ и русскіе, несмотря на то, что нѣкоторые ихъ церковные обычаи и несогласны кое въ чемъ съ русскими. Очевидно, столь распространенный ранѣе среди русскихъ взглядъ на тогдашнихъ грековъ, какъ на потерявшихъ истинное строгое православіе, благодаря постояннымъ живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ, особенно усилившимся съ конца XVI вѣка, какъ взглядъ ошибочный и несправедливый, былъ осужденъ на постепенное естественное вымирание, долженъ былъ самъ собою уступить, съ теченіемъ времени, мѣсто другому—правильному взгляду, что современные греки такъ же православны, какъ и русскіе. Значитъ, нѣкоторая разность въ обрядахъ никакъ не могла служить въ будущемъ препятствіемъ къ единенію церквей—греческой и русской, какъ она не служила такимъ препятствіемъ ранѣе, не служить и теперь, хотя и послѣ церковной реформы Никона разности въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ у грековъ и у русскихъ существовали всегда, существуютъ и сейчасъ. Если же въ дѣйствительности старые взгляды на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, не только не умерли у насъ окончательно, но въ извѣстной части русскаго общества, заявили потомъ себя съ особою рѣзкостію и силою, то на это имѣлись особыя причины. Церковно-обрядовая реформа Никона, веденная имъ слишкомъ круто, спѣшно, съ публичнымъ признаніемъ особенностей тогдашняго русскаго церковнаго обряда чуть не еретичествомъ, и все это при дѣятельномъ участіи и одобреніи бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ,—естественно, особенно въ провинціальныхъ кругахъ, оживила и придавала новую силу уже вымиравшимъ было взглядамъ на современныхъ грековъ, какъ на потерявшихъ истинное

православіе. Эти старыя взгляды, подъ вліяніемъ реформы Никона, вновь ожили теперь съ особою силою и яркостію, были систематически вновь разработаны, вновь аргументированы и популяризованы приверженцами старины въ широкихъ массахъ народа, въ цѣляхъ подорвать въ глазахъ народа всякое значеніе произведенныхъ Никономъ реформъ.

Вполнѣ возможно однако, что Никонъ могъ бы произвести свои церковно-обрядовыя реформы, въ видахъ соглашенія русскаго церковнаго чина и обряда съ тогдашнимъ греческимъ, и безъ тѣхъ тяжелыхъ церковныхъ потрясеній, какими онѣ сопровождались въ дѣйствительности, такъ какъ дѣло это у насъ не было нѣчто новое и небывалое, а наоборотъ: нѣчто старое, не разъ происходившее ранѣе въ русской церковной жизни. Русская церковь приняла отъ Константинопольской церкви весь церковный чинъ и обрядъ и всю вообще церковно-обрядовую практику, какъ она тогда существовала въ Константинополѣ. Но въ XI вѣкѣ и у самихъ грековъ церковная практика во всѣхъ своихъ частностяхъ и подробностяхъ далеко еще не установилась, она и тамъ продолжала еще развиваться и видоизмѣняться. Даже самый церковный уставъ (типикъ), которымъ регулировалось все церковное богослуженіе, перемѣнился въ Константинопольской церкви: тамъ, послѣ XI вѣка, вмѣсто Студійскаго устава, перешедшаго и къ намъ русскимъ и опредѣлявшаго всю нашу церковную практику, введенъ былъ такъ называемый Іерусалимскій уставъ, который окончательно вытѣснилъ собою студійскій, а это необходимо должно было произвести значительныя перемѣны и во всей греческой церковной практикѣ. И вотъ въ то время, когда константинопольская церковь уже окончательно перешла къ Іерусалимскому уставу, и на его почвѣ стала разрабатывать и рѣшать всѣ встрѣчавшіеся церковно-практическіе вопросы, русскіе остались при прежнемъ Студійскомъ уставѣ, вслѣдствіе чего ихъ церковная практика необходимо должна была значительно разойтись съ современною практикою константинопольской церкви. Благодаря постояннымъ живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ, и особенно благодаря митрополитамъ грекамъ, къ намъ, конечно постепенно, переходило многое изъ того новаго, что вырабатывалось и

устанавливалось позднѣйшею греческою церковною практикою, но переходило по частямъ, случайно и, сталкиваясь у насъ съ студійскими порядками, на востокъ уже отмѣненными, вызывало недоумѣнія, споры, вопросы. Вслѣдствіе этого являлась потребность болѣе широкаго и основательнаго соглашенія старыхъ русскихъ церковныхъ порядковъ съ новыми, идущими съ востока, или, другими словами, явилась потребность, въ видахъ соглашенія русской церковной практики съ греческою, замѣнить и у насъ Студійскій уставъ практиковавшимся тогда всюду на востокѣ іерусалимскимъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ у насъ митрополитъ Кипріанъ, а потомъ митрополитъ Фотій. Знатокъ этаго дѣла, проф. И. Д. Мансветовъ, по поводу интересующаго насъ вопроса, говоритъ слѣдующее: „съ XIV вѣка число славянскихъ рукописныхъ требниковъ начинаетъ увеличиваться, а въ XV вѣкѣ являются такія полныя записи, какъ синодальныя № 374—376, заключающія до 180 статей литургическаго и каноническаго содержанія. Благодаря болѣе близкимъ сношеніямъ съ востокомъ, наши церковные власти заботятся о соглашеніи славянскихъ служебныхъ чиновъ съ греческими, усваиваютъ себѣ результаты тамошняго литургическаго движенія и стремятся довести уровень обряда до той высоты, на которой онъ стоялъ при патріархахъ Каллиствъ, Исидоръ и Филофеевъ. Московскіе митрополиты принимаютъ на себя эту заботу и, при посредствѣ восточныхъ властей, вводятъ новые чины и устанавливаютъ дополнительную, детальную сторону Евхологія. Вопросы по исправленію обряда занимаютъ митрополитовъ Кипріана и Фотія и вызываютъ съ ихъ стороны рядъ практическихъ мѣръ къ осуществленію этой мысли. Значительный вкладъ въ эту область дѣлаетъ Аѳонъ, и памятникомъ живыхъ книжныхъ сношеній съ нимъ, особенно же съ Хиландаремъ, является множество рукописей служебнаго содержанія сербскаго извода, дошедшихъ отъ XIV—XV вѣковъ, а между ними и нѣсколько требниковъ. Такимъ образомъ происходило увеличеніе состава требника, и въ него входили чины и молитвы, которыхъ дотолѣ не было. Въ отношеніи литургіи такою крупною прибавкою было введеніе устава Филофеева и чинъ литургіи преждеосвященныхъ, стоявшій съ первымъ въ необходимой связи и

служившій существеннымъ его продолженіемъ. Обряды крещенія дополняются молитвами надъ родильницею и новорожденнымъ, чинъ елеосвященія сопровождается канономъ Арсенія, и молитвы умовенія ногъ въ великій четвергъ начинаютъ совершать послѣ заамвонной молитвы, а не передъ литургіей, какъ было принято въ уставѣ Алексѣевомъ, по обычаю великой церкви. Феодоритъ Ростовскій переводить въ Константинополѣ чинъ малаго освященія воды и съ его именемъ это послѣдованіе заносится въ типографскій требникъ № 129. По рукописи нашей академіи (москов. духовной № 183, XVII вѣка) ему приписывается переводъ молитвы Филоея, глаголемой на покрестьи (литія, крестный ходъ), егда гладъ наведетъ. Кипріанъ посылаетъ псковичамъ синодикъ правый цареградскій, который чтутъ въ великой Софіи, прибавивъ къ нему уставъ, какъ великихъ князей поминати, переводить канонъ Филоея въ нашествіе враговъ и другія его молитвы. Въ требникахъ и другихъ служебныхъ книгахъ XV вѣка мы уже находимъ большое число молитвъ и каноновъ константинопольскихъ патріарховъ XIV вѣка, а нѣкоторые изъ этихъ произведеній становятся извѣстными въ славянскомъ переводѣ и того раньше. Молитвы Каллиста и Филоея вытѣснили изъ употребленія нѣкоторые изъ прежнихъ подобнаго же содержанія и вошли въ требникъ наряду съ оставшимися. То же случилось съ ними и у насъ на Руси. Особенно много ихъ встрѣчается въ сербскомъ требникѣ изъ синодальной бібліотеки (XV в. № 374). Тутъ читается и молитва индикту (Филоея), и прибавочная на вечернѣ пятидесятницы, каноны и молитвы на безведріе, засухи и отвращеніе непріятельскихъ нашествій и нѣсколько другихъ; также мѣстно византійскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ вносились въ славянскіе требники безъ имени составителей и, получивъ мѣстную переработку, принимались за славянскія произведенія. Въ виду новаго наплыва молитвъ и послѣдованій, становилось все болѣе и болѣе необходимымъ разобратъ въ массѣ накопившагося литургическаго матеріала, подвести ему итогъ, ввести въ кругъ служебныхъ книгъ и согласить съ прежними обрядами. Эту задачу, по отношенію къ требнику, приняли на себя митрополиты Кипріанъ и Фотій, но какъ ее выполнили, въ виду невозможности (говоримъ это за себя)

опереться на подлинные труды Кипріяна, сказать не умѣемъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ труды можно было бы считать увѣнчавшимися успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы просмотръ и редакция чиновъ требника были проведены послѣдовательно и всесторонне, если бы дѣло ограничилось не рекомендаціей и сообщеніемъ просмотрѣнныхъ одиночныхъ чиновъ, а выразилось изданіемъ полнаго исправленнаго требника, и это исправленіе коснулось бы сколько содержанія и состава, столько же и текста требничныхъ службъ. Вмѣсто этого мы видимъ въ евхологіяхъ славянскихъ XV вѣка постепенное нарастаніе служебнаго матеріала. Они разрастаются въ обширные сборники чрезвычайно разнообразныхъ чиновъ, службъ, молитвъ и становятся проводниками практики великой церкви, Аона и земель южнославянскихъ¹⁾.

Такимъ образомъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ не разъ производились перемѣны сравнительно съ существовавшими у насъ ранѣе, производились по тѣмъ же основаніямъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ это могло быть и при Никонѣ, т. е. практиковавшійся въ русской церкви обрядъ и чинъ, какъ уже устарѣвшій, болѣе неудовлетворяющій требованіямъ времени и обстоятельствъ, замѣнялся новымъ греческимъ, выработаннымъ дальнѣйшимъ движеніемъ греческой церковной практики. Такой порядокъ дѣлъ въ то время казался настолько нормальнымъ и правильнымъ, что появлявшіяся къ намъ съ востока разныя церковныя „новшества“, измѣнявшія русскую церковную старину, не возбуждали тогда никакихъ сомнѣній, не вызывали обвиненій въ нововведеніяхъ и еретичествѣ, и это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами нововводители рѣшали у насъ тотъ или другой вопросъ неодинаково. Въ Кипріяновской псалтири (рукопись москов. духовной академіи) на полунощницѣ въ чтеніи: блажени непорочнии, послѣ первой статіи предписано говорить: „слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“ (трижды т. е. самое славословіе произнести трижды, а въ немъ—аллилуіа по дважды). То же на утрени въ половинѣ и по окончаніи

---

¹⁾ Митрополитъ Кипріявъ въ его литургической дѣятельности, стр. 62—65.

шестопсалмія написано: „слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“. Значить митрополитъ Кипріанъ предписывалъ двоить, а не троить аллилуію. Иначе этотъ вопросъ рѣшаетъ преемникъ Кипріана митрополитъ Фотій. Въ своемъ посланіи къ псковичамъ относительно аллилуіи Фотій пишетъ: „а что ми пишете объ аллилуіи и на славахъ, сие глаголи: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже“¹⁾. Ясно отсюда, что практика самой греческой церкви въ то время еще не установилась относительно двоенія или троенія аллилуіи, почему два русскіе митрополита, непосредственно слѣдовавшіе на каеедрѣ одинъ за другимъ, и оба присланные къ намъ изъ Константинополя, рѣшаютъ однако одинъ и тотъ же вопросъ неодинаково, что впрочемъ не вызываетъ какихъ либо нареканій на этихъ митрополитовъ, не вызываетъ обличеній кого либо изъ нихъ въ неправдѣ, въ заблужденіи,—упорядоченіе русской церковной практики съ помощію и по указаніямъ современной греческой, было, очевидно, въ то время явленіемъ обычнымъ, невозбуждавшимъ ни у кого никакихъ недоумѣній.

Патріархъ Никонъ, исправляя современный ему русскій обрядъ и чинъ по образцу болѣе новаго тогдашняго греческаго, въ существѣ дѣла только возстановлялъ прерванныя было традиціонныя отношенія практики русской церкви къ греческой, и, по вопросу о дальнѣйшемъ движеніи и разработкѣ русскаго церковнаго чина и обряда, стоялъ собственно на той точкѣ зрѣнія, на какой русская церковь ранѣе стояла уже цѣлыя столѣтія, и въ силу которой всякое движеніе и развитіе русской церковной практики должно было находиться въ связи и соотвѣтствіи съ тѣми движеніями и перемѣнами, какія происходили въ греческой вселенской церкви. Но при указанномъ сходствѣ между древнимъ періодомъ нашей церковной жизни и временемъ и дѣятельностію Никона, было однако и очень важное и существенное различіе въ двухъ отношеніяхъ. Никонъ исправлялъ тогдашній русскій обрядъ по образцу современнаго греческаго, не какъ обрядъ устарѣвшій и отжившій, и потому замѣняемый

¹⁾ Рукопись Моск. Румян. Музея, по описанію Востокова, № 358, л. 382 об.

новымъ греческимъ, болѣе лучшимъ и совершеннѣйшимъ, а какъ обрядъ неправый, нововводный и даже еретическій; исправлялъ не замѣной стараго отжившаго обряда новымъ, а наоборотъ—русскій обрядъ, какъ новый, замѣнялъ старымъ, будто бы потеряннымъ русскими и сохранившимся у тогдашнихъ грековъ т. е. поступалъ какъ разъ обратно тому, какъ ему слѣдовало поступать, и какъ у насъ велось дѣло до флорентійской уніи въ тѣхъ случаяхъ, когда русская церковная практика отставала отъ движенія и развитія практики греческой церкви. Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны: въ древній періодъ нашей церковной жизни русскіе не сомнѣвались въ православіи грековъ, считали ихъ своими естественными и необходимыми въ дѣлахъ вѣры и церкви учителями и руководителями. Не то было при Никонѣ. Между его временемъ и старорусскимъ лежала флорентійская унія и послѣдовавшее за ней паденіе Константинополя, когда русскіе стали уже подозрительно относиться къ самому православію современныхъ грековъ, чуждаться всякаго ихъ вмѣшательства въ наши церковные дѣла, рѣшили стоять въ этихъ дѣлахъ на своихъ только собственныхъ ногахъ и даже только себя, изъ всѣхъ православныхъ народовъ, признали единственными хранителями истиннаго православія и благочестія. Правда жизнь и въ этомъ случаѣ шла навстрѣчу Никону: она, какъ мы уже говорили, постепенно стала ломать тотъ барьеръ, который церковно отгородилъ было русскихъ отъ современныхъ грековъ, такъ что послѣдніе на Москвѣ высшимъ нашимъ церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ стали уже признаваться такими же православными, какъ и русскіе. Значитъ, Никону нужно было только воспользоваться этимъ новымъ укрѣпившимся пока въ одной Москвѣ направлениемъ, постараться, прежде чѣмъ приступать къ своимъ грекофильскимъ реформамъ, распространить и укрѣпить это направленіе всюду, придать ему силу и убѣдительность въ глазахъ паствы и потомъ, уже достаточно подготовивъ почву, приступать къ постепенному, неторопливому проведенію самыхъ реформъ. При такихъ условіяхъ его реформы не производили бы на русскихъ того тяжелаго удручающаго впечатлѣнія, какое они производили, когда Никонъ сталъ проводить ихъ круто, поспѣшно, безъ всякой предварительной подготовки къ нимъ

общества, рѣшительно не понимавшаго что и зачѣмъ дѣлается. Въ этомъ случаѣ очень поучительнымъ и очень полезнымъ примѣромъ для Никона долженъ былъ бы быть кievскій митрополитъ Петръ Могила, тѣмъ болѣе, что въ числѣ руководителей Никона—реформатора были и ученые кievляне, личные очевидцы—свидѣтели жизни и церковной дѣятельности Петра Могила.

За пять лѣтъ до вступленія Никона на московскій патріаршій престолъ умеръ Кievскій митрополитъ Петръ Могила († 1 янв. 1647 г.). Онъ произвелъ у себя тѣ же реформы, что и Никонъ, такъ что сопоставленіе дѣятельности этихъ двухъ лицъ, работавшихъ на одномъ и томъ же полѣ, но съ совершенно различными для церкви результатами, несомнѣнно очень любопытно и характерно. Могила, какъ и Никонъ, обратилъ вниманіе на то, что въ богослужебныя книги юго-западной Руси вкрались многія ошибки, погрѣшности, разнорѣчія, что въ нихъ не было единообразія въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и вообще въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ. Какъ Никона „зазирали“ разные пріѣзжіе въ Москву восточные іерархи, такъ православныхъ южно-руссовъ зазирали разные противники православія, указывая на то, что у православныхъ нѣтъ единообразія въ церковныхъ службахъ, одинъ служитъ такъ, другой—иначе, что де доказываетъ, что безъ единой главы русская церковь бессильна сохранить у себя даже правильныя единообразныя богослужебныя книги, и тѣмъ думали подвигнуть русскихъ къ признанію единого главы церкви—папы. Какъ Никона, такъ и Могила, эти зазіранія побудили обратить вниманіе на богослужебныя книги и постараться ввести повсюду одинъ церковный чинъ, почему оба издають исправленные служебники и требники, исправленные и съ греческихъ и съ старыхъ славянскихъ. Какъ противъ Никона, такъ и противъ Могила возбуждены были обвиненія въ латинствѣ, въ намѣреніи погубить православіе. Самъ низложенный предшественникъ Могила, Кievскій митрополитъ Исаія Копинскій, ставленникъ іерусалимскаго патріарха Теофана, писалъ въ монастыри: „а кievскій де митрополитъ Петръ Могила вѣры христіанской нынѣ отпалъ, и благословенъ-де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, будто бытъ пат-

ріархомъ христіанскія вѣры. А присягаль-де онъ, Петръ Могила, Королю и всѣмъ панамъ раднымъ и арцыбискупомъ лядкимъ, что ему хрестыянскую вѣру ученьемъ своимъ попать и уставить всю службу церковную по повелѣнью палы римскаго, римскую вѣру, и церкви хрестыянскія во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить въ костелы лядкіе, и книги русскія вывезть“. Противъ благоустроеннаго Могилою кievскаго училища, въ которомъ стали преподавать латинскій и польскій языки, тоже возбуждены были крайнія подозрѣнія. Въ то время, говоритъ одинъ изъ воспитанниковъ кievскаго училища, отъ неученыхъ поповъ и казаковъ веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, а спаслись? Было хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити; едва ихъ уговорили“¹⁾.

При извѣстномъ сходствѣ самой задачи и нѣкоторыхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать Никону и Могилѣ, какое однако существенное различіе у нихъ въ пониманіи тѣхъ предметовъ, надъ которыми имъ пришлось оперировать, въ пониманіи способа веденія дѣла, тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ оно только и могло имѣть дѣйствительный успѣхъ и приносить пользу пасомымъ. Никонъ не приводитъ церковные чины и обряды къ единообразію, въ виду того что въ общемъ они были у насъ уже единообразны, а измѣняетъ ихъ по образцу современныхъ греческихъ, такъ какъ находитъ ихъ неправыми и нововводными, и такъ какъ онъ думаетъ, что церковные чины и обряды имѣютъ одинаковую силу съ вѣроученіемъ и что только извѣстный опредѣленный обрядъ спасителенъ, а всякій другой—нѣтъ. Совершенно иначе смотритъ на обрядъ и его значеніе Могила. Онъ различаетъ въ обрядѣ стороны главныя и существенныя, и стороны случайныя и измѣнчивыя. Первыя—существенныя неизмѣняемы, они заключаются, по толкованію Могилы, а) въ матеріи, б) въ формѣ или словѣ и в) въ интенціи (намѣреніи) совершающаго священнодѣйствіе. Поэтому существенную, напримѣръ, часть литургіи составляютъ, кромѣ внутренняго намѣренія священнослужителя: матерія, какою въ литургіи служитъ хлѣбъ

¹⁾ Макарія, Ист. рус. церкви. т. XI, стр. 489—490, 504—506.

и вино, и форма т. е. освящающія матерію слова Спасителя: примите, ядите и пр. Всѣ же остальные части богослуженія, кромѣ существенныхъ, могутъ видоизмѣняться, могутъ быть различны въ различныхъ церквахъ, неодинаковы въ одной и той же церкви за разное время, и могутъ зависѣть отъ временныхъ обстоятельствъ, мѣстныхъ преданій, обычаевъ и пр.—и это различіе несущественныхъ частей въ богослуженіи нисколько не препятствуетъ вселенскому единству православной церкви, потому что основаніемъ его служить не обрядъ, а единство вѣрученія и нравоученія. Съ этой точки зрѣнія не только всѣ различные чины и обряды въ различныхъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ, за различное время ихъ существованія, одинаково святы и спасительны, но и чинъ латинской церкви заслуживаетъ полного вниманія и уваженія, поскольку онъ не служитъ уклоненіемъ отъ ученія вселенской православной церкви. При такомъ воззрѣніи Могила, исправляя служебникъ и требникъ, сокращалъ и видоизмѣнялъ нѣкоторые чины, другіе опускалъ, вводилъ новые, не встрѣчающіеся въ прежнихъ, и въ этомъ случаѣ пользовался даже латинскими служебниками, такъ какъ видѣлъ сущность различія латинской церкви отъ православной не въ томъ или другомъ церковномъ обрядѣ, но въ самомъ ученіи. Исправляя богослуженныя книги, Могила имѣлъ въ виду удовлетворить тогдашнимъ потребностямъ и нуждамъ югозападной церкви, и потому не стѣснялся отбрасывать старые церковные уже отжившіе чины и вводить новые, даже заимствованные у латинянъ, сочинялъ и помѣщалъ въ требникъ новыя эктеніи и молитвы на разные случаи жизни. При этомъ онъ старался дать южнорусской церкви не только единообразный, вполне соответствующій потребностямъ времени церковный чинъ, но и сдѣлать его понятнымъ и доступнымъ для всѣхъ, что бы богослуженіе совершалось не бессмысленно и механически, а съ полнымъ пониманіемъ того, что значило то или другое церковное богослуженное дѣйствіе. Поэтому, напримеръ, къ служебнику, изданному въ 1629 году, онъ присоединилъ догматическое и обрядовое объясненіе литургіи, что бы священники вполне понимали то, что они совершали въ церкви. Точно также и въ своемъ знаменитомъ „требникѣ“ Могила помѣстилъ наставленія, какъ поступать свя-

щеннику при отправленіи тѣхъ или другихъ требъ, въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ. Но этого мало. Могила заботился создать, благодаря своей школѣ, классъ пастырей церкви изъ людей образованныхъ и ученыхъ, но такъ какъ это могло совершиться не вдругъ, то онъ требовалъ, чтобы всѣ ищущіе священства, до своего посвященія, нѣкоторое время оставались въ Кіевѣ и учились бы здѣсь у болѣе свѣдущихъ и образованныхъ лицъ, такъ что подготовка нѣкоторыхъ иногда продолжалась цѣлый годъ, при чемъ самъ Могила экзаменовалъ ихъ и все время содержалъ на свой счетъ, благодаря чему и не учившіеся въ школѣ пастыри, получали всетаки элементарный необходимый для ихъ служенія запасъ свѣдѣній, усвоили, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, новый чинъ и обрядъ, научались понимать его смыслъ и значеніе, и не смотрѣли на него какъ на что-то ужасное, потому что оно новое. Такъ разумно, осторожно и вѣрно дѣйствовалъ Могила, исправляя богослужебные недостатки югозападной церкви. Но заботами объ исправленіи церковнаго чина и его разумнымъ усвоеніемъ пастырями Могила не ограничился. Вѣрность церковнаго чина и обряда, его душеспасительность, основываются на знаніи и правильномъ усвоеніи самаго православнаго вѣроученія, одинъ обрядъ не можетъ питать и воспитывать православнаго человѣка, онъ только помогаетъ и уясняетъ въ видимыхъ наглядныхъ образахъ истины христіанскаго вѣроученія, безъ знанія и пониманія этихъ истинъ и самый упорядоченный обрядъ и чинъ многого не дадутъ. Въ виду этого Могила позаботился составить полную и цѣльную систему христіанскаго православнаго вѣроученія, которое извѣстно подъ именемъ „Катихизиса Петра Могилы“. Пока этотъ катихизисъ разсматривался на соборахъ въ Яссахъ (1643 г.) и подписывался восточными іерархами, Могила, для руководства православныхъ русскихъ, напечаталъ въ 1645 году краткій катихизисъ. О цѣли его изданія предисловіе говоритъ: „книга эта публикуется не только для того, что бы священники въ своихъ приходяхъ каждый день, въ особенности въ воскресные и праздничные дни, читали и объясняли его своимъ прихожанамъ; но также, чтобы мірскіе люди, умѣющіе читать, преподавали одинаковымъ способомъ христіанское ученіе, преимущественно, чтобы родители учили по ней

своихъ дѣтей, а владѣльцы подвластныхъ себѣ людей, а также, что бы въ школахъ всѣ учителя заставляли своихъ учениковъ учить наизусть по этой книжичкѣ“. Такимъ образомъ на ряду съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, шла другая работа, имѣвшая въ виду пастырей и пасомыхъ привести къ правильному систематическому усвоенію и пониманію всего круга христіанскаго православнаго вѣроученія и нравоученія, чтобы ихъ мысль не останавливалась, не почила только на обрядѣ, но переходила отъ него къ усвоенію высшаго круга христіанскихъ понятій.—Подобно Никону и Могила производилъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, составлялъ и издавалъ свой катихизисъ только съ соборнаго одобренія. Такъ въ 1640 году онъ созываетъ въ Кіевѣ соборъ, на который приглашаетъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, особенно способныхъ и опытныхъ въ разсужденіи духовныхъ предметовъ, и предлагаетъ на обсужденіе собора составленный катихизисъ и разные другіе церковныя вопросы. Происходитъ цѣлый рядъ соборныхъ засѣданій, на которыхъ, какъ самый катихизисъ, такъ и другіе вопросы, подвергаются тщательному и всестороннему обсужденію, при чемъ присутствовавшіе на соборѣ не только свободно высказываютъ свои взгляды по тому или другому вопросу, но и вступаютъ въ пренія съ самимъ Могилою, оспаривая тѣ или другія его мнѣнія, предложенныя имъ въ Катихизисѣ ¹⁾. Состоявшіяся на этомъ соборѣ рѣшенія были поэтому выраженіемъ свободного голоса всей церкви и потому принимались всѣми, какъ для всѣхъ обязательныя. — Но Могила очень хорошо понималъ, что всѣ самыя благія, хорошо обдуманная и тактично проведенная реформы, имѣющія въ виду привести въ порядокъ и возвысить всю церковно-общественную жизнь, не достигнутъ надлежащей цѣли, не привьются къ народу, если въ немъ не будетъ просвѣщенныхъ образованныхъ пастырей, если въ обществѣ будетъ царить прежнее невѣжество, если не будетъ поднять уровень просвѣщенія всего даннаго общества. Поэтому, на ряду съ церковными реформами, должны были идти заботы объ устроеніи и развитіи школъ и вообще образованія. На эту сторону—на школы и обученіе въ нихъ, Могила обратилъ свое

¹⁾ Макарія, т. XI, стр. 578—589.

вниманіе, не жалѣя своихъ силъ и трудовъ, не жалѣя и своего наслѣдственнаго не малаго достоянія. Въ успѣхъ школьнаго дѣла онъ видѣлъ залогъ процвѣтанія и силы русской церковной и общественной жизни, главное средство борьбы противъ церковныхъ и общественныхъ недостатковъ, вѣрное обезпеченіе благодѣтельнаго дѣйствія на церковную жизнь всѣхъ произведенныхъ имъ реформъ и улучшеній. Его энергія, его труды и жертвы въ пользу школы и образованія вообще принесли блестящіе плоды еще при самой его жизни, продолжались получаться и послѣ его смерти и не только въ югозападной Россіи, но и въ самой Москвѣ. Какъ ясно и глубоко Могила понималъ великое значеніе въ церковной и общественной религіозной жизни народа науки и образованія, какъ горячо и энергично старался вызвать и всячески развить эту силу въ своей паствѣ, какъ онъ заботился, чтобы и послѣ его смерти эта сила не умалилась, не заглохла, но продолжала бы и послѣ него процвѣтать ко благу и славѣ русскаго народа и церкви, это особенно видно изъ его духовнаго завѣщанія. Въ немъ, между прочимъ, онъ говоритъ: „лишь только Господь Богъ сподобилъ меня сдѣлаться архипастыремъ Кіевской митрополіи, и еще прежде архимандритомъ Печерской лавры, я, видя, что упадокъ вѣры и благочестія въ русскомъ народѣ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка у него просвѣщенія и школъ, далъ обѣтъ Богу моему: все мое имущество, доставшееся отъ родителей, и все, что будетъ оставаться отъ доходовъ съ имѣній, принадлежащихъ ввѣреннымъ мнѣ, по моему служенію, святымъ мѣстамъ, обращать частію на восстановление разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ остались жалкія развалины, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ и утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго... И этотъ недостойный обѣтъ мой и намѣреніе Господь Богъ, по благодсти своей, благословилъ такъ, что при жизни моей я видѣлъ великую пользу для церкви Божіей отъ тѣхъ наукъ, и много появилось людей ученыхъ и благочестивыхъ на служеніе ей. Почему, желая оставить коллегію, какъ единственный залогъ мой, обезпеченною на будущее время, я подарилъ ей и настоящимъ завѣщаніемъ моимъ даю и дарю навѣки“ ¹⁾ ...

¹⁾ Ibid. стр. 612—613.

Такъ дѣйствовалъ реформаторъ югозападной Россіи, кievскій митрополитъ Петръ Могіла. И намека на что либо подобное нѣтъ ни въ дѣятельности, ни въ стремленіяхъ патріарха Никона. Обладая громадною, почти неограниченною властію въ церкви и государствѣ, располагая громадными матеріальными средствами, имѣя полную возможность собрать въ Москву цѣлый полкъ ученыхъ Кіевлянъ и иностранцевъ, и съ ихъ помощію завести цѣлый рядъ правильно поставленныхъ школъ, видя всюду кругомъ себя самое подавляющее безпросвѣтное невѣжество и въ духовенствѣ и во всемъ народѣ, Никонъ даже и не подумалъ о созданіи въ Москвѣ школы, о насажденіи и развитіи на Москвѣ науки и образованія. Онъ ядовито смѣялся надъ невѣжествомъ и даже безграмотностію московскихъ архіереевъ, своихъ современниковъ, но и не думалъ уничтожить это позорное явленіе въ тогдашней нашей церковной жизни устройствомъ школы, заботами о наученіи и хотя бы кое-какомъ просвѣщеніи поставляемыхъ имъ самимъ пастырей и архипастырей. Мало того. Предъ патріаршествомъ Никона наше и свѣтское и духовное правительство заботятся о приисканіи и въ южной Руси и на православномъ востокѣ хорошихъ учителей, чтобы съ ихъ помощію открыть въ Москвѣ настоящую школу. Со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона всѣ эти заботы объ открытіи школы прекращаются, о школѣ даже совсѣмъ забываютъ. Никонъ весь запасъ своихъ недюжинныхъ силъ, всю свою громадную энергію, растрчиваетъ на бесполезную борьбу съ своими личными врагами и недоброжелателями, на проявленіе своей патріаршей мощи, какъ неограниченнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго властелина, личная воля и усмотрѣніе котораго есть единственный регуляторъ въ отношеніи къ подчиненнымъ и пасомымъ, на чемъ единственно онъ и строитъ всю свою церковно-обрядовую реформаторскую дѣятельность. Свои грамадныя патріаршія матеріальныя средства онъ тратитъ на бесполезную постройку новыхъ монастырей, дворца для своего жилья, на сооруженіе дорогихъ роскошныхъ митръ, цѣлой массы роскошныхъ облаченій, на снаряженіе цѣлыхъ полковъ для войны съ поляками, и ни одной копейки на школы и образованіе. Онъ, простой, необразованный московскій начетчикъ, вовсе и не думалъ прививать московской Руси недостающую ей силу—

силу науки и образованія, конечно потому, что самъ правильно не понималъ и не цѣнилъ ея, не понималъ, что безъ этой силы ничто въ общественной жизни прочно и хорошо не строится. Поэтому то и результаты реформаторской дѣятельности Могилы и Никона были столь различны: реформы Могилы, хотя онѣ были шире, всестороннѣе и, въ церковно-обрядовой сферѣ, гораздо радикальнѣе, чѣмъ реформы Никона, не только не вызвали въ кievской Руси какаго либо раскола, но и водворили въ ней церковный порядокъ; тогда какъ реформы Никона на Москвѣ произвели въ нашей церкви расколъ, который продолжается и доселѣ.

ГЛАВА VI.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ.

Взглядъ русскихъ на печатныя греческія книги, какъ на испорченныя еретиками. Исправленіе книгъ при Никонѣ происходило по греческимъ венеціанскимъ печатнымъ изданіямъ, которыя однако провѣрялись и передѣлывались съ помощію старыхъ рукописныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ. Арсеній грекъ, какъ книжный справщикъ при Никонѣ. Личное участіе Никона въ книжныхъ исправленіяхъ. Никонъ лично признавалъ исправленіе книгъ только по древнимъ славянскимъ и древнимъ греческимъ и вѣрилъ, что такъ именно при немъ книги и исправлялись. Въ исправленія самаго текста книгъ Никонъ не принималъ участія по незнанію греческаго языка. Признаніе Никономъ старыхъ и новыхъ служебниковъ одинаково добрыми и что можно служить по тѣмъ и другимъ. Полное охлажденіе Никона, послѣ оставленія имъ патріаршей кафедры, къ своей предшествующей церковно-реформаторской грекофильской дѣятельности.

На ряду съ церковно-обрядовою реформой Никонъ производилъ и другую реформу—пересмотръ и исправленіе нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческихъ. Мы знаемъ, что благодаря государю и Стефану Вонифатьевичу у насъ уже стали, подъ конецъ патріаршества Іосифа, исправлять нѣкоторыя книги и съ греческихъ, какъ исправлялся, напримѣръ, въ 1650 году Шестодневъ. Но тогда это новое у насъ дѣло—исправленіе богослужебныхъ книгъ съ греческихъ, только еще начиналось, налаживалось, а теперь, при Никонѣ, оно должно было вестись широко и энергично, даже съ прямой замѣной во многомъ старыхъ богослужебныхъ книгъ новыми переводами съ греческихъ подлинниковъ. Но на этомъ пути, какъ и при исправленіи обряда, Никону пришлось встрѣтиться со многими затрудненіями и препятствіями. Прежде всего Никону пришлось бороться съ

сильно распространены у русских предубѣжденіемъ и недовѣріемъ ко всѣмъ греческимъ книгамъ вообще. У русскихъ сложилось сказаніе, что будто бы всѣ греческія книги, при завоеваніи Константинополя, были отобраны у грековъ латинянами и сожжены ими. Послѣ этого греческія книги напечатаны были вновь въ латинскихъ странахъ, продолжаютъ тамъ печататься и доселѣ, причемъ латиняне переправляютъ ихъ на свой ладъ, и уже въ передѣланномъ видѣ продаютъ ихъ грекамъ, такъ какъ у грековъ въ Константинополѣ, и вообще въ турецкой имперіи, не было и нѣтъ своей собственной типографіи, въ которой бы они могли печатать свои книги въ неиспорченномъ видѣ 1). Сами греки подтверждали справедливость подозрѣній русскихъ къ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ въ иновѣрныхъ земляхъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна челобитная палеопатрасскаго митрополита Теофана, поданная имъ въ Москвѣ государю въ 1645 году, послѣ того какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которые, собственно, и послали его въ Москву. Въ своей челобитной Теофанъ пишетъ: „буди вѣдомо, державный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ напежи и лютори греческую печать, и печатаютъ повседневно богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зелье—поганую свою ересь. И клепятъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и тое есть нестаточно, потому что нынѣ есть древнія книги и библіи харатейные рукописмены и благословеніе святыхъ отецъ въ монастырехъ во святой горѣ Аеонской и въ иныхъ древнихъ монастырехъ, и по тѣмъ библіямъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они, которые книги печатали и составили по своему обычаю и вымыслу, тѣми

1) Русскіе однако не знали того очень важнаго обстоятельства, что въ латинской Венеціи въ то время жило очень много православныхъ грековъ, которые имѣли свои церкви, свой православный клиръ и свои православныя типографіи, въ которыхъ они, т. е. православныя венеціанскіе греки, и печатали свои церковныя книги. Значитъ, хотя греческія книги и печатались въ латинской Венеціи, но печатались православными греками и въ ихъ собственныхъ типографіяхъ. Конечно были и исключенія, почему въ то время и въ самой Греціи къ венеціанскимъ греческимъ изданіямъ относились съ осторожностію.

же книгами они борются въ странахъ, а гдѣ древнихъ библѣй нѣтъ, и опаяются орудіемъ нашимъ, и являются они мужественны, и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царь-градѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царь-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей, и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевидѣць есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе, *и вспомянулъ смуты, что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ, и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ...* Да повелиши, пишетъ далѣе Теофанъ царю, быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философіи и богословія греческаго языка и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятца отъ лукавства еретиковъ, да исполнятца во всемъ мірѣ православныя христіанскіе книги, и не будетъ нужды (пользоваться) тѣми составленными римскими и лютерскими книгами; *здѣсь исполнятца древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво,* и тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всѣмъ народѣ христіанскомъ, и прославитца великое имя царствія вашего по всей вселенной, но и паки— Птоломея царя“ ¹⁾.

Въ виду подобныхъ заявленій самихъ грековъ о порчѣ ихъ печатныхъ книгъ со стороны латинянъ и лютеранъ, о томъ, что настоящія неиспорченныя греческія книги могутъ теперь печататься только въ православной Москвѣ, гдѣ должна быть открыта греческая типографія, и для обученія русскихъ устроено греческое училище,—вполнѣ естественно было, что многіе русскіе не считали возможнымъ пользо-

¹⁾ Челобитная палеопатраскаго митрополита Теофана 1645 года была нами напечатана въ полномъ видѣ въ журналѣ общ-люб. духовн. проsv. 1881 г., Іюль, въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь.

ваться греческими печатными книгами, а тѣмъ болѣе исправлять по нимъ русскія книги. Это бы значило, думали русскіе, не исправлять наши церковныя книги, а завѣдомо портить ихъ, значило бы вводить въ нихъ тѣ ереси, какія латиняне внесли въ напечатанныя у нихъ греческія книги. Если же русскіе и принимали греческія печатныя книги, то только тѣ, съ которыхъ существовали старыя славянскіе переводы, и признавали ихъ опять-таки настолько, насколько онѣ согласны были съ этими переводами, все же несогласное въ нихъ со старыми переводами отрицалось, какъ позднѣйшая латинская передѣлка. Вполнѣ точно и опредѣленно этотъ взглядъ русскихъ на греческія печатныя книги былъ выраженъ игуменомъ Ильею и Онисимовымъ во время ихъ собесѣдованія съ Лаврентіемъ Зизаніемъ. На замѣчаніе Зизанія: „да у васъ греческихъ правилъ нѣтъ“, Илья и Онисимовъ говорили: „всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ добрыхъ, правила у насъ есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не приедемъ, потому что греки живутъ нынѣ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своимъ волямъ печати имъ книгъ своихъ не имѣтъ, и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ. И намъ такихъ новыхъ переводовъ греческихъ не надобно, хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы тотъ новый вводъ не приедемъ“. На замѣчаніе Зизанія: „да откуда у васъ взялись греческія правила?“ собесѣдники отвѣтили ему: „Кипріанъ митрополитъ кievскій и всея Русіи, егда прииде изъ Константина града въ русскую митрополию, и тогда съ собою привезъ правильныя книги христіанскаго закона греческаго языка и перевелъ ихъ на славянскій языкъ, Божіею милостію пребываютъ и доннѣ безъ всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а нынѣ къ намъ которыя книги выходятъ печатныя греческаго языка и будетъ сойдутся съ старыми переводами, и мы ихъ приедемъ и любимъ; а будетъ въ нихъ приложено ново, и мы тѣхъ не приедемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ тѣснотахъ въ невѣрныхъ странахъ, и печатати имъ по своему обычаю невозможно“ ¹⁾. Та-

¹⁾ Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу испра-

кимъ образомъ русскіе, годность или негодность своихъ церковныхъ книгъ, опредѣляли вовсе не ихъ сходствомъ съ греческими печатными книгами, а какъ разъ наоборотъ: годность или негодность греческихъ печатныхъ книгъ опредѣляли сходствомъ или несходствомъ ихъ съ русскими книгами, не русское провѣрялось греческимъ, а греческое русскимъ.

Понятно изъ сказаннаго, съ какимъ предубѣжденіемъ должно было встрѣтить большинство русскихъ стремленіе Никона исправлять наши церковно-богослужебныя книги съ греческихъ, особенно печатныхъ, съ какими трудностями и препятствіями ему пришлось бороться. Правда лучшіе люди, еще во времена патріаршества Іосифа, уже признавали необходимость исправлять наши книги по греческимъ и даже, какъ мы видѣли, дѣлали нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ. Но, во-первыхъ, такія лица представляли изъ себя даже въ самой Москвѣ только очень маленькую группу, совершенно незамѣтную въ массѣ; во-вторыхъ, совершенныя ими исправленія съ греческихъ книгъ сдѣланы были, какъ говорится, безъ всякаго шума, незамѣтно для большой публики, по предметамъ не бросавшимся въ глаза, почему на эти исправленія никто и не обратилъ вниманія. Иначе дѣйствовалъ Никонъ. Онъ думалъ исправить всѣ русскія церковно-богослужебныя книги, причемъ придавъ этому дѣлу публичный, торжественный характеръ, смѣло и рѣшительно заявивъ на соборѣ вслухъ всѣхъ, что всѣ московскія церковныя книги сильно испорчены разными включенными въ нихъ новшествами, почему ихъ необходимо тщательно исправить на основаніи древнихъ харатейныхъ славянскихъ переводовъ и греческихъ. Никонъ, впрочемъ, хорошо понималъ тѣ затрудненія, какія ему придется встрѣтить при исправленіи русскихъ книгъ съ греческихъ, и потому онъ приступилъ къ дѣлу исправленія книгъ очень осторожно. Прежде всего Никонъ постарался собрать какъ старыя славянскіе переводы, такъ и старыя рукописныя греческія книги, каковыя не могли подвергнуться порчѣ со стороны иновѣрцевъ, и потому не должны были внушать

русскимъ никакихъ опасеній и подозрѣній. Исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, производимое Никономъ, должно было, такимъ образомъ, совершиться не по новымъ греческимъ книгамъ, которыя печатаются у латинянъ, почему онѣ и очень подозрительны, а по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, которыя никогда и не бывали въ рукахъ иновѣрцевъ. Произведенное такимъ способомъ исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ, никому не должно было, очевидно, внушать опасеній, подозрительность русскихъ должна была успокоиться. Но, къ сожалѣнію, этотъ, такъ прекрасно задуманный способъ исправленія книгъ, на практикѣ оказался совсѣмъ непримѣнимымъ, почему никоновскимъ книжнымъ справщикамъ пришлось его окончательно оставить и на дѣлѣ замѣнить другимъ.

Дѣло въ томъ, что богослуженіе въ христіанской церкви, церковные чины и обряды, появились и сложились не вдругъ, а мало по малу, въ теченіи многихъ вѣковъ, причемъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ они всегда были очень неодинаковы, и даже въ одной церкви, въ разное время ея существованія, были различны, а относительно частныхъ и подробностей, такъ продолжалось и послѣ того, какъ общіе типы церковныхъ службъ, чиновъ и обрядовъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, уже окончательно опредѣлились и получили на практикѣ полную устойчивость ¹⁾. Отно-

¹⁾ Что и въ русской церкви древніе богослужебные списки были неодинаковы, несходны между собою и съ послѣдующими, это доказывается слѣдующимъ: изъ домонгольскаго періода до насъ дошло два служебника, усвояемые—одинъ Антонію Римлянину († 1147 г.), другой Варлааму Хутыинскому (приблизительно около 1192 г.). Извѣстный историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій по этому поводу замѣчаетъ: „прежде всего служебники, не смотря на то, что они одной и той же мѣстности и по времени писанія отдѣляются одинъ отъ другого не слишкомъ большимъ промежуткомъ времени, если только не совсѣмъ современны, далеко несогласны сами между собою. Въ служебникѣ Варлаамовомъ нѣтъ въ которыхъ молитвъ и возглашеній, читаемыхъ въ Антоніевомъ, и относительно нѣкоторыхъ дѣйствій даются предписанія, отличныя отъ послѣдняго. Вообще изъ взаимнаго сличенія служебниковъ ясно, что въ періодъ домонгольскій у насъ существовали литургіи въ нѣсколькихъ редакціяхъ и что онѣ представляли большее или меньшее разнообразіе“ (Ист. рус. церкви, томъ первый, втор. полов. стр. 307, 363). Относительно разнообразія въ богослужебныхъ книгахъ, существовавшего у насъ послѣ монгольскаго періода, см. сочиненіе Й. Д. Мансветова: Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. Москва 1882 г.

сительное единообразіе, даже въ частностяхъ и подробностяхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, заявило себя только уже со времени книгопечатанія, когда цѣлые выпуски церковныхъ книгъ стали печататься съ одного опредѣленнаго списка. Въ виду этого древніе рукописные списки церковно-богослужебныхъ книгъ очень разнообразны, во многомъ несходны между собою, каждый изъ нихъ говоритъ только за то, какъ совершалось богослуженіе въ то время, къ которому относится списокъ, и въ той именно церкви, которой онъ принадлежитъ. Но если взять богослуженіе другой помѣстной церкви за тоже время, то оно окажется во многомъ несходнымъ съ первымъ, даже богослужебные списки одной и той же церкви, но взятые за разное время, будутъ очень различны и несходны между собою, и чѣмъ древнѣе списки, тѣмъ больше между ними будетъ и различія. Понятно отсюда, что исправлять современныя богослужебныя книги по древнимъ спискамъ дѣло по самому существу своему крайне трудное, требующее продолжительныхъ специальныхъ предварительныхъ изысканій и работъ со стороны не одного, а многихъ лицъ, нарочно къ тому научно подготовленныхъ, такъ какъ каждый древній списокъ всегда будетъ представлять изъ себя нѣчто отличное отъ другого подобнаго древняго же списка, а тѣмъ болѣе отъ позднѣйшаго. Изъ разсмотрѣнія разныхъ древнихъ богослужебныхъ списковъ можно придти только къ тому заключенію, что богослуженіе въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ было всегда очень различно, никогда не было во всемъ одинаковымъ даже въ одной и той же церкви, за различное время ея существованія, что православная церковь всегда допускала и допускаетъ въ своихъ нѣдрахъ разнообразіе въ церковныхъ службахъ, чинахъ и обрядахъ, не считаетъ полное, детальное единообразіе въ нихъ обязательнымъ, необходимымъ условіемъ ихъ единенія, если только онѣ, при разности церковнаго чина и обряда, исповѣдуютъ одно и тоже ученіе. Естественно поэтому, что Никонъ, думавшій исправлять русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ, встрѣтилъ, или вѣрнѣе, назначенные имъ книжные справщики встрѣтили на этомъ пути неодолимая препятствія, заключающіяся въ безконечномъ разнообразіи древнихъ списковъ, въ ихъ несходствѣ между собою и съ

современною практикою, въ невозможности привести ихъ къ единству и единообразію, безъ участія въ этомъ дѣлѣ личнаго усмотрѣнія, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, и прямо творчества со стороны книжныхъ справщиковъ и ихъ руководителя, какъ это и было въ дѣлѣ книжныхъ исправленій, совершенныхъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Чтобы выйти изъ затрудненія, справщикамъ приходилось остановиться или на какомъ либо одномъ древнемъ спискѣ, или на нѣсколькихъ, относительно однородныхъ. Но и тутъ затрудненіе все-таки не уничтожалось. Если держаться одного или нѣсколькихъ однородныхъ древнихъ богослужебныхъ списковъ, и на основаніи ихъ исправить русскія книги, то въ концѣ оказалось бы, что исправленные такимъ образомъ книги будутъ, необходимо, значительно и во многомъ отличны какъ отъ современныхъ русскихъ, такъ и современныхъ греческихъ книгъ, и тогда церковно-богослужебная практика русской церкви значительно бы разошлась и съ русскою непосредственно ей предшествовавшею церковною практикою и съ тогдашнею греческою, вслѣдствіе чего цѣль никоновскихъ церковныхъ исправленій—приведеніе къ полному единству русской церковно-богослужебной практики съ современною греческою, рѣшительно бы не достигалась. Тогда Никону и его книжнымъ справщикамъ оставался послѣдній путь, чтобы выйти изъ затрудненія: признать греческую современную церковно-богослужебную практику и греческія печатныя книги за норму и образецъ для исправленія русскихъ книгъ. Такъ какъ практика греческой церкви XVII вѣка выработалась на основаніи болѣе древней, то она, конечно, и находила себѣ оправданіе въ извѣстной серіи древнихъ списковъ, что и служило для никоновскихъ справщиковъ достаточнымъ увѣреніемъ въ томъ, что они, исправляя русскія книги по печатнымъ греческимъ, дѣйствительно возстановляютъ на Руси древній церковно-богослужебный чинъ, такъ какъ онъ, въ этомъ случаѣ, опирается на свидѣтельство древнихъ списковъ, вполне подтверждающихъ правильность и неиспорченность греческихъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ Никонъ, взявшись за исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, естественно и необходимо долженъ былъ придти къ рѣшенію: или отказаться отъ выполненія этой задачи, или же

исправлять русскія книги съ тогдашнихъ греческихъ печатныхъ книгъ. Никонъ, или вѣрнѣе, его справщики рѣшили послѣднее. Но очевидно, что совершенное такимъ способомъ исправленіе русскихъ книгъ, должно было встрѣтить въ значительной части русскаго общества рядъ недоумѣній, сомнѣній и даже прямо противодѣйствіе, въ виду того предубѣжденія, какое существовало у русскихъ относительно греческихъ печатныхъ книгъ, и подъ вліяніемъ котораго даже самъ Никонъ считалъ возможнымъ исправлять наши книги только по древнимъ славянскимъ рукописямъ и по греческимъ.

Что при Никонѣ наши богослужебныя книги исправлялись съ печатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій, это хорошо было извѣстно первымъ противникамъ реформы Никона. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ въ челобитной государю: „а нынѣшныя книги, что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецію, съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ, словутъ греческія, а тамъ печатаютъ тѣ книги подъ властію богоотступнаго папы римскаго въ трехъ градѣхъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и въ Венеціи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію. Того ради и здѣ нынѣшныя (переведенныя) съ старыми несогласны, государь, и велія смута“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „тѣ прокаженныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо (на востокѣ), и купилъ ихъ на многія тысящи сребра. Самъ нынѣ сказа всѣмъ во время отреченія престола и патріаршества своего, и числомъ сказа, но азъ забыхъ то. *И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому онъ и несогласны со старыми нашими.* Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велій сотворили во всей земли русской по всѣмъ церквамъ“¹⁾. Никита говоритъ, что въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ „всѣ таинственныя въ миропомазаніи приглашенія нарушены злымъ еретическимъ вымысломъ, послѣдую отпадшія вѣры римскому не православному крещенію. *А печатано съ книгъ, иже греческія словутъ, а печатаютъ ихъ растлѣнно въ трехъ ла-*

1) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 41—42, 158.

тинскихъ градѣхъ: въ Римѣ, и въ Парижѣ и въ Венеціи“¹⁾. И православные люди, раздѣлявшіе предубѣжденіе противъ греческихъ печатныхъ книгъ, сильно соблазнялись тѣмъ, что книги при Никонѣ, исправлялись съ греческихъ венеціанскихъ изданій. Вятскій епископъ Александръ, въ вопросахъ, предложенныхъ имъ собору 1666 года, говоритъ: „новый требникъ ни съ кievскимъ, ни съ прежними нашими московскими согласія не имать. Откуда убо явится истина, зане мы въ Венеціи печатныхъ книгъ греческихъ огребатися должны есмы, и въ неволи живущимъ грекамъ у латинниковъ и у эллиновъ, обычаевъ и чиновъ примати нѣсмы должны“. Русскимъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, болѣе держаться своихъ старыхъ славянскихъ книгъ, „и тѣмъ святымъ книгамъ послѣдовати, а не въ Венеціи печатнымъ отъ еретикъ“²⁾. Но самое обстоятельное извѣстіе о томъ, что книги при Никонѣ и послѣ его правились у насъ дѣйствительно съ греческихъ венеціанскихъ изданій принадлежатъ извѣстному Сильвестру Медвѣдеву, который нѣкоторое время самъ былъ книжнымъ справщикомъ, и потому имѣлъ о книжной справѣ вѣрныя обстоятельныя свѣдѣнія, которыя онъ и сообщаетъ въ первой части своего сочиненія: „Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ“³⁾.

Отвѣчая на вопросъ, откуда произошелъ расколъ въ русской церкви, Медвѣдевъ рѣшительно говоритъ: „ни откуда и нуду такое въ Московскомъ царствіи въ вѣрѣ православніи сотворися разнствіе, точію отъ новыхъ греческихъ печатныхъ книгъ, которыя во градѣхъ латинскія вѣры и лютерскія и кальвинскія ереси печатаются, и съ греческими древними рукописменными книгами не согласуются“. Въ объясненіе того, какимъ образомъ могло случиться, что наши книги стали исправлять съ венеціанскихъ греческихъ изданій, Медвѣдевъ рассказываетъ слѣдующее: Никонъ, рѣшивъ исправить русскія книги, созвалъ соборъ въ 1654 году, который онъ и просилъ, указавъ предварительно на не-

¹⁾ IV, стр. 15—16.

²⁾ Рукопись моск. синод. библ. по описанію Горскаго и Новоструева, т. II, 4., № 294, вопр. 20, л. 114.

³⁾ Это сочиненіе Медвѣдева напечатано С. А. Вѣлюковымъ въ чт. общ. ист. и древн. 1885 г. кн. IV.

исправности московскихъ книгъ, составить рѣшеніе: „новымъ-ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовать, въ нихъ же многая обрѣтошася нами, отъ преведшихъ и преписующихъ я неискуснѣ, съ древними же греческими и словенскими несходства и несогласія, явнѣ же рещи погрѣшенія,—или древнимъ греческимъ и славянскимъ, иже обоединѣ купно чинѣ и уставъ показываютъ, въ нихъ же святіи Божіи челоувѣцы и велицыи сихъ творцы восточніи богословцы и учителя—Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый, Іоаннъ Дамаскинъ, Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московстіи чудотворцы, и прочіи святіи поучающеса, Богови угодиша, и намъ въ пользу нашу незазорныя оставиша, и неврежденны блюсти повелѣша?“ По поводу этой рѣчи Никона, Медвѣдевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „внимай, боголюбезный правовѣрный читателю, прилежно, како здѣ святѣйшій патріархъ Никонъ древніи греческія рукописенныя и словенскія харатейныя книги похваляетъ, и съ ними весьма тщится во всемъ согласное имѣти; а еже съ ними въ книгахъ несогласное, и то, яко новое, отринуты поучаетъ, и чесо ради тако сотворити, и тому причину даеъ свѣтлую: яко дабы намъ всѣмъ спасеніе уллучити—такжде, яко же наши россійстіи святіи Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московскіи чудотворцы“.—На рѣчь Никона, рассказываетъ Медвѣдевъ, соборъ отвѣтилъ рѣшеніемъ: „достойно и праведно исправити словенскія печатныя книги противу старыхъ харатейныхъ россійскихъ и греческихъ книгъ“. Въ силу такого соборнаго постановленія изъ разныхъ русскихъ книгохранилищъ стали собирать въ Москву древнія славянскія книги, переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ за 500 лѣтъ и больше, а на востокъ былъ посланъ старецъ Арсеній Сухановъ, чтобы и оттуда привести въ Москву старыя рукописныя греческія и славянскія книги“. Внимай, читателю, опять замѣчаетъ по этому поводу Медвѣдевъ, не о новыхъ греческихъ унѣмецъ печатанныхъ книгахъ промышленіе бѣше, съ которыхъ бы согласную истину древнихъ святыхъ отецъ познати, но о древнихъ рукописенныхъ“,—Когда Сухановымъ дѣйствительно привезены были въ Москву очень древнія греческія рукописныя книги, тогда въ Москвѣ снова былъ созванъ соборъ, на которомъ присутствовали: антиохійскій патріархъ Макарій

и сербскій Гаврилъ. На этомъ соборѣ тщательно сличены были древнія греческія рукописныя книги съ древними же рукописными славянскими, и найдены между собою во всемъ согласными“. „Зри, православный читателю,“ замѣчаетъ Медвѣдевъ, „прилежно, какъ на ономъ соборѣ вси разсмотриша наши словенскія древнія книги со древними греческими рукописными во всемъ согласны быти, а не съ новыми греческими у нѣмецъ печатными книгами“. Въ виду этого соборъ рѣшилъ служебникъ „и прочія святаыя книги, въ нихже нѣкими отъ преписующихъ невниманіемъ погрѣшенія обрѣтаются, во всемъ съ древними греческими и славянскими священными книгами, въ нихже не едино прегрѣшеніе обрѣтается, согласити и исправить узакониша“. Но это соборное постановленіе: исправить русскія книги съ древнихъ рукописей греческихъ и славянскихъ, на практикѣ не было приведено въ исполненіе, книги въ дѣйствительности стали править „съ новопечатанныхъ греческихъ у нѣмецъ“, древнія же книги греческія и славянскія были оставлены. Произошло это, по объясненію Медвѣдева, такимъ образомъ: когда соборъ рѣшилъ исправить служебникъ съ древнихъ греческихъ и славянскихъ, тогда „коварніи челоувѣцы, прежде лестными своими словесы прельстиша святѣйшаго Никона патріарха, начаша самую ему правду о исправленіи книгъ предлагати, а дѣломъ самымъ ино промыслиати. И егда оныхъ челоувѣкъ та хитрость ихъ не познася, оставивше они греческія и славянскія древнія самыя книги, начаша правити съ новопечатныхъ у нѣмецъ греческихъ книгъ. А въ семъ предисловіи книги служебника пишутъ они, еже оу съ древними греческими и словенскими рукописными достовѣрно исправиша и во всемъ согласиша, и народъ православный увѣщаютъ, во еже бы оный той книгѣ, яко достовѣрной, вѣрили и ни въ чесомъ не усомнѣвались, зане справлена съ греческихъ рукописныхъ и словенскихъ книгъ. А та книга служебникъ правлена не съ древнихъ греческихъ рукописныхъ и словенскихъ, но снова у нѣмецъ печатной греческой безсвидѣтельствованной книги, у нея же и начала нѣсть и гдѣ напечатана невѣдомо. И егда по малыхъ лѣтѣхъ, по указу великаго государя, ради достовѣрнаго книжнаго свидѣтельства и справки, былъ на печатномъ дворѣ справщикъ изъ Аѳонскія горы архиманд-

ритъ Діонисій, иже обита въ семь царствующемъ градѣ Москвѣ въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ, и той, ону у нѣмецъ печатную книгу служебникъ разсмотря, на страницахъ подписалъ своею рукою на обличеніе тоя неправыя книги слова бранныя, здѣ писати неприличныя. А та книга и нынѣ обрѣтается въ книгохранительницѣ на печатномъ дворѣ. И которой служебникъ печатанъ и послѣ сего въ лѣто 7166, а въ немъ напечатано о святѣй литургіи, яко напечатано по уставу константинопольскія великія церкви и святыя горы, — и онъ на той книгѣ подписалъ своею рукою: „не хочу лгать на великую церковь и на святую гору Аѳонскую“. Въ другомъ мѣстѣ Медвѣдевъ говоритъ: „всѣ повѣдаютъ книги правлены съ древнихъ греческихъ и словенскихъ харатейныхъ рукописныхъ книгъ, а ни одна книга новоисправленная, яко служебникъ и иныя, съ древними греческими рукописными и съ древними же словенскими харатейными книгами можетъ обрѣстися во всемъ согласна; но всякая имать, яко отъ древнихъ греческихъ рукописныхъ и славянскихъ харатейныхъ, тако и отъ славянскихъ печатныхъ и отъ Кіевскихъ и съ новопечатными у нѣмецъ греческими же книгами, разгласна. А еже далѣе правятъ, то вѣщше премѣненія по своимъ прихотямъ творятъ и тѣмъ православный народъ смущаютъ“. Но кто же были тѣ „коварніи человекъ“, которые, обманувъ Никона, стали править наши книги не по древнимъ греческимъ и славянскимъ, какъ хотѣлъ Никонъ и какъ рѣшили соборы, а по греческимъ новопечатнымъ у нѣмцевъ? На это нѣтъ прямого отвѣта у Медвѣдева. Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ глухо заявляетъ: „нѣціи духовніи оставяще (славянскія) оныя правыя харатейныя древнія книги, которыя съ древними харатейными книгами сходны, по нихже вси святіи російстии Богу угодиша и благодать Его божественную себѣ чудотворенія пріяша, оставивше, возлюбили новыя греческія у нѣмецъ печатныя книги и съ тѣхъ, вновь преводяще, и то неискусными переводчики, начаша, не справя и подлинно не осмострися, печатати, и того ради едва не всядневно въ книгахъ премѣнностію православный народъ смущати. Отъ ихже такового смущенія, Богъ вѣсть, колико темъ сотъ душъ православныхъ погибе... Нынѣшніи духовніи, еще замѣчаетъ Медвѣдевъ, сами во извѣстїи свя-

ценнаго писанія и древнихъ святыхъ отецъ неискуствующе, яже вещи отъ російскаго народа по обыклости древней хранятся, обаче тѣи не суть противни Богу, ниже вѣрѣ святѣй, ниже древнимъ греческимъ рукописненнымъ и словенскимъ книгамъ, но тѣмъ согласны; они же, являющесе быти мудры и новымъ у нѣмецъ печатнымъ греческимъ книгамъ послѣдствующе, старыя правыя греческія и славянскія харатейныя и на бумагѣ писанныя книги, по которымъ древніи наши святіи отцы спасошася, презирають и многія хулятъ. А иже имъ о семъ правду глаголетъ, и они правды слышати не хошуть. Ибо (а праведно рѣчи не есть сіе грѣхъ) во истину самыя правды и сами не знаютъ, точію честію своею величуются и не хошуть невѣденія своего людемъ ради себѣ стыда объявити, но точію повелѣвають всѣмъ себе безъ всякаго разсужденія, оставя правду, ихъ, неправая мудрствующихъ, слушати; и всегда отъ всякія правды, противу которой противитися не могутъ, защищаются Христовымъ словесемъ, иже рече: *слушайяя васъ, мене слушаетъ, а отъметаяяся васъ, мене отъметается.* А въ чемъ подобаеть ихъ людемъ слушати, того они не изъясляютъ, и тѣми словесы Христовыми неискусныхъ человѣкъ въ разсужденіи неправедно устрашаютъ. По заявленію Медвѣдева тогда были безумныя „нѣціи духовніи“, которые признавали неправыми не только книги московской печати, но „и вси наши древніи книги славянскія харатейныя“, такъ какъ онѣ будто бы неправильно и неискусно ранѣе были переведены, почему де и слѣдуетъ держаться греческихъ книгъ и новыхъ русскихъ переводовъ съ нихъ.

Такимъ образомъ Медвѣдевъ, который самъ былъ справщикомъ въ теченіи десяти лѣтъ (1679—1689), рѣшительно завѣряеть, что наши церковныя книги при Никонѣ, и въ послѣдующее время, правились будто бы исключительно только съ новопечатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій, причемъ Медвѣдевъ указываетъ и самый греческій подлинникъ, съ котораго при Никонѣ правили служебникъ. Этотъ греческій евхологій, венеціанскаго изданія, дѣйствительно и сей часъ находится въ московской синодальной бібліотекѣ.

Но если при Никонѣ дѣйствительно, какъ увѣряеть Мед-

вѣдѣвъ, служебникъ исправлялся только по одному печатному венеціанскому изданію, причѣмъ будто-бы вовсе не принимались во вниманіе древнія греческія и славянскія рукописи, то какимъ же образомъ могло случиться, что Никоновскій служебникъ, исправленный съ одной только опредѣленной печатной греческой книги, явился однако не одинаковымъ въ разныхъ изданіяхъ, которыя разнятся между собою? Паисій Лигаридъ и Одоевскій, посланные къ Никону въ Воскресенскій монастырь, отъ имени государя говорили ему: „для чего ввелъ въ міръ великій соблазнъ—выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?“ Противники книжныхъ исправленій Никона постоянно и настойчиво указывали на то обстоятельство, что при Никонѣ и послѣ его „было шесть выходовъ служебниковъ и что всѣ они разнятся между собою“. Это показываетъ, что при исправленіи служебника никоновскіе справщики производили справку не съ одной только какой нибудь опредѣленной печатной греческой книги, такъ какъ, при такомъ условіи, разные выпуски одного и того же служебника не могли бы разниться между собою, но были бы одинаковы. Книжные справщики служебника изданія 1655 года, въ предисловіи заявляютъ, что они „отъ греческихъ и славянскихъ книгъ истинное избраше (т. е. сдѣлавъ выборку) и сію святую книгу служебникъ“ напечатали. Книжные справщики въ никоновскомъ служебникѣ 1658 года, втораго изданія, на листѣ 693-мъ, дѣлаютъ такое заявленіе: „вѣдомо убо будетъ вамъ всѣмъ, яже отъ Бога рукоположеніемъ архіерейскимъ освященнымъ, яко въ прежнихъ изданныхъ изъ печати служебникахъ, аще и не печатася стихъ: благословенъ грядый во имя Господне, иже глаголется въ литургіи, но ввсегда (воздвигнувъ честную чашу) рещи діакону или священнику: со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите,—и сіе убо не забвеніемъ или нерадѣніемъ не напечатася, но зане въ греческихъ переводахъ, отъ нижже сія книга преведеса и исправися, не напечатано. Сего ради и мы оставихомъ. Егда же разсмотримъ отъ книги толкованія литургіи, собраннаго Іоанномъ іереемъ Наэанаиломъ, новопреведенныя съ греческаго языка на словенскій и напечатанныя въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7164, идѣже тамо во главѣ 115, на листѣ 732-мъ пишетъ, наипаче

же отъ книги самага Златоустаго, идѣже сочиненіе его литургіи бѣше, тамо обрѣтохомъ о семь писано, яко подобаетъ глаголати. Сего ради и мы, въ настоящихъ сихъ служебникахъ положихомъ, *совершенно вѣдуще, яко никакже подобаетъ оставлять*“. Книга Увѣтъ говоритъ, что „святая книга служебникъ исправися соборнѣ со истиннымъ свидѣтельствомъ съ древнихъ святыхъ отецъ, восточныя церкви и русскихъ нашихъ чудотворцевъ съ харатейныхъ письменныхъ книгъ добрыхъ переводовъ, по нихже сами святіи чудотворцы служили... А съ которыхъ древнихъ книгъ нашихъ русскихъ чудотворцевъ исправися чинъ служебника, и тѣи здѣ во свидѣтельство полагаются: во первыхъ, Антонія Римлянина, препод. Варлаама Хутынскаго, архіепископовъ—Іоанна, Евѣимія, Серапіона новгородскихъ чудотворцевъ служебники, по нихъ же сами служиша. Къ симъ же святаго Кипріана митрополита Московскаго и всея Россіи, писанный на хартіи его рукою служебникъ, великаго чудотворца Сергія Радонежскаго обители харатейный служебникъ, Іова перваго московскаго патріарха со златыми письмены, Іосифова монастыря ламскаго служебники, но здѣ, множества ради, оставляемъ“. Кромѣ того Увѣтъ, по тѣмъ или другимъ частнымъ случаямъ, не разъ указываетъ, какія именно греческія и славянскія книги имѣлись въ виду при тѣхъ или другихъ частныхъ исправленіяхъ. Напримѣръ онъ говоритъ: „а тѣ тропари по херувимской пѣсни въ великую субботу напечатаны тако со многихъ греческихъ и славенскихъ харатейныхъ старыхъ книгъ, тріодей и служебниковъ. А въ коихъ писано то здѣ полагается: книги греческія: тріодъ постная и цвѣтная въ полдестъ, писана отселѣ за триста тридцать осмь лѣтъ, въ лѣто 6852, принесена и положена въ соборную церковь Фотіемъ митрополитомъ московскимъ и всея Россіи, въ ней въ великій пятокъ на вечерни тропарь—благообразный Іосифъ, конецъ его писанъ: закрывъ положи. Такжеже лишетъ въ греческомъ письменномъ въ служебникѣ, по херувимской пѣсни, въ литургіи Златоустовѣ, окончаніе тогоже тропаря: закрывъ положи. И паки въ русскихъ служебникахъ обрѣтается: Евѣимія новгородскаго чудотворца, писаннаго въ его лѣта, отселѣ за 244 лѣта, по Херувимской пѣсни, конецъ того тропаря: закрывъ положи. И паки въ служебникѣ Іосифова монастыря волоцкаго того же тропаря

конецъ: закрывъ положи. И во всѣхъ старыхъ книгахъ греческихъ и славянскихъ стоятъ тропари такожде“. Или, на-примѣръ, Увѣтъ замѣчаетъ „и въ древнихъ греческихъ требникахъ письменныхъ и печатныхъ, и въ славянскихъ харатейныхъ и сербскихъ и Кіевскихъ требникахъ, писано согласно, противъ новоисправленныхъ требниковъ, а не отъ себе исправихомъ, но послѣдующе древнему обычаю святыхъ церкви и грамматическому разуму святыхъ отецъ“. Въ другомъ мѣстѣ Увѣтъ говорить: „клеветницы и возмутители церкви святыхъ глаголятъ хульная на догматы и преданія святыхъ отецъ: еже въ день пятидесятый вечера глаголютъ ектенія великая и молитва Духа святаго оставлена, лгуще на святую церковь. Слышите, окаяннии слѣпцы и блззнителье, о семь свидѣтельства: древнія святыхъ отецъ уставы, и требники и тріоди: книга требникъ харатейный греческій, писана въ лѣта 6856 царя православнаго Іоанна Контакузина, и на его имя подписанъ. И второй требникъ греческій древній писменный, принесенный отъ святыхъ горы Аѳона, такожде и тріоди и уставы греческія, принесенныя отъ святыхъ горы Аѳона, и русскія уставы харатейныя и требники, въ нихже симъ переводомъ ектенія и молитвы во всѣхъ согласно обрѣтается, якоже въ новопечатныхъ, понеже со оныхъ древнихъ предиреченныхъ святыхъ книгъ исправившася сіи наши новопечатныя старыя книги, по истинѣ добрѣ и достовѣрнѣ, со многимъ свидѣтельствомъ“. Исправляли книги, по увѣренію Увѣта, руководствуясь тѣмъ общимъ правиломъ, что изъ старыхъ разныхъ книгъ выбирали лучшее—*„что въ коей старой книзѣ лучшее разумнѣе отъ многихъ судится быти, то полагается въ печатную книгу“* 1).

Очевидно, что дѣло книжныхъ исправленій, какъ при Никонѣ, такъ и послѣ него въ ближайшее время, велось такимъ образомъ: печатный венеціанскій греческій служебникъ (или другая церковная книга), и ради удобства и необходимости, и такъ какъ онъ печатался венеціанскими православными греками тоже съ какихъ либо древнихъ провѣренныхъ списковъ, и, главнымъ образомъ, потому, что онъ пользовался довѣріемъ всей православной греческой церкви и ею употреблялся въ обычной церковной практикѣ,

1) Стр. 102—103, 107, 204—205, 263 об.

принимался нашими справщиками за основной текстъ, и переводъ его составлялъ первую редакцію, которая клалась въ основу исправленія нашихъ печатныхъ книгъ. Затѣмъ эта первая редакція, т. е. переводъ съ греческаго изданія, подвергалась провѣркѣ древними греческими и славянскими списками, причемъ она претерпѣвала разныя болѣе или менѣе серьезныя измѣненія и передѣлки, привносимыя въ нея по указаніямъ древнихъ греческихъ и славянскихъ списковъ, и это дѣлалось въ большей или меньшей степени при каждомъ новомъ выходѣ книги, отъ чего и произошло то, что разные выходы служебниковъ, какъ при самомъ Никонѣ, такъ и послѣ него, оказывались между собою не совсѣмъ сходными, всегда одинъ выходъ служебника чѣмъ нибудь разнился отъ другаго, полного единства между ними не было. Значить, хотя при Никонѣ наши церковныя книги дѣйствительно исправлялись съ печатныхъ венеціанскихъ изданій, однако послѣднія подвергались у насъ провѣркѣ древними списками греческими и славянскими, на основаніи чего дѣлались отступленія отъ греческаго печатнаго текста, съ которымъ, поѣтому, наши новоисправленныя книги не всегда и не во всемъ сходились. Слабая сторона подобнаго способа исправленія книгъ при Никонѣ, и вскорѣ послѣ него, заключалась въ томъ, что не выработано было никакихъ руководящихъ опредѣленныхъ началъ, никакого опредѣленнаго плана и метода для веденія книжныхъ исправленій, которыми бы могли руководствоваться въ своихъ работахъ книжные справщики. Все дѣло справы велось какъ-то случайно, на основаніи случайнаго находящагося въ данную минуту подъ руками справщиковъ матеріала, отчего необходимо являлась неустойчивость и рознь въ книжныхъ исправленіяхъ за разное время. Справщики провѣряли переводы венеціанскихъ изданій нынѣ по однимъ древнимъ спискамъ, завтра по другимъ, нынѣ находили нужнымъ внести въ исправляемую книгу изъ древнихъ списковъ одно, а завтра другое. Правда, они изъ старыхъ книгъ избирали, по ихъ мнѣнію и убѣжденію, только лучшее, и это находимое лучшее вносили въ наши новоисправленныя книги. Но что такое было дѣйствительно лучшее въ разныхъ старыхъ греческихъ и славянскихъ спискахъ, изъ которыхъ каждый служилъ только отображеніемъ даннаго времени и мѣста?

Такъ какъ ничего руководящаго опредѣленнаго въ этомъ отношеніи установлено и дано не было, то одному справщику казалось въ старомъ лучшемъ одно, а другому—другое, почему одни справщики, какъ лучшее, вносили въ новоисправляемые книги одно, а другіе потомъ замѣняли это другимъ, по ихъ убѣжденію еще болѣе лучшимъ. Личному усмотрѣнію и разумѣнію книжныхъ справщиковъ, хотя и по неизбѣжной необходимости, такъ какъ въ справѣ не было настоящаго авторитетнаго главы и руководителя, дабалось слишкомъ много мѣста, а это неизбѣжно вело къ соблазнительной неустойчивости самой книжной справы. При такихъ, порядкахъ, очевидно, чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ большее количество появлялось изданій одной и той же книги, несогласныхъ между собою, и самое количество этихъ несогласій съ теченіемъ времени все болѣе увеличивалось. Это замѣчали всѣ, всѣ этимъ обстоятельствомъ очень смущались и соблазнялись, тѣмъ болѣе, что на него постоянно и неустанно указывали противники книжныхъ никоновскихъ исправленій, какъ на очевидное для всѣхъ доказательство, что русскія церковныя книги въ дѣйствительности не исправляются, а только портятся. Въ интересахъ церкви и самого дѣла, такъ или иначе, нужно было прекратить соблазнъ. Не нашли для этого иного выхода, какъ рѣшительное запрещеніе всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ исправлять книгу служебникъ, которая разъ навсегда должна была печататься впредь только въ одной опредѣленной редакціи, уже недопускающей въ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ и измѣненій. Именно, соборъ 1667 года постановилъ: „книга служебникъ, якоже прежде исправися и печатася, и нынѣ при насъ прилежно свидѣтельствовася отъ всего освященнаго собора и печатася въ лѣто 7176-е, тако же и впредь да печатають, и никто же да не дерзнетъ отнынѣ во священнодѣйствіе прибавити что или отъяти, или измѣнити. Аще и ангель (по насъ) будетъ глаголати что ино, да не имате ему вѣры“¹⁾.

Уже одно то обстоятельство, что исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ производилось при Никонѣ по печатнымъ греческимъ венеціанскимъ изданіямъ и при томъ такъ, что

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 238.

различные выходы служебника всё разлились между собою, было достаточно для того, чтобы вызвать въ известной части русскаго общества противодѣйствіе новоисправленнымъ книгамъ. Но это противодѣйствіе должно было еще болѣе усиливаться въ виду того, что Никонъ поручилъ книжную справу между другими и очень подозрительному въ глазахъ русскихъ старцу греку Арсенію. Но всѣмъ вообще греческимъ выходцамъ, переселявшимся въ Москву, русскіе относились подозрительно, такъ какъ эти выходцы характеромъ жизни и дѣятельности въ Москвѣ нерѣдко производили на русскихъ очень неблагопріятное впечатлѣніе. Все большинству русскихъ казалось въ нихъ подозрительнымъ: ихъ ученость, полученная въ латинскихъ школахъ; самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подѣ влияніемъ латинскаго воспитанія; ихъ частная и общественная жизнь, во многомъ не согласная съ представленіями русскихъ объ истинно благочестивой и строго православной жизни; вся ихъ дѣятельность, опредѣлявшаяся иногда очень нечистыми побужденіями и вождѣленіями ¹⁾. Не даромъ конечно Нероновъ взывалъ къ царю: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ не развратниковъ, коихъ истинѣ ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многоядѣніе и піянство любятъ, вмѣсто же, еже Христа истаяти тѣло, мягкость и бувство любятъ“ и пр. Но если уже всѣ выходцы греки въ глазахъ многихъ русскихъ были очень подозрительны, то тѣмъ болѣе, конечно, былъ подозрителенъ книжный справщикъ Арсеній грекъ. Онъ былъ воспитанникъ греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, имѣвшей спеціальною цѣлію воспитывать грековъ уніатовъ, какимъ, вѣроятно, сдѣлался и Арсеній. Онъ, хотя бы временно и невольно, но всетаки принималъ мусульманство. Какъ уніатъ, онъ жилъ нѣкоторое время при дворѣ польскаго короля Владислава. Про него іерусалимскіи

¹⁾ О различныхъ греческихъ выходцахъ въ Москву, о ихъ московской жизни, о впечатлѣніи, какое они производили на русскихъ, см. въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 145—202.

патріархъ Паисій писалъ государю, что Арсеній „прежде былъ инокъ и священникъ и, шедъ, бысть бусурманъ, и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и, бысть у нихъ, учинился уніатомъ, и имѣеть на себѣ великое злое бездѣліе, и распросите его добрѣ и будете обрѣсти вся“. Этотъ доносъ патріарха на Арсенія грека вполне подтвердился собственнымъ сознаниемъ самаго Арсенія, почему онъ и сосланъ былъ въ оковахъ въ Соловецкій монастырь, при чемъ царскимъ указомъ игумену и братіи Соловецкаго монастыря повелѣвается, сосланнаго въ ихъ монастырь на вѣчное житіе за еретичество греченина чернеца Арсенія, держать въ Соловкахъ въ земляной тюрьмѣ, въ крѣпости ¹⁾. Понятно послѣ этого, почему Нероновъ, уже при началѣ книжныхъ никоновскихъ исправленій заявлялъ, что исправленіе русскихъ книгъ никакъ не слѣдуетъ поручать такимъ сомнительнымъ лицамъ, „яковъ оный лукавый чернецъ Арсеній, о немъ же патріархъ іерусалимскій писалъ къ тебѣ, государю, изъ Путимля, что онъ, Арсеней, еретикъ, велѣлъ его остерегать. А нынѣ онъ, Арсеней, взять къ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ кельѣ, да ево и свидѣтеля, врага, поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и чудотворцевъ свидѣтельство отмечаетъ и ложно нарицаетъ“. Этотъ упрекъ Никону, что онъ довѣреннымъ книжнымъ справщикомъ у себя сдѣлалъ во всѣхъ отношеніяхъ подозрительнаго Арсенія грека, былъ справедливъ, не потому конечно, что Арсеній былъ дѣйствительный убѣжденный еретикъ и могъ сознательно вносить какія либо ереси въ русскія церковныя книги, или какимъ нибудь образомъ портить ихъ, но потому, что противъ него лично существовали очень сильныя, на фактахъ основанныя подозрѣнія, Никономъ не уничтоженныя, вслѣдствіе чего Арсеній, дѣйствительно могъ служить соблазномъ для многихъ русскихъ. Въ интересахъ успѣха своего дѣла Никонъ обязанъ былъ принять во вниманіе совѣсть тѣхъ немощныхъ, которыхъ крайне смущало довѣріе патріарха къ уличенному въ неправославіи и сосланному за еретичество на вѣчное житіе въ Соловки Арсенію. Но Никонъ, по обычаю, не обращалъ никакого вниманія на существовавшія въ обществѣ подозрѣнія и обвиненія противъ Арсенія, не поста-

¹⁾ Подробности объ Арсеніѣ грекѣ см. тамъ же, стр. 208—217.

рался ихъ разъяснить и опровергнуть, и потому дѣятельное участіе Арсенія въ книжныхъ Никоновскихъ исправленіяхъ послужило потомъ однимъ изъ главныхъ основаній для противниковъ реформамъ Никона признать новоисправленные книги еретическими, такъ какъ, говорили они, вѣдомый всѣмъ еретикъ Арсеній грекъ внесъ въ нихъ, подѣ видомъ исправленія, свои ереси.

Такимъ образомъ уже одна, такъ сказать, внѣшняя постановка книжныхъ исправленій при Никонѣ, именно, что книги исправлялись по греческимъ печатнымъ венеціанскимъ изданіямъ, что разныя выпуски ихъ разнились между собою, что ихъ исправленіе совершалось при дѣятельномъ участіи такого подозрительнаго и ненадежнаго человѣка, какимъ, въ глазахъ многихъ, былъ Арсеній грекъ, помимо самаго характера исправленія, давала основаніе противникамъ реформы Никона предполагать въ его исправленіяхъ только порчу русскихъ книгъ, думать, что въ нихъ внесены разныя новшества и даже ереси. Но разъ увѣренность въ этомъ возникла, послѣ, предубѣжденному взгляду, уже нетрудно было найти подтвержденіе своихъ подозрѣній въ самыхъ новоисправленныхъ книгахъ. Всякое новое въ нихъ несогласное съ старымъ мѣсто, неточность, темное, мало понятное выраженіе, типографская ошибка, собственное недоразумѣніе и недомысліе, легко можно было объяснять въ смыслѣ ереси; во что бы то ни стало хотѣли найти въ новоисправленныхъ книгахъ ереси, и, конечно, находили ихъ и даже очень много, о чемъ подробно мы скажемъ ниже.

По поводу книжныхъ исправленій при Никонѣ невольно и самъ собою возникаетъ вопросъ: каково было личное участіе самого Никона въ книжныхъ исправленіяхъ? Если мы для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся къ предисловію перваго новоисправленнаго служебника, изданнаго въ 1655 году, гдѣ подробно излагается исторія возникновенія у насъ книжныхъ исправленій при Никонѣ, то отсюда окажется, что главнымъ инициаторомъ и дѣйствительнымъ исполнителемъ всѣхъ книжныхъ исправленій былъ самъ Никонъ патріархъ: ему первому пришла мысль о порчѣ нашихъ книгъ, о необходимости ихъ исправленія по древнимъ славянскимъ харатейнымъ спискамъ и древнимъ греческимъ, и что онъ— Никонъ первый началъ исправлять наши книги съ древнихъ

славянскихъ и греческихъ. Но это извѣстіе предисловія къ служебнику 1655 года исторически во всѣхъ отношеніяхъ невѣрно. Мы уже видѣли, что служебникъ при Никонѣ исправлялся съ печатнаго греческаго венеціанскаго изданія, а не съ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, такъ какъ послѣднее по самому существу было дѣло невозможное. Если же и прибѣгали тогда къ древнимъ славянскимъ и греческимъ спискамъ, то только въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда возникали какія либо недоумѣнія по частнымъ вопросамъ, такъ что справа по древнимъ спискамъ вторгалась, такъ сказать, въ справу по венеціанскимъ изданіямъ, только частично. Несправедливо исторически и другое утвержденіе предисловія къ служебнику 1655 года, что мысль исправлять русскія церковныя книги прежде всего возникла у Никона, и что именно онъ былъ дѣйствительнымъ инициаторомъ книжныхъ исправленій у насъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, мысль исправлять наши церковныя книги по греческимъ возникла гораздо ранѣе патріаршества Никона у царя и его духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, что они, еще въ патріаршество Іосифа, уже подготовили средства для книжныхъ исправленій, вызвали, для этой цѣли въ Москву, ученыхъ кіевлянъ, оставили въ Москвѣ, съ этою же цѣлю, Арсенія грека, пріѣхавшаго къ намъ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ (въ 1649 г.), и еще при Іосифѣ уже кое-что въ нашихъ книгахъ начали исправлять съ греческихъ, и даже переводить съ нихъ въ видахъ книжной справы. Такъ, по свидѣтельству Медвѣдева, въ его Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ, уже въ 1649 году Епифаній Славинецкій, по порученію правительства, перевелъ съ греческаго языка на славянскій литургію Іоанна Златоустаго. Значитъ, Никонъ вовсе не былъ инициаторомъ нашихъ книжныхъ исправленій, онъ, сдѣлавшись патріархомъ, принялъ, такъ сказать, это уже подготовленное до него дѣло по наслѣдству, и только болѣе энергично, широко и рѣшительно продолжалъ то, чему начало было положено еще до него.

Лично самъ Никонъ о своемъ отношеніи къ книжнымъ исправленіямъ дѣлаетъ заявленія въ трехъ намъ извѣстныхъ случаяхъ. Въ письмѣ, къ пріѣхавшему въ 1662 году въ Москву Паисію Лигариду, Никонъ писалъ: „монахи три нѣкія

прокляти, еже хулять святое исповѣданіе православныя вѣры, присланнаго намъ отъ святѣйшаго Паисея константинопольскаго и вселенскаго патріарха, и о святѣй литоргіи и о иныхъ божественныхъ таинствахъ вражду творять, *что нами поправлено во святѣй церкви съ совѣтомъ и благословеніемъ братіи нашей вселенскихъ святѣйшихъ патріархъ; и ничто же собою мы что либо когда восхотѣхомъ приложити или отъяти отъ церкви когда, чрезъ каноны святаго вселенскаго 3-го собора“* ¹⁾. Въ 1663 году Паисій Лигаридъ и бояринъ Одоевскій были посланы государемъ въ Воскресенскій монастырь къ Никону, гдѣ, между прочимъ, говорили ему: „для чего онъ ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ трои служебники, а во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того учинилось несогласіе большое?—И патріархъ сказалъ: нынѣ де поютъ такъ, кто какъ захочетъ, а то де все чинитца отъ непослупанія; а что де въ книгахъ онъ рѣчи перемѣнялъ, и онъ де то переправлялъ по письму и свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ“ ²⁾. Въ грамотѣ Константинопольскому патріарху Діонисію, въ 1666 году, Никонъ о книжной справѣ пишетъ: „ищемъ и держимъ вся и наипаче греческія законы и догматы. И о семъ писахъ прежнему всесвятѣйшему и вселенскому патріарху киръ Паисію о святѣмъ совѣтѣ и о прочихъ церковныхъ уставахъ, и пріяхомъ отъ него на вся отвѣтную книгу, и по ней исправляемъ вся почину, яко же есть обычай во святѣй восточной церкви. И сего ради посылахомъ со мною казною во святой градъ Іерусалимъ, и къ царствующему граду, и во святую гору Аѳонскую, ради святыхъ древнихъ книгъ, и принесоша намъ не меньше пятисотъ, яже суть писаны за 500 и за 700 и за тысячу лѣтъ, и сице отъ сихъ божественныхъ книгъ благодатію Божію преведеса и исправися у насъ. И они сія называютъ новыми уставами и мои Никонovy догматы“ ³⁾.

Изъ приведенныхъ заявленій Никона, сдѣланныхъ имъ въ разное время и очень различнымъ лицамъ, оказывается, что Никонъ, по его собственному сознанію, производилъ церков-

1) Гиббенеть: Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, ч. I, стр. 227.

2) Гиббенеть, ч. II, стр. 628.

3) Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 519.

ныя исправленія съ совѣта и по указаніямъ восточныхъ іерарховъ, руководствовался въ этомъ дѣлѣ присланной ему константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ книгою „Скрижалъ“, а также древними, собранными по его порученію на востокъ, греческими книгами, съ которыхъ у насъ будто бы дѣлались переводы, по которымъ и правились наши книги. Дѣлая эти заявленія о произведенныхъ имъ книжныхъ исправленіяхъ Никонъ, съ своей точки зрѣнія, былъ вполне правъ. Лично самъ онъ производилъ исключительно только церковно-обрядовыя реформы, касавшіяся церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и производилъ ихъ дѣйствительно по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ. Мы знаемъ, изъ записокъ Павла Алепскаго, что Никонъ просилъ антїохійскаго патріарха Макарія дѣлать ему указанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Макарій что либо найдетъ въ русскомъ чинѣ и обрядѣ неправильное т. е. несогласное съ греческою церковною практикою. Никонъ нарочно заставлялъ Макарія совершать по гречески нѣкоторыя церковныя дѣйствія и службы, и крайне внимательно къ нимъ присматривался, иногда держа въ рукахъ русскій служебникъ и непосредственно сличая его съ дѣйствіями служащихъ антїохійцевъ, такъ что Никонъ на различныхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ Макарія, который прожилъ у насъ почти полныхъ два года и постоянно участвовалъ въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ, практически-наглядно изучалъ греческіе церковные чины и обряды, которыхъ онъ не могъ изучать по книгамъ, такъ какъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка. Полученныя такимъ наглядно-практическимъ путемъ свѣдѣнія о греческомъ церковномъ чинѣ и обрядѣ, Никонъ немедленно прилагалъ къ дѣлу, т. е. сейчасъ же производилъ перемѣны въ русскихъ чинахъ и обрядахъ, поскольку они были несогласны съ греческою практикою, и эти перемѣны вносились потомъ справщиками, конечно по указаніямъ Никона, въ новоисправленные служебники. Значитъ, Никонъ имѣлъ полное право говорить о себѣ, что онъ производилъ у насъ церковныя исправленія дѣйствительно по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ, которые, и помимо Макарія и гораздо ранѣе его, тоже уже не разъ „зазирали“ Никона за отступленіе русскихъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ отъ тогдашней греческой церковной практики.

Но Никонъ въ своихъ заявленіяхъ завѣряетъ не только въ томъ, что онъ производилъ свои церковныя исправленія по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ, но что онъ пользовался еще въ этомъ случаѣ и древними греческими рукописными книгами, съ которыми онъ справлялся при своихъ исправленіяхъ. И это заявленіе Никона въ извѣстномъ отношеніи тоже справедливо. Мы уже ранѣе говорили, что Никонъ, нашедши въ одной греческой древней книгѣ, принесенной съ Аеона, что водоосвященіе въ день Богоявленія совершалось въ древности только однажды, немедленно отмѣнилъ ранѣе практиковавшееся у насъ двукратное водоосвященіе. Противъ этого распоряженія Никона очень горячо и энергично возсталъ было патріархъ Макарій, доказывая Никону, что двукратное освященіе воды принято на всемъ православномъ востокѣ и что русскимъ никакъ не слѣдуетъ измѣнять этого всеобщаго православнаго обычая, котораго до самаго послѣдняго времени и они сами держались. Но Никонъ остался при своемъ, онъ болѣе вѣрилъ свидѣтельству древней греческой книги, чѣмъ указаніямъ Макарія и тогдашней греческой церковной практики, когда она расходилась съ практикою древней греческой церкви. Вѣроятно были и другіе подобнаго рода случаи, когда Никонъ наводилъ справки въ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгахъ и слѣдовалъ въ своихъ исправленіяхъ ихъ указаніямъ, а не греческому печатному евологію, на основаніи котораго Макарій дѣлалъ свои указанія Никону. Въ этомъ отношеніи очень любопытное извѣстіе находится у Шушерина, который былъ подъякомъ Никона, близкимъ и преданнымъ ему человѣкомъ, и могъ поэтому въ своемъ сообщеніи служить отголоскомъ возрѣвній на дѣло самого Никона. Шушеринъ, въ своемъ „Извѣстіи о рожденіи и о воспитаніи и житіи святѣйшаго Никона патріарха“, заявляетъ, что Никонъ думалъ исправлять и дѣйствительно исправлялъ все съ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, такъ какъ онъ, а согласно съ нимъ царь и собираемые соборы, „вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотрѣвши, обрѣтоша древнія греческія письменныя съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася. А въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и сла-

вянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія“ 1). Если вѣрить этому заявленію Шушерина, то оказывается, что Ни-

1) Шушеринъ о книжныхъ исправленіяхъ Никона сообщаетъ слѣдующее: „Святѣйшій патріархъ Никонъ, слыша отъ многихъ на славянскія книги укоризвенная словеса, яко съ греческими не согласуются, хотя оную укоризну отъяти, совѣтова съ великимъ государемъ и со священнымъ соборомъ, еже бы вси книги церковныя исправить съ старыхъ греческихъ и російскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ и чинѣхъ и уставѣхъ съ греками согласити; а о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ послати ко святѣйшему вселенскому патріарху, и къ прочимъ, и во святія горы—Аеонскую и Синайскую. И благочестивый царь, похваливъ патріаршее благорачительство, повелѣлъ о томъ соборъ собрати, и всѣхъ російскихъ архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ и протопоповъ въ царствующій градъ призвавъ, общимъ согласіемъ утвердити. Сошедшимся же всѣмъ, и то дѣло благоключимо быти разсмотрѣвше, постановиша книжная погрѣшенія съ древнихъ греческихъ харатейныхъ и съ русскихъ исправить, и въ чинѣхъ благопотребныхъ по древнему уставу согласити, и о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ къ святѣйшимъ патріархомъ и во Аеонскую и въ Синайскую горы послати. И то свое согласное о исправленіи книгъ постановленіе—благочестивый царь и святѣйшій патріархъ, и прочіе архіереи, и весь освященный соборъ—руками своими, въ лучшее утвержденіе того дѣла, переписаша. И по совершеніи онаго собора, немедленно святѣйшій патріархъ, ради того исправленія, повелѣлъ отвсюду изъ древнихъ книгохранилищъ древнія греческія и славянскія харатейныя книги собрати, и искуснымъ и благоговѣйнымъ мужамъ, имущимъ отъ Бога даръ чистое отъ недостойнаго пзводить, тѣ книги разсматривати, и погрѣшенія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ преписующихъ исправляти, и о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещехъ, благочестивый царь и святѣйшій патріархъ, послаша ко вселенскому патріарху и къ прочимъ православнымъ патріархамъ письма съ грекомъ Мануиломъ. На яже письма вселенскій патріархъ Паисій, сотворъ же соборъ, и главизнами на немъ содѣянными о всѣхъ писавныхъ къ нимъ, благочестивому царю и благочестивому патріарху отвѣтъ давше, соборное прислаша въ лѣто 7163 е. во всѣмъ повелѣвающе послѣдовати древнихъ великихъ православныхъ восточныхъ церкве учителей писаніемъ сущихъ въ ветхихъ книгахъ греческихъ и словенскихъ. А къ святѣйшему патріарху въ грамотѣ своей восписа сице: преблагеннѣйшій и святѣйшій патріарше высочайшія Москвы, и всея земли російскія, киріе, киріе, еже есть господи, господи, Никонъ во святомъ Дусѣ возлюбленный брате и сослужебниче нашего смиренія, о немъ же писаста намъ, даемъ отвѣтъ, преблагеннѣйшій брате: да исправится якоже лѣпо, понеже Богъ просвѣти тя во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся, о немъ же радуюся: живъ Господь Богъ, и имамъ тя писана въ души моей за достоинство и разумъ, его же дарова тебѣ Господь. И воистину зѣло похвалихомъ преблагенство твое, еже не престаеъ испытывати и искати о душеполезныхъ и спасительныхъ вещехъ церковныхъ, яко

конъ скептически относился къ тогдашнимъ греческимъ печатнымъ книгамъ, производилъ ихъ провѣрку съ древними

истиненъ пастырь и вѣрный строитель Божій, пекійся устроити и духовнѣ словесное свое стадо чистою и нетлѣнною и твердою пищею. И во всемъ совершати послѣдованіе и всякое священнодѣяніе по чину великія церкви, да не едино разнѣство имамы, яко чада истинная единныя и тояжде матери, восточныя апостольскія соборныя великія церкви Христовы: и да не едину вину обрѣгають, скверная еретическая уста оглаголати насъ о нѣкоемъ разнѣствѣ, но да стоимъ въ истинномъ согласіи тверди и непоступни и прочая. И тако благочестивый царь и христоролюбивый патріархъ отъ вселенскаго Паисія патріарха о всѣхъ написанныхъ отвѣтъ приѣмше, и соборное оное дѣяніе прочетше, и симъ къ большому благихъ желанію воздвигшеся, и сущія въ Россіи греческія и славенскія ветхія книги на исправленія недовольно мняще, изволиша, со многою своею милостынею, старца Арсенія Суханова послати во Аѳонскую гору и во иныя святыя старожительная мѣста, да оттуду своя ради богатыя милостыни старописанныя книги притяжутъ. И сему сбывшуся, и привесоша изъ святыя Аѳонскія горы книгъ зѣло древнихъ, на греческомъ языкѣ писанныхъ, числомъ пять сотъ. Еще же александрійскій, антїохійскій, іерусалимскій—святѣйшіе патріархи, и архіепископъ пекскій и патріархъ сербскій, и халкидонскій и архидонскій митрополиты, и иныя мнози отъ православныхъ странъ, писаніемъ изъ царствующаго града Москвы прошени, не менѣ двоя сотъ книгъ различныхъ древнихъ святыхъ прислаша. И тако благочестивая и богомудрая двоица, великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ московскій и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, оныя священныя книги сокупивше вся во едино, и довольно лежащая въ нихъ разсмотривше, и Божіимъ вседержительнымъ маниемъ, соединившемъ ихъ въ любовь, движими цѣлости ради непорочныхъ догматъ. И еще къ вѣщшему утверженію о томъ же паки въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархіи соборъ сотвориша, и бѣша на томъ соборѣ: Никонъ, Божією милостію государь святѣйшій патріархъ московскій, Макарій патріархъ антїохійскій, Гавріилъ патріархъ сербскій, съ митрополиты, и со архіепископы, со архимандриты и игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ. И тамо отъ святѣйшаго вселенскаго Паисія патріарха присланное соборное дѣяніе, предъ ся принесше, съ усердіемъ почтоша и судиша е право. и отъ Духа святаго составлено быти, и вся старописанныя греческія (писменныя) и славенскія книги разсмотривше, обретоша древнія греческія письменныя съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася. А въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Судиша книги согласити, и исправити во всемъ съ древними греческими рукописными книгами, да всякъ православный, невѣдѣнія и сопротивныхъ благочестію погрѣшеній и еже оттуду находящія козни избѣгуувъ, во истинномъ разумѣніи и не зазорномъ съ греческими письменными книгами, и въ нихъ лежащими

греческими и славянскими рукописными книгами, и эта провѣрка привела его къ тому заключенію, что новыя печатныя греческія книги во многомъ несогласны ни съ древними греческими книгами, ни съ древними славянскими, и что въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ находятся многія погрѣшенія. И этотъ выводъ былъ правиленъ въ томъ, конечно, смыслѣ, что греческія печатныя книги дѣйствительно во многомъ не сходились съ древними греческими же рукописными, а также и славянскими харатейными книгами. А что по порученію Никона у насъ могли, хотя частично и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, провѣрять греческія печатныя книги древними, дѣло вполне естественное, возможное и допустимое. Никонъ нарочно посылалъ на востокъ Суханова пріобрѣтать тамъ древнія греческія и славянскія книги, на что затрачены были имъ большія деньги. Конечно эти книги пріобрѣтали на востокѣ вовсе не для того, чтобы свалить ихъ, какъ ненужныя вещи, гдѣ либо въ кучу и вовсе въ нихъ не заглядывать, а ими несомнѣнно очень интересовались, ихъ разсматривали и изъ нѣкоторыхъ, уже ради удовлетворенія простаго и столь естественнаго любопытства, несомнѣнно дѣлали хотя бы частичные переводы, которые и сопоставлялись съ переводами съ греческихъ печатныхъ книгъ. Когда, при такомъ сличеніи,

---

законы, согласномъ мудрствованіи поживеть здѣ въ многолѣтномъ благополучіи, въ будущемъ же вѣцѣ въ безконечной радости и наслажденіи, аминь“ (Рук. моск. духовн. акад. № 218, л. 15 и 16).

Приведенное сообщеніе Шушерина о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ важно не по своей фактической сторонѣ, которая во многомъ невѣрна, но по той грандіозной идеѣ, какую Шушеринъ вкладываетъ въ Никоновскія книжныя исправленія. По его представленію оказывается, что у насъ будто бы задумано было грандіозное и крайне важное для всего православнаго міра предпріятіе: собрать въ Москву рѣшительно со всего древняго православнаго востока всѣ тѣ древнія церковно-богослужебныя по преимуществу книги, какія только тогда возможно было собрать, и на основаніи этого подлиннаго православнаго матеріала, взятаго изъ христіанской старины, исправить или вѣрнѣе: составить новыя рускія церковныя книги, болѣе совершенныя, чѣмъ тогдашнія печатныя греческія книги, создать книги, годныя для всѣхъ православныхъ, ревнующихъ и о своемъ земномъ благополучіи и о своемъ будущемъ вѣчномъ спасеніи. Но если бы у насъ тогда дѣйствительно и были такіе грандіозные замыслы, то, въ то же время, несомнѣнно, что у насъ тогда не было ни силъ, ни умѣнья, ни средствъ привести ихъ въ исполненіе.

находили несогласія между ними, то преимущество и предпочтеніе давалось древнимъ книгамъ предъ новыми, причемъ эти несогласія естественно отнесены были у насъ къ погрѣшеніямъ новыхъ печатныхъ греческихъ книгъ, а не къ тому обстоятельству, что онѣ печатались съ другихъ списковъ, принадлежавшихъ къ другому времени, нежели къ какому принадлежали древніе списки, бывшіе тогда подъ руками у русскихъ.

Что Никонъ былъ увѣренъ, будто при немъ наши книги дѣйствительно исправлялись съ старыхъ греческихъ книгъ, и что онъ признавалъ только такимъ образомъ исправленныя книги для себя обязательными, это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ слѣдующаго обстоятельства: въ январѣ 1665 года къ Никому, въ Воскресенскій монастырь, были посланы царемъ чудовскій архимандритъ Іоакимъ и дьякъ Дементій Башмаковъ, которымъ Никонъ заявилъ, что онъ готовъ со всѣмъ оставить патріаршество, и признать новаго патріарха, кого выберутъ, но только на извѣстныхъ условіяхъ, которыя и были имъ написаны. Въ нихъ, между прочимъ, Никонъ обязуется: „держати ми, живучи въ тѣхъ монастыряхъ (т. е. въ построенныхъ имъ: Воскресенскомъ, Иверскомъ и Крестовомъ), во всякое же исправленіе заповѣди Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, святое Его евангеліе, заповѣди и правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ, такожде и помѣстныхъ святыхъ отецъ соборовъ, и особъ коегождо святаго святыя книги и уставы, такожде и святой символъ исправленный съ грецка благодатію святаго Духа и совѣтомъ и единеніемъ и со святыми вселенскими патріархи; такожде и церковныя уставы, преданные святой церкви святыми отцами, то есть—святую литоргію или общимъ словомъ нареци *служебникъ и требникъ и прочія святыя книги справлены съ старыхъ съ греческихъ святыихъ книгъ*, чинъ и уставъ снабдѣвати святыя восточныя церкви новаго Сіона, иже есть церкви воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже во Іерусалимѣ, и имѣти ми любовь и единеніе со святыми вселенскими патріархи во всемъ неотложно“. Эти условія, на которыхъ Никонъ готовъ былъ оставить патріаршество, царь передалъ на разсмотрѣніе собора, черновыя записи котораго дошли до насъ. Соборъ, по вышеприведенному пункту обязательствъ

Никона, согласился съ нимъ, но какъ бы сомнѣваясь, что Никонъ станетъ употреблять и книги, исправленныя съ греческихъ печатныхъ, сдѣлалъ отъ себя, къ обязательству Никона, слѣдующее очень важное и существенное дополнение: живучи въ тѣхъ монастыряхъ, святѣйшему Никону патриарху держати вся преданія православная и книги исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и символъ, како исправился при немъ и имѣти любовь и единеніе со вселенскими патриархи во всемъ неотложно. Священный же соборъ рече: *аще что и впредь, за повелѣніемъ великаго государя, и за благословеніемъ святѣйшаго патриарха московскаго и всего священнаго собора, съ греческихъ книгъ исправится, и ему, святѣйшему патриарху Никону, и тѣ книги приимати и по нимъ славословіе и чины церковныя исправляти*“¹⁾. Итакъ Никонъ, съ своей стороны, заявляетъ, что онъ обязуется признавать и употреблять „служебникъ и требникъ и прочія святыя книги справленныя съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, а слѣдовательно, отказывается признавать книги справленныя просто съ греческихъ печатныхъ книгъ. Такъ это и понялъ соборъ 1665 года, почему и счелъ необходимымъ отъ себя добавить, что бы Никонъ взялъ на себя еще обязательство признавать и употреблять книги исправленныя, и въ будущемъ имѣющія быть исправленными, просто съ греческихъ книгъ т. е. съ печатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій. Впослѣдствіи патриархъ Іоакимъ писалъ архимандриту Кириллова монастыря, въ которомъ заключенъ былъ Никонъ: „а книги держать ему, Никону, почему церковная и келейная управлять, *только правильные печатные*“, предполагая, очевидно, что Никонъ могъ не принимать и не употреблять тогдашнія наши исправленныя книги²⁾. Значитъ, Никонъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что книги при немъ исправлялись „съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, почему онъ и хотѣлъ признавать и употреблять только такимъ образомъ исправленныя книги.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что служебникъ, напимѣрь, былъ переведенъ при Никонѣ съ греческаго пе-

¹⁾ Дѣло о патриархѣ Никонѣ, стр. 212, 223.

²⁾ Рукопись библ. моск. дух. академіи: подлинное дѣло о судѣ надъ п. Никономъ, л. 353.

чатнаго венеціанскаго изданія, и этотъ переводъ легъ въ основу Никоновскаго исправленія служебника, такъ что и при Никонѣ исправленіе книгъ совершалось не только „съ старыхъ греческихъ святыхъ книгъ“, но и съ печатныхъ греческихъ. Медвѣдевъ заявляетъ, какъ мы видѣли, что Никонъ вовсе не зналъ послѣдняго обстоятельства, такъ какъ онъ былъ будто бы обманутъ лукавыми людьми, которые увѣрили его, что они исправляютъ все по старымъ греческимъ и славянскимъ книгамъ, тогда какъ въ дѣйствительности исправляли съ греческихъ венеціанскихъ печатныхъ изданій. Намъ это дѣло, какъ мы уже говорили, представляется нѣсколько иначе. Хотя самъ Никонъ дѣйствительно думалъ, что исправленныя при немъ книги обязательно провѣрены древними греческими и славянскими книгами, но онъ, конечно, хорошо зналъ, что въ общемъ это дѣло при немъ велось такъ, что книжные справщики сначала дѣлали переводъ съ греческихъ печатныхъ книгъ, и брали этотъ переводъ какъ первую основную редакцію, и уже потомъ справлялись съ древними греческими и славянскими книгами, и на основаніи ихъ вносили въ первую редакцію разныя перемѣны и поправки. Никакого обмана, о чемъ говоритъ Медвѣдевъ, тутъ, очевидно, не было, а дѣло велось какъ находили удобнѣе и успѣшнѣе вести его справщики, которые въ этомъ случаѣ пользовались значительною свободою и самостоятельностью. Лично самъ Никонъ производилъ только обрядовую реформу и этой церковно-обрядовой стороною реформы по преимуществу, и почти исключительно, интересовался. Но къ самой книжной справѣ въ тѣсномъ смыслѣ, къ самому тексту книжныхъ исправленій, Никонъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, прямаго непосредственнаго отношенія. Никонъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка, не могъ читать греческихъ книгъ, а слѣдовательно не могъ самъ слѣдить за справою съ греческихъ книгъ и поневолѣ все это дѣло долженъ былъ довѣрить своимъ справщикамъ, предоставляя имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, почему справщики и вели самостоятельно дѣло переводовъ, какъ они находили это для себя лучше, удобнѣе и, по ихъ соображеніямъ, продуктивнѣе. Шушеринъ поэтому поводу говоритъ, что Никонъ, собравши старыя греческія и славянскія книги, поручаетъ „искуснымъ и благоговѣйнымъ мужамъ, имущимъ отъ

Бога даръ чистое отъ недостойнаго изводити, и могущимъ съ еллиногреческаго языка на славянскій переводити, тѣ книги разсматривати и погрѣшенія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ преписующихъ исправляти и вся выписовати“ т. е. говорить, что Никонъ, въ книжной собственно справѣ долженъ былъ всецѣло, по незнанію имъ греческаго языка, положиться на избранныхъ имъ справщиковъ, которые собственно и вели все дѣло справы, помимо личнаго, непосредственнаго участія самаго Никона. Этимъ конечно объясняется, почему справщики вину тѣхъ или другихъ возможныхъ погрѣшностей при исправленіи какой либо книги прямо берутъ на себя. Въ послѣсловіи, напримѣръ, къ ирмологіону 1657 года справщики говорятъ: „изслѣдивши съ греческихъ текстовъ преложихомъ на славянскій діалектъ ново“, но что переводомъ они очень спѣшили, такъ какъ имъ мѣшали другія дѣла, почему въ изданіи возможны и погрѣшности, невольно ими допущенныя. Значитъ Никонъ къ книжной справѣ въ собственномъ смыслѣ не имѣлъ прямаго непосредственнаго отношенія, а стоялъ отъ нея нѣсколько въ сторонѣ, и не смотрѣлъ на нее какъ на свое только личное дѣло, за которое бы отвѣчалъ онъ лично, тѣмъ болѣе что производимыя при немъ книжныя исправленія, обыкновенно одобрялись цѣлыми соборами русскихъ іерарховъ, а также и присутствовавшими на этихъ соборахъ восточными іерархами.

Въ первые годы своего патріаршества Никонъ заявилъ себя самымъ убѣжденнымъ и завзятымъ реформаторомъ—греко-филомъ. Онъ не только исправлялъ русскіе церковные обряды, чины и книги по греческимъ, не только публично и торжественно завѣрялъ, „что хотя онъ русскій и сынъ русскаго, но его вѣра и убѣжденія греческія“, но онъ въ тоже время переноситъ къ намъ греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ, греческіе клубуки и мантии, греческіе церковные напѣвы, приглашаетъ въ Москву греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла ¹⁾, строить монастыри по образцу

1) Въ видахъ конечно улучшить и приблизить къ древне-византійскому русское иконописаніе, и въ то же время не довѣряя франкскимъ живописцамъ, Никонъ старался выписать въ Москву греческихъ живописцевъ. Въ 1656 году пріѣхалъ въ Путивль грекъ Мануїла Ѳоминъ „съ грамотою іерусалимскаго патріарха Паисѣя, писано о вашихъ царскихъ дѣ-

греческихъ, приближаетъ къ себѣ разныхъ грековъ, слушаетъ ихъ, дѣйствуетъ по ихъ совѣтамъ и указаніямъ, всюду выдвигаетъ на первый планъ греческій авторитетъ, отдавая ему рѣшительное преимущество предъ вѣковою стариною, предъ русскими всѣми признаваемыми доселѣ авторитетами. При взглядѣ на эту страстную, ни предъ чѣмъ не останавливающуюся грекофильскую дѣятельность Никона реформатора, такъ и кажется, что Никонъ задался грандіозной идеей сдѣлать изъ Москвы, въ церковномъ отношеніи, вторую Византію, перенеся изъ послѣдней все цѣнное церковное въ Москву. Онъ какъ будто мечталъ воскресить въ Москвѣ былыя времена процвѣтанія греческаго православія, когда благочестивые греческіе цари, вмѣстѣ съ святыми патріархами, собирали соборы, обсуждали и рѣшали на нихъ всевозможные выдвигаемые жизнью церковные вопросы, дѣлами на нихъ обязательныя для всѣхъ постановленія, издавали законы, которые и теперь такъ чтутся всѣми православными. Благодаря именно ему—Никону, казалось, Москва станетъ дѣйствительнымъ третьимъ Римомъ, ни въ чемъ, при этомъ, не разрывая съ остальнымъ православнымъ востокомъ, а только, чрезъ церковно-богослужебное объединеніе, тѣснѣе соединившись съ нимъ, и ставъ его дѣйствительною всестороннею опорю, а вмѣстѣ главою и руководителемъ. Но въ дѣйствительности ничего этого не было, а было совсѣмъ другое, указывающее на крайнюю неустойчивость и измѣнчивость самой грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, который, къ концу своего патріаршества, какъ-то охладѣлъ къ своей реформѣ, и даже какъ будто измѣнилъ свои прежнія грекофильскія возрѣнія и увлеченія.

лахъ, да письмо изъ Царьгорода отъ иконописца“. На Москвѣ въ посольскомъ приказѣ Мануйло сказалъ: „съ нимъ де послалъ къ государю еросалимскій патріархъ грамоты объ немъ же Мануйлѣ, а съ товарищемъ ево съ Николаемъ Ивановымъ послалъ грамоту къ государю святѣйшему Никону патріарху онъ же еросалимскій патріархъ Паисей о иконописцѣхъ“. Въ 1657 году бѣлый попъ Иванъ, города Трикалы, по указу Никона, отправился на родину „призвать къ Москвѣ живописцевъ и мудрыхъ серебряниковъ, и о томъ дава его патріаршая грамота за тысячею печатью“. Уже по удаленіи Никона съ патріаршаго престола, именно въ 1660 году, въ Москву пріѣхалъ грекъ иконописецъ Апостоль Юрьевъ. (Греческія дѣла—въ большомъ моск. архивѣ мин. иностран- дѣлъ—7164 г. № 10; 7165 г. № 26; 7168 г. № 8).

Разъ Нероновъ, явившись къ Никону, съ которымъ онъ было помирился, говорилъ ему: „иностранные (греческія) власти нашихъ служебниковъ (т. е. старопечатныхъ до исправленія ихъ Никономъ) не хулятъ, но и похваляютъ“. И патріархъ рече: „обои де добры (т. е. старопечатные и новоисправленные)—все де равно, по какимъ хочешь, по тѣмъ и служишь“. И Григорій рекъ: „я старыхъ де добрыхъ и держуся“. И возьмъ благословеніе отъиде“. Но этого мало. 21 января 1658 года, во время всенощной, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ трое псалтырь и прибавлять „слава тебѣ Боже“. Нероновъ, бывший тутъ же въ соборѣ, сталъ сильно укорять за это Никона и указывалъ ему на извѣстное житіе св. Евфросина псковскаго. „До чего тебѣ, патріархъ, домутить Росію? говорилъ Нероновъ Никону. Съ кѣмъ ты совѣтовалъ, и какое свидѣтельство производишь четверишь аллилуія? У насъ, въ Велицѣй Росіи, преподобный Евфросинъ псковскій много трудился, сниская о сихъ, и у вселенскихъ патріархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему ти, сице и той здѣ въ Велицѣй Росіи намъ предложи. Богъ же забвенію труды его не преда, но знаменьями и чудесы прослави его, якоже и прочихъ великихъ святыхъ“. И патріархъ рече: „Воръ-де, б...с... Евфросинъ!“ И Григорій рече: „Какъ таковая дерзость, и какъ хулу на святыхъ вѣщаешь?—услышитъ Богъ и смирить тя!“ „И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа з братією, въ соборной церкви, на клиросахъ чтобы не четверить аллилуія. Ти же послушаща старца, говорили аллилуія на клиросахъ по дважды, въ третье: слава тебѣ Боже. Патріархъ же ничтоже имъ глагола, точію подъякъ, псалтырь говоря, заповѣданіе патріархово говорилъ—четверилъ аллилуія. По вся же дни старецъ, и до поѣздки, приходилъ въ соборную церковь, и аллилуія на крылосахъ протопопъ и з братією говорили подважды, и до поѣздки старцовы“¹⁾).

Очевидно въ концѣ концовъ грекофильствующій реформаторъ Никонъ пришелъ къ тому вѣрному убѣжденію, что старыя и новоисправленныя имъ книги, чины и обряды, одинаково добры, что для вѣры и благочестія безразлично, бу-

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 162—163.

дуть-ли служить по старымъ служебникамъ или по новоисправленнымъ, будутъ-ли трюить или двоить аллилуйю. Но если старыя и новоисправленныя книги, чины и обряды одинаково добры, одинаково безразличны для вѣры и благочестія, то какой же собственно смыслъ имѣла реформаторская дѣятельность Никона, направленная на передѣлку этихъ „добрыхъ“ чиновъ и обрядовъ нашей церкви и сопровождавшаяся ссылками, заточеніями, обличеніями въ ереси и анаематствованіями всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ отказаться отъ этихъ добрыхъ старыхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, не хотѣлъ признать ихъ неправыми, непозволительнымъ новшествомъ? Разладъ между Никономъ, торжественно заявляющимъ о настоятельной необходимости исправленія русскихъ книгъ, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ неправые, нововодные чины, и Никономъ, признающимъ, что старые служебники такъ же добры какъ и новоисправленные, что будетъ безразлично служить по тѣмъ или другимъ служебникамъ,—разладъ слишкомъ очевиденъ и устранить его нѣтъ никакой возможности, если мы не признаемъ, что Никонъ, подъ конецъ своей патріаршей дѣятельности, замѣтно измѣнилъ свой взглядъ на смыслъ и значеніе своихъ собственныхъ реформъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, что Никонъ, послѣ самой напряженной и кипучей реформаторской дѣятельности, въ которой онъ проявилъ столько энергии, увлеченія и пыла, сталъ относиться къ своимъ собственнымъ реформамъ какъ то безучастно и равнодушно. На это могла имѣть вліяніе его продолжительная, упорная, но, въ концѣ концовъ, не совсѣмъ удачная борьба съ кружкомъ ревнителѣй благочестія, все болѣе замѣтная перемѣна въ его личныхъ отношеніяхъ къ царю, а главнымъ образомъ вѣроятная перемѣна въ его личныхъ взглядахъ на значеніе въ дѣлахъ вѣры и благочестія того или другаго обряда, перемѣна, очень естественная въ человѣкѣ умномъ и воспріимчивомъ, посвятившемъ этому дѣлу нѣсколько лѣтъ дѣятельности, и, отчасти путемъ собственныхъ размышленій и невольнаго изученія, отчасти благодаря своему частому обращенію съ лицами научно образованными, пришедшему къ вѣрному убѣжденію, что старые и новые служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ, такъ какъ это дѣло совершенно безразличное для вѣры и благо-

честія. Какъ бы то ни было, но только подь конецъ дѣло церковныхъ исправленій не стояло уже у Никона на первомъ планѣ, не было для него тѣмъ живымъ, насущнымъ дѣломъ, въ которое бы онъ вкладывалъ всю свою душу, въ которомъ бы онъ видѣлъ главную задачу своей патріаршей дѣятельности. Никонъ хорошо видѣлъ, что противники его реформъ нетерпѣливо ждутъ того времени, когда новый патріархъ будетъ передѣлывать все, имъ сдѣланное, и однако изъ личнаго только самолюбія онъ самъ оставляетъ патріаршую кафедру, не смотря на очевидность, что этимъ поступкомъ онъ окончательно развязываетъ руки всѣмъ врагамъ своихъ реформъ, открываетъ свободный путь для ихъ враждебной его дѣлу дѣятельности. Проживая, послѣ своего удаленія съ патріаршества, въ Воскресенскомъ монастырѣ, Никонъ дѣятельно занимался монастырскими постройками, дѣятельно велъ тяжбы изъ-за монастырскихъ имѣній, велъ живую и энергичную полемику съ своими личными врагами, зорко высматривалъ всѣ покушенія на его патріаршее достоинство, на оставленную имъ добровольно патріаршую власть, словомъ былъ крайне внимателенъ и чутокъ къ личнымъ своимъ интересамъ, къ своему до болѣзненности раздраженному самолюбію, а что бы онъ хотя сколько нибудь интересовался оставленнымъ имъ на произволъ, безъ всякой защиты, дѣломъ церковныхъ исправленій, его дальнѣйшею судьбою и теченіемъ, это ни откуда не видно. Отъ Никона, по удаленіи его съ патріаршей кафедры, осталась довольно значительная переписка съ царемъ, письма къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, очень обширное сочиненіе противъ Паисія Лигарида, въ которомъ онъ подробно говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ царю, о тогдашнемъ общемъ положеніи церковныхъ дѣлъ, о русскихъ архіереяхъ, о церковномъ судѣ, о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ и пр., но нигдѣ даже ни разу онъ не упоминаетъ и не вспоминаетъ о своихъ церковныхъ реформахъ, какъ будто это дѣло его вовсе и не касается, даже какъ будто такого дѣла вовсе и не было. Проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ Никонъ прекрасно зналъ, что изъ за произведенныхъ имъ реформъ теперь всюду идетъ на Руси страстная, ожесточенная борьба, происходятъ всюду распри, раздѣленія, въ русской церкви видимо быстро нарождался расколъ, и что главному и луч-

шему дѣлу его патріаршества повидимому суждено окончательно рухнуть подъ дружнымъ и ожесточеннымъ напоромъ его враговъ. Все это не могъ не видѣть Никонъ, и однако онъ ни однимъ словомъ не откликнулся на разрастающуюся борьбу изъ за его церковныхъ исправленій, не сдѣлалъ ни одного шага, не предпринялъ ни одной мѣры, что бы оберечь, защитить главное дѣло своего патріаршества. Все время, по оставленіи имъ патріаршей каѳедры, Никонъ оставался холоднымъ, совершенно безучастнымъ зрителемъ все болѣе широко разгоравшагося пожара изъ за его церковныхъ исправленій; онъ, очевидно, теперь уже не считалъ этаго дѣла близко касающимся его лично, и потому не находилъ для себя возможнымъ не только бороться, но и просто безпокоиться изъ за него ¹⁾. Но только индеферентнымъ отношеніемъ къ дѣлу своей церковной реформы Никонъ не ограничился.

Извѣстный противникъ церковной реформы Никона, дьяконъ Ѳеодоръ, дѣлаетъ такое любопытное заявленіе: „по семъ Никонъ, по многомъ обличеніи отъ многихъ отецъ, позна свое блуженіе въ вѣрѣ, и отрекся патріаршества своего въ соборной церкви предъ народомъ, и отъиде въ монастырь свой, и посемъ въ Валдаѣ въ Иверскомъ монастырѣ завелъ свою друкарню, тутъ же населившася иноцы Кіевопечерскаго монастыря: *и повелѣлъ имъ тутъ печатать Часовники по старому уставу и обычаю, и тѣ Часовники его видѣхъ азъ, по его благословенію печатныя тамо мелкими словами въ четверть листа, въ нихже уже: и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, и прочая вся въ нихъ по старому слово въ слово*“ ²⁾. Говорятъ, что Часовникъ, напечатанный патріар-

¹⁾ На это равнодушіе Никона къ его собственнымъ церковнымъ исправленіямъ жалуется и царь Алексѣй Михайловичъ. Въ своемъ повелѣніи въ 1662 г. о созваніи собора онъ заявляетъ, „что церковь вдовствуетъ безъ пастыря уже пятолѣтствующи, а пастырю убо патріарху Никону отшедшу и пребывающу въ новоустроенныхъ отъ него обителехъ, а о вдовствѣ ея нерадящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и о службѣ божественные литургіи и о иныхъ церковныхъ винахъ, которые учинились при бытіи патріаршества его, и потому дѣйствуются и до нынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы“. (Гиббен. ч. 1, стр. 242).

²⁾ Матер. для ист. раск. г. VI, стр. 150.

хомъ Никономъ въ Иверскомъ монастырѣ по старому, а въ символѣ съ внесеніемъ слова *истиннаго*, сохранился до настоящаго времени и его можно найти въ книжныхъ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, любителей и собирателей старопечатныхъ книгъ. Мы, съ своей стороны, не могли найти и видѣть этого Часовника, но это не можетъ и для насъ служить основаніемъ заподозрить справедливость приведеннаго свидѣтельства дьякона Федора. Дѣло въ томъ, что и самъ Никонъ въ одномъ случаѣ свидѣтельствуеъ, что въ его Иверскомъ монастырѣ дѣйствительно печатались книги неисправно т. е. по старому, а не противъ новоисправленныхъ книгъ. Въ своей грамотѣ къ архимандриту Иверскаго монастыря Діонисію, въ іюнѣ 1658 года т. е. только за одинъ мѣсяць до оставленія имъ патріаршей кathedры, Никонъ пишетъ, чтобы они прекратили допечатаніе кутеинскихъ Псалтырей потому что тѣ Псалтири неисправны. „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ, по нашему великаго государя указу, тѣхъ кутеинскихъ Псалтырей допечатывать и выдавать не велѣли, *тѣмъ казны не собрать*, а велѣти бѣ вамъ вновь завести печатать иная какая книга, Аввы Дорофея, или иная какая.“ ¹⁾ Значитъ, въ Иверскомъ монастырѣ уже рѣшили было печатать Псалтири по старому, но Никонъ запретилъ это дѣлать, но не потому однако, чтобы онъ былъ противъ вообще печатанія псалтырей по старому, а единственно потому, „что тѣмъ казны не собрать“ т. е. что старопечатными книгами теперь нельзя выручить затраченныя на ихъ печатаніе деньги, такъ какъ онѣ не найдутъ себѣ на книжномъ рынкѣ покупателей, отъ которыхъ правительство требуетъ, чтобы они обзаводились новоисправленными книгами, а старыя, какъ ненужныя, оставляли. Никонъ смотритъ здѣсь на печатаніе старыхъ книгъ чисто съ хозяйственно-коммерческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія матеріальной выгоды или потери отъ этаго предпріятія. Но съ удаленіемъ Никона съ патріаршаго престола обстоятельства въ этомъ отношеніи сильно измѣнились. Большинство теперь стало думать, что съ уходомъ Никона и всѣ его реформы и книжныя исправленія будутъ уничтожены, все останется по старому, а значитъ въ ходъ пойдутъ по-прежнему и старыя книги, которыя, ко-

¹⁾ А. Э. т. IV, № 126.

нечно, теперь находили хорошей сбыть на рынокъ, тогда какъ торговля новоисправленными книгами естественно должна была остановиться. Въ виду этихъ обстоятельствъ въ Иверскомъ монастырѣ, попрежнему находившемся въ вѣдѣніи Никона, начинаютъ печатать церковныя книги по старому и, конечно, дѣлаютъ это съ согласія Никона. Такъ въ 1661 году въ Иверскомъ монастырѣ была напечатана книга: „*Брашно духовное*, сирѣчь: псалмы, молитвы, пѣнія, благодареніе и каноны и прочая, отъ многихъ книгъ собранныя, зѣло нужныя и душеполезныя. Въ монастырѣ общежительномъ Иверскомъ, иже на святѣмъ Езере, въ строеніи святѣйшаго Никона патріарха новотипомъ издася. Лѣто отъ созданія міра 7170, отъ рождества же Господа нашего Ісуса Христа 1661, индикта 15, мѣсяца октоврія въ 19 день“. Эта книга была напечатана согласно съ старыми книгами, а не съ новоисправленными. Напримѣръ: „чинъ како подобаеъ пѣти псалтырь“.— „Аще іерей начни: благословенъ Богъ нашъ... Аще же ни, рци: *за молитвъ* святыхъ отецъ нашихъ, Господи *Ісусе* Христе *Сынѣ* Божій, помилуй насъ, аминь“. Въ канонѣ „за едино умершаго“ на отпускѣ говорится: „Господи *Ісусе* Христе *Сынѣ* Божій, молитвъ ради пречистыя ти Мати“... Повсюду „во вѣки вѣкомъ“. „Отче нашъ... и остави намъ долги наша яко *и* мы оставляемъ... и *не* *з*оведи насъ во искушеніе“— „Свѣте тихій... *Ісусе* Христе *пришедшу* солнцу на западъ... Сыне Божій животь даяй *всему* міру, *его* же ради *весь* міръ славить тя.“— „Богородице дѣво радуйся *обрадованная* Маріе... яко родила еси *Христа* *Спаса*“.— „Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую *воистину* серафимъ.“ — „Что ты наречемъ, *о* *обрадованная*, небо...“— „Покаяніе отверзи ми двери *жизнодавче*: утренюеть бо духъ мой *къ* *церкви* *святѣй* *своей*, *церковѣ* *нося* *тѣлесную*, *всю* *оскверненную*, но яко щедръ очисти, *благоутробными* *сѣ* *милосердіемъ*“. Символь вѣры: „Вѣрую во единого Бога... И во единого Господа *Ісуса* Христа... рожденна, *а* *несотворенна*... и нашего ради спасенія *сошедшаго* *со* *небесъ* и воплотившагося отъ Духа свята и Маріа дѣвы... *Распята* *же* *за* *ны*... и воскресша *во* *третій* *день* *по* *писаніихъ*... *Его* *же* *царствію* *нѣсть* *конца*“. Впрочемъ и новоисправленныя книги при самомъ Никонѣ и въ правительственной типографіи издавались иногда съ нѣкоторыми отступленіями въ пользу стараго. Такъ, напримѣръ, въ *Триоди* *Постной*, изданія 1656 года,

въ чинѣ: „въ пятокъ вечера память совершаемъ всѣхъ отъ вѣка усопшихъ православныхъ христіанъ и братій нашихъ“ на стр. 23 значитъ: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“, послѣ пѣсни: „радуйся чистая, Бога плотію родшая во спасеніе всѣхъ... аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“, т. е. въ обоихъ случаяхъ предписывается по старому двоить, а не троить аллилуіа; на стр. 122. „священникъ: *за молитвъ* святыхъ отецъ нашихъ“. Въ *Ирмологіонъ*, 1657 г., послѣ богородична: „жизнодавца рождши... аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды“ (на стр. 574). Значитъ, не только въ Иверскомъ монастырѣ нѣкоторыя книги издавались, съ согласія Никона, по старому, но и въ новоисправленныхъ книгахъ, выходившихъ при Никонѣ изъ правительственной типографіи, принципъ исправленія стараго проведенъ былъ не со всею строгостью ¹⁾.

Никонъ, въ послѣднее время своего патріаршества, а потомъ по оставленіи имъ патріаршей кафедръ, не только признавалъ старыя и новыя служебники одинаково добрыми, допускалъ совершать службы по тѣмъ и другимъ, позволялъ печатать въ Иверскомъ монастырѣ по старому, но въ концѣ концовъ онъ даже принципиально заподозрилъ свои собственныя реформы. Всѣ церковныя исправленія Никона имѣли смыслъ и значеніе подѣ условіемъ признанія авторитета восточныхъ патріарховъ и признанія неповрежденности тогдашнихъ греческихъ печатныхъ книгъ. Но Никонъ, во время соборнаго суда надъ нимъ, отвергъ то и другое, вслѣдствіе чего необходимо сталъ въ отрицательное отношеніе къ своимъ же собственнымъ реформамъ. Во время соборнаго суда надъ нимъ, Никонъ заявилъ, что патріархи александрійскій и антиохійскій, присутствовавшіе тогда на соборѣ, не могутъ

---

1) Паисій Лигаридъ, въ своемъ сочиненіи „О судѣ надъ патріархомъ Никонѣмъ“ (объ этомъ сочиненіи Лигарида скажемъ ниже), заявляетъ, что Никонъ, во время соборнаго суда надъ нимъ, самъ призналъ неискренность своихъ книжныхъ исправленій. Когда Никонъ, рассказываетъ Лигаридъ, отвергъ на соборѣ греческій номоканонъ, какъ еретическій, „принесено было, для большаго удостовѣренія, законоположеніе русскихъ, но и это Никонъ отвергъ какъ невѣрно изданное при патріархѣ Іосифѣ московскомъ. Никонъ нехотя прибавилъ, что нѣкоторыя книги неправильно были изданы и во время его патріаршества, почему и поручилъ архіереямъ въ удобное время исправить ихъ“.

быть названы настоящими, законными патриархами, такъ какъ александрійскій не живетъ въ Александріи, а антиохійскій живетъ въ Дамаскѣ. А между тѣмъ, какъ мы знаемъ, большую часть своихъ церковно-обрядовыхъ реформъ Никонъ произвелъ именно по совѣту и указаніямъ антиохійскаго патриарха Макарія, на авторитетъ котораго онъ тогда постоянно указывалъ и опирался. Что же въ такомъ случаѣ значили эти реформы, если онѣ произведены были Никономъ по совѣтамъ и указаніямъ Макарія, незаконнаго, ненастоящаго патриарха?—При Никонѣ, какъ мы видѣли, наши книги прежде всего исправлялись съ греческихъ печатныхъ книгъ. Но когда, во время соборнаго суда, противъ Никона приведено было одно правило изъ греческой книги, его осуждающее, то Никонъ рѣзко заявилъ на соборѣ: „греческія правила не прямыя, ихъ патриархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики“, и затѣмъ опять настойчиво повторилъ: „греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики“. Конечно это заявленіе Никона можно объяснять его крайней тогдашней раздраженностію противъ его судей—патриарховъ, можно видѣть въ немъ только необдуманныя слова пылкаго, несдержаннаго человѣка. Но можно объяснять дѣло и иначе. Все греческое въ глазахъ Никона было хорошо только до тѣхъ поръ, пока греки льстили ему, всячески угодили и пресмыкались передъ нимъ, пока они оправдывали и одобряли всѣ его реформаторскія дѣйствія, а онъ, опираясь на нихъ, игралъ видную и эффектную роль реформатора русскихъ церковныхъ порядковъ. Какъ же скоро тѣ же самые греки враждебно коснулись самого Никона, изъ льстецовъ и угодниковъ превратились въ грозныхъ и не податливыхъ его судей, а реформаторская его дѣятельность подверглась всякимъ пересудамъ, толкованіямъ и провѣркамъ; грекофильства Никона какъ не бывало, онъ уже судить и рядить какъ истый старообрядецъ: восточныхъ патриарховъ называетъ не настоящими патриархами, греческія печатныя книги—неправыми, такъ какъ ихъ печатаютъ еретики. Никонъ, видимо, не смотря на свое громкое заявленіе: „хотя я русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія“, на самомъ дѣлѣ, по своимъ истиннымъ убѣжденіямъ, всему духовному складу своей личности и симпатіямъ, продолжалъ всегда оставаться завзятымъ тогдашнимъ русскимъ; все его

грекофильство было у него явленіемъ очень непрочнымъ, какъ бы искусственнымъ, привитымъ къ нему со стороны. Какъ же скоро обстоятельства измѣнились, его прежніе друзья и поощрители въ грекофильствѣ превратились въ его рѣшительныхъ враговъ и Никонъ былъ, такъ сказать, предоставленъ только самому себѣ: въ немъ и сказался тотъ дѣйствительный, настоящій Никонъ, отъ котораго не разъ слышали ранѣе, какъ онъ говорилъ: „гречане де и малые Россіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой да и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія ни мало“.

ГЛАВА VII.

Борьба протопопа Іоанна Неронова съ патріархомъ Никономъ.

Іоаннъ Нероновъ, какъ глава всѣхъ недовольныхъ патріархомъ Никономъ. Громадная популярность Неронова. Его увѣренность, что онъ находится подъ особымъ божественнымъ водительствомъ и что самъ Богъ призвалъ его къ общественной дѣятельности и къ борьбѣ съ недостойнымъ патріархомъ Никономъ. Нероновъ всегда признавалъ греческихъ патріарховъ православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ боролся лично только съ Никономъ, а не съ церковію и ея іерархіею. Примиреніе Неронова съ Никономъ было примиреніемъ съ церковію, а не съ личностію Никона, хотя онъ и привялъ потомъ всѣ произведенныя Никономъ церковныя реформы.

Никонъ спѣшно и энергично, безъ всякой серьезной помѣхи съ чьей либо стороны, проводилъ свои церковныя реформы. А между тѣмъ противъ этихъ реформъ въ обществѣ существовало очень сильное, хотя и скрытое, неудовольствіе, которое само по себѣ можетъ быть и не имѣло бы особенно важнаго значенія, если бы этимъ обстоятельствомъ, какъ нельзя лучше, не воспользовались члены кружка ревнителей благочестія, которые открыто стали на сторону всѣхъ недовольныхъ Никономъ. Главнымъ дѣятельнымъ борцомъ противъ Никона теперь сдѣлался Іоаннъ Нероновъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ, вліятельныхъ и популярныхъ людей въ Москвѣ. Мы уже знаемъ, что Нероновъ былъ ближайшимъ другомъ вліятельнаго царскаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который самъ во многомъ подчинялся пылкому, энергичному и учительному настоятелю московскаго Казанскаго собора. Благодаря отчасти Стефану, а также и предшествующей своей дѣятельности, Нероновъ лично хорошо былъ знакомъ царю, царицѣ и всей царской семьѣ,

среди которой онъ пользовался и расположеніемъ и уваженіемъ; бояре, и вообще люди знатные, тоже хорошо знали Неронова, какъ пастыря во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося, и со многими изъ нихъ у него существовали личныя, непосредственныя, близкія отношенія; онъ пользовался и среди всѣхъ вообще москвичей большою популярностію, благодаря заведеннымъ имъ въ Казанскомъ соборѣ новымъ богослужебнымъ порядкамъ: единогласному пѣнію и чтенію, правильному неопустительному чтенію отеческихъ поученій, соблюденію во всемъ богослуженіи строгой чинности и истовости, требованію отъ всѣхъ молящихся стоять въ церкви смиренно и чинно; наконецъ Неронова знали всѣ бѣдные, больные, увѣчные, сирые и несчастные, такъ какъ Нероновъ помощь всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ считалъ одною изъ первыхъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Естественно было поэтому, что къ заявленіямъ такого всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго человѣка не могли остаться равнодушными ни царь, ни патріархъ, ни все общество—всѣ невольно прислушивались, что говоритъ про новаго патріарха, и говоритъ такъ смѣло и рѣшительно, всѣмъ извѣстный и всѣми высокопочитаемый протопопъ Казанскаго собора. Но Нероновъ былъ не одинъ, вокругъ него, вполне раздѣляя его воззрѣнія на Никона, и безусловно сочувствуя его смѣлому и энергичному протесту, стояли другіе ревнители: протопопы—Аввакумъ, Лазарь, Даніиль, Логгинъ, а также епископъ Павелъ коломенскій, и другія духовныя и свѣтскія лица, которыя находились въ сношеніяхъ и даже перепискѣ съ Нероновымъ. Всѣ они видѣли въ Нероновѣ выразителя своихъ воззрѣній, своего главу и руководителя, смотрѣли на него, за его смѣлыя обличенія грознаго патріарха, съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ, граничащимъ съ благоговѣніемъ. Вотъ какъ выражается, на примѣръ, протопопъ Аввакумъ въ своемъ письмѣ къ Неронову, отъ 14 сентября 1653 года, когда Нероновъ находился въ ссылкѣ въ Спасокаменномъ монастырѣ: „ты (Нероновъ) подобенъ, пишетъ Аввакумъ, еси Павлу (апостолу), благодать устны твоими дѣйствуетъ, яко же Павловыми. Азъ грѣшникъ, помня слезы твоя, и радости исполняюся, днемъ и ноцію воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрней вѣрѣ. Благодарю укрѣпляющаго мя Христа и Спаса Господа нашего, яко вѣрна мя помысливъ

и положивъ мя въ службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя, но помилованъ быхъ за молитвъ твоихъ“. Свое особое высокое уваженіе къ Неронову, обыкновенно отличавшійся крайнею нетерпимостію Аввакумъ, выражалъ даже и тогда, когда Нероновъ уже принялъ троеперстіе и соединился съ церковію. Въ письмѣ изъ Мезени къ игумену Теокисту Аввакумъ пишетъ: „про все пиши: про старцово (т. е. Неронова) житіе мнѣ не пиши, не досаждай мнѣ имъ: *не могутъ мои уши слышати о немъ хульныхъ глаголѣхъ ни отъ ангела. Ужъ то грѣхъ ради моихъ въ сложеніи перстовъ малодушествуетъ*“ ¹⁾. Игуменъ Теокистъ, въ письмѣ къ Стефану Вонифатьевичу, отъ 13 іюля 1654 года, выражаетъ желаніе, чтобы на мѣсто Никона Стефанъ сдѣлался патріархомъ и, вліяя на государя, умиротворилъ церковь „внимая прилѣжно отца Іоанна глаголомъ“ ²⁾ т. е. если бы Стефанъ сдѣлался патріархомъ, то его руководителемъ въ управленіи церковію долженъ бы стать, по убѣжденію ревнителей, Нероновъ, какъ признанный всѣми глава и авторитетъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. О самомъ Нероновѣ тотъ же игуменъ Теокистъ, въ томъ же письмѣ къ Стефану, говоритъ, что Нероновъ показываетъ „и во устахъ рвеніе по благочестіи и къ Богу присную любовь. Зрѣти бо его, яко ангела ликующа въ небесныхъ: сице во истину и того въ скорбѣхъ, и свѣтло зѣло умомъ зряща Владыку всѣхъ Бога, и никако о земныхъ радяща, и скорби презирающа и любезнѣ бѣда терпяща“. Никонъ гонитъ и преслѣдуетъ Неронова, но у него всюду находятся друзья, сторонники, послѣдователи, его, сосланнаго подъ начало и въ заточеніе, вездѣ встрѣчаютъ съ особою честію и уваженіемъ, какъ мужественнаго и невиннаго страдальца за правду. Когда Нероновъ былъ сосланъ Никономъ подъ начало въ Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, то „архимандритъ тоя обители Александръ пріятъ его радуяся и глаголя, яко страдальца видѣти сподоби мя Богъ древняго,—даруя тому честь, и выше келаря поставляя его въ церкви, новый войлокъ овчій подложивъ тому подъ ноги; и въ келіи жити повелѣвая со отцемъ его духовнымъ священникомъ Григоріемъ, и слугу ему далъ для чести; и изъ

¹⁾ Матер. для ист. разск. т. I. стр. 25—26. V, стр. 160—161.

²⁾ Матер. для ист. разск. т. I, стр. 112.

поварни прибавочныя ѣствы приносить къ нему повелѣвая въ келью первому слугѣ, Смирнову-Аванасьеву, а имя ему Тить. А прочимъ слугамъ квасу добраго ко отцу Іоанну носить повелѣвая въ оловяникахъ,—братины мѣдныя съ покрывалами!“ Точно также почетно встрѣченъ былъ Нероновъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, куда онъ прибылъ при своемъ бѣгствѣ изъ Кандалагжскаго монастыря. Отпуская бѣглеца въ Москву, соловецкій архимандритъ Ілія напутствовалъ его такими словами: „страдалче, біемъ одолѣвай! храбрый воине, подвизайся!“ ¹⁾ Даже простой народъ всюду оказывалъ Неронову свое особое расположеніе и горячую приверженность къ нему, видѣлъ въ немъ борца за правду, народнаго милостивца и невиннаго страдальца. Біографъ (современникъ) Неронова замѣчаетъ: „простіи людіе зѣло любляху Іоанна, яко проповѣдника истиннѣ, и предъ цари не стыдящася, по пророку, и много истиннѣ страждуща,—страдальца и мученика того нарицаху“. Когда Никонъ послалъ арестовать скрывавшагося Неронова, и посланные напали было на его слѣдъ, „то христіане тоя волости скрыша Григорія (монашеское имя Неронова), а посланныхъ отъ патріарха оскорбиша. Григорію же молящу тѣхъ, да не паче мѣры съ посланными крамолятъ; ти же рекоша: до смерти за тя, страдалче Христовъ, готовы пострадати. Іоанна убо сохраниша, сами же многу бѣду подъяша. Паки патріархъ повелѣ многихъ прислать въ ту волость, и іереевъ и мірскихъ оковавъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ во темницу посадити повелѣ, и мнози отъ нихъ въ темницѣ и умроша отъ великія нужды, а иніи мнози скорби и напасти подъяху, любви ради, ея же имѣяху ко Іоанну. Христолюбцы же, аще и многи бѣды, ихъ же зряху, братія ихъ страждуть, но яко зеницу ока, или яко отца, Іоанна храняху, и въ домахъ своихъ, яко Божія Ангела, держяху и любезно въ сладость послушаху“ ²⁾. Понятно почему народъ такъ сильно былъ привязанъ къ Неронову, что многіе, ради защиты его отъ преслѣдованій Никона, шли въ тюрьму и тамъ умирали. Въ запискѣ о жизни Неронова разсказывается между прочимъ и слѣдующее: „нѣкоего лѣта бысть гладъ въ предѣлѣхъ града Вологды, и мнози, хлѣб-

¹⁾ Ibid. стр. 112—113, 140—141.

²⁾ Матер. т. I, стр. 143—144.

ныя ради скудости, ядяху траву, и коренія, и вахту, и млеко въ дни постныя, и приходяще къ отцу Григорію (который тогда жилъ въ Игнатъевой пустыни около Вологды) прошаху милости, да утолитъ ихъ отъ глада того. Григорій же, яже имѣяше, даяше требующимъ, и много множество собирая по градамъ хлѣба, кормяше приходящія къ нему; даяше же и сѣмена отъ обители своея земледѣльцемъ на сѣваніе нивъ ихъ. И тако во время глада прокорми народъ безчисленный“. Но и этимъ Нероновъ не ограничивался. „Хождаше милостыни ради, говоритъ записка о его житіи, въ царствующій градъ Москву, а наипаче заступленія ради бѣдныхъ, понеже многихъ ради бѣдъ и напастей многіи, приходящи къ нему отъ различныхъ градовъ, моляху того о заступленіи, яко знаемый бѣ царемъ и бояры свидѣтельствовавшаго ради въ добродѣтелехъ житія его и страданія, и, многое множество заступая, избавляше отъ узъ, и темницы, и отъ смертныя градскія казни. И возвращашеся отъ царствующаго града въ свою пустыню съ довольною милостынею, отъ царя и отъ прочихъ боголюбцовъ подаваемою, и вся собранная влагаше въ утробы нищихъ, пекійся яко отецъ всѣмъ душевнѣ и тѣлеснѣ“. Къ нему въ пустыню, изъ Вологды и окрестныхъ сель, приходило множество народу всякаго чина, возраста и пола, и всѣхъ ихъ онъ радушно и любезно привималъ, „и не токмо въ церквѣ, но и внѣ церкви, и келіи всѣхъ поучаше и наслаждале божественнымъ писаніемъ—духовною пищею“. По окончаніи службы и церковныхъ поученій повелѣваше посаждати всѣхъ граждановъ и поселянъ въ трапезѣ, а невмѣщающихся, множества ради, внѣ трапезы, и всѣмъ пищу одинаку и равну предлагати. Самъ же, обходя сѣдящія, призираше всѣхъ. Во время же трапезованія повелѣваше читати божественныя книги, а самъ толковаше всѣмъ чтемое. По совершеніи же трапезы отпускаше въ дома ихъ, насыщенныхъ пищею сугубою, тѣлесною и душевною“. Понятно, что такое отношеніе къ приходящимъ въ обитель производило на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе и притомъ крайне благопріятное для Неронова. „Людіе же, говоритъ записка о его жизни, пришедши въ городъ и веси своя, повѣдаху другъ другу, удивляющесе дивному его ученію, и добродѣтельному житію, и милостынѣ, и страннолюбію, яко

въ прежнихъ лѣтѣхъ николи же явился таковъ человекъ въ странѣ той“ ¹⁾).

Дѣйствительно Нероновъ, по всей своей дѣятельности, не только былъ для того времени выдающимся пастыремъ церкви, истовымъ, строгимъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ, всегда учительнымъ и назидательнымъ, смѣлымъ неустрашимымъ обличителемъ всякаго нечестія, неправды, порока—и предъ архіереями и патріархомъ и самимъ царемъ; въ то же время онъ былъ замѣчательнымъ, выдающимся общественно-народнымъ дѣятелемъ: онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ народолюбцемъ, который во время неурожая заботился о прокормленіи голодающихъ крестьянъ, для чего онъ ѣздилъ за сборами по разнымъ городамъ, чѣмъ спасъ множество семей отъ голодной смерти; кромѣ того онъ раздавалъ потерпѣвшимъ неурожай крестьянамъ сѣмена для посѣва на будущій годъ, чтобы предупредить голодъ и въ будущемъ; онъ энергично и настойчиво заступался предъ властями за всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, попавшихъ въ бѣду, и даже нарочно ѣздилъ въ Москву хлопотать за нихъ и, благодаря его ходатайствамъ и заступленію, многіе спаслись отъ узъ, темницы, а иные и отъ казни; на духовное просвѣщеніе народа онъ обращалъ всегда самое серьезное вниманіе и затрачивалъ на него массу труда, времени и энергіи: всѣ его постоянныя и неопустительныя церковныя и внѣ-церковныя поученія направлены были на просвѣщеніе народа, на сообщеніе ему болѣе правильныхъ религіозно-нравственныхъ понятій—въ своемъ монастырѣ онъ устроилъ нѣчто въ родѣ школы ²⁾. Естественно, что народъ благоговѣлъ предъ такимъ необыкновеннымъ всестороннимъ и всею душою преданнымъ ему дѣятелемъ, глубоко чтилъ его и, при случаѣ, готовъ былъ за него идти въ тюрьму и даже на смерть. Гоненія и преслѣдованія Никона только воз-

¹⁾ Ibid. cap. 287—289.

²⁾ Записка о житіи Неронова говоритъ: „мнози отъ гражданъ приводятъ къ нему чада своя и вдаваху въ наученіе книжное: Іоаннъ же, яко истинный и чадолюбивый отецъ, всѣхъ любезнѣ пріемля, безъ мзды учаща съ прилежаніемъ многимъ; а старцы, въ сладость пріемлюще ученіе его, вскорѣ книжнаго разумѣнія навыкаху, молитвами и прилежаніемъ учителя своего“. (Ibid. стр. 260). Очевидно Нероновъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ распространенія въ народѣ грамотности путемъ дарового обученія.

вышли въ глазахъ народа престижъ Неронова, создавали ему репутацію невиннаго страдальца за правду, окружали его ореоломъ мученичества и даже прямо дѣлали его, въ глазахъ его почитателей, святымъ мужемъ, на которомъ почитеть особая благодать Божія. Впрочемъ и самъ Нероновъ искренно вѣрилъ, что онъ имѣетъ къ общественной дѣятельности особое чрезвычайное призваніе отъ Бога, и что онъ дѣйствительно находится всегда подъ особеннымъ водительствомъ Божиимъ.

Въ одной челобитной царю Нероновъ указываетъ ему на возможное появленіе антихриста, который только „малыми (немногими), ихъ же утвердитъ Духа Святаго благодать, познаваемъ будетъ“. Вотъ къ числу этихъ-то немногихъ, утвержденныхъ благодатію Св. Духа, и причисляли себя Нероновъ, Аввакумъ и другіе члены кружка ревнителей. Въ силу особой дарованной имъ благодати Св. Духа, они лучше другихъ видѣли, понимали и оцѣнивали окружающія ихъ явленія и всѣ текущія событія жизни, особенно церковныя, и потому лучше другихъ, лучше самыхъ церковныхъ властей, въ большинствѣ погруженныхъ въ мірскія дѣла, заботы и интересы, могли руководить и направлять по истинному настоящему пути все теченіе церковной жизни, предохранить и оберечь ее отъ уклоненій на пути ложныя и гибельныя для православія. Но кромѣ этой общей, такъ сказать, благодатной и сверхъестественной почвы, на которой коренилась, выростала и развивалась ихъ общественная дѣятельность, они еще, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, получали обыкновенно на каждый разъ особыя спеціальныя свыше указанія, видѣнія, знаменія, благодаря чему ихъ дѣйствія и были, въ ихъ глазахъ, безошибочны, непогрѣшимы, вполне согласны съ волею Божіею, хотя бы онѣ и шли въ разрѣзъ съ волею человѣческою, выражаемою властями, свѣтскими и духовными. Вотъ почему они и не боялись рѣшительно и открыто противорѣчить всѣмъ властямъ, рѣзко обличать ихъ и даже вступать съ ними въ прямую борьбу,—такъ поступать было ихъ долгомъ и обязанностію, какъ людей находящихся подъ высшимъ божественнымъ водительствомъ. Та божественная сила, которая ихъ, какъ своихъ избранниковъ, просвѣщала, направляла и давала имъ возможность уразумѣвать истинный смыслъ текущихъ событій,

скрытый отъ другихъ,—эта же божественная сила вмѣстѣ съ тѣмъ оберегала и охраняла ихъ въ трудныя и скорбныя минуты ихъ жизни, воодушевляла и подкрѣпляла ихъ на продолженіе борьбы, почему они твердо были увѣрены, что во всѣхъ случаяхъ Богъ не оставитъ ихъ своею помощію, спасетъ ихъ отъ бѣды, гоненій, преслѣдованій, что пропо-вѣдуемая ими истина и правда всегда въ концѣ восторжествуютъ надъ ложью и неправдою ихъ противниковъ. И они дѣйствительно сами на себѣ испытали и постоянно имѣли предъ глазами, казалось имъ, реальныя, неопровержимыя факты, что рука Божія непосредственно руководитъ ими и охраняетъ ихъ во всѣхъ путяхъ ихъ. Сомнѣній, казалось, тутъ не могло быть. Неронова заковываютъ въ цѣпи и сажаютъ въ тюрьму. Но, по его молитвѣ, цѣпи сами спадаютъ съ него, дверь тюрьмы сама отворяется, и онъ спокойно выходитъ на свободу. Въ другой разъ жестокой приставъ, отвозившій Неронова на мѣсто ссылки, старательно заковывалъ его въ цѣпи. Но всякій разъ, какъ приставъ ни старался, цѣпи сами собою спадали съ святаго узника. Разъ братія того монастыря, куда сосланъ былъ Неровъ, выведенная изъ терпѣнія его постоянными назойливыми обличеніями, рѣшила такъ или иначе избавиться отъ безпокойнаго, несноснаго обличителя. Инокѣ нарочно, натопивъ жарко келью Неронова, напустили въ нее чаду и заперли въ ней узника, чтобы онъ умеръ отъ угару. Нероновъ, „воздѣвъ руцѣ къ Богу“, сталъ молить Его о спасеніи „пользы ради инѣхъ“. Молитва его была услышана. „Невидимою рукою въ полунощи“ Нероновъ неожиданно взятъ былъ изъ угарной кельи „и поставленъ за девять-десять поприщъ на Холмогорахъ въ храминѣ воина нѣкоего“. Такъ самъ Господь заботился о своемъ избранникѣ, охраняя его отъ разныхъ бѣдъ и злоумышленій недобрыхъ людей.—Если Нероновъ вступилъ въ борьбу съ патріархомъ Никономъ, то не потому только, что онъ сразу увидѣлъ въ Никонѣ человѣка совсѣмъ непригоднаго для занятія патріаршей кathedры, но главнымъ образомъ потому, что получилъ на этотъ счетъ особое указаніе свыше, когда, во время молитвы, услышалъ отъ образа Спаса обращенный къ нему гласъ: „Іоанне, держай и не бойся до смерти: подобаешь ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, яко же и

юннты“. Нероновъ, постригшись въ монахи, сдѣлался простымъ старцемъ Григоріемъ и, по тогдашнему русскому обычаю, строго соблюдаемому нѣкоторыми, не могъ священнодѣйствовать, о чемъ онъ сильно сокрушался особенно потому, что въ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, не было тогда священника и служба не совершалась даже въ Пасху. Тогда скорбѣвшему объ этомъ Неронову явился самъ Христосъ съ ангелами и разрѣшилъ ему священнодѣйствовать и притомъ по старымъ служебникамъ ¹⁾. И когда Нероновъ, въ силу бывшего ему видѣнія, началъ священнодѣйствовать, но не повѣдалъ о бывшемъ ему видѣніи Христа властямъ, то Христосъ снова явился ему съ ангелами и велѣлъ побить его „двумя дубцами“, послѣ чего Нероновъ поспѣшилъ явиться къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола Пити-

---

¹⁾ Извѣстно постановленіе собора, бывшего въ храмѣ св. Софіи при патріархѣ Фотіѣ: „аще который епископъ, или кто иный архіерейскаго сана, восхочетъ свити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія: таковой впредь уже да не взыскуеть употребленіе архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія: они общаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ словіи архіереевъ и *пастырей* не изводитъ самъ себе на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзаетъ сотворити сіе, послѣ превозглашенія и приведенія въ извѣстность произосимаго нынѣ опредѣленія: таковой, самъ себя устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ“. И сейчасъ на православномъ востокѣ нѣтъ ни одного архіерея монаха. Тамъ архіереи избираются изъ неженатыхъ духовныхъ лицъ—не монаховъ, и если архіерей вздумаетъ постричься въ монахи, онъ, согласно приведенному сборному правилу, лишается архіерейства. Нашихъ архіереевъ-монаховъ теперь православный востокъ совсѣмъ не знаетъ и сочетанію монашества и архіерейства въ одномъ лицѣ признаетъ явленіемъ совершенно ненормальнымъ и антиканоническимъ. Въ силу приведеннаго правила въ древней Руси съ бѣлыми священниками, постригавшимися въ монашество, дѣло стояло такъ, что съ принятіемъ монашества они поступали въ разрядъ простыхъ старцевъ и теряли право священнодѣйствовать. Когда протопопъ Стефанъ Воицѣевъ привнялъ монашество, онъ сталъ простымъ старцемъ Савватіемъ, а протопопъ Нероновъ—старцемъ Григоріемъ, при чемъ, когда въ его пустынь не было священника, она оставалась безъ церковной службы даже въ Пасху, такъ какъ самъ старецъ Григорій уже не имѣлъ права священнодѣйствовать. Только самъ Христосъ, явившійся Григорію съ ангелами, снова далъ ему право совершать священнодѣйствія.

риму, который вполне увѣровалъ въ разсказъ Неронова о бывшемъ ему видѣніи. Нероновъ обладалъ и особымъ даромъ предвидѣть грядущія событія политическаго и общественнаго характера. Такъ онъ энергично совѣтывалъ еще царю Михаилу Феодоровичу и Филарету Никитичу не начинать войны съ Польшею (вѣроятно 1632—1633 г.), потому что „прозрѣлъ духомъ, яко не имуть одолѣти сопротивныхъ, но токмо кровь христіанская имать проліятися всеу, того ради много моли царя и патріарха о умиреніи тамъ брани, дабы не проліялася кровь христіанская“. За такое предсказаніе Нероновъ угодилъ въ ссылку въ Корельскій монастырь, изъ котораго впрочемъ скоро былъ возвращенъ. Въ 1653 г. Алексѣй Михайловичъ готовился къ войнѣ съ Польшею, и Нероновъ настаиваетъ предъ нимъ не начинать похода, а прежде всего установить церковный миръ, потому что, пророчествуетъ онъ, безъ соблюденія этого условія „крѣпости не будетъ имѣти быти хотящая брань, но за премногое прогнѣваніе владыки нашего Бога велія погибель и тщета будетъ“. За это предсказаніе Нероновъ ничего не потерпѣлъ, конечно потому, что оно оказалось совсѣмъ невѣрнымъ— война съ Польшею на этотъ разъ была очень удачна. Въ 1654 году Нероновъ предсказывалъ Никону: „да время будетъ и самъ съ Москвы поскочишь, ни кимъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ (т. е. Неронова, Аввакума и другихъ) далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать!“ Это предсказаніе Неронова Никону потомъ дѣйствительно во всемъ сбылось. Нероновъ предсказалъ имѣющей появиться на Руси морь. „Іоаннъ, говоритъ его біографъ, пророчествова о приближащемся наказаніи Божіи, и писаше къ нѣкимъ боголюбцемъ, яко грядетъ гнѣвъ Божій съ смертоносною язвою. Писа-же и супругъ своей, да приметъ чинъ иноческій, яко грядетъ морь; и событся то его пророчество вскорѣ“.—Мы уже не говоримъ о томъ, что Нероновъ, подобно всѣмъ ревнителямъ, съ помощію усердной молитвы и окропленія святою водою, исцѣлялъ „бѣсныя и кличущія“, которыхъ къ нему приводили во множествѣ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы Нероновъ, рассказывая о бывшихъ съ нимъ разныхъ чудесныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, указывающихъ, что онъ находится подъ особымъ

божественнымъ водительствою, сознательно говорилъ неправду, въ видахъ обманывать другихъ и прослыть въ ихъ мнѣніи святымъ человѣкомъ. Напротивъ, онъ былъ искрененъ въ своихъ разказахъ, и самъ первый вѣрилъ въ ихъ непреложную истинность и дѣйствительность, а въ этой-то увѣренности и заключается вся страшная сила подобныхъ людей, которая всѣмъ ихъ дѣйствіямъ сообщаетъ необыкновенную смѣлость, рѣшительность, несокрушимую энергію, готовность идти на муки и смерть за свои убѣжденія, за то, что они считаютъ истинной и правдой. Борьба съ такими людьми внѣшними средствами, хотя бы самыми суровыми и жестокими, обыкновенно ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. Борьба такими средствами не убиваетъ и даже не ослабляетъ этой силы, а только укрѣпляетъ ее, приводитъ въ высшее напряженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ ней вниманіе и невольное сочувствіе общества. Никонъ сдѣлалъ крупную ошибку борясь съ этой силой только средствами своей громадной внѣшней силы: разстриженіями, ссылками, заточеніями. Преслѣдуемая имъ сила не только не умалаялась отъ этихъ преслѣдованій, но все болѣе росла, крѣпла и расширялась, пока не вызвала наконецъ формальный расколъ въ русской церкви.

Нероновъ, какъ мы ранѣе видѣли, въ своихъ посланіяхъ къ царю и въ письмахъ къ другимъ лицамъ, употреблялъ всѣ усилія дискретировать Никона въ мнѣніи царя, царицы и Стефана Вонифатьевича, при чемъ онъ изображалъ Никона человѣкомъ очень жестокимъ, несправедливымъ, самовластнымъ, очень опаснымъ и для церкви и государства. Въ патріаршихъ дѣйствіяхъ Никона, особенно по отношенію къ кружку ревнителѣй, Нероновъ находилъ только лицемѣріе, неправду, мстительность, нарушеніе всѣхъ законныхъ нормъ и правилъ церковнаго суда; въ церковныхъ его распоряженіяхъ—легкомысліе и самочиніе, а въ общемъ находилъ, что Никонъ, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ патріаршимъ дѣйствіямъ, совсѣмъ неподходящее лицо для патріаршей кathedры.

Но всѣ усилія Неронова очернить Никона въ глазахъ царя не имѣли никакого успѣха. Алексѣй Михайловичъ думалъ тогда, что онъ лучше Неронова знаетъ Никона, и потому совсѣмъ не вѣрилъ никакимъ навѣтамъ на послѣдняго, тѣмъ

болѣе что Нероновъ выражалъ свои жалобы и обвиненія на Никона слишкомъ спокойно и страстно, такъ что онѣ невольно производили впечатлѣніе не сдержанныхъ, пристрастныхъ, а иногда и прямо грубыхъ выходокъ лично обиженнаго и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ человѣка, всячески усиливающагося наговорить своему противнику какъ можно больше обиднаго и оскорбительнаго. Алексѣй Михайловичъ не только не повѣрилъ Неронову, но, чрезъ своего духовника, даже совсѣмъ запретилъ ему писать къ себѣ. Всѣ другія попытки Неронова повліять на царя чрезъ царицу и Стефана Вонифатьевича, также не имѣли успѣха ¹⁾. Но Нероновъ, потерпѣвъ неудачу при дворѣ, не оставилъ однако борьбы съ Никономъ, теперь онъ рѣшилъ перенести ее въ народъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ сталъ пропагандировать свои взгляды на Никона въ народѣ, къ которому обращался съ зажигательными рѣчами. Отправляясь въ ссылку, Нероновъ проѣздомъ остановился въ Вологдѣ, гдѣ, по окончаніи службы въ соборѣ, обратился къ народу, по его собственному сообщенію, съ такою рѣчью: „Священники и вси церковная чада! Завелися новые еретики, мучать православныхъ христіанъ, которые поклоняются по отеческихъ преданіи, такожде и слогъ перстовъ по своему умыслу развращеннѣ сказуютъ, да за то рабъ Божіихъ мучать, и казнять, и въ дальнія заточенія посылаютъ. Азъ, грѣшный, въ крестовой, предъ соборомъ всѣхъ властей, говорилъ тѣ слова: подаль, равноапостольный благочестивый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи

¹⁾ Очень характерно, какъ Нероновъ, въ своемъ посланіи къ царицѣ, учить ее воздѣйствовать на царя въ интересахъ Неронова. „Внуши вопль мой, о христолюбце, пишетъ онъ царицѣ, и услыши глаголы моя, благовѣрная царица, и скорбь съѣдающую душу мою утолити потщися. Буди привосяща слезы наша благочестивому царю—государю, *прѣмше на руку надежду нашу, благій плодъ чрева твоего,—благотѣрнаго царевича Алексѣя Алексѣевича, и съ нимъ соумоляющи государя нашего* благочестиваго царя, да первѣе со враги церкви брань сотворить, потомъ на иноплеменикъ да идетъ, никако ослабу дая въ сихъ: еда бо како тые брани не управивъ, скорбь и тщету тамо пріяти будетъ... Часто вспомяная буди государю, *сиче рекій*: не преслушай, молю, благочестивый царю, нищаго протопопа Іоанна моленія, еда како Богу хотящу, множае себѣ повредиши, неже тѣмъ“ (Матер. 1, 80—83). Но всѣ эти старанія Неронова, что бы царица воздѣйствовала на царя указываемымъ имъ способомъ и словами, не имѣли успѣха.

тебѣ (т. е. Никону) волю, и ты, не узнавша, тако всякія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіемъ! Ано ты такъ говоришь, какъ въ евангеліи сказуетъ: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческомъ такожде ихъ мученіи отъ развратниковъ, аще бы не мірскія власти заступали ихъ. Да время будетъ и самъ съ Москвы поскочишь, никимже гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать! Да и вы, аще о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать! Не единымъ вамъ глаголю, но и всѣмъ, на Москвѣ и на всѣхъ мѣстѣхъ, за молчаніе всѣмъ злѣ страдати! А во ономъ вѣдѣ что отвѣтъ дадимъ Владыцѣ нашему истинному Христу и святымъ его страдальцемъ?¹⁾

Понятно, что Никонъ не могъ остаться равнодушнымъ къ нападкамъ на него со стороны Неронова, къ настойчивымъ попыткамъ послѣдняго подкопаться подъ его положеніе, какъ патріарха. Никонъ, съ своей стороны, тоже предпринялъ свои мѣры и для оправданія своего поведенія относительно Неронова и для окончательнаго его пораженія.

Никонъ снялъ съ Неронова скуфью и отправилъ его въ ссылку послѣ соборнаго суда. Но Нероновъ никогда не признавалъ правильности этого осужденія, и самый осудившій его соборъ не признавалъ настоящимъ соборомъ. И царю, и царицѣ и Стефану Вонифатьевичу, и всѣмъ вообще онъ всюду постоянно, настойчиво и убѣжденно доказывалъ и разъяснялъ, что онъ осужденъ неправильно, вопреки правиламъ св. апостоль и св. отецъ, осужденъ Никономъ по страсти, потому что Никонъ принялъ на себя „мучительскіи санъ“, чтобы безвинно „мучительски мучить“ Неронова и его благочестивыхъ друзей. Эти постоянныя, настойчивыя и страстныя заявленія Неронова, что Никонъ осудилъ его неправильно и незаконно, только тѣша свою страсть, побудили Никона позаботиться доказать несправедливость обвиненій противъ него Неронова или что тоже: доказать, что Нероновъ былъ осужденъ законно и правильно. Это можно было сдѣлать, передавъ дѣло о Нероновѣ на разсмотрѣніе другаго—большаго, чѣмъ первый, собора, а тѣмъ болѣе та-

1) Матер. 1, 106—107.

кого, на которомъ бы присутствовали лица не только авторитетныя, но и совершенно стороннія, чуждыя всякихъ мѣстныхъ личныхъ отношеній и интересовъ и потому могушія порѣшить все это дѣло вполнѣ безпристрастно. Такія лица тогда нашлись въ Москвѣ. Это были: антиохійскій патріархъ Макарій, молдавскій митрополитъ Гедеонъ и никейскій митрополитъ Григорій. 18 мая 1656 года Никонъ созвалъ соборъ, на которомъ присутствовали указанные восточные іерархи, русскіе архіереи, архимандриты, протопопы и другое духовенство, только самъ Нероновъ не былъ приглашенъ на соборъ и судъ надъ нимъ совершался заочно. Соборъ сначала разсмотрѣлъ прежнее соборное осужденіе Неронова Никономъ и нашелъ, что тогда Нероновъ осужденъ былъ на смиреніе въ монастырь вполнѣ законно и справедливо, такъ какъ онъ, „надувся гордостію бѣсовскою, не восхотѣ о своихъ злыхъ вину принести, но еще и вѣщше иную злобу яви, и святой соборъ укори, и досадительными неправильными словесы великаго государя святѣйшаго Никона патріарха и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи укори окаянный онъ Иванъ и непреподобный“. И когда соборъ правильно за это осудилъ его на смиреніе въ монастырь, „онъ же, Иванъ, прощенія отъ святаго собора не взыска, но тай изъ монастыря убѣже и обходя тайно, яко второй Іуда, возмущаетъ неутвержены въ словѣ души. Еще же написа, непреподобный, многая ложная и несвѣдома о великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцѣ, и о великомъ государѣ святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ московскомъ и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи, и о святыхъ вселенскихъ четырехъ патріарсѣхъ, отменяя греческаго православія, отнюдуже по благодати Святаго Духа вѣра наша возрасте, и утвердися, и утверждается; еще же и старыя книги, писанныя на хартияхъ лѣтъ за двѣсте, и за триста, и за четыреста, и за пятьсотъ, и за шестьсотъ и множае—укори, и не суть виновны нашему спасенію нарече. Ещеже, не спросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви и пострижеса отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій. И того ради его, Ивана Неронова протопопа, иже нынѣ Григорей, и съ его единомысленники осуди святой соборъ: Иванъ Не-

роновъ, иже нынѣ въ чернцахъ Григорей, и съ своими единомысленники, иже не покоряющесе святому собору, отъ святыхъ единосущныхъ Троицы и отъ святыхъ восточныхъ церкви да будутъ прокляты“ 1).

Это соборное постановленіе объ отлученіи отъ церкви и проклятіе Неронова и его единомысленниковъ, торжественно и всенародно было провозглашено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служили Никонъ и антиохійскій Макарій съ другими іерархами. У Павла Алепскаго находится объ этомъ слѣдующій рассказъ: „въ воскресенье, послѣ Вознесенія, нашъ владыка патріархъ служилъ въ соборѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, и они отлучили протопопа, котораго Никонъ заточилъ, какъ только сдѣлался патріархомъ, за то, что онъ уподобился Арію и сталъ еретикомъ, принося хулу на четырехъ патріарховъ, и говоря о нихъ, что они, по причинѣ порабоженія ихъ турками, лишились своей власти, и приносилъ также хулу на Духа Святаго. Этотъ несчастный, убѣжавъ изъ заточенія, возвратился въ столицу, гдѣ и скрывался. Патріархъ тщетно розыскивалъ его, чтобы схватить, но не нашель, потому что онъ постоянно мѣнялъ свою одежду и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Нашъ владыка патріархъ чрезъ драгомана говорилъ предъ всѣмъ народомъ такъ: назвалъ его вторымъ Аріемъ, ибо какъ тотъ былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ былъ протопопомъ въ Москвѣ, анаематствовалъ его, проклялъ и отлучилъ, а также всякаго, кто послушаетъ его слова. Пѣвчіе и священники пропѣли трижды—анаеема“ 2).

Соборное осужденіе и торжественное проклятіе Неронова въ высшей степени характерно для патріарха Никона въ томъ отношеніи, что очень рельефно характеризуетъ тѣ приемы, какіе, иногда, Никонъ пускалъ въ оборотъ, чтобы только добиться конечнаго осужденія своихъ личныхъ противниковъ.

Изъ предъявленныхъ къ Неронову обвиненій вѣрно только то, что онъ крайне рѣзко и очень пристрастно отзывался о патріархѣ Никонѣ и всей его патріаршей дѣятельности, вся-

1) Матер. 1, стр. 124—133.

2) Муркоса, вып. IV, стр. 178.

чески старался вредить ему въ мнѣніи царя, царицы и царскаго духовника, что онъ и въ народѣ велъ усиленную пропаганду противъ Никона, изображая его во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ патріархомъ. Что же касается другихъ обвиненій противъ Неронова, то признать и доказать ихъ справедливость мы не имѣемъ возможности.

Нероновъ обвиняется въ томъ, что онъ, „непреподобный, написа многая ложная и несвѣдома о великомъ государѣ царѣ“ Алексѣѣ Михайловичѣ. Ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ. Челобитныя Неронова къ царю изъ Спасокаменскаго монастыря находятся передъ нами, и въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего, что можно было бы подвести подъ категорію „сложнаго и несвѣдомаго писанія“ о царѣ. Даже совершенно наоборотъ: въ своихъ челобитныхъ, письмахъ къ царицѣ и Стефану Вонифатьевичу, Нероновъ вездѣ выражаетъ самое глубокое и почтительное отношеніе къ царю, прямо называетъ царей „воистину по Бозѣ бози“, величаетъ Алексѣя Михайловича равноапостольнымъ, благочестивѣйшимъ, выражаетъ готовность пострадать и умереть за божественную царскую власть, этому учитъ и всѣхъ другихъ; царскую власть считаетъ выше духовной, она, по его мнѣнію, должна исправлять и вершить и всѣ церковныя дѣла. Нероновъ постоянно именно тѣмъ и гордился, что онъ всегда и вездѣ безбоязненно стоялъ за царскую честь, которую стремился унижить Никонъ, и потому указанное обвиненіе противъ него рѣшительно несправедливо и что подало къ нему поводъ, мы не знаемъ.

Обвиненіе Неронова, что онъ многое ложное писалъ „о святыхъ вселенскихъ четырехъ патріарсѣхъ, отметаая греческаго православія, отнюдуже по благодати Святаго Духа вѣра наша возрасте, и утвердися, и утверждается“,—тоже совершенно несправедливо, о чемъ мы скажемъ нѣсколько ниже.

Соборъ обвинялъ Неронова въ томъ, что будто бы онъ „святыхъ старыя книги, писанныя на хартіяхъ лѣтъ за двѣсти, и за триста, и за четыреста, и за пятьсотъ, и за шестьсотъ и множае укори, и не суть виновны нашему спасенію нарече“. Но само собою понятно, что со стороны Неронова ничего такого не было и не могло быть, а было какъ разъ обратное: Нероновъ стоялъ именно за старыя книги, ихъ

только читилъ и признавалъ, а укорялъ и отрицалъ книги новыя т. е. новоисправленные Никономъ.

Наконецъ соборъ обвинялъ Неронова въ томъ, что онъ „не испросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви и пострижеса отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій,“ т. е. соборъ обвиняетъ его въ своевольномъ постриженіи въ иночество. Но въ дѣйствительности дѣло происходило такъ: Нероновъ постригся въ монахи по настоянію и предписанію (запискѣ) царскаго духовника Стефана Вонифатьевича, у котораго онъ тайно и прожилъ нѣсколько недѣль. Все это дѣлалось съ одобренія и разрѣшенія самого государя Алексѣя Михайловича, который ни слова объ этомъ не сказалъ Никону и не выдалъ ему Неронова, котораго Никонъ въ это время всюду розыскивалъ, не подозрѣвая, что онъ проживаетъ рядомъ съ нимъ, у царскаго духовника, и что объ этомъ знаетъ царь. Ясно, что Нероновъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ несамочинно, а съ одобренія царя, власть котораго онъ всегда признавалъ выше духовной и имѣющей право вершить и церковныя дѣла, даже помимо патріарха.

На основаніи такихъ то обвиненій, кромѣ двухъ указанныхъ, явно несостоятельныхъ, Никонъ добился торжественнаго осужденія и проклятія Неронова и его друзей, причемъ это проклятіе произнесъ не Никонъ, а сторонній іерархъ—самъ вселенскій антиохійскій патріархъ Макарій.

Нельзя не сознаться, что антиохійскій патріархъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ очень жалкую роль: онъ въ Успенскомъ соборѣ, торжественно и всенародно, по желанію Никона, назвалъ Неронова вторымъ Аріемъ потому, „что какъ тотъ (Арій) былъ протопопомъ въ Александріи, такъ этотъ (Нероновъ) былъ протопопомъ въ Москвѣ“. При этомъ свидѣтель и рассказчикъ о событіи Павелъ Алепскій замѣчаетъ, что Нероновъ уподобился Арію потому, что онъ порицалъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ и что будто бы онъ „произносилъ хулу на Духа Святаго“. Очевидно патріархъ Макарій, произнося анаѣему на Неронова и уподобляя его Арію, плохо понималъ, что онъ дѣлалъ, и совсѣмъ не зналъ человѣка, котораго онъ такъ торжественно и всенародно анаѣематствовалъ. Макарій выслуживался въ данномъ случаѣ предъ все-

могущимъ тогда Никономъ и съ спокойною совѣстію продѣлывалъ все, чтобы тотъ ни потребовалъ отъ него, такъ какъ ему нужно было получить отъ русскаго правительства возможно щедрую и богатую милостыню, ради которой онъ пріѣхалъ въ Москву.

Между тѣмъ Нероновъ, послѣ своего тайнаго постриженія въ монахи, скрывавшійся въ разныхъ мѣстахъ отъ разыскивавшего его Никона, рѣшилъ отправиться въ Москву, чтобы проститься съ своимъ умершимъ другомъ и братомъ—протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ и поплакать на его гробѣ. Когда Нероновъ прибылъ въ Москву, то близкіе его стали умолять его, чтобы онъ показался патріарху, но другіе были противъ этого и настаивали—„яко да хранить себе“. Тогда Нероновъ заявилъ спорившимъ между собою друзьямъ своимъ: „иду, смотрите,—и благодать Божія со мною: ваша ради пользы не прекоснется зло“. Нероновъ отправился къ патріарху, съ цѣлію примириться съ нимъ. Къ этому его располагали разныя обстоятельства. Со смертію Стефана Вонифатьевича онъ лишился своей главной опоры, защиты и ходатая за него предъ царемъ. Онъ зналъ, что Стефанъ умеръ въ мирѣ съ Никономъ и всегда усиленно хлопоталъ, съ согласія царя, его, Неронова, примирить съ патріархомъ. Нероновъ рѣшилъ теперь исполнить всегдашнее желаніе своего умершаго друга и брата, хорошо, конечно, зная, что таково же всегда было и желаніе самого государя. Прибывъ въ Москву, Нероновъ отъ своихъ друзей узналъ, что его дѣло вновь пересматривалось на соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ антиохійскій патріархъ, и что этотъ соборъ сталъ на сторону Никона, а его окончательно отлучилъ отъ церкви и всенародно предалъ анаемѣ. Это извѣстіе должно было произвести на Неронова самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе, должно было сильно поколебать его прежнюю увѣренность въ своей правотѣ и не въ правотѣ и беззаконіи Никона. Доселѣ Нероновъ былъ искренно и твердо убѣжденъ, что Никонъ осудилъ его незаконно и несправедливо, почему онъ упорно и боролся съ нимъ. Но теперь оказалось, что совсѣмъ сторонній человѣкъ,—самъ вселенскій антиохійскій патріархъ нашелъ его осужденіе Никономъ правильнымъ и не только подтвердилъ это осужденіе, но еще усилилъ его. А Нероновъ, какъ сейчасъ увидимъ, съ уваженіемъ отно-

сился къ восточнымъ патріархамъ и признавалъ ихъ авторитетъ и въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Но этого мало. Нероновъ возставалъ на Никона не только какъ на человѣка несправедливаго, жестокаго, дѣйствующаго по страсти, но и какъ на человѣка, окружившаго себя очень сомнительными во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно въ вѣроисповѣдномъ, иностранными иноками, подъ вліяніемъ и по совѣту которыхъ онъ самочинно и сталъ ломать русскую завѣтную святую церковную старину и замѣнять ее сомнительнымъ новымъ, что грозитъ русской церкви всякими бѣдами и опасностями. Именно поэтому Нероновъ и считалъ себя обязаннымъ неустанно бороться съ Никономъ, какъ самочиннымъ нововводителемъ и презрителемъ родной святой старины. Но прибывъ въ Москву, Нероновъ познакомился здѣсь съ новой, недавно напечатанной, книгой *Скрижаль*, въ которой предписывалось креститься тремя, а не двумя перстами, какъ этого ранѣе требовалъ Никонъ. Самая книга *Скрижаль*, дѣлающая такія предписанія о перстосложеніи, оказалась свидѣтельствованною и одобренною четырьмя восточными патріархами. Значить, и въ вопросѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія Никонъ оказался не самочинникомъ и новаторомъ, а только проводникомъ и исполнителемъ воли четырехъ вселенскихъ патріарховъ, предающихъ клятвѣ всѣхъ непокоряющихся ихъ распоряженіямъ. Это окончательно убило въ Нероновѣ его прежнюю столь непоколебимую увѣренность, что Никонъ, измѣняя русскую церковную старину, дѣйствуетъ самочинно, по совѣту и указаніямъ очень сомнительныхъ иностранныхъ иноковъ, и Нероновъ теперь пошелъ на примиреніе, на которое такъ настойчиво звалъ его ранѣе другъ его и покровитель Стефанъ Вонифатьевичъ. „Кто есмь окаянный азъ? сталъ размышлять смущенный Нероновъ; со вселенскими патріархи раздоръ творити не хочу, ниже противенъ буду: что же ради и подъ клятвою у нихъ буду? Есть еще угодно будетъ кое дѣло Богу, всяко явится, леств же потребится“ ¹⁾.

Наши изслѣдователи, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію, считаютъ обыкновенно Неронова принципіальнымъ противникомъ грековъ, признающимъ, что тогдашніе греки уже

¹⁾ Матер. 1, 146.

потеряли православіе; и есть изслѣдователи, которые утверждаютъ, что именно „участіе греческой церкви (въ новшествахъ, вводимыхъ Никономъ) вполнѣ убѣдило Неронова въ еретичности этихъ новшествъ“. Приведенныя выше слова Неронова, что онъ не хочетъ противиться вселенскимъ патріархамъ и быть подъ ихъ клятвою, будто бы „сказаны были неискренно“, что онъ „и теперь продолжалъ считать вселенскихъ патріарховъ впавшими въ ересь, вслѣдствіе порабощенія ихъ невѣрными, а видимымъ наружнымъ примиреніемъ съ церковію хотѣлъ только снять съ себя соборное проклятіе, оставаясь въ душѣ такимъ же противникомъ преобразованій и греческой церкви, какъ и прежде“¹⁾.

Указанный взглядъ на отношеніе Неронова къ греческой церкви и къ вселенскимъ восточнымъ патріархамъ, увѣреніе, что онъ будто бы былъ неискрененъ, лицемерилъ, когда заявлялъ, что не хочетъ противиться вселенскимъ патріархамъ и быть подъ ихъ клятвою, совершенно невѣренъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ Нероновъ всегда признавалъ греческую церковь и вселенскихъ патріарховъ православными, и вовсе не думалъ, и даже не допускалъ мысли, чтобы онъ, возставая противъ первоначальныхъ исправленій Никона, въ существѣ дѣла возставалъ противъ самихъ восточныхъ патріарховъ. Это потому, что Нероновъ изъ всѣхъ провинціальныхъ членовъ кружка ревнителей представлялъ изъ себя въ этомъ отношеніи прямое исключеніе. Благодаря особымъ обстоятельствамъ своей жизни онъ, такъ сказать, воспитался на томъ представленіи, тогда у насъ сравнительно рѣдкомъ, что греческая церковь и восточные патріархи православны, и что имъ принадлежитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, высшее право верховнаго руководства и въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ.

Нероновъ происходилъ изъ крестьянской семьи, жившей недалеко отъ Вологды. Еще будучи юношей, Нероновъ оставилъ родное село и пришелъ въ Вологду, гдѣ сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ благочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ, „когда неразумніи люди обыкноша собиратися на бѣсовскія игралища паче прочихъ

¹⁾ Графа А. Гейдена: Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ, стр. 47—53. Спб. 1886 г.

дней, налагающе на лица свои личины разныя страшныя, по подобію демонскихъ зраковъ“. Увидѣвъ ряженыхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ „разжегся духомъ, нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ“, за что очень жестоко и былъ избитъ ряжеными. Этотъ первый, особенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостепріимную Вологду, онъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ „въ нѣкоей веси“ рѣшился обучиться у одного благочестиваго мастера грамотѣ, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота, „единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть“, учитель даже опасался за дѣлность его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ „прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше“. Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверзся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго, въ село Никольское, гдѣ и женился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время „видѣвъ іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ пѣнства ради и многаго безчинства“. И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Священники написали на него доносъ патриарху Филарету Никитичу, при чемъ на доносѣ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тестъ Іоанна. Тогда Нероновъ тихонько ночью оставилъ село и отправился въ Троице Сергіевъ монастырь, отъ котораго зависѣло Никольское. У Троицы одинъ инокъ, которому Нероновъ все рассказалъ о себѣ, принялъ въ немъ участіе и свелъ его въ келью тогдашняго знаменитаго троицкаго архимандрита преп. Діонисія, который приказалъ ему жить въ своей кельи. „И живяше Іоаннъ въ келіи не мало время съ преподобнымъ архимандритомъ, непрестанно читая книги божественнаго писанія, и въ правилѣ келейномъ и во всеночныхъ бдѣніяхъ съ нимъ трудяся. И повѣда тому о себѣ вся подробну“. Близко познакомившись съ Нероновымъ, преп. Діонисій написалъ объ немъ особое рекоменда-

тельное письмо къ патриарху Филарету Никитичу, въ которомъ не только вскрылъ всю ложь доноса на Іоанна со стороны никольскихъ священниковъ, но и просилъ патриарха посвятить Іоанна, какъ вполне достойнаго, во діаконы. Съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ преп. Діонисія Неронова лично явился къ Филарету Никитичу, который немедленно посвятилъ его въ діаконы и отправилъ въ Никольское съ особою грамотою и приказаніемъ мѣстному начальству сдѣлать розыскъ и наказать лживыхъ донощиковъ на Неронова. Черезъ годъ послѣдній отправился въ Москву и Филаретъ Никитичъ посвятилъ его въ іерея. Съ теченіемъ времени Нероновъ сталъ извѣстенъ въ Москвѣ не только Филарету Никитичу, но и самому царю, многимъ знатнымъ боярамъ, которыхъ онъ, будучи въ Москвѣ, ретиво обличалъ за нѣкоторый иноземный и варварскій обычай. Съ своей стороны патриархъ Филаретъ Никитичъ сталъ такъ высоко цѣнить ревностнаго по благочестію Іоанна, что нарочно приглашалъ его къ себѣ въ патриархію и даже къ своему столу. Такъ началась и создавалась вся начальная карьера и широкая извѣстность Неронова, создавалась исключительно благодаря архимандриту Троице-Сергіева монастыря преп. Діонисію и патриарху Филарету Никитичу. Обѣ эти личности неизбежно должны были оставить глубокой слѣдъ въ возрѣніяхъ Неронова съ интересующей насъ стороны, т. е. со стороны его возрѣній на православіе восточныхъ патриарховъ и всей греческой церкви вообще.

Архимандритъ Троице-Сергіева монастыря преп. Діонисій былъ убѣжденнымъ грекофиломъ и, въ извѣстной степени, проводникомъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ грекофильскихъ идей. Какъ мы уже ранѣе замѣчали, преп. Діонисій былъ горячимъ почитателемъ преп. Максима Грека, заботился о распространеніи исправленныхъ имъ съ греческихъ русскихъ церковныхъ книгъ, и самъ преп. Діонисій, при исправленіи имъ Потребника, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прибѣгалъ къ греческому тексту. Когда онъ за свои книжныя исправленія, и особенно за уничтоженіе въ молитвѣ при освященіи воды въ Богоявленіе слова *и огнемъ*, подвергся заключенію въ темницѣ и истязаніямъ, то его защитникомъ и ходатаемъ предъ царемъ, а потомъ и Филаретомъ Никитичемъ, былъ іерусалимскій патриархъ Теофанъ, прибывшій

тогда въ Москву и принявшій въ дѣлѣ Діонисія, какъ рѣдкаго тогда въ Москвѣ грекофила, самое живое и близкое участіе. Послѣ, посѣтивъ Троице-Сергіевъ монастырь, Теофанъ оказалъ преп. Діонисію особую чрезвычайную честь: возложилъ на его главу свой патриаршій т. е. греческій клобукъ. Вотъ къ какому человѣку пришелъ молодой почетникъ Нероновъ, вотъ съ кѣмъ онъ жилъ не малое время въ одной кельѣ, съ кѣмъ вмѣстѣ молился, читалъ книги и бесѣдовалъ. Естественно, что преподобный Діонисій внушилъ и передалъ Неронову свое высокое уваженіе и почтеніе къ своему благодѣтелю, іерусалимскому патриарху, а также и къ другимъ восточнымъ патриархамъ; у него Нероновъ научился смотрѣть на нихъ какъ на православныхъ, какъ призванныхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, содѣйствовать приведенію въ порядокъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, въ чемъ либо отступившихъ отъ нормъ, признанныхъ вселенскою греческою церковію; отъ преподобнаго же Діонисія Нероновъ научился высоко ставить и чтить сочиненія преп. Максима Грека, съ которыми онъ конечно хорошо познакомился, проживая у преп. Діонисія.

Если знакомство съ преп. Діонисіемъ, первымъ покровителемъ и благодѣтелемъ Неронова, спасшимъ его отъ рукъ способныхъ на все клеветниковъ, и открывшимъ ему широкій путь къ дальнѣйшей почетной и вліятельной дѣятельности, необходимо приводило его къ почтительному отношенію къ восточнымъ патриархамъ и къ признанію ихъ вполне православными: то это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось въ немъ благодаря его личному и довольно близкому знакомству съ патриархомъ Филаретомъ Никитичемъ, который явился, послѣ преп. Діонисія, вторымъ его благодѣтелемъ. Филаретъ Никитичъ, какъ мы знаемъ, былъ тоже убѣжденнымъ грекофиломъ. Онъ поддерживалъ очень широкія и разнообразныя сношенія съ православнымъ востокомъ, какъ ставленникъ іерусалимскаго патриарха Теофана, глубоко чтилъ не только его лично, но и другихъ вселенскихъ патриарховъ, кое-что исправлялъ въ русской церковной практикѣ по указаніямъ восточныхъ патриарховъ, окружалъ себя пріѣзжавшими въ Москву за милостынею греческими іерархами, которые иногда подолгу жили въ Москвѣ и пользовались особымъ расположеніемъ и довѣріемъ патриарха. Все это конечно хорошо ви-

дѣль и зналъ Нероновъ и у него естественно сложилось убѣжденіе, что восточные патріархи, а также и всѣ тогдашніе греки, такъ же православны, какъ и русскіе.

Правда, у Неронова мы встрѣчаемъ такіе отзывы объ иностранныхъ т. е. греческихъ собственно инокахъ. Въ челобитной государю онъ пишетъ: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истинѣ не развратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителѣй, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусши житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и піянство любятъ, вмѣсто, еже Христе ради истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинны вообразити не хотятъ, и сложенію персть блядословнѣ противятся, яко врази истинѣ и ругатели, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу швиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи, своеволнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ челоувѣкомъ“. Въ приведенныхъ словахъ Неронова однако вовсе не заключается той мысли, чтобы онъ сомнѣвался въ православіи восточныхъ патріарховъ и грековъ вообще, онъ только говоритъ, что царю, не испытавъ предварительно, не слѣдуетъ слушать иностранныхъ (т. е. греческихъ) неизвѣстныхъ иноковъ, такъ какъ между ними нерѣдко встрѣчаются такія лица, которыя ведутъ очень предосудительную жизнь и очень подозрительны и ненадежны въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, и потому опасны для чистоты православія русскихъ. И въ этомъ случаѣ Нероновъ ничего не выдумывалъ, такъ какъ къ намъ тогда съ православнаго востока, подъ видомъ угнетаемыхъ турками грековъ милостынесобирателей, являлось не мало лицъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ очень сомнительныхъ и подозрительныхъ. Нероновъ прямо и указываетъ царю на одного такого крайне подозрительнаго иностранца, совѣтовъ котораго однако у насъ слушаютъ—на извѣстнаго инока Арсенія грека. И самому Никону Нероновъ прямо въ глаза говорилъ, что Арсеній челоувѣкъ крайне сомнительный, не разъ мѣнявшій свою вѣру и что за это онъ сосланъ былъ въ заточеніе на Соловки. „А ты, говорилъ Нероновъ Никону,

ево взялъ изъ Соловецкаго монастыря на смуту, и устроилъ того, яко учителя, паче же къ тисненію печатному правителя. Свидѣтели Арсенію много, что онъ порочный чело-вѣкъ“. На эти обличенія Неронова Никонъ нашелся только отвѣтить: „лгутъ-де на него (Арсенія) старецъ Григорій, то-де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ Сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха въ Іерусалимъ и въ прочія государства“. Трудно по-нять этотъ отвѣтъ Никона объ Арсеніѣ, какъ будто Никонъ дѣйствительно ничего не зналъ объ Арсеніѣ, хотя подлин-ное слѣдственное дѣло о немъ, во время котораго самъ Ар-сеній чистосердечно признался, что онъ дѣйствительно не разъ мѣнялъ вѣру, дошло даже до насъ, и Никону должно бы быть хорошо извѣстно. Во всякомъ случаѣ указанныя нападки Неронова на иностранныхъ сомнительныхъ иноковъ и, въ частности, на Арсенія грека, никакъ нельзя понимать въ смыслѣ выраженія Нероновымъ недо-вѣрія къ правосла-вію всѣхъ грековъ вообще, а тѣмъ болѣе самихъ восточныхъ патріарховъ.

Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „святитель! ино-земцевъ (т. е. грековъ) ты законоположеніе хвалишь и обы-чай тѣхъ пріемлешь, благовѣрны и благочестіи тѣхъ ро-дители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слышали, что многая ты говаривалъ намъ: гречане-де и малые рос-сія (малороссы) потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія не мало. А нынѣ у тебя то и святые люди и закона учителя“. И въ данномъ случаѣ Нероновъ ни слова не говоритъ о томъ, что бы онъ раздѣлялъ или считалъ справедливымъ не разъ до патріаршества высказываемое Никономъ его убѣжденіе, что греки и малороссы „потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ“. Нероновъ приводитъ, или вѣрнѣе, напоминаетъ Никону о его раннѣй-шихъ отзывахъ о грекахъ и малороссахъ съ тою единствен-ною цѣлію, чтобы въ глаза уличить Никона въ непостоян-ствѣ, въ измѣнчивости, въ томъ, что онъ нынѣ хвалитъ и превозноситъ то, что вчера самъ же бранилъ. Въ данномъ случаѣ рѣчи Неронова къ Никону имѣли ту же цѣль и зна-

ченіе, какое имѣли и другія его рѣчи подобнаго же характера. Нероновъ, напримѣръ, еще до своей ссылки, говорилъ Никону: „доселѣ ты протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ у тебя въ крестовой совѣтницы его, врагами Божиими и разорителями закона Господня сказывалъ; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди. Прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ... а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойніи стали“. Или, напримѣръ, Нероновъ говорилъ Никону: „а се ты укоряешь новоуложенную книгу (Уложеніе царя Алексѣя Михайловича) и посохомъ ея попираешь и называешь ея недоброю; а ты и руку приложилъ, когда ея строили: се ты въ тѣ поры называлъ ея доброю“. Въ этихъ случаяхъ Нероновъ, очевидно, нарочно подчеркиваетъ только непостоянство и измѣнчивость воззрѣній и отношеній Никона, то обстоятельство, что онъ былъ одно до патріаршества и совсѣмъ иное, когда сдѣлался патріархомъ.

Такимъ образомъ Нероновъ, благодаря своему близкому знакомству и хотя временному, но тѣсному общенію съ преп. Діонисіемъ, и благодаря своей относительной близости къ патріарху Филарету Никитичу, никакъ не могъ быть, да дѣйствительно и не былъ принципиальнымъ противникомъ греческихъ патріарховъ. Въ дошедшихъ и до насъ его челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, онъ нигдѣ и ни разу не заявлялъ, чтобы восточные патріархи и тогдашніе греки вообще были неправославны. Слѣдовательно, когда онъ говорилъ: „кто есмь окаянный азъ? Со вселенскими патріархи раздоръ творити не хочу, ниже противенъ буду: что же ради и подѣ клятвою у нихъ буду?“, то говорилъ это не по лицемѣрью, а искренно и по убѣжденію.

Но если Нероновъ не былъ противникомъ восточныхъ патріарховъ, вполне признавалъ ихъ авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, то, само собою понятно, онъ не могъ быть и принципиальнымъ противникомъ церковныхъ исправленій Никона, поскольку онѣ совершались послѣднимъ не по его личному усмотрѣнію, или по совѣту и указаніямъ его сомнительныхъ справщиковъ, а по совѣту, указаніямъ и по одобренію восточныхъ патріарховъ. Противъ такихъ исправленій Нероновъ не думалъ возставать, и это онъ съ особенною ясностію и опредѣленностію выразилъ во время своего примиренія съ Никономъ, или точнѣе: во время своего примиренія съ

церковію. 4-го января 1657 года Нероновъ, доселѣ скрывавшійся, неожиданно явился предъ Никономъ, когда тотъ шелъ къ обѣдни, и первымъ дѣломъ поспѣшилъ заявить Никону свою основную, руководящую всею его борьбою, мысль: что ты (Никонъ) единъ не затѣваешь, то дѣло некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святой владыко“, т. е. Нероновъ думаетъ, что многое Никономъ въ его церковныхъ исправленіяхъ сдѣлано самочинно, только по его собственному умышленію, и что все это непрочно и будетъ передѣлано его преемникомъ. Въ послѣдующихъ затѣмъ препирательствахъ съ Никономъ, Нероновъ опять настойчиво заявляетъ: „со вселенскими же патріархи вѣсмь противень, яко же глаголеши ты, но тебѣ единому не покорялся“. И потомъ опять заявляетъ: „аще ты съ ними (вселенскими патріархами) соглашался, азъ сему непротивень: то чаю смотри, чтобъ истинна была,—азъ убо подъ клятвою вселенскихъ патріархъ быти не хочу“. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, когда Нероновъ увѣрился, что восточные патріархи одобряютъ не двоеперстіе, а троеперстіе, онъ сталъ, по выраженію протопопа Аввакума, „въ сложеніи перстовъ малодушествовать“ т. е. сталъ креститься тремя перстами. Правда Нероновъ, до самаго собора 1667 года, служилъ по старымъ служебникамъ и не хотѣлъ признавать вновь исправленныхъ Никономъ, но на это, съ своей точки зрѣнія, онъ имѣлъ полное право, тѣмъ болѣе, что онъ публично и открыто не хулилъ новыхъ служебниковъ. Въ челобитной царю объ избраніи преемника Никону, Нероновъ пишетъ, что вятскій епископъ Александръ „въ тисненіи печатномъ книги ево, Никонова, мудрованія ересей полны показа и блуженія, рекше превратовъ“. Этимъ заявленіемъ Нероновъ хочетъ сказать царю, что самъ онъ—Нероновъ ничего не говоритъ противъ новоисправленныхъ Никономъ служебниковъ и самъ ихъ не порицаетъ, но что другіе, даже члены высшей церковной іерархіи, каковъ вятскій епископъ Александръ, находятъ въ нихъ ереси и превраты, почему онъ, Нероновъ, дѣломъ благоразумія и осторожности считаетъ держаться старыхъ служебниковъ, не похуляя однако и новыхъ. И дѣйствительно Нероновъ, до поры до времени, держался старыхъ служебниковъ, причемъ онъ это дѣлалъ съ разрѣшенія самихъ цер-

ковныхъ властей, а не своевольно. Такъ самъ патріархъ Никонъ, примирившись съ Нероновымъ, позволялъ ему служить, даже въ московскомъ Успенскомъ соборѣ по старымъ служебникамъ, находя, что старые и новые служебники одинаково добры. Въ 1664 году Симонъ, архіепископъ вологодскій, показывалъ, что билъ ему челомъ Нероновъ, „чтобъ онъ, архіепископъ, благословилъ ево, Григорья, служить по старымъ служебникамъ, которые печатаны при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ, а по нынѣшнимъ де служебникомъ ему, Григорью, не служивать; а вины ему, архіепископу, онъ, Григорей, на нынѣшніе служебники не сказалъ“. Нероновъ, съ своей стороны, на допросѣ заявилъ, что онъ дѣйствительно просилъ архіепископа Симона разрѣшить ему служить по старымъ служебникамъ, „и преосвященный де архіепископъ благословилъ меня потому старому служебнику служить, *когда де ты новыхъ служебниковъ не хулиши и въ люди такихъ рѣчей не износиши*“. И хотя Симонъ заявлялъ, что онъ будто бы не давалъ Неронову подобнаго разрѣшенія, но, въ этомъ случаѣ, вѣроятно же показаніе Неронова, такъ какъ архіепископъ Симонъ, ставленикъ и строгій послѣдователь Никона, по его примѣру могъ разрѣшить Неронову служить по старымъ служебникамъ, не видя въ этомъ ничего зловреднаго, если только Нероновъ не хулилъ, и притомъ публично, новыхъ служебниковъ. „Преосвященные митрополиты (Іона ростовскій и Павелъ сарскій) старца Григорья допрашивали: впредь ему, Григорью, по новымъ служебникамъ служить-ли? И старецъ Григорей преосвященнымъ митрополитомъ сказалъ, что ему по новому служебнику не служить, а служить ему по старому служебнику.“ Не видать, чтобы митрополиты запретили Неронову служить по старому служебнику. И это понятно. Нероновъ не хотѣлъ служить по новымъ служебникамъ единственно потому, что не довѣрялъ книжнымъ исправленіямъ Никона, поручившаго вести книжныя исправленія такому крайне ненадежному человѣку, какимъ былъ Арсеній грекъ. Онъ не хулилъ новыхъ книгъ, а только не принималъ ихъ и считалъ болѣе благоумнымъ и вѣрнымъ держаться старыхъ. Когда же онъ узналъ, что вселенскіе патріархи, пріѣхавшіе въ 1666 году въ Москву для суда надъ Никономъ, одобряютъ однако новоисправленный, а не старый служебникъ, то, каюсь чистосер-

дечно въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, Нероновъ заявлялъ вселенскимъ патріархамъ, что впредь онъ уже ничего не будетъ имѣть противъ новоисправленныхъ книгъ, причемъ къ этому заявленію онъ дѣлаетъ такое пояснительное дополненіе: „доселѣ державъ прежнія печатныя книги, служебники и потребники, а новопечатныхъ не хулихъ до сего собора, токмо не принимахъ.... И на соборѣ ихъ о книгахъ никогда истязанъ не быхъ, и азъ о томъ не прикословихъ“.

Итакъ, Нероновъ не только признавалъ восточныхъ патріарховъ вполне православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, но и не возставалъ принципиально противъ церковныхъ исправленій Никона, если онѣ одобрялись, какъ правыя и законныя, восточными патріархами, и въ концѣ призналъ всѣ новоисправленныя книги, какъ одобренныя восточными патріархами, вполне правыми и сталъ ими пользоваться, совсѣмъ оставивъ старыя. Но, въ такомъ случаѣ, что же значитъ многолѣтняя борьба Неронова съ Никономъ, противъ чего же онъ собственно боролся?

Во всѣхъ своихъ челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, какъ мы не разъ замѣчали, Нероновъ изображаетъ намъ Никона человѣкомъ непостояннымъ и измѣнчивымъ во всемъ: и въ дружбѣ, и въ убѣжденіяхъ, и въ обычныхъ, и въ служебныхъ отношеніяхъ,—что у Никона нынѣ хорошо, то завтра, при измѣнившихся обстоятельствахъ, можетъ неожиданно оказаться худо, и наоборотъ. При этомъ Никонъ, живописуетъ Нероновъ, былъ очень обидчивъ, нетерпимъ, пристрастенъ, склоненъ слушать всякихъ недобросовѣстныхъ доносчиковъ, былъ слишкомъ скоръ и суровъ на расправу, дѣйствуя въ этомъ случаѣ не архипастырски и духовно, какъ бы слѣдовало, а свѣтски и мучительски. Кромѣ того Никонъ, по изображенію Неронова, приближая къ себѣ людей нехорошихъ и особенно — крайне сомнительныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежныхъ иностранныхъ иноковъ, подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, сталъ слишкомъ увлекаться иноземнымъ, сталъ пренебрежительно-легкомысленно относиться къ родной святой старинѣ, давая предъ нею рѣшительное преимущество иноземному; безъ всякой серьезной нужды и достаточныхъ основаній, сталъ своевольно ломать старыя русскія установившіяся церковныя обычаи и

замѣнять ихъ новыми, что смущаетъ всѣхъ благочестивыхъ и нарушаетъ миръ церкви. Наконецъ Нероновъ изображаетъ намъ Никона человѣкомъ зараженнымъ крайнимъ самомнѣніемъ и чрезвычайною гордостію. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, возмнилъ о себѣ черезчуръ много: сталъ думать, что его патріаршая власть стоитъ выше царской, почему онъ и старался совсѣмъ заслонить собою царя, котораго дѣйствительно изъ за патріарха, увѣряетъ Нероновъ, стало уже совсѣмъ не слышно. Но въ общемъ, въ представленіи Неронова, Никонъ вовсе не какой нибудь сознательный еретикъ, вовсе не врагъ православія и церкви сознательно, не сосудъ дьявола, не предтеча антихриста, какимъ онъ потомъ явился въ представленіи Аввакума и его единомышленниковъ, а просто только во всѣхъ отношеніяхъ неустойчивый, увлекающійся, довольно легкомысленный и въ общемъ нравственно несостоятельный человѣкъ, способный, благодаря своимъ отрицательнымъ качествамъ, а въ то же время громадной власти и довѣрію царя, принести своею дѣятельностію большой вредъ церкви и государству. Того легендарнаго Никона, какаго мы находимъ потомъ у Аввакума и его послѣдователей, у Неронова совсѣмъ нѣтъ,—Никонъ у него дѣйствительное и притомъ очень обыкновенное лицо, во многомъ довольно вѣрное исторически. Нероновъ ведетъ, поэтому, энергичную борьбу съ Никономъ вовсе не какъ съ еретикомъ, или сознательнымъ врагомъ церкви и орудіемъ дьявола, а только какъ съ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ непригоднымъ для патріаршей кафедры, и даже очень опаснымъ по своимъ качествамъ и увлеченіямъ для мира церкви. Поэтому онъ возстаетъ и ведетъ борьбу только лично противъ Никона, котораго поскорѣе нужно лишить патріаршей кафедры и передать ее другому лицу, которое и передѣлаетъ все, что неподобающаго сдѣлалъ Никонъ. Такой характеръ борьбы Неронова только противъ личности Никона, ясно выраженъ во всѣхъ его челобитныхъ, письмахъ и посланіяхъ, этотъ же характеръ борьбы сказался и въ моментъ его примиренія съ Никономъ.

4 января 1657 года, какъ мы видѣли, Нероновъ явился къ Никону, когда тотъ шелъ въ Успенскій соборъ къ литургіи, съ цѣлію примиренія съ нимъ. Но дѣло примиренія велъ очень своеобразно, такъ, какъ будто онъ—Нероновъ былъ и

обвинителемъ и судьбою Никона, который долженъ былъ и оправдаться предъ нимъ и отвѣтить на предъявленныя къ нему обвиненія. Когда послѣ литургіи Нероновъ пришелъ въ патріаршую крестовую, онъ говорилъ Никону: „что ты, святитель, приказалъ меня искать по всему россійскому государству, и многихъ мене ради муками обложилъ и съ дѣтьми разлучилъ, и рыдати и плакати устроилъ, иніи же въ темницахъ и помроша,—іереи же и людины,—и что вина, ея же ради таково взысканіе творози о мнѣ?—дары убо многи обѣщеваеши обрѣтшимъ мене, и чести и достоинства! И се азъ есмь предъ тобою: что хочещи творити о мнѣ! Со вселенскими же патріархами нѣсмь противенъ, якоже глаголиши ты, но тебѣ единому не покорялся“. Никонъ промолчалъ. Тогда Нероновъ поднялъ тонъ: „Кая тебѣ честь, владыко святой, говорилъ онъ Никону, что всякому еси страшенъ и другъ другу грозя глаголють: знаете ли кто ты? звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? И како отца дѣтемъ непознавати! Дивлюся, — государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны, и кто же съ ними смѣетъ глаголати что, аще силою тѣ озлобляеми тѣми. Затвержено у нихъ: знаете ли патріарха! Не знаю, который образъ или званіе пріялъ еси. Ваше убо святительское дѣло—Христово смиреніе подражати и Его, пречестнаго Владыки нашего, святую кротость“. На эти рѣкыя до крайности обличенія Неронова патріархъ отвѣтилъ: „не могу, батюшко, терпѣть“. Тогда Нероновъ, съ разрѣшенія патріарха, продолжилъ свою обличительную рѣчь: „Христось первѣе пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ святымъ его стопамъ. И кто за тебя будетъ терпѣть? Сего ради вы святители, что всѣхъ немощи носить, а не бити, ни мучити; что ради и глава наречешися, яко да добрѣ снабдиши уды своя, и присно тѣми печешися, и о благихъ да промышляеши. Аще убо утроба ти болитъ, всяко не дерзнеши сихъ ради тоя разрѣзати и вонъ испустити, но о здравіи тоя множае прилежиши: сице подобаеть и о врученномъ ти стадѣ отъ Бога предразсуждати, аще бо зриши тѣхъ и во мнози неисправленіи пребывающихъ, не мучити тѣхъ подобаеть, но учити и наказовати, и кротцѣ о здравіи душъ тѣхъ промышляти: вси бо суть ти, утроба ти есть,

рѣзати и отметати тебѣ тѣхъ не достоинъ, но исцѣлити сокрушенныя и исправить. А уже не можешь терпѣть, почто и великій сей святительскій санъ прія!“... „Добро было, святитель, подражати тебѣ кроткаго нашего учителя Спаса Христа, а не гордостію и мученіемъ санъ держати. Смирень убо сердцемъ Христось, учитель нашъ; а ты добрѣ сердитъ“. И патріархъ рече: „прости, старецъ Григорій, не могу терпѣть“. И Григорій рече: „Кто убо имать терпѣти, аще не видитъ образа отъ тебѣ? Множае ученикъ отъ дѣлъ учителя увѣритися имать; всегда бо дѣти обычай и нравы отца боголюбива притяжутъ, и, еже видятъ того творяща, послѣдуютъ ему. Золь нравъ отчій, дѣтемъ развратитися творить; не толико словомъ врачевати имать лутши слушающихъ, якоже дѣломъ... Тебѣ, кто каково слово ни молвить и о правдѣ, и ты хочешь искоренить“. И въ послѣдующее время, уже послѣ примиренія и снятія съ Неронова соборнаго проклятія, между нимъ и Никономъ происходили такія сцены: „Доколѣ тебѣ, святитель, говорилъ Нероновъ Никону, который арестовалъ было нѣкоторыхъ людей Неронова, мучить невинныя? азъ здѣ,—еже хочещи, твори: людей Божіихъ страждущихъ разрѣши“. Патріархъ велѣлъ отпустить арестованныхъ. Тогда Нероновъ говорилъ Никону: „Святитель, будетъ ли у тебя мученикомъ тѣмъ воздаяніе, ихъ же мучилъ еси туне?“ И патріархъ рекъ: „Изволи-де, старецъ, звати ихъ съ нами хлѣба ясть“. И старецъ ему рекъ: „Да гдѣ ихъ, бѣдныхъ, собрать? онѣ ради, отъ тебя ушодчи!“ Или, напри- мѣръ, въ самомъ Успенскомъ соборѣ между Никономъ и Нероновымъ происходили такія сцены: Никонъ за всеошной приказываетъ четверить аллилуію. Этимъ возмущается Нероновъ, который начинаетъ говорить патріарху: „До чего тебѣ, патріархъ, домутитъ Росію? Съ кѣмъ ты совѣтывалъ, и какое свидѣтельство произносишь четверишь аллилуія? У насъ, въ Велицѣй Росіи, преподобный Евфросинъ псковскій много трудився, сниская о сихъ, и у вселенскихъ патріархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему ти, сиче и той здѣ въ Велицѣй Росіи намъ предложи. Богъ же забвенію труды его не преда, но знаменьями и чудесы прослави его, якоже и прочихъ великихъ святыхъ“. И патріархъ рече: „Воръ-де, б... с... Евфросинъ!“ И Григорій рече: „Какъ тако-

вая дерзость, и какъ хулу на святыхъ вѣщаешь?—услышитъ Богъ и смиритъ тя“ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ рѣчей Неронова, съ какими онъ обращался къ Никону во время и послѣ примиренія, съ очевидностію слѣдуетъ, что Нероновъ въ дѣйствительности примирялся вовсе не лично съ Никономъ, а съ церковію. И ранѣе, возставая и борясь съ Никономъ, Нероновъ въ то же время никогда не возставалъ противъ церкви, никогда не думалъ отдѣляться отъ нея ради Никона, никогда не допускалъ, чтобы ради неприемлемыхъ церковныхъ дѣйствій Никона русская церковь что либо потеряла въ своемъ православіи. Поэтому онъ, не смотря на всѣ проклятія Никона, всегда считалъ себя истиннымъ и дѣйствительнымъ членомъ церкви. Примиряясь съ Никономъ, онъ только хотѣлъ, чтобы съ него снята была та соборная клятва, каковую на него положилъ вселенскій антиохійскій патріархъ Макарій, которому Никонъ невѣрно представилъ Неронова, какъ врага и порицателя вселенскихъ восточныхъ патріарховъ. Когда Никонъ, воссоединяя съ церковію Неронова и снимая съ него соборную клятву, спросилъ его; „Старецъ Григорій, приобщаеши лися святѣй, соборнѣй и апостольской церкви?“ то Нероновъ съ негодованіемъ отвѣтилъ: „Не вѣмъ, яже глаголеши; азъ убо никогда отлученъ былъ отъ святыхъ соборныхъ и апостольскихъ церкви, и собору на меня никакова не бывало, и пренія моего, и раздору церковнаго, ни съ кѣмъ нѣтъ. Прекословія же о святѣй Троицѣ, или пресѣченія, или умаленія есмь чуждъ; апостольскихъ преданій нѣсмь разоритель, но Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицѣ единаго Бога, исповѣдую и славлю, единосущна и нераздѣльна и несмѣсна. А что ты на меня клятву положилъ своею дерзостію, по страсти своей, гнѣваяся, что я тебѣ о той же святой, соборной и апостольской церкви правду говорилъ: такъ ты и черниговскаго протопопа Михайла проклялъ дерзостно, и скуфью съ него снялъ... И патріархъ старцу Григорію ничтоже отвѣщавъ, точію, плача зѣло, начать разрѣшительныя молитвы говорить. Также и Григорій плака довольно, донелѣже скончаны быша молитвы. И по разрѣшеніи причастися старецъ святѣй дорѣ отъ патріарховы руки“. Что примиреніе

¹⁾ Матер. т. 1, стр. 146—156.

Неронова было примиреніемъ только съ церковію, а не лично съ Никономъ, что и непосредственно по примиреніи, и всегда послѣ, Нероновъ попрежнему относился лично къ Никону враждебно, попрежнему желалъ и добивался его удаленія съ патріаршей кафедрѣ, на это имѣются неоспоримыя данныя. 12 января, значить непосредственно послѣ примиренія, государь и патріархъ были у всенощной у Спаса вверху, здѣсь же былъ и Григорій. Государь увидѣвъ его подошелъ къ нему и сказалъ: „не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій“. И старецъ ко царю рече: „доколѣ; государь, тебѣ терпѣть такову Божию врагу (т. е. Никона)? Смutilь всею рускою землею и твою царскую честь поправь, и уже твоей власти не слышать,—отъ него врага всѣмъ страхъ!“ И государь, яко устыдѣвся, скоро отъ старца отъиде, ничто же ему рече“. Спустя два года послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедрѣ, когда онъ уже не управлялъ русскою церковію и лично для Неронова былъ совершенно безопаснымъ человѣкомъ, Нероновъ все-таки хлопочетъ предъ царемъ, чтобы онъ поспѣшилъ избрать на мѣсто Никона новаго патріарха: человѣка кроткаго, смиреннаго, разсудительнаго, добродѣтельнаго по жизни, „со всѣми христіюбцы (съ Нероновымъ, конечно, и его друзьями) единомудреннаго“. И когда царь медлилъ исполнить совѣтъ Неронова и даже рѣшилъ передать дѣло о Никонѣ на новый соборъ, на которомъ присутствовали бы и восточные патріархи, Нероновъ подаетъ вторую челобитную царю (1664—1665 г.), въ которой опять настаиваетъ, чтобы государь, только соборомъ однихъ русскихъ іерарховъ, немедленно избралъ на мѣсто Никона новаго патріарха, при чемъ о самомъ Никонѣ онъ попрежнему говоритъ враждебно и рѣзко. „Сиде ли обругавшаго (т. е. Никона) святительскій престолъ, человѣка въ ума суца, еще щадиши, и о семъ ли еще сомнишися?“—пишетъ онъ государю. „Въ толикое неистовство пришедеъ (Никонъ), что по отреченіи паки архіерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ и истинныхъ архіереевъ и мниховъ проклиняетъ!“ „Престану, христіюбивый царю, ревнителя благочестія истинныя свидѣтельства воспоминати, ихже изряднѣйше самъ вѣси, о суетномъ ономъ (т. е. Никонѣ), не реку чловѣкъ, но звѣръ“. „И почто ты, христіюбивый царю, сомнишися, или мниши, яко утаилося во всѣхъ странахъ блужде-

ніе Никоново, всей державѣ царствія твоего крайнее безчестіе приносящее, и отъ Бога праведный гнѣвъ приводящее, и многихъ бѣдъ и скорбей все благочестивое ти царство исполняющее! Нужно, христіюбивый царю, собору быти о прелестномъ его мудрованіи и о исправленіи церковномъ, а не о немъ самомъ: онъ убо самоосужденъ и правильнѣ и праведнѣ всея области соборомъ отставленъ, яко ругатель царствующаго града престолу“ ¹⁾).

Очевидно Нероновъ, примиряясь съ Никономъ, въ дѣйствительности примирялся не съ нимъ, а только съ церковію, къ самому же Никону онъ до самой своей смерти относился попрежнему враждебно, а ко всей его патріаршей дѣятельности—отрицательно; и хотя потомъ, на соборѣ 1667 года, онъ и принялъ новоисправленные книги, но принялъ потому, что онѣ были одобрены вселенскими восточными патріархами, авторитетъ которыхъ ручался ему, что ими можно пользоваться безъ вреда для благочестія и спасенія.

Въ дѣлѣ примиренія Неронова съ Никономъ особаго вниманія заслуживаетъ поведеніе Никона, который проявилъ здѣсь такую необычную для него сдержанность, снисходительность, терпимость и даже мягкость къ своему задорному и неуступчивому противнику, котораго онъ равнѣе беспощадно преслѣдовалъ. Очевидно были какія-то очень серьезныя причины, которыя побуждали Никона дѣйствовать такимъ совершенно необычнымъ для него образомъ. Намъ представляется дѣло въ такомъ видѣ. Уже нѣсколько лѣтъ прошло какъ Никонъ велъ неуставную борьбу съ враждебными ему членами прежняго кружка ревнителей благочестія, думая въ концѣ уничтожить ихъ и тѣмъ сломить всякую оппозицію своимъ церковнымъ реформамъ. Всѣ средства, какія только были въ рукахъ всемогущаго патріарха, онъ употребилъ на борьбу съ своими противниками: отдаленныя ссылки, заточенія, лишеніе сана, соборныя осужденія и проклятія,—все это было пушено въ ходъ, все это было испытано и все это, оказалось, ни къ чему не повело, не достигало своей цѣли. Разгромленный, казалось, кружокъ ревнителей попрежнему стоялъ противъ него полный силъ и энергіи, попрежнему не онъ, Никонъ, а ревнители поль-

¹⁾ Матер. 1, стр. 154—158, 171—178, 184—188.

зовались повсюду расположеніемъ и симпатіями. Никонъ гонить и всячески преслѣдуетъ ихъ, но они повсюду находятъ себѣ сочувствіе, друзей, послѣдователей, ихъ вездѣ охотно и съ почетомъ принимаютъ, даютъ имъ, несмотря на грозныя предписанія патріарха, полную свободу видѣться, сноситься съ друзьями въ самыхъ мѣстахъ заточенія; въ случаѣ бѣгства, имъ помогаютъ, даютъ надежный пріютъ, укрываютъ отъ поисковъ патріаршихъ сыщиковъ и даже сами идутъ въ тюрьму, лишь бы только скрыть гонимыхъ отъ патріарха и, что особенно замѣчательно, даже самъ царь принимаетъ въ этомъ участіе противъ своего „собиннаго“ друга. Очевидно кружокъ ревнителѣй обладалъ такую силою, для борьбы съ которой ссылокъ, заточеній и анаемъ было недостаточно, такъ какъ всѣ эти усиленные репрессивныя мѣры не только не умаляли и не ослабляли значенія кружка, а наоборотъ: еще болѣе усиливали его, повсюду завоевывали ему народныя симпатіи, окружали его членовъ ореоломъ мученичества, страдальцевъ за правду, за старое всѣми чтимое русское благочестіе, а Никону во всѣхъ слояхъ народонаселенія создавали враговъ. Какъ человѣкъ очень умный, Никонъ въ концѣ долженъ былъ признать, что бороться съ ревнителями однѣми вѣшними репрессивными мѣрами невозможно, и онъ тактично пошелъ было на уступки. На этотъ же путь толкали его и другія обстоятельства. Въ концѣ патріаршества у Никона замѣтно спадаетъ его прежній реформаторскій пылъ и увлеченіе своею реформаторскою дѣятельностію; у него вырабатывается болѣе трезвый и правильный взглядъ на свои собственныя реформы, и онъ постепенно приходитъ къ убѣжденію, что и старыя русскія церковныя обычаи и особенности сами по себѣ совершенно безвредны и безразличны въ дѣлахъ вѣры и благочестія, и, какъ такія, допустимы въ церковной практикѣ, и потому изъ за нихъ, какъ его уже учили изъ Константинополя, рабу господню не подобаетъ свариться, а слѣдуетъ относиться къ нимъ терпимо и снисходительно. Это Никонъ открыто и призналъ, заявивъ Неронову, что старыя и новыя служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ. Самое положеніе Никона во время примиренія его съ Нероновымъ во многомъ уже было не то, что ранѣе. Онъ не имѣлъ болѣе поддержки въ лицѣ царскаго духов-

ника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который умеръ, и недаромъ, конечно, Никонъ ѣздилъ на могилу Стефана и тамъ много плакалъ. Въ это время въ Москвѣ уже не было и антиохійскаго патріарха Макарія, который подкрѣплялъ Никона своими совѣтами, выдвигалъ, гдѣ нужно и въ интересахъ Никона, свой авторитетъ вселенскаго патріарха, такъ что Никонъ теперь почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ предъ своими многочисленными и неуступчивыми врагами, силы которыхъ все болѣе возрастали и крѣпли, тогда какъ къ нему всѣ относились только враждебно. Своимъ гордымъ, надменнымъ обращеніемъ съ сановитыми боярами, Никонъ вооружилъ противъ себя бояръ; своимъ патріаршимъ деспотизмомъ—всѣхъ архіереевъ; своими строгостями и суровыми, доходившими до жестокости, расправами—все духовенство; своими грекофильскими реформами—всѣхъ сторонниковъ родной старины; борьбою противъ иконъ фракскаго письма и противъ предметовъ западной культуры, начинавшихъ тогда появляться въ обстановкѣ жизни нѣкоторыхъ знатныхъ и богатыхъ лицъ,—всѣхъ тогдашнихъ западниковъ;—словомъ онъ вооружилъ противъ себя рѣшительно всѣхъ и нигдѣ не имѣлъ для себя прочной опоры. Даже греки, по совѣтамъ и указаніямъ которыхъ онъ производилъ свои церковныя реформы, скоро измѣнили ему и перешли на сторону его враговъ. Оставался одинъ царь, который создалъ Никона патріарха, церковнаго реформатора и великаго государя, и безъ котораго самъ по себѣ Никонъ ничего бы не значилъ и не могъ бы сдѣлать ни одного реформаторскаго шага,—расположеніе царя значило для Никона все и онъ могъ бороться со всѣми и противъ всѣхъ, лишь бы только царь неизмѣнно оказывалъ ему, какъ и прежде, свое полное благоволеніе и довѣріе. Но и отношеніе царя къ Никону за послѣднее время значительно измѣнилось. Это какъ нельзя болѣе ясно сказалось въ дѣлѣ Неронова. Послѣдній, съ согласія и одобренія царя, но тайно отъ Никона, былъ постриженъ въ монахи, и въ то время какъ Никонъ всюду разыскивалъ Неронова, тотъ спокойно цѣлыя сорокъ дней проживалъ у царскаго духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, о чемъ хорошо зналъ царь, но ничего объ этомъ не сказалъ Никону и не выдалъ ему Неронова. Но этого мало. Царь послалъ въ Холмогоры указъ освободить изъ тюрьмы

двухъ работниковъ Неронова, которые были пойманы агентами Никона и посажены въ тюрьму. Изъ этого случая Никонъ увидаль, что царь относится къ нему, его „собинному другу“, уже далеко не такъ, какъ прежде, что онъ, хотя и не явно, покровительствуетъ его врагу Неронову, и не одобряетъ дальнѣйшихъ его преслѣдованій Никономъ. При такихъ-то обстоятельствахъ Никонъ и пошелъ на примиреніе съ Нероновымъ, несмотря на всю заносчивость и даже грубость послѣдняго: онъ хотѣлъ этимъ доставить удовольствіе царю, который всегда былъ за такое примиреніе. Но улучшить этимъ свои отношенія къ царю Никону не удалось.

Г Л А В А VIII.

Протопопъ Аввакумъ какъ противникъ церковной реформы патріарха Никона.

Первоначальная дѣятельность Аввакума, какъ священника въ Лопатицахъ и протопопа въ Юрьевцѣ Повольскомъ Положеніе Аввакума въ Москвѣ, послѣ его бѣгства изъ Юрьевца. Ссылка его въ Сибирь, его сибирская жизнь и возвращеніе въ Москву. Протопопъ Аввакумъ какъ великій угодникъ Божій, какъ прославленный святой и чудотворецъ. Попытки государя, вызвавшаго Аввакума изъ Сибири въ Москву, примирить его съ новымъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ. Неуспѣхъ этихъ попытокъ. Окончательный отказъ государя, въ виду упрямства Аввакума, отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ нимъ. Встрѣчное стремленіе со стороны Аввакума отвлечь царя отъ церковной реформы Никона и его старанія возвратить государя къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ. Неуспѣхъ этихъ стараній Аввакума и перемѣна въ характеръ его отношеній къ царю. Отношеніе Аввакума къ тогдашней русской церкви, къ Никону, къ русскимъ іерархамъ и къ никоніанамъ вообще, какъ выраженіе его крайней ненависти къ своимъ церковнымъ противникамъ. Религіозная нетерпимость Аввакума. Его отрицательное отношеніе къ науцѣ и образованію. Несоотвѣтствіе у Аввакума между его внѣшнимъ подвигомъ и внутреннимъ содержаніемъ этого подвига.

Аввакумъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія и сначала не былъ особенно виднымъ и замѣтнымъ его членомъ. Онъ находился подъ водительствомъ и руководствомъ главныхъ вождей кружка—Стефана Вонифатьевича и Іоанна Неронова, къ которымъ, не смотря на измѣнившіеся потомъ обстоятельства, до самой своей смерти, сохранилъ самую искреннюю любовь и уваженіе. Сдѣлавшись священникомъ села Лопатицы (макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи) еще очень молодымъ человѣкомъ—всего двадцати одного года, Аввакумъ сразу заявилъ себя ревнителемъ благочестія: строго—истово, съ соблюденіемъ всѣхъ требова-

ній устава, совершалъ церковныя службы, читалъ народу положенныя поученія, возставалъ противъ безнравственности, пороковъ, непристойныхъ развлеченій своихъ пасомыхъ, обличалъ неправды и злоупотребленія начальствующихъ лицъ, и въ то же время, въ своей частной личной жизни, проявлялъ строгость и суровость къ самому себѣ, свойственную аскету. Какъ и большинство другихъ ревнителей, Аввакумъ занимался лѣченіемъ и особенно удачно исцѣлялъ бѣсноватыхъ. Нужно замѣтить, что въ то время не было докторовъ, и народъ, съ своими болѣзнями, былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ готовъ былъ искать помощи рѣшительно у всякаго, кто только брался оказать ему—совершенно безпомощному, какую либо помощь. Отсюда, конечно, какъ отвѣтъ на народную, настоятельную нужду, у насъ сильно развилось, такъ называемое знахарство, которое стремилось, какъ могло и умѣло удовлетворить насущной народной потребности въ лѣченіи. Естественно было, что тѣ духовныя лица, которыя отличались нѣкоторою начитанностію и большими относительно свѣдѣніями, которыя искренно заботились о своей паствѣ, становились не только цѣлителями ея душъ, но и тѣлесъ т. е. въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлались народными докторами, къ которымъ народъ обращался съ своими болѣзнями, особенно проявлявшимися на почвѣ нервнаго расстройства. Этого рода болѣзни, какъ кликушество, разныя формы бѣснованія, считались тогда проявленіемъ дѣйствія бѣсовской силы, поселившейся въ больномъ. Заботливые духовные изгоняли эту нечистую силу изъ больныхъ съ помощію молитвы, окропленія святой водой, помазанія освященнымъ масломъ, кажденія ладономъ и постомъ. Такимъ лѣченіемъ занимались: Нероновъ, Никонъ, Иларіонъ, впоследствии архіепископъ рязанскій, и другіе тогдашніе видные общественные дѣятели изъ духовныхъ. Аввакумъ то же принадлежалъ къ числу ихъ и самъ себя считалъ особенно сильнымъ въ этой спеціальности: бѣсы легко подчинялись его воздѣйствію и не могли ему противиться. Слава его, какъ цѣлителя, шла за нимъ повсюду, вездѣ собирая около него больныхъ ¹⁾).

---

¹⁾ Какъ именно исцѣлялъ Аввакумъ бѣсноватыхъ, съ помощію какихъ приемовъ, это видно изъ его рассказовъ. „Во искусѣ, повѣствуетъ онъ,

За свои рѣзкія обличенія, за свое настойчивое, ни предѣлъ неостанавливающееся стремленіе заставить весь приходъ жить такъ, какъ хотѣлъ этого ревностный по благочестію молодой, а въ то же время крайне суровый, неуступчивый и слишкомъ рьяный священникъ, Аввакумъ былъ изгнанъ изъ Лопатицы и направился въ Москву, гдѣ познакомился съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ и Нероновымъ, которые по достоинству оцѣнили великую ревность по благочестію молодого священника и оказали ему поддержку. Стефанъ Вонифатьевичъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди“. Но Аввакумъ никакъ не могъ ужиться съ своими прихожанами, которые такъ озлобились на его обличенія, на его деспотическое стремленіе во что бы то ни стало перестроить весь прежній порядокъ жизни по своему, что онъ, наконецъ, принужденъ былъ совсѣмъ выѣхать изъ села и снова направился въ Москву. Тогда

на Русь бывало,—человѣка три-четыре бѣшаныхъ приведенныхъ бывало въ дому моему, и, за молитвы отецъ, отхождаху отъ нихъ бѣсы, дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго, и Господа нашего Ісуса Христа, Сына Божія—свѣта. Слезами и водою покроплю, и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христово: и спла Божія отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, не по достоинству моему,—но по вѣрѣ приходящихъ.... Привели ко мнѣ бабъ бѣшаныхъ (двухъ), и я, по обычаю, самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ, и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы о Христѣ цѣлоумны и здравы стали. И ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу; любятъ меня, и домой нейдутъ. Свѣдалъ Пашковъ (который прислалъ къ Аввакуму этихъ бабъ), что мнѣ учинились дочери духовныя, осердился на меня опять пуще стараго,—хотѣлъ меня въ огнѣ жечь: ты де вывѣдваешь моей тайны! А какъ ведъ-су причастить, не повѣдваешь? А не причаствивъ бѣшеннаго: ино бѣса совершенно не отгонишь. Бѣс-отъ вѣть не мужикъ: бабога не боится; боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжптъ отъ тѣла Христова. Я, кромѣ спихъ тапшъ, врачевать не умѣю. „Такими же точно приѣмами Аввакумъ исцѣлялъ и больныхъ курочекъ“. У боярыни (жены Пашкова) куры всѣ переслѣпли и мереть стали: такъ она, собравше въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ,—помолилъ о курахъ. И я су подумалъ: кормлица то есть наша; дѣтки у ней: надобно ей курки! Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ,—корыто имъ сдѣлалъ, пѣъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ вей все и отослалъ. Куры, Божиимъ моновеніемъ, исцѣлѣли и пераплили по вѣрѣ ея“ (Мат. V, 37—42.).

Стефанъ Вонифатьевичъ, поощряя его въ ревностномъ служеніи благочестію, сдѣлалъ его протопопомъ въ Юрьевцѣ-Повольскомъ. Но и здѣсь онъ прожилъ не болѣе восьми недѣль. Возмущенные его обличеніями, его суровою расправою съ мѣстнымъ духовенствомъ, которое было подчинено ему, какъ протопопу, его нетактичнымъ, назойливымъ вмѣшательствомъ въ ихъ частную жизнь, жители города, собравшись болѣе чѣмъ тысячною толпою, сильно избили ревнителя и даже совсѣмъ хотѣли убить его. Самъ Аввакумъ объ этомъ прискорбномъ случаѣ рассказываетъ слѣдующее: „дѣволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ,—пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и, вытаща меня, изъ приказа собраніемъ,—человѣкъ съ тысячу или съ полторы ихъ было,—среди улицы били батажемъ и топтали; а бабы были съ рычагами. Грѣхъ ради моихъ, замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ, и, ухватя меня, на лошади умчали меня въ мой дворішко; и пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопятъ: убить вора, бл....а сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ! Авъ же, отдохня, въ третій день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ—третей ушелъ къ Москвѣ“. Здѣсь онъ явился къ Стефану Вонифатьевичу, но тотъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печаленъ: на что-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что де городъ покинулъ?“ Но Аввакумъ однако уже не возвращался болѣе въ Юрьевецъ, а остался жить въ Москвѣ. Онъ, какъ безмѣстный протопопъ, пристроился здѣсь, благодаря Неронову, къ Казанскому собору, гдѣ и замѣнялъ Неронова, когда тотъ отсутствовалъ, въ служеніи, а также читалъ народу поученія. Члены причта Казанскаго собора не признавали Аввакума равноправнымъ имъ членомъ собора, а только временнымъ замѣстителемъ Неронова, такъ что, и живя въ Москвѣ, Аввакумъ титуловался юрьевскимъ протопопомъ. Когда Нероновъ былъ сосланъ, причтъ Казанскаго собора не допускалъ Аввакума служить въ своемъ соборѣ, когда онъ захочетъ, чѣмъ Аввакумъ былъ очень обиженъ и перенесъ свое служеніе изъ

собора сначала въ одну приходскую церковь, а потомъ въ сушило, бывшее при домѣ Неронова. Очевидно, тогдашнее положеніе Аввакума въ Москвѣ было очень неопредѣленно и не изъ видныхъ,—онъ былъ только провинціальный, безмѣстный протопопъ, сравнительно еще молодой и большинству совсѣмъ неизвѣстный. Послѣднее обстоятельство Аввакумъ рѣшился поправить, завязавъ знакомства съ знатными и богатыми домами. Черезъ Стефана онъ дѣлается извѣстенъ самому царю и всей царской семьѣ, черезъ него же и, вѣроятно, черезъ Неронова, онъ хорошо познакомился съ Ртищевымъ и съ другими знатными, богатыми и вліятельными вельможами и ихъ семьями, и сдѣлался вхожъ въ ихъ дома. По этому поводу онъ самъ откровенно говоритъ о себѣ: „любилъ протопопъ со славными знаться“. Аввакумъ переселился въ Москву только въ 1651 году, т. е. незадолго до смерти патріарха Іосифа и, понятно, уже по самой краткости времени своего пребыванія въ Москвѣ, до вступленія на патріаршій престолъ Никона, не могъ быть особенно замѣтною и вліятельною фигурою въ средѣ московскаго кружка ревнителей благочестія, тѣмъ болѣе, что тогда такія видныя лица, какъ Стефанъ и Нероновъ, совсѣмъ заслоняли его собою. Къ тому же, изъ разсказа самаго Аввакума, мы знаемъ, что оставленіе имъ Юрьевца и неожиданное его появленіе въ Москвѣ, было непріятно и царю и Стефану Вонифатьевичу. Очевидно, при указанныхъ условіяхъ, Аввакумъ могъ выступать въ московскомъ кружкѣ ревнителей только во второстепенныхъ роляхъ, какъ вѣрный, преданный подручникъ и ученикъ Стефана и Неронова, дѣйствующій во всемъ по ихъ указаніямъ. Такъ смотрѣлъ на свое тогдашнее положеніе въ Москвѣ и самъ Аввакумъ и такъ онъ тогда дѣйствовалъ. Послѣ смерти Іосифа, онъ, наравнѣ съ другими, участвуетъ въ выборѣ новаго патріарха, но въ этомъ случаѣ, онъ только идетъ за другими. Захотѣли эти другіе бить челомъ государю, чтобы въ патріархи былъ избранъ Стефанъ Вонифатьевичъ,—съ ними соглашается и Аввакумъ. Когда Стефанъ отклонилъ свою кандидатуру въ патріархи и указалъ ревнителямъ на Никона, тѣ подали челобитную царю о Никонѣ, и Аввакумъ безпрекословно подписался и подъ этой челобитной, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ человѣкъ новый въ Москвѣ, вѣроятно тогда совсѣмъ не

зналъ Никона, какъ хорошо не зналъ его и тогда, когда тотъ сдѣлался патріархомъ, ибо при Никонѣ патріархъ Аввакумъ жилъ въ Москвѣ вдали отъ патріарха и только годъ съ небольшимъ, а потомъ былъ отправленъ въ ссылку—въ Сибирь и никогда Никона уже болѣе не видалъ. Правда, Аввакумъ впоследствии увѣрялъ своихъ послѣдователей, что онъ будто бы хорошо зналъ Никона еще на своей родинѣ, которая была только въ пятнадцати верстахъ отъ родины Никона, и что онъ хорошо высмотрѣлъ и изучилъ его, когда жилъ въ Москвѣ. „Я, говоритъ онъ, вѣдь тутъ (т. е. Москвѣ) тогда былъ, все вѣдаю... Я ево (Никона) высмотрѣлъ сукинова сына до мору-тово еще, — великій обманщикъ, бл...ъ сынъ!“ Но на самомъ дѣлѣ Аввакумовскій Никонъ, совершенно не тотъ, тѣмъ былъ Никонъ въ исторической дѣйствительности, о чемъ скажемъ ниже.

Настоящая репутація и громкая слава Аввакума, какъ стойкаго и горячаго поборника за старое русское благочестіе, за старыя до никоновскія русскія церковныя книги, за всю русскую святую старину, впервые создавалась и твердо упрочилась только въ Сибири, куда онъ былъ сосланъ Никономъ. Десять лѣтъ Аввакумъ пробылъ въ Сибири съ своею женою и малолѣтними дѣтьми, и терпѣлъ здѣсь самыя жестокия, почти невѣроятныя лишенія: холодъ, голодъ, всѣ невзгоды суроваго климата, переходы въ сотни верстъ по пустыннымъ, совершенно бездорожнымъ и почти непроходимымъ мѣстамъ, причемъ ему и женѣ, голоднымъ и холоднымъ, нерѣдко приходилось брести пѣшкомъ до полного истощенія, до потери всѣхъ силъ. Въ то же время ему приходилось терпѣть всевозможныя притѣсненія, издѣвательства, побои и истязанія со стороны начальника отряда,— жестокаго, часто совсѣмъ безчеловѣчнаго, несправедливаго и своекорыстнаго Пашкова, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ постоянно мучилъ протопопа, не хотѣвшаго, впрочемъ, никогда и ни въ чемъ уступить своему мучителю, но всегда рѣзко и неукоснительно обличавшаго его за его неправды и жестокость. Не разъ Аввакуму прямо въ глаза смотрѣла сама смерть, но онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и выносливостію все переносилъ, и остался не только живъ, но и здоровъ.

Самъ Аввакумъ описываетъ свои сибирскіе подвиги и

злостраданія въ живыхъ, яркихъ картинахъ, и эти его описанія и сейчасъ читаются съ захватывающимъ интересомъ.

„Егда пріѣхали на Шаманьской порогъ, рассказываетъ на-примѣръ Аввакумъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы,—одна лѣтъ въ 60-ть, а другая и больши: пловуть пострищисъ въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: по правиламъ неподобаетъ такихъ замужъ давать! И чѣмъ бы ему послушавъ меня, и вдовъ отпустить: а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ, Долгомъ, порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: для-де тебя дощеникъ худо идетъ! еретикъ-де ты! поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи! О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великія, въ нихъ же витають гуси и птицы,—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречаты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіе,—многое множество,—птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе дикіе: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе,—воочію нашею; а взять нельзя! На тѣ горы выбивать меня Пашковъ сталъ, со звѣрьми, и со зміями и со птицами витать. И азъ ему малое писанейце написалъ. Сице начало: человекъ! убойся Бога, сидящаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его же трепещуть небесныя силы и вся тварь со человекъки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь,—и прочая тамъ многонько писано. И послалъ къ нему. А се бѣгутъ человекъкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему,—версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ; и они, бѣдныя, и ѣдятъ и дрожать, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣють по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ со шпагою стоитъ и дрожить. Началъ мнѣ говорить: попъ ли, или распопъ? И азъ отвѣщаль: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня? Онъ же ркнулъ, яко дивій звѣрь, и дарилъ меня по щекѣ, таже по другой, и паки въ голову, и сбиль меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ (далъ) семдесятъ два удара кнутомъ. А я

говору: Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ! Да тоже безпрестанно говорю. Такъ горько ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: полно бить—того! Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? вѣдаешь-ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги, и на беть (поперечная скрѣпа барокъ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ всю ночь, подъ капелію лежалъ“. И далѣе Аввакумъ рассказываетъ: „привезли въ Брацкой острогъ, и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живеть, да Богъ грѣлъ и безъ платья! Что собачка въ соломокѣ лежу: коли накормятъ, коли вѣтъ. Мышей много было: я ихъ скуфьею билъ,—и батошка не дадутъ дурачки! Все на брюхѣ лежалъ: спина гнила. Блохъ да вшей было много“. Или, напримѣръ, Аввакумъ рассказываетъ: „доѣхали до Иргеня озера: волокъ тутъ,—стали зимою волочитца. Моихъ работниковъ отнялъ (Пашковъ); а инымъ у меня нанятца не велить. А дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому: одинъ бѣдной горемыка—протопопъ. Нарту сдѣлалъ и зиму всю волочилъ за волокъ. Весною на плотяхъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ. Четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городской. Стало нечего ѣсть: люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокіе,—огонь да встряска,—люди голодные лишю стануть мучить—ано и умереть! Охъ времени тому!.. По степямъ скитающеса и по полямъ, траву и кореніе копали,—а мы съ ними же; а зимою сосну; а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей,—и что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ. А иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ, и что получить,—всякую скверну... Охъ времени тому! И у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ. А съ прочими, скитающеса по горамъ и по острому каменію, наги и босы, травую и кореніемъ перебивающеса, кое какъ мучилися. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастенъ кобыльимъ

и мертвечымъ звѣринымъ и птичьимъ мясомъ. Увы грѣшной душѣ! Кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, да же оплачу бѣдную душу свою, юже злѣ погубилъ житейскими сладостями (?)“... „Съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратилися къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робяты и подъ рухлишко далъ двѣ клячки: а самъ и протопица брели пѣши, убивающесе о ледъ. Страна варварская; иноземцы немирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ голодные и томные люди. Протопица бѣдная бредеть—бредеть, да и повалится—скольско гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: матушка—сударыня прости! А протопица кричить: что ты, батька, меня задавилъ! Я пришолъ,—на меня, бѣдная, пѣняеть, говоря: долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самыя смерти!—Она же, вздохня, отвѣчала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ“¹⁾.

При такихъ исключительныхъ и, повидимому, самыхъ невозможныхъ условіяхъ своей сибирской жизни, Аввакумъ однако, гдѣ бы онъ ни былъ, въ какомъ бы положеніи не находился, всегда и всюду оставался вѣренъ себѣ,—строго соблюдалъ разъ имъ усвоенныя правила благочестія, и всячески старался ежедневно выполнять ихъ. Онъ рассказываетъ: „идучи, или нарту волоку, или рыбу промысляю, или въ лѣсѣ дрова сѣку, или ино что творю: а самъ и правило въ тѣ поры говорю, и вечерню, и заутреню, или часы, — что прилучится. А буде въ людяхъ бываетъ неизворотно, и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи,—правила моего не любятъ, а, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей подъ гору, или въ лѣсѣ, коротенько сдѣлаю,—побьюся головой о землю, а иное и заплачется,—да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди: и я на сошкѣ складенки поставя, правилца поговорю,—иные со мной молятся, а иные кашку варятъ. А въ саняхъ ѣдучи,—въ воскресные дни на подворьяхъ всю церковную службу пою, а въ рядовые дни въ саняхъ ѣдучи пою; а бывало и въ воскресные дни ѣдучи

1) Матер. V, стр. 27—29, 31, 34—35, 40—41.

пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя и немношко, а таки поворчу“ ¹⁾). Въ тоже самое время Аввакумъ всегда и всѣмъ неустанно проповѣдывалъ о гибели православія на Руси вслѣдствіи церковной реформы Никона, о необходимости всѣмъ истинно-вѣрующимъ стать за родную святую старину, ни подъ какимъ видомъ не принимать никоніанскихъ новшествъ, а во всемъ твердо и неуклонно держаться стараго благочестія, если потребуется, то и пострадать за него, такъ какъ только оно одно можетъ вести человѣка ко спасенію, тогда какъ новое—никоніанское ведетъ къ неминуемой вѣчной гибели. Эта проповѣдь святаго страдальца и мученика за правую вѣру и истинное благочестіе, вездѣ имѣла успѣхъ, вездѣ Аввакумъ находилъ себѣ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей, которые всюду разносили молву о великомъ страдальцѣ и крѣпкомъ поборникѣ истиннаго благочестія. Такъ было даже съ семьей его мучителя Пашкова. Если самъ Пашковъ не терпѣлъ Аввакума, всячески гналъ и преслѣдовалъ его, за то жена Пашкова, его взрослый сынъ и жена послѣдняго были всецѣло на сторонѣ Аввакума, считали его за человѣка святой жизни, за невиннаго страдальца, за угодника предъ Богомъ и, въ трудныхъ обстоятельствахъ, прибѣгали къ его молитвенной и чудодѣйственной помощи, и старались, тайно отъ самого Пашкова, матеріально помогать ему и его семьѣ, особенно въ голодное время. По признанію самаго Аввакума, эта ихъ помощь для него и его семьи имѣла очень большое значеніе.

Когда чрезъ одинадцать лѣтъ ссылки, Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву, то онъ явился сюда уже окруженный ореоломъ страдальца и мученика, съ прочно установившейся репутаціей мощнаго, непоколебимаго борца за поруганную и извращенную Никономъ правую вѣру, за старое истинное русское благочестіе. Стефана Вонифатьевича давно не было въ живыхъ, Нероновъ, теперь старецъ Григорій, ранѣе признанный глава всѣхъ недовольныхъ реформою Никона, примирился съ церковію и даже его борьба лично съ Никономъ потеряла всякое значеніе, такъ какъ Никонъ оставилъ патриаршую кафедру и болѣе не имѣлъ отношенія къ церковному управленію. Значить, у противниковъ церковной ре-

¹⁾ Мат. V, стр. 62.

формы Никона тогда не было главы и всѣми признаннаго общаго руководителя, а слѣдовательно въ ихъ дѣйствіяхъ не могло быть строгаго единства, опредѣленнаго плана, а вмѣстѣ и той энергіи, какую развиваетъ масса, когда ея управляетъ опредѣленное, авторитетное въ ея глазахъ лицо, руководящее всѣми ея дѣйствіями, и направляющее ихъ къ одной опредѣленной цѣли. Въ лицѣ прибывшаго въ Москву Аввакума, противники церковной реформы Никона, получили теперь новаго главу и руководителя, который своею десятилѣтнею ссылкой въ Сибирь, всею тамошнею жизнію и дѣятельностію блестяще доказалъ свою безусловную, непоколебимую преданность родной святой старинѣ, всегдашнюю стойкость въ разѣ усвоенныхъ воззрѣніяхъ, свою рѣдкую, прямо исключительную способность постоять за нихъ при всякихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, и свою рѣшительную неспособность идти съ противниками на какіе бы то ни было компромиссы. Ставъ во главѣ противниковъ церковной реформы Никона, Аввакумъ повелъ борьбу смѣло, энергично и рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и малѣйшихъ уступокъ, и собственно имъ—Аввакумомъ и созданъ церковный расколъ. Въ чемъ же заключалась сила этого человѣка, которая дала ему возможность бодро и стойко перенести столько страданій и всевозможныхъ лишеній, а потомъ закончить свою долгую страдальческую жизнь мужественною смертію на кострѣ?

Говоря о Нероновѣ, мы замѣтили, что всѣ вообще члены кружка ревнителей благочестія, ставшіе противниками церковной реформы Никона, отличаются, между прочимъ, одною очень характерною чертою: они обладали, по ихъ искреннему, глубокому убѣжденію, разнообразными сверхъестественными силами и дарами, почему — чудо, разныя небесныя знаменія и видѣнія, были въ ихъ жизни очень нерѣдки. И это понятно. Воспитанные на житіяхъ святыхъ, на постоянномъ чтеніи рассказовъ разныхъ сборниковъ о чудесномъ, сверхъестественномъ, о всевозможныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ свыше, они, уже по одному этому, получали постоянную прочную настроенность весь міръ съ его явленіями представлять въ особомъ свѣтѣ, разсматривать въ немъ все подъ особымъ угломъ зрѣнія, и въ самыхъ, повидимому обычныхъ явленіяхъ, видѣть то, что для другихъ совсѣмъ

было невидно, что отъ другихъ было сокрыто, а имъ, глубже и духовнѣе проникавшимъ въ явленія, было открыто и очевидно. У такихъ людей естественно и почти необходимо создавалась чуткая готовность всюду—и видѣть и воспринимать все чудесное, сверхъестественное, или, что тоже: во всемъ видѣть чудо, знаменіе, указаніе свыше. Къ этому присоединялись особыя, исключительныя обстоятельства ихъ жизни, особенно послѣ того, какъ они рѣшились отважно бороться съ всемогущимъ и очень суровымъ Никономъ: они находились въ постоянномъ крайне возбужденномъ нервномъ состояніи, ихъ всегдашніе помыслы, думы, вся ихъ духовно-нравственная жизнь, доведенная до высшаго напряженія, сосредоточены были на одной неотступной идеѣ: всячески и всѣми средствами, не щадя живота своего, жертвуя собою и всѣмъ своимъ личнымъ, бороться за настоящее, истинное благочестіе, за правую вѣру, разрушаемая реформами Никона. Они терпѣли всякія гоненія, униженія, лишенія, истязанія, ссылки и заточенія за свои излюбленныя убѣжденія: они постоянно прибѣгали къ усиленному посту, молитвѣ, продолжительнымъ бдѣніямъ, что бы сильнѣе укрѣпить себя на подвигъ, измощить свое тѣло и, вмѣстѣ, закалить свой духъ для рѣшительной борьбы. Понятно, что на такой почвѣ легко было появиться у нихъ тѣмъ чудесамъ, знаменіямъ и видѣніямъ, о которыхъ они такъ часто и охотно рассказываютъ. Да чудо, знаменія, видѣнія были для нихъ и рѣшительно необходимы, при выполненіи поставленной ими себѣ задачи, безъ нихъ они совсѣмъ не могли обойтись, безъ нихъ они никакъ бы не могли вести той энергичной, непрерывной, упорной борьбы, какую они вели съ реформою Никона. Мѣрки, критерія,—что право и что неправо,—они не могли находить въ изученіи, въ научномъ строго обоснованномъ знаніи, такъ какъ они не были люди науки, а только простые самоучки—начетчики, у которыхъ научное, критически провѣренное знаніе замѣнялось вѣковой традиціей, полнымъ довѣріемъ къ вычитанному изъ имѣвшихся у нихъ извѣстнаго только рода книгъ, крѣпкою вѣрою въ святую родную старину, которая оправдала себя исторически, а потому не нуждается ни въ какой другой провѣркѣ, а тѣмъ болѣе въ передѣлкахъ и исправленіяхъ. Но когда эта увѣренность въ святость и непогрѣшимость родной старины,

подъ вліяніемъ реформы Никона, въ умахъ очень многихъ была поколеблена, тогда, при не имѣніи другихъ средствъ порѣшить вопросъ: кто же въ самомъ дѣлѣ правъ—Никонъ или своя родная старина? Имъ естественно оставалось прибѣгнуть къ единственно понятному имъ, и въ ихъ глазахъ самому вѣрному и самому убѣдительному и для всѣхъ другихъ, средству: къ откровенію свыше, знаменію, чуду. И вотъ необходимо у нихъ являются рассказы о бывшихъ въ ихъ средѣ чудесахъ, знаменіяхъ и видѣніяхъ, какъ болѣе вѣрныхъ и надежныхъ показателей божественной истины, чѣмъ сомнительная, школьная, человѣческая мудрость ихъ противниковъ, такъ какъ чудеса, знаменія и видѣнія Господь посылаетъ только тѣмъ, кто истинно и право во всемъ вѣруетъ, кто добродѣтельно и свято проводитъ свою жизнь, а не тѣмъ, кто кичится своимъ школьнымъ знаніемъ и своею человѣческою и потому заблуждающею наукою. Именно чудеса и знаменія, а не какіе нибудь человѣческія домыслы и мудрованія давали имъ непоколебимую увѣренность, что истина на ихъ сторонѣ, что они ратуютъ и страдаютъ за правое святое и великое дѣло, что они идутъ настоящимъ вѣрнымъ путемъ, который, если здѣсь и ведетъ къ страданію и мученичеству, за то тамъ—къ безконечной славѣ и блаженству. Въ силу этого они шли на борьбу, на лишенія, страданія и самую смерть смѣло, рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, съ полною глубокою увѣренностію, что на великое святое дѣло борьбы съ реформою Никона они призваны самимъ Господомъ, что самъ Господь подкрѣпляетъ и всегда подкрѣпитъ ихъ въ неравной и тяжелой борьбѣ, и если не здѣсь, то тамъ вознаградитъ ихъ за всѣ ихъ земныя страданія и лишенія. Если на нихъ въ немногія, особенно тяжелыя минуты, и нападали иногда какія либо сомнѣнія и колебанія, то знаменія и видѣнія, ниспосылаемыя свыше, снова подкрѣпляли и вразумляли ихъ, и они съ новою энергіею и силою продолжали борьбу. Борьба съ такими необычными лицами, обычными мѣрами правительственной власти: ссылками, заточеніями, разными лишеніями, истязаніями и казнями, естественно совсѣмъ не достигала цѣли, а только дѣлала ихъ сопротивленіе еще упорнѣе и настойчивѣе, самихъ ихъ еще болѣе сильными и вліятельными въ глазахъ

ихъ учениковъ и послѣдователей, которые видѣли въ нихъ святыхъ страдальцевъ и мучениковъ.

Особенно обычны, и даже заурядны чудеса, знаменія, видѣнія и другія сверхъестественныя явленія, были въ жизни протопопа Аввакума, которому, въ этомъ отношеніи, среди другихъ борцовъ съ реформою Никона, неоспоримо принадлежить первое мѣсто.

Такого великаго чудотворца и угодника Божія, какимъ былъ протопопъ Аввакумъ, если судить объ этомъ по его собственнымъ рассказамъ и увѣреніямъ, еще никогда не бывало, да, конечно, никогда и не будетъ на святой Руси. Самъ протопопъ искренно и глубоко былъ убѣжденъ въ своей несомнѣнной святости и угодности предъ Богомъ, что онъ призванъ самимъ Господомъ съ тѣмъ, чтобы своимъ ученіемъ, своими чудесами, посылаемыми ему свыше знаменіями и видѣніями, твердо и неустанно отстаивать ту божественную правду, то истинное благочестіе, которыя были нарушены на Руси реформою Никона. Въ сознаніи своей несомнѣнной великой угодности предъ Богомъ, протопопъ самъ, очень рѣшительно и опредѣленно, заранѣе намѣчаетъ, къ лику какихъ именно святыхъ долженъ причислить его Господь, если онъ—Аввакумъ умретъ такою или иною смертію. „Аще меня задушатъ, обращается Аввакумъ съ прошеніемъ къ Господу, причти мя съ митрополитомъ Филиппомъ московскимъ; аще ли зарѣжутъ, и Ты, Господи, причти мя съ Захаріею пророкомъ; аще ли посадятъ въ воду, и Ты, Владыко, яко и Стефана пермскаго, паки свободиши мя“¹⁾. Протопопъ Аввакумъ даже прекрасно зналъ, что тамъ—въ царствіи небесномъ, ему уже давно приготовлена Господомъ одна изъ лучшихъ палатъ, которая постоянно ждетъ его. Исцѣленная имъ одна бѣсноватая, рассказываетъ самъ Аввакумъ,—въ назиданіе и поученіе своимъ послѣдователямъ,—повѣдала ему, что будто бы два ангела, когда бѣсноватая безъ памяти лежала на лавкѣ, взяли ее „и повели зѣло тѣснымъ путемъ. На лѣвой сторонѣ слышала плачь съ рыданіемъ и гласы умильны. Таже привели меня въ свѣтлое мѣсто; жилища и палаты стоятъ, и едина палата всѣхъ больши и паче всѣхъ сіяетъ красно. Ввели де меня въ нея, а въ

1) Мат. V, стр. 151.

ней де стоятъ столы, а на нихъ послано бѣло. И блюда съ брашными стоятъ; поконецъ де стола древо многовѣтвенно повѣваетъ и гораздо красно, а въ немъ гласы птичьи и умильны зѣло,—не могу нынѣ про нихъ сказать. Потомъ де меня вывели изъ нея. Идучи, спрашиваютъ: знаешь-ли, чья палата сія? А я де отвѣщала: не знаю; пустите меня въ нея. И они мнѣ отвѣщали сопротивъ: отца твоего Аввакума палата сія. Слушай ево,—такъ де и ты будешь съ нимъ. Крестися, слагая персты такъ, и кланяйся Богу, какъ онъ тебѣ наказываетъ. А не станешь слушать, такъ будешь въ давешнемъ мѣстѣ, гдѣ слышала плаканіе то. Скажи же отцу твоему. Мы не бѣси, мы ангели; смотри у насъ папарты. И я-де, батюшко, смотрѣла: бѣло у ушей тѣхъ ихъ“¹⁾. При такой рѣдкой убѣжденности и увѣренности, протопопъ Аввакумъ, конечно, совсѣмъ не боялся никакой казни, никакой смерти, такъ какъ она прямо и несомнѣнно вела его въ ту большую палату, „которая паче всѣхъ сіяетъ красно“. „На что лучше сего?—говоритъ онъ,—съ мученики въ чинѣ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу, святѣи Троицы престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всѣми безплотными, съ предивными роды вчиненъ! А во огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть,—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ!“²⁾. Дѣйствительно, прямой и самый простой практической расчетъ побуждалъ Аввакума не бояться казни, а смѣло и безбоязненно идти на костеръ,—этимъ минутнымъ страданіемъ онъ, при его представленіи о безусловной, высокой цѣнности своего подвига, не терялъ ничего, а выигрывалъ все.

Насколько былъ святъ Аввакумъ и насколько, еще при жизни, онъ былъ уже великимъ угодникомъ Божиимъ, это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ знаменій, чудесъ и откровеній, какія въ своей жизни получалъ и совершалъ Аввакумъ. Въ самомъ дѣлѣ: какихъ только чудесъ не творилъ Аввакумъ, какихъ только знаменій и очевидныхъ оказательствъ великой его святости не удостоивался онъ получить отъ Господа Бога. Сотворить во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ чудо, лишь бы только подъ ру-

1) Ibid. стр. 105.

2) Ibid. стр. 207.

камн были: епитрахиль, масло, вода, кадило и старопечатный требникъ, для Аввакума буквально ничего не стоило. Онъ своею молитвою, святою водою, освященнымъ масломъ и каждаиеніемъ исцѣляетъ всевозможныхъ больныхъ, но особенно легко и часто изгоняетъ бѣсовъ, и самъ всегда успѣшно справляется съ ними, когда они отваживаются нападать и на него самого, въ рѣдкія впрочемъ въ его жизни минуты малодушія, или какого нибудь неожиданнаго преткновенія ¹⁾.

1) Вотъ, напримѣръ, какой случай невольнаго преткновенія былъ съ Аввакумомъ, о которомъ, онъ рассказываетъ въ своемъ посланіи къ нѣкоей Маремьянѣ Теодоровнѣ. „Грѣшному мнѣ человекъ добрый изъ церкви принесъ просфѣру, и со крестомъ Христовымъ, а поп-отъ, является, по старому поетъ: до тово пѣлъ по новому; я чаель покаялся и престалъ: оно внутрь ево поганъ. Я взялъ просфѣру, поцѣловалъ, положилъ въ уголку, покадилъ, хотѣлъ по причастіи потребить. Въ ноци той, егда умолкоша уста мои отъ молитвы, прискочиша бѣси ко мнѣ лежащу, и единъ завернулъ мнѣ голову, рекъ мнѣ: сѣмъ-ко ты сюды! Только и дыханія стало. Едва-едва умомъ моимъ молитву Іесусову сотворилъ: и отскочилъ бѣсъ отъ меня. Азъ же охаю и стону; кости разломалъ, встать не могу. И кое какъ всталъ: молитвуя довольно, опять возвалился и мало замгнулъ. Впью у церкви нѣкія образъ и крестъ Христовъ: на немъ распять полатынѣ, неподобно, и латынники молятся тутъ, приклякываютъ попольски. И мнѣ нѣкто велѣлъ той крестъ поцѣловать. Егда азъ поцѣловалъ: пакн папаша на мя бѣси и утрудилъ мя зѣло, и покнцнша. Азъ же безъ сна ночь ту проводилъ, плачущи. Уразумѣхъ, яко просвиры ради стражу, выложилъ ея за окошко. Не знаю, что надъ нею дѣлать: крестъ на ней! И лежала день. Въ другую ночь не смѣю спать, лежа молитвы говорю, прискочиша множество бѣсовъ, и единъ сѣлъ съ домрою въ углу, на мѣстѣ, гдѣ до тово просвира лежала, и прочіи начаша играти въ домры и въ гутки. А я слушаю у нихъ. Зѣло мнѣ грусно, да уже не замали меня и исчезли. Азъ же возстонавъ, плакався предъ Владыкою, обѣщавъ сожечъ просвиру. И бысть той часъ здравъ, и кости престали болѣть, и воочію моею яко *искры огненны отъ Святаго Духа являющя* И въ день жжегъ просвиру, и попелъ за окошко кипулъ, рекше: вотъ, бѣсъ, жертва твоя! мнѣ ненадобъ! И въ другую ночь, лежа, по четкамъ молитвую. Вошелъ бѣсъ въ келію мою и ходилъ около меня,—ничего мнѣ не сдѣлалъ, лишь изъ рукъ четки вышибъ. И я, подиавъ, опять сталъ молитвы говорить. И пакн въ день съ печалію стихъ лежа пою: *молитву пролію ко Господу и печаль мою предъ нимъ возгнчу, услышиши ны, Господи!* И бѣсъ вскричалъ на меня зѣло жестоко. Азъ же вздрогнулъ и ужасся отъ него. И пакн въ пную ночь, не вѣмъ какъ, внѣ ума, о просвирѣ опечалился и уснулъ: и бѣсъ зѣло мя утрудилъ. Съ доски сваясь на полъ, предъ образомъ, немощенъ плачущи Икона проклялъ и ересь ево. И пакн въ той часъ здравъ бысть. Видишь-ли, Маремьяна.

И не только людей, но и больныхъ курь исцѣляетъ протопопъ, за что одна черная курочка и несетъ ему потомъ каждый день по два яичка. Какъ великій угодникъ Божій, онъ, еще находясь на землѣ, однако уже являлся многимъ въ сонномъ видѣннн и спасалъ ихъ отъ бѣды. Такъ онъ явился во снѣ заблудившемуся сыну Пашкова, благословилъ его и указалъ ему дорогу, благодаря чему тотъ спасся отъ неминуемой смерти. Когда онъ находился въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ и тамошннй келарь Никодимъ его обидѣлъ, то Господь Богъ поразилъ обидчика тяжкою болѣзнію, но ему въ видѣннн предсталъ Аввакумъ „въ ризахъ свѣтло блестящихъ и зѣло красныхъ“ и исцѣлилъ его отъ болѣзни, послѣ чего келарь повѣдалъ объ этомъ Аввакуму, который потребовалъ отъ него, что бы онъ, „хотя бы и въ тайнѣ, старое благочестіе держалъ“. — Одинъ бѣсноватый, исцѣленіемъ котораго ранѣе занимался Аввакумъ, разъ явился къ нему и повѣдалъ: „спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ,—помиловалъ меня. Бѣжалъ де я по пустынѣ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ крестомъ: бѣси де и бѣжали отъ меня“. Приводя этотъ рассказъ о себѣ, Аввакумъ скромно замѣчаетъ: „азъ же, окаянный, поплакалъ, глядя на него, и возрадовался о величнн Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляетъ Господь,—его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. Простите меня, старецъ, съ рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы меня понудисте сіе говорить“. И по поводу вышеприведеннаго рассказа объ исцѣленн пафнутьевскаго келаря Аввакумъ расчитанно—наивно замѣчаетъ: „добрыхъ дѣлъ (у меня) нѣтъ: а прославилъ Богъ. То вѣдаетъ онъ—воля Его“ ¹⁾.

Насколько необыкновеннымъ человѣкомъ былъ Аввакумъ, это видно, между прочимъ, и изъ того, что онъ былъ самовидцемъ и разныхъ спиритическихъ явленнй, когда, какъ извѣстно, неодушевленные предметы самопроизвольно двигаются, перемѣняютъ мѣсто, летаютъ по воздуху, какъ это

заключаетъ Аввакумъ свой пазпдательный рассказъ, кабы съѣлъ про-
свиру-ту, такъ бы что Исакія Печерскаго затопилъ. Такова-то ихъ жертва
хороша! И отъ малой святынн бѣда; а отъ большіе-то п давно печево
спрашивать“. (Мат. V, стр. 197—199).

1) Матер. V, стр. 50, 73, 74.

бываетъ теперь, на современныхъ намъ спиритическихъ сеансахъ. Аввакумъ рассказываетъ, что еще въ Лопатицахъ, когда онъ только что „къ подвигу касатися сталь“, и уже „бѣсь меня пуживаль“. Однажды у него серьезно захворала жена и къ нему прѣѣхаль сосѣдній священникъ, чтобы ее исповѣдывать. Дѣло было ночью и Аввакумъ пошелъ въ церковь за требникомъ. „Егда на паперть пришелъ, рассказываетъ онъ, столикъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствіемъ скачетъ столикъ на мѣстѣ своемъ. И я, не утрашася, помолясь предъ образомъ, осѣнилъ рукою столикъ, и, пришедъ, поставилъ его, и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ во гробѣ стоялъ, и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска, и саванъ шевелитца сталь, утрашая меня. Азъ же Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все. Егда же въ олтарь вошелъ—ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, утрашая меня. Азъ же, помоляся и поцѣловавъ престоль, рукою ризы благословилъ, и пощупалъ приступая, а онѣ по старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское къ намъ!“! Про другой случай, котораго онъ былъ тоже очевидцемъ, Аввакумъ рассказывалъ въ челобитной государю, поданной имъ по возвращеніи изъ Даурь: „нынѣ лѣтомъ, въ Преображеневъ день, чудо преславно и ужасу достойно въ Tobолскѣ показалъ Богъ: въ соборной большой церкви служилъ литургію ключарь церкви Иванъ Михайловъ сынъ съ протодьякономъ Мееодиѣмъ, и когда возгласиша: двери двери премудростію вонмемъ, тогда у священника со главы взяся воздухъ и повергло на землю; и егда исповѣданіе вѣры начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ надъ агньцемъ на всѣ четыре поставленія поступала, и до возглашенія побѣдныя пѣсни; и егда приспѣ время протодьякону къ дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своемъ мѣстѣ на дискосѣ просто. А служба у нихъ въ церкви, поясняетъ Аввакумъ, по новымъ служебникамъ по приказу архіепископскому“ . ¹⁾

1) Ibid. стр. 108—111, 110—121. Къ сожалѣнію прот. Аввакумъ не объясняетъ: какимъ образомъ бѣсы мѣстомъ для своего „игранія“ могли

Вполнѣ естественно было, что Господь имѣлъ особое попеченіе о своемъ великомъ угодникѣ, котораго Онъ такъ необычно прославлялъ еще во время его земной жизни. Находясь въ тюрьмѣ Андроньева монастыря Аввакумъ три дня не ѣлъ и умиралъ отъ голода. И вотъ, послѣ трехъ сутокъ, когда голодъ особенно мучилъ его, „ста предъ мною, разсказываетъ протопопъ, невѣмъ—человѣкъ, невѣмъ—ангелъ, и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо, съ чепью, къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и лошку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штець далъ похлѣбать—зело прикусны,—хороши! и рекъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣплѣнію! И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало! Дивно, только человекъ; а что же ангелъ, ино нечему дивитца! вездѣ ему не затворено“. Или, напримѣръ, въ Даурахъ былъ съ нимъ такой случай: брелъ протопопъ по замерзшему озеру и стала его мучить нестерпимая жажда, а воды взять негдѣ,—до селенія и береговъ далеко. И вотъ, повѣствуетъ протопопъ, „бреду потихоньку, а самъ, взирая на небо, говорю: Господи, источникъ израилю, въ пустынѣ жаждущему воду, тогда и днесъ Ты напои меня ими же вѣси судьбами. Простите Бога ради! затрещалъ ледъ, яко громъ, предо мною. На высоту стало кидать, и яко рѣка разступилася сюду и сюду, и паки снидеся мѣсто, и бысть гора льду велика. А мнѣ оставилъ Богъ пролубку. И дондеже строеніе Божіе бысть, азъ на востокъ кланялся Богу, и со слезами присталъ къ пролубкѣ и напился воды досыта“¹⁾,

Господь, по молитвѣ своего угодника, посрамлялъ враговъ и гонителей Аввакума. Пашковъ, завидуя удачѣ протопопа въ рыбной ловлѣ насмѣхъ отвелъ ему мѣсто для лова на броду, „гдѣ коровы и козы бродятъ, гдѣ человекъ, повѣствуетъ Авва-

---

пзбратъ церковь и въ ней даже алтарь—это святая святыхъ? Если въ Тобольскѣ бѣсовская игра произошла въ церкви, гдѣ тогда уже служили по новому, и въ нея, значить, по представленію Аввакума, бѣсамъ былъ открытъ всегда свободный входъ; то вѣдь въ Лопатицахъ бѣсы забрались въ алтарь и играли тамъ въ собственной церкви Аввакума, въ которой постоянно, и по старому, служилъ онъ самъ? Очевидно, увлекшійся интересными разсказами протопопъ, не сообразилъ какъ слѣдуетъ всѣхъ обстоятельствъ своего разсказа.

1) Ibid. стр. 20, 109—110.

кумъ, воды по ладышку,—какая рыба! и лягушекъ нѣтъ!“ Но твердо уповая на чудодѣйственную помощь свыше, протопопъ рѣшилъ посрамить Пашкова. Онъ обратился съ горячею молитвою къ Богу: „Владыко человекѡколюбче, молился разобиженный протопопъ, не вода даетъ рыбу. Ты вся промыслѡмъ своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрнии, гдѣ есть Богъ ихъ?“ И Господь по молитвѣ Аввакума, дѣйствительно посрамилъ „дурака тово“ т. е. Пашкова: „полны сѣти, торжествующе заявляетъ протопопъ, напехаль Богъ рыбы“, только нечестивый Пашковъ, въ возмездіе за это чудо, изорвалъ всѣ рыболовныя сѣти Аввакума ¹⁾).

Даже необычныя явленія внѣшней природы, какъ напримѣръ солнечное затмѣніе, находились, оказывается, въ прямой связи съ личною судьбою Аввакума. Разказавъ объ одномъ солнечномъ затмѣніи, „когда Никонъ отступникъ вѣру казнилъ и законы церковныя“, Аввакумъ заявляетъ, что лѣтъ чрезъ четырнадцать „въ другой разъ затмѣніе солнцу было въ Петровъ постъ, въ пятокъ, въ часъ шестый тьма бысть: солнце померче, луна подтекала отъ запада же, гнѣвъ Божій являя. И протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти, и на Угрѣшѣ въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣеть, что дѣлается въ земли нашей за нестроеніе церковное“ ²⁾).

Какъ и между самыми святыми необычно святъ и великъ былъ протопопъ Аввакумъ, это съ особенною ясностію видно изъ его разказа о слѣдующемъ бывшемъ ему видѣніи: протопопъ, постясь, ничего не ѣлъ въ теченіи четырехъ дней и сильно ослабѣлъ. Однако онъ пропостился еще нѣсколько дней, и, въ этомъ состояніи, сподобился такого видѣнія: „Божіимъ благоволеніемъ въ ноци вторыя недѣли, противъ пятка, распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики; а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился; а потомъ Богъ вмѣстилъ

¹⁾ А. К. Бороздина. Протопопъ Аввакумъ, прил., стр. 114 Изд. 1900 г.

²⁾ Матер. V, стр. 4—5.

въ меня небо, землю и всю тварь. Мнѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣствицу перебирающую въ то время“. И затѣмъ, обращаясь къ царю, въ посланіи къ которому изъ Пустозерска онъ рассказываетъ про это видѣніе, говоритъ: „ты владѣши, на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное седѣніе небо и землю... Небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь.— Богъ мнѣ далъ, якоже выше сего рекохъ“. 1).

Аввакумъ не только себя и свои подвиги ставилъ очень высоко, но и свои писанія къ разнымъ лицамъ приравнивалъ, видимо, къ посланіямъ ап. Павла, которому онъ старается подражать. Его посланіе къ нѣкому брату начинается такъ: „Рабъ и посланникъ Ісусъ Христовъ, волею Божіею, и узникъ о Господѣ, старой грѣшникъ, протопопъ Аввакумъ Петровъ, брату имереку, еже о Христвѣ съ братіею, радоватися вамъ, другомъ моимъ, и здравствовать о Спасѣ, Бозѣ и Господѣ нашемъ Ісусъ Христвѣ. Молю вы, чада церковная, и колѣнамъ вашимъ касаюся“. Въ посланіи ко всѣмъ своимъ ученикамъ пишетъ: „молю убо вы азъ, юзникъ о Христвѣ Ісусѣ, не мудрствовате паче, еже подобаетъ мудрствовати“. Въ „книгѣ всѣмъ горемыкамъ миленькимъ“ онъ пишетъ такъ: „Рабъ и посланникъ Ісусъ Христовъ, волею Божіею земляной юзникъ, протопопъ Аввакумъ, чадомъ святыя соборныя и апостольскія церкви: Акинѣю съ сестрою Маврою, Родіону, Андрею“. Свои очень невысокаго достоинства разсужденія Аввакумъ закрѣпляетъ иногда такимъ очень смѣлымъ завершеніемъ: „не я, но тако глаголетъ Духъ Святыи“, разумѣется устами протопопа. Въ одномъ мѣствѣ онъ скромно про себя замѣчаетъ: „отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ“. 2)

Не только самъ протопопъ Аввакумъ но и его друзья—единомышленники, по его увѣреніямъ, имѣли въ глазахъ Господа, хотя бы и не большое, но все-таки несомнѣнное преимущество предъ древними знаменитыми святыми. „Егда Лазарю языкъ вырѣзали, повѣствуетъ Аввакумъ, явился ему пророкъ Божій Ілія и повелѣ ему о истинѣ свидѣтельствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изо рта, и

1) Ibid. стр. 151—152.

2) Ibid. стр. 231, т. VIII, стр. 75, 84, 109.

начать глаголати ясно и чисто“. Вырѣзали языкъ и у старца Епифанія, но онъ обратился съ молитвою къ Богородицѣ, чтобы она возвратила ему даръ слова: „та отверзла его уста и языкъ даде, и учаль говорить ясно“. По этому поводу Аввакумъ замѣчаетъ: „не вѣмъ, что рещи, но токмо: Господи, помилуй! И Дамаскину Іоанну *по трехъ дняхъ* рука приросла, а новымъ симъ исповѣдникамъ Христовымъ Лазарю *въ той же день* языкъ Богъ дароваль, а старцу (Епифанію) *во второй день*“... ¹⁾

Аввакумъ любилъ допускать нѣкоторую фамиллярность въ обращеніи съ лицами стоявшими неизмѣримо выше его, какъ-то, напримѣръ, были царь и царица. Такъ царя, какъ бы самага обычнаго близкаго своего знакомаго онъ, въ своихъ писаніяхъ, нерѣдко величаетъ попросту: „Михайловичъ“, „свѣтикъ“, „миленькій“, царицу—„миленькая“, обоихъ: „Алексѣюшко съ Марьюшкою“. Эту фамиллярность въ обращеніи Аввакумъ переноситъ иногда и на самихъ небожителей.

Когда Аввакума, по приказанію Пашкова, сильно били кнутомъ, онъ въ это время говорилъ: „Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ“, и не чувствовалъ особенныхъ страданій. Но совсѣмъ иначе чувствовалъ себя послѣ жестокой экзекуціи. „Какъ били, рассказываетъ онъ, такъ не болно было съ молитвою тою; а лежа на умъ взбрело: за что ты, Сыне Божій, попустилъ меня ему таково болно убить тому? Я вѣдь за вдовы твоя сталъ! *Кто дастъ судію между мною и Тобою?* Когда вороваль, и Ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ“!.. Но въ другомъ случаѣ Аввакумъ уже замѣчаетъ: „не пеняю уже на Бога вдругорядъ!“ На рѣкѣ Хилкѣ, рассказываетъ Аввакумъ, „барку отъ берега оторвало водою,—людскіе стоятъ, а мою ухватило да и понесло! Жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ; а я на ней ползаю, а самъ кричу: Владычице, помози! Упованіе, не утопи! иное ноги въ водѣ, а иное выползу на верхъ. Несло съ версту и больши; да люди переняли. Все размыло до крохи! Да что ветъ дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я вышелъ изъ воды смѣюсь; а

¹⁾ Т. V, стр. 115—117.

люде те охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая... Пашковъ меня же хочетъ опять бить: ты-де надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ! А я паки свѣту—Богородицѣ докучать: Владычице, уйми дурака тово! Такъ она надежа уняла: сталь по мнѣ тужить“¹⁾).

Однако и на такого крѣпкаго и нескрушимаго поборника за истинное благочестіе, какимъ былъ Аввакумъ, находили иногда минуты слабости, нѣкоторой неувѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла. Возвращаясь изъ Даурь, рассказываетъ Аввакумъ, „въ русскіе грады приплыль и уразумѣль о церкви, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Опечалися, сидя разсуждаю: что сотворю? Проповѣдаю-ли слово Божіе, или скрыюся гдѣ? Понеже жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятьствомъ, и рече ми: что господине, опечалился еси? Азъ же ей подробну извѣстихъ: жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ: говорить-ли мнѣ или молчать?—связали вы меня! Она же мнѣ говоритъ: Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь! Слыхала я,—ты же читалъ,—апостольскую рѣчь: *привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія, егда отрѣшишиися, тогда не ищи жены* (Кор. гл. 7, ст. 27). Азъ ты и съ дѣтми благословляю: дерзай-проповѣдати слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди поди въ церковь, Петровичъ,—обличай блудню еретическую!—Я су ей за то челомъ, и отряси отъ себе печальную слѣпоту, начатъ по прежнему слово Божіе проповѣдати и учити и по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоніанскую со дерзновеніемъ обличалъ“. На этотъ разъ Аввакума на подвигъ воодушевила жена, дѣлившая съ нимъ всѣ бѣды и лишенія, вполне вѣровавшая въ его великое и святое призваніе, и отличавшаяся какъ и ея мужъ, выносливостію, мужествомъ и готовностію все перенести, всѣмъ пожертвовать ради торжества истиннаго благочестія. Но въ другихъ случаяхъ дѣло не обходилось такъ просто,—по домашнему. Когда Аввакумъ, возвращаясь изъ Даурь, прибыль въ Тобольскъ, то началъ было ходить въ

¹⁾ Ibid. стр. 29, 31, 33.

соборную церковь, гдѣ службы совершались по новоисправленному служебнику. Онъ уже сталъ было привыкать къ службамъ, какъ особое, чрезвычайное видѣніе удержало его отъ этого скользкаго пути. „А се мнѣ въ Тобольскѣ, рассказываетъ Аввакумъ объ этомъ случаѣ, въ тонцѣ снѣ страшно возвѣщено: блюдися отъ мене, да не полма растесавъ будеши! Я вскочилъ, и палъ предъ иконою во ужасѣ велицѣ, а самъ говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ! Боже мой! Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины именины, — шаловалъ съ ними въ церкви при воеводахъ; да съ прїѣзду смотрилъ у нихъ просвиромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, и самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругатца не сталъ,—что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христосъ—свѣтъ поужалъ, и рече ми: по толикомъ страданіи погибнуть хочешь! блюдися, да не полма разсѣку тя! Я и къ обѣдни не пошелъ. И обѣдать ко князю пришелъ, и вся подробну имъ возвѣстилъ: бояринъ миленькой, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, плакать сталъ! А мнѣ окаянному много столько Божія благодѣянія забыть“. Но самымъ критическимъ моментомъ въ жизни Аввакума, по его собственному сознанию, было его разстриженіе. Аввакумъ придавалъ очень большое значеніе тому обстоятельству, что онъ былъ ни какой-нибудь рядовой священникъ, а протопопъ; онъ очень гордился этимъ титуломъ, всегда старался прилагать его къ своему имени, жену свою величаетъ протопопичей, крѣпко держится за этотъ титулъ даже и тогда, когда, по соборному опредѣленію, его совсѣмъ лишили духовнаго сана и онъ юридически сдѣлался уже простымъ міряниномъ. Послѣ растриженія Аввакумъ совсѣмъ было впалъ въ отчаяніе, отъ котораго его спасло чрезвычайное явленіе. Въ посланіи къ царю изъ Пустозерска Аввакумъ пишетъ: „егда мнѣ темныя твоя власти волосы и бороду остригли и проклявше за твоимъ карауломъ на Угрѣшѣ въ темницѣ держали,—о горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечеть!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ, что се бысть, яко древле и еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ,—волосы и бороду остригли, и прокляли, и въ темницѣ затворили: никоніаны пуще отца своего Ни-

кона надо мною бѣднымъ сотворили. И о томъ стужахъ Божеству, да явить ми, не туне ли мое бѣдное страданіе? И въ полунощи, всенощное чтушу ми наизусть святое евангеліе утреннее, надъ ледникомъ на соломя стоя, въ одной рубашкѣ, и безъ пояса, въ день Вознесенія Господня: и бысть въ дусѣ весь, и ста близъ мене по правую руку ангель мой хранитель, улыскася и приклоняся ко мнѣ и милъ ся дѣя. Мнѣ же чтушу святое евангеліе нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ изъ облака Госпожа Богородица яви ми ся, потомъ и Христосъ съ силами многими, и рече мнѣ: не бойся, Азъ есмь съ тобою! Мнѣ къ тому прочетшу къ концу святое евангеліе и рекшу: Слава Тебѣ, Господи! и падшу на землю и лежащу на многъ часъ. И егда отъиде слава Господня, востахъ и начахъ утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченная, ея же невозможно исповѣдати нынѣ“. Въ заключеніе этого разсказа о видѣніи, Аввакумъ пишетъ государю: „за любовь тебѣ Господню, Михайловичъ, сказано сіе, понеже хочу умереть. Да и молю тя о Христѣ, не повѣдай врагомъ моимъ никоніаномъ тайны сея, да не поругаютъ Христа Ісуса, Сына Божія и Бога. Глушы вѣтъ онѣ дураки, плюютъ и на самаго Бога нечестивые глаголы. Горе имъ бѣднымъ будетъ!“¹⁾ Послѣ такого чуднаго, поразительнаго видѣнія, всѣ сомнѣнія и колебанія конечно отлетѣли отъ Авакума, онѣ уже окончательно и навсегда увѣрился въ правотѣ избраннаго пути, въ своей несомнѣнной святости, и въ своемъ собственномъ представленіи, и въ мнѣніи своихъ послѣдователей, навсегда остался дѣйствительнымъ проропомъ, а не разстригой.

Увѣренно, много и охотно во всѣхъ своихъ писаніяхъ, рассказывая о своихъ чудесахъ и видѣніяхъ, о своей очевидной большой угодности предъ Господомъ Богомъ, Аввакумъ всетаки иногда приходитъ въ такое настроеніе, при которомъ какъ будто начинаетъ сознавать, что подобными разсказами онѣ переходитъ всякія границы самой невзыскательной скромности и что, пожалуй, и самимъ вѣрующимъ его ученикамъ, самовосхваляющіе разсказы его о бывшихъ съ нимъ чудесахъ могутъ показаться маловѣроятными, соз-

1) Мат. V, стр. 57, 60—61, 153—154.

данными его одностороннею, болѣзненно настроенною фантазіею, вездѣ видящій то, чего въ дѣйствительности не было, да и не могло быть. Въ рѣдкія минуты такой болѣе спокойной и трезвой настроенности Аввакумъ, рассказавъ о какомъ нибудь бывшемъ съ нимъ чудѣ, сейчасъ же стремится всячески унизить себя въ глазахъ своихъ почитателей—последователей, но дѣлаетъ это довольно своеобразно. Рассказавъ, какъ онъ было за обѣдомъ подавился, какъ окружающіе его старшіе домочадцы „колотили его много въ спину, да и покинули, не вижу ужъ людей и памяти не стало“, онъ затѣмъ сообщаетъ, что его небольшая младшая дочь, неожиданно для всѣхъ, „росбежався лохтишками своими ударила въ мою спину и крови печенье изъ горла рыгнуло и дашыть сталь“. Умиленный такимъ чудомъ протопопъ вдается, поѣтому поводу, въ такія назидательныя размышленія: „чудно гораздо сіе, старецъ, — промысль Божій ребенка наставилъ, пророка отъ смерти избавилъ. Дни съ три у меня зелень горькая изъ горла текла, не могъ ни ѣсть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался предъ Богомъ совѣстію своею... Не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворилъ во славу свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя... А ты су какой святой?.. И величаеся грязь худая: я су бѣсовъ изгонялъ, то, се дѣлалъ, а себѣ не могъ помощи, только бы не ребенокъ. Ну помни же себя, что нѣтъ тебя ни сошито, аще не Господь что сотворить“¹⁾. Въ этомъ, кажущемся смиренномъ сознаніи своей личной немощности и недостойности, однако такъ и сквозить, такъ, изъ за смиренныхъ словъ, и пробивается наружу самомнѣніе ослѣпленнаго своею святостію человѣка. Или, напримѣръ, Аввакумъ говоритъ о себѣ: „не знаю дни коротать какъ! Слабоуміемъ объять, и лицемѣріемъ и лжею покрыть есмь, братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во осужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю. И мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаянный,—прямое г...о! Отвсюду воняю,—душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиніями въ конурахъ: такъ де и онѣ воняютъ, что и моя душа, злосмрадною вонкою. Да свини и псы по естеству; а я отъ грѣховъ воняю, яко песъ

1) А. К. Бороздинъ: Прот. Аввакумъ, прил. стр. 115.

мертвой, поверженъ на улицѣ градъ. Спаси Богъ властей твоихъ, что землю меня закрыли! Себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблазню. Ей, добро такъ!“¹⁾ Но эти смиренныя изліянія, о своей грѣховности и ничтожности предъ Богомъ, дѣлаются Аввакумомъ только изъ приличія, съ плохо замаскированной цѣлю внушить читателю ту мысль, что де протопопъ чудотворецъ самъ-то о себѣ думаетъ невысоко, а наоборотъ,—очень смиренно и даже уничтожительно, только дѣла его, помимо его воли, невольно являются его великимъ и славнымъ угодникомъ Божиимъ. Но если бы кто и послѣ этого усумнился въ умѣстности разсказовъ Аввакума о своей святости, своихъ чудесахъ и видѣніяхъ, то это сомнѣніе окончательно уничтожалось тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь онъ—протопопъ Аввакумъ въ этомъ случаѣ только слѣдуетъ примѣру самихъ апостоловъ и особенно апостола Павла,—дѣяніе, поэтому, съ его стороны во все непредосудительнее. Вотъ какую рѣчь по этому поводу ведетъ о себѣ Аввакумъ: „Иное было, кажется, про житіе-то мнѣ и ненадобно говорить; да прочтохъ Дѣянія Апостольская и посланія Павловы,—Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаетъ въ нихъ. Не намъ, Богу нашему слава. А я ничто же есмь. Рекохъ и паки реку: азъ есмь человекъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ и всякому человеку, лицемеръ окаянный. Простите же и молитесь о мнѣ; а я о васъ долженъ, чтущихъ и слушающихъ. Болши того жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю: пускай Богу молятся о мнѣ! Въ день вѣка вси же тамъ познають содѣланная мною, или благая, или злая“. И сейчасъ же къ этому разсужденію о себѣ Аввакумъ присоединяетъ такое много-значительное замѣчаніе: „но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, яко же и Апостоль глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. гл. 11, ст. 6)“²⁾, т. е. что хотя онъ, протопопъ Аввакумъ, человекъ и неученый, но настоящую цѣну себѣ хорошо знаетъ. Понятно также, что приписывая себѣ небывалыя съ

¹⁾ Матер. V, стр. 95.

²⁾ Матер. V, стр. 90.

нимъ преступленія: убійство, воровство и пр. Аввакумъ прекрасно зналъ, что его почитатели ни чему этому не повѣрятъ, а только еще болѣе будутъ прославлять его за истинно-христіанское его смиреніе и самоуничженіе.

Повидимому простые, безыскусственные, и часто очень наивные, рассказы Аввакума о своихъ походахъ и страданіяхъ, о своихъ подвигахъ на защиту правой вѣры и истиннаго благочестія, всѣ имѣли однако одну очень ясную, опредѣленную практическую цѣль: показать и доказать читателямъ, что онъ—протопопъ Аввакумъ есть несомнѣнный избранникъ Божій, постоянно находящійся подъ высшимъ божественнымъ водительствомъ, что онъ человѣкъ высокой святой жизни, сподобившійся получить отъ Бога рѣдкій великій даръ чудотвореній, и что его—протопопа Аввакума, живущаго на землѣ, Господь Богъ прославляетъ однако такъ, какъ онъ прославляетъ другихъ угодниковъ Божіихъ только послѣ ихъ смерти. Протопопъ въ своихъ рассказахъ о себѣ, если такъ можно выразиться, самъ любуется на свою собственную необычайную святость, на свои необыкновенныя сверхъестественныя благодатныя дарованія, на свои подвиги и злостраданія за правую вѣру. Трудно найти въ исторіи другой примѣръ такого откровеннаго, беззащитнаго, публично заявляемаго сомнѣнія и самообожанія на почвѣ своей святости и угодности предъ Богомъ, трудно встрѣтить другого человѣка, находящагося въ здоровомъ умѣ, который бы, подобно протопопу Аввакуму, еще при жизни, публично, въ слухъ всѣхъ самъ себя, въ своихъ собственныхъ писаніяхъ, смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, прославлялъ какъ великаго чудотворца и несомнѣннаго великаго угодника Божія, а въ то же время считалъ бы себя истиннымъ, настоящимъ христіаниномъ, для котораго глубокое, постоянное и искреннее сознаніе своей немощности, своей полной грѣховности и недостойности предъ Богомъ, всегда и во всѣхъ положеніяхъ обязательно.

Съ другой стороны несомнѣнно и то, что самовосхваленіе и самопрославленіе въ рассказахъ Аввакума является у него не слѣдствіемъ его простоты и какой либо чисто дѣтской наивности, какъ это можно было бы подумать, а сознательнымъ хорошо обдуманымъ и рассчитаннымъ приѣмомъ про-

паганды. Всѣми разказами о своихъ чудесахъ, бывшихъ ему необыкновенныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, Аввакумъ преслѣдуетъ одну опредѣленную, ясно намѣченную имъ цѣль: убѣдить всѣхъ своихъ читателей, что истина, правда на сторонѣ его—протопопа Аввакума, такъ какъ за нимъ и всѣми его дѣйствіями стоятъ: самъ Господь Богъ, пресвятая Богородица, ангелы и всѣ святые; между тѣмъ какъ изъ за его противниковъ-никоніанъ обязательно, болѣе или менѣе замѣтно, всегда и во всемъ виднѣются: латиняне и другіе всевозможные древніе и новые еретики, антихристъ и даже самъ сатана. Понятно послѣ этого, что вѣрующимъ не зачѣмъ было задумываться или колебаться при рѣшеніи вопроса: гдѣ имъ и у кого слѣдуетъ искать святую спасающую человѣка истину, и гдѣ и у кого находятся только ложь, обманъ, погибель для души. Для нихъ, изъ разказовъ Аввакума, ясно становилось, за кѣмъ имъ слѣдуетъ идти: за святымъ-ли угодникомъ Божиимъ, такъ явственно и опредѣленно запечатлѣннымъ Божиимъ благоволеніемъ во всѣхъ его дѣлахъ и поступкахъ, или за его заклятыми врагами,—нечестивыми и прескверными никоніанами? Выборъ для всякаго настолько казался, и по мнѣнію самого Аввакума, очевиднымъ, что онъ самъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ въ чемъ либо представляетъ: или дураками, ничего незнающими и не понимающими въ божественномъ, или крайними нечестивцами, которымъ ихъ нечестіе закрываетъ очевидную истину; или гнусными еретиками, непосредственными орудіями самаго дьявола, который чрезъ нихъ борется съ вѣрными. Такимъ образомъ, всѣ разказы Аввакума о своей святости и чудесахъ, были въ высшей степени тенденціозны, явно преслѣдовали опредѣленную напередъ намѣченную цѣль: заставить своихъ читателей отвергнуть реформу Никона, какъ проявленіе высшаго и гибельнаго нечестія, и слѣдовать за нимъ—Аввакумомъ, такъ какъ только онъ именно ведетъ всѣхъ по истинному пути къ спасенію, и почему всякое несогласіе въ чемъ бы то ни было съ Аввакумомъ, непризнаніе его высшаго авторитета и руководства въ дѣлахъ вѣры и благочестія, есть прямое, очевидное отступленіе отъ самой Божественной истины, есть величайшее нечестіе.

Конечно на насъ, столь далекихъ отъ времени разкасчика,

столь далекихъ отъ уровня пониманія, взглядовъ и воспримчивости къ чудесному — сверхъестественному тогдашнихъ читателей и почитателей Аввакума, его рассказы о своихъ чудесахъ и видѣнїяхъ производятъ такое же впечатлѣнїе, какъ и всякіе дѣтскіе наивные рассказы, которые только дѣтскимъ живымъ воображеніемъ могутъ приниматься за реальную живую дѣйствительность. А если они и сейчасъ читаются и нами съ большимъ интересомъ, то только какъ очень яркое, очень колоритное отраженіе пониманія, возрѣвнїи и настроенности извѣстной эпохи. Не такими они были въ глазахъ тогдашнихъ читателей Аввакума, проникнутыхъ тѣмъ же житійнымъ міросозерцаніемъ, тою же предрасположенностію и воспримчивостію ко всему чудесному и сверхъестественному въ сферѣ религиозныхъ вѣрованій и убѣжденій, тою же вѣрою, что весь міръ, такъ сказать, кишитъ всякими бѣсами, которые постоянно вмѣшиваются въ жизнь каждаго человѣка, внося въ нее все дурное и нечистое, и что для борьбы съ ихъ тлетворнымъ вліяніемъ нужна особая благодатная чудодѣйственная сила, — на такихъ читателей рассказы Аввакума производили очень сильное впечатлѣнїе, и сильно вооружали ихъ противъ церковной реформы Никона. Когда, напримѣръ, Аввакумъ, находясь въ заключеніи въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, исцѣлилъ тамъ бывшаго своего оскорбителя келаря Никодима, явившись ему во снѣ, то слава объ немъ, какъ великомъ чудотворцѣ и страдальцѣ, быстро распространилась всюду. „Людіе же, повѣствуетъ Аввакумъ, безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня: азъ ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ Божиимъ. Въ тѣ времена и врази кои были и тѣ примирися тутъ“. А если бы кто усумнился въ рассказахъ Аввакума о бывшихъ съ нимъ чудесахъ и знаменіяхъ, то его великія страданія, которыя были уже вполнѣ реальны и у всѣхъ на глазахъ, — эти страданія заглушали сомнѣнія скептиковъ и привлекали къ нему очень и очень многихъ.

Такимъ образомъ Аввакумъ самъ считалъ себя человекомъ, призваннымъ Богомъ на борьбу за правую вѣру, которая гибнетъ отъ никоніанскихъ реформъ, и что Господь посылаетъ ему особая знаменія и видѣнїя, творить ради его очевидныя чудеса. Понятно само собою, что такой чело-

вѣкъ не можетъ, во первыхъ, погрѣшать и заблуждаться въ дѣлахъ вѣры и благочестія,—Господь не допуститъ его до этого; во вторыхъ, такой человѣкъ не можетъ и ослабѣвать въ борьбѣ, оставлять ее подъ какимъ либо предлогомъ, не можетъ изъ своихъ правыхъ убѣжденій поступиться хотя бы самымъ повидимому малымъ и незначительнымъ, не можетъ идти ни на какіе компромиссы со своими противниками, такъ какъ это бы означало измѣнить своему призванію, обмануть и оскорбить призвавшаго его Господа, и навѣки погубить великое святое дѣло и самого себя. Въ виду этого Аввакумъ долженъ былъ идти всегда, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, только однимъ путемъ, пройти его, не останавливаясь, до конца, несмотря ни на какія скорби, лишенія, страданія и казни; онъ постоянно долженъ былъ быть готовъ отдать за свое дѣло самую свою жизнь, лишь бы только остаться во всемъ вѣрнымъ до конца своему великому и святому призванію. Понятно также и то, что разубѣдить этого человѣка въ томъ, что онъ считалъ своимъ призваніемъ, что онъ принималъ за истину, заставить его въ чемъ либо измѣнить разъ усвоенныя имъ воззрѣнія и убѣжденія, было дѣломъ совсѣмъ безнадежнымъ: это бы значило для Аввакума родиться вновь, а такое новое рожденіе было для него невозможно, такъ какъ ни въ его прошломъ, ни въ его настоящемъ, ни въ строѣ и характерѣ всей его духовной природы, не было къ тому рѣшительно никакихъ данныхъ. Основные принципы всей своей жизни и дѣятельности, которымъ онъ никогда не измѣнялъ, формулированы имъ ясно, твердо и опредѣленно: „мучься за сложеніе персть, не разсуждай много!.. Держу до смерти якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ. До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ!.. Не передвигаемъ вещей церковныхъ съ мѣста на мѣсто. Идѣже святіи положиша что, то тутъ и лежи. Иже что, хотя малое перемѣнить, да будетъ проклятъ!.. Держи, христіанинъ, церковная неизмѣнно, и благословенъ будеши Богомъ и нами грѣшными.. Отдайте матери нашей (т. е. церкви) имѣніе все, и азъ—отъ, которой передвинули на иное мѣсто, положите на старомъ мѣстѣ, гдѣ отъ святыхъ отецъ положенъ былъ“¹⁾. Очевидно

¹⁾ Матер. V, 89, 220, 275, 368, 84. Подъ *азомъ*, передвинутымъ никоніа-

ни на какія новшества, ни на какое усвоеніе новаго круга понятій, болѣе широкихъ воззрѣній и пониманія церковности, Аввакумъ не былъ способенъ,—Аввакумъ и новшества, это—два понятія совершенно несомѣстимыя, какъ исключаютъ себя взаимно.

А между тѣмъ царь нарочно вызвалъ Аввакума изъ Сибири въ Москву. Зачѣмъ его, противника церковной реформы, сюда вызвали?

Думать, что Аввакума вызвала въ Москву боярская, враждебная Никону, придворная партія, чтобы усилить себя этимъ заклятымъ врагомъ Никона, нѣтъ ни какихъ серьезныхъ основаній. Аввакумъ воротился въ Москву только въ 1664 году, когда о возвращеніи Никона на патріаршую кафедру нельзя было уже и думать, когда въ Москвѣ уже велись дѣятельные переговоры о приглашеніи самихъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ и когда, слѣдовательно, судьба Никона, какъ патріарха, предрѣшена была окончательно и безповоротно и онъ ничѣмъ не могъ быть опасенъ для бояръ. Присутствіе Аввакума въ Москвѣ, въ связи съ положеніемъ дѣла Никона, ничего новаго и цѣннаго не могло дать, и потому его вызовъ въ Москву, по поводу дѣла Никона, являлся совершенно безцѣльнымъ. Нельзя думать и того, что Аввакума вызвали въ Москву въ цѣляхъ вознаграждать его за суровую расправу съ нимъ Никона. Для этого не зачѣмъ было вызывать Аввакума именно въ Москву, а можно было оставить его соборнымъ протопопомъ въ Тобольскѣ, чѣмъ онъ, повидимому, былъ до своей ссылки въ Дауры, тѣмъ болѣе что Аввакумъ никогда не былъ московскимъ протопопомъ, а проживалъ ранѣе въ Москвѣ случайно, какъ безмѣстный протопопъ. Между тѣмъ, спустя уже несколько лѣтъ послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедры, Аввакумъ, самимъ государемъ, былъ вызванъ въ Москву и вызванъ, конечно, съ особою цѣлію.

Мы знаемъ, что царскій духовникъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, во все время своей жизни старался примирить съ Никономъ его главнаго и вліятельнѣйшаго тогда

нами на другое мѣсто, конечно разумѣется *азъ*, находившійся въ символѣ, до его исправленія при Никонѣ, въ словахъ: „рожденна, а не сотворенна“.

врага—Иоанна Неронова, но умеръ не достигнувъ этой цѣли. Мы знаемъ, что миротворческая роль Стефана находила себѣ полную поддержку и одобреніе со стороны царя, который, въ интересахъ мира, даже прикрывалъ Неронова отъ розысковъ разгнѣваннаго Никона и, послѣ смерти Стефана, стремился осуществить его всегдашнее желаніе: примирить Неронова съ Никономъ. Къ великому удовольствію царя и, конечно, при такомъ или иномъ его содѣйствіи, Нероновъ примирился если не лично съ Никономъ, то съ церковію, тѣмъ болѣе что до поры до времени ему разрѣшено было служить по старымъ служебникамъ. Это примиреніе Неронова имѣло въ глазахъ царя очень важное значеніе. Нероновъ былъ, какъ мы знаемъ, очень видный и вліятельный человѣкъ, имѣвшій за собою многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей. Естественно было, что его примиреніе повело за собою и примиреніе съ церковію многихъ его послѣдователей, которые пошли въ этомъ дѣлѣ по слѣдамъ своего главы и учителя. Острое противодѣйствіе церковной реформы начало въ Москвѣ по немногу затихать, сглаживаться, и впереди многими, и конечно царю, уже виднѣлся полный миръ церкви и, въ концѣ, постепенное всеобщее признаніе совершенныхъ церковныхъ реформъ. И вотъ въ это время въ Москвѣ получаютъ вѣсти, что въ Сибири огнепальный ссыльный протопопъ Аввакумъ всюду громить никоніанскія новшества, призываетъ всѣхъ стать на защиту родной поруганной святой старины, что онъ находитъ себѣ всюду многочисленныхъ послѣдователей и что его призывъ къ борьбѣ съ новаторами и развратителями церкви встрѣчаетъ полное сочувствіе у очень многихъ. Значить, съ Нероновымъ дѣло уладили, а на его мѣсто явился другой, можетъ быть еще болѣе сильный и опасный борецъ. Царь ранѣе лично нѣсколько зналъ Аввакума, зналъ его какъ человѣка строгой благочестивой жизни, всецѣло преданнаго церкви, готоваго всячески постоять, какъ тогда говорили, за церковные догматы, или, что тоже, за церковные обряды, и потому увидѣлъ въ немъ человѣка очень опаснаго для мира всей церкви. Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ и Аввакума примирить съ церковною реформою такъ же, какъ онъ ранѣе примирилъ съ нею Неронова, даже подъ условіемъ сдѣлать Аввакуму ту же уступку, какая была сдѣлана Неронову, т. е. дозволить

ему служить по старымъ служебникамъ. Въ этихъ именно видахъ царь и рѣшилъ вызвать Аввакума въ Москву. Это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ того приема, какой Аввакуму сдѣланъ былъ въ Москвѣ, и изъ многочисленныхъ посылокъ царемъ разныхъ лицъ уговаривать Аввакума соединиться съ церковію.

Аввакумъ, недогадывавшійся зачѣмъ царь изъ Сибири вызвалъ его въ Москву, рассказываетъ, какъ его приняли въ Москвѣ и какъ къ нему здѣсь относились, слѣдующее: „къ Москвѣ пріѣхалъ, и яко ангела Божія пріяша мя государь и бояра—всѣ мене рады! Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ: онъ самъ изъ полатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ мене, и учили говорить съ нимъ много,—три дни и три нощи домой меня не отпустилъ, и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ велѣлъ поставить, и слова милостивые говорилъ: здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ! И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволить Богъ! Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошолъ куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить! Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ полворѣ въ Кремли, и въ походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а самъ говорилъ: благослови-де меня и помолися о мнѣ! И шапку въ иную пору мурманку, снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ! И изъ кореты высунется бывало ко мнѣ. Таже и вси бояра, послѣ его, челомъ: протопопъ, благослови и молися о насъ! Какъ мнѣ су царя того и боярь тѣхъ не жалѣтъ! Жаль о су! видишь, каковы были добры! Да и нынѣ онъ не лихи до мене; діаволъ лихъ до мене, а человекѣки вси до мене добры. Давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, *что бѣ я съ ними соединился съ вѣрть*; азъ же сія вся яко уметы вмѣнилъ, да Христа пріобрѣящу, и смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ“¹⁾. Итакъ самъ Аввакумъ признаетъ, что въ Москвѣ, послѣ его возвращенія, къ нему отнеслись—и царь и бояре—особенно внимательно и ласково, и что ему предлагали какое угодно мѣсто, даже мѣсто царскаго духовника, но только подѣ од-

¹⁾ Матер. V, 59—60.

нимъ непремѣннымъ условіемъ: „что бѣ я съ ними соединился въ вѣрѣ“. Аввакумъ отказался. Но простымъ отказомъ онъ не ограничился, а вскорѣ подаль государю особую челобитную, въ которой выразилъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе церковныхъ дѣлъ и свое отношеніе къ нимъ.

Въ своей челобитной Аввакумъ обращается къ царю: „Государь нашъ свѣтъ! что ти возглаголю, яко отъ гроба оставъ изъ далняго заключенія, отъ радости великія обливаяся многими слезами,—свое ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ свѣту, или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ—свѣту? Я чаялъ, живучи на востокѣ въ смертѣхъ многихъ, тишину здѣсь въ Москвѣ быти; а нынѣ увидѣлъ церковь паче и прежняго смущенну... Воистинно, государь, смущенна церковь“. И чтобы вѣрнѣе повліять на царя и заставить слѣдовать за собою, Аввакумъ прибѣгаетъ къ обычному своему средству: рассказываетъ царю про одно видѣніе, которое „показалъ ему Богъ“ еще въ Тобольскѣ и изъ котораго царь ясно долженъ былъ увидѣть, что церковныя реформы Никона противны Богу, такъ какъ безчестятъ Духа Святаго и Христа: „неистинна глаголють Духа Святаго быти и Христа Сына Божія на небеси не царя быти во исповѣданіи своея вѣры.“ Желая затѣмъ подѣйствовать на царя, какъ на правителя государства, заботящагося о благѣ, покоѣ и мирной жизни своихъ подданныхъ, Аввакумъ увѣряетъ его, что именно ради реформъ Никона государство подверглось въ послѣднее время различнымъ бѣдствіямъ. „Моровое повѣтріе, говоритъ онъ, немало намъ знаменіе было отъ никовыхъ затѣкъ, и агарянской мечъ стоитъ десять лѣтъ безпрестано, отнелѣже раздралъ онъ церковь“. И вспоминая старину, когда на царя имѣлъ особенно сильное вліяніе покровитель и благодѣтель Аввакума—царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ, онъ говоритъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко все быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе. Тебѣ—свѣту самому житіе ево вѣстно“. Снова обращаясь къ современному положенію церковныхъ дѣлъ. Аввакумъ рѣшительно заявляетъ: „увы души моей бѣдной! Лучши бы мнѣ въ пустыни Даурской, со звѣрми живучи,

конецъ пріяти, нежели нынѣ слышу во церквахъ Христа моего глаголющей невоскресша. Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ доуки нашей. Государь—свѣтъ, православный царь! Не сладко и намъ, егда ребра наша ломають и, развязавъ насъ, кнутѣемъ мучать, и томятъ на морозѣ гладомъ. А все церкви ради Божія стражемъ. Изволи, государь, съ долготерпѣніемъ послушать, и я тебѣ—свѣту о своихъ бѣдахъ и напастехъ возвѣшу немного.“ Затѣмъ онъ коротко описываетъ тѣ страданія, лишенія и истязанія, какія онъ потерпѣлъ отъ другихъ за разное время своей жизни, до своего послѣдняго прибытія въ Москву, и потомъ говорить царю: „а душа моя пріяти ево (Никона) новыхъ законовъ незаконныхъ не хочетъ. И во откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ Никонъ. Аще и льститъ тебѣ, государю—свѣту, яко Арій древнему Константину; но погубилъ въ Руси всѣ твои государевы люди душею и тѣломъ, и хотящии ево новыя законы пріяти на страшнемъ судѣ будутъ слыть *никоніане*, яко древніе *аріане*. Христа онъ, Никонъ, не исповѣдуетъ въ плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти и воскресеніе ево, яко іудѣи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго; и сложеніе креста въ перстѣхъ разрушаетъ; и истинное метаніе въ поклонахъ отсѣкаетъ, и многихъ ересей люди Божія и твоя наполнилъ; индѣ напечатано духу лукавому молимся.“ Выказавши главныя обвиненія противъ реформъ Никона, показавъ ихъ нечестіе и еретичество, Аввакумъ подходитъ къ конечной главной цѣли своей челобитной. „Охъ души моей и горе! восклицаетъ онъ. Говорить много не смѣю, тебя бы свѣта не опечалить; а время отложить служебники новыя и всѣ его никоновы затѣйки дурныя! Воистинно, государь, заблудилъ во всемъ, яко Ѳармосъ древней. Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не приде, и огонь съ небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло. А когда сіе злое кореніе исторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде никонова патріаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставишь и сподобитъ насъ получитьи вѣчная благая“. Въ заключеніе своей челобитной Аввакумъ выражаетъ царю свое желаніе: „но желаю наединѣ, пишетъ онъ,

свѣтлоносное лице твое зрѣти и священнолѣпныхъ устѣ твоихъ глаголь нѣкій слышати мнѣ на пользу, какъ мнѣ жити“¹⁾.

Эта челобитная показала государю, что Аввакумъ крѣпкій, убѣжденный сторонникъ русской церковной старины, и что онъ добивается собственно полной отмѣны произведенной церковной реформы и всецѣлаго возвращенія къ старымъ церковнымъ порядкамъ, при которыхъ „никоновы затѣйки“ не имѣли бы мѣста. Само собою понятно, что если Аввакумъ въ такомъ духѣ писалъ самому царю, то тѣмъ болѣе рѣшительно и настойчиво онъ проводилъ свои излюбленныя идеи среди своихъ почитателей и всѣхъ вообще, кто только желалъ слушать его рѣчи, а такихъ людей находилось въ Москвѣ очень много, даже въ высшемъ московскомъ боярскомъ кругу, съ которымъ Аввакумъ имѣлъ близкія и широкія связи. И вотъ въ начинавшее было нѣсколько успокоиваться московское общество, пропагандой Аввакума снова внесена была смута, снова стали возникать горячіе споры по разнымъ церковнымъ вопросамъ, снова разыгрывались страсти, снова начались усиленныя отпаденія отъ церкви,—миръ церкви, и въ самой Москвѣ, опять былъ нарушенъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ царь послалъ отъ себя къ Аввакуму Радіона Стрѣшнева уговаривать протопопа, чтобы онъ не говорилъ и не возставалъ противъ произведенной церковной реформы, или, какъ выражается самъ Аввакумъ, „что бѣ я молчалъ“. На этотъ разъ Аввакумъ какъ будто нѣсколько поддался увѣщаніямъ. „И я, говоритъ онъ, потѣшилъ его: царь то есть отъ Бога учиненъ, а се добренекъ до мене,—чаялъ либо помаленку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ Дворѣ книги править: и я радъ силно—мнѣ то надобно лутче и духовничества²⁾. Пожаловалъ (царь), ко мнѣ прислалъ 10

¹⁾ Матер. V, стр. 119—132.

²⁾ Заявленіе Аввакума, что будто бы ему посулили посадить его на Печатномъ Дворѣ, т. е. хотѣли передать въ его руки книжную справу, рѣшительно невѣроятно, такъ какъ Аввакумъ, не умѣвшій отличить простую типографскую опечатку отъ настоящаго текста, менѣе всего, конечно, годился въ справщики, не говоря уже о томъ, что пригласить его въ справщики, значило бы отказаться отъ церковной реформы, что было тогда невозможно. Очевидно въ Москвѣ, при видѣ ласково-вниматель-

рублевъ денегъ, царица 10 же рублевъ денегъ, Лукіанъ духовникъ 10 рублевъ денегъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же; а дружище наше старое Ѳеодоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть: а про иныхъ нечего и сказывать: всякъ тащитъ, да несетъ всячиною! У свѣта у Ѳеодосіи Прокопьевны Морозовой не выходя жилъ во дворѣ: понеже дочь моя духовная, и сестра ея княгиня Евдокія Прокопьевна дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославскіе покойницы всегда же въ дому былъ. А къ Ѳеодору Ртищеву бранитца со отступниками ходилъ. Да такъ то съ полгода жилъ“ ¹⁾).

Но долго выдержать своего молчанія Аввакумъ не могъ. Кругомъ его шли горячіе споры, происходили волненія, а онъ, главный виновникъ этихъ споровъ и волненій, молчитъ и спокойно смотритъ, какъ оуждаемые имъ новые церковные порядки все болѣе широко и прочно водворяются въ московскомъ обществѣ, а порядки старые все болѣе исчезаютъ изъ церковной жизни. При такихъ условіяхъ, казалось ему, молчать невозможно, и Аввакумъ снова выступилъ въ привычной ему роли неутомимаго борца за старину противъ „никоновскихъ затѣекъ“. „Вижу, говоритъ онъ, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ: паки заворчалъ,—написалъ царю многогко-таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ, и мати нашу общую святую церковь отъ ересей оборонилъ, и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. И егда письмо изготавилъ, занемоглось мнѣ гораздо, и я выслалъ царю на переѣздѣ съ сыномъ своимъ духовнымъ Ѳеодоромъ юродивымъ, что послѣ отступники удавили его Ѳеодора на Мезени, повѣся на висѣлицу“. Очень можетъ быть, что къ этой челобитной, которая не дошла до насъ, Аввакумъ присоединилъ еще списокъ тѣхъ лицъ, которые, по его мнѣнію, пригодны были бытъ

наго отношенія царя къ Аввакуму, составлялись разныя предположенія относительно того, какое мѣсто и положеніе займетъ теперь въ Москвѣ Аввакумъ, а онъ подхватывалъ эти толки и предположенія, и принималъ ихъ за намѣренія самаго правительства, которое ихъ вовсе не имѣло.

¹⁾ Матер. V, 65—66.

архіереями на той или другой каедрѣ. По крайней мѣрѣ въ послѣдствіи у игумена Теокиста взята была „протопопова (Аввакума) къ великому государю роспись—кто въ которые владыки годятца“, писанная Аввакумомъ за это время. Изъ челобитной и „росписи“ царь ясно увидалъ, что Аввакумъ не только не мирится съ новыми церковными порядками, не только стремится возстановить старое, но что онъ дерзко вмѣшивается въ самое церковное управленіе, по своимъ цѣлямъ и вкусамъ намѣчаетъ въ архіереи своихъ, преданныхъ старинѣ, лицъ, что онъ думаетъ и стремится верховодить всѣми церковными дѣлами, направлять ихъ по своимъ вкусамъ и идеаламъ. Это было уже слишкомъ, и царь снова охладѣваетъ къ протопопу. Разказавъ о подачѣ имъ царю второй челобитной, чрезъ юродиваго Теодора, Аввакумъ говоритъ далѣе: „и съ тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталъ. Не любо стало, какъ опять я сталъ говорить. Любо имъ, какъ молчу; да мнѣ такъ не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня, и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже раби Христови многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной ихъ службѣ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: власти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустишилъ; поѣдь-де въ ссылку опять. Сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень... А я по городамъ паки людей Божіихъ училъ, а ихъ пестробразныхъ звѣрей обличалъ“ ¹⁾).

Попытка царя Алексѣя Михайловича примирить Аввакума съ церковію, заставить его хотя бы въ извѣстной части признать совершенныя Никономъ церковныя реформы, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на Аввакума ласкою, особымъ вниманіемъ къ нему, своею царскою милостію и уговорами, не имѣла успѣха. Аввакумъ остался твердъ и непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не хотѣлъ и въ чемъ либо маломъ поступиться ими.

Но и послѣ этой неудачи, Алексѣй Михайловичъ всетаки еще не терялъ надежды повліять на Аввакума въ смыслѣ примиренія его съ церковію. И по личнымъ побужденіямъ, и уступая просьбамъ и ходатайствамъ московскихъ друзей

¹⁾ Матер. V, стр. 67—67.

и почитателей Аввакума, онъ согласился на его пребываніе въ Мезени, вмѣсто Пустозерска, куда собственно Аввакумъ былъ сослалъ. Здѣсь Аввакумъ прожилъ полтора года и, 1-го марта 1666 года, былъ привезенъ въ Москву для соборнаго суда надъ нимъ и его единомышленниками, причемъ его скованнымъ предварительно помѣстили въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, гдѣ онъ прожилъ десять недѣль. Здѣсь, по его словамъ, по порученію царя, снова стали его уговаривать: „соединись съ нами Аввакумушко! А я, говоритъ Аввакумъ, отрицаюся, что отъ бѣсовъ; а онѣ лезуть въ глаза!“ Увѣщавшій его ярославскій дьяконъ Козьма, послѣ явнаго увѣщанія, втайнѣ однако поддерживалъ Аввакума. „Козма той, говоритъ Аввакумъ, не знаю коего духа человѣкъ: въявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сиче говоря; протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца притерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя; Никонъ опуталъ меня! Просто молвить: отрекся предъ Никономъ Христа, такъ же уже, бѣдный не можетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ его горюна: больши того нечего мнѣ дѣлать съ нимъ, вѣдаетъ то Богъ, что будетъ съ нимъ“. Наконецъ рѣшено было Аввакума разстричь, для чего его снова привезли въ Москву, при чемъ, замѣчаетъ онъ, „въ крестовой стязався власти со мною“ т. е. тоже пытались его уговаривать, и только послѣ неуспѣха этихъ уговоровъ, его, вмѣстѣ съ дьякономъ Федоромъ, разстригли и проклинали. „А я, говоритъ Аввакумъ, ихъ проклиналъ сопротивъ. Зѣло было мятежно въ обѣдню ту тутъ“. Когда Аввакума, послѣ разстриженія, посадили на Угрѣшу, „царь, рассказываетъ онъ, приходилъ въ монастырь: около темницы ходилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Кажется потому и жаль ему меня; да что,—воля Божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время велико нестроеніе у нихъ бысть съ царицею покойницею; она за насъ стояла тогда, миленькая, напоследокъ и отъ казни отпросила меня“. Послѣ осужденія Аввакума и восточными патріархами, когда его держали то на Угрѣшѣ, то привозили въ Москву, царь посылалъ къ нему всевозможныхъ лицъ снова его уговаривать, чтобы онъ подчинился восточнымъ

патріархамъ и примирился съ церковію: въ числѣ посланныхъ отъ царя для увѣщаній Аввакума были и архіереи—крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, и свѣтскія лица—дьякъ Дементій Башмаковъ и бояринъ Артамонъ Матвѣевъ. Всѣ они уговаривали Аввакума „соединиться со вселенскими тѣми хотя небольшимъ чѣмъ“. Но Аввакумъ отвѣчалъ на это посланнымъ царя: „аще и умрети ми Богъ изволитъ, со отступниками не соединяюся! Ты, реку, мой царь; а имъ до меня какое дѣло? Своего, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюда приволоклися“. Разъ бояринъ Матвѣевъ явился къ Аввакуму съ знаменитымъ тогда у насъ ученымъ старцемъ—Симеономъ Полоцкимъ, и между нимъ и Аввакумомъ, по словамъ послѣдняго, „зѣло было стязаніе много: разошлись яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ (Полоцкій) мнѣ говорилъ: острога, острога тѣлеснаго ума! да лихо упрямество; а се не умѣеть науки!“ Въ послѣдній разъ Матвѣевъ, будучи у Аввакума, то уговорами, то угрозами, старался склонить его къ примиренію. Но всѣ старанія Матвѣева были напрасны: Аввакумъ остался непреклоненъ и на уговоры Матвѣева рѣзко заявилъ: „мнѣ кое общеніе, яко свѣту со тмою, или Христу съ Велиаромъ?“ Матвѣевъ окончательно убѣдился, что никакое примиреніе съ Аввакумомъ невозможно. Оставляя его, онъ „сквозь зубовъ молвилъ: намъ-де съ тобою не сообшно“. Послѣ этого царь прекратилъ всѣ дальнѣйшія попытки примирить съ церковію Аввакума и уже никогда болѣе не возобновлялъ ихъ,—онъ теперь предоставилъ Аввакума его собственной судьбѣ ¹⁾.

Если Алексѣй Михайловичъ употреблялъ съ своей стороны всевозможныя усилія примирить Аввакума съ церковію и тѣмъ заставить его бросить протестъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ, то онъ, такъ сказать, ухаживалъ въ этомъ случаѣ за Аввакумомъ, такъ дорожилъ его примиреніемъ съ церковію, конечно не изъ личныхъ только симпатій и расположенія къ Аввакуму, но и по мотивамъ болѣе глубокимъ и широкимъ, при которыхъ личныя его симпатіи и антипатіи совсѣмъ отодвигались на задній планъ. Послѣ удаленія Никона съ патріаршей кафедры царь Алексѣй

¹⁾ Ibid. стр. 68—71, 81, 118.

Михаиловичъ сдѣлался фактическимъ, дѣйствительнымъ патріархомъ т. е. фактическимъ дѣйствительнымъ главою и управителемъ русской церкви, судьбы которой теперь всѣцѣло находились только въ его рукахъ. Онъ охотно и со всею энергіею, на какую былъ только способенъ, принялся за устройство расшатавшихся послѣ Никона церковныхъ дѣлъ. Человѣкъ очень умный, осторожный и тактичный, не любившій дѣйствовать, подобно Никону, круто и напроломъ, пуская въ ходъ только свою власть и внѣшнія принужденія, Алексѣй Михаиловичъ старался дѣйствовать на взволнованное никоновскими реформами общество умиряющимъ и успокоивающимъ образомъ, постепенно приучая его и примиряя съ новыми порядками. Поклонники старины не подвергались прежнимъ беспощаднымъ преслѣдованіямъ и насиліямъ за ихъ убѣжденія, они даже пользовались значительною свободою; но отъ нихъ только обязательно требовалось, чтобы они открыто не возставали противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и не хулили ихъ. Въ московскомъ обществѣ дѣйствительно началось было нѣкоторое успокоеніе, особенно послѣ примиренія съ церковію Неронова. Алексѣй Михаиловичъ прекрасно понималъ, какую громадную, важную и вліятельную силу для общества представляетъ изъ себя горячій, энергичный, опытный и закаленный въ борьбѣ протопопъ Аввакумъ, и какъ важно было бы утилизировать эту крупную силу въ интересахъ мира и спокойствія церкви. Онъ вѣрно рассчитывалъ, что если бы ему удалось привлечь на свою сторону Аввакума, то протестъ противъ церковныхъ реформъ потерялъ бы въ немъ своего авторитетнаго главу, свою важнѣйшую силу и опору, а вмѣстѣ и остроту;—тогда, при тактичномъ и мягкомъ образѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, относительно приверженцевъ старины, можно было бы рассчитывать на ихъ постепенное примиреніе съ церковію, можетъ быть и въ недалекомъ будущемъ. Въ этихъ именно видахъ Алексѣй Михаиловичъ вызвалъ Аввакума изъ Сибири и всячески старался въ Москвѣ сдѣлать его безвреднымъ для дѣла церковныхъ реформъ, конечно вовсе не считывая встрѣтить въ Аввакумѣ непреодолимое упорство, неспособное ни на какія уступки. Думать такъ Алексѣй Михаиловичъ имѣлъ всѣ данныя, такъ какъ въ Москвѣ, даже сами приверженцы и поклонники Аввакума, были очень не-

довольны его рѣзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ, и выражали ему за это свое порицаніе. Въ письмѣ съ Мезени къ игумену Теокисту Аввакумъ пишетъ: „отче Теокисте и вся братія! Я, протопопъ Аввакумъ, предъ Богомъ и предъ вами согрѣшилъ и истину повредилъ: простите мя безумнаго и неразумнаго, имущаго ревность Божію не по разуму. Глаголете ми, яко много вредится истина и лучше бы мнѣ умереть въ Даурахъ, а нежели бы мнѣ быть у васъ на Москвѣ. И то, отче, не моею волею, но Божіею до сего времени живу. Я что я на Москвѣ гной расшевелилъ и еретиковъ раздражилъ своимъ прїѣздомъ изъ Дауръ: и я въ Москву прїѣхалъ прошлаго году не самозванъ, но призванъ благочестивымъ царемъ и привезенъ по грамотамъ. Ушъ то мнѣ такъ Богъ изволилъ быть у васъ на Москвѣ. Не кручинтесь на меня Господа ради, что моего ради прїѣзда стражете. Аще Богъ по насъ, кто на ны? Кто поемлетъ на избранныя Божія?“¹⁾ Значитъ, Аввакуму приходилось усиленно оправдываться въ своемъ московскомъ поведеніи даже предъ своими собственными послѣдователями и единомышленниками и, значитъ, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ основанія рассчитывать на успѣхъ, дѣйствуя относительно Аввакума мягкимъ, примиряющимъ образомъ. И только послѣ усиленныхъ и настойчивыхъ дѣйствій въ этомъ направленіи, убѣдившись въ невозможности обратить Аввакума, царь прервалъ съ нимъ всякія сношенія и, на этотъ разъ, уже навсегда.

Въ Москвѣ отъ Аввакума требовали, чтобы онъ примирился съ церковною реформою Никона. Но для Аввакума это бы значило отказаться отъ признанія себя нарочитымъ избранникомъ и посланникомъ Божіимъ, человѣкомъ, находящимся подъ особымъ водительствомъ неба; значило признать, что онъ обманывался въ бывшихъ ему божественныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, что онъ постоянно обманывалъ, какъ человѣкъ самообольщенный, и всѣхъ своихъ учениковъ и послѣдователей, когда, въ подтвержденіе истины своей проповѣди, ссылался на бывшія съ нимъ знаменія и чудеса; это бы значило признать себя неправымъ, заблудившимся при выборѣ пути для своего спасенія, а своихъ противни-

¹⁾ Матер. V, стр. 158—159.

ковъ, которыхъ онъ столько лѣтъ всюду и всегда такъ горячо и настойчиво громилъ и бичевалъ, правыми, болѣе его разумными и свѣдущими въ дѣлахъ благочестія, лучше его понимающими тѣ пути и средства, которыя приводятъ человѣка ко спасенію; это бы значило для Аввакума цѣлые годы всевозможныхъ лишеній и страданій, не своихъ только, но и своей семьи,—свою многолѣтнюю, неустанную борьбу съ никоніанствомъ, свои горячія проповѣди къ народу съ призывомъ до смерти постоять за святую родную старину, признать роковою ошибкою, и тѣмъ собственными руками окончательно поставить крестъ на своей многолѣтней подвижнической и, казалось ему, столь славной и полезной для всѣхъ жизни и дѣятельности. Но это было выше силъ Аввакума, — онъ не могъ отказаться отъ самого себя. Болѣе чѣмъ десятилѣтняя ссыльная жизнь въ Сибири сдѣлала для него такой поворотъ невозможнымъ, и онъ смѣло и рѣшительно пошелъ по своему прежнему пути, только сдѣлавшись еще болѣе неуступчивымъ, непримиримымъ и фанатичнымъ.

Если царь Алексѣй Михайловичъ, вызывая Аввакума изъ Сибири въ Москву, имѣлъ въ виду примирить Аввакума съ церковною реформою Никона и тѣмъ сдѣлать его, въ известной степени, орудіемъ для примиренія всего общества съ новыми церковными порядками и водворенія всеобщаго церковнаго мира; то и Аввакумъ, возвращаясь изъ Сибири въ Москву, имѣлъ, съ своей стороны, тоже особые виды на царя: онъ хотѣлъ убѣдить Алексѣя Михайловича отложить всѣ „никоновы затѣйки“ и заставить его всецѣло воротиться къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ.

На пути въ Москву изъ Сибири Аввакумъ, по его собственнымъ словамъ, „по весямъ и по селамъ, во церквахъ и на торгахъ кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча и обличая безбожную лесь“, и думалъ, что новымъ никоновскимъ порядкамъ теперь уже пришелъ конецъ. Но въ Москвѣ онъ нашелъ совсѣмъ другое: „увидѣлъ церковь паче и прежняго смущену“. Очевидно въ Москвѣ не только не думали о возстановленіи старины, но, какъ мы видѣли, и его Аввакума задумали было привлечь къ никоновскимъ новшествами и, во всякомъ случаѣ, настаивали, чтобы онъ не

порицалъ и не хулилъ ихъ—этого требовалъ самъ царь, возвратившій его изъ ссылки. Аввакумъ на время дипломатично было замолчалъ, имѣя на то свои расчеты: „чаялъ либо помаленку (царь) исправится“, замѣчаетъ онъ. Въ видахъ исправленія царя и возвращенія его къ старому благочестію, Аввакумъ подаетъ государю челобитныя, съ цѣлью разъяснить ему истинное положеніе церковныхъ дѣлъ и сообщить ему на нихъ свой правильный взглядъ, затемненный въ царѣ вліяніемъ Никона. Но царь не только остается глухъ къ его заявленіямъ, а все чаще и чаще присылаетъ къ нему разныхъ лицъ съ настойчивымъ предложеніемъ подчиниться церкви. Аввакумъ рѣшительно отказывается, но одному изъ посланныхъ поручаетъ передать царю: „я (т. е. Аввакумъ) не сведу рукъ съ высоты небесныя дондеже Богъ тебя (т. е. царя) отдастъ мнѣ“, т. е. Аввакумъ выражаетъ твердую надежду, что онъ, съ теченіемъ времени, всетаки обратитъ царя на истинный путь, съ котораго тотъ сошелъ благодаря Никону. Этой надежды Аввакумъ не покинулъ совсѣмъ и послѣ своего заточенія въ Пустозерскъ, какъ это видно изъ его особаго, и уже послѣдняго, впрочемъ, посланія къ царю изъ Пустозерска. Оно начинается такъ: „Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! Многажды писалъ тебѣ прежде и молихомъ ты, да примиришия Богу и умилишия въ раздѣленіи твоёмъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю азъ грѣшный протопопъ Аввакумъ: помилуй единокордную душу свою и вниди паки въ первое свое благочестіе, въ немъ же ты порожденъ еси, съ преже бывшими благочестивыми цари, родители своими и съ прародители, и съ нами богомольцы своими во единой святой купели ты освященъ еси“... Призывая царя „внити паки въ первое свое благочестіе“, Аввакумъ затѣмъ спрашиваетъ его, за что онъ ихъ гонитъ и оскорбляетъ? „Что есть ересь наша, пишетъ онъ, или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, яко же блядословятъ о насъ никоніаны, нарицають раскольниками и еретиками въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ, а индѣ и предотечами антихристовыми?... Не вѣмы ни слѣду въ себѣ ересей коихъ, — пощади насъ Сынъ Божій отъ такова нечестія и впредь!—ниже раскольства: Богъ свидѣтель

и Пречистая Богородица и вси святїи! Аще мы раскольники и еретики: то и вси святїи отцы наши и прежніе цари благочестивїи и святѣйшія патріарси таковы суть... Кто бы смѣлъ рещи таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, съ коею правдою хочещи стати на страшномъ судѣ Христовѣ предъ тьмы ангельскими и предъ всѣми племены языкъ вѣрныхъ и зловѣрныхъ. Аще во православїи нашемъ, отеческихъ святыхъ книгахъ и въ догматахъ ихъ, хотя едина ересь и хула на Христа Бога обращется и церковь его: то рады мы за нихъ прощатися предъ всѣми православными, паче же за то, аще мы отъ себѣ что внесохомъ соблазновъ въ церковь, или расколы. Но нѣсть, нѣсть! Вся бо церковная права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ по Христѣ Ісусѣ, а не по стихїямъ сего міра, за нюже мы страждемъ и умираемъ и крови своя проливаемъ“. И считая царя какъ бы окончательно погибающимъ, Аввакумъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „пался еси велико, а не возсталъ, искривленїемъ Никона богоотмѣтника и еретика, а не исправленїемъ; умеръ еси по души его ученїемъ, а не воскресъ. И не прогнѣвайся, что богоотмѣникомъ его называемъ. Аще правдою спросишь, и мы скажемъ ти о томъ ясно, и усты къ устамъ, съ очей на очи возвѣстимъ ти велегласно. Аще ли же ни, то пустимъ до Христова суда. Тамъ будетъ и тебѣ тошно; да тогда не пособишь себѣ нимало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будещи самъ всѣмъ намъ... Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ. Жаль намъ твоя царскїя души и всего дому твоего, зѣло болѣзнуемъ о тебѣ; да пособить не можемъ: понеже самъ ты пользы ко спасенїю своему не хочещи“. Но такїя рѣчи къ царю вовсе однако не значать, что онъ—Аввакумъ и другїе гонимые, не любятъ царя. Наоборотъ. „Елико, пишетъ Аввакумъ, ты насъ оскорбляещи болши, и мучишь и томишь: толико мы тебя болши любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ клянущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати къ истинѣ своей! Аще же не обратитесь, строго замѣчаетъ Аввакумъ, то вси погибните вѣчно, а не временно“. И желая показать царю, какъ онъ усердно молится за него, и въ то же время

желая произвести на царя особое впечатлѣніе въ пользу защищаемаго имъ дѣла, онъ рассказываетъ ему о своемъ видѣніи, какое ему разъ было, когда онъ молился о царѣ. „Нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ съ горькими слезами, рассказываетъ Аввакумъ царю, отъ вечера и до полунощи зѣло стужающу Божеству, да же бы тебѣ исцѣлитесь душею своею и живу быти предъ нимъ, и отъ труда своего азъ многогрѣшный падохъ на лица своемъ, плакахся и рыдахъ горко, и отъ туги великія забыхся, лежахъ на земли, и видѣхъ тя предъ собою стояща, или ангела твоего, умиленна, подпершия подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовался, и начахъ тя лобызати и обмывати со умиленными глаголы. И видѣлъ на брюхѣ твоемъ язву зѣло велику, исполнену гноя многа, и убоявся вострепетахъ душею своею, и положихъ взнакъ на войлокъ свой, на немъ же молитвы и поклоны творю, и начахъ язву на брюхѣ твоемъ слезами моими кропяти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво, яко николиже болѣ. Душа же моя возрадовася о Господѣ и о здравіи твоемъ зѣло. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твоею, и видѣхъ спину твою сгнившу паче брюха и язва больши первыя явися. Мнѣ же тако плакавшуся, рукама своима (сводящу) язву твою спинную, и мало мало пошлася, и не вся исцѣлѣ. И очутихся отъ видѣнія того, не исцѣлихъ тя всего здрава до конца. Нѣтъ, государь, болши покинуть плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлитъ тебя“. Но не смотря на это послѣднее заявленіе, Аввакумъ однако опять обращается къ царю съ рассказами, которые ясно говорятъ, какой великій угодникъ предъ Богомъ Аввакумъ, и что царю слѣдуетъ его во всемъ слушаться. Именно здѣсь онъ рассказываетъ, какъ Богъ вмѣстилъ въ него, протопопа Аввакума, небо, землю и всю тварь и что власть его несравненно шире власти царя, который владѣетъ только одною русскою землею, тогда какъ, говоритъ про себя Аввакумъ, „небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь—Богъ мнѣ далъ“. Затѣмъ рассказываетъ царю и еще объ одномъ необыкновенномъ видѣніи, которое случилось послѣ его разстриженія, и когда ему изъ облака явилась госпожа Богородица и потомъ, съ силами многими, самъ Христосъ, рекшій ему: „не бойся Азъ есмь съ тобою!“ Понятно, что всѣ три видѣнія рассказаны были Аввакумомъ царю съ един-

ственной очевидною цѣлю: заставить царя сдѣлать тотъ шагъ, благодаря которому молящійся за него, несомнѣнный великій угодникъ Божій, Аввакумъ, исцѣлитъ его окончательно отъ того тяжкаго недуга, въ который онъ впалъ благодаря Никону. Но Алексѣй Михайловичъ не только не хотѣлъ сдѣлать этого шага, на который такъ усиленно толкалъ его Аввакумъ, но и до конца своей жизни остался во всемъ вѣренъ никоніанству, не обративъ никакого вниманія на посланіе Аввакума, и даже не заботился, хотя бы сколько нибудь, облегчить тяжелое положеніе заключеннаго, который, повидимому, на это сильно рассчитывалъ ¹⁾.

Въ виду полной неудачи посланія къ царю изъ Пустозерска, Аввакумъ окончательно разочаровался въ Алексѣѣ Михайловичѣ, и съ этого времени круто измѣнилъ къ нему свои отношенія, которыя, впрочемъ, теперь приходилось ему проявлять только въ своихъ письменныхъ произведеніяхъ, обращавшихся между его почитателями, такъ какъ всякія непосредственныя сношенія съ царемъ прекратились навсегда. Эта перемѣна въ отношеніяхъ Аввакума къ царю Алексѣю Михайловичу очень характерна и любопытна.

Ранѣе Аввакумъ питалъ особое, теплое расположеніе къ Алексѣю Михайловичу, считалъ его человѣкомъ добрымъ и особенно расположеннымъ къ нему—Аввакуму. Вездѣ онъ называетъ его: „свѣтикъ-государь“ или просто—„свѣтъ-государь“, „благочестивѣйшій и православнѣйшій“, а иногда—фамильярно: „миленькій“, „Михайловичъ“ и даже—„Алексѣюшко“. Вся бѣда его миленькаго царя заключалась, по тогдашнему мнѣнію Аввакума, въ томъ, что онъ поддался влиянію нечестиваго Никона, который вкрался въ его довѣріе и оболъстилъ его царскую благочестивую душу. „Завель его, говоритъ Аввакумъ, собака Никонъ-то за мысь, а то онъ доброй человѣкъ былъ. Знаю я ево“ „Умъ отнял у милого (т. е. царя), у нынѣшняго, какъ близъ его былъ. Я вѣдь тутъ тогда былъ, все вѣдаю“, увѣряетъ онъ. „Житіе (царя) было и нарочито исперва, да рассказалъ собака Никонъ еретикъ“. „И царя—тово врагъ Божій (т. е. Никонъ) омрачилъ, да къ тому величаетъ, лъстя, на переносѣ: благочестивѣй-

¹⁾ Матер. V, 142—154.

шаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, такаго-сякаго, великаго,—больше всѣхъ святыхъ отъ вѣка!— да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, всегда и нынѣ и присно во вѣки вѣковъ... А царе-ть, веть, иронически замѣчаетъ Аввакумъ, въ тѣ поры чаеть и мнится быт-то и впрямь таковъ, святѣе его нѣтъ! А гдѣ пуши гордости той?“ Даже въ запискѣ, которая была подана собору 1667 года, Аввакумъ обвиняетъ только Никона, а царя оправдываетъ. Онъ заявлялъ: „государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, православенъ, но токмо простою своею душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевель еретическихъ въ книгахъ, внѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредь чаю по писанному: праведникъ аще падеть не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его“¹⁾.

Свои доброжелательныя отношенія къ царю Аввакумъ измѣнилъ на рѣзко-враждебныя и оскорбительно-пренебрежительныя, когда окончательно убѣдился, что царь ему, Аввакуму, совсѣмъ не подчиняется, не желаетъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія, что онъ всецѣло и сознательно—убѣжденно преданъ реформѣ Никона, которую онъ будетъ всячески поддерживать и укрѣплять. Тогда-то у Аввакума о царѣ, его отношеніи къ Никону и реформѣ, слышались другія рѣчи, нежели какія онъ говорилъ по этому поводу ранѣе. Теперь Аввакумъ сталъ заявлять, что царь не былъ соблазненъ и обманутъ Никономъ, а дѣйствовалъ за одно съ нимъ вполне сознательно и добровольно, только сначала изъ подтишка, а потомъ уже явно и открыто, такъ что за церковныя новшества отвѣчаетъ уже не одинъ Никонъ, но вмѣстѣ съ нимъ и въ той же степени и царь. „Во 160 году, теперъ повѣствуетъ Аввакумъ, поставленъ бысть Никонъ патріархомъ при царѣ Алексѣѣ: и начаша оба, патріархъ и царь, казити въ Русіи христіанскую вѣру!.. И сперва царь, до соборища того, будто и не ево дѣло, а волю Никону всю далъ, вору. Онъ же, со діаволомъ на складу, что захотѣлъ, то и дѣлалъ: въ седми лѣтѣхъ своея власти вся превратилъ въ церкви, и бысть вся горняя долу. Потомъ и соборище собра

¹⁾ ibid. стр. 388. VIII, 29, 35, 37. II, 22—23.

царь Алексѣй на подкрѣпленіе тоя бл.. въ лѣта та, яже Богословъ назнаменуетъ: число бо человѣческое, и число его 666... Два рога у звѣря—двѣ власти знаменуетъ: единъ побѣдитель, Никита по алфавиту, или Никонъ, а другій пособитель, Алексѣй, пишется въ книгахъ рожка круглики въ космахъ, яко у барашка, добродѣтель знаменуетъ, лъстя житіемъ, являясь добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая... Егда любленье сотвориша, яко Пилать и Иродъ, тогда и Христа распяша: Никонъ побѣждать началъ, а Алексѣй пособлять исподтиха. Тако бысть исперва. Азъ самовидѣць сему“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ: „пьянъ ты, упился еси отъ жены любодѣицы, сѣдящія на водахъ многихъ и ѣздящія на звѣри червленѣ. Зѣло пряно вино и пьяно питіе у бл... Нарядна воръ-бл..; въ царской багрянницѣ ѣздитъ и изъ золотой чаши подбиваетъ. Упоила римское царство и польское и многіе окрестныя, да и въ Русь нашу пріѣхала во 160 году, да царя съ царицею и напоила: такъ онъ (т. е. царь) и пьянъ сталъ; съ тѣхъ мѣстъ не проспится; безпрестанно пьетъ кровь святыхъ свидѣтелей Ісусовыхъ“. Или, напримѣръ, Аввакумъ рассуждаетъ: „нынѣ у нихъ (никоніанъ) все наось, да поперегъ; жива челоуѣка въ лицо святымъ называй, коли и пропадетъ. Въ помянникѣ напечатано сице: помолимся о державномъ *святомъ* государѣ царѣ. Вотъ, какъ не бѣда челоуѣку! А во отечникахъ писано: егда-де въ лице челоуѣка похвалишь, тогда сатанѣ его словомъ предаешь. Отъ вѣка нѣсть слыхано, кто бы себя велѣлъ въ лице святымъ звать, развѣ Навходоносоръ вавилонскій! Да досталось ему безумному! Семь лѣтъ быкомъ походилъ по дубравѣ, траву ядыше плачучи... А то приступу не было: Богъ есмь азъ! Кто мнѣ равень? Развѣ Небесный! Онъ владѣетъ на небеси, а я на земли равень Ему! *Такъ то и нынѣ блиско тово*“. Еще въ одномъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ о царѣ: „накудесиль много, горюнъ, въ жизни сей, яко козель скача по холмамъ, вѣтры гоня, облетая по аеру, яко пернатъ, ища станъ святыхъ, како бы ихъ поглотити *и во адъ съ собою свести*“¹⁾.

Какъ скоро Аввакумъ призналъ царя наравнѣ съ Никономъ однимъ изъ сознательныхъ виновниковъ произведен-

¹⁾ *ibid.* V, 229—230. VIII, 6, 36, 41.

ной церковной реформы, то ему вполне естественно было признать Алексѣя Михайловича, какъ и Никона, человѣкомъ нечестивымъ, заслуживающимъ всякихъ порицаній и каръ. Прежній „благочестивѣйшій, православнѣйшій“ государь Алексѣй Михайловичъ, теперь, увѣряетъ своихъ послѣдователей Аввакумъ, находится, вмѣстѣ со всѣми властями, уже въ свитѣ самого антихриста. Вотъ какую характерную картину изображаетъ предъ нами Аввакумъ. „А я, братія моя, говоритъ онъ, видалъ антихриста—тово, собаку бѣшеную,—право видалъ, да и сказать не знаю какъ. Нѣкогда мнѣ печалну бывшу и помышляюшу, какъ придетъ антихристъ врагъ послѣдній и коимъ образомъ, да сидя, молитвы говоря, и забыхся: понеже не могу стояти на ногахъ,—сидя молюся окаянный. А се на полѣ нечистомъ много множество людей вижу. И подлѣ меня нѣкто стоитъ. Я ему говорю: чего ради людей много въ собраніи? Онъ же отвѣща: антихристъ грядеть, стой не ужасайся. Я подперся посохомъ своимъ двоерогимъ протопопскимъ, сталъ бодро: ано ведутъ ко мнѣ два въ бѣлыхъ ризахъ нагово человѣка,—плоть-та у него вся смрадна, зѣло дурна, огнемъ дышитъ изо рта и изъ ноздрей, изъ ушей пламя смрадное выходитъ. *За нимъ царь нашъ и власти* со множествомъ народа. Егда ко мнѣ привели его: я на него закричалъ и посохомъ хочу его бить. Онъ же мнѣ отвѣщаль: что ты, протопопъ, на меня кричишь? Я нехотящихъ не могу обладати, но волею послѣдующихъ ми, сихъ во области держу. Да изговоря, палъ предо мною, поклонился на землю. Я плюнулъ на него, да очнулся; а самъ воздрогнулъ и поклонился Господеви. И дурно мнѣ сильно стало и ужасно; да нечего на то глядѣть“ ¹⁾).

Но особенно свое грубо-циничное отношеніе „къ свѣтику“ и „миленькому“ государю Алексѣю Михайловичу Аввакумъ высказываетъ въ двухъ случаяхъ: въ посланіи къ нѣкому Симеону и въ толкованіи притчи Господа о Лазарѣ и богатомъ. Въ посланіи къ Симеону Аввакумъ, прямо не называя себя и Алексѣя Михайловича, сопоставляетъ себя съ Николаемъ чудотворцемъ, а Алексѣя Михайловича изображаетъ подъ видомъ царя-мучителя Максимиана. „Никола чудотво-

¹⁾ Матер. № 362—363.

рецъ, говорилъ Аввакумъ, и лутчи меня, со христіаны сидѣлъ пять лѣтъ въ темницѣ отъ Максиміана мучителя; да то горкое время пережили, миленькіе, а нынѣ радуются радостію неизглаголанною и прославленною со Христомъ. А мучитель реветъ въ жупелѣ огня. На-вотъ тебѣ столовые долгіе и бесконечныя пироги, и меды сладкіе, водка процѣженная съ зеленымъ виномъ! А есть-ли подѣ тобою, Максиміанъ, перина пуховая и возглавіе? И евнухи опаживаютъ твое здоровье, чтобъ мухи не кусали великаго государя? А какъ тамъ с...ть-то ходишь, спальники ребята подтираютъ ли г..но-то у тебя въ жупелѣ томъ огненномъ? *Сказалъ мнѣ Духъ Святый:* нѣтъ-де тамъ ужъ у васъ робятъ тѣхъ,—всѣ здѣсь остались, да уже-де ты и не с...шь кушанья тово, намалѣ самага кушаютъ черви великаго государя ¹⁾. Бѣдной, бѣдной, безумной царинкѣ! Что ты надъ собою сдѣлалъ? Ну гдѣ нынѣ свѣтлоблещающіяся ризы и уряженіе коней? Гдѣ златоверхіе палаты? Гдѣ строеніе сель любимыхъ? Гдѣ сады и преграды? Гдѣ багряноносная порфира и вѣнецъ царской, бисеромъ и каменіемъ драгимъ устроены? Гдѣ жезлъ и мечъ, имже содержалъ царствія державу? Гдѣ свѣтлообразныя рынды, яко ангелы предѣ тобою оруженосцы попархивали въ блещающихся ризахъ? Гдѣ вся затѣи и заводы пустошнаго сего вѣка, о нихже упражнялся невестягнувенно. оставя Бога, яко идоломъ бездушнымъ служаше? Сего ради и самъ отриновенъ еси, отъ лица Господня во адъ кромѣшный“. Всю эту грубо-циничную выходку противъ „добренькаго“ и „миленькаго“ государя Алексѣя Михайловича, Аввакумъ заканчиваетъ такимъ достойнымъ его обращеніемъ къ царю: „Ну, сквозь землю пропадай, бл...ть сынъ! Полно христіанъ-то мучить! Давно тебя ждетъ матица огня!“ По поводу притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ Аввакумъ разсуждаетъ, имѣя въ виду царя Алексѣя Михайловича: „видите ли, братіе, како смири его (богатаго) мука? Прежде даже предѣ очима не видѣлъ Лазаря гнойнаго: а нынѣ зреть издалуче, и милъ ся дѣветъ ко Аврааму, а Лазарю говоритъ соромъ, понеже не сотворилъ добра ничтоже. Возми,—

¹⁾ Это мѣсто у Аввакума характерно въ томъ отношеніи, что свои грубыя и прямо циничныя картины, созданныя его больною и очень неопратною фантазією, онъ признаетъ за внушенныя ему Духомъ Святымъ это „сказалъ мнѣ Духъ Святый“, заявляетъ онъ.

пойдетъ Лазарь въ огонь къ тебѣ съ водою! Каковъ самъ былъ милостивъ: вотъ твоему празднеству отданіе! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянной! Я, замѣчаетъ о себѣ Аввакумъ, не Авраамъ,—не стану чадомъ звать: *собака ты!* За что Христа не слушалъ, нищихъ (т. е. Аввакума и его друзей) не миловалъ. Полно милостивая душа Авраамъ—отъ милинкой,—чадомъ зоветъ, да разговариваетъ быть-то съ добрымъ человекомъ. Плюнулъ бы ему въ рожу-то и въ брюхо-то толстое пхнулъ-бы ногою! Да что говорить?—но себѣ я знаю: хотя много досадить никоніанинъ (разумѣется царь), да какъ пришлетъ съ лестію бывало: вѣдаю твое чистое непорочное и благоподрожательное житіе, помолись обо мнѣ, и о дѣтяхъ, и благослови насъ!—такъ мнѣ жалъ станеть, плачу предъ Богомъ о немъ“.—Наконецъ Аввакумъ, ссылаясь на бывшее ему отъ Бога видѣніе, уже оковчательно и на всегда сажаетъ умершаго Алексѣя Михайловича прямо въ адъ. Въ посланіи къ царю Θεодору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ: „Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ,—*слышалъ я отъ Спаса:* то ему за свою правду. Иноземцы (т. е. греческіе іерархи на соборѣ 1667 года), что знаютъ, что велѣно, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддержали,—костельники и шиши антихристовы, преллагатаи, богоборцы!“ Или, напри- мѣръ, толкуя псаломъ и обращаясь какъ бы къ стоящему передъ нимъ царю, говоритъ: „за что ты здѣсь отщепился отъ Христа, и пречистую икону Богородичну со престола согналъ и прочія ереси любезнѣ держалъ, а правовѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будетъ ти и самому жарко въ день лютъ отъ Господа; а печеные те отъ вѣры живы будутъ тамъ“¹⁾.

Аввакумъ, до самаго послѣдняго времени, видѣлъ главную опору и защиту для себя и всего своего дѣла только въ царѣ, котораго онъ ранѣе всегда рассчитывалъ привлечь на свою сторону, почему онъ всячески и побуждаетъ царя взять въ свое исключительное вѣдѣніе всѣ церковныя дѣла и вести ихъ по своему царскому усмотрѣнію, не обращая

¹⁾ Матер. №, 157, 211—212, 337. VIII, 14.

вниманія на архіереевъ. Такъ въ своей челобитной государю, поданной имъ въ Москвѣ по возвращеніи изъ Сибири, онъ взываетъ: „потщися, государь, исторгнути злое ево (Никона) и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не прииде, и огонь съ небесе, или морь древній, и прочая злая насъ не постигло. А егда сіе злое кореніе изсторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко же и прежде никонова патриаршества было, и агарянскій мечъ Богъ оставитъ исподобитъ насъ получитьи вѣчная благая“. Въ другой челобитной, поданной государю тогда же въ Москвѣ, говоритъ: „аще архіереи исправитъ не радятъ, поне ты, христолюбивый государь, ту церковь отъ таковыя скверны потщися очистить, да въ державѣ царствія твоего въ вѣрныхъ людехъ соблазнъ потребится, да и отъ Бога милости сподобишься“. Въ посланіи изъ Пустозерска Аввакумъ рѣшительно заявляетъ царю: „все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ“. Но когда наконецъ Аввакумъ увидалъ и убѣдился, что царь не только не думаетъ уничтожить „никоновы затѣйки“ и возвращаться къ старому, а совершенно наоборотъ: всячески заботится объ укрѣпленіи церковной реформы и объ окончательномъ признаніи ее всею церковію, и что надежды его—Аввакума на царя никакъ не могутъ оправдаться, онъ сейчасъ же мѣняетъ свой взглядъ на отношеніе царя къ церковнымъ дѣламъ и уже заявляетъ теперь, что царь не имѣетъ никакого права и никакъ не долженъ заправлять и руководить церковными дѣлами, что это дѣло не царя, а архіереевъ. Теперь онъ сурово обращается къ царю: „въ коихъ правилахъ писано царю церковію владѣть и догматы измѣнять, святая кадить? Толоку ему подобаеъ смотреть и оберегать отъ волкъ, губящихъ ея, а не учить, какъ вѣра держать и какъ персты слагать. Се бо не царево дѣло, но православныхъ пастырей и истинныхъ архіереевъ, иже души свои полагаютъ за стадо Христово“¹⁾.

Аввакумъ окончательно разочаровался въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ясно увидѣлъ, что тотъ твердо и неуклонно стоитъ и останется навсегда убѣжденнымъ сторонникомъ реформы Никона и никогда не воротится къ старымъ цер-

¹⁾ Матер. V, стр. 131, 139, 146. VIII, стр. 37—38.

ковнымъ до никоновскимъ порядкамъ. Однако это не убило вѣры Аввакума, что та церковная старина, за которую онъ борется и страдаетъ, все-таки въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ никоніанствомъ, и если не при Алексѣѣ Михайловичѣ, то при его сынѣ. При объясненіи одного псалма Аввакумъ обращается къ Алексѣю Михайловичу съ рѣчью: „перестань-ко ты насъ мучить—тово!.. Ты, пожалуй, распусти иныхъ—тѣхъ при себѣ... Сынъ твой, послѣ тебя, распусти же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ (вѣрующихъ?) по старымъ книгамъ въ Господа нашего Ісуса Христа. На шестомъ соборѣ бысть же сіе,—Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животь дарова. *Тако глаголетъ Духъ Святый мною грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь тоже будетъ послѣ тебя!*“ Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ: „не оскудѣетъ, по словеси Божію, старое наше православіе молитвами св. отецъ, а ваше собачье никоніанское умышленіе скоро изводъ возметъ: не будетъ яко мирсина и кипарисъ, но яко невѣрія паки въ пруть иссохнетъ и въ прахъ разыдется и провоняетъ, яко мертвый песь. Всякъ любяй вѣру никоніанскою, не будетъ яко мирсина; никако, но яко Формось папа, законоположникъ римскаго стола, по смерти провонялъ и смрадомъ своимъ весь градъ огнусилъ и ко издохновенію приведъ, дандеже Стефанъ попа въ Тиверь рѣку смрадное тѣло ввергъ. Тако и нынѣшнихъ московскихъ законоположниковъ новыхъ, съ Никономъ врагомъ, ввержетъ послѣдній родъ въ Москву рѣку, и прахъ ихъ лопатами загребутъ—бл.....ъ дѣтей, провонялыхъ душъ. Адомъ воняютъ всѣ, не лгу никакъ, я ихъ знаю, водился съ ними“¹⁾. Эта вѣра Аввакума, что его дѣло въ концѣ несомнѣнно восторжествуетъ, была безусловна необходима въ его положеніи, такъ какъ страдать и бороться совсѣмъ даромъ, за дѣло уже совершенно проигранное, было бы невозможно, какъ ему невозможно было бы, безъ такой увѣренности, смѣло и спокойно взойти на костерь.

Въ лицѣ протопопа Аввакума, во главѣ защитниковъ старины, сталъ теперь самый крайній, неуступчивый, самый

¹⁾ Ibid. VIII, 45. А. К. Бороздина: Протопопъ Аввакумъ, прилож. стр. 56—57, изд. 1900 г.

фанатичный и, въ то же время, менѣе другихъ культурно развитый человѣкъ, съ крайне узкимъ и одностороннимъ кругомъ возрѣній и пониманія, совершенно неспособный отнестись къ несоглашающимся съ нимъ сколько нибудь спокойно, объективно, а тѣмъ болѣе справедливо, или даже просто безпристрастно. Если царь Алексѣй Михайловичъ употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія ту пропасть, которая тогда уже стала образовываться между православною церковію и сторонниками стараго обряда, всячески сузить, заполнить, а въ концѣ и совсѣмъ уничтожить; то протопопъ Аввакумъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія, пускалъ въ ходъ всѣ средства всячески расширить и углубить эту пропасть, чтобы и въ будущемъ, а если возможно, то и навсегда, сдѣлать ее непроходимую ни для той, ни для другой стороны.

Ко всей православной, или какъ выражается Аввакумъ, никоніанской церкви, онъ относится всецѣло отрицательно, съ нескрываемымъ презрѣніемъ и ненавистію. Онъ въ ней видитъ не церковь, а какой-то, по его выраженію, „разбойничій вертепъ“, собраніе или совокупность всего, что отъ начала создавала въ христіанской церкви гнилая, все развращающая и растлѣвающая еретическая мысль человѣка; православная церковь, по Аввакуму, это какой-то зловредный, гнойный нарывъ, въ которомъ скопились всѣ болѣзненные тлетворныя соки, отбрасываемыя здоровымъ организмомъ. „Какъ не бѣда содѣяся въ земли нашей? говорить Аввакумъ. Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собраны въ новыя книги: духу лукавому напечатали молиться, въ томъ же крещеніи сатаны не отрицаются, и около купели противъ солнца кружатъ, и церкви святятъ также противъ солнца, со образы и крыжами ходятъ“ и т. д. „Чему быть? спрашиваетъ Аввакумъ и отвѣчаетъ: что велитъ дьяволъ, то (никаніане) и дѣлаютъ!.... Апостолы и 7 соборовъ святыхъ отецъ, и пастыри и учителя о Святѣмъ Дусѣ исполнили святую церковь догматовъ, украсивъ ю яко невѣсту, кровію своею со Христомъ запечатавъ, намъ предали, а антихристова чадь (т. е. никоніане) и разграбили, зѣло люто разорили, и крестъ съ маковицъ Христовъ стащили трисоставный, и поставили крестъ латынской четверугольный, а съ церкви—той все выбросали, и жертву премѣнили, молитвы

и пѣніе, все на антихристово лицо устроили. Чему быть? Дѣти его; отцу своему угладили путь. Аще и не пришелъ еще онъ,—послѣдней чортъ, но скоро уже будетъ. Все изготовили предотечи его, и печатаютъ людей — тѣхъ бѣдныхъ слѣпыхъ тремя персты и развращенною малаксою“. „Зѣло бо огорчиша церковь Божию и общую мать нашу догматы незаконными: вся бо отъ вѣка ереси внесоша въ ню, о нихже ми не достанетъ лѣто повѣствующу. Закалаютъ бо агнецъ неправедный, еже дѣйство лести литоргейное; отнюдь бо православному христіанину ихъ служенія не подобаетъ причащаться: суетно бо кадило и мерзко приношеніе, понеже бѣсомъ жрутъ никоніяня, а не Богови“. „А треперстная бл..ь, проповѣдуетъ протопопъ Аввакумъ, еже сице слагаютъ (персты), явна бѣ въ Апокалипсисѣ: изъ нея бо исходятъ три духи нечисты и вселяются въ поганую душу, — преводне рещи—три жабы, или три лягушки, и оскверняютъ чело вѣка. Всякъ бо, крестяся тремя персты, кланяется первому звѣрю—папежу, и второму—русскому, творя ихъ волю, а не Божию; или рещи: кланяется и жертвуетъ душею тайно антихристу и самому діаволу. Въ нейже бѣ, щепоти, тайна тайнамъ сокровенная: змій, звѣрь и лжепророкъ, сирѣчь: змій—діаволь, а звѣрь царь лукавый (т. е. Алексѣй Михайловичъ), а лжепророкъ—папезъ римскій и прочіи подобни имъ. Да полно о томъ бесѣдовать: возми ихъ чортъ!... Никонъ, съ выблядками своими, не святѣй Троицѣ (поклоняется), но скверной троицѣ: змию и звѣрю и лживу пророку. Нѣсть ваша чиста и свята жертва, нѣсть, но скверна и прескверна и противна. Вѣси ли, чему подобенъ агнецъ ваша жертвы? спрашиваетъ изступленный фанатикъ, и отвѣчаетъ: разумѣй, яже глаголю: *подобенъ есть псу мертву* и повержену на стогнахъ града, *а и храмъ* вашего священія *подобенъ разбойничу вертетену*. Не подобаетъ тамо правовѣрному христіанину ни на прагъ храма вашего возступити, идѣже Отецъ ругаемъ, и Сынъ хулимъ бываетъ, и Духъ Святой, Господь истинный и животворящій, отметаемъ есть; не подобаетъ никакоже самоволнѣ себе *въ пропасть сію* ринуту и стремнину пометатися. А въ крещенскихъ молитвахъ написали: молимся тебѣ, Господи, душе лукавый, яко помраченіе помысловъ новодая. Во-то,—тута чорта господомъ называютъ, и молятся ему за то, что омрачаетъ помыслы!... Ихъ причастіе-то емко, — что

мышьякъ, или сулема, во вся кости и мозги пробѣжить скоро, до членовъ же и мозговъ и до самыя души лукавой промчить: отдыхай—пѣть послѣ въ геннѣ огненнѣй и въ пламени горящемъ стони, яко Каинъ, обратной грѣшникъ!“ У извѣстной сторонницы старообрядства и великой почитательницы протопопа Аввакума, боярыни Морозовой, когда она находилась въ заключеніи, умеръ ея маленькій сынъ Иванъ. Аввакумъ, въ своемъ посланіи къ Морозовой, утѣшаетъ скорбѣвшую о сынѣ мать: „а что петь о Иванѣ - то болно сокрушаешься? Главы не сохранилъ! Полно-су плюскать-то, Христа для!.. Какъ то надежа — свѣтъ — Христось изволил! То бы по твоему добро, кабы на лошадахъ-те безъ тебя ѣздить сталь, да бабъ-де воровать?... А то дорогое дѣло—поновому робенка причастили! Велика бѣда, куды! Онъ и не знаетъ, ни вѣдаетъ въ печалѣхъ въ то время, что надъ нимъ кудесили бл...ы они дѣти... Собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ,—сына опоганили! во адъ угодили! Не угодили,—не суетися!“¹⁾ Такимъ образомъ, протопопъ Аввакумъ относится къ православной, или по его терминологіи, никоніанской церкви, не только презрительно и съ ненавистію, но сознательно кощунственно и намѣренно цинично, стараясь, въ глазахъ своихъ послѣдователей, всячески осмѣять и опозилить самое святое и дорогое для всякаго христіанина: таинства и всѣ священнодѣйствія церкви. „Ну и церковь—ту подѣ гору со всѣми!“—вотъ тотъ выводъ, къ какому онъ приходитъ изъ разсмотрѣнія своихъ возможныхъ для него отношеній къ православной церкви.

Точно также въ высшей степени презрительно и безусловно отрицательно протопопъ Аввакумъ относится и ко всѣмъ вообще тогдашнимъ іерархамъ русской церкви, какъ попустителямъ и стороникамъ никоновской реформы. Въ посланіи къ царю Θεодору Алексѣевичу изъ Пустозерска Аввакумъ въ такихъ словахъ выражаетъ свой общій взглядъ на тогдашнее положеніе русской іерархіи: „столпи поколебашея навѣтомъ сатаны, патріарси изнемогоша, святителіе падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша“. Въ другомъ случаѣ Аввакумъ поучаетъ царя, что ему въ дѣлахъ вѣры слѣдуетъ слушать православныхъ и

¹⁾ Матер. V, 186, 361. VIII, 67, 73—75. V, 177—178.

истинныхъ архіереевъ, „а не тѣхъ, глаголю, пастырей слушать, иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться. Сіи бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинныхъ кровь проліяти и исповѣдниковъ православныя вѣры во огнь всаждати. Хороши законоучители! Да што на нихъ! Таковыя нарокомъ наставлены, яко земскія ярыжки,—что имъ велятъ, то и творять. Только у нихъ и вытвержено: а - се, государь, во - се, государь, добро, государь“. Или, напримѣръ, Аввакумъ обращается къ государю: „я, бѣдной, тебѣ ворчу,—архіереи же не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потакаютъ лише тебѣ: жги, государь христіанъ—тѣхъ; а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны, хотя медвѣдя дай намъ въ олтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да корми съ дворца. Да, право, такъ. Не лгу“. Въ посланіи къ неизвѣстному Аввакумъ говоритъ: „али ты чаешь, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ; да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по скотски и ко всякому беззаконію ползки. Или на то глядишь, что они въздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ. Воздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія стѣпени, вотъ ужю и въздыхать перестанетъ; а буди и вздохнетъ, и онъ ласкосердствуетъ, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь діаволь. Павелъ крутицкій и Иларіонъ резанскій горазды были сему рукодѣлю, да и всѣ однакои власти-те кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бѣднымъ бываетъ отъ нихъ. Повертится, что перплица, да и онъ туды же склонится бѣдной: воля-де Божія, не одинъ-де я по сей колесницѣ ѣду; гдѣ же де дѣтца? А чортъ-ли билъ въ зашей? Ино было и не искать величества, да жить пониже, такъ бы душѣ здоровіе было“. При такомъ представленіи о тогдашнихъ архіереяхъ, вполне понятны такія завѣренія со стороны Аввакума, что „на нихъ на ослахъ еретики-те ѣдутъ на владыкахъ—тѣхъ“, что они „словомъ духовніи, а дѣломъ бѣсы: все ложь, все обманъ. Какой тутъ Христось? Ни близко. Но бѣсовъ полки“ ¹⁾).

¹⁾ Матер. V, 156, 246. VIII, 38, 48, 60. А. К. Бороздина: Прот. Аввакумъ, прил. стр. 33—34. Изд. 1900 г.

Эти свои общія сужденія о современныхъ ему архіереяхъ Аввакумъ иллюстрируетъ разсказами о нѣкоторыхъ изъ нихъ, разсказами, не столько иногда характерными для тогдашнихъ архіереевъ, сколько для самого разскащика Аввакума. Конечно прежде всѣхъ и больше всѣхъ достается отъ Аввакума Никону, о которомъ онъ совсѣмъ не можетъ говорить хотя бы сколько нибудь спокойно, безъ брани, безъ самыхъ рѣзкихъ и очень грубыхъ выходокъ.

Аввакумъ очень мало и даже почти совсѣмъ не зналъ дѣйствительнаго Никона, такъ какъ лично мало встрѣчался съ нимъ. Когда Аввакумъ изъ Юрьевца переселился въ Москву, тамъ уже Никона не было, такъ какъ онъ, въ качествѣ новгородскаго митрополита, жилъ тогда въ Новгородѣ и Аввакуму встрѣчаться съ нимъ было негдѣ. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, сразу пересталъ пускать своихъ бывшихъ друзей и въ крестовую, и Аввакумъ не могъ лично и непосредственно наблюдать и изучать его, такъ какъ былъ далекъ отъ него. При Никонѣ патріархѣ Аввакумъ прожилъ въ Москвѣ только годъ съ небольшимъ, и затѣмъ былъ посланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ одинадцать лѣтъ. Очевидно Аввакумъ не только лично мало зналъ Никона, но и совсѣмъ не видалъ и не былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ его реформаторской дѣятельности, которая началась только съ собора 1654 года, когда Аввакумъ уже находился въ ссылкѣ. Значитъ, Аввакумъ составлялъ свое представленіе о Никонѣ реформаторѣ только по слухамъ, какіе тогда доходили къ нему въ Сибирь, почему онъ нигдѣ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, и не говоритъ о постепенномъ, послѣдовательномъ ходѣ церковной реформаторской дѣятельности Никона, о бывшихъ при немъ, по разнымъ случаямъ, многочисленныхъ соборахъ и ихъ постановленіяхъ, объ участіи въ его реформахъ самихъ восточныхъ патріарховъ и другихъ восточныхъ іерарховъ—вообще нигдѣ ни разу онъ не пытается прослѣдить реформаторскую дѣятельность Никона исторически, разобрать и оцѣнить тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ она возникла и совершалась. Правда Аввакумъ увѣряетъ, что онъ зналъ хорошо Никона еще на его родинѣ, бывшей отъ родины Аввакума только въ пятнадцати верстахъ, когда онъ назывался еще Никитою и „дѣтинка—бродяга былъ“. Но и здѣсь Никонъ извѣстенъ

ему, по его собственнымъ словамъ, только какъ какая-то очень сомнительная помѣсь не то черемиса съ русскою, не то черемиса съ татаркою; достовѣрно же онъ знаетъ только, что Никита еще съ дѣтства научился будто бы кудесничеству и чародѣйству, такъ какъ на его родинѣ чародѣевъ и кудесниковъ было очень много. И вотъ, возвѣщаетъ Аввакумъ, „Никитка (т. е. Никонъ) колдунъ учинился, да бабъ блудить научился, да въ Желтоводіе (Желтоводскій монастырь) съ книгою повадилса (онъ дѣтинка бродяга былъ), да выше, да выше, да и къ чертямъ попалъ въ атаманы, а нынѣ яко кинопсъ волхвужа, уже пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ“. Понятно, что такъ подготовленный Никонъ, этотъ, по выраженію Аввакума, „носатый и брюхатый, борзой кобель, отступникъ и еретикъ“, „Никонъ пресквернѣйшій“, „любимый антихристовъ предтеча“, „шишъ антихристовъ, бабо...бъ, плутишка“ и прямо „сынъ дьявола“, сдѣлался потомъ, ставъ „выше, да выше“, соблазнителемъ и губителемъ всѣхъ вѣрныхъ, начиная съ самого царя. Никонъ, завѣряетъ хорошо будто бы знающій его Аввакумъ, „сынъ онъ дьяволь, отцу своему сатанѣ работаетъ, и обѣдни ему по воли его строить, надъ просвирою — тою молитву батьку—тому своему (т. е. сатанѣ) говоритъ передъ переносомъ—тѣмъ. Знаешь, любимый даръ среди обѣдни-то считать, да кого жалуешь—любить, тѣхъ и причащаетъ тѣмъ, соверша обѣдню. Да и масломъ мажетъ причасниковъ своей сквернѣ, прибѣгшихъ къ его милости. Самъ государь трудится святитель: какъ лишиться такой святыни! Да такъ-то мѣромъ мажетъ и сквернить; да такая бѣда,—кого помажетъ, тотъ и измѣнится умомъ тѣмъ. Явно омрачаетъ. Али антидоромъ мажетъ и сквернить; да такая бѣда,—кого помажетъ, тотъ и измѣнится умомъ тѣмъ. Явно омрачаетъ. Али антидоромъ мажетъ и сквернить, такъ и пошелъ по немъ“.—„Оступникъ Никонъ съ товарищи, увѣряетъ Аввакумъ, всѣхъ тщится перемазать сквернами любодѣянія своего, да отвѣдетъ отъ Бога великія и малыя, богатые и убогія, смиренныя и нищія, старыя и младыя, юноши и дѣвы и ссущія сосца матерня младенца,—всѣхъ сихъ еретикъ ищетъ погубить и ко дьяволу подклонить“¹⁾.—Вообще Аввакумъ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ только констатируетъ тотъ фактъ, что Никонъ кудесникъ, мерзкій еретикъ, бого-

¹⁾ Матер. V, 368. VIII, 6, 29, 34 и др.

отступникъ, сынъ дьявола, предтеча антихриста, слуга самого сатаны; онъ только всячески и очень неприлично его ругаетъ; но нигдѣ однако при этомъ не объясняетъ: по какимъ побужденіямъ и какимъ образомъ Никонъ, котораго всетаки сколько нибудь зналъ Аввакумъ и даже за кандидатуру котораго въ патриархи онъ добровольно подписался подъ челобитной царю,—могъ сдѣлаться еретикомъ, слугою сатаны, предтечею антихриста, сознательнымъ губителемъ вѣковаго русскаго православія? Что Никонъ еще отъ юности былъ кудесникъ и чародѣй,—эта сказка Аввакума только еще болѣе служить доказательствомъ, что Аввакумъ не зналъ дѣйствительнаго, историческаго Никона, что онъ былъ безсиленъ и неспособенъ хотя сколько нибудь понять и объяснить естественнымъ путемъ возможность появленія у насъ Никона—реформатора. Несомнѣнно одно: Никонъ изъ живаго историческаго лица, какимъ онъ, напримѣръ, являлся у Неронова, у Аввакума совсѣмъ превращается въ какое-то чисто мистическое и легендарное существо. Большое воображеніе Аввакума создало ему своего собственнаго Никона, такъ мало похожего на Никона дѣйствительнаго, и съ этимъ своимъ — аввакумовскимъ Никономъ, онъ носится всюду, вездѣ выставляетъ его какъ дѣйствительнаго Никона, даже совсѣмъ не замѣчая совершаемой имъ подмѣны, такъ какъ самъ вѣруеть въ реальную истинность и дѣйствительность созданія своей фантазіи. Отсюда сомо собою получается, что когда Аввакумъ борется съ Никономъ, то въ существѣ дѣла онъ борется не съ дѣйствительнымъ историческимъ Никономъ, а только съ созданіемъ своей собственной фантазіи. Въ представленіи Аввакума эта борьба была ни болѣе ни менѣе какъ борьбою съ самимъ дьяволомъ, только порожденіемъ и орудіемъ котораго былъ Никонъ. Борясь съ Никономъ, кудесникомъ, еретикомъ и сыномъ дьявола, Аввакумъ на самомъ дѣлѣ боролся, по его глубокому убѣжденію, съ самимъ сатаною, и своею борьбою спасалъ родную Русь и всѣхъ своихъ „миленькихъ“ отъ хитро разставленныхъ сѣтей дьявола. Понятенъ отсюда весь задоръ и вся крайняя несдержанность Аввакума относительно Никона: въ борьбѣ съ самимъ дьяволомъ нечего церемониться въ выборѣ средствъ,—тутъ всѣ средства хороши, лишь бы только онъ достигали цѣли: спасали истинно вѣрующихъ отъ уготаван-

ной имъ діаволомъ вѣчной гибели. Понятно отсюда также и то, что вся борьба Аввакума съ Никономъ,—созданіемъ его собственной фантазіи, была борьбою очень странною, борьбою не съ реальною дѣйствительною опасностію православію, а съ опасностію только воображаемою, борьбою съ грезами и галлюцинаціями своего собственнаго до болѣзненности напряженнаго воображенія. А между тѣмъ на эту борьбу Аввакумъ затратилъ всю свою некороткую жизнь, всѣ свои силы и недюженныя природныя способности, терпѣлъ изъ за нея всевозможныя лишенія и страданія и закончилъ ее мученически—на кострѣ.

Кромѣ Никона Аввакумъ нападаетъ и на нѣкоторыхъ другихъ архіереевъ. Такъ про Іону, митрополита ростовскаго, рассказываетъ, что будто бы „медвѣдя Никонъ, смѣяся, прислать Іонѣ ростовскому на дворъ, и онъ челомъ медвѣдью,—митрополитишко, законоположникъ! А тутъ же въ сонмищѣ съ палестинскими сидитъ, бытто знаетъ!“ Къ своему земляку и бывшему пріятелю Иларіону, архіепископу рязанскому, Аввакумъ обращается съ такою рѣчью: „Мелхиседекъ прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ и винъ процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ, и бѣлыхъ разныхъ крѣпкихъ. Иларіонъ мой другъ, архіепископъ рязанскій! Видишь ли, какъ Мелхиседекъ жилъ? На воронныхъ въ каретѣ не тѣшился, ѣздя! Да еще былъ царскіе породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевичъ попенокъ! Въ карету сядетъ, растопыршится, что пузырь на водѣ, сѣдя на подушкѣ (расчесавъ) волосы, что дѣвка, да ѣдетъ, выставя рожу, на площадѣ, чтобы черницы—волухи—унеятки любили. Охъ, охъ, бѣдной! Не кому по тебѣ плакать! Недостойнъ вѣкъ твой весь Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь-ли, какъ на комарахъ—тѣхъ стаивано на молитвѣ? Явно ослѣпилъ тебя діаволь! Гдѣ ты умъ дѣлъ? Столько добра и труда погубилъ!.. Ты, мила голова, нарочитъ бывалъ и бѣсовъ молитвою прогонялъ! Помнишь, каменіемъ—тѣмъ тебя бросали на Лысковѣ у мужика-тово, какъ я къ тебѣ пріѣзжалъ? А нынѣ ты уже содружился съ бѣсами—тѣми, мирно живешь, въ коретѣ съ тобою жъ ѣздить, и въ соборную церковь и вверхъ къ царю подъ руки тебя водятъ, любимъ бо еси имъ. Какъ тебя не любить? Столько христіянъ при-

жегъ и пригубилъ злымъ царю наговоромъ своимъ, еще же и ученіемъ своимъ льстивымъ и пагубнымъ многихъ неискусныхъ во адъ сведе! Никто же ивъ отъ властей, якоже ты, ухищреніемъ басней своихъ и пронырствомъ царя льстишь и люди Божія губишь. Да воздасть ти Господь по дѣломъ твоимъ въ день страшнаго суда! Полно говорить“. Аввакумъ передаетъ разсказъ своего ученика, юродиваго Ѳедора, который ему сообщалъ: „быль-де я на Резани подь началомъ, у архіепископа на дворѣ, и зѣло-де онъ, Иларіонъ, мучилъ меня,—рѣткой день плетьми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждалъ къ новому антихристову таинству“.—Про крутицкаго митрополита Павла Аввакумъ заявляетъ, что „тотъ не живалъ духовно,—блинами все торговалъ, да оладьями, да какъ ученился попенкомъ, такъ по боярскимъ дворамъ блюда лизать научился: не видалъ и не знаетъ духовнаго житія“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ: „а о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить: тотъ явной любодѣй, церковной кровоядецъ и навадникъ, убійца и душегубецъ: Анны Михайловны (Ртищевой) любимой владыка, подпазушной песь борзой, готовъ заяцовъ Христовыхъ ловить и въ огонь сажать“. Иларіонъ и Павелъ, по порученію государя, не разъ уговаривали Аввакума соединиться съ церковію и вступали, по этому поводу, въ состязанія съ нимъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „азъ съ кабелями тѣми грызся, яко гончая собака съ борзыми, съ Павломъ и Иларіономъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, обращаясь къ этимъ іерархамъ: „помните-ли?—На сонмищѣ той лукавой, предъ патріархами вселенскими, говорите мнѣ Иларіонъ и Павелъ: Аввакумъ милой, не упрямяся, что ты на русскихъ святыхъ указываешь, глупы наши святые были и грамотѣ не умѣли, чему имъ вѣрять! Помните, чего, не забыли, какъ я бранить сталъ, а вы меня бить стали, разумныя свиньи? Мудрены вы со дьяволомъ! Нечего много говорить и разсуждать. Да нечего у васъ и послушать доброму челоувѣку: все говорите, какъ продавать, какъ покупать, какъ ѣсть, какъ пить. А иное и молвить срамно, что вы дѣлаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бл...и, митрополиты и архіепископы—никоніяня, воры, преллагатаи, другія нѣмцы русскія“. Павелъ и Иларіонъ возбуждали къ себѣ особую ненависть Аввакума тѣмъ обстоятельствомъ, что они были са-

мыми убѣжденными, энергичными и дѣятельными сторонниками и проводниками въ обществѣ реформы Никона, а вмѣстѣ съ тѣмъ они были болѣе передовыми, сочувствовавшими насажденію у насъ науки и образованности, іерархами. О послѣднемъ, очень важномъ для тогдашняго московскаго передоваго общества обстоятельствѣ, свидѣтельствуется невольно самъ Аввакумъ. Про Иларіона онъ рассказываетъ: „нѣкто гречинъ архимандритъ Діонисій учитъ Иларіона архіепископа рязанскаго греческимъ буквамъ, реку и правомъ, внѣшняя мудрствующимъ. Болѣзнуя жъ, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: владыко святой, у зазорна человѣка учишься! понеже слышахъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что софѣйской попъ Ирадіонъ извѣщалъ на него вамъ святителямъ, что онъ, архимандритъ, нѣкоего подяка... У нихъ то, грековъ, недиковина... Не добра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учить! И архіепископъ Иларіонъ въ то время зѣло кручиненъ былъ“. Про Павла крутицкаго Аввакумъ говоритъ, толкуя одно мѣсто изъ книги Премудрости Соломона: „кую премудрость, глаголетъ, взыщите? Ту ли, еяже любитъ Павелъ митрополитъ и прочіи его товарищи, зодійщики? Со мною онъ, Павелъ безумный, стязаяся, глаголющи: велѣноде, протопопъ, научиться премудрости альманашной и звѣздочетію, писано-де: взыщите премудрость, да поживете. Не знаетъ писанія, дуракъ, ни малехонько! Какъ быть,—на нихъ на ослахъ еретики-те ѣдутъ на владыкахъ тѣхъ!“¹⁾

Изображая въ такихъ крайне непривлекательныхъ и позорныхъ чертахъ тогдашнихъ лучшихъ нашихъ церковныхъ іерарховъ, Аввакумъ взываетъ наставительно къ своимъ послѣдователямъ: „горе, горе, братія, времени сему и намъ живущимъ! Яко духовни учителя немилосердіи, злы, піяницы и гордіи, творять развращенная, и церковь Христову возмутили, и насъ, правовѣрныхъ, оскорбляютъ и мучатъ злѣ: юзами темничными, и всякими ранами, и біеніемъ, и морятъ голодомъ, заключенны, аки злодѣи, въ темницахъ,—за самую истину и за вѣру Ісусъ Христову. Предаютъ намъ инако вѣровати, новыя законы, новыя книги со многими ихъ умышленными ересьми, на пагубу роду христіанскому;

¹⁾ Матер. V, 74, 137—138, 157, 300—301, 342—344. VIII, 38, 50—60.

прелстилъ бо ихъ и обманулъ сатана, оставили бо свѣтъ, возлюбили тьму, и вся святыя догматы развратили по своему умышленію, и церковь святую разрушили и насъ—правовѣрныхъ возмутили, и самоволно приступили ко антихристу. Явѣ есть, яко уготоваютъ путь къ пришествію его: и се духовное пришествіе его, по писанію утаено неразумѣвающимъ, оказалось и есть... О горе, горе и увы братіе! яко время зло наступило на ны, и горе пріемлющимъ отъ нынѣшнихъ піяныхъ учителей и споспѣшниковъ антихристовыхъ новыя законы, новыя книги. Отъ сего сохрани насъ Христось, Сынъ Божій! Якоже видимъ нынѣшнія мнимыя духовницы пастыри, яко аспиды глухія, заткнуша уши свои, не хотятъ слышати о истинѣ, ухищряютъ и прельщаютъ своими ересьми сердца несмысленныхъ, и влекутъ съ собою во адъ преисподній и во огнь геенскій. Блюдитесь, молю вы, отъ таковыхъ, и не сообщайтесь неподобнымъ и темнымъ дѣломъ ихъ“ ¹⁾).

Вслѣдъ за архіереями Аввакумъ осыпаетъ грубой, площадной бранью и всѣхъ никоніанъ т. е. всѣхъ членовъ православной церкви, къ которымъ онъ относится съ величайшею ненавистію и презрѣніемъ. Для него всѣ никоніане—это что-то такое не выразимо скверное, нечистое и крайне злобредное, что возбуждаетъ въ немъ только негодованіе, отвращеніе и гнѣвъ. Вотъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ онъ отзывался о никоніанахъ и какіе эпитеты всегда прилагаетъ къ нимъ: „Отпиши ко мнѣ, какъ живутъ отщепенцы, бл...ы дѣти, новыя уніаты, кои въ рогахъ ходятъ, понеже отецъ ихъ діаволь, бл...и и лжи начальникъ, ихъ тому научилъ—лгать и прельщать народы“.—„Охъ, собаки! что вамъ старина-та помѣшала? развѣ то тяжело, что блудить не велятъ старыя святыя книги. Блуди, собака, блуди, отступникъ, бабъ уніатокъ, а не замай старыхъ святыхъ непорочныхъ книгъ пречистыхъ“.—Скажи-тко, никоніанинъ, скажи: какъ не сугубъ? Богоборцы, воры, бл...ы дѣти!.. Не подобаешь съ вами, поганцами, намъ вѣрнымъ и говорить много!“ „Посмотри-тко на рожу-ту и на брюхо-то (на иконахъ франкскаго письма), никоніанинъ окаянной, — толстѣ вѣдь ты! Какъ въ дверь небесную вмѣстится хочешь! Узка бо есть,

¹⁾ А. К. Вороздпна: прот. Аввакумъ, прил. стр. 68, изд. 1900 г.

и тѣсенъ и прискорбенъ путь вводяи въ животь. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищаютъ е, а не толстобрюхіе. Воззри на святыя иконы и виждь угодившія Богу, како добрыя изуграфы подобіе ихъ описуютъ: лице, и рущѣ, и нозѣ и вся чувства тончава и измождала отъ поста, и труда, и всякія находящія имъ скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ перемѣнили, пишете таковыхъ же, яко вы сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ, и ноги и руки яко стулцы у кажнава святаго.—„Никоніане сыны дѣволу: понеже не любятъ Христа и божественнаго его креста“.—„Видиши-ли, отступниче—поползуха? Что ракъ ползаешъ въ вѣрѣ—той, и такъ, и сякъ, и инакъ!“—„Видиши-ли, никоніанинъ, что вы дѣлаете, надъ одною просфирою кудѣсите,—дырѣ 300 навертишь! Охъ, собаки! Перемѣнили преданіе святыхъ отецъ, и пять просфиръ вмѣсто семи возлюбили“.—„Богородицу со престола согнали никоніане—еретики, воры, бл...ы дѣти. Да еще бы не горько христіанину!“—„Воры, воры, бл...ы дѣти! Какъ вамъ себя не соромъ! Іудейская вся возлюбили... Да помните себѣ, что я говорю: пропасть и вамъ за собакъ мѣсто! Ждетъ васъ Богъ на обращеніе; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодѣи, осквернившіе ризу крещенія, убійцы и прелюбодѣи, пьяницы и непрестаемаго грѣха желатели“.—Своихъ послѣдователей Аввакумъ поучаетъ: „а что много говорить?—не водись съ никоніяны, не водись съ еретиками: враги онѣ Богу и мучители христіаномъ, кривоносы, душегубцы!“ Впрочемъ разъ Аввакумъ выразилъ даже заботу объ обращеніи никоніанъ, но сдѣлалъ это, по обычаю, очень своеобразно—по аввакумовски. Въ одномъ мѣстѣ онъ взываетъ: „никоніяны—дураки! Съ Павломъ вамъ говорю: образумтесь!“—И только ¹⁾).

Приведенныя нами потоки отборной ругани, всѣ злобныя, незнающія мѣры, выходки противъ никоніанъ, проклятія ихъ, признаніе ихъ сынами и слугами самаго сатаны, вызваны у Аввакума единственно тѣмъ, что со времени Никона православные стали креститься не двумя, какъ ранѣе, перстами, а тремя, стали называть Христа Іисусъ, вмѣсто стараго—Ісусъ, стали употреблять четвероконечный крестъ, не отрицая въ то же время и восьмиконечнаго, стали трегубить, а

¹⁾ Матер. V, 161, 186, 190, 300, 309, 341, 365, 371. VIII, 28, 87 и др.

не сугубить аллилуію, служить на пяти, а не на семи просфорахъ, перемѣнили форму монашескаго клобука и т. под. И только единственно за эти незначительныя обрядовыя перемѣны, совершенно безразличныя для вѣры и благочестія, Аввакумъ и признаетъ православныхъ самыми злыми еретиками, даже не христіанами, а слугами антихриста и самаго сатаны. Какое однако сказывается во всемъ этомъ убожество мысли, знанія, пониманія... Считавшій себя великимъ знатокомъ всего божественнаго, самыхъ сокровенныхъ божественныхъ тайнъ, непонятныхъ для другихъ, но ему открытыхъ, Аввакумъ въ дѣйствительности не зналъ и не понималъ, въ чемъ состоитъ и какъ устроится на землѣ истинная церковь Христова, откуда и какъ произошли въ ней тѣ или другіе обряды, какое они имѣютъ въ ней значеніе, какъ относятся къ ея вѣроученію и т. под. Всѣ эти вопросы лежали внѣ сферы знаній и пониманія Аввакума, и даже совсѣмъ не возникали у него, хотя обрядъ и составлялъ сущность, все содержаніе его вѣрованій, всю душу его религіозной жизни. Нельзя не признать, что Аввакумъ, въ этомъ отношеніи, былъ самымъ типичнымъ и яркимъ выразителемъ тогдашняго общерусскаго пониманія православія и правовѣрія: твердо и непоколебимо, не смотря на преслѣдованія и гоненія, стоялъ онъ, защищая малѣйшую черточку самаго незначительнаго и безразличнаго самаго по себѣ обряда и даже просто помѣстнаго церковнаго обычая; готовъ былъ всячески пострадать и дѣйствительно страдалъ за эти безразличныя обрядовыя мелочи и черточки, не шель относительно измѣненія ихъ ни на какія уступки и компромиссы. Но, кичась тѣмъ, что онъ будто бы отлично знаетъ, почему намъ нужно обязательно употреблять восьмиконечный, а не четвероконечный крестъ, почему настоящую обѣдню нужно служить только на пяти, а никакъ не на семи просфорахъ и т. д., онъ, въ тоже время, грубо-еретически училъ объ основномъ и главнѣйшемъ догматѣ христіанства—о Святой Троицѣ, заблуждался относительно православнаго ученія о сошествіи Иисуса Христа во адъ, встрѣчая случайную опечатку въ старопечатныхъ книгахъ, вѣрилъ и въ опечатку, не смотря на очевидную получавшуюся отсюда бессмыслицу,—такъ написано въ святой книгѣ, значитъ, такъ нужно и вѣрить, неразсуждая. Конечно, еретическое

ученіе Аввакума о Св. Троицѣ, неправославное его ученіе о сошествіи Іисуса Христа во адъ, его защита самыхъ опечатокъ въ старопечатныхъ книгахъ, не были слѣдствіемъ его сознательной, еретичествующей мысли, желанія имѣть, по какому либо пункту церковнаго ученія, свое собственное, несогласное съ церковію мнѣніе; все это было только выраженіемъ немощности и убожества его общаго христіанскаго развитія и пониманія, полного отсутствія у него высшаго круга христіанскихъ знаній и идей, его неспособности и не умѣнья мыслить отвлеченно, о предметахъ выходящихъ изъ сферы его непосредственнаго наблюденія, стоящихъ внѣ обыденныхъ, всеневныхъ окружающихъ его житейскихъ явленій. Относительно послѣднихъ онъ всегда проявляетъ тонкую наблюдательность, почему постоянно и мыслить самыми реальными образами и картинами, выхваченными имъ изъ обиходной жизни. Къ этому нужно прибавить и то, что Аввакумъ былъ человѣкъ очень горячій, живой, увлекающійся, плохо знавшій во всемъ мѣру, и потому особенно способный впадать во всемъ въ излишества и крайности: съ никоніанами онъ вовсе не можетъ говорить спокойно, а только, по его собственному характерному выраженію: „кричать“, „лаять“, „грыстся“.

Чтобы сильнѣе опорочить въ глазахъ своихъ приверженцевъ и послѣдователей никоніанскую церковь и ея высшихъ представителей, Аввакумъ старается въ своихъ сочиненіяхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, подчеркнуть то обстоятельство, что господствующая церковь проявляетъ крайнюю нетерпимость къ сторонникамъ старины, относится къ нимъ мучительно, всегда жестоко гонитъ ихъ, преслѣдуетъ, всячески насильничаетъ надъ ними, чѣмъ совершенно ниспровергается христіанское ученіе, недопускающее и къ разномыслящимъ въ вѣрѣ никакихъ внѣшнихъ принужденій и насилій а тѣмъ болѣе гоненій и преслѣдованій. Такъ поступали только язычники, гнавшіе и преслѣдовавшіе христіанъ, но такъ по язычески невозможно поступать истиннымъ служителямъ Христа, истиннымъ представителямъ Христовой церкви. А между тѣмъ русскія власти — и духовныя и свѣтскія, всячески гнали защитниковъ русской церковной старины. Рассказывая о разстриженіи Логгина, о вырѣзываніи языковъ у нѣкоторыхъ защитниковъ

старообрядства, о томъ, какъ ихъ „на Москвѣ жарили, да пекли“, Аввакумъ, по этому поводу говорить: „чудо, какъ въ познаніе не хотятъ пріитти! Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ?—не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господомъ реченное ко апостоломъ сице: *шедше въ міръ весь проповѣдите евангеліе всей твари. Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Ев. от. Мар. зач. 71). Смотри, слышателью,—волею зоветь Христосъ, а не приказалъ апостоломъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицахъ вѣшать. Татарскій богъ Магометъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учителя явны яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають; по вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же“. Въ своемъ разсужденіи о иноческомъ чинѣ Аввакумъ говоритъ: „а никоніане пуци устремишася на зло, чають добро творять, еже пожигаютъ Христовыхъ людей“. У никоніанъ одно: „токмо жги, да пали, сѣки, да руби, да вѣшай однородныхъ своихъ! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидѣтели нашей крови изливающейся“. Или, напримѣръ, Аввакумъ пишетъ: „ты, никоніанинъ, чѣмъ похвалишся? — скажи - тко! Антихристомъ своимъ нагимъ развѣ, огнемъ, да топоромъ, да висѣлицею? Богаты вы тѣмъ!—знаю я. У васъ нынѣ: сѣки, да руби, жги, да пали, да вѣшай!“¹⁾

Изъ приведенныхъ заявленій Аввакума съ очевидностію, повидимому, слѣдуетъ, что онъ былъ горячимъ поклонникомъ и проповѣдникомъ полной широкой вѣротерпимости, врагомъ всякихъ внѣшнихъ принужденій и насилій въ дѣлахъ вѣры,—поклонникомъ и проповѣдникомъ того тезиса,—что всякое принужденіе и насиліе въ дѣлахъ вѣры противно ученію Христа и его апостоловъ, и что оно должно быть совершенно чуждо и несвойственно истинной Христовой церкви, и потому никогда и никакимъ истиннымъ христіани-

¹⁾ Матер. V, 88, 287, 367.

номъ не должно быть употребляемо. Но думать такъ объ Аввакумѣ было бы очень ошибочно.

Въ своей частной жизни, въ своей протопопской практикѣ, Аввакумъ любилъ прибѣгать къ внѣшнимъ принужденіямъ, насиліямъ, побоямъ и даже истязаніямъ, и относительно себя за свой грѣхъ или проступокъ, и относительно всѣхъ такъ или иначе зависившихъ отъ него лицъ, которыми онъ почему либо былъ недоволенъ. Однажды, рассказываетъ Аввакумъ, когда онъ былъ еще священникомъ въ Лопатицахъ, „прииде ко мнѣ исповѣдаться дѣвица, многими грѣхми обременена, блудному дѣлу и малакии всякой повинна: нача мнѣ, плакавшеся, подробно возвѣщать въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же, треокаянный врачъ, самъ разболѣлся, внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ. И горько мнѣ бысть. Въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе“ — Жена Аввакума, протопопица Настасья Марковна, такая же ревнительница по старомъ благочестіи, такая же мужественная и непоколебимая при перенесеніи всѣхъ бѣдъ и лишеній, какъ и ея мужъ, „со вдовою домочадицею Фотиніею межъ собою побранились,— дьяволъ ссорилъ ни за что. И я, рассказываетъ Аввакумъ объ этомъ прискорбномъ для него событіи, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ, и оскорбилъ гораздо“. Но потомъ скорый на руку протопопъ одумался: „жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощатце со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь говорю: согрѣшилъ Настасья Марковна, — прости мя грѣшнаго! Она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фотиніею тѣмъ же образомъ простился. Таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ: человѣкъ было 20,—и жена и дѣти всѣ, плачучи, стегали. А я говорю: аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части во царствіи небеснѣмъ! И они, нехотя, бьютъ и плачутъ; а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили, и я, воставше, сотворилъ предъ ними прощеніе“.—О своемъ отношеніи къ провинившимся подчиненнымъ Аввакумъ рассказываетъ: „егда время приспѣеть заутрени, не спрашиваю пономоря, самъ пошелъ благовѣстить. Пономарь прибѣжить. Отдавъ колоколъ, пошедъ въ церковь, и начну полунощницу: докамѣсть сходятся

крылошаня, а я проговорю въ тѣ поры. Прощаются — ино Богъ проститъ; а которой дуруетъ, тотъ на чепь добро—пожаловать: не раздувай уса—тово у меня.“ Сажанье на цѣпь, стеганье ремнемъ и четками виновныхъ въ чемъ либо, было самымъ обычнымъ приемомъ исправленія у Аввакума. Во время пребыванія Аввакума въ Тобольскѣ дьякъ тамошняго архіепископа, Иванъ Струна, „церкви моя, рассказываетъ Аввакумъ, дьяка Антонія мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же, Антонъ, утеча у него, и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день прииде ко мнѣ въ церковь,—а я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на крылосъ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никого не пустилъ,—одинъ онъ, Струна, въ церкви вертится, что бѣсъ. И я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и за церковный мятежь постегалъ его ремнемъ нарочито—таки; а прочіи, челоуѣкъ съ двадцать, вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ“.—У Аввакума какъ-то жилъ бѣсноватый, котораго онъ всегда заставлялъ молиться вмѣстѣ съ собою. Но тотъ „у правила стоять не захочетъ, діаволь сонъ ему наводитъ: и я постегаю четками, такъ и молитвутворить станетъ и кланяется, за мною стоя.“—Другой исцѣленный имъ бѣсноватый, рассказываетъ Аввакумъ, „сталъ со мною на крылосъ пѣть литургію: во время переноса и досадилъ мнѣ. Азъ въ то время побилъ его на крылосъ, и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать ко стѣнѣ“ ¹⁾.

Какъ иногда энергично и какими мѣрами воздѣйствія исправлялъ Аввакумъ грѣшниковъ и грѣшницъ, это видно изъ слѣдующихъ двухъ картинныхъ его рассказовъ. „Въ Тобольскѣ градѣ, повѣствуетъ Аввакумъ, прииде ко мнѣ въ домъ искуситель, чернецъ пьяной и кричить: учителю, учителю! дай мнѣ скоро царство небесное! Часу въ пятомъ или шестомъ ноци, азъ съ домочадцы кононы говорю: кричить чернецъ неотступно. Подумаю,—бѣда моя, что сотворю? Покинулъ правило говорить, взялъ его вызбу и рекохъ ему: чесо просиши? Онъ же отвѣщавъ: хощу царства небеснаго скоро, скоро! Азъ же глаголю ему: можеша ли пить чашу,

¹⁾ Ibid. V, 10—11, 23, 97, 101. VIII, 91.

ея же ти поднесу? Онъ же рече: могу!—давай въ сій часъ, не закосня! Азъ же приказалъ пономарю стулъ посреде избы поставить и топоръ мясной на стулъ положить, вершить чернца хочу. Еще же канатной толстой шелепъ приказалъ сдѣлать. Взявше книгу, отходную сталъ ему говорить и со всѣми прощаться. Онъ же задумался. Также на стулъ велѣлъ ему главу возложить: и шелопомъ пономарь по шеѣ. Онъ же закричалъ: государь, виновать, пощади, помилуй! И пьянство скочило. Ослабили ему. Паль предъ мною. Азъ же далъ ему четки въ руки, полтора ста поклоновъ предъ Богомъ за епитимію велѣлъ класть. Поставилъ его пономарь въ одной свиткѣ,—манатью и клобукъ снялъ и на гвоздь повѣсилъ. Я, ставъ предъ образъ Господень, вслухъ Ісусову молитву говоря, на колѣни поклонюся; а онъ послѣдую, стоя за мною, также на колѣни; а пономарь шелепомъ по спинѣ. Да уже насилу дышать сталъ: такъ ево употчивалъ пономар-еть! Вижу я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился онъ изъ сѣней, да и чрезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричитъ вослѣдъ: отче, отче! манатью и клобукъ возми! Онъ же отвѣща: горите вы и совсѣмъ! Не до моватьи стало“, замѣчаетъ Аввакумъ. Другой случай. Аввакумъ какъ-то въ Сибири неожиданно наткнулся на случай прелюбодѣянiя и, конечно, пустился на обличенiя. „И я говорю, рассказываетъ онъ: что се творите? Не по правиломъ грѣхъ содѣваете! И онъ сопротивно мнѣ: не осуждай! И азъ паки имъ: не осуждаю, а не потакаю“. И такъ какъ виновная не только не заявляла раскаянiя, но еще стала и посмѣиваться, то Аввакумъ „свелъ ихъ въ приказъ (участокъ) воеводы. Тѣ (въ приказѣ) къ тому дѣлу милостивы,—смѣхомъ дѣлаютъ: мужика, постегавъ маленько, и отпустилъ, а ея мнѣ жъ подначалъ и отдалъ, смѣючись. Прислалъ. Я подъ полъ ея спряталъ. Дни съ три во тмѣ сидѣла на холоду,—заревѣла: государь батюшко Петровичъ! Согрѣшила предъ Богомъ и предъ тобою! Виновата,—небуду такъ впредь дѣлать! Прости меня грѣшную! Кричитъ ночью въ правило,—мѣшаетъ говорить. Я су пересталъ правило говорить, велѣлъ ея вынять, и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожитъ и говоритъ: нѣтъ, государь, не до вина стало! Дай, пожалуйста, кусочекъ хлѣбца. И я ей говорю: разумѣй, чадо,—похотѣнiе

то блудное пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ, и ума недостатокъ, и къ Богу презорство и безстрашіе: наѣдшися и напився пьяна, скачешь, яко юница быковъ желаетъ, и яко кошка котовъ ищешь, смерть забывше. Потомъ далъ ей четки въ руки, велѣлъ класть предъ Богомъ поклонны. Кланялася, кланялася,—да и упала. Я пономарю шелепомъ приказалъ. Гдѣ—петь дѣтца? Чортъ плотной на шею навязался! И плачу предъ Богомъ, а мучу. Помню, въ правилѣхъ пишеть: прелюбодѣй и на Пасху безъ милости мучится. Начала много далъ, да и отпустилъ. Она, съ досадой замѣчаетъ Аввакумъ, и паки за тотъ же промыслъ, сосудъ сатанинъ!“¹⁾

Такимъ образомъ Аввакумъ въ своей частной жизни и дѣятельности приверженъ былъ къ кулачной расправѣ, къ физическимъ насильственнымъ дѣйствіямъ относительно въ чемъ либо погрѣшившихъ лицъ. Недаромъ, конечно, и самъ онъ о себѣ заявляетъ: „всегда такой я, окаянной, сердитъ, дратца лихой“²⁾. Вполнѣ естественно было поэтому, что такой лихой на драку человѣкѣ, считавшій, для искупленія всякаго простаго согрѣшенія, обязательнымъ физическое страданіе, не могъ быть вѣротерпимымъ, не могъ, хотя бы сколько нибудь снисходительно, относиться къ иновѣрующимъ,—еретикамъ по его представленію. Если нашихъ единовѣрныхъ согрѣшающихъ слѣдовало подвергать за грѣхъ физическимъ страданіямъ, то конечно еретиковъ, за ихъ ересь, слѣдовало всячески казнить и прямо истреблять безъ всякаго сожалѣнія и снисхожденія. Такъ дѣйствительно и думалъ Аввакумъ, такія именно жестокия, безпощадныя отношенія онъ и желалъ установить ко всѣмъ столь ненавистнымъ ему еретикамъ—никоніанамъ. Онъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „знаете-ли, вѣрніи? Никонъ пресквернѣйшій,—отъ него бѣда-та на церковь-ту пришла. Какъ бы доброй царь, повѣсилъ бы ево на высокое дерево, яко древле Артаксерксъ Амана, хотяща погубити Мардохея и родъ израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ. А то чему быть! Умъ отнялъ у миловы, у нынѣшняго, какъ близъ его

¹⁾ Матер. V, 200—201, 254—255.

²⁾ А. К. Вороздина: прот. Аввакумъ, прилож. стр. 108.

былъ“. Къ царю Алексѣю Михайловичу Аввакумъ обращается съ такимъ совѣтомъ: „перестань-ко ты насъ мучить-тово! Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. Право будетъ хорошо“. Въ посланіи къ царю Федору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ: „а что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крѣпкоумный—князь Юрья Алексѣевичъ Долгорукій! Перво бы Никона собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніанъ. Князь Юрья Алексѣевичъ! не согрѣшимъ, небось, но и вѣнцы побѣдныя примемъ!“ Но, къ счастью, Аввакумъ не имѣлъ ни силы, ни власти привести въ исполненіе свои кровавыя, беспощадныя мѣры относительно никоніанъ. Тогда Аввакумъ возложилъ свои кровавыя мстительныя надежды на турокъ и татаръ, которые, по его представленію, должны напасть на Русь и кровью и опустошеніями отмстить всѣмъ никоніанамъ за ихъ преслѣдованія защитниковъ старины. „Надѣюся, пишетъ онъ, Тита втораго Іусписіяновича на весь новый Іерусалимъ, идѣже течеть Истра рѣка, и съ пригородкомъ, въ немже Неглинна течеть (т. е. Москва). Чаю, подвигнетъ Богъ того же турка на отмщеніе кровей мученическихъ. Пускай любодѣицу—ту потрясутъ, хмѣл-ять выгонять изъ бл...и! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: никоніанамъ „быть прогнаннымъ отъ Духа въ степь ко Измаилу, еже есть предасть Богъ, яко грековъ, туркамъ и крымскимъ татаровьямъ, а въ будущій вѣкъ въ преисподній тартаръ всѣхъ съ жидами заодно“. Но и эти надежды Аввакума на турокъ и татаръ не исполнялись. Тогда онъ, утѣшенія и обѣщанія своимъ послѣдователямъ въ ихъ полномъ удовлетвореніи за земныя страданія, переноситъ изъ здѣшней жизни въ будущую, когда они уже несомнѣнно и всецѣло восторжествуютъ надъ безбожными никоніанами, когда Христось отдастъ послѣднихъ въ ихъ руки, на ихъ судъ и усмотрѣніе, и когда они, сами неизрѣченно блаженствуя, въ то же время будутъ наслаждаться зрѣлищемъ вѣчныхъ адскихъ мученій никоніанъ. Вотъ, на примѣръ, какія въ этомъ отношеніи соблазнительныя для своихъ послѣдователей и пріятныя картины рисуеть Авва-

кумь. Никоніанинъ, говоритъ онъ, „не уйдетъ (отъ тебя) у праведнаго Христова суда, и тогда натѣшишься надъ нимъ, по писанному: святіи мируи судити хотятъ. Вотъ, внимай: егда Христось тебѣ ево отдасть, кто можетъ тогда отнять? Какъ захочешь, такъ осудишь ево о Христѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ, что Христось „никоніанамъ не царь: у нихъ антихристъ царь. Дайте-ко срокъ. Во Апокалипсисѣ писано: выѣдетъ на конѣ бѣломъ и царя ихъ со лжепророкомъ въ огнь всадитъ живыхъ. Потомъ и діавола за ними же. Измѣнитъ же ихъ, собакъ, во мгновение ока, сирѣчь убіетъ, да и паки оживитъ, да ужъ въ огон-еть кинетъ. А прочихъ войско-то ихъ побито будетъ на мѣстѣ нѣкоемъ Армагеддонѣ. Тѣ до общаго воскресенія не оживутъ; тѣлеса ихъ птицы небесныя и звѣри земныя вѣсть станутъ: тушны гораздо, брюхаты,—есть надъ чѣмъ птицамъ и звѣрямъ прохлажаться. Пускай онѣ нынѣча бранятъ Христа, а насъ мучать и губятъ: отольются медвѣдю коровьи слезы,—потерпимъ, братія, не поскучимъ, Господа ради“. Или, на примѣръ, Аввакумъ говоритъ: „ты (никоніанинъ), собака поешь: *идеши*,—антихриста ждешь! А насъ мучите, силою велите антихристу своему вѣровати. Возми—здорово,—будетъ по вашему! Нѣтъ, друшки, не надѣйтеся! Жить намъ со своимъ надежею—Христомъ, Сыномъ Божіимъ, и умремъ съ нимъ, и паки оживемъ съ нимъ; а васъ собакъ всѣхъ намъ подъ началъ отдасть. Дайте-ко срокъ,—я вамъ и лутчему тому ступлю на горло о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ“. Или, на примѣръ, Аввакумъ злобно говоритъ: „дайте только срокъ, собаки, не уйдете у меня: надѣюся на Христа, яко будете у меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ“ ¹⁾.

Правда, въ своемъ посланіи ко всѣмъ вѣрнымъ Аввакумъ какъ будто учитъ своихъ послѣдователей быть терпимыми и даже молиться за своихъ враговъ. Онъ пишетъ: „молися за противнаго, яко и самъ Господь о Іеросалимѣ плакаша, и Стефанъ первомученикъ о убивающихъ моляшеса, и Моисей: Господи, аще люди сія погубляеши, истреби и меня отъ книги животныя. Тако и ты говори: Господи, накажи (т. е. просвѣти) сопротивляющихся и привлцы ко истиннѣ твоей, имиже вѣси судьбами своими праведными“. Но къ

¹⁾ Матер. V, 156, 205, 248—249, 306, 309—310. VIII, 29. 45, 56.

этому онъ сейчасъ же прибавляетъ и слѣдующее: „аще ли не лежитъ въ нихъ покаяніе и нѣсть мѣста ко обращенію, пресѣки жизнь нечестиваго, да не протяжается во грѣсѣхъ своихъ“, т. е. и здѣсь Аввакумъ учитъ своихъ послѣдователей молить Господа, чтобы Онъ „пресѣкъ“ жизнь нечестивыхъ, подѣ которыми Аввакумъ разумѣетъ всѣхъ въ чемъ либо несогласныхъ съ нимъ, и особенно никоніанъ. Такое свое пониманіе этаго дѣла болѣе опредѣленно онъ выясняетъ въ другомъ мѣстѣ. Приводя слова Господа: *любите враги ваша*, онъ рассуждаетъ: „своего врага люби, а не Божія, сирѣчь еретика и навѣтника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душою и тѣломъ; а еще кто не богоборецъ и не еретикъ досаждаетъ ти, таковаго любити подобаетъ по заповѣди Господни. Тому же подобно и мирное поставленіе. Съ еретикомъ какой миръ? Бранися съ нимъ и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному... Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣрїи; токмо плюй на него“ ¹⁾. Очевидно у Аввакума двѣ мѣрки въ отношеніяхъ: одна для своихъ, другая для иновѣрующихъ; однихъ—своихъ, нужно любить и прощать; другихъ—иновѣрныхъ, нужно ненавидѣть, браниться съ ними до смерти, не говорить съ ними о правовѣрїи, плевать на нихъ.

Нравственная истинно-христіанская высота человѣка, нравственное христіанское величіе и святость, проявляются главнымъ образомъ не просто только въ спокойствїи, въ сдержанности, въ доброжелательномъ постоянно отношенїи ко всѣмъ, особенно къ людямъ съ нами несогласнымъ, къ намъ нерасположеннымъ, но и въ любви къ самымъ врагамъ нашимъ, въ полномъ ихъ всепрощенїи, въ желанїи имъ блага и добра, въ заботѣ объ ихъ спасенїи. У святаго страдальца, угодника Божія и мученика, протопопа Аввакума, ничего этого нѣтъ. Онъ любитъ только своихъ учениковъ и послѣдователей, только всѣхъ вѣрящихъ въ него, преклоняющихся предъ нимъ, безусловно признающихъ его высшій авторитетъ и во всемъ съ нимъ соглашающихся. Въ тоже время онъ искренно, отъ всей души ненавидитъ своихъ враговъ и всѣхъ, въ чемъ либо несогласныхъ съ нимъ и—особенно никоніанъ; онъ всячески ругаетъ и позоритъ ихъ самихъ,

¹⁾ Матер. V, 241. VIII, 60—61.

ихъ вѣрованія, всякую ихъ святыню, онъ страстно желаетъ имъ всякаго зла и всякихъ бѣдъ, злорадно и съ услажде- ніемъ рисуетъ картины ихъ будущихъ вѣчныхъ адскихъ му- ченій; онъ готовъ бы былъ и сейчасъ, если бы только у него была сила и власть, всѣхъ ихъ перевѣшать и пере- пластать, какъ бѣшеныхъ собакъ. Но этого мало. Онъ вся- чески старается, въ умахъ и сердцахъ своихъ послѣдовате- лей, сѣять ту же неукротимую вражду и злобу ко всѣмъ никоніанамъ, какую чувствуетъ самъ, желаетъ навсегда прервать между ними всѣ средства къ взаимному общенію, и тѣмъ закрыть имъ и въ будущемъ возможные пути къ примиренію. Эта его проповѣдь необходимо дѣйствовала на его учениковъ и послѣдователей развращающимъ образомъ, питая въ нихъ самыя дурныя и низкія чувства. И если по- слѣдующая старообрядческая община не проявила тѣхъ от- рицательныхъ и позорныхъ качествъ, какія къ ней старался привить Аввакумъ, то вина этого лежитъ не въ Аввакумѣ.

Вмѣстѣ съ проповѣдію крайней нетерпимости и вражды къ никоніанамъ, Аввакумъ проявилъ еще и крайне отрица- тельное отношеніе къ наукѣ, научному знанію, къ ученымъ и вообще образованнымъ лицамъ, что опять было великимъ зломъ для всей послѣдующей жизни старообрядчества.

Въ борьбѣ съ старыми церковными порядками въ первый разъ у насъ оффиціальная правительственная Русь стала выдвигать, хотя нерѣшительно и несмѣло, на первый планъ въ церковныхъ вопросахъ науку, научное знаніе, авторитетъ научно образованныхъ лицъ; у насъ теперь стали требовать признанія церковной реформы между прочимъ и потому, что она производилась лицами научно образованными, обладающими высшими, только наукой даваемыми, свѣдѣ- ніями; стали заявлять, что людямъ неученымъ, и совсѣмъ необразованнымъ, слѣдуетъ подчиняться авторитету людей ученыхъ, что безъ научнаго образованія, безъ научныхъ зна- ній, нельзя браться за рѣшеніе разныхъ богословскихъ и церковныхъ вопросовъ, какъ это дѣлаютъ необразованные, мало свѣдующіе и плохо понимающіе дѣло защитники ста- рины. Въ Москвѣ теперь, по поводу борьбы съ старообряд- ствомъ, въ первый разъ многими понята и ясно признана была несостоятельность старой русской образованности, ос- нованной на простомъ, случайномъ и одностороннемъ начет-

чествѣ, сознано было, что старый русскій начетчикъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ въ существѣ дѣла очень темный малосвѣдущій человѣкъ, всегда узкій, ограниченный и нетерпимый, мало способный къ усвоенію высшаго круга идей и знаній, и вообще всего, что выходитъ изъ рамокъ его узкаго, односторонняго міросозерцанія и пониманія. Съ своей стороны и защитники церковной старины увидѣли, что противъ нихъ, и всей русской старины, выдвинута новая сила, сила могучая и очень привлекательная для многихъ, и потому очень опасная и лично для нихъ и для всего защищаемаго ими стариннаго уклада русской жизни, что эта сила грозитъ все передѣлать и перестроить на новый ладъ, грозитъ всю дальнѣйшую русскую жизнь двинуть на иной путь, нежели по какому она шла ранѣе. Тогда со всей силой и энергіей они ополчились противъ науки; стараясь всячески ея дискредитировать въ глазахъ всѣхъ благочестивыхъ русскихъ, выставить ея крайне вредною и опасною для вѣры и благочестія, изобразить ея какъ порожденіе самого дьявола, какъ причину невѣрія, ересей и всякихъ заблужденій въ церкви Христовой. Съ пѣной у рта они набрасывались на представителей и носителей науки, осыпая ихъ потокомъ грубой брани, насмѣшокъ и издѣвательствъ, изображали ихъ—„пьяныхъ философовъ“—людьми безбожными, совершенно испорченными нравственно, годными только на лезть и пресмыкательство предъ сильными міра сего. Во главѣ заклятыхъ враговъ науки, всякихъ научныхъ знаній и научнаго образованія вообще, стоялъ протопецъ Аввакумъ, самъ однако никогда незнавшій и, потому, совсѣмъ непонимавшій науки.

Аввакумъ поставилъ свою задачею крѣпко-накрѣпко закрыть для своихъ послѣдователей двери ко всякому научному знанію и образованію, онъ старался внушить имъ отвращеніе къ наукѣ, стремленіе бѣжать отъ нея какъ можно дальше, такъ какъ соприкосновеніе съ ней, по его мнѣнію, можетъ только осквернить и развратить всякаго истинно вѣрующаго и благочестиваго человѣка.

Въ своемъ „житіи“ Аввакумъ пишетъ, что Діонисій Ареопагитъ, „прежде даже не пріити въ вѣру Христову, хитрость имъй исчитати бѣги небесные; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимоею пишетъ въ

книгъ своей, сиче глаголя: дитя, али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя бл..ь ничтоже суть, но токмо и прелесть и тля и пагуба... Исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, воеже спастися имъ: и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ примуть не вѣровавшіи истинѣ, но благоволиша о неправдѣ“. Въ своемъ небольшомъ трактатѣ: „о внѣшней мудрости“ Аввакумъ разсуждаетъ: „алманашники и звѣздохотцы и вси зодѣйщики познали Бога внѣшнею хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышлеными, уподоблятися Богу своему мудростію начинающе, якоже первый бл...ый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермись піаница, и Артемида любодѣвица, о нихже Гранографъ и вси Кронники свидѣтельствуютъ, таже по нихъ бывше Платонъ и Пиеагоръ, Аристотель и Диогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сін мудри быша и во адъ угодиша. Достигоша съ сатаню разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣвше, и оттолѣ пошествіе и движеніе смотряху небеснаго круга, гадающе къ людской жизни вѣка сего настоящаго,—или тщету, или гобзованіе, и тою мудростію своею уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати... И взимахуся, бл...ы дѣти, выше облакъ,—слово въ слово яко и сатана древле. Сего ради отверже ихъ Богъ: благоизволилъ буйствомъ апостоловъ спасти хотящихъ наслѣдовати спасеніе. Вси христіане отъ апостолъ и оґъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости, и любви нелицемѣрной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудростію, живуще въ трезвости, достизають не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ, ко престолу царя славы, и со ангелы сподобляются славити Бога; души ихъ во благихъ водворяются, а тѣлеса ихъ на земли нетлѣнни быша и есть. Виждь, гордусецъ и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пиеагоръ! Тако ихъ, яко свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и уподобленія ради къ Богу... Виждь, безумной зодѣйщикъ, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите Богу и Творцу всѣхъ: токмо насыщатися и упиватися и бабъ блудить ваше дѣло“. Въ толкованіи на книгу бытія Аввакумъ говоритъ: „не всѣ судьбы его (Божіи)

человѣку надобно вѣдать: полно и тово, что и на земли надѣлалъ и даль знать. И отъ тово человѣкъ что пузырь раздувается; а кабы небесная-то вѣдалъ, и онъ бы равень былъ діаволу. Аще волхвы и звѣздохотцы, и всѣ алманашники, по звѣздамъ гадая, время назирають, дня и часа смотряють: а все блудять. Обманываетъ ихъ діаволь. Не сбывается на ихъ коварствѣ. Токмо Господу досаждаютъ, и отъ него, Бога, тѣмъ отступаютъ. Увы о нихъ бѣдныхъ! Сію проклятую хитрость по потопѣ въ пятьсотное лѣто, при столпотвореніи, Невродъ исполинъ обрѣте, послѣ людей потопныхъ... И нынѣшнія алманашники, слыхалъ я, мало покоя имѣють себѣ: и ветхая испражнять пойдетъ, а въ книжку поглядить, здорово ли испразднится. Бѣдные, бѣдные! Какъ вамъ не соромъ себя! Оставя промыслъ Творца своего, да діаволу работаете, невродяне безчинники!... Свиньи и коровы болши васъ знаютъ—предъ погодою вижжать, да ревуть, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть! Горе, да только съ вами, съ толстыми быками!“ Поучая своихъ послѣдователей отъ лица ап. Павла и Златоуста Аввакумъ пишетъ: „внимайте реченію и послѣдуйте словесемъ ихъ, не ищите риторикн и филозофїи, ни краснорѣчія, но здравымъ истиннымъ глаголомъ послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и филозофъ не можетъ быти христіанинъ,—Григорій Нискій пишетъ. И Златоустъ тому же согласуетъ, сице глаголя: яко ни на прагъ церковный риторъ и филозофъ достоинъ внити. И Павелъ апостоль глаголетъ: придохъ бо не по превосходному словеси разума человѣча, но въ показаніи духа и силы. И въ другой главизнѣ пишетъ: погублю премудрость премудрыхъ, и разума разумныхъ отвергуся. Да и вси святїи насъ научають, яко риторство и филозофство внѣшняя бл., свойственна огню негасимому: отъ того бо рождается гордость, мати пагубѣ, и нѣсть ми о семъ радѣнія. Азъ есмь ни риторъ, ни филозофъ, дидаскальства и логофетства не искусень, протецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣденія“¹⁾.

¹⁾ Матер. V, 3, 298—299, 333—335. А. К. Боровина: Прот. Аввакумъ, прил., стр. 133.

Но, признавая себя человѣкомъ неученнымъ и несмысленнымъ, въ то же время Аввакумъ признаетъ, что онъ, „аще и неученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже апостоль глаголетъ: аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ“. И этого для него—Аввакума вполне достаточно. Наука, затмѣвая и крайне надмѣвая умъ человѣка, и тѣмъ отвращая его отъ Бога и низводя прямо въ адъ, не даетъ даже никакихъ внѣшнихъ преимуществъ изучающему ея предъ человѣкомъ истинно вѣрующимъ, такъ какъ „и кромѣ философіи и кромѣ риторики и кромѣ грамматики мощно есть вѣрну сущу препрети всѣхъ противящихся истинѣ“. Это потому, что „Христосъ не училъ насъ ни діалектикѣ, ни краснорѣчію“, потому-то, конечно, „риторъ и философъ не могутъ быть христіанами“. Изъ науки никоніанъ и всѣхъ вообще еретиковъ получается всегда нѣчто очень жалкое, поверхностное и очень злобредное для самихъ еретиковъ. „У еретиковъ—тѣхъ, говоритъ Аввакумъ, у всѣхъ вымыслъ: верхи у писанія того хватаютъ, что мыши углы у книгъ тѣхъ угрызаютъ, а внутрь лежащаго праведнѣ нимало разсудятъ; и иное знаютъ, да ухищреніемъ заминаютъ, и всѣмъ хотящимъ спастися запинаютъ“ Никоніане, увѣряетъ Аввакумъ, даже будто бы сознаютъ, что защищаютъ неправду, и только по своей гордости и надмѣнности не хотятъ признаться въ своемъ заблужденіи предъ защитниками старины, которыхъ они признаютъ невѣжественными и ничего непонимающими. „Никоніане, говоритъ Аввакумъ, забрели во глубину золь за стыдъ свой; а совѣстми-тѣми бодоми, яко жидовя, вѣдаютъ, что своровали надъ церковію. Бываетъ то, яко и неради тому; за совѣсть стало,—невозможно стало покинуть дондеже изводъ возметъ“. Гордость, питаемая наукой, совсѣмъ губитъ никоніанъ. Аввакумъ пишетъ; „бѣда отъ гордыхъ церкви Божіей,—тотъ сякъ, а инъ инако. Я помышляю: недостатокъ ума большой въ человѣкѣ томъ, иже гордость содержитъ и, чается, ему мнится хорошо, а все развалилося. Якоже и дьяволъ самъ за недугъ сей изверженъ среди огня и отриновень отъ лица Божія, во тму осужденъ, а таки величается,—я-де великъ, я обладаю всѣмъ! И надъ свиніями не имать власти. Тако и гордый мнится

имѣя вся, а ничтоже сый,—во всемъ отвсюду гнило и развалилося, и душевная и тѣлесная“ ¹⁾).

Единственнымъ источникомъ всякаго истиннаго и спасительнаго для человѣка знанія, Аввакумъ признаетъ только старопечатныя до никоновскія книги, причемъ онъ мало довѣряетъ книгамъ рукописнымъ, такъ какъ въ послѣднихъ можно найти всячину. „Мы такъ вѣруемъ, говоритъ онъ, какъ церковныя (печатныя) книги учать. А въ писмянныхъ—тѣхъ всячину найдешь“. Заповѣдуя своимъ послѣдователямъ бѣгать отъ еретиковъ и не говорить съ ними о правовѣрии, онъ совѣтуетъ имъ: „взыщи христіанина, который святыхъ книгъ не уничижаетъ, и съ нимъ бесѣдуй, разсуждая премудрость, писанную во святыхъ старопечатныхъ книгахъ: и приложить примати. Такъ обоемъ добро будетъ отъ Христа Бога“. „А я грѣшный, про себя говоритъ Аввакумъ, кромѣ писаново, не хочу собою затѣвать: какъ написано, такъ и вѣрую; идѣже что святые написали, мнѣ такъ и добро“ ²⁾. Значить, единственный источникъ всякихъ знаній, какой признаетъ Аввакумъ, и какого обязаны держаться всѣ его послѣдователи—это старопечатныя церковныя книги: только на ихъ основѣ и въ предѣлахъ заключающихся въ нихъ матерій, позволительны благочестивыя бесѣды и разсужденія; всякій другой источникъ знанія, каковы разныя науки, совершенно недопустимы для истинно вѣрующаго и благочестиваго человѣка въ виду того, что онѣ не даютъ вѣрующему никакихъ спасительныхъ знаній, а только надмѣваютъ и развращаютъ его умъ, отдаляютъ его отъ Бога и, въ концѣ, ведутъ къ вѣчной гибели. Даже такіе великіе и добродѣтельные мужи древности, какъ Пиеагоръ и Платонъ, и особенно послѣдній, на изученіи сочиненій котораго воспитывались величайшіе святые отцы и учителя церкви, все-таки, по увѣренію Аввакума, и сейчасъ мучается въ аду за свою науку и за свой наукою надменный умъ. Понятно, что вмѣстѣ съ внѣшнею мудростію, выражающеюся въ разныхъ наукахъ, въ обществѣ единственно истинно вѣрующихъ недопустима никакая критика, никакое самостоятельное мышленіе и изысканіе, такъ какъ нужно не изыскивать, а только

¹⁾ Матер. I, 486—488. V, 373. VIII, 17, 49.

²⁾ *ibid.* VIII, стр. 62, 84 и 108.

крѣпко вѣровать въ то, „что святые написали“, вѣровать именно такъ, какъ написано, а не такъ, какъ говоритъ человѣческое изысканіе, надменный человѣческій умъ. На всякую самостоятельную, свободную мысль человѣка, на всякое его стремленіе къ самостоятельному и независимому изученію и знанію, на всякую его попытку выбиться изъ тѣснаго односторонняго круга разъ установившихся понятій, наложена была Аввакумомъ прочная узда, которая должна была если не навсегда, то надолго затруднить возможность появленія въ средѣ старообрядческаго общества людей высоко культурныхъ, научно развитыхъ и образованныхъ, людей способныхъ смѣло и самостоятельно вращаться въ высшемъ кругѣ идей и знаній, способныхъ будить и двигать своихъ собратій по пути дальнѣйшаго развитія и расширенія истинно христіанской жизни, а не стоять вѣчно на одной и той же точкѣ, какъ училъ Аввакумъ. Въ этомъ и заключается крайне печальное послѣдствіе, для послѣдующей старообрядческой общины, отрицательнаго, презрительно-враждебнаго отношенія Аввакума къ наукѣ, которую онъ самъ никогда не зналъ, не изучалъ и, какъ говорится, не видалъ и въ глаза, а потому имѣлъ о ней самое неправильное и извращенное представленіе, идущее буквально въ разрѣзъ со взглядами на науку такихъ великихъ святыхъ отцевъ церкви, какъ Василій Великій и Григорій Богословъ, которые нарочно отправлялись въ Аѳины, чтобы слушать тамъ языческихъ профессоровъ и изучать тамъ системы языческихъ философовъ. Эти великіе отцы церкви, ревностно изучавшіе внѣшнюю языческую мудрость, какъ очень полезную для христіанъ, сдѣлались потомъ великими учителями всей вселенской церкви, разъяснили и утвердили своимъ высокимъ ученіемъ важнѣйшія и величайшія истины христіанскаго ученія, сдѣлались законоположниками истинно-христіанской жизни. Между тѣмъ протопощъ Аввакумъ, такъ позорившій науку, такъ цинично издѣвавшійся надъ ея древними и новыми представителями, такъ задорно кичившійся своими глубокими познаніями божественныхъ истинъ и тайнъ, при своемъ научномъ полномъ невѣжествѣ,—грубо-ребячески впадаетъ въ еретичество въ ученіи о Св. Троицѣ, воплощеніи и пр. Очевидно наука жестоко посмѣялась надъ своимъ ненавистникомъ и гонителемъ, и именно на самомъ Аввакумѣ

ясно и для всѣхъ убѣдительно показала, что безъ науки и научнаго знанія даже самому протопопу Аввакуму не слѣдуетъ братьяся за роль учителя церкви.

Изъ всего сказаннаго нами о личности и обстоятельствахъ жизни протопопа Аввакума слѣдуетъ, что оцѣнка Аввакума, какъ историческаго общественнаго дѣятеля, можетъ быть очень неодинакова, такъ какъ будетъ зависѣть отъ того, съ какой стороны мы станемъ смотрѣть на него. Аввакумъ, съ одной стороны, выдающійся, стойкій борецъ за свое дѣло—вся его жизнь есть несомнѣнный, сплошной, тяжелый подвигъ, возбуждающій наше удивленіе и почтеніе. Но, съ другой стороны, у протопопа Аввакума нѣтъ никакого соответствія между внѣшнимъ его подвигомъ и между цѣнностію и значимостію руководящей этимъ подвигомъ идеи. Внѣшній его подвигъ великъ, продолжителенъ, постояненъ и крайне труденъ, да, къ тому же, и закончился онъ мученическою смертію на кострѣ; но внутреннее содержаніе этого подвига,—тѣ идеи и идеалы, во имя которыхъ подвигъ совершался, были удивительно мизерны, ничтожны, нецѣнны, даже фальшивы и вредны. Аввакумъ съ своимъ подвигомъ,—это колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Въ самомъ дѣлѣ: у Аввакума мы встрѣчаемъ рѣдкую постоянную готовность идти на страданія, всевозможныя лишенія и самую смерть; у него удивительно много силы воли, энергіи, характера. Но, при этомъ, подвигъ Аввакума какой-то внѣшній, какой-то матеріальный, почти чисто физическій, совершающійся по большей части только въ предѣлахъ неадвѣнія, побоевъ, физическихъ страданій, лишеній и истязаній, и опредѣлявшійся только крайнею узкостію и бѣдностію его внутренней духовной жизни, его религіознаго пониманія и всего міросозерцанія. Подъ его подвигомъ не лежитъ той почвы, которая создается высшимъ кругомъ идей и пониманія, широкимъ и глубокимъ знаніемъ и развитіемъ, утонченнымъ нравственнымъ чувствомъ, высшей нравственной все покоряющей красотой. Его пониманіе самаго христіанства и православія низводится у него на упрямое, совершенно неосмысленное сохраненіе даннаго, ему извѣстнаго обряда, на механическое, чисто внѣшнее соблюденіе церковнаго устава, на дѣянія чисто внѣшняго благочестія, а не на выработку внутренней высшей истинно-христіанской настроенности, безъ которой

невозможна сколько-нибудь плодотворная истинно-христианская жизнь и дѣятельность. У протопопа Аввакума слишком много узко-ограниченнаго самомнѣнія, самообожанія, преклоненія предъ своими подвигами и святостію, внушенными ему тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ безъ пропусковъ отбиваетъ ежедневно по тысячи земныхъ и поясныхъ поклоновъ, выпѣваетъ и вычитываетъ положенныя уставомъ службы, простаиваетъ ночи на молитвѣ, по нѣсколькимъ дней совсѣмъ не принимаетъ пищи, и такимъ усиленнымъ постомъ и поклонами доводитъ себя до полного изнеможенія, до появления разныхъ необычайныхъ видѣній, возникающихъ и развивающихся у него на почвѣ глубокой увѣренности, что въ такомъ состояніи онъ находится въ особой близости къ Богу и ко всѣмъ небожителямъ, которые, являясь ему, наставляютъ и просвѣщаютъ его. Но при такой его увѣренности въ своей святости и постоянной близости къ Богу, нравственныя возрѣнія Аввакума однако грубы, эгоистичны, проникнуты крайней нетерпимостію, злобой и ненавистничествомъ ко всѣмъ, кто не съ нимъ, кто не подчиняется ему во всемъ и безусловно, онъ не хочетъ признать у своихъ противниковъ даже и одной хорошей черты, всегда и во всемъ подкладываетъ подъ всѣ ихъ дѣйствія и поступки самые низкіе, дурные и позорные мотивы, онъ только внушаетъ къ нимъ въ своихъ послѣдователяхъ одну ненависть, презрѣніе и отвращеніе. Но это, очевидно, не христианская нравственность, а нравственность узко сектантская, нравственность кружковщины, вносящая въ общество не миръ, а вражду, не творчество, а разрушеніе.

ГЛАВА IX.

Оставленіе Никономъ патріаршей каедръ.

Обстоятельства при которыхъ произошло оставленіе Никономъ патріаршей каедръ. Самъ Никонъ за разное время указывалъ и на разныя причины, почему онъ оставилъ патріаршество. Истинныя причины оставленія Никономъ патріаршества. Какъ смотрѣть на оставленіе Никономъ патріаршей каедръ: было-ли оно искреннимъ, или только притворнымъ?

6-го іюля 1658 года государь Алексѣй Михайловичъ давалъ торжественный обѣдъ прибывшему въ Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Ранѣе, на подобныя обѣды царя, обыкновенно приглашался и патріархъ Никонъ; но на этотъ разъ его не пригласили. Когда грузинскій царевичъ церемоніально шелъ на царскій обѣдъ, окольникій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, по порученію государя, очищалъ предъ нимъ путь среди толпы, собравшейся поглазѣть на шествіе. Въ это время въ толпѣ случился патріаршій стряпчій, князь Димитрій Мещерскій, котораго за чѣмъ-то посылалъ патріархъ. Хитрово, разгонявшій толпившійся народъ палкою, задѣлъ по головѣ князя Мещерскаго. Послѣдній, обращаясь къ Хитрово, сказалъ, какъ это передавалъ потомъ самъ Никонъ: „напрасно де бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ, — мы не пріидохомъ здѣ просто, но съ дѣломъ“. Окольникій спросилъ Мещерскаго: „кто ты еси?“—Мещерскій отвѣтилъ: „патріаршъ человекъ и съ дѣломъ посланъ“.—На это Хитрово заявилъ: „не дорожися-де (патріархомъ) и ударилъ его по лбу и уязви его горко зѣло“. Мещерскій отправился къ Никону, плакалъ предъ нимъ и жаловался на побои Хитрово ¹⁾.

Случай съ княземъ Мещерскимъ Никонъ принялъ какъ кровную обиду себѣ лично. Его самолюбіе уже сильно стра-

1) Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 514.

дало отъ того, что государь не пригласилъ его, какъ обычно, на торжественный обѣдъ, а тутъ еще публичное оскорбленіе его стряпчему, съ обиднымъ публичнымъ заявленіемъ: „не дорожися патріархомъ“. Вспыльчивый, невыдержанный Никонъ сейчасъ же написалъ царю письмо, въ которомъ требовалъ немедленнаго удовлетворенія за обиду его стряпчему. Царь во время обѣда собственноручно написалъ Никону, что онъ—царь разслѣдуетъ это дѣло и лично увидится съ патріархомъ. Это царское письмо немедленно было отослано къ Никону съ стольникомъ Матюшинымъ. Но Никонъ не успокоился и заявилъ Матюшину, что желаетъ удовлетворенія именно сейчасъ, о чемъ посланный и доложилъ государю, который еще продолжалъ сидѣть за обѣдомъ съ царевичемъ. Тогда терпѣливый Алексѣй Михайловичъ, чтобы успокоить гнѣвливаго Никона, еще изъ за обѣда послалъ къ нему другое письмо съ тѣмъ же Матюшинымъ. Но Никонъ, прочитавъ это второе письмо царя, не только не успокоился, но капризно и съ угрозою заявилъ посланному: „воленъ-де Богъ и государь, коли-де мнѣ оборони не далъ, а я-де стану управливаться съ нимъ церковію“ ¹⁾.

8-го іюля въ Москвѣ съ особою торжественностію совершался праздникъ Казанской Божіей Матери, причемъ на всѣхъ службахъ этого праздника всегда бывалъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, а самыя службы совершалъ патріархъ. Послѣдній, по обычаю, посылалъ приглашать царя къ службамъ. Но царь на этотъ разъ ни на одной службѣ не присутствовалъ. Никонъ увидѣлъ въ этомъ прямое пренебреженіе къ себѣ, публичное оскорбленіе царемъ его патріаршаго достоинства.

10-го іюля въ Успенскомъ соборѣ былъ праздникъ въ честь Ризы Господней, присланной царю Михаилу Федоровичу персидскимъ шахомъ. И на этомъ праздникѣ всегда бывалъ царь съ своимъ синклитомъ, но теперь онъ не только отказался присутствовать на вечернѣ и за всенощной, а прислалъ, послѣ заутрени, къ Никону князя Юрія Ромодановскаго, который заявилъ Никону: „царское величество гнѣвенъ на тебя и сего ради къ заутрени не прииде и ко святой литургіи ожидать не повелѣ“. Къ этому Ромодановскій

---

1) Гиб. I, 179.

отъ имени царя прибавилъ: „ты-де царское величество пренебрегль еси и пишешься великимъ государемъ, а у насъ единъ есть великій государь—царь“. На это Никонъ отвѣтилъ: „называюся азъ великимъ государемъ не собою: сице восхотѣ и повелѣ называтися и писатися его царское величество. И на сіе свидѣтельство имѣемъ мы: грамоты писаны царскаго величества рукою“. На это Ромодановскій возразилъ: „царское величество почте тебя, яко отца и пастыря, но ты не уразумѣлъ, и нынѣ царское величество повелѣ мнѣ сказати тебѣ: отнынѣ впредь не пишешься и не называешься великимъ государемъ, а почитать тебя впредь не будетъ“¹⁾.

Если бы Никонъ былъ человѣкъ сколько нибудь сдержанный и уравновешенный, если бы онъ сколько нибудь правильно понималъ свои отношенія къ государю и свое дѣйствительное положеніе въ государствѣ, то онъ, конечно, скрылъ бы свое личное неудовольствіе и обиду, постарался бы по времени видѣться съ царемъ, объясниться съ нимъ и уладить возникшія между ними недоразумѣнія, какъ это хотѣлъ и предлагалъ ему сдѣлать государь. Но Никонъ былъ слишкомъ невыдержанъ, гордъ и самолюбивъ, слишкомъ избалованъ постояннымъ необычнымъ вниманіемъ къ нему царя, чтобы хотя временно показать предъ нимъ свое архипастырское смиреніе и уступчивость. Никонъ вовсе и не думалъ смиренно идти на какіе либо компромиссы съ царемъ, а рѣшилъ дѣйствовать, какъ подсказывали ему его чрезмѣрное честолюбіе, его обиженная гордость: онъ рѣшилъ публично и торжественно отказаться отъ патріаршества, конечно въ тѣхъ видахъ, что царь снова всенародно и уничиженно будетъ молить его остаться на патріаршемъ престолѣ подобно тому, какъ царь ранѣе всенародно, плача и кланяясь до земли, молилъ его принять патріаршую каедрю.

10-го іюля, въ праздникъ Ризы Господней, Никонъ ранѣе велѣлъ принести въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ служилъ, простую монашескую ряску, клубукъ и священническую палку. Въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ, онъ прочиталъ положенное поученіе и, обратившись къ народу, сталъ говорить о своемъ патріаршемъ недостойствѣ, и въ заключеніе заявилъ, что болѣе онъ патріархомъ не будетъ, и

1) Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 515.

чтобы пасомые впредь патриархомъ его больше уже не называли. Послѣ этого Никонъ самъ снялъ съ себя патриаршее облаченіе и хотѣлъ было надѣть простую монашескую рясу, ранѣе припасенную, но власти не допустили его до этого, и онъ надѣлъ на себя черную архіерейскую мантию, черный клобукъ, взялъ въ руки клюку, и направился къ выходу изъ собора. Но народъ не пустилъ его, а послалъ къ царю доложить о случившемся въ соборѣ крутицкаго митрополита Питирима. Государь, выслушавъ докладъ Питирима, послалъ въ соборъ къ Никону своего знатнѣйшаго и уважаемаго боярина—князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Пришедши въ соборъ Трубецкой говорилъ Никону: „для чево онъ патриаршество оставляетъ, не посовѣтовавъ съ великимъ государемъ, и отъ чево гоненья, и хто его гонить? и что бъ онъ патриаршества не оставлялъ и былъ по прежнему. И патриархъ говорилъ: оставилъ-де я патриаршество собою, а ни отъ чево и ни отъ какаго гоненія, государева-де гнѣва на меня никакаго не бывало; а о томъ-де я и прежъ сего великому государю билъ челомъ и извѣщалъ, что мнѣ болши трехъ лѣтъ на патриаршествѣ не быть. И далъ мнѣ письмо (это письменное показаніе Трубецкаго), а велѣлъ поднести государю. Да со мною жъ приказывалъ, велѣлъ бить челомъ, что бъ государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему келью. И просилъ я у него себѣ благословенія, и онъ меня не благословилъ, а говорилъ: какое-де тебѣ отъ меня благословеніе? Я-де недостойнъ патриархомъ быть; а будетъ же тебѣ надобно, и я-де тебѣ стану исповѣдать грѣхи свои. И я ему говорилъ: мнѣ до того какое дѣло, что твою исповѣдь мнѣ слушать, то дѣло не мое. И про то про все великому государю я извѣстилъ; и великій государь послалъ меня къ патриарху вдругорядъ, и то письмо велѣлъ ему, патриарху, отдать, и велѣлъ ему говорить, чтобъ онъ патриаршества не оставлялъ и былъ по прежнему; а келей на патриаршемъ дворѣ много, въ которой онъ похочетъ, въ той живи; и письмо ему я отдалъ. И патриархъ Никонъ сказалъ: уже-де я слова своего не перемѣню, да и давно-де у меня о томъ обѣщанье, что патриархомъ мнѣ не быть. И пошолъ изъ соборной церкви вонъ“ ¹⁾.

1) Дѣло о патриархѣ Никонѣ. Изд. археогр. ком. 1897 г., стр. 15.

Послѣ этихъ переговоровъ съ царемъ чрезъ князя Трубецкаго, Никону не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ выйти изъ собора, что онъ и сдѣлалъ, направившись уже не въ патріаршія хоромы, а на подворье своего Воскресенскаго монастыря, откуда онъ чрезъ сутки и переѣхалъ на жительство въ самый Воскресенскій монастырь, отстоящій отъ Москвы въ пятидесяти съ небольшимъ верстахъ.

Изъ приведенныхъ нами свѣдѣній объ обстоятельствахъ оставленія Никономъ патріаршаго престола совершенно не видно тѣхъ побужденій, которыя заставили Никона оставить патріаршество. Никонъ заявилъ Трубецкому, что онъ оставляетъ патріаршество собою, что ему ни отъ кого никакого гоненія и никакихъ обидъ не было, что онъ и ранѣе не думалъ быть патріархомъ болѣе трехъ лѣтъ, почему, не смотря на приглашеніе государя остаться патріархомъ попрежнему, онъ твердо настаиваетъ на своемъ рѣшеніи отказать отъ патріаршей каеэды. 10-го іюля Никонъ оставилъ патріаршество, а 12 іюля царь посылалъ къ нему въ Воскресенскій монастырь того же князя Трубецкаго, которому Никонъ говорилъ: „а что поѣхалъ онъ съ Москвы вскорѣ, не извѣстя великаго государя, и въ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ; а убоился того, что ево постигла болѣзнь, и ему въ патріархахъ не умереть; а впредь де онъ въ патріархахъ быть не хочетъ; а только-де похочу быть патріархомъ, проклять буду и анаеема“¹⁾).

Впослѣдствіи Никонъ о причинахъ оставленія имъ патріаршества говорилъ не разъ и говорилъ не то, что передавалъ князь Трубецкой, а нѣчто другое и притомъ неодинаковое за различное время. Такъ въ письмѣ къ царю 1661 г. въ декабрѣ Никонъ заявляетъ, что такъ какъ государь не далъ ему удовлетворенія на его жалобу объ избіеніи патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго окольниковымъ Богданомъ Хитрово, и такъ какъ онъ, Никонъ, вмѣсто удовлетворенія испыталъ только „тщеты, укоризны и уничиженіе неправедное“, то онъ и оставилъ патріаршій престоль. На соборѣ 1666 года царь просилъ допросить Никона: „какой гнѣвъ и обида, и, чтобъ съ спрестола сшолъ, отъ него, великаго государя, къ нему, Никону, присылка была ли? II

¹⁾ Ibid. стр. 17.

бывшій Никонъ патріархъ сказалъ: „немилость-де великаго государя къ нему-то, что на околничего Богдана Матвѣвича недалъ оборони и къ церкви ходитъ не почалъ; а присылки-де, чтобъ онъ съ престола сошелъ и патріаршество оставилъ, отъ великаго государя къ нему не бывало, а сошелъ-де онъ собою“ ¹⁾).

Итакъ, здѣсь Никонъ причиною оставленія имъ патріаршей каеэдры выставляетъ то единственное чисто случайное обстоятельство, что царь не далъ ему управы на Богдана Матвѣвича Хитрово, публично ударившаго патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго. Но, очевидно, эта причина была слишкомъ ничтожна сама по себѣ и ради нея, конечно, не стоило оставлять патріаршую каеэдру. Это хорошо понималъ Никонъ и потому въ другихъ случаяхъ, чтобы не показаться мелочнымъ и вздорнымъ человѣкомъ, постарался указать другія болѣе серьезныя причины оставленія имъ патріаршаго престола. Такъ, въ письмѣ къ Пайсію Лигариду, въ іюнѣ 1662 года, Никонъ заявляетъ: онъ потому оставилъ патріаршую каеэдру, что царь сталъ гнѣваться на него, удаляться его, пересталъ ходить къ церковнымъ службамъ туда, гдѣ служилъ онъ, Никонъ, что „прислалъ къ намъ въ келію единаго отъ своихъ со многими неправедными словами поносными, и мы-то слыша его прещеніе и гнѣвъ безъ правды, помыслили дати мѣсто гнѣву, понеже стало быти не у чего,—судъ и всякая церковная управленія царская держава воспріять *и намъ быти стало не у чего*. И по совершеніи святой литургіи, елико достойно яже о себѣ, во святой церкви предъ Богомъ и всѣми людьми о всемъ засвидѣтельствовахомъ, и до царскаго величества посылалъ ключаря, да вѣсть о нашемъ отхожденіи, яко ничтоже Божіей церкви лукаво сотворихомъ, и се гнѣва ради твоего неправеднаго, повинуюсь евангельскому словеси: аще гонять васъ изъ града, бѣжите во инъ градъ“ ²⁾... Значитъ Никонъ, по этому его заявленію, оставилъ патріаршій престолъ не потому, что царь не далъ ему удовлетворенія за оскорбленіе его стряпчаго, и даже не потому только, что царь на него гнѣвается безъ правды, напрасно, но, главнымъ

¹⁾ Гиб. II, 1013.

²⁾ Ibid. I, 224.

образомъ, потому, что царь отнялъ у Никона и захватилъ въ свои руки весь церковный судъ и все церковное управление, такъ что патриарху не у чего стало оставаться и онъ, поэтому, оставилъ свой престолъ.

Въ своей грамотѣ къ константинопольскому патриарху Діонисію Никонъ заявляетъ, что когда царь не далъ ему удовлетворенія по дѣлу князя Мещерскаго, въ чемъ Никонъ увидѣлъ публичное поруганіе его патриаршаго сана, когда царь, вопреки обычаю, пересталъ ходить къ тѣмъ церковнымъ службамъ, которыя совершалъ Никонъ, когда прислалъ къ нему сказать, чтобъ онъ впредь не смѣлъ называться великимъ государемъ и царь почитать его болѣе не будетъ, тогда, говоритъ Никонъ, исповѣдавъ гнѣвъ царя предъ всѣмъ народомъ, „яко гнѣвается царь безъ правды, сего ради и въ церковное собраніе нейдетъ“, рѣшилъ удалиться въ пустынное мѣсто. На вопросъ же посланныхъ отъ царя: по какой причинѣ онъ оставляетъ патриаршій престолъ? отвѣчалъ: „даю мѣсто гнѣву царскаго величества, зане, кромѣ правды, его царскаго величества синклить, бояре и весь народъ, церковный чинъ небрегутъ и безчинія многая творять, а царское величество управы не даетъ, и въ чемъ мы печалимся, и онъ гнѣвается на насъ“ ¹⁾. Здѣсь Никонъ, кромѣ ранѣе отмѣченной причины—неправеднаго царскаго гнѣва на него, указываетъ новую причину оставленія имъ патриаршей каеэдры: что будто бы царскій синклить, бояре и весь народъ „небрегутъ церковный чинъ и творять многія беззаконія“, и когда онъ, какъ архипастырь, указывалъ царю на это прискорбное обстоятельство, „царское величество управы не даетъ“, и даже болѣе: сталъ гнѣваться за это на Никона, которому, въ виду, указанныхъ обстоятельствъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить каеэдру. Слѣдовательно, причины оставленія Никономъ патриаршей каеэдры были глубже и серьезнѣе, чѣмъ случайное оскорбленіе патриаршаго слуги окольничимъ Хитрово.

Еще болѣе обстоятельный и болѣе откровенный отвѣтъ объ истинныхъ, интимныхъ причинахъ оставленія патриаршей каеэдры Никонъ даетъ въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Паисія Лигарида. Въ

¹⁾ Зап. рус. арх. общ. II, 516.

своёмъ возраженіи на 5-й вопросъ Никонъ говорить, что царь, на поставленіи его, Никона, въ патріархи, торжественно предъ всѣмъ народомъ, синклитомъ и освященнымъ соборомъ обѣщавшійся неизмѣнно хранить заповѣди Божіи, всѣ церковные законы и правила, „и елико онъ, великій государь царь, поясняетъ Никонъ, поелику возможно пребываетъ въ своёмъ обѣщаніи, повинуюся святѣй церкви,—и мы терпѣли. Егда же онъ, великій государь царь, измѣнился отъ своего обѣщанія, и на насъ гнѣвъ положилъ неправильно, якоже вѣсть, и мы, помня свое обѣщаніе о храненіи заповѣдей Божіихъ“, засвидѣтельствовавъ публично „о напрасномъ царевѣ гнѣвѣ“, оставили патріаршій престолъ и водворились въ пустынь. Тутъ же далѣе Никонъ заявляетъ, что еще во время литургіи онъ тогда изъ собора, съ своимъ діакономъ Іовомъ, послалъ письмо къ царю такого содержанія: „се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради соборовъ святыхъ во святыхъ церквахъ лишаешься; азъ же пришелецъ есмь на земли; и се нынѣ, поминая заповѣдь Божию, дая мѣсто гнѣву,—отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имашаи отвѣтъ предъ Господомъ во всемъ дати“. 1).

Въ приведенныхъ словахъ Никонъ, какъ на единственнаго виновника своего невольнаго оставленія патріаршаго престола, указываетъ на царя: Никонъ потому именно оставилъ престолъ, что царь, обѣщавшійся, при поставленіи Никона въ патріархи, хранить всѣ заповѣди Божія, всѣ церковные законы и правила, измѣнилъ въ этомъ отношеніи своему торжественному и публичному обѣщанію, и, къ тому же, сталъ несправедливо гнѣваться на Никона, почему и вся вина оставленія послѣднимъ патріаршей кафедры исключительно падаетъ на царя.

Въ отвѣтъ на 17 вопросъ Никонъ увѣряетъ, что будто бы онъ, на вопросъ посланныхъ отъ царя—Рамодановскаго и Матюшина: зачѣмъ онъ уходилъ отъ патріаршества, отвѣчалъ такъ: „отъ не милосердія ево—царева иду съ Москвы вонъ, и пусть ему, государю, *просторнѣе безъ меня*, а то, на

---

1) Рукопись Моск. дух. академіи, № 218, содержащая въ себѣ возраженія Никона на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида. Списокъ очень неисправный. Л. 86 об.

меня гнѣваяся, и къ церкви не ходить, и про тотъ гнѣвъ всему государству вѣдомо, что онъ, гнѣваяся на меня, не приходилъ. А вселенстѣй велицѣй церкви обидь много стало, и божественныхъ заповѣдей Христовыхъ, и св. апостоль и св. отецъ правилъ, какъ обѣщаль на нашемъ поставленіи, не почаль соблюдать. А мы, на избраніи своего патріаршества, и сами обѣщались, съ клятвою и подписаніемъ руки своея, Божія заповѣди и св. апостоль и св. отецъ хранить. А онъ, великій государь, чрезъ божественныя правила судъ церковный отнялъ, насъ самѣхъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и весь священническій чинъ велѣлъ своимъ приказнымъ людямъ судить“. И, нѣсколько ниже, Никонъ замѣчаетъ, что онъ ушелъ изъ Москвы потому, „что отъ гнѣва царева невозможно стало жить“. ¹⁾

Здѣсь Никонъ, кромѣ царскаго гнѣва на него, отъ котораго ему „невозможно стало жить“, указываетъ и новыя причины своего удаленія съ патріаршей кафедрой: обидь много стало отъ царя всей вселенской церкви, царь, вопреки божественнымъ правиламъ, захватилъ церковный судъ и подчинилъ всѣхъ духовныхъ, начиная съ патріарха, суду своихъ мірскихъ приказныхъ людей. И еще: Никонъ и потому ушелъ съ патріаршества, „что-бъ ему, государю, просторнѣе было безъ него, Никона“. Смыслъ послѣдняго заявленія будетъ болѣе ясенъ и понятенъ изъ словъ Никона, заключающихся въ отвѣтѣ на 26-й вопросъ. Здѣсь Никонъ пишетъ: „егда изволилъ Богъ Никону митрополиту быть на патріаршествѣ, и Никонъ митрополить усмотрѣ во царѣ, и великомъ князѣ порокъ, который противенъ евангельскимъ святымъ заповѣдямъ, или противно что святымъ апостольскимъ и отеческимъ правиломъ, и ему, Никону, по писанному во псалмѣхъ, не стыдящися говорить о заповѣдяхъ Господнихъ и св. апостоль и св. отецъ правилѣхъ предъ цари и предъ бояры, а ему, государю царю, и государевымъ бояромъ, слушати во всемъ. И онъ, государь, и его бояра всѣ обѣщались во святѣй велицѣй церкви предъ Господомъ Богомъ и пресвятою Богородицею и всѣми святыми и всѣмъ освященнымъ соборомъ, заповѣдей Христовыхъ и св. апостоль и св. отецъ правилъ слушати, и

¹⁾ Ibid. л. 131 об. 134 об.

ничтоже инако коею-либо тщетною хитростію, по преданію человѣческому и стихіямъ міра сего, мудрствовать. И отъ исперва убо былъ царь благъ и кротокъ *и послушливъ былъ*, и Никонъ на патріаршествѣ былъ. А какъ царь и великіи князь развратился со святою соборною и апостольскою церковію, и святыя заповѣди Божія, и св. апостоль и св. отецъ правила въ презрѣніе положилъ, *и Никона—патріарха не почалъ слушать*, но и укоряти неподобно“, тогда Никонъ оставилъ патріаршество, „дая мѣсто гнѣву царскому“. ¹⁾

Здѣсь Никонъ выставляетъ и еще новую причину оставленія имъ патріаршества. По его объясненію дѣло стояло такъ: онъ подъ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ согласился сдѣлаться патріархомъ, если царь и бояре будутъ слушать его во всемъ, когда онъ будетъ говорить и настаивать предъ ними на точномъ храненіи и соблюденіи заповѣдей Божіихъ, правилъ св. апостоль св. отецъ. Они дали ему такое обѣщаніе, и въ началѣ царь дѣйствительно „послушливъ былъ“, т. е. во всемъ слушалъ Никона и во всемъ подчинялся ему, почему „Никонъ на патріаршествѣ былъ“. Но потомъ царь „Никона—патріарха не почалъ слушать“, и даже болѣе: сталъ его „укорять неподобно“, и тогда Никонъ оставилъ патріаршество. Значитъ, пребываніе или непробываніе Никона на патріаршей кафедрѣ зависѣло единственно отъ послушанія или непослушанія царя Никону: слушаетъ царь Никона, — онъ остается патріархомъ, перестаетъ царь слушать Никона, начинается дѣйствовать по своему, Никонъ оставляетъ патріаршество.

Находясь, послѣ соборнаго лишенія сана, въ ссылкѣ въ Терапоятовъ монастырѣ, Никонъ, 21 декабря 1671 года, писалъ государю, что когда онъ, Никонъ, вопреки его желанію былъ избранъ и поставленъ патріархомъ, „я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня въ такое великое дѣло не станеть, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ

1) л. 476.

отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя, и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь“. 1) Въ приведенномъ позднѣйшемъ письмѣ къ царю Никонъ представляетъ дѣло своего ухода съ патріаршей каѳедры въ высшей степени оригинально, совершенно отлично отъ того, что онъ говорилъ по этому поводу ранѣе. именно: онъ теперь увѣряетъ, что будто бы всегда считалъ себя, по своей худости и недостатку ума, непригоднымъ для занятія патріаршей каѳедры, и если на это согласился, то единственно по настоянію царя и освященнаго собора, причемъ онъ, ставши патріархомъ, все-таки постоянно думалъ объ оставленіи патріаршей каѳедры и не разъ просилъ царя о своемъ увольненіи отъ патріаршества. Но царь рѣшительно отказывалъ ему въ этихъ ходатайствахъ. Тогда онъ желая во чтобы-то ни стало оставить патріаршую каѳедру и уйти въ монастырь, сталъ нарочно поступать такимъ образомъ, чтобы своимъ поведеніемъ въ концѣ раздражить царя, вывести его изъ терпѣнія и тѣмъ заставить забыть Никона.

Современники дѣло ухода Никона съ патріаршей каѳедры объясняли однако гораздо проще. Вятскій епископъ Александръ, напимѣръ, пишетъ государю: „многимъ мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Не сего-ли ради и дерзостно послалъ стряпчего своего безобразно въ царскую твою палату, чрезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится?“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же епископъ замѣчаетъ: „Никонъ умъ погубя, оставилъ престоль и ни кимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва, остави власть, многа богатства возьмъ, отъиде“ 2).

Такимъ образомъ самъ Никонъ, по разнымъ случаямъ и въ разное время не одинаково отвѣчалъ на вопросъ, почему онъ оставилъ патріаршество. Сначала—князю Трубецкому въ Успенскомъ соборѣ—онъ говорилъ, „что оставилъ патріаршество собою, а ни отъ чьево и ни отъ какова гоненія, и государева гнѣва на него никакого не бывало;“ то заявлялъ—тому же Трубецкому въ Воскресенскомъ монастырѣ 12 іюля — что онъ оставилъ патріаршество, такъ какъ

1) Соловьева, т. XI, 385.

2) Матер. VII, 119, 127.

„убоялся тово, что ево постигла болѣзнь и ему-бъ въ патріархахъ не умереть;“ то заявлялъ, что царь „не далъ ему оборони“ на Богдана Хитрово; или: что царь на него разгнѣвался и пересталъ ходить въ церковь туда, гдѣ служилъ Никонъ; то указывалъ причину оставленія имъ патріаршей каѳедры въ томъ обстоятельствѣ, что царь, бояре и народъ стали пренебрегать церковнымъ чиномъ и творить многія безчинія, а царь за это управы не даетъ; то увѣрялъ, что царь пересталъ соблюдать заповѣди Божіи, правила св. апостолъ и св. отецъ, захватилъ себѣ весь церковный судъ, сталъ обижать святую вселенскую церковь, пересталъ слушаться Никона и даже началъ укорять его „неподобно;“ то наконецъ увѣрялъ, что онъ будто бы никогда не хотѣлъ быть патріархомъ и, сдѣлавшись имъ поневолѣ, подъ давленіемъ желанія царя, синклита и освященнаго собора, постоянно стремился оставить патріаршество, пока своевольнымъ удаленіемъ съ патріаршей каѳедры, не достигъ этой всегда желанной для него цѣли.

Очевидно не въ намѣреніяхъ и интересахъ Никона было указывать и точно формулировать истинныя причины неожиданнаго оставленія имъ патріаршества, почему въ разное время онъ и указывалъ на разныя причины. Понятно, что Никонъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ серьезныя основанія поступать такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что Никонъ считалъ себя и дѣйствительно былъ великимъ государемъ, онъ дѣйствительно царилъ и въ церкви и государствѣ, и даже заслонялъ собою настоящаго царя. Онъ требовалъ отъ послѣдняго безусловнаго подчиненія себѣ во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, соблюденія всѣхъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, постановленій благочестивыхъ византійскихъ императоровъ, всего церковнаго чина и всѣхъ церковныхъ постановленій. Но въ то время церковность была неразрывно связана со всею государственною, общественною и частною жизнію, проникая рѣшительно все и всюду, такъ какъ всѣ, начиная съ царя, хотѣли тогда строить свою жизнь согласно съ заповѣдями Божіими, правилами св. апостоловъ, св. отецъ и всѣми церковными узаконеніями. Въ виду этого Никонъ, требуя себѣ права контроля и опеки надъ церковностію и ея строгаго соблюденія всѣми въ жизни, въ существѣ дѣла присвоивалъ себѣ контроль надъ всею тогдашнею государ-

ственной, общественной и частною жизнью, такъ что всё и во всемъ обязаны были подчиняться властнымъ требованіямъ и указаніямъ патріарха, человѣка къ тому же нетерпимаго, гордаго, самолюбиваго и очень суроваго и скорога на расправу съ тѣми, которые не подчинялись ему безусловно. Естественно, что постоянная, властно-настойчивая и очень стѣснительная архипастырская опека Никона, многимъ казалась тяжелымъ, невыносимымъ игомъ, переносить которое у многихъ не хватало силъ и терпѣнія. Царь сначала безприкословно подчинялся своему „собинному“, очень настойчивому и притязательному другу, который все болѣе входилъ въ роль опекуна и пѣстуна царя, всей государственной и общественной жизни, но потомъ, съ теченіемъ времени, благодушный и уступчивый обыкновенно Алексѣй Михайловичъ началъ тяготиться тяжелой патріаршей опекой, сталъ постепенно освобождаться изъ подъ властной тяжелой руки Никона, сталъ стремиться дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ того, нравится или нѣтъ какой либо его поступокъ патріарху Никону. Никонъ подмѣтилъ измѣнившіеся къ нему отношенія царя и увидѣлъ въ этомъ измѣну царя, его отступленіе отъ праваго истинно-христіанскаго пути, такъ какъ прежнія—подчиненныя отношенія къ нему царя, признавалъ единственно нормальными и настоящими отношеніями благочестиваго православнаго царя къ духовному главѣ народа—патріарху. До крайности самолюбивый, неправильно представлявшій, какими должны быть его отношенія къ царю, Никонъ вовсе не думалъ мириться съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ, и держалъ себя по прежнему гордо и притязательно, какъ бы онъ и на самомъ дѣлѣ былъ великимъ государемъ, дѣйствительнымъ законнымъ контролеромъ всей государственной и общественной жизни и всей дѣятельности самого царя. Тогда, выведенный изъ терпѣнія притязательностію Никона, государь приказалъ сказать ему, чтобы онъ впредь не называлъ себя великимъ государемъ и что такимъ царь болѣе почитать его не будетъ. Никонъ, оказалось, не могъ ни отпарировать, ни съ достоинствомъ выдержать нанесенный ему ударъ, для этого у него не хватало ни нравственнаго мужества и благородства, ни характера и выдержки, ни должнаго христіанскаго смиренія, присущаго архипастырю церкви. Никонъ, по сво-

ему обычаю, сталъ бросаться изъ стороны въ сторону и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе терялъ равновѣсіе и всякое благоразуміе. Онъ смотрѣлъ тогда на все совершавшееся только съ точки зрѣнія своего личнаго положенія, личнаго самолюбія, оскорбленный личной гордости. Онъ, предъ которымъ доселѣ все преклонялось: царь, бояре, архіереи и всѣ, который царилъ и въ церкви и государствѣ, давая тонъ и направленіе ихъ жизни, долженъ былъ теперь низойти на уровень обыкновеннаго зауряднаго подданнаго царя, долженъ былъ признать власть царя высшимъ для себя руководящимъ началомъ, наравнѣ съ другими подданными подчиняться всякимъ идущимъ отъ царя приказаніямъ, внушеннымъ можетъ быть даже личными врагами Никона, которыхъ у него было такъ много. При такомъ положеніи дѣлъ патріаршество, казалось Никону, только унижало его, дѣлало его жалкимъ въ глазахъ всѣхъ, привыкшихъ доселѣ видѣть его на недосыгаемой высотѣ, рядомъ съ царемъ и даже затѣнявшимъ, своею исключительною властію и мощію, послѣдняго. При такой настроенности Никона ему оставалось одно: или возстановить и закрѣпить свои прежнія отношенія къ царю, или же, если это невозможно, совсѣмъ отказаться отъ потерявшаго для него цѣну патріаршества. Не раздумывая долго, подъ вліяніемъ болѣзненно уязвленнаго самолюбія, Никонъ поспѣшилъ продѣлать извѣстную намъ сцену всенароднаго отрѣченія отъ патріаршества въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Конечно онъ при этомъ надѣялся, что царь придетъ въ соборъ и вмѣстѣ съ боярами и народомъ будетъ молить его остаться на патріаршествѣ. Но этого не случилось и Никонъ уѣхалъ на житье въ свой Воскресенскій монастырь.

Что причина удаленія Никона съ патріаршества заключалась дѣйствительно въ стремленіи царя ввести власть Никона въ должныя и потому болѣе узкія границы, что бы она нисколько не тѣснила и не затемняла царской власти, а была бы только вѣрнымъ слугою и работницею послѣдней и притомъ въ томъ только кругѣ дѣятельности, предѣлы и сферу которой укажетъ ей царская власть,—это видно изъ нѣкоторыхъ оброненныхъ Никономъ выраженій, когда онъ указывалъ на причины оставленія имъ патріаршей каѳедры. Такъ онъ заявилъ, что потому ушелъ изъ Москвы, что бы

государю было „просторнѣе безъ меня“, чѣмъ Никонъ ясно призналъ, что будучи патріархомъ, онъ дѣйствительно стѣснялъ государя. Въ другомъ случаѣ онъ говоритъ, что пока царь, „послушливъ былъ и Никонъ на патріаршествѣ былъ“, а какъ скоро царь „Никона патріарха не почалъ слушать“, онъ оставилъ патріаршество, т. е. и здѣсь Никонъ признаетъ, что оставленіе имъ патріаршей кафедры зависѣло единственно отъ того обстоятельства, что царь, ранѣе во всемъ послушный Никону, теперь пересталъ его слушать.

По поводу оставленія Никономъ патріаршества невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли Никонъ совсѣмъ хотѣлъ оставить патріаршество, или это было однимъ приговорствомъ съ его стороны, рассчитаннымъ только на то, чтобы побудить этимъ царя приклониться предъ патріархомъ и признать его своимъ опекуномъ?;

Если взять во вниманіе заявленія Никона въ Успенскомъ соборѣ 10-го іюля, и его заявленія вскорѣ послѣ оставленія имъ патріаршества, то, на основаніи ихъ, можно предположить, что онъ окончательно оставилъ патріаршество и о возвращеніи не думалъ. Такъ, по свидѣтельству, вполне согласному, всѣхъ лицъ, бывшихъ въ соборѣ 10-го іюля, и послѣ дававшихъ оффиціальныя показанія о событіи, Никонъ торжественно и окончательно отказался отъ патріаршества и всенародно заявилъ, что болѣе патріархомъ онъ уже не будетъ и чтобы впредь его не считали такимъ. Это вполне подтверждается и показаніемъ князя Трубецкаго, который 12 іюля былъ у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ и отъ имени государя говорилъ ему, чтобы онъ, „кому изволить Богъ и Пресвятая Богородица быти на ево мѣсто патріархомъ, подасть благословеніе, и церковь и домъ Пресвятыя Богородицы, покамѣста патріархъ будетъ, благословилъ бы вѣдать Крутицкому митрополиту“. На это предложеніе Никонъ отвѣтилъ: „а кого Богъ изволить и пресвята Богородица и великій государь укажетъ быти на ево мѣсто патріархомъ, и онъ, патріархъ, благословляетъ, и великому государю бьетъ челомъ, чтобъ церковь Божія не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь и домъ пречистыя Богородицы благословляетъ, покамѣста патріархъ будетъ, крутицкому митрополиту... А впредь-де онъ въ патріархахъ бытъ не хочеть; а только-де я похочу бытъ патріархомъ,

проклять буду и анаеема“. Въ письмѣ къ царю, въ іюлѣ того же 1658 года, въ которомъ онъ проситъ царя простить его въ томъ, что онъ отправился изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь не дождавшись царскаго разрѣшенія и указа, Никонъ уже выражается о себѣ: „смирный Никонъ, бывшій патріархъ“, при чемъ свой скорый отъѣздъ изъ Москвы объясняетъ своею болѣзнію: „многихъ ради своихъ болѣзней, пишетъ онъ, велѣлъ отвестися въ ваше госуда-рево богомолье въ Воскресенскій монастырь“. То же самое Никонъ подтвердилъ, 15 февраля 1660 года, посланнымъ къ нему отъ царя: Прокофію Елизарову и дьяку Алмазу Иванову. Онъ говорилъ имъ: „а что-де ему нарицатися патріархомъ, и онъ-де того имени не отрицался, только не хочетъ именоватися московскимъ, потому что престоль великія Росіи оставилъ своею волею, и къ великому государю съ бояриномъ со княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и съ околничимъ Родіономъ Матвѣвичемъ Стрѣшневымъ онъ, патріархъ, приказывалъ, и тѣ слова и нынѣ держитъ непреткновенно, и то, что къ возвращенію на прежней святительскій престоль и въ мысли у него нѣтъ: какъ-де онъ тогда, оставляя престоль, благословилъ его, великаго государя, и весь освященный соборъ обирати патріарха, кого Богъ благословитъ, такъ и нынѣ-то благословеніе подтверждаетъ же, и связаннымъ всѣмъ, которымъ во отшествіе подалъ разрѣшеніе, такъ и нынѣ тѣхъ прощаетъ и благословляетъ“¹⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ оказывается, что Никонъ окончательно отказался отъ патріаршества и, въ первое время, вовсе не думалъ возвращаться на патріаршую кафедру, почему и благословлялъ государя и освященный соборъ избрать немедленно на его мѣсто новаго патріарха.

Къ сожалѣнію царь не воспользовался во время указаннымъ настроеніемъ Никона и опустилъ подходящій моментъ сразу и окончательно разрѣшить патріаршій кризисъ немедленнымъ избраніемъ новаго патріарха, а Никонъ, съ своей стороны, сталъ потомъ колебаться въ своемъ рѣшеніи окончательно оставить патріаршество, сталъ уже увѣрять въ томъ, что онъ отъ патріаршества не отрекался и даже сталъ заявлять притязанія вновь занять патріаршую кафедру.

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 1—2, 14, 17.

Въ первый разъ, послѣ своего удаленія съ патриаршей каеэды, Никонъ выступилъ на общественную дѣятельность, какъ ревнитель церковныхъ порядковъ, которые безъ него грубо, будто бы, стали нарушаться. Въ мартѣ 1659 года онъ обратился съ особымъ посланіемъ къ государю, въ которомъ заявляетъ, что „нѣкто дерзну сѣдалище великаго архіерея всея Росіи олюбодѣйствовати незаконно и непреподобно и святыя недѣли Ваіѣ дѣяніе дѣйствовати“, т. е. Никонъ здѣсь указывалъ царю на то обстоятельство, что будто бы старинное у насъ дѣйство хожденія на осляти въ недѣлю Ваіѣ, совершенное тогда крутицкимъ митрополитомъ Питиримомъ, было незаконно, такъ какъ это дѣйство, знаменующее торжественный входъ Христа на осляти въ Іерусалимъ, можетъ совершать будто бы только одинъ патриархъ, а не простой архіерей, и потому государь поступилъ неправо, дозволивъ совершить это дѣйство крутицкому митрополиту. Заявляя все это государю, Никонъ замѣчаетъ, что онъ дѣлаетъ это „ни собою, ниже къ возвращенію зря, яко песь къ своей блевотинѣ—къ любоначалию и власти, но жалѣя погибаемо добро и въ книги (къ книгамъ) обратившеса, помянули есмы нѣгдѣ писанное, яко не впадаетъ добрая мысль въ сердце челоуѣку, кромѣ Божія смотрѣнія“. Когда 17 мая того же 1659 года былъ у Никона, по порученію государя, дякъ Дементій Башмаковъ, Никонъ между прочимъ говорилъ ему: „что власти его поставленники многіе и имъ-де его, патриарха, почитать доведется,... что онъ, Никонъ, хотя и оставилъ патриаршество своею волею и московскимъ не зовется и николи зваться не будетъ, но патриаршества не оставилъ и благодать остается при немъ“, при чемъ указывалъ на сдѣланныя имъ исцѣленія больныхъ ¹⁾.

Очевидно Никонъ не хотѣлъ уже оставаться спокойнымъ зрителемъ тогдашнихъ событій, а рѣшилъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, мотивируя свое вмѣшательство ревностію къ сохраненію правыхъ церковныхъ порядковъ, которые-де, съ его удаленіемъ, грубо нарушаются крутицкимъ митрополитомъ. Въ то же время Никонъ заявляетъ уже требованіе, чтобы архіереи, какъ его ставленники, почитали его и слушали, такъ какъ при своемъ ставленіи они дали ему ру-

¹⁾ Ibid. стр. 3—5. Гиб. I, 171—172.

кописное обѣщаніе слушаться его и почитать какъ своего отца.

Вмѣшательство Никона въ церковныя дѣла показывало, что онъ уже сталъ тяготиться своимъ уединеніемъ, своею полною отрѣшенностію отъ общественныхъ дѣлъ, что его снова потянуло къ публичной общественной дѣятельности и онъ уже не могъ болѣе оставаться спокойнымъ. Его особенно сильно угнетало теперь то обстоятельство, что онъ со всѣмъ удалень отъ царскаго двора, гдѣ такъ недавно онъ былъ первымъ лицомъ, пользующимся особымъ исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Въ его воображеніи невольно воскресали бывше роскошныя царскіе приемы и обѣды, которыхъ онъ теперь былъ лишень. Съ присущею ему несдержанностію Никонъ поспѣшилъ въ посланіи сообщить царю свое угнетенное настроеніе, свою крайнюю печаль и свое томленіе по поводу невольнаго отсутствія его на одномъ имяннинномъ обѣдѣ у царя. Въ іюлѣ 1659 года Никонъ пишетъ про себя государю: „бѣ иногда во всякомъ богатствѣ и единотрапезенъ бѣ съ тобою (царемъ), не стыжуся о сихъ похвалитися, питанъ яко телець на заколеніе толстыми многими пищами, по обычаю вашему государеву, его же азъ много насладивъ, *вскорѣ не могу забыть*: еже нынѣ іюля въ 25 день торжествованася рожденіе благовѣрныя царевны и великія княжны Анны Михайловны вси возвесилившася о добромъ томъ рождествѣ насладившись. Единъ азъ, яко песъ, *лишенъ богатыхъ вашей трапезы*; но и пси, по реченному, напитываются отъ крупиць, падающей отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ, не бы лишень малого уломка хлѣба богатыхъ вашей трапезы“. Картинно изобразивъ свои томленія при воспоминаніи о роскошныхъ царскихъ трапезахъ, на которыхъ онъ уже болѣе не присутствуетуеъ, жалуясь на то, что онъ забыть, тогда какъ другіе пируютъ съ царемъ, Никонъ то уничиженно, то властно и учительно молить царя не гнѣваться на него—Никона. „Азъ пишу не яко хлѣба лишаяся, говоритъ онъ, но милости и любве истязая отъ тебе, великаго государя, и да не посрамишися и о сихъ отъ Господа Бога... А азъ егда не зѣло богатился нищетою, тогда паче и паче приумножена ваша милость... Самаго тебе молю, престани, Господа ради, туне гнѣваться; солнце, речеся, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ...

Азъ же нынѣ паче всѣхъ человѣкъ оболганъ тебѣ, великому государю, поношенъ и укоренъ неправедно; сего ради молю: претворися Господа ради и не дѣй мнѣ грѣшному немилосердія... Како не имати постыдѣтися глаголющаго: блажени милостивы, яко тѣи помиловани будутъ? Како имаша помилованъ быти, самъ не бывъ милостивъ?... Господа ради молю, престани отъ таковыхъ! Аще и царь еси велій, отъ Бога поставленный, но правды ради. Чтожь ли моя неправда предъ тобою, что церкви ради суда на обидящаго просилъ? И не точію судъ праведенъ получилъ, но и отвѣты полны немилосердія"... Такъ молилъ Никонъ царя перемѣнить гнѣвъ его на милость къ нему; но и въ письмѣ такого характера не могъ удержаться отъ гнѣвныхъ и укорительныхъ выраженій по адресу государя. „И дивлюся о семъ, пишетъ онъ царю, како вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, яко же и святые законы не повелѣвають: нынѣ же всего міра иногда бывша аки пастыря восхотѣхъ грѣхи и таинства видѣти, и не самъ точію, но и мірскимъ, имъ же дерзающемъ безстрашно не поставъ Господи во грѣхъ, аще не покаются? Вскую наша нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ“¹⁾? Въ приведенномъ письмѣ Никона къ царю очень характерно то обстоятельство, что для него, послѣ оставленія имъ патріаршей кафедръ, особенно дорого было воспоминаніе не о покинутой имъ и осиротѣвшей съ его уходомъ церкви и паствѣ, а о царскомъ дворцѣ, о роскошныхъ царскихъ трапезахъ, на которыхъ онъ ранѣе упитывался „яко телець на заколеніе“. Не во имя блага церкви и пасомыхъ Никонъ уничиженно молитъ царя о прощеніи, а ради того, чтобы опять наслаждаться, вмѣстѣ съ другими, царскою обильною трапезою и близостью къ царю. Очевидно, такъ могъ писать Никонъ не какъ архипастырь и патріархъ русской церкви, а какъ царедворецъ, которому близки и дороги только интересы, тѣсно связанные съ близостью къ царскому двору.

Если вскорѣ послѣ оставленія патріаршей кафедръ Никонъ безъ всякихъ условій соглашался на немедленное избраніе

1) Ibid. стр. 6—12.

вмѣсто себя новаго патріарха, что бы церковь не вдовствовала, то потомъ онъ уже стремится выборъ новаго патріарха возможно отдалить и затруднить, заявляя, что достоинство или санъ патріаршества онъ не оставлялъ, что благодать Св. Духа осталась при немъ по прежнему, такъ что безъ него правильное, законное поставленіе новаго патріарха не можетъ состояться. Въ мартѣ 1660 года царь послалъ къ Никону стольника Матвѣя Пушкина, который говорилъ ему, что онъ, Никонъ, ранѣе, чрезъ князя Трубецкаго, потомъ чрезъ Прокофья Елизарова и дьяка Алмаза Иванова, подалъ государю благословеніе избрать новаго патріарха, „кого онъ, великій государь, изволить“, и что бы теперь онъ объ этомъ отписалъ великому государю. Но теперь Никонъ уже не соглашался лично устраниться отъ поставленія новаго патріарха, напротивъ настаивалъ на своемъ обязательномъ личномъ участіи въ этомъ актѣ. Онъ говорилъ Пушкину: „на такое дѣло, что патріарха поставить безъ него, онъ не благословляетъ; кому де ево, безъ него (т. е. Никона) патріарха, поставить и митру на него положить? потому что митру дали ему патріархи вселенскіе, а митрополиту де митру на новаго патріарха положить невозможно; да и посохъ де съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? потому что де онъ, патріархъ, самъ живъ и благодать Святаго Духа съ нимъ; оставилъ де онъ престоль, а архіерейства не оставлялъ, про то де вѣдомо великому государю, что онъ и патріаршеской сакъ и амоеоръ взялъ съ собою.. Будетъ великій государь изволить ему, патріарху, быть къ Москвѣ, и по ево де, великаго государя, указу, онъ, патріархъ, новоизбранново патріарха поставить, и отъ великаго государя принявъ милостивое прощеніе и со архіереи простяся и подавъ всѣмъ благословеніе, поидеть въ монастырь“¹⁾.

Затѣмъ Никонъ пошелъ и далѣе. Онъ сталъ завѣрять, что будто бы онъ оставилъ патріаршество только на время, а не навсегда и что онъ готовъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова возвратиться на патріаршій престоль. Въ частной бесѣдѣ съ своимъ доброжелателемъ, бояриномъ Никитю Зюзинымъ, Никонъ, на его вопросъ: „для чего съ престола своего онъ шѣлъ и впредь ему быть ли? отвѣчалъ:

1) Ibid. стр. 19.

„сшелъ съ сердца, а впредь-де ему отчего не быть?“ Значить, своимъ близкимъ людямъ въ частныхъ бесѣдахъ Никонъ уже рѣшительно заявлялъ, что онъ оставилъ патріаршій престолъ не окончательно и что онъ непрочь возвратиться на него. Мысль о возвращеніи на патріаршество настолько сильно овладѣла Никономъ, что онъ, вопреки всѣмъ прежнимъ заявленіямъ о своемъ не желаніи быть патріархомъ, рѣшился на крайній поступокъ. Упомянутый доброжелатель Никона, бояринъ Зюзинъ, не разъ устно и письменно заявлялъ ему, что онъ напрасно оставилъ патріаршій престолъ и что ему слѣдуетъ возвратиться на него. На эти настоянія Зюзина Никонъ говорилъ ему: „по времени возвращусь, а ты пиши ко мнѣ и впредь о томъ пришествіи моемъ (на патріаршій престолъ)“. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Никона, Зюзинъ составилъ цѣлый планъ возвращенія Никона на патріаршій престолъ. Онъ написалъ Никону особое письмо, въ которомъ сообщалъ ему, когда и какъ тому нужно пріѣхать въ Москву, какъ тамъ дѣйствовать, причемъ увѣрялъ, что будто бы царь искренно желаетъ его возвращенія на патріаршество, только не хочетъ выступать въ этомъ дѣлѣ открыто. Никонъ, уже мечтавшій теперь о своемъ возвращеніи на патріаршество, охотно повѣрилъ письму Зюзина и 18 декабря 1664 года неожиданно пріѣхалъ ночью въ Москву, во время утрени явился въ Успенскій соборъ и сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ, какъ это было въ прежнее время. Изъ собора Никонъ послалъ доложить о своемъ прибытіи государю, который немедленно пригласилъ къ себѣ бывшихъ тогда въ Москвѣ архіереевъ, а также комнатныхъ бояръ и, посовѣтывавшись съ ними, послалъ сказать Никону, что бы онъ возвратился въ тотъ монастырь, изъ котораго пріѣхалъ. Никонъ отвѣтилъ посланнымъ царя: „онъ сошелъ съ престола ни кѣмъ гонимъ, а нынѣ онъ пришелъ на свой престолъ ни кѣмъ зовомъ для того, что-бъ де великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ; а отъ суда де вселенскихъ патріарховъ онъ не бѣгаетъ, а пришолъ-де онъ на свой престолъ по явленію. И давалъ мнѣ къ великому государю письмо“. Въ то же время Никонъ заявилъ посланнымъ государя, что пока онъ не получитъ отвѣта на свое письмо, „до тѣхъ мѣстъ изъ соборныя церкви не пойдетъ“. Очевидно, Никонъ придавалъ своему письму къ государю большое

значеніе. И дѣйствительно, оно очень характерно для его отношеній къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ немъ Никонъ прежде всего заявляетъ, „что слыша смятеніе, и молву велику о патріаршескомъ столѣ: овѣи тако, инѣи инако глаголюще развращенная, и нѣсть ничто же истина, но каждо что хоцетъ, то тотъ и глаголетъ“, рѣшилъ обратиться къ Господу, что бы Онъ извѣстилъ его, „чему подобаеть быти“. Въ теченіи пяти дней онъ подвергъ себя самому суровому посту: ни чего не ѣлъ, ни пилъ, „ни сну причащаяся, лежа на ребрехъ, развѣе утомився—сѣдѣвъ съ часъ въ сутки“; но все время неустанно молился со слезами, „вопіюще и плачуще, дондеже извѣститъ ми Господь Богъ, что суть подобаеть сотворити, и что суть годно Его святой воли“. И вотъ уже на пятый день, когда онъ отъ крайняго утомленія впалъ какъ бы въ легкій сонъ, Господь послалъ ему просимое видѣніе. Никонъ рассказываетъ: „видѣхъ се: обрѣтохся во святѣй соборной церкви, и видѣхъ свѣтъ великъ зѣло, обаче отъ живущихъ никого ту видѣхъ, но прежде бывшими лѣты усопшихъ святителей, и священниковъ, стоящихъ по сторонамъ, идѣже гроби прежде усопшихъ святыхъ отецъ—митрополитовъ и патріарховъ. Единъ же нѣкто святолѣпенъ мужъ, сѣдиною честною доволенъ, или велми красенъ, браду имѣя густу велми, мало продолговату, во священныхъ святительскихъ одеждахъ вси стояху. Той же, вышешепомянутый святолѣпный мужъ, обходя по инымъ святымъ отцемъ, хартію и киноварницу съ киноваремъ обноситъ по всѣмъ святителемъ, они же вси подписуютъ. Азъ же со страхомъ приступивъ къ носящему хартію и киноварницу, вопросихъ его, что сіе творите, подписующе руки на хартіи? Онъ же рече ми: о твоємъ пришествіи на престолъ святой. Азъ рече: покажи ми, аще есть истина. Онъ же показа ми. И смотряхъ, и бысть тако. Азъ же паки рекохъ ему: ты подпишешилися? Онъ рече: подписахомся уже. И показа ми о себѣ написанное. Азъ смотривъ со вниманіемъ, и обрѣтшеса истина, написано полтретьи строки сиче: смиренный Іона, Божією милостію митрополить, тако страхомъ Божіимъ подписую подобно естъ. Азъ же примъ дерзновеніе, идохъ къ мѣсту. И хотящу ми взыти, обрѣтохъ святителя стояща на мѣстѣ, въ честныхъ одѣянъ архіерейскихъ одеждахъ, и ужасохся. Онъ же рече ми, не ужасайся, брате, яко

такъ воля Божія есть. Взыди на столъ свой и паси словесныя Христовы овцы, яже ти Господь поручилъ. И абіе невидимъ бысть. Азъ же утвердився, вздохъ. Мню же святителя стояща—Петра чудотворца. Ей ей, тако ми Господь свидѣтель на се. Аминь“¹⁾).

Приведенный разсказъ Никона о бывшемъ ему 17 ноября 1664 года, чудесномъ видѣніи отъ Господа, показываетъ, что Никонъ, свое неожиданное возвращеніе на патріаршую кафедру хотѣлъ было обосновать на особомъ бывшемъ ему божественномъ видѣніи: онъ потому теперь неожиданно для всѣхъ возвратился на свой патріаршій престолъ, что такова была, открытая ему въ видѣніи, особая воля Божія, которой онъ понятно, не могъ ослушаться. Очень можетъ быть, что ранѣе Никону удавалось разсказами о подобныхъ видѣніяхъ вліять на царя, подчинять его своей волѣ и дѣлать его послушнымъ орудіемъ своихъ желаній. Но, на этотъ разъ, царь не выразилъ ни малѣйшей охоты повѣрить видѣнію Никона и сообразовать съ нимъ свое дальнѣйшее отношеніе къ нему. Царь, и по прочтеніи разсказа о видѣніи, снова рѣшительно отказался видѣть Никона и велѣлъ ему немедленно возвратиться въ свой Воскресенскій монастырь. И самъ Никонъ не устоялъ на сверхъестественныхъ мотивахъ своей попытки снова занять оставленный было имъ патріаршій престолъ, а сталъ объяснять все это дѣло уже просто и естественно. Князю Долгорукову, провожавшему его изъ Успенскаго собора за земляной городъ, онъ неожиданно сказалъ: „пріѣхаль-де онъ къ Москвѣ по вѣсти, а не собою“. Посланнымъ за нимъ, чтобы отобрать у него посохъ Петра митрополита, который онъ было увезъ изъ Успенскаго собора, Никонъ тоже заявилъ, что онъ поѣхаль къ Москвѣ по особому письму къ нему Никиты Зюзина и передалъ имъ самое письмо. Въ то же время онъ говорилъ имъ, „что онъ къ Москвѣ пріѣхаль и въ соборную церковь вошолъ на свой святительской поставленной престолъ“, такъ какъ онъ „оставилъ патріаршій престолъ *на время* за многое внѣшнее нападеніе и досадительства“. И въ другихъ случаяхъ, съ этого времени, онъ уже постоянно и рѣшительно сталъ заявлять и увѣрять всѣхъ, что никогда не отказывался окончательно

1) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 122, 123, 197, 199.

отъ московскаго патріаршаго престола, а всегда имѣлъ въ виду, съ теченіемъ времени, снова занять его. Такъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію 1666 года Никонъ уже пишетъ: когда онъ, оставивъ патріаршество, уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, посланные государемъ въ слѣдъ за нимъ бояре говорили ему: „чего ради ты, безъ царскаго повелѣнія, отшелъ съ Москвы?—И азъ рекъ имъ, пишетъ Никонъ Діонисію: яко не въ дальнія мѣста отшелъ: аще царское величество на милость положить и гнѣвъ свой утолить, *наки придемъ*, и, по семь, о возвращеніи нашемъ на престолъ нашъ отъ царскаго величества ничево не было“. На соборѣ 1666 г., во время суда надъ нимъ, Никонъ заявлялъ: „я не отрекался престола, то-де на его затѣяли“. То же самое Никонъ говоритъ и въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида. Приводя здѣсь письмо, какое онъ послалъ царю при своемъ отреченіи изъ Успенскаго собора съ діакономъ Іовомъ, Никонъ спрашиваетъ: „да которое се отреченіе?“ т. е. говоритъ, что въ его письмѣ къ царю вовсе не было отреченія отъ патріаршества, а онъ только заявлялъ въ немъ, что въ виду не-праведнаго гнѣва на него царя, онъ оставляетъ мѣсто и городъ,—объ отреченіи же не говоритъ ни слова. Въ другомъ мѣстѣ своихъ отвѣтовъ онъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, а только ушелъ изъ Москвы, всенародно засвидѣтельствовавъ неправедный гнѣвъ на него царя, между тѣмъ какъ „государь царь, заявляетъ Никонъ, принуди сказати *то мое свидѣтельство отречаніемъ*, и многими пытками стращаль—велѣли сказывать, какъ ему, государю, годно“. Выходить, по позднѣйшему показанію Никона, что все дѣло объ его отреченіи отъ патріаршества придумано государемъ, который даже употребилъ насиліе и застрачиванія, чтобы только заставить свидѣтелей говорить, что Никонъ, оставляя Москву, отрекся отъ патріаршества, чего въ дѣйствительности однако будто бы не было ¹⁾.

Изъ сказаннаго нами оказывается, что Никонъ, всенародно отрекшись отъ патріаршаго престола, въ пылу гнѣва и неудовольствія на государя, если сначала и думалъ серьезно

1) *ibid.* стр. 127, 143. Зап. рус. археол. общ. т. II, стр. 517. Гиб. II, 1074. Рукоп. нашей Академіи № 218, л. л. 86 об., 131 об.

и навсегда отказаться от престола, то думалъ такъ недолго и скоро сталъ мечтать о своемъ возвращеніи на патріаршество, сталъ увѣрять, что его удаленіе было не отреченіемъ, а только временнымъ отъѣздомъ изъ Москвы вслѣдствіе гнѣва государя. Онъ даже хотѣлъ снова овладѣть престоломъ съ помощію неожиданнаго захвата, ошибочно думая, что царь желаетъ его возвращенія на патріаршество и что его захватный поступокъ будетъ принятъ царемъ съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Но когда царь приказалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно возвратился туда, откуда пріѣхалъ, и чтобы онъ ждалъ прибытія вселенскихъ патріарховъ въ Москву, куда позовутъ тогда и его, а что ранѣе видѣться ему съ царемъ нельзя, Никонъ убѣдился, что дѣло его съ возвращеніемъ на патріаршество окончательно проиграно и что московскимъ патріархомъ ему никогда болѣе не быть. Теперь вполнѣ отрезвившійся отъ своихъ несбыточныхъ мечтаній и надеждъ Никонъ рѣшился окончательно и формально отказаться отъ всякихъ притязаній на занятіе патріаршаго престола, но при томъ такъ, что бы себѣ лично создать возможно почетное, матеріально-богато обеспеченное, и во всѣхъ отношеніяхъ ни отъ кого независимое, положеніе.

Въ январѣ 1665 года Никонъ письменно выразилъ рѣшительное согласіе навсегда отказаться отъ патріаршаго престола и соглашался на поставленіе новаго патріарха, если государь съ боярами и освященный соборъ примутъ слѣдующія предложенныя имъ условія; а) Оставить за Никонемъ три построенныя имъ монастыря: Воскресенскій, Иверскій и Крестный со всѣми приписными къ нимъ монастырями и при томъ такъ, чтобы онъ свободно и сколько захочетъ могъ жить въ любомъ изъ этихъ монастырей. б) Грамоты государевы и всѣ крѣпостные акты, утверждающіе всякія владѣнія за его монастырями, какіе сейчасъ находятся у государя, или еще на утвержденіи, передать ему—Никону. в) Царь долженъ отдать въ личное владѣніе Никона тѣ имѣнія, какія онъ ранѣе купилъ на свои деньги, пожалованныя ему за заслуги государству, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ и самоотверженно боролся тогда съ бунтовщиками. г) Изъ патріаршихъ доходовъ, которые онъ, Никонъ, „своимъ промысломъ“ увеличилъ тысячу

на двадцать, „давать мнѣ, вмѣсто милостыни, на пропитаніе хлѣба и рыбы и денегъ на потребу“, сколько укажетъ государь, синклитъ и освященный соборъ. д) Просить отдать ему нѣкоторыя патріаршія облаченія и именно тѣ, какія онъ, будучи патріархомъ, сдѣлалъ изъ бывшихъ ему подношеній отъ царя и царицы, а также просить дать ему митру, паннагію и под. е) Ни въ судъ, ни въ хозяйство, ни въ управленіе Никономъ монастырями новый патріархъ никакъ не долженъ вступаться ни самъ, ни чрезъ своихъ посланныхъ,—единственнымъ полнымъ хозяиномъ, судьей и управителемъ въ своихъ монастыряхъ долженъ быть только онъ—Никонъ. Точно также только по своему усмотрѣнію онъ можетъ избирать и посвящать во всѣ свои монастыри и принадлежащія имъ церкви архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ. ж) Просить надѣлать настоятелей трехъ имъ основанныхъ монастырей нѣкоторыми церковными преимуществами, на примѣръ: правомъ являться на церковные соборы, быть свободными отъ всякаго свѣтскаго суда. и) По смерти Никона его монастыри должны быть приписаны „къ царствующему граду Москвѣ во область, а не въ домъ патріаршъ“, т. е. желалъ, чтобы его монастыри были самостоятельными, а не патріаршими. і) Просить дать полную свободу всѣмъ желающимъ приходить къ Никону „и милостыню подати не возбранити“ к) Царь долженъ дозволить ему, когда это нужно, пріѣзжать въ Москву, и если ему случится быть на соборѣ „ради пользы“, то ему сидѣть подъ настоящимъ патріархомъ, выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. л) Его имя обязательно должно писаться „въ степени святѣйшихъ московскихъ патріарховъ“ т. е. московскимъ ему не именоваться, а писаться: „смиранный Никонъ, Божіею милостію патріархъ“. м) Всѣмъ такъ или иначе пострадавшимъ за него дать полную свободу.—Въ замѣнъ выговариваемыхъ себѣ правъ и преимуществъ Никонъ беретъ на себя такія обязательства: а) Держать заповѣди Христа, Его святое евангеліе, заповѣди и правила св. апостолъ и св. отецъ седми вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ, признаваемая церковію святыя книги и уставы, символъ, исправленный съ греческаго, служебникъ, трєбникъ и прочія книги „справлены съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, и имѣть единеніе съ вселенскими патріархами „во всемъ не-

отложно“. б) Во всякія духовныя дѣла московскаго государства ему не вступаться. в) Когда онъ будетъ, по какому нибудь случаю, пріѣзжать въ Москву, онъ обязуется согласовать свое поведеніе съ указомъ государя и съ совѣтомъ новаго патріарха. г) Онъ беретъ на себя обязательство: такъ какъ онъ ранѣе на царя, синклитъ и освященный соборъ „судъ Божій износилъ“, то теперь онъ станетъ молить Господа, „чтобы царствующему граду Москвѣ не быть осуждену паче Содома и Гомора“. д) Архіереямъ, подвергшимъ его—Никона своему суду „беззаконно, чрезъ вся божественныя правила, мнѣ тожъ прощеніе дати и разрѣшити святымъ молитвословіемъ, кто о томъ станетъ каяться и прощенія просити; аще ли кто не покается, и онъ будетъ подъ заповѣдію Божіею“. е) „Честный синклитъ—бояре, кои злословили насъ безъ правды и клеветали на насъ великому государю смертными винами, якожъ: Семень Лукьяновичъ Стрѣшневъ вопросы своими газскому митрополиту, и Романъ Баборыкинъ и Иванъ Сытинъ и прочіи вси, каждо самъ свою совѣсть вѣдая, и поишутъ прощенія и намъ тѣхъ разрѣшити и благословити“; а которые обидѣли его—Никона въ житейскихъ вещахъ движимыхъ и недвижимыхъ, съ тѣми устроить полюбовное соглашеніе, а которые и послѣ сего будутъ обижать и дѣлать зло, на тѣхъ „да будетъ божественная юза не разрѣшима“. ж) Ивана Щепоткина, обидившаго Никона при расчетѣ за купленную у Щепоткина мѣдь, и за это Никономъ проклятаго и подъ проклятіемъ умершаго, простить и разрѣшить, если его прикасчики устранять прежній неправый расчетъ. з) Никонъ просить: „а противу сего нашего изображенія всего, да дастся и намъ писаніе отъ царскаго величества, и отъ честнаго царскаго синклиту, и отъ священнаго собора—во свидѣтельство всякія правды“. и) Въ заключеніе Никонъ говоритъ, что если новый патріархъ будетъ поставленъ вопреки божественнымъ канонамъ и заповѣдямъ и предлагаемымъ имъ условіямъ, только „по власти міра сего“, то такъ поставленный патріархъ будетъ не настоящій, но прелюбодѣй и хищникъ, „и вмѣсто мира да будетъ мѣчь Божій и раздѣленіе, по словеси Господню: не придохъ вложить миръ, но мечъ“²⁾.

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 210—221.

Такъ Никонъ, рѣшивъ окончательно оставить всякія притязанія на занятіе имъ патріаршаго престола и соглашаясь на избраніе себѣ преемника, хотѣлъ создать себѣ положеніе почетное, независимое и матеріально богато обеспеченное. Онъ хотѣлъ имѣть свой собственный, ни отъ кого независимый и довольно значительный удѣлъ, въ которомъ бы онъ былъ единственнымъ, полновластнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ, судіею и управителемъ, сохранивъ въ то же время за собою почетный титулъ патріарха. Въ то же время въ своихъ условіяхъ Никонъ прямо даетъ знать, что предъ нимъ были вповаты всѣ: царь, который безъ правды на него гнѣвается; бояре, которые на него злословятъ и клеветуютъ государю; архіереи, которые, вопреки канонамъ и божественнымъ заповѣдямъ, составили для суда надъ нимъ незаконный соборъ; разныя отдѣльныя лица, которыя приходили съ нимъ по разнымъ случаямъ, въ столкновеніе и которыхъ онъ за это подвергъ проклятію,—всѣхъ этихъ виновныхъ предъ нимъ лицъ онъ однако теперь прощаетъ и разрѣшаетъ, но только въ томъ случаѣ, если они сами будутъ искать у него прощенія и разрѣшенія, иначе пусть остаются подъ проклятіемъ.

Предлагая свои условія, на которыхъ онъ готовъ былъ окончательно отказаться отъ патріаршаго престола и признать вновь избраннаго патріарха, Никонъ думалъ этимъ предупредить, между прочимъ, пріѣздъ въ Москву восточныхъ патріарховъ для суда надъ нимъ. Онъ говорилъ: „будетъ ему, великому государю, годно, для чево посылать ко вселенскимъ патріархамъ, мочно то дѣло сдѣлать и безъ вселенскихъ патріарховъ“, и послалъ царю свои вышеприведенныя условія. Но расчетъ Никона оказался ошибочнымъ: онъ слишкомъ запоздалъ съ заявленіемъ о своей окончательной рѣшимости не стремиться болѣе къ занятію патріаршаго престола,—его дѣло рѣшено было передать на судъ восточныхъ патріарховъ. Впрочемъ присланныя Никонѣмъ условія Алексѣй Михайловичъ все-таки передалъ на предварительное разсмотрѣніе однихъ русскихъ іерарховъ, которые и высказали по этому поводу свои соборныя сужденія и соображенія. Онѣ дошли до насъ только въ черновомъ спискѣ и важны въ томъ отношеніи, что ярко рисуютъ намъ возрѣнія, какія имѣли тогда русскіе архіереи на свои от-

ношенія къ Никону, его дѣлу и разнымъ его притязаніямъ.

Соборъ, рассматривая и обсуждая условія Никона, на которыхъ онъ окончательно отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній на патріаршій престолъ и соглашался на избраніе новаго патріарха, призналъ приемлемою только въ некоторую часть изъ нихъ, и при томъ приемлемою съ очень важными и существенными ограниченіями, сильно сокращавшія права и преимущества, выговариваемыя для себя Никономъ. Такъ соборъ призналъ, чтобы Никонъ владѣлъ тремя построенными имъ монастырями: Воскресенскимъ, Иверскимъ и Крестовымъ, но всѣ приписанные къ нимъ Никономъ монастыри—числомъ 16, взятые у разныхъ архіереевъ, должны быть опять возвращены въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они взяты, и по прежнему подчинены мѣстнымъ архіереямъ. „Приписнымъ же монастырямъ, говорили на соборѣ, быти по прежнему во всемъ, какъ который монастырь былъ до приписки къ святѣйшему патріарху. А отъ нынѣ святѣйшему Никону патріарху ими не владѣти... А довлѣтъ святѣйшему Никону патріарху на пропитаніе его и на всякую тѣлесную потребу строенія его монастырей вотчинами, въ нихъ же жити ему опредѣлися, и владѣти внѣшними имѣнными тѣхъ монастырей“. На требованіе Никона, что бы ему изъ доходовъ патріарха выдавалась известная часть денегъ, хлѣба и рыбы, соборъ заявляетъ, что безъ новаго настоящаго патріарха онъ ничего не можетъ присудить Никону изъ патріаршихъ доходовъ, да едва ли, замѣчаетъ соборъ, это и нужно, такъ какъ доходовъ съ трехъ богатыхъ, построенныхъ Никономъ, монастырей, вполне достаточно для его пропитанія, ибо, по апостолу: „имуще пищу и одежду, сими довлимся. Хотящіи бо богатитися, поучаетъ соборъ Никона, впадаютъ въ искушенія и сѣти и пожеланія многа непотребная и вреждающая“. На заявленіе Никона, чтобы царю по прежнему жаловать Никона своею царскою милостію, соборъ говоритъ, что это зависитъ исключительно отъ воли государя и въ томъ конечно только слушаѣ, если Никонъ „къ великому государю и къ святѣйшему патріарху настоящему будетъ покорень во всемъ по Господѣ Бозѣ, и не начнетъ каковыхъ мятежей и смущеній творити каковымъ либо образомъ“. Соборъ твердо и очень опредѣ-

ленно выразилъ ту мысль, что Никонъ, какъ отрекшійся отъ патріаршаго престола, уже не можетъ быть болѣе самостоятельнымъ или независимымъ архіереемъ: ни въ духовныхъ дѣлахъ, ни въ судѣ надъ своими монастырями, ни тѣмъ болѣе въ поставленіи и посвященіи въ своихъ монастыряхъ и вотчинахъ архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ, а обязанъ все дѣлать съ разрѣшенія и благословенія новаго настоящаго патріарха, которому онъ, наравнѣ съ другими архіереями, обязанъ во всемъ безусловнымъ повиновеніемъ. „Святѣйшему Никону, патріарху бывшему Московскому, говоритъ соборъ, святѣйшаго патріарха настоящаго Московскаго и всея Русіи сослужителемъ не именовать, но имѣти его и именовать его архипастыря и начальника и старѣйшину, и подчинятися ему во всемъ, и безъ воли его и безъ благословенія въ царствующемъ градѣ, или гдѣ индѣ, не точію что чрезъ божественныя законы, но аще что и по божественнымъ законамъ безъ совѣта и велѣнія ничтоже творити, но вся ему дѣяти по указу великаго государя и по благословенію святѣйшаго патріарха московскаго и всеа Росіи, яко же и прочія архіереи вся дѣлають по благословенію его“. Въ виду этого соборъ разрѣшаетъ, напримѣръ, пріѣзжать Никону въ Москву, но только всякій разъ онъ долженъ заручиться на пріѣздъ согласіемъ царя и патріарха, „а безъ указу великаго государя и безъ благословенія святѣйшаго патріарха къ Москвѣ ему не приходити“. Никонъ требовалъ, чтобы новый патріархъ въ его монастыри, вотчины и села, во всякія суды, церковныя дѣла, хотя бы и касавшіяся духовныхъ лицъ, совсѣмъ не вмѣшивался. На это соборъ отвѣчаетъ: „кійждо есть долженъ свою мѣру вѣдати и въ своихъ предѣлахъ и повелѣнныхъ ему священными кононы пребывати“. Патріархъ долженъ вѣдать всю свою паству безъ всякихъ исключеній, а слѣдовательно и Никонъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ долженъ ему подчинятися, ибо двухъ равноправныхъ архіереевъ въ одной епархіи быть не можетъ. Въ виду этого соборъ постановляетъ: „а которое дѣло духовное въ которомъ его монастырѣ и прилучится, и ему къ тѣмъ архіереемъ, которой монастырь или вотчина котораго архіерея области подлежить, и описыватися по ихъ совѣту и велѣнію: аще повелятъ то творити, да творить; аще же не восхоцетъ описатися, или

описется, но архіерей аще будетъ ему не повелитъ что своя область творити, и святѣйшему Никону патріарху отнюдь безъ ихъ велѣнія ничтоже творити смѣти, яко же выше священныя правила законополагають, и яко самъ общася“. Никонъ можетъ и посвящать въ своихъ монастыряхъ и вотчинахъ архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ, но иначе, какъ предварительно снесшись или съ патріархомъ, или съ тѣмъ епархіальнымъ архіереемъ, въ епархіи котораго находится тотъ или другой его монастырь или вотчина, и только съ ихъ разрѣшенія и благословенія онъ можетъ совершать посвященіе, а никакъ не своею волею и усмотрѣніемъ. Никонъ общался держать всѣ церковныя преданія и книги, исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и исправленный при немъ символъ. Соборъ вмѣстѣ съ этимъ вмѣняетъ еще Никону въ обязанность принимать и всѣ тѣ книги, какія исправлялись и будутъ исправляться послѣ него съ греческихъ книгъ, а также: самому и въ своихъ монастыряхъ всегда поминать первымъ новаго московскаго патріарха. На требованіе Никона, чтобъ его духовнаго чина лицъ не привлекали въ мірскія судилища, соборъ отвѣтилъ довольно неопредѣленно и уклончиво, именно: „о семъ соборно како священныя правила уставиша и царстіи законы повелѣша, обычай россійскаго государства держится о прочихъ архіереехъ и монастырехъ, тако и о святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ и монастырѣ его и монастырей его всякихъ начальниковъ да держится твердо во всемъ“. Никонъ просилъ, чтобы къ нему былъ свободный доступъ всѣмъ лицамъ, которыя только пожелаютъ приходиться къ нему или ради благословенія, или чтобы подать ему милостыню. Соборъ на это заявляетъ, что онъ „не возбраняетъ христіаномъ къ нему приходиться, дондеже не будетъ каковой мятежь и соблазнъ“, т. е. соборъ не вѣрилъ, очевидно, въ дальнѣйшее спокойное пореденіе Никона и допускалъ въ дальнѣйшемъ возможность появленія отъ поведенія Никона „мятежа и соблазна“.

Но особое вниманіе собора обратили на себя тѣ пункты въ условіяхъ Никона, въ которыхъ онъ говоритъ объ устройствѣ своихъ отношеній къ царю, боярамъ, освященному собору и къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ упоминаемымъ имъ лицамъ. Эти пункты въ условіяхъ Никона дадутъ поводъ со-

бору русскихъ іерарховъ высказать свой истинный взглядъ на Никона, какъ архипастыря русской церкви и иногда больно задѣваютъ его самолюбіе, столь чувствительное всегда и къ малѣйшимъ уколамъ.

Никонъ въ своихъ условіяхъ говорилъ, что такъ какъ онъ ранѣ „судъ Божій износилъ“ на царя, синклить и освященный соборъ, то теперь онъ будетъ молить Господа, „что бы царствующему граду Москвѣ не быть осуждену паче Содома и Гомора“. По этому поводу соборъ рассуждаетъ: когда Никонъ былъ Московскимъ патріархомъ, то въ своихъ писаніяхъ нерѣдко уподоблялъ себя Моисею, „только кротости его неподража“. Моисей молилъ Бога за согрѣшившій предъ Нимъ народъ израильскій и лучше желалъ быть изглаженнымъ изъ книги живота, нежели видѣть свой народъ за его грѣхъ наказаннымъ Господомъ. Между тѣмъ Никона не только никто не обижалъ, „но вси почитаху его и покоряхуся ему во всемъ, яко самому Христу, и честь ему отдаваху паче прежде его сущихъ патріарховъ россійскихъ“. А между тѣмъ онъ самъ произвольно бросилъ свою паству безъ сколько нибудь достаточныхъ причинъ и упорно не хотѣлъ возвратиться на патріаршій престоль, хотя всѣ его молили не покидать своей паствы. Въ виду этого, говоритъ соборъ, „ни на кого же ему подобаше, точію на свое упорство, Господу Богу жаловатися, и судъ Божій изнести; невинныхъ же въ отшествіи его не кляти: на зло бо молящагося и праведнаго Богъ не слушаетъ. Аще бы ему въ чесомъ пасомыхъ имъ кто и погрѣшилъ, и ему, яко пастырю, подобаше не кляти, но, по Моисею, Господа Бога молити и душу свою за паству положить“. Никонъ, бывшій патріархъ, говоритъ соборъ, „по своей страсти кляше, и долженъ есть Господа Бога молити, да не вмѣнится сіе ему въ грѣхъ“. Далѣе соборъ говоритъ: „сотвори патріархъ Никонъ дерзость, еже прахъ отрясе моляшеся,—оному праху, отрясенному отъ ногъ его, быти въ осужденіе царствующему граду Москвѣ паче Содома и Гомора. И таковыя дерзости никто же сущихъ прежде святѣйшаго Никона патріарха сотвори гдѣ, аще и истинно изгнаніе подъя кто, или не пріять кого кій градъ или весь“. Никонъ самовольно, безъ всякой уважительной причины, оставилъ свой престоль и паству, но потомъ, „многоже лѣта минувъ по отреченіи своемъ, восхотѣ паки

власти и славы міра сего, ниже извѣстивъ о себѣ, ниже совѣтовавъ, или моливъ царя и соборъ, пріиде внезапу пощю, и въ мірѣ молву и смущеніе велие сотвори... Подобаеть ему о своемъ дерзновеніи каятися и молитися Господу Богу... А еже метлу нѣкую нареченную имъ (явившаяся тогда комета) молится въ отмщеніе обидящимъ его,—и о семъ прирече священный соборъ: подобаше святѣйшему патріарху Никону, яко ученику Владыки Христа, молитися за творящихъ ему обиду, о оставленіи грѣховъ, яко же самъ Владыка нашъ Христосъ научи, рекъ: заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга... любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущая вы, молитесь за творящихъ вамъ обиду. Святѣйшій Никонъ патріархъ, возшедь на совершенный степень архіерейскій, не вспомянулъ заповѣди Божія, глаголющія: мое мщеніе Азъ воздамъ. Моляше законопреступно бывшей въ то время звѣздѣ, юже наречеть метлою, быти обидящимъ его во отмщеніе. Его же обида—кто чимъ его пообидѣ?—невѣдома, а точію аще не самъ себе обидить“...

По поводу клятвы Никона на Ивана Щепоткина, у котораго Никонъ взялъ 500 пудовъ мѣди, а Щепоткинъ рассчитался за взятое у него не такъ, какъ хотѣлъ и желалъ Никонъ, соборъ учительно заявляетъ: „священный соборъ судилъ ту клятву патріархову на Ивана быти суетну и зѣло безмилостиву и грѣшну ему, патріарху: зане, яко же свидѣтельствуеть и самъ святѣйшій патріархъ, взялъ Иванъ за свою мѣдь, а мѣдь взялъ у него патріархъ... Хотя бы и впрямъ Иванъ чемъ патріарховымъ завладѣлъ, и ему (Никону) было подобаше писати о томъ къ прикащикумъ Ивановымъ, дабы ему долгъ его возвратили, а кляти отнюдь не подобаше, и душу, кровію Христовою отъ клятвы искупленною, за малую тлѣвную ничтоже сущую вещь, клятвѣ предавати и вѣчно губити. И то неправедно, за ево бо, Иваново, имѣніе, ево, Ивана, прокля. Аще бы и весь міръ приобрѣлъ, душу же погубилъ, или отщетилъ ничто же дасть въ замѣну за душу ону“.

Въ заключеніе соборъ, приводя заявленіе Никона: „аще-ли чрезъ вся божественныя каноны и заповѣди и любовный союзъ сбудется, еже о патріаршествѣ, по власти міра сего, то да не наречется по правдѣ патріархъ, но яко прелюбодѣй и

хищникъ, и вмѣсто мира да будетъ мечъ Божій и раздѣленіе“,—дѣлаетъ такое постановленіе: царь всегда, при избраніи патріарха, дѣйствуетъ совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, а не единолично. Равно и освященный соборъ требуетъ, съ своей стороны, помощи у царя при избраніи патріарха. И теперь царь и освященный соборъ думаютъ избрать патріарха „не кромѣ божественныхъ каноновъ, но яко же священная правила повелѣваютъ, и обычай російскаго государства есть рукополагати своимъ архіереемъ патріарха согласіемъ и благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго; а власти мірскія (кромѣ священныхъ) никогда же избираху, ниже избирають“. Что же касается „любовнаго союза“, о которомъ говоритъ Никонъ, то соборъ по этому поводу наставительно поучаетъ его: „любовный же союзъ сице имать быти: аще святѣйшій Никонъ патріархъ будетъ святѣйшему престольному патріарху московскому во всемъ покоренъ, и имя его будетъ вездѣ самъ и сущихъ подъ нимъ монастырехъ и церквахъ всѣхъ въ первыхъ поминать, и имѣти его будетъ архипастыря и старѣйшину, и не будетъ каковыхъ мятежей и молвъ и смущеній каковымъ либо образомъ творити,—святѣйшій настоящій патріархъ будетъ его, патріарха Никона, любити и жаловати и почитати, яко прежде бывшаго брата своего. Аще же святѣйшій Никонъ патріархъ святѣйшаго настоящаго патріарха имя въ первыхъ не будетъ поминати, или почитати и имѣти его архипастыря и старѣйшину, и начнетъ въ чемъ либо не покоряться ему, или каковыя молвы и смущенія и мятежи каковымъ либо образомъ, собою или людьми, творити,—и святѣйшій патріархъ настоящій святѣйшаго Никона патріарха долженъ и судити по священнымъ правиламъ, да не будутъ два патріарха равныя себѣ; и тѣмъ не наречется прелюбодѣй и хищникъ, но пастырь, пасый жезломъ силъ: данною ему властію не покаряющихся ему и отвращающихся отъ него; послѣдующихъ же ему пасый духомъ кротости“¹⁾.

Приведенными постановленіями собора русскихъ іерарховъ, всѣ мечты и надежды Никона создать себѣ, послѣ окончательнаго оставленія имъ всякихъ притязаній на патріаршую кафедру, почетное, матеріально богато обезпеченное и во

всѣхъ отношеніяхъ ни отъ кого независимое положеніе, какъ бы какаго владѣтельнаго князя, были въ конецъ разрушены. Соборъ сильно сѣузиль и урѣзалъ матеріальныя претензіи Никона, отнявъ отъ него всѣ ранѣе приписанныя имъ къ своимъ владѣніямъ разные монастыри, совсѣми ихъ землями и угодьями, и отказалъ ему въ выдачѣ изъ патріаршихъ доходовъ денегъ, хлѣба и рыбы. Отцы собора признали монастыри и всѣ другія владѣнія Никона въ духовныхъ дѣлахъ подчиненными не ему, а общему обычному надзору настоящаго патріарха, и даже не дали ему права самостоятельно и единолично ставить въ своихъ владѣніяхъ архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ, требуя, чтобы онъ и въ этихъ случаяхъ каждый разъ обращался съ особою просьбою о разрѣшеніи поставить священное лицо или къ патріарху, или къ мѣстнымъ архіереямъ, смотря потому въ чьей области находится тотъ или другой его монастырь, или приходская церковь. Наконецъ, и что самое главное: относительно самого Никона соборомъ твердо и рѣшительно было заявлено, что хотя за Никономъ и остается титулъ патріарха, но этотъ титулъ однако не даетъ ему никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, ни тѣмъ болѣе какой либо церковной самостоятельности и независимости по отношенію къ дѣйствительному патріарху: Никонъ не есть его сослужитель, а лицо строго во всемъ ему подчиненное; — для него настоящій патріархъ, какъ и для всѣхъ другихъ архіереевъ, есть архипастырь, начальникъ и старѣйшина, безъ совѣта и повелѣнія котораго онъ не можетъ сдѣлать ни въ какихъ церковно-духовныхъ дѣлахъ ни одного самостоятельнаго шага;—за всякое своевольное уклоненіе отъ воли и повелѣній настоящаго патріарха, Никонъ всегда можетъ быть отданъ послѣднимъ подъ судъ. Въ тоже время соборъ, въ своихъ сужденіяхъ по поводу различныхъ предложеній Никона, въ общемъ и въ частностяхъ, очень невыгодно освѣщаетъ личность Никона, какъ архипастыря русской церкви. Никонъ изображается въ соборныхъ дѣяніяхъ человѣкомъ очень несправедливымъ, крайне запальчивымъ и дерзкимъ, проникнутымъ величайшимъ самоувереніемъ и самочиніемъ, способнымъ въ самой архипастырской своей дѣятельности руководствоваться слишкомъ не архипастырскими мотивами и побужденіями, способнымъ даже производить въ народѣ своими,

страстями внушенными, дѣйствіями и поступками мятежи, смущенія и соблазны. Въ виду этаго соборъ по отношенію къ Никону принялъ учительно-наставительный и обличительный тонъ, и въ своихъ сужденіяхъ поучаетъ Никона заповѣдямъ и ученію Христа, которыхъ онъ мало держался въ своей архипастырской дѣятельности, поучаетъ его, каковъ долженъ быть по своимъ нравственнымъ качествамъ, характеру и отношеніямъ къ своимъ пасомымъ истинный архипастыръ церкви, какимъ во многомъ не былъ Никонъ.

Понятно само собою, что соборныя обсужденія тѣхъ условій, на которыхъ Никонъ окончательно отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ своихъ притязаній на патріаршій престолъ и соглашался на поставленіе новаго патріарха, должны были произвести на Никона самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе. Онъ ясно увидѣлъ теперь, какъ враждебно относятся къ нему уже не бояре и противники его церковной реформы, но и самые архіереи, изъ которыхъ многіе были его ставленники, ранѣе послушные малѣйшему его мановенію, постоянно трепетавшіе предъ нимъ и не смѣвшіе сказать даже слова, если видѣли, что оно неудобно и непріятно всемогущему, несдержанному на расправу патріарху. Теперь, бывшіе его низайшіе и безгласные богомольцы и послушники, смѣло и громко заговорили, обличая публично его, Никона, въ несоблюденіи заповѣдей и ученія Господа, въ его не архипастырскомъ дерзкомъ поведеніи, и больно давали ему чувствовать его теперешнее опальное положеніе и свою настоящую силу предъ нимъ, которая давала имъ возможность, гордаго и самовластнаго Никона, низвести на уровень обыкновеннаго подчиненнаго другому, его мѣсто занявшему патріарху, безъ воли и разрѣшенія котораго онъ не можетъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, попасть подъ судъ, какъ и всякій обычный нарушитель воли высшаго начальства. Естественно было поэтому ожидать, что Никонъ никакъ бы не согласился съ соборными о немъ сужденіями и постановленіями и постарался бы всячески имъ противодѣйствовать. Но согласія на соборныя постановленія никто отъ него и не потребовалъ, постановленія собора не вошли въ законную силу и не получили никакого практическаго значенія, такъ какъ дѣло о Никонѣ рѣшено было передать на судъ самихъ

восточныхъ патріарховъ, которые уже ѣхали для этаго въ Москву. Но справедливость требуетъ однако замѣтить, что какъ ни сурово отнеслись русскіе іерархи къ своему бывшему для нихъ очень тяжелому патріарху, все-таки они оставили за Никономъ титулъ патріарха, право жить въ построенныхъ имъ монастыряхъ, управлять ими, пользоваться и распоряжаться всѣми получаемыми ими значительными доходами, право засѣдать на соборахъ, если и ниже настоящаго патріарха, то выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Иначе чѣмъ русскіе архіереи-собратья, отнеслись потомъ къ Никону, прибывшіе для суда надъ нимъ въ Москву, греческіе вселенскіе патріархи.

Такимъ образомъ отреченіе Никона отъ патріаршества въ дѣйствительности имѣло только демонстративный характеръ, а не было настоящимъ, серьезнымъ отреченіемъ. Этимъ демонстративнымъ актомъ Никонъ хотѣлъ только съ блескомъ возстановить свои прежнія пошатнувшіяся отношенія къ царю, хотѣлъ заставить послѣдняго по прежнему во всемъ подчиняться ему—Никону, имѣть его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ во всей его царской дѣятельности. Никонъ былъ убѣжденъ, что онъ такъ нуженъ и необходимъ для царя, что тотъ никогда не рѣшится съ нимъ разстаться и отказаться отъ его услугъ и совѣтовъ. И, повидимому, Никонъ имѣлъ свои основанія такъ думать. Какъ мы знаемъ, Никонъ, еще ранѣе 1658 года, уже два раза просилъ Алексѣя Михайловича разрѣшить ему оставить патріаршество и отпустить его въ монастырь, но каждый разъ царь рѣшительно отказывалъ ему въ этомъ ходатайствѣ. Естественно было думать Никону, что и теперь, т. е. въ 1658 году, царь не отпуститъ его съ патріаршаго престола и, можетъ быть, даже придетъ въ Успенскій соборъ, вмѣстѣ съ своимъ синклитомъ, молить его, чтобы онъ попрежнему оставался патріархомъ. Когда же Никонъ увидаль, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ на исключительную, неизмѣнную привязанность къ нему царя, и что царь вовсе не думаетъ возвращать его на патріаршую кафедру, тогда онъ сталъ употреблять свои мѣры, чтобы такъ или иначе опять возвратить себѣ оставленный было имъ патріаршій престолъ и даже не остановился, какъ мы видѣли, предъ захватнымъ способомъ. Но потерпѣвъ и на этомъ пути рѣшительную

неудачу и окончательно убѣдившись, что ему уже болѣе никогда не быть московскимъ патріархомъ, Никонъ рѣшилъ было остаться хотя бы только титулярнымъ патріархомъ, но блестяще матеріально обставленнымъ и занимающимъ въ церковной іерархіи очень почетное и независимое положеніе. Но достигнуть этого ему не удалось, и онъ долженъ былъ потомъ, изъ блестящаго и могучаго, царившаго въ церкви и государствѣ всероссійскаго патріарха, превратиться въ простаго, и при томъ ссыльнаго, монаха Никона.

ГЛАВА X.

Критика церковной реформы Никона въ литературныхъ произведеніяхъ ея первыхъ противниковъ.

Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, а русскія церковныя книги вполне правы и не нуждаются въ исправленіи. Благочестіе современныхъ грековъ очень сомнительно, ихъ церковныя книги испорчены еретиками, почему теперь истинному благочестію нужно учиться не русскимъ у грековъ, а грекамъ у русскихъ. Никонъ, какъ реформаторъ, былъ еретикъ и слуга антихриста, въ своей реформаторской дѣятельности онъ руководился личнымъ произволомъ, пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ, гордостію и высокоуміемъ. Онъ не исправлялъ, а прямо заново передѣлывалъ русскія старыя книги. Его завѣренія, что онъ исправлялъ книги съ древнихъ греческихъ и славянскихъ харатейныхъ, рѣшительно несправедливы, такъ какъ въ дѣйствительности онъ исправлялъ свои книги или съ новогреческихъ напечатанныхъ еретиками книгъ, или съ польскихъ, или, если и съ русскихъ, то „съ покладныхъ“ и „хромыхъ“ книгъ. Слабыя стороны и тенденціозность критики церковной реформы Никона защитниками старины.

Никонъ оставилъ патріаршую кафедру вслѣдствіе недовольствія на него государя. Съ паденіемъ Никона, казалось, какъ логически-неизбѣжное послѣдствіе этого факта, должна была пасть и самая произведенная имъ церковная реформа. Ея противники торжествовали и, повидимому, должны были остаться побѣдителями. Царь теперь совсѣмъ охладѣлъ къ своему бывшему „собинному“ другу, не желалъ болѣе имѣть его патріархомъ и, значить, царь изъ друга и пособника Никона, если не перешелъ, то легко могъ перейти на сторону его противниковъ, конечно если они употребятъ къ тому достаточныя усилія. Бояре уже ранѣе не терпѣли Никона и теперь употребятъ всѣ усилія окончательно уничтожить его, а вмѣстѣ съ нимъ и его дѣло. Крайне не любили самовластнаго, гордаго и суроваго Никона и всѣ архіереи,

которые мало раздѣляли его грекофильскія реформаторскія увлеченія. Не любило Никона и все духовенство, видѣвшее въ немъ скорого и жестокаго на расправу нововводителя. Не любилъ Никона и народъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ новатора, нарушителя старыхъ вѣрованій и обычаевъ. Очевидно, теперь наступило для враговъ церковной реформы Никона самое благопріятное время уничтожить не только самаго Никона, но и все его дѣло т. е. произведенную имъ церковную реформу. Они энергично взялись за это дѣло, рѣшились разъяснить всѣмъ: царю, властямъ и всему обществу ту, по ихъ мнѣнію, несомнѣнную истину, что произведенная Никономъ реформа была незаконна, несправедлива, зловредна и прямо гибельна и для церкви и для государства, почему ее слѣдуетъ уничтожить и немедленно возвратиться къ прежнимъ до-никоновскимъ церковнымъ порядкамъ. Замѣчательно быстро появилась цѣлая обширная противониконовская литература, показавшая какими значительными и далеко недюжинными силами и средствами располагали противники церковной реформы Никона. Все сдѣланное Никономъ въ церковной сферѣ подверглось съ ихъ стороны самой строгой, очень придирчивой и беспощадной критикѣ, которая выдвинула на защиту родной старины цѣлый арсеналь старо-московской учености, съ прямою цѣлію доказать и убѣдить всѣхъ въ томъ, что реформа Никона, подъ видомъ исправленія, въ дѣйствительности только искажаетъ и даже совсѣмъ губить православіе на Руси. Многочисленныя произведенія этого рода быстро распространялись по всей Руси и всюду производили сильное впечатлѣніе на умы, тѣмъ болѣе сильное, что въ защиту и оправданіе реформы Никона пока еще не было сдѣлано ничего такого, что бы хотя отчасти могло парализовать дѣйствіе противониконовской литературы, идеи и взгляды которой, по этому, безъ всякой помѣхи быстро распространялись повсюду и, въ связи съ живою устною проповѣдію выдающихся борцовъ и защитниковъ старины, полагали твердую и прочную основу для возникновенія и упроченія въ народѣ старообрядства.

Въ виду той особой важности, какую имѣла первоначальная противониконовская литература въ дѣлѣ появленія и развитія старообрядства, необходимо, хотя бы въ самыхъ

общихъ чертахъ показать, что именно и какъ говорили первые представители старообрядства противъ церковной реформы Никона, въ чемъ и почему они находили эту реформу неправую и зловредною.

Основною исходною точкою для противниковъ церковной реформы Никона послужило старорусское исторически сложившееся убѣжденіе о русскомъ благочестіи, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ, и о грекахъ, какъ объ утерявшихъ истинное благочестіе и допустившихъ у себя важныя латинскія новшества.

По мнѣнію противниковъ церковной реформы Никона русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, вполне доказанное и оправданное исторически. Нероновъ пишетъ царю: „о, благочестивый царю, яко законы ихъ (русскихъ святыхъ), ими же они Богови угодиша, и въ чудесѣхъ велицы явльшеса, тако, яко истини, прогоняють бѣсовъ: мы же сія нетрудно разорити покушаемся. На сихъ ли возносимся, ихъ же, видимъ, ты, благочестивый царю, и всѣ православніи князи, и боляра, и архіереи, и ереи, православніи христіяня со страхомъ многимъ любезно святыхъ ихъ мощи цѣлуете, и ракамъ ихъ касаетися ради освященія единородныхъ нашихъ душъ, и яко да молятъ о насъ челоувѣколюбца Бога, да милостивъ будетъ намъ въ день судный,—на сихъ вознестися имамы?“ Протопопъ Аввакумъ говорилъ на соборѣ греческимъ патріархамъ: „до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна“. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ царю: „мощно, крестonosный царю—государь, прочести исторію, что о бѣломъ клобукѣ: что глаголи цареградскому патріарху первый христіанскій царь, и святой Селивестръ папа римскій и ангель Господень, не сбыся-ли то? Вся царства, государь, въ конецъ стекошася, сирѣчь во твое богохранимое господарство; здѣ истинная православная христіанская вѣра: не пошто намъ искать!—заблудити будетъ. Въ Козмографіи написано: нѣсть подъ солнцемъ такого благочестія и вѣры правыя, яко въ московскомъ государствѣ, а по инымъ всѣмъ съ ересми смѣсишася и навикоша дѣлть ихъ“. И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „законъ Господень непорочень держаша отцы наша во всей русской землѣ, и намъ той оставиша

непремѣненъ, и неизвращенъ предаша чадомъ своимъ, и въ томъ они Богу угодили и спаслися. Безъ правяя же вѣры невозможно угодити Богу, глаголетъ апостоль Павелъ... Аще бы вѣра наша прежняя единая въ чемъ неправа была, или въ ней ереси были, то бы святымъ русскимъ чудотворцемъ откровено было прежде, съ ними же самъ Богъ бесѣдовалъ и посѣщаль ихъ явно и пречистая Богородица, и Апостоли Христови, и велѣли бы исправить“. Священникъ Никита Добрынинъ пишетъ: „вѣдомо тебѣ, великому государю, яко ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересью, второй же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твоежъ государство, великое російское царство, третій Римъ, и отсюда все христіанское благочестіе въ него едино собрася, и отъ тебе, благочестиваго царя, превеликій Господь господствующихъ и Царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикупомъ возьметъ... О семъ вспомяну твоему христіанолубному милосердію, что колико въ Троицы пѣваемый Богъ своею милостію въ твоей государевой отчинѣ, въ величїи Россіи, угодниковъ своихъ прославилъ, и многоцѣлебными ихъ мощми и чудотворными раками всю землю твою, аки небеса многими пресвѣтлыми звѣздами, украсилъ, и почтилъ ю паче всея вселенныя, иже неизреченнымъ своимъ промысломъ изъ Рима бѣлый клубукъ и угодника своего Антонія на камени по водамъ, аки на колесницѣ легцѣ прислалъ, наипаче и Богоматери своея, премилостивыя нашея заступницы и помощницы Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи иконѣ, и боготѣлеснѣй своей ризѣ благоизволилъ въ царствующемъ твоёмъ и преименитомъ градѣ Москвѣ быти, и источаетъ намъ неоскудную свою милость. И посему, великій государь, Божію призрѣнію и неизрѣченной его милости разумно есть всѣмъ, благочестно живущимъ, что въ російскомъ государствѣ твоёмъ царствѣ, истари самая истинная христіанская православная вѣра, апостолы проповѣданная и святыми отцы седмїю вселенскими и девяти помѣстными соборы утвержденная, и въ Тройцы покланяемому Богу до него Никона, бывшаго патріарха, благоугодна была. И будетъ бы, великій государь, отчина твоя, великая Россія, неистинную вѣру содержала: и то бѣ всеблагїи Богъ можаше толикую свою благодать и инудѣ послать“. Инокъ

Сергіи, съ своей стороны, говоритъ, что когда былъ въ Москвѣ константинопольскій патріархъ Іеремія, „и той патріархъ въ російскомъ государствѣ вѣру христіанскую и благочестіе свидѣтельствовалъ во своей грамотѣ сице: понеже убо ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересію, второй Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, великое же російское царство, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и все благочестіе въ него во едино собрася, и единъ російскій подъ небесемъ христіанскій царь именуется во всей вселеннѣй“. Затѣмъ Сергіи говоритъ, что когда въ Москвѣ былъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, то и онъ „паки вѣру христіанскую и чинъ церковный російскаго государства похвалялъ“. Какъ и Никита Сергіи указываетъ на прибытіе въ Русь Антонія римлянина, на Христову ризу, и заключаетъ: „и аще бы въ Россіи неправая вѣра была и не почину служили: и то бы не изволилъ Богъ толикой превеликой своей благодати въ царствующемъ градѣ быти“. Въ пятой соловецкой челобитной говорится: „сами они, вселенскіе патріархи, прежде бывшии у насъ въ русской земли, Іереміи цареградскій и Теофанъ іерусалимскій и иные многіе палестинскіе власти о нашей православной вѣрѣ свидѣтельствуютъ списаніемъ, якоже въ книгѣ Кормчей московской печати, листъ 15 и 26, пишетъ сице, что - де у нихъ въ Царѣградѣ и Іерусалимѣ конечное православной вѣрѣ греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, церквамъ Божіимъ запустѣніе и разореніе, но точію единъ во всей вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры христіанскія, самодержавный великій государь царь благочестіемъ всѣхъ превзыдетъ; и все благочество въ твое государство едино царство собрашеся, и третій Римъ, благочестія ради, твое государство, московское царство, именоваша. И аще бы, государь, наша православная христіанская вѣра не права, то бы и милости и чудесъ отъ тѣхъ чудотворныхъ иконъ не было, и прародителей твоихъ государей благовѣрныхъ царей и великихъ князей, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Господь Богъ во святыхъ чудеса не бы прославилъ, и вселенскіе православные патріархи, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія цареградскій и Теофанъ іерусалимскій, и иные мно-

гіе палестинскіе власти и не бы православныя нашіе христіанскіе вѣры похвалили“ ¹⁾).

Какъ русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее теперь въ цѣломъ мірѣ, такъ и русскія церковныя книги исполнѣ правы, чужды всякой, а тѣмъ болѣе еретической порчи, онѣ святы и непререкаемы. Нероновъ говоритъ, что равноапостольный князь Владиміръ вмѣстѣ съ вѣрою „пріять отъ грекъ искусныхъ иконописцевъ, духовныхъ мужей и философовъ мудрыхъ, вѣдущихъ до конца божественное писаніе и могущихъ превести со многими тщаніемъ святыхъ книгъ божественное писаніе отъ греческаго языка на словенскій и вся добрѣ и богоугодно управити, на пользу едиnorodныхъ нашихъ душъ. Сія же благовѣрному и равноапостольному князю Владиміру съ Богомъ совершившу, и радующуся зѣло со всѣми людьми о украшеніи церкви, потомъ же вси благовѣрніи цари и великіе князи, вашего благочестиваго корене, великими сими въ Росіи просіявшими святителями и преподобными отцы до конца божественное писаніе уясниша и тисненію печатному предаша, ко утверженію православной христіанской вѣры, преводяще сихъ духовными и святыми мужи отъ греческаго языка на словенскій: якоже реку досточуднымъ онѣмъ мужемъ и въ добродѣтельномъ житіи просіявшимъ, преподобнымъ Максимомъ грекомъ“. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ: „тѣ бо старые служебники не съ мордовскихъ, не съ черемискихъ, и не съ латинскихъ преложены, и печатаны древле съ греческихъ древнихъ письменныхъ, переведены въ добрая времена, до взятія Царяграда и истребленія греческихъ книгъ отъ римлянъ за много лѣтъ; по нихъ же служажу и жертву непорочну приношаху преосвященніи митрополити и прочіи архіереи Божіи русіи до патріарховъ, потомъ пять патріарховъ московскихъ: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, и прочіи съ ними архіереи Христовы и ереи всея русскія земли нашея по тѣмъ же служиша и Господу Богу угодиша, и ни въ чемъ ихъ не опорочиша“. Да и некому было, по мнѣнію Ѳеодора, искажать и портить на Руси церковныя книги. „А во твоємъ государствѣ, пишетъ онъ царю, не бывало еретиковъ прежде,

¹⁾ Матер. I, 60. III, 246—248. IV, 158—161, 309—312. V, 78. VI, 35—36 204, 290 и др.

кои бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили. И аще быша кую ересь въ старыя книги вложиша, или противный кой догматъ, то бы намъ сказали, что ересь и кое слово противно божественному писанію.. А Никонъ, отступникъ, солгалъ на старыя святыя книги, будто въ нихъ новоприложено *истиннаго* въ символѣ... Аще бо на Москвѣ приложили *истиннаго*: кто приложилъ именемъ,— царь-ли, или святитель кой? и въ кое лѣто? и какъ тому прелагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще всё люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всёмъ людямъ въ Москвѣ и приложи нѣкто *истиннаго* и утече нѣгдѣ. Кто же еще приложи *истиннаго* въ воскресенскихъ книгахъ, и кто приложи въ сербскихъ печатныхъ многихъ книгахъ? Како и тамо никто не увѣдѣ? Оле, оболганія вражія!.. О превращеніи вѣры нынѣ всёмъ вѣдомо есть во всей земли, всякому чину, и деревенскимъ мужамъ и женамъ, и дѣтемъ ихъ разумно бысть, и вси знаютъ уже отъ кого учинилося то на Москвѣ, и въ кое время и лѣто, и въ книгахъ написано есть и будетъ“. Съ своей стороны и соловецкіе челобитчики говорятъ, что со времянь равноапостольнаго князя Владиміра до Никона православная вѣра на Руси „стояла нерушима и непоколебима и твоему, великаго государя, россійскому царствію отъ иноплеменныхъ раззоренія и церквамъ Божиимъ запустѣнія и еретическаго раздранія и книгамъ истребленія прародителей твоихъ государевыхъ и твоими, великаго государя, молитвами, не бывало, измѣнитца у насъ въ православной христіанской вѣрѣ было не отъ чего“ ¹⁾.

Если русское благочестіе есть теперь высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, и какъ такое вполне доказано и оправдано исторически, если русскія церковныя книги вполне правы и истинны, во всемъ строго православны и святы; то, по мнѣнію противниковъ церковной реформы Никона, совсѣмъ нельзя того же сказать о греческомъ теперешнемъ благочестіи и о теперешнихъ греческихъ церковныхъ книгахъ. Аввакумъ на соборѣ 1667 года говорилъ греческимъ патріархамъ: „у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета, — да и дивить на васъ

1) Матер. III, 256. VI, 41, 154, 156. 279—280.

нельзя: немощни есте стали“. И далѣ Аввакумъ замѣчаетъ: „мудры бл...ы дѣти греки, да съ варваромъ турецкимъ съ одново блюда патріархи кушаютъ раеленные курки. Русачки же миленькіе не такъ, въ огонь лезеть, а благовѣрія не предасть“. Лазарь говоритъ: „греки приняли три папжскія законы: первое—обливатися во святомъ крещеніи, второе—знаменатися тремя персты, третіе—крестовъ на себѣ не носити; послѣдидже и царскую Божию погубиша власть“. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „а въ грекахъ государь-царь, благочестія зѣло много повредилося отъ утѣсненія поганыхъ и отъ еретическаго насилванія: такъ стѣснены, яко овцы посредѣ волковъ,—едва уже дышуть. Также у нихъ говорили по дважды и аллилуію, и сложеніе персть имѣли яко же мы; но недавно измѣнили, смущаемые отъ римскихъ наукъ... Крещенія православнаго греки нынѣ не имѣютъ, обливаются вси, а не въ три погруженія крещаются, еже начало спасенію нашему... А въ Греціи изсякнути вѣрѣ насиліемъ агарянскимъ: сиче писано есть о нихъ, тако и совершается уже у нихъ давно то... И никто же да дивится о семъ, яко изсяче у грековъ благочестіе отъ насилія невѣрныхъ, по пророчеству царя Константина и святаго Селивестра папы римскаго: о семъ пишетъ во Исторіи. А нынѣ, по нуждѣ заблудившеся, живуще посреди тмочисленныхъ волковъ, да и насъ ко своей погибели невольню призываютъ“. Священникъ Никита пишетъ государю: „а что, великій государь, палестинскіе власти и вси греки неточію крестное знаменіе исказили, но и самое свое главное спасеніе потеряли, еже въ крещеніи по римски обливаются и кропятятся, а въ три погруженія не погружаются, и въ томъ, государь, шлюся не на ихъ на кого, но на самѣхъ тѣхъ всѣхъ грековъ“. Соловецкіе челобитчики говорятъ: „а имъ, государь, грекамъ православная христіанская вѣра по се время изронить недивно: понеже живутъ толико множество лѣтъ посредѣ безбожныхъ и поганыхъ турковъ, во всякомъ озлобленіи и неволѣ, и православную вѣру держатъ дни свои окупаючи, и многіе монастыри и церкви Божіи у нихъ стали въ конечномъ раззореніи“. Инокъ Авраамій пишетъ: „тыя грецы (отъ которыхъ рускіе приняли крещеніе) не быша въ соединеніи съ римскимъ костеломъ; сіи же нынѣшніе грекове прелестницы, причастницы и сообщницы

костелу римскому, и ересеначальникъ пріемнецы, проповѣдники и разширители антихрестова царства“. У грековъ „нетокмо святительства не обрящеши, не судя глаголю, но ниже хрестіянства, въ несвященныхъ бо церквахъ обѣдни служатъ... Кая во греченяхъ правда, отъ иссяклой вѣры римскія книги и ученія доржащихъ, безъ антиминовъ въ несвященныхъ церквахъ литургисающихъ? И набольшій ихъ цареградскій патріархъ отъ папы римскаго проклятаго,—уже здѣ въ Россіи многимъ про то достаточно вѣдомо,—сокраменты принимаетъ и общникъ и единомудренъ еретикъ, попатрель и разоритель священныхъ правилъ. Греки аще и мнятся держати святую вѣру православную, но воистину прельщаютъ и обманываютъ: обливаютъ бо ся въ крещеніи, и не по святыхъ отецъ житіе ихъ, и крестовъ на себѣ не носятъ, и ни слѣда хрестіанскаго нѣсть въ нихъ во всѣхъ, черницѣхъ и бѣлцѣхъ, и горше суть татаровой. Понеже оставльше путь правыя вѣры, вдаша себе въ еретичество“¹⁾).

Не только у грековъ повредилось и изсякло истинное благочестіе, но и всѣ ихъ священныя книги испорчены латинами. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ: „греческія книги давно двои стали у нихъ: рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правыя книги; и другія новыя, печатныя новыя книги греческія есть, иже печатаны по взятіи Царяграда, и тѣ растлѣнны суть и римскихъ ересей наполнены. Отъ сея вины учинилося тако въ печатныхъ тѣхъ книгахъ: егда греки прибѣгоша въ Римъ со старыми своими книгами, кроюще ихъ отъ турскаго султана, съ нихъ же и наши русскія книги переведены, и тѣ книги у грековъ отняли римляне и на свой языкъ преложили, а тѣ старыя всѣ греческія сожгли, враги проклятые, и съ своего языка латинскаго почали уже печатать греческимъ языкомъ, смѣшавше ихъ съ своими ересьми, и продають ихъ грекамъ, по градомъ возяще, еже бы во свое мудрованіе привести ихъ тѣмъ своимъ вымысломъ, яко же и насъ никоніане нынѣ. И греки по нуждѣ покупають ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царехъ не было. А кои греки благочестіе хравятъ чисто, тіи отнюдь тѣхъ книгъ не

¹⁾ Матер. III, 257. IV, 86, 250. V, 78, 203. VI, 34, 35, 157, 277. VII, 5, 88, 97, 98.

пріемлютъ, но препишутъ старыя съ нужею и по тѣмъ сла-
вять Бога. А во Аеонской горѣ 20 монастырей греческихъ
и 4 русскихъ, а вси тѣхъ книгъ, сквозь еретическія руки
прешедшихъ, не пріемлютъ же“. Священникъ Никита пи-
шетъ: „а печатано съ книгъ, иже греческія словутъ, а пе-
чатаютъ ихъ растлѣнно въ трехъ латинскихъ городахъ: въ
Римѣ, и въ Парижѣ и въ Венеціи“. Соловецкіе челобит-
чики говорятъ: „а книги, государь, у нихъ грековъ, кои
прежняго благочестиваго исправленія были, послѣ царь-
градскаго взятія отняли римляне, и перепечатали у себя,
по своему латинскому обычаю, и тѣ имъ свои латинскіе
книги роздали, а ихъ греческіе книги всѣ огнемъ сожгли.
И о семъ свидѣтельствуеть въ книгѣ своей блаженный Мак-
симъ грекъ. А у насъ, благодатію Христовою, по се время
того не бывало. А которые, государь, старыя книги у нихъ,
грековъ, нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многіе
испорчены, насѣянно въ нихъ много худыхъ плевелъ: по-
неже во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ еретиковъ
и богохульниковъ и иконоборцевъ было много“¹⁾.

Въ виду указаннаго положенія дѣлъ на вопросъ: чему
надлежитъ слѣдовать—русскому или греческому въ дѣлахъ
вѣры и благочестія—самъ собою являлся отвѣтъ, что над-
лежитъ слѣдовать русскому благочестію, а не греческому.
„Гдѣ правда? Чему вѣрить? Старымъ ли святымъ богослов-
цемъ и богомудрымъ мужемъ, или нынѣшнимъ пьянымъ
философомъ, иже чреву своему служатъ день и ночь, и
сію мудрость отъ римскихъ богомерзкихъ еретическихъ прі-
яша? спрашиваетъ дьяконъ Ѳеодоръ и отвѣчаетъ: „и не бу-
детъ новому баснословію внимати, и оставя истину и лжи
послѣдовати“. Никита обращается къ царю: „и о семъ ты,
великій государь, наша христіанская глава, вели соборнѣй-
шимъ разсужденіемъ разсудить: чему намъ послѣдовать—
древнихъ ли святыхъ отецъ и великихъ государей, царей и
великихъ князей, многимъ книгамъ и соборнѣйшимъ пи-
саніямъ, или нынѣшней нововводной и многоложной нико-
ніанской книгѣ (скрижаль), иже снискана отъ вѣдомаго вора
и врага Христова, отъ жидовскаго обрѣзанца Арсенія
чернца? О, великій государь, попекися добрѣ нашими ду-

¹⁾ Матер. III, 259. IV, 15. VI, 41—42, 157—158.

пами! Вели о семь разсудить, чтобъ намъ отъ тѣхъ проклятій душъ своихъ не погубить!“ Въ другомъ мѣстѣ Никита обращается къ царю: „о, великій государь, вели о семь разсужденіе учинить, кому намъ послѣдовать: угодникомъ ли Божиимъ, или тому вѣдомому врагу, мотылному столпу, поправшему священство троеженствомъ“. И соловецкіе челобитчики, съ своей стороны, заявляютъ государю: „аще, великій государь, толикія и безчисленныя свидѣтельства на нашу православную христіанскую вѣру, яко непоколебимо въ православныхъ догматахъ и въ церковныхъ исправленіяхъ пребываетъ; то кая, государь, нужда намъ тое истинную православную вѣру, самимъ Господомъ Богомъ преданную, и святыми отцы утвержденную, и вселенскими верховнѣйшими патріархи похваленную, нынѣ покинути и держати новое преданіе и иную вѣру“ ¹⁾.

Теперь, по мнѣнію противниковъ церковной реформы Никона, слѣдуетъ учиться истинному благочестію и правой вѣрѣ не русскимъ у грековъ, а совершенно наоборотъ: грекамъ у русскихъ. Аввакумъ говоритъ на соборѣ греческимъ патріархамъ, что у нихъ благочестіе стало „пестро“. „И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, Божію благодатію, самодержство. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна“. Никита, указывая на потерю греками истиннаго благочестія, говоритъ: „и твоему, государь, Богомъ утвержденному государству отъ тѣхъ грековъ коея истины искать?“ Онъ заявляетъ: „а вселенскіе патріархи отъ великаго гоненія бесерменска не то едино, но и прочее обычное христіанское благочестіе истеряли, и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечево искать: былъ они источникъ и пресохъ и сами вельми страждутъ“. По поводу введенія Никономъ амвоновъ въ русскихъ церквахъ онъ замѣчаетъ: „а что онъ, Никонъ, указывалъ на іерусалимскую церковь и цареградскую, что-де нынѣ въ нихъ такихъ амвоновъ нѣтъ, во Іерусалимѣ и Константинѣ-градѣ и въ прочихъ церквахъ не то едино, что тѣхъ сущихъ амвоновъ не стало, но и на верху ихъ крестовъ нѣтъ,—и тому ли намъ ревновать?“ Инокъ Сергіій пишетъ: „а по отпаденіи въ Риму и

¹⁾ Матер. III, 248—249. IV, 77, 117. VI, 287.

по взятіи Царя-града отъ турокъ есть-ли хотя одинъ во святыхъ, кто прославленъ въ коемъ градѣ или монастырѣ? Но и старыхъ знаменосцевъ мощи всѣ истребили и безвѣстно истеряли, и святыя мѣста разорили и осквернили, и книги всѣ истребили и исказили! И чего отъ нихъ нынѣ намъ пріимать? И для чего въ російскомъ государствѣ староутвержденную святыми знаменосцы вѣру и чинъ перемѣнять, и послѣ ихъ передѣлывать вновь? Соловецкіе челобитчики заявляютъ: „тебѣ, великому государю, вѣдомо и извѣстно: самые лучшіе греческіе учителя, егда пріѣзжаютъ въ русскую землю, и не единъ лица своего перекрестить не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ. А у насъ, государь, невѣжи и поселяне имъ дивятца и говорятъ, что-де они, палестинскіе власти, пастыри и учителя нарицаются и въ иную землю учить пріѣзжаютъ, а сами и лику своего перекрестить не умѣютъ, то-де чему насъ поселянъ научить, и какова-де отъ нихъ научитесь намъ въ православной вѣрѣ исправленія... Въ лѣпоту убо, государь, призвать (греческимъ властямъ) въ твое государство, благочестивое російское царствіе, самимъ учиться православной христіанской вѣрѣ и благочестію навикати, яко да довольни будутъ въ своей землѣ и иныхъ научить... Отъ начала во святѣй обители нашей самихъ тѣхъ греческихъ и русскихъ кievскихъ властей: митрополитовъ, и архіепископовъ, и архимаритовъ, и игуменовъ присылныхъ бывало много и нынѣ есть; а присылаются всѣ греческія власти того ради, чтобы имъ навикнуть у насъ въ обители православныя христіанскіе вѣры, истиннаго благочестія и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у насъ была неправославная вѣра, то бы ихъ, греческихъ властей, для исправленія къ намъ подъ началъ въ Соловецкій монастырь не присылали“. Указывая затѣмъ на предосудительныя дѣйствія грековъ еще въ древнѣйшія времена относительно болгаръ, челобитчики говорятъ: „посему же и нынѣшнее ихъ въ нашей русской землѣ греческое ученіе всякому, здравъ умъ имущему, разумѣти мочно, яко ученіе ихъ несправедно и ложно; понеже бо еще въ добрую пору, до турскаго взятія, еще тогда во благоденствіи имъ сущимъ, толикія въ нихъ лукавства, и сребролюбія неправды бяху, и церкви Божіи не апостольски снабдѣваху и православную вѣру на мздѣ въ нечестіе пре-

даваху: то котораго намъ отъ нихъ нынѣ въ православной вѣрѣ хотѣти добраго исправленія, кромѣ точію еже развращенія, а православныя вѣры истребленія“ ¹⁾. Инокъ Авраамій пишетъ: „греки (аеониты) нашу русскую Псалтирь со слѣдованіемъ сожгли, и книгу Кирилла іерусалимскаго сожгли, и ихъ немало. И какое ихъ нынѣ православіе? Какія ереси нашли во святыхъ тѣхъ книгахъ? А наши владыки нынѣ у нихъ переимають новые чины и уставы на соблазнъ всему христіанству. Научатъ ихъ греки и курятъ ѣсти, и табаку пити по еретически“ ²⁾.

¹⁾ Матер. III, 251—253, 274—275. IV, 86, 143, 312. V, 78. VII, 70, 306.

²⁾ Сожженіе на Аеонѣ русскихъ книгъ греками, о чемъ упоминаетъ Авраамій, есть историческій фактъ. Въ 1660 году, извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождаая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, прибылъ съ нимъ въ Молдавію, и остановился въ метохѣ сербскаго аеонскаго Зографскаго монастыря. Игуменъ и братія этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки-аеониты сожгли на Аеонѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: „вѣкто у нихъ былъ старецъ честенъ-сербинъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ и лѣтъ старъ, жиялъ въ скитѣ и держалъ книги московскія у себя, и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ-де тому же училъ“. Узнавъ объ этомъ, греки-аеониты призвали старца на соборъ къ отвѣту и называли московскія книги еретическими. „И онъ-де пмъ говорилъ, что есть у нихъ книги старинныя сербскія письменныя, а въ нихъ-де писано о крестномъ знаменіи такъ же, какъ и въ московскихъ. И тое-де книгу письменную, сыскавъ, принесли на соборъ и слушали съ московскою печатною книгою, и все-де сошлось слово въ слово противъ московской печати, а та-де книга, какъ писана, 130 лѣтъ тому“. Московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой тоже заключалось ученіе о двоеперстіи, греки-аеониты сожгли, причемъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ былъ ахридскій архіепископъ Даніилъ, который въ то время случился на Аеонѣ. Сухановъ собралъ отъ очевидцевъ точныя свѣдѣнія о сожженіи русскихъ книгъ на Аеонѣ, и такъ какъ Даніилъ ахридскій въ это время находился уже въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому жаловался на него Сухановъ. Даніилъ, учаемый очевидцами, въ присутствіи патріарха, Суханова и другихъ, далъ такое показаніе: „было-де во Аеонской горѣ такъ, собралися старцы на сербскаго старца, Дамаскипа именемъ, что онъ крестится не по-гречески и иныхъ тому учить, и того-де старца, поставя на соборѣ, допрашивали,—откуда онъ тому научился? И онъ-де указалъ на сербскую письменную книгу, что въ ней такъ писано креститься. И тое-де книгу, вземъ у него, сожгли, а та-де книга старинная сербская, тому 130 лѣтъ какъ написана, и тому-де есть письмо, здѣ прислано изъ Аеон-

Но если русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее теперь въ цѣломъ мірѣ, тогда какъ благочестіе современныхъ грековъ болѣе чѣмъ сомнительно; если русскія книги вполне правы и ихъ никогда не касалась рука еретиковъ, тогда какъ греческія книги испорчены и искажены еретиками, которые ихъ печатаютъ; то понятно само собою, что Никонъ, исправлявшій русскій обрядъ и книги по современнымъ греческимъ, т. е. исправлявшій несомнѣнно и строго православное русское по очень сомнительному греческому, естественно и необходимо являлся, въ представленіи противниковъ его реформы, сознательнымъ разорителемъ русскаго чистаго православія, злымъ еретикомъ, слугою антихриста. Такимъ дѣйствительно и представляютъ Никона всѣ противники его реформы. Дьяконъ Ѳеодоръ, напимѣръ, говоритъ: „но и отъ всепагубнаго сына геены, пагубнаго сосуда сатанина, явльшагося въ свое время настоящее, о немъ же вамъ реку, Никона еретика, адова пса, злѣйши и лютѣйши паче всѣхъ древнихъ еретикъ, еже быша подъ небесемъ: они бо, аще и зли суть, но на благочестіе не возмогаша, но сами спяти быша и падоша, сей же положи всю вселенную пусту и грады огнемъ невѣрія зажже, паче же богоборство воздвиже и гоненіе веліе и благочестію кончаніе сотворилъ... Явился еси (Никонъ) міру тщеславіемъ своимъ мудрѣйши всѣхъ святыхъ отецъ греческихъ и словянскихъ, и за ту гордыню свою безумную, яко сатана, проклятъ еси отъ Бога и всѣхъ святыхъ его, и съ послѣдующими плотскому твоему мудрованію... Лучше бы тебѣ, паршивому па-

---

ской горы къ митрополиту Стефану Торговицкому“. Съ своей стороны и старецъ Чудова монастыря Пахомій, также, какъ и Сухановъ, сопровождавшій изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, доносилъ государю: „а за крестное изображение и за книги, которые пожгли (на Аeonѣ), говорилъ вопреки, и противъ правилъ святыхъ отецъ стоялъ святые Аeonскія горы старецъ Ѳеодоръ, житіемъ духовенъ, и греческіе, государь, старцы хотѣли іво убить до смерти“. Григоровичъ, при посѣщеніи имъ Аeона, въ одной книгѣ Хиландарскаго монастыря прочелъ замѣтку, что въ 1650 году, когда на Святой горѣ происходили пренія о крестномъ знаменіи, „созогоша книги московскіе на карчі-ахъ грѣци и духовника Дамаскина, и попа Романа, и ученика ихъ Захарію въ темницы затвориша и глобнша ихъ 60 гроши. Оле бѣда отъ лукаваго рода грѣческаго, Мца маіа ки веліе безчестіе сотвориша восемь серблемъ и болгарамъ“. (Наша книга: Патріархъ Никонъ, стр. 69—70).

стуху, почивати на отеческихъ уставѣхъ и не прелегати бы предѣль вѣчныхъ“. Аввакумъ, какъ мы видѣли, называетъ Никона то „злодѣемъ“, то „еретикомъ“, то „богоотмѣстникомъ“ и т. под. Авраамій называетъ Никона еретикомъ, лютойшимъ всѣхъ древнихъ еретиковъ, волхвомъ и чародѣемъ, иконоборцемъ, предтечею антихриста и т. под. ¹⁾).

Будучи злымъ еретикомъ, Никонъ успѣлъ прельстить и склонить на свою сторону царя и всѣхъ властей. Дьяконъ Федоръ говоритъ; „Никонъ врагъ ту смуту (троеперстіе) ввелъ, и царя государя и властей всѣхъ страхомъ и клятвою прельстиль... А Никонъ, отступникъ, солгалъ на старыя святыя книги,... и тою лжею царя окралъ и обманулъ, яко дьяволъ, и властей всѣхъ малоумныхъ прельстиль, яко лисица молодыхъ и неученыхъ псовъ, зане не умѣли огласить его словомъ истины, но онѣмоша, понеже мечъ духовный не готовъ имѣша... Царь Никону молчаше, понеже запись ему даде своею рукою въ началѣ поставленія его, еже во всемъ его послушати, и отъ бояръ оборонять и его волю исполнять, яко же прельщенный оный отрокъ рукописаніе даде сатанѣ, его же Василиій Великій избавилъ молитвою отъ погибели тоя,—такъ омрачи его Никонъ лещимъ нѣкакo духомъ. Царь же Алексѣй до того окраденія Никонова благочестивъ бысть зѣло, и правдолюбивъ и милостивъ, того же великохищника Никона, пришедша во овчей кожи, не позна, и не опасеся отъ лести его, и не возможе отъ сѣти его исторгнитися... Самодержецъ Никону не возбрани; видя мать свою святую церковь отъ разбойника разоряему, и не зазираетъ, но паче заступаетъ. Дивлюся помраченія разума царева, како отъ змія украденъ бысть! Или рещи оно: яко забвеніе и неразуміе на всѣхъ хвалится! Человѣкъ бо есть!“ Инокъ Авраамій обращается къ царю: „како ты прельстиль лукавый врагъ и льстецъ Никонъ, мучитель, а не учитель твой? Яко змія Евву прельсти лукавствомъ своимъ и изъ рая изгна, тако и онъ ты прельсти и отъ лика благочестивыхъ царей отлучи, и яко хоботъ сатанинъ отторже ты, пресвѣтлую звѣзду, отъ тверди церковныя и поверже ты на земное мудрованіе, О горе и увы—увы! Утреннюю звѣзду тьма покры! О, царю,

¹⁾ Матер. VI, 64—65, 171—172, 267—268. V, 66, 146, 186, 368 и др. VII, 34, 61, 62, 89 и др.

какъ ты прельстиль змій плотный Никонъ? Воистину прельстиль ты, и всѣмъ благочестивымъ царемъ, родителемъ твоимъ, и великимъ княземъ, прародителемъ твоимъ, насмѣялся... А нынѣ, государь, крестное знаменіе, православное сложеніе перстовъ измѣнилъ еретикъ, новый отступникъ, Никонъ, и глупыхъ епископовъ прельстиль, а святыхъ оболгалъ лестию“. Въ другомъ мѣстѣ тоже объ архіереяхъ онъ пишетъ: „охъ, увы, прелести еретическія! Да наши бѣдніи епископи и къ сему руки своя приложиша Никонову окаянному мудрованію, мню, яко не хотяще лишитися чести мало-временныя и за церковь Христову пострадати, любо, плотстин, или яко пси нѣми, не могуще лаяти на еретика Никона и отступника. Аможе онъ, яко слѣпыхъ, водяше, туды въ путь и идяху, и ни въ чемъ не сопротивляхуся, яко скоти безсловесніи“. Въ одномъ мѣстѣ Авраамій даже увѣряетъ, что будто бы Никонъ, въ видахъ склонить епископовъ на свою сторону, подкупалъ ихъ. „На цѣнѣ продалъ Никонъ вѣру христіанскую, говоритъ онъ, рукъ ради по сту рублевъ коемуждо епископу дарствовалъ за молчаніе, кромѣ Павла епископа, иже отъ него и убіенъ бысть“¹⁾.

Если Никонъ есть новаторъ и еретикъ, если его реформа грозитъ гибелью православія на Руси и даже въ цѣломъ мірѣ,—такъ какъ четвертому Риму не быть; то понятно, что задача всякаго истинно благочестиваго русскаго состоитъ въ томъ, чтобы не только твердо хранить и держать свое древнее благочестіе, не допускать въ наслѣдованномъ отъ предковъ никакихъ перемѣнъ и измѣненій, но и упорно бороться противъ всѣхъ нововведеній Никона и его послѣдователей, всячески защищать и отстаивать родную старину, съ гибелью которой погибнетъ православіе въ цѣломъ мірѣ и въ немъ настанетъ тогда царство антихриста. За такихъ именно ревнителей и поборниковъ исторически доказаннаго и оправданнаго совершеннѣйшаго русскаго благочестія обыкновенно и выдавали себя противники церковной реформы Никона, всячески стараясь доказать, что осужденіе ихъ, какъ ревнителей и поборниковъ святой старины, есть необходимо и осужденіе этой святой старины, что проклятіе, которому подвергаютъ ихъ, неизбѣжно падаетъ вмѣстѣ съ

¹⁾ Матер. VI, 52, 154, 196—197, 293—294. VII, 62, 212, 310, 369.

ними и на всѣхъ предковъ русскихъ и на самыхъ ихъ святыхъ, послѣдователями и подражателями только которыхъ являются они,— противники реформы Никона. Протопопъ Аввакумъ говоритъ: „что есть ересь наша или кѣй расколь внесохомъ мы въ церковь, якоже (ложно говорятъ) о насъ никоніаны, нарицають раскольниками и еретиками... Аще мы раскольники и еретики: то и вси святіи отцы наши и прежніи цари благочестивіи и святѣйшіе патріарси таковы суть... Коли насъ за старину святую проклинать: ино и отецъ вамъ и мать подобаеть своихъ проклинати, въ нашей вѣрѣ умершихъ... Толи наша великая вина, еже держимъ отецъ своихъ преданіе неизмѣнно во всемъ? Аще мнится имъ дурно сіе: подобаеть имъ извергнути отъ памяти прежде бывшихъ царей и патріарховъ и всѣхъ русскихъ святыхъ. За что они намъ послѣ себя оставили книги сія, за нихъ же мы полагаемъ душа своя! Аще ли имъ памяти чести творять и святыхъ русскихъ почитаютъ всѣхъ, ихъ же мы уставы и преданія держимъ: за что же насъ мучишь и губишь?“ Дьяконъ Федоръ говоритъ: „мы вси, правовѣрніи христіане, никакого раскола, ни ереси не вложили въ книги и въ церковь не внашивали; но за старыя книги церковныя, за преданія отеческая правая стоимъ и умираемъ... Никоніане, иже насъ за старыя книги и законы святыхъ отецъ проклинають, учителей нашихъ и наставниковъ, имъ же повелѣ намъ апостоль повиноватися и покорятися, и на скончаніе жителства ихъ взирати, подражати вѣрѣ ихъ. И аще ихъ проклинають съ нами, то убо святыхъ апостоль и самаго Христа проклинають“. Лазарь говоритъ, обращаясь къ государю: „мы, богомольцы твои, во святую церковь ничто же вносимъ, или износимъ, вся преданная намъ закономъ и пророки и евангелисты приедемъ, и чувствуемъ и лобызаемъ, и ничтоже сихъ далѣ ищемъ, и предѣлъ вѣчныхъ не прелагаемъ, яже положиша отцы наша: не бѣша бо тіи глаголющи, но и Духъ, иже отъ Бога Отца... Мы держимъ святыя книги и законъ прародителей твоихъ, и ничего во святую церковь не вносимъ, ни износимъ, что приняли, то и держимъ неизмѣнно“. Соловецкіе челобитчики пишутъ государю: „мы, богомольцы твои, преданія апостольскаго и святыхъ отецъ измѣнить отнюдь не смѣемъ, бояся Царя царствующихъ и страшнаго отъ него прещенія и хотимъ вси скончатися въ старой вѣрѣ,

въ которой отецъ твой, государевъ, благовѣрный государь, царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всея Русіи, и прочіи благовѣрные цари и великіе князи благоугоднѣ препроводиша дни своя: понеже, государь, та прежняя наша христіанская вѣра извѣстна всѣмъ намъ, что богоугодна, и святыхъ Господу Богу угодило въ ней многое множество, и вселенскіе патріархи, Іеремія и Теофанъ, и прочія палестинскія власти, книгъ нашихъ русскихъ и вѣры православные ни въ чемъ до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную вѣру похвалили, и тѣмъ ихъ свидѣтельствомъ извѣстно надѣмся въ день страшнаго суда предъ самимъ Господомъ Богомъ не осуждены быти, наипаче же и милость получить“. Инокъ Авраамій пишетъ: „и како убо, государь, толикъ облакъ свидѣтельствъ призрѣти, а единому Никону со Арсеніемъ еретикомъ повѣрити? Како убо нынѣ москвитяне и вси великороссіяне, по принятіи правыя вѣры сіонскія седмое сто лѣтъ, и къ концу прииде, а нынѣ они насъ учать новой вѣрѣ? И въ коемъ благочестіи родилися, и чему училися, и учили коей вѣрѣ, и въ ней воспитани быша сами, и отцы отецъ ихъ, а нынѣ за ту вѣру клянуть непокоряющихся ихъ прелести и царскому другому суду отдають и кровь христіанскую вкупѣ проливають“¹⁾.

Такимъ образомъ противники церковной реформы Никона усиленно старались выяснить и доказать прежде всего то общее положеніе, что реформы Никона, имѣвшія въ виду особенности русскаго обряда согласить съ тогдашнимъ греческимъ, русскія церковныя книги исправить по греческимъ, были неправы принципиально, по самому существу дѣла; что ихъ противленіе Никону мотивируется единственно преданностію и ревностію къ исторически доказанному и исторіей оправданному русскому благочестію, которое новаторъ Никонъ, увлекаясь очень сомнительнымъ греческимъ, стремится исказить и даже совсѣмъ уничтожить; что преслѣдовать и проклинать ихъ за борьбу и защиту ими старыхъ церковныхъ вѣрованій и установленій, значитъ отказываться отъ своей собственной святой старины, значитъ, въ существѣ дѣла, проклинать самихъ русскихъ угодниковъ Божіихъ.

¹⁾ Матер. III, 209—210. IV, 241, 262—263, 282. V, 143—145, 188, 287—288. VI, 204—210. VII, 14, 15, 281.

Но указаніями только на принципиальную несостоятельность церковной реформы Никона ея противники не довольствовались, а переходили отъ общихъ положеній къ критической оцѣнкѣ всѣхъ частныхъ и подробностей реформы и, изъ разсмотрѣнія ихъ, опять приходили къ заключенію, что церковная реформа Никона неправа, а права та святая русская старина, за которую они борятся съ новаторомъ Никономъ.

На вопросъ: чѣмъ руководился Никонъ при исправленіи церковныхъ книгъ?—его противники отвѣчаютъ: полнымъ пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ, личнымъ произволомъ, внушаемымъ ему его высокоуміемъ и самомнѣніемъ. Аввакумъ говоритъ: „какъ говорилъ Никонъ, адовъ песь, такъ и сдѣлалъ: печатай, Арсень, книги какъ нибудь, лишь бы не постарому!—такъ су и сдѣлалъ“. Дьяконъ Федоръ говоритъ: „всю пестроту собралъ окаянный своеуміемъ, а людямъ сказуя ложно, будто въ греческихъ книгахъ справилъ все слово въ слово... явился еси міру тщеславіемъ своимъ мудрейши всѣхъ отецъ греческихъ и словенскихъ... Той стихъ (*Видѣхомъ святѣ*) поется на Троицынъ день на литіи, и той онъ стихъ приложилъ пѣть на литургіи съ хульнымъ непщеваніемъ на святыхъ русскихъ святильниковъ, будто они, живучи въ Руси, потеряли вѣру, и безъ правыя вѣры такъ спаслись, а онъ, будучи въ патріархахъ, обрѣлъ вѣру истинную“. Священникъ Никита говоритъ: „еще же и тщится славы ища, что будто бы старыя служебники были неправы, и будто онъ, Никонъ, истину снискалъ, и будто въ твоёмъ государствѣ россійскомъ царствѣ вѣру исправилъ и изъяснилъ, и будто онъ новый богословъ и литургій творецъ, и въ россійскомъ государствѣ будто лучше и мудрае ево никто не бывалъ, и будто всѣ русскіе чудотворцы и писанія съ ево, Никоново, не знали“. Никонъ сталъ, говоритъ Никита въ другомъ мѣстѣ, „всю землю переучивать, будто въ величій Росіи прежде бывшіе святители и всѣ россійскіе чудотворцы писанія съ ево, Никона, не знали, и будто онъ всее превеликой твоей государевы орды мудрѣ“. Соловецкіе челобитники въ одномъ мѣстѣ замѣчаютъ: „то напечатали они (въ новоисправленныхъ книгахъ) отъ своего растлѣннаго ума на смѣхъ и поруганіе Божію имени“¹⁾.

¹⁾ Матер. III, 264. IV, 109, 161. V, 90. VI, 24, 37, 160, 171 и др.

Доказательства того, что Никонъ исправлялъ книги очень небрежно и даже произвольно, его противники видѣли прежде всего въ несходствѣ между собою исправленныхъ при Никонѣ книгъ разныхъ выпусковъ. Дьяконъ Ѳеодоръ говорить: „шесть выходовъ служебниковъ новыхъ, а межъ собою несогласны. Тако же и прочія книги новыя“. „Сами же опять говорить онъ, положили въ новыхъ книгахъ во всѣхъ, во псалтыряхъ же съ возслѣдованіемъ, и во ермолюяхъ, и въ тріодяхъ, и въ часословахъ: аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; а во второмъ выходѣ новыхъ же тріодей написали, осмѣляся, по трижды уже. И то, государь, не пестротали и не на песцѣ-ли основаніе свое полагають, вертятся такъ и сякъ?“ Когда Никонъ оставилъ патріаршество, онъ по словамъ Ѳеодора, въ Иверскомъ своемъ валдайскомъ монастырѣ „повелѣлъ печатать часовникъ по старому уставу и обычаю, и тѣ часовники его видѣвъ азъ, по его благословенію печатанныя тамо словами въ четверть листа, въ нихъ же уже: и въ Духа святаго Господа *истиннаго* и животворящаго, и прочая вся въ нихъ по старому слово въ слово“. Въ другомъ мѣстѣ Ѳеодоръ замѣчаетъ: „стихъ: благословень грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ, отвергъ въ первыхъ новыхъ служебникахъ; а въ старыхъ вездѣ той стихъ есть, и въ новыхъ иныхъ опять положили его со оговоромъ, и нынѣ поють его вси“. Священникъ Никита пишетъ: „и то, государь, въ тѣхъ Никоновыхъ служебникахъ кая истинная правда, что во единомъ служебникѣ указъ со указомъ не согласуется, и тѣ служебники сами ся ратуютъ... А во время спусканія частей съ дискаса въ потиръ напечатано вновь тропарь пасцѣ: Воскресеніе Христова видѣвше, да отъ канона девятой пѣсни два стиха. А въ ево же Никоновыхъ служебникахъ иного выходу того тропаря и стиховъ нѣтъ. И въ толковой ево Никоновѣ книгѣ нѣтъ же. И по сему, государь, изящно ево никонианскіе самоизвольныя затѣйки познаваются. А буде бы онъ, Никонъ, истину снискалъ, и тобъ во всѣхъ своихъ служебникахъ единочинно и постоянно велѣлъ печатать. Да въ тѣхъ же служебникахъ вновь напечатанъ стихъ: Видѣхомъ свѣтъ истинный. И то, государь, напечатано съ польскихъ служебниковъ, а не отъ преданія богоносныхъ отцовъ. И въ томъ онъ, Никонъ, обличается своими же служебники и своею

Скрыжалю, что тово стиха инова выходу въ служебникахъ нѣтъ, и въ толковой ево книгѣ Скрыжалѣ нѣтъ же. И будетъ бы онъ, Никонъ, истинствовалъ, и онъ бы тѣ служебники велѣлъ постоянно печатать и съ толковою бы своею книгою не разгласовался. Шестъ бо выходовъ ево Никоновыхъ служебниковъ въ русійское государство насильствомъ разослано: а всѣ тѣ служебники межъ собою разгласуются и не единъ со другимъ не согласуются“. Священникъ Лазарь пишетъ специальный трактатъ „о несогласіи самихъ съ собою новыхъ книгъ и о неправыхъ въ нихъ догматахъ и хульныхъ словахъ“. Инокъ Амвросій пишетъ государю: „послушай, Михайловичъ, о новыхъ служебникахъ, иже при Никонѣ богоотступникѣ и послѣ его отреченія и изникновенія: по се время выходовъ до осми было, а всѣ межъ собою несогласны“¹⁾.

Никонъ несправедливо заявлялъ, что будто бы онъ только исправлялъ погрѣшности въ старыхъ книгахъ, въ дѣйствительности онъ не исправлялъ ихъ, а прямо передѣлывалъ. Никита говоритъ: „вѣдомо и самому тебѣ, великому государю, что въ тѣхъ Никонова повелѣнія новопечатныхъ книгахъ нѣтъ ни одинаго псалма, ни молитвы, ни тропаря, ни кондака, ни сѣдална, ни свѣтилна, ни богородична, ниже въ канонахъ всякаго стиха, что бы въ нихъ нарѣчіе не измѣнено было; но всячески хитрословлено, и искажено, и перемѣшано, и многіе службы и каноны и молитвы послѣ святыхъ богословцевъ претворены вновь, и въ тѣхъ же случаяхъ чиновные дѣйства и эктеніи напечатаны непостоянно: въ той книгѣ напечатано тако, а въ иной инако, и предніе стихи ставлены на послѣдни, а послѣдніе напереді, или въ срединѣ; и кои потребности и молитвы къ христіанскому строенію были потребны, и отъ тѣхъ много нарушено и въ то мѣсто вновь, кои непотребны, напечатаны“. Лазарь говоритъ: „нынѣшніе мудрецы немало что, но много—не оставиша бо во всѣхъ книгахъ ни одного слова, еже бы не перемѣнити, или не преложити. И, гордо хвалящися, глаголютъ, яко нынѣ обрѣтохомъ вѣру, нынѣ исправихомъ вся“. Федоръ говоритъ: „и всякій псаломъ и всякая молитва, и всякій стихъ исправра-

¹⁾ Матер. IV, 90. 108—109, 207—220. VI, 17, 22, 38, 150, 170—171, 278. VII, 265, 418.

щено и искажено“. Онъ признаетъ, что и въ старыхъ книгахъ есть ошибки и что ихъ слѣдуетъ исправлять, но иное дѣло исправлять, иное—заново передѣлывать. „А письменныя книги прочтохъ, идѣже видѣхъ ихъ, говорить онъ, и много искажены,—въ тоя такъ, а въ иной инаково о святомъ Духѣ... Не диво то, еже въ старыхъ книгахъ какія описки бывають и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе. Ово бо опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматамъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой ни есть и погрѣшное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти, а за превращеніе книгъ старыхъ и догматъ правыхъ измѣненіе, подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отецъ“. Соловецкіе челобитчики заявляютъ государю: „да они же, государь, въ покаявіи и исповѣди и псалмы и молитвы исповѣдникомъ и надъ умершими прощальныя и разрѣшительныя молитвы, и величанія на всѣ господскія праздники и святымъ оставили, и все дѣйство въ божественныхъ службахъ творенія Василія Великаго и Ивана Златоустаго и Григорія папы римскаго преложили на свой чинъ по своему плотскому мудрованію. Такожъ и прочее церковное пѣніе, заутреню и вечерню, и павечерню, и полунощницу, и молебны, и панахиды, и вкратцѣ рещи—весь церковный чинъ и уставъ, что держитъ церковь Божія, то все перемѣнили, и книги перепечатали не по преданію святыхъ отецъ, и всю православную христіанскую вѣру испревратили на свой разумъ“¹⁾.

Измѣненія и передѣлки, произведенныя Никономъ въ старыхъ книгахъ, не улучшали ихъ, а только искажали и портили. Никита говоритъ: „а что онъ, Никонъ, въ прочихъ своихъ новопечатныхъ книгахъ словенское нарѣчіе превращалъ и будто лучше избиралъ, печаталъ вмѣсто креста—древо, вмѣсто церкви—храмъ, вмѣсто тѣльца—тѣльцы, вмѣсто обрадованная—благодатная, и прочіе рѣчи измѣнилъ: и то ево измѣненіе само ся обличаетъ,—посему, что крестъ ли лучше и честнѣе глаголати, или древо? и церковь ли честно писати, или храмъ? Ей, всяко речется, что крестъ честнѣе древа глаголати, а церковь — храма. И въ писаніи крестъ

¹⁾ Матер. III, 244, 263-265. IV, 155, 216. VI, 10, 127, 146, 289.

и церковь подъ титломъ пишется, а древо и храмъ безъ титла. А что онъ вмѣсто обрадованная—благодатная напечаталь: и о той, государь, архангельской рѣчи истое во евангельскихъ толкованіяхъ свидѣтельствуесть сице: то бо есть обрадоватися, еже обрѣте благодать предъ Богомъ и еже обрѣсти радость отъ Бога“. Никита указываетъ далѣе, что Никонъ во всѣхъ „новопечатныхъ книгахъ словенское нарѣчіе искажилъ,—хотя ту же рѣчь напечаталь, по инымъ нарѣчіямъ. Яко же се мѣсто: *о Бозѣ—въ Бозѣ*, вмѣсто *о Христѣ—во Христѣ*; вмѣсто: *о Господѣ—въ Господѣ*“ и т. д. выписываетъ подобныхъ замѣнъ цѣлыми страницы. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „а еже мнятся исправляти, государь, искривляютъ паче, а не исправляютъ и подкопываютъ и крадутъ церковное богатство... Нынѣ, государь, не оставили во всѣхъ книгахъ ни единого словечка, еже бы не премѣнити или и преложити. А все напрасно, ни единыя вины обрѣтше, ругающесе непорочнымъ книгамъ и народъ разсѣвающе. Гдѣ *церковь* была, тутъ *храмъ*, а гдѣ *храмъ*, тутъ *церковь*; гдѣ *отроцы*, тутъ *дѣти*, а гдѣ *дѣти*, тутъ *отроцы*; гдѣ *перворожденна изъ матери*, тутъ *первородящаяся матерію*; и гдѣ было: *отъ него же всякъ животъ вдыхается, якоже о Отцѣ, купно же и о Словѣ*, вмѣсто того: *отъ него же всяко животное одушевляется, яко же во Отцѣ, купно же и Словѣ*. И чѣмъ сіе онаго лучше? Что во Отцѣ оживляется и Словѣ? Мнѣ мнится сіе лукавство“. Соловецкіе челобитчики идутъ въ своихъ обвиненіяхъ далѣе. Они говорятъ: „а иные положены въ тѣхъ новыхъ служебникахъ смѣхотворныя и неподобныя бездѣльныя рѣчи, на поруганіе тая божественныя службы, ихъ же срамно и глаголати, и напечатали въ служебникѣ крупной печати, на листу 262, сице: священникъ входилъ во храмъ и, совокупився съ діакономъ, глаголють входъ: и то ихъ смѣхотворство положено вново, зѣло неподобно и безмѣстно, понеже совокупленіе именуется мужеско и женско. И то напечатали они отъ своего растлѣннаго ума на смѣхъ и поруганіе Божію имени; а въ старыхъ, государь, служебникахъ отнюдь такихъ неподобныхъ рѣчей не обрѣтается“ 1).

Указанія Никона на то, что онъ исправлялъ старыя книги

1) Матер. III, 264. IV, 135-136, 152-155. VI, 22, 37.

съ древнихъ греческихъ и харатейныхъ славянскихъ, по мнѣнію противниковъ его реформы совершенно невѣрны, такъ какъ ближайшее сличеніе новоисправленныхъ книгъ съ древними греческими харатейными славянскими рѣшительно говоритъ противъ Никона. Этими сличеніями, съ славянскими харатейными списками, особенно усердно занимался дьяконъ Ѳеодоръ, который по этому поводу заявляетъ слѣдующее: „указывалъ и ссылался онъ льстець (Никонъ) на харатейныя русскія книги и греческія, будто съ тѣхъ справилъ и перевелъ символъ новый и прочія вся своя нововводныя догматы. Азъ грѣшный діаконъ, зѣло трудихся о семъ, искалъ и прочиталъ многія древнія харатейныя книги, и гонихъ Никона по слѣду, какъ песь волка и лиса лукаваго, и вездѣ обрѣтохъ его лукавнующа въ завѣтѣ Господни и святыхъ предѣлы преступивша и солгаша: во всѣхъ бо книгахъ древнихъ символъ вѣры по старому стоитъ, и есть въ старопечатныхъ книгахъ московскихъ, и во иныхъ земляхъ тако и донинѣ суть. Вездѣ бо символъ исповѣданія стоитъ право, сиче: и во единого Господа Ісуса Христа, а не Ісуса; рожденна, а несотворенна; его же царствію нѣсть конца. И тако суть во всѣхъ книгахъ рукописанныхъ, ихъ же видѣвъ, за 400 лѣтъ и за 500 лѣтъ кои писаны. И въ печатныхъ всѣхъ тоже суть слово въ слово,—и въ кіевскихъ, и въ сербскихъ, и въ болгарскихъ, и въ острожскихъ, идѣже библии старыя печатаны. Вся самъ видѣхъ и прочтохъ, и Богъ свидѣтель, яко не лгу. Того ради и страдати началъ и кровь свою проливати: дахъ бо два языка на отрѣзаніе царю Алексѣю Михайловичу и руку свою на отрѣченіе за крестное Христово знаменіе въ сложеніи перстовъ и за прочія законы святыхъ отецъ нашихъ, о нихъ же извѣстно испытахъ и изыскахъ прилежно“. Въ частности Ѳеодоръ указываетъ, что Никонъ исправилъ книги несогласно съ древними сербскими и греческими, на которыя онъ ссылался ложно. Ѳеодоръ, напримѣръ, говоритъ: „аще бы въ однихъ нашихъ московскихъ книгахъ символъ былъ со *истиннымъ*, а въ иныхъ бы земляхъ въ книгахъ не было нигдѣ: и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго; то бы азъ, яко человѣкъ, соблазнихъ бы ся не глаголати *истиннаго*. Но самъ видѣлъ прежде насъ вѣровавшихъ христіанъ книги сербскія у священника чернаго Мар-

дарія сербскія земли,—145 лѣтъ какъ печатана, и иные де есть и по пяти сотъ лѣтъ—и въ Духа святаго Господа *истиннаго*. II митрополитъ сербскій же Θεодосей сказывалъ игумену Сергію пресвятыя Богородицы Толгскаго монастыря, что есть де у насъ за пять сотъ лѣтъ такія книги: и въ Духа святаго Господа *истиннаго*. И острожскія самъ видѣхъ: такожде“. Въ другомъ мѣстѣ Θεодоръ свидѣтельству-етъ: „бысть на Москвѣ митрополитъ сербскій Θεодосій, во 173 году, и у него азъ, діаконъ Θεодоръ, видѣлъ ихъ псалтырь со возслѣдованіемъ печатную, полудестовую, 140 лѣтъ ей бысть по то время, какъ печатана, и въ ней вся та видѣхъ о символѣ, и о прочихъ нужныхъ спорныхъ статьяхъ, и вельми возрадовахся о Господѣ истинномъ Дусѣ, и пострадахъ за него, небеснаго царя“. О несогласіи новоисправленныхъ греческихъ книгъ съ древними правыми греческими книгами Θεодоръ говоритъ: „здѣ же въ краткости словесъ возвѣщу тебѣ, государю, несогласіе пестроты ихъ и противленіе непорочнымъ книгамъ сторопреведенныхъ съ *греческихъ непорочныхъ еще*, а не съ нынѣшнихъ, кои межъ собою разликують, иже мощно сіе всякому знать. Въ первыхъ выходахъ не положено стиха сего, еже есть *Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ*, егда речеть іерей: *со страхомъ Божиимъ и втрою приступите*. Да и написали сами: нѣтъ-де того стиха въ греческомъ, съ коего перевели. А въ древле переведенныхъ, государь, тотъ стихъ есть во всѣхъ служебникахъ, и въ греческомъ томъ былъ тогда, съ котораго старыя переведены, и въ Кипріяновскамъ переводѣ есть. Да въ новыхъ же выходахъ *опять положили* тотъ стихъ: *благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь*; а сослалися въ томъ на толкованіе литургіи, собраніе іерея Іоанна Наѳанаила, что въ Скрыжалѣ новопереводной же,—тамъ де указано пѣть: *благословенъ грядый во имя Господне и прочая*, и въ словахъ Златоустовыхъ есть де той стихъ, и конечно де оставить нельзя и надобно тому быть. И посему, государь, знатно, яко служебникъ той порочень, съ коего нынѣшныя перевели, съ толкованіемъ греческимъ же несогласенъ... Въ новыхъ часословцахъ запѣвъ Богородицѣ: *Пресвятая Богородице спаси насъ*; а послѣ того въ новыхъ шестодневахъ, съ греческихъ же перевели, и тамъ: *Пресвятая госпоже Богородице спаси насъ*“. Изъ по-

добныхъ сличеній Ѳедоръ выводитъ заключеніе, что Никонъ „и на греческія книги ссылался ложно“. По мнѣнію Ѳедора новоисправленныя книги несогласны съ харатейными русскими. Доказывая, что (достойно и праведно) *есть поклоняться* составляетъ въ новоисправленныхъ книгахъ прилогъ, Ѳедоръ замѣчаетъ: „азъ же убогій богомолецъ твой, шлюся, государь, яко не есть того прилога въ старыхъ служебникахъ печатныхъ или письмянныхъ, въ Злотоустовѣ службѣ, на кои и Никонъ ссылался будто, нѣтъ ни въ Алексіевскомъ служебникѣ, святаго митрополита и чудотворца, ни въ Сергіевскомъ святаго чудотворца, ни въ Кипріановскомъ, и въ иныхъ отнюдь нѣтъ. Мнится ми, государь, Никонъ патріархъ для прилики на сихъ святыхъ ссылался, хотя свой разумъ составить и церковь тѣмъ разодрати, а приликою старыя непорочныя служебники похуливъ, откинути. Все, государь, сіи святыхъ служебники отнюдь съ новыми не согласуютъ много, ни въ чинѣхъ священнодѣйства, ни въ рѣчахъ словесъ много со старыми согласнѣе печатными“. Съ своей стороны и соловецкіе челобитчики находили новоисправленныя книги несогласными съ имѣющимися въ ихъ монастырѣ древними списками богослужебныхъ книгъ. „Молитвы архіерейскія, заявляютъ они, выкинули всѣ: а у насъ, государь, въ твоёмъ царскомъ богомольѣ, въ Соловецкой обители, въ харатейныхъ служебникахъ, кои писаны лѣтъ по пяти и по шести сотъ и болши, а молитвы архіерейскія во всѣхъ есть, и съ Никоновыми служебниками ни въ чемъ не сходятся, а съ нашими печатными во всемъ согласны; якоже, государь, и бумажные старинные служебники, кои написаны лѣтъ по триста и болши, по которымъ служили при Зосимѣ чудотворцѣ и при Филиппѣ митрополитѣ, и тѣ всѣ съ Никоновыми несходны же ниблизко... Да въ тѣхъ же, государь, новыхъ никоновыхъ служебникахъ, въ предисловіи, листъ 20, напечатано про чудотворца и начальника нашего Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи, аки истинная правда будто онъ служилъ по такимъ служебникамъ, каковы нынѣ, при Никонѣ патріархѣ, вышли: и то намъ всѣмъ явно, что на него написано напрасно, понеже онъ, отецъ нашъ, пришелъ въ Соловецкую обитель великихъ чудотворцевъ Засимы и Савватія отъ младыхъ ноготъ, и жилъ до игуменства и во игуменахъ многа лѣта,

даже до возведенія на архіерейскій престолъ московскаго царства, и книги его нынѣ все и служебники у насъ, въ Соловецкомъ монастырѣ, въ книгохранительной казнѣ, кои были до него, и при немъ, и послѣ его есть, ни единъ съ тѣми Никоновыми служебниками не согласуетъ“. Инокъ Авраамій, въ челобитной къ государю, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „да они же, Никоновы ученицы, напечатали въ ермолае къ трисвятому съ прибавкомъ, сиче: сила, святыи Боже, святыи крѣпкіи, святыи безсмертныи помилуй насъ. И то, государь, приложили они отнюдь не дѣломъ же, на великій развратъ соборнѣи и апостольствѣи церкви и на гибель душамъ христіанскимъ, не противъ греческихъ и русскихъ харатейныхъ книгъ. Понеже, государь, и въ греческихъ книгахъ то трисвятое съ нашими русскими книгами ни въ чемъ ни разнится же, и написано по ихъ греческому языку безъ прибавки сиче: агіосъ о Θεосъ, агіосъ исхиросъ, агіосъ афанатосъ елей сономасъ (?), а нашимъ языкомъ: святыи Боже, святыи крѣпкіи, святыи безсмертныи, помилуй насъ. А *силы* въ томъ греческомъ трисвятомъ не написано. Затѣвають все собою, и указываютъ на греческія книги ложно“ ¹⁾.

Несогласіе исправленныхъ Никономъ книгъ съ древними правыми греческими книгами объясняется по мнѣнію противниковъ церковной реформы тѣмъ, что Никонъ исправлялъ книги если и съ греческихъ, то съ новыхъ, испорченныхъ еретиками. Дьяконъ Федоръ говоритъ: „прокаженныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо, и купилъ ихъ на многія тысячи сребра. И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому они и несогласны со старыми нашими. Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги греческія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велии сотворили во всей русской землѣ по всѣмъ церквамъ, и тѣмъ Христа Бога нашего прогнѣвали, и на весь міръ много пагубы навели противными книгами и догматы нововводными“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Никонъ „книги

¹⁾ Матер. VI, 18, 23—25, 32—33, 144—147 и др. III, 263, 272 и др. VII, 351.

старопечатныя всё охулилъ, врагъ, напрасно, и въ тѣхъ вмѣсто римскія развращенныя перепечаталъ по русски, и въ церковь внесе ихъ со многими ересыми“. Соловецкіе челобитчики заявляютъ: „тѣми греческими книгами они православною нашу вѣру истребили до толика, будто и слѣдъ православія въ твоёмъ государствѣ, російскомъ царствіи, до сего времени не именовался, и учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ... Тѣ ихъ греческія книги нынѣ стали всёмъ явны, что они исправлены и отъ еретиковъ испорчены: понеже, государь, въ нашихъ русскихъ печатныхъ книгахъ до сего времени, покамѣста съ греческихъ книгъ не печатали, которые посылки и зазоры не было, а какъ почали печатать изъ греческихъ переводовъ, и въ тѣхъ новыхъ русскихъ печатныхъ книгахъ объявилось много худыхъ и богохульныхъ и непотребныхъ рѣчей, ихъ же вкратцѣ вмалѣ тебѣ, великому государю, въ сей челобитной выше сего изъявихомъ“. Инокъ Авраамій пишетъ: „наша російская земля воистину свѣтло во благочестіи сіяла до Никона патріарха, и съ истинныхъ греческихъ книгъ древнихъ переведены наши православныя книги, а не съ нынѣшнихъ латинскихъ, иже нынѣ греки держатъ, имъ же справливаетъ папа римскій, и въ Римѣ печатаютъ и въ прочихъ римскихъ градѣхъ, и къ нимъ, грекамъ, идутъ, а онѣ ихъ держатъ по нуждѣ, что правыхъ книгъ взять негдѣ имъ“. И въ другомъ мѣстѣ Авраамій говоритъ: „а что нынѣ греческія книги словутъ и къ намъ приходятъ печатныя, и здѣ съ нихъ переводятъ книги, и тѣмъ вѣровать отнюдь не подобаетъ. Понеже печатаютъ ихъ еретики въ трехъ градѣхъ — въ Римѣ, Парыжѣ, и въ Веницеи, греческимъ языкомъ печатаютъ, но не по древнему благочестію. А у грековъ печати своей нѣтъ. всё у нихъ книги себѣ покупаютъ печатныя“.¹⁾

По мнѣнію противниковъ церковной реформы если Никонъ и исправлялъ книги съ славянскихъ, то, или съ польскихъ, или же и съ русскихъ, но „съ покидныхъ“ и „хромыхъ“ книгъ. Священникъ Никита въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „то, государь, напечатано съ польскихъ служебниковъ и русскихъ покидныхъ, а не отъ преданія богоносныхъ отецъ“. Въ другой разъ, указывая на неправоту ново-

¹⁾ Матер. III, 245, 259. VI, 158, 199. VII, 26, 396.

исправленныхъ книгъ, Никита говоритъ: „и то все онъ, Никонъ, учинилъ своимъ развратнымъ вымысломъ, собираючи съ разныхъ хромыхъ и съ покидныхъ служебниковъ и съ иноземскихъ, а не съ преданныхъ догматъ и не съ правыхъ служебниковъ, на расколъ христоименитой вѣрѣ напечатано, по наученію вѣдомаго христіанскаго врага, жидовскаго обрѣзанца, Арсенія чернца, чтобъ ему Никону въ литоргіи Божіи спона и порокъ учинить“. Говоря про чинъ освященія церкви, Никита замѣчаетъ: „и то онъ освященіе церкви претворилъ съ лядскихъ требниковъ Петра пана Могила и съ прочихъ латынскихъ переводовъ“. Дѣлалъ это Никонъ, по мнѣнію Никиты, въ такихъ цѣляхъ: „то явно есть по всему, говорить онъ, что онъ Никонъ, бывшій патріархъ, нарочно съ хромыхъ книгъ плевелные слова снискивалъ и въ христоименитую вѣру всѣвалъ, чтобъ ему како ю смутить и всяко съ латиною соединить“. Инокъ Сергій говоритъ: „да что Никонъ патріархъ уставилъ въ херувимскую пѣснь, въ переносъ великаго входа, діакономъ и священникомъ и святителемъ говорить титуло великому государю: и то онъ взялъ съ польскихъ служебниковъ и хромыхъ, тамо бо и пановой своихъ поимянно величаютъ“. Откуда Никонъ могъ взять покидныхъ и хромыхъ книгъ, это въ одномъ мѣстѣ, объясняетъ дьяконъ Федоръ. Онъ говоритъ, что кромѣ подлиннаго часовника митрополита Кипріана существовалъ еще подметный, „и тотъ подметный часовникъ, со иными растлѣнными книгами отъ преписующихъ неискусныхъ, положенъ бысть въ пустой палатѣ подъ крыльцомъ у Благовѣщенья въ сѣняхъ, истлѣнія ради, по правиломъ, повелѣніемъ святѣйшаго патріарха Филарета. И егда Никонъ, сокровенный волкъ, вскочилъ на патріаршество, тогда онъ тѣ сокровенныя книги вынялъ, и въ церковь внесе, и аллилуія почалъ четверити, оттого времени и прочая расколы творити въ церкви. Есть убо святаго Кипріана митрополита остался служебникъ его руки, писанный, и всѣмъ вѣдомо, яко потому онъ самъ служилъ, и тотъ его кипріановъ служебникъ непороченъ, и со старыми службами сходенъ съ московскими, а новымъ всѣмъ противенъ. И тому святому Кипріану не послѣдова Никонъ отступникъ, и прельщенныя отъ него власти не восхотѣли того держатися: и то явное блужденіе ихъ и противленіе богоугоднымъ пастыремъ, древ-

нимъ отцемъ нашимъ“. Инокъ Авраамій пишетъ царю: „онъ (Никонъ), государь, символъ писалъ съ коихъ несвидѣтельстванныхъ книгъ и пометныхъ письменныхъ,—тутъ такъ, написано, а индѣ инако“. 1).

Исправленныя Никономъ, указаннымъ образомъ, церковныя книги естественно, по мнѣнію противниковъ исправленія, должны были заключать въ себѣ различныя неправыя мнѣнія. И дѣйствительно, по ихъ изысканіямъ, оказалось, что всѣ тѣ ереси, какія только существовали въ христіанской церкви съ самаго ея начала, всѣ онѣ будто бы нашли себѣ самый радушный пріютъ въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ. Цѣлыя сочиненія написаны были съ прямою цѣлію показать: въ какихъ никоновскихъ книгахъ, гдѣ именно и какія ереси заключались, причемъ доказывалось, что „все новое никоніанское мудрованіе и уложеніе ложно есть и лукаво, и отеческому писанію противно и богоборно и богомерзко есть по всему“; что какъ самъ „Никонъ мерзокъ Богу и святымъ его, таковы мерзки книги и догматы его“.

Съ принятіемъ новоисправленныхъ никоновскихъ книгъ погибло на Руси православіе и нѣтъ на Руси болѣе истинной церкви Христовой. „О прелесте! восклицаетъ дьяконъ Ѳедоръ, понеже еси пестра: зримъ церкви стояща, церковныя же развращенія всюду стояща. О прелесте! понеже еси пестра: церковныя стѣны созидаются, законы же ея разоряются и злохульно укоряются. О прелесте! понеже еси пестра: иконное поклоненіе почитается, образы же святыя яко непотребны отметаются. О прелесте! понеже еси пестра: причастіе, тѣло и кровь Христову, исповѣдуютъ, тайнодѣяствія же ея еретичествомъ оглаголюють. О прелесте! понежи еси пестра: правовѣріемъ нарицается, благоверные же побиваются. О прелесте! понеже еси пестра: еретики проклинаются, благовѣрные же яко враги осуждаются. О прелесте! понеже еси пестра: праздники святыя празднують, начальниковъ же праздниковъ раскольниками называютъ. О прелесте! понеже еси пестра: мученикамъ Христовымъ память творятъ, вѣру же ихъ прелестію нарицають. О прелесте! понеже еси пестра: евангеліе почитается, благовѣстіе же тьмою нарицается. О

1) Матер. IV, 107, 109—110, 135, 147, 302, 305. VI, 149—150. VII, 316.

прелесте! понеже еси пестра: идольскаго поклоненія гнушаются, развращенные же образы яко святые почитаются“ и т. далѣе. Тотъ же дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ: „мы же ихъ (принявшихъ новоисправленные книги) называли прежде сего не раскольниками точію, но совершенными еретиками, и предтечами антихристовыми, зря по дѣломъ ихъ; и нынѣ паче нарицаемъ ихъ въ правду тако... Да не сообщаются со отступниками, и да не ходятъ къ заутренямъ ихъ и ко всякимъ службамъ, развращенно поемымъ, и да не молятся съ ними, запрещенія ради святыхъ правилъ“. Аввакумъ писалъ: „а што много говорить! плюнуть на дѣйство-то и службу-ту ихъ, да и на книги-тѣ ихъ новоизданныя,—такъ и ладно будетъ. ...Не подобаетъ съ вами поганцами (т. е. православными), намъ вѣрнымъ и говорить много. Кое общеніе свѣту ко тьмѣ, и кая часть вѣрному съ невѣрнымъ, кое общеніе Христу съ веліаромъ и церкви Божіи со идола“¹⁾.

Вслѣдствіе гибели на Руси правой вѣры и истиннаго благочестія, благодаря книжнымъ никоновскимъ исправленіямъ, должно погибнуть и само московское царство, существованіе котораго тѣсно связано съ процвѣтаніемъ въ немъ истиннаго, ни чѣмъ неповрежденнаго православія. „Единъ бысть, говоритъ Аввакумъ, православный царь на земли остался, да и того, невнимающаго себѣ, западніи еретицы, яко облацы темніи, угасили, христіанское солнце, и свели въ тьму многія прелести и погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды“. Во всей вселенной, поэтому, начинается теперь наступать царство антихриста, такъ какъ Москва есть третій Римъ, а четвертому не быть: погибнетъ православіе на Москвѣ, значитъ погибнетъ оно уже въ цѣломъ мірѣ. Аввакумъ говоритъ: „мерзость заустѣнія, не-преподобно священство, и прелестъ антихристова на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на алтари неправославная служба, еже видимъ нынѣ сбывшееся. Иного же отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ.. И се, возлюбленніи, не явно-ли антихристова прелестъ показуетъ свою личину?“ Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „видимъ самое уже послѣднее время и конецъ вѣка скоро, скоро приближается. Слышите паки, паки, правовѣрніи братіи, яко второе Хри-

¹⁾ Матер. VI, 86—89, 165, 203, 239, 278. V, 54, 129, 187.

ство пришествіе близъ есть. Уже вся отступленія совершишася, по писанію, во всѣхъ царствахъ“¹⁾.

Вотъ къ какимъ безнадежнымъ выводамъ и заключеніямъ пришли въ концѣ противники Никона, послѣ подробной критической оцѣнки его церковной реформы: православіе окончательно погибаетъ на Руси, въ ней начинается водворяться царство антихриста, наступаетъ конецъ міра. Но эти выводы и заключенія построены ими на очень непрочныхъ и сомнительныхъ данныхъ, и потому сами по себѣ оказываются очень некрѣпкими и колеблющимися, даже въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ.

На кардинальный вопросъ: когда именно и благодаря какимъ обстоятельствамъ греки потеряли истинное благочестіе и правую вѣру?—противники церковной реформы Никона отвѣчаютъ очень неодинаково, несогласно одинъ съ другимъ и даже одно и то же лицо отвѣчало на этотъ вопросъ въ одномъ мѣстѣ—такъ, а въ другомъ иначе.

Протопопъ Аввакумъ, на соборѣ 1667 года, говорилъ греческимъ патріархамъ: „у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „Константина царя предалъ Богъ за отступленіе Махмету турскому царю, и все царство греческое съ нимъ“, и что это отступленіе грековъ отъ православія совершилось еще до взятія Царьграда турками на Флорентійскомъ соборѣ, когда „приписаша царь и власти гречестіи къ сему лукавому собору руки своя. Сія уставы и въ Царьградъ пришли: оттолъ и греки развернулись, и клобуки такіе же вздѣли на себя, и иные догматы Флоренскаго собора учиниша въ церквахъ своихъ“, такъ что уже до насилія турокъ перестали быть православными. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ, что у грековъ благочестіе изсякло отъ агарянскаго насилія: „и никто же да дивится о семъ, яко изсяче у грекъ благочестіе отъ насилія невѣрныхъ“. Впрочемъ еще во время Максима Грека, по мнѣнію Ѳеодора, у грековъ существовало и правое перстосложеніе и сугубая аллилуія и что они все это измѣнили очень недавно, „смущаеми отъ римскихъ наукъ“. Священникъ Никита говоритъ: „а вселенскіе патріархи отъ великаго гоненія бесерменска не то едино, но и прочее обыч-

¹⁾ Матер. V, 227—228, 264. VI, 39, 181.

ное христіанское благочестіе все истеряли и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечево искать“, и такимъ образомъ признаеть, что благочестіе потеряно греками уже послѣ паденія Константинополя, вслѣдствіе притѣсненія турокъ. По мнѣнію же Лазаря греки потеряли благочестіе и правую вѣру еще до господства надъ ними турокъ, которое явилось какъ наказаніе за ихъ отпаденіе. Лазарь точно указываетъ, что отпаденіе грековъ отъ православія совершилось именно „въ лѣто 6847-го“, и что „отъ того времени приняли греки три папешскія законы: первое—обливаться во святомъ крещеніи, второе—знаменатися тремя персты, третіе—крестовъ на себѣ не носить. Послѣди же и царскую Божію погубиша власть. *Того ради и погаными турками обладаны*“. Инокъ Авраамій говоритъ, что когда былъ въ Цареградѣ, незадолго до его паденія, преп. Евфросинъ, „у грековъ тогда все еще православно было, и по ихъ, враговъ, свидѣтельству и аллилуи четвероличныя у нихъ не было“. Благочестивая вѣра у грековъ, по словамъ Авраамія, сіяла еще и въ позднѣйшее время. „Егда въ Греціи благочестивая вѣра сіяше, говоритъ онъ, тогда и огонь отъ Бога на животворящій гробъ низпосылашеся, и свидѣтели тому не единъ Максимъ Грекъ премудрый и преподобный, но и російстии послове, посылаеміи отъ самодержавныхъ великихъ князей и царей, прежде бывшихъ, и знаменити людіе, и Трифонъ Коробейниковъ и Феодоръ; а оттолѣ и доннѣ таковая благодать отъ грековъ отъята бысть за нечестіе грековъ“. Значить, еще во время посѣщенія святыхъ мѣстъ Коробейниковыхъ т. е. во второй половинѣ XVI вѣка, когда турки обладали греками уже цѣлые сто лѣтъ, „въ Греціи благочестивая вѣра сіяше“. Православны были и позднѣйшіе восточные патріархи: Іеремія константинопольскій и Теофанъ іерусалимскій. Авраамій говоритъ: Іеремій патріархъ былъ при царѣ Феодорѣ, въ лѣто 7097 году, а о крестѣ не зазиралъ. При царѣ Михаилѣ былъ патріархъ Теофанъ, въ лѣто 7127-го году, а о крестѣ такожде не зазиралъ. И сами они такоже употребляли (т. е. крестились двоеперстно)“. Но рядомъ съ этими заявленіями, что православіе у грековъ еще долго сохранялось и послѣ завоеванія ихъ турками, у того же самага Авраамія встрѣчаются и другія мнѣнія, опровергающія первыя. Такъ онъ говоритъ: „отъ константинопольской церкви святыня отъята бысть еще предъ

взятіемъ Царяграда отъ турокъ за нечестіе грековъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „отъ римлянъ приняли греки рясы и рогатыя клобуки, въ лѣто 6946 году, на осмомъ проклятомъ Флоренскомъ соборѣ отъ римскаго папы Евгенія; а изначала не бысть тако. Тогда же и аллилуію учили возчетверяти“. „А греки уже много блудятъ въ вѣрѣ, еще говоритъ онъ; понеже убо нѣкогда, стѣсняеми отъ турскаго царя о вѣрѣ, хотящи бо къ своей ихъ вѣрѣ привести, греки же, нужду видѣвше, прибѣгоша къ римскому папѣ Аеесу, еретику сушу; папа же далъ имъ три заповѣди: первое—въ крещеніи обливатися, второе—трема персты креститися, третіе—крестовъ на себѣ не носити. Они же сицева пріемше нужды ради отъ турскаго царя“. Это отпаденіе грековъ отъ православія случилось еще до прибытія Максима Грека на Русь, значитъ, произошло въ концѣ XV или въ самомъ началѣ XVI вѣка. Авраамій говоритъ: „преподобный (Максимъ Грекъ) съ клятвою писалъ митрополиту нашему и всему собору, чтобы суды, къ Москвѣ, отъ греческаго патріарха ни попа, ни дьякона не пріимали въ пріобщеніе. И сіе писалъ преподобный Максимъ, русскую землю оберегая, вѣдая подлинно, что у нихъ, въ грекахъ, по извѣщенію святаго Селивестра папы римскаго, *вѣра христіанская погибла безъ остатку*“. Но въ такомъ случаѣ, константинопольскій патріархъ Іеремія, учредившій у насъ патріаршество и поставившій нашего перваго патріарха Іова, и іерусалимскій патріархъ Теофанъ, поставившій у насъ въ патріархи Филарета Никитича, никакъ не могли быть признаны православными лицами, такъ какъ въ то время у всѣхъ грековъ самая „*вѣра христіанская погибла безъ остатку*“¹⁾.

Такимъ образомъ на очень важный принципиальный вопросъ о времени и обстоятельствахъ отпаденія грековъ отъ православія, у противниковъ церковной реформы получался совсѣмъ путанный и даже противорѣчивый отвѣтъ: греки отступили отъ православія то—еще до завоеванія Константинополя турками, то—послѣ завоеванія, вслѣдствіе насилія турецкаго, то—до пріѣзда къ намъ Максима Грека, то—уже послѣ его пріѣзда въ Москву. По мнѣнію же нѣкоторыхъ

¹⁾ Матер. V, 78, 285, 287. VI, 34—35, 157, 158, 277. IV, 173, 250. VII, 28, 87, 97, 99, 306, 307, 397, 415.

отступленіе грековъ отъ православія совершилось въ самое послѣднее время предъ вступленіемъ у насъ на патріаршій престолъ Никона, такъ что равнѣ бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи: Іеремія константинопольскій и Теофанъ іерусалимскій, были еще строго православны: крестились двоеперстно, двоили, а не троили аллилуію ¹⁾).

¹⁾ Понятно, почему противники церковной реформы Никона такъ сильно пугались, говорили несогласно другъ съ другомъ по вопросу: когда именно греки отпали отъ православія. Конечно самый простой и естественный для нихъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ тотъ, что греки отпали отъ православія со времени флорентійскаго собора, что они, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно и говорятъ. Но остановиться на этомъ самомъ для нихъ естественномъ рѣшеніи вопроса они однако не могли, въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ уже русской церковной жизни XVI и начала XVII вѣка. Именно: въ первой половинѣ XVI вѣка на Руси былъ и дѣйствовалъ пренеподобный Максимъ Грекъ, который не только признавался православнымъ, но и богоугоднымъ мужемъ: на него противники церковной реформы Никона обыкновенно любили указывать и ссылаться какъ на непререкаемый авторитетъ въ вопросахъ вѣры и церкви. А между тѣмъ Максима Грека пришлось бы признать неправославнымъ, если бы греки отступили отъ православія еще со времени флорентійскаго собора, если бы у нихъ, еще до паденія Константинополя, „вѣра христіанская погибла безъ остатку“. Но еще важнѣе, въ этомъ отношеніи, были другія обстоятельства: Константинопольскій патріархъ Іеремія, будучи въ Москвѣ, учредилъ у насъ патріаршество и поставилъ перваго московскаго патріарха Іова. Второй московскій патріархъ, правильно поставленный, былъ грекъ Игнатій, изъ греческихъ прѣзжихъ архіереевъ. Какъ патріархъ, хотя и недолго, онъ управлялъ всею русскою церковію и его патріаршая власть признавалась всѣми, онъ даже собиралъ соборы, на которыхъ, подъ его предсѣдательствомъ, рѣшались нѣкоторые церковные вопросы, каковъ напримѣръ, вопросъ: чрезъ перекрещиваніе, или только чрезъ миропомазаніе слѣдуетъ принимать въ православіе латинявъ. Іерусалимскій патріархъ Теофанъ поставилъ на Москвѣ въ патріархи Филарета Никитича. Изъ этихъ фактовъ относительно самой русской церкви устанавливалось такое положеніе: если греки дѣйствительно потеряли православіе еще до паденія Константинополя, то отсюда неизбѣжно получался тотъ выводъ, что наши московскіе патріархи были поставлены греческими уже отступившими отъ православія патріархами и значитъ, вся наша позднѣйшая церковная іерархія, какъ ведущая свое начало отъ неправославной греческой іерархіи, какъ вытекающая изъ мутнаго и загрязненнаго источника, тоже не можетъ быть признана вполне чистою. Нежеланіе сдѣлать подобный неизбѣжный выводъ и побуждало нѣкоторыхъ, болѣе разсудительныхъ и осторожныхъ противниковъ церковной реформы Никона, признать греческую іерархію конца XVI и начала XVII вѣка православною, а самое время отпаденія грековъ отъ православія отодвинуть чуть не къ самой половинѣ XVII вѣка,

Такие же сбивчивые и несогласные между собою отвѣты даютъ противники церковной реформы Никона и на болѣе частные вопросы о времени и обстоятельствахъ появленія у грековъ того или другаго отдѣльнаго неправославнаго новшества. Такъ, отвѣчая на вопросъ откуда и когда именно появилось у грековъ троеперстіе, Лазарь говоритъ, что оно принято греками отъ латинянъ еще до паденія Царьграда въ лѣто 6847-е, когда греческій царь „Иванъ Мануйловичъ“, чтобы найти у папы помощь противъ турокъ, подчинился латинству и принялъ три папезскіе законы: обливаться въ крещеніи, знаменоваться тремя перстами и не носить на себѣ крестовъ. Инокъ Авраамій говоритъ, что троеперстіе появилось у грековъ только во время владычества надъ ними турокъ, когда притѣсненія въ вѣрѣ со стороны турецкаго царя заставили грековъ обратиться за помощію къ папѣ, который и научилъ ихъ креститься троеперстно. Въ другомъ мѣстѣ онъ точно опредѣляетъ самое время появленія у грековъ троеперстія. Именно онъ говоритъ: „тамо сія у нихъ недавно вселилася прелесть, всего осмьдесятъ лѣтъ. А прежде того отнюдь не было сія, и ни который богословецъ и учитель церковный не написалъ нигдѣ; ни предалъ тремя перстами креститься“. Греческіе патріархи—Іеремія и Теофанъ, бывшіе въ Москвѣ, и поставившіе у насъ нашихъ патріарховъ, еще крестились, по увѣренію Авраамія, двоеперстно. Дьяконъ Ѳеодоръ увѣряетъ, что троеперстіе у грековъ появилось благодаря иподьякону Дамаскину, который жилъ всего девяносто лѣтъ тому назадъ, и что именно отъ него греки „ту прелесть приняли троеперстную... отъ его книги прельстилися“. При этомъ Ѳеодоръ рѣшительно заявляетъ, что троеперстіе есть армянская ересь, а, значить, вовсе не латинская и къ грекамъ перешла не отъ латинянъ, а отъ армянъ“. „Сложеніе тріехъ перестъ, говоритъ онъ, армянскаго мудрованія... Злое то мудрованіе (троеперстіе) и неправославно, но арменско есть, богострастное, и Евтиху и Діоскору согласуетъ, отмечающимъ вочеловѣченіе Христово, и единоволникомъ мудрованіе сходно“. И иннокъ Авраамій, утверждавшій

причемъ они однако не объясняли, вслѣдствіе какихъ особыхъ причинъ и обстоятельствъ именно къ половинѣ XVII вѣка, а не ранѣе, грекамъ пришлось отступить отъ православія.

ранѣе, что греки научены были троеперстію римскимъ папою Аѳесомъ, конечно увлеченный дьякономъ Ѳедоромъ, забываетъ это все объясненіе происхожденія троеперстія отъ латинянъ и начинаетъ, согласно съ Ѳедоромъ, завѣрять, что греки стали употреблять троеперстіе прельстившись книгою иподьякона Дамаскина, что „трема персты армены еретики крестятся“ и что „знать тотъ иподіаконъ (Дамаскинъ) еретьикъ былъ арменскія вѣры“ ¹⁾.

Относительно греческихъ книгъ дьяконъ Ѳедоръ завѣрять, что у грековъ теперь есть двоякія книги: одни—немногія старыя, правыя, неиспорченныя еретиками; другія—печатныя, испорченныя еретиками, такъ какъ прошли чрезъ еретическія руки. „Греческія бо книги, говоритъ онъ, двои стали давно у нихъ (грековъ): рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правыя книги; и другія новыя—печатныя новыя греческія книги есть, ихъ печатали по взятіи Царяграда, и тѣ всѣ растлѣнны суть и римскихъ ересей наполнены... Греки по нуждѣ покупаютъ ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царехъ не было. А кои греки благочестіе хранятъ чисто, тѣ отнюдь тѣхъ книгъ не приемятъ, но препишутъ съ нужею старыя и по тѣмъ славятъ Бога. И во Аѳонской горѣ 20 монастырей греческихъ и 4 русскихъ, а вси тѣхъ книгъ, сквозъ еретическія руки прешедшихъ, не приемятъ же“. Такимъ образомъ дьяконъ Ѳедоръ признаетъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ, что не всѣ греки отпали отъ православія, по между ними есть и такіе, которые „благочестіе хранятъ чисто“. Къ такимъ грекамъ, между прочимъ, принадлежатъ иноки аѳонскихъ монастырей, такъ какъ всѣ они не принимаютъ греческихъ печатныхъ книгъ, „сквозъ еретическія руки прешедшихъ“. Но когда ему пришлось коснуться факта сожженія русскихъ книгъ на Аѳонѣ, онъ уже говоритъ объ аѳонскихъ инокахъ другое, что они, „завистливымъ тѣмими духомъ“, не хотѣли допустить, чтобы кто либо читалъ на Аѳонѣ по правымъ московскимъ книгамъ, слѣгалъ персты по московски—двоеперстно и другихъ училъ тому же правому перстосложенію. Полное православіе грековъ аѳонитовъ является здѣсь у него уже сомнительнымъ. Инокъ Авраамій

¹⁾ Матер. VI, 250. VI, 49, 52, 56, 69, 305, 306. VII, 30, 31, 246, 295, 299.

аеонитовъ прямо признаеть неправославными. „Да и сіе, государь, пишеть онъ, какая правда: во Аеонской горѣ греки сожгли своихъ святѣйшихъ патріарховъ многосложный свитокъ—книгу, что писанъ къ Теофілу царю икоборцу, и рукъ къ нему приложили 1465, собравшия вси церковницы. Тогда тѣ же греки и нашу русскую псалтырь съ послѣдованіемъ сожгли, и книгу Кирилла іерусалимскаго сожгли и иныхъ немало. И какое ихъ нынѣ православіе? И какіе ереси нашли во святыхъ тѣхъ книгахъ?“ Соловецкіе челобитчики относительно греческихъ книгъ идутъ далѣе. Они увѣряютъ, что и старыя греческія книги въ большинствѣ уже давно были испорчены различными еретиками, которыхъ въ старое время такъ много было между самими греками. „А которыя, государь, пишутъ они, старыя книги у нихъ, грековъ, нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многія испорчены, насѣяно въ нихъ много худыхъ плевель: понеже во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ и еретиковъ и богохульниковъ и икоборцовъ было много“. Инокъ Аврамій, съ своей стороны, заявляетъ, что теперь у грековъ вообще никакихъ старыхъ книгъ уже нѣтъ совсѣмъ. „Сказано отъ блаженнаго Максима, пишеть онъ, что въ грекахъ, по взятіи Царяграда, великая скудость книжная, и самъ онъ, блаженный Максимъ, учиться ходилъ въ западныя страны скудости ради книжной. Да и по описанію Арсенія Суханова, древнія великія обители у нихъ всѣ разорены и живутъ въ нихъ бусорманы: и откуда у нихъ древнимъ книгамъ быть?“ ¹⁾).

Очевидно, что противники церковной реформы Никона въ сужденіяхъ объ отпаденіи грековъ отъ православія, о порчѣ греческихъ книгъ еретиками, объ усвоеніи греками еретическихъ новшествъ отъ латинянъ или отъ армянъ, не имѣли въ своемъ распоряженіи какихъ либо дѣйствительныхъ, твердо установленныхъ историческихъ фактовъ; очевидно у нихъ не хватало ни знаній, ни умѣнья сколько нибудь основательно разобратъ въ этихъ вопросахъ и какъ слѣдуетъ выяснитъ ихъ своимъ читателямъ. Пораженные несходствомъ тогдашней греческой церковной практики съ русскою, новоисправленныхъ по греческимъ никоновскимъ

¹⁾ Матер. VI, 30, 157, 158. IV, 258—259. VII, 306, 403.

книгъ съ старыми русскими, не умѣя понять и объяснить какъ слѣдуетъ этаго явленія,—они рѣшили, что только одно русское единственно православно, а все тогдашнее греческое—неправославно, испорчено еретиками. Для обоснованія и оправданія этаго положенія, они искали данныхъ всюду, и находили ихъ въ разныхъ сомнительныхъ ходячихъ сказаніяхъ и слухахъ (сказаніе о бѣломъ клубукѣ, рассказы о сожженіи всѣхъ греческихъ книгъ латинами), въ подложныхъ грамотахъ (грамота царя Константина папѣ Сильвестру), въ случайныхъ заявленіяхъ отдѣльныхъ лицъ (греческихъ патріарховъ Іереміи и Теофана), неимѣвшихъ въ дѣйствительности того смысла, какой имъ они навязывали, въ показаніи такихъ лицъ, которыя давали завѣдомо ложныя свѣдѣнія ¹⁾. При этомъ они вовсе не задавались вопросомъ: на сколько правильно и возможно пользоваться такими сомнительными данными, не относились къ этимъ даннымъ критически, не старались опредѣлить ихъ дѣйствительную историческую цѣнность, а все принимали на вѣру и притомъ такъ, какъ желали они. Они искренно вѣрили въ несомнѣнность самаго факта отступленія грековъ отъ православія, а о томъ, какъ литературно прочно обосновать и удовлетворительно выяснитъ этотъ фактъ, они не особенно заботились, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, дѣло по существу было ясно, само говорило за себя, а потому и не нуждалось ни въ какихъ особенныхъ изысканіяхъ, провѣркахъ и доказательствахъ.

Какъ пользовались противники церковной реформы Никона тѣмъ матеріаломъ, какой былъ у нихъ подъ руками, для доказательства отпаденія грековъ отъ православія, это хорошо видно изъ слѣдующаго. Всѣ они обыкновенно ссы-

---

¹⁾ Дьяконъ Федоръ признаетъ, что и сейчасъ въ Іерусалимѣ у Гроба Господня еще православно двоятъ аллилуію и крестятся двоеперстно. Въ доказательство этого онъ рассказываетъ слѣдующее: „азъ бо извѣстно о семъ вѣдаю и самаго конархиста Гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 174 году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ, онъ же сказа ми: патріархъ де іерусалимскій по старому слагаетъ персты, за кое знаменіе крестное вы почаша нынѣ страдати, и Никона де онъ предтечею антихрисловою зоветъ“. (Матер. VI, 161). Очевидно іерусалимскій канонархъ говорилъ такъ, желая оказать Федору любезность, а тотъ эту любезность принялъ за чистую монету.

лаются на двухъ греческихъ патріарховъ—Константинопольскаго Іеремію и Іерусалимскаго Теофана, которые, будучи въ Москвѣ и поставляя здѣсь нашихъ патріарховъ, не только будто бы восхваляли русское благочестіе, какъ высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, но и до конца унижили тогдашнее греческое благочестіе, признали, что правая вѣра, во всей ея полнотѣ, сохраняется теперь не у грековъ, а только у русскихъ. Такъ соловецкіе челобитчики, напримѣръ, пишутъ государю: „сами вселенскіе патріархи, Іеремія цареградскій и Теофанъ іерусалимскій, ихже глаголють всякими добродѣтелями украшенныхъ сущихъ, и бывшимъ имъ въ московскомъ государствѣ довольно время, отъ нихже и первопрестольники соборныя и апостольскія церкви, Іевъ митрополить и дѣдъ твой, великаго государя, блаженный Филареть Никитичъ, въ твоёмъ, великаго государя, російскомъ московскомъ царствѣ на патріаршескій престолъ возведены быша, и видѣвши истинную нашу православную непорочную вѣру, зѣло похвалили; своюжь они греческую вѣру, отъ нея же нынѣ исправленія ищемъ, до конца сами унижили, яко же въ книгѣ, глаголемей Кормчей, московской печати, о семъ свидѣтельствуеть, что де у нихъ во Іерусалимѣ и во всѣхъ тамо сущихъ восточныхъ странахъ конечное православныя вѣры греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, и церквамъ Божиимъ запустѣніе и разореніе, но точію единъ на всей вселенней владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы христіанскій самодержавный великій государь благочестіемъ всѣхъ превзыде и вся благочестивая въ твое государево едино царство собращеся“¹⁾).

Совершенно справедливо, что разные греческіе іерархи постоянно заявляли московскому правительству о крайнебѣдственномъ положеніи православной церкви на востокѣ, вслѣдствіе разныхъ притѣсненій со стороны турокъ. Такъ патріархъ Мелетій Пигасъ въ 1590—1593 г. пишетъ царю Θεодору: „восточная церковь и четыре патріархаты православныя не имѣють другого покровителя, кромѣ твоей царственности; ты для нихъ какъ бы второй великій Константинъ. Посему и мы въ нуждахъ нашихъ, послѣ Бога, взи-

¹⁾ Матер. III, 169. VI, 276—277, 331. VII, 247.

раемъ къ тебѣ, и если бы не помощь твоей царственности, то, вѣрь православнѣйшій царь, православіе нашлось бы въ крайней опасности, также какъ и эта патріархія... Да будетъ твое царское величество общимъ попечителемъ, покровителемъ и заступникомъ церкви Христовой и уставовъ богоносныхъ отцевъ“. Въ другомъ письмѣ къ царю Θεодору, въ 1593 году, Мелетій пишетъ: „мы знаемъ твое священное царство, какъ предуготованное предвѣденіемъ всевидящаго Бога всяческихъ, знаемъ и тебя царя, какъ написаннаго въ книгѣ живыхъ не чернилами, но перстомъ всевышняго Бога, а вашу церковь, какъ избранную о Христѣ до сложенія міра, въ наслѣдіе святыхъ во свѣтѣ... Горячо заботься о ней (восточной церкви); чтобы она, поработенная и разсѣянная среди ассиріянь, вавилонянь и египтянь, не исчезла до конца, подавляемая чрезмѣрными угнетеніями и нуждами“¹⁾.

Такъ говорилъ александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ въ письмѣ къ царю Θεодору Ивановичу. Возможно, что и константинопольскій патріархъ Іеремія, будучи въ Москвѣ, тоже указывалъ на важное значеніе для всего православія русскаго царя, какъ единаго теперь православнаго царя въ цѣломъ мірѣ, хвалилъ и прославлялъ русскихъ за ихъ горячую приверженность къ православію и приблизительно можетъ быть говорилъ тѣ слова, какія въ его уста влагаютъ русскія извѣстія. „Во всей подполночной, заявлялъ Іеремія, одинъ благочестивый царь; впередъ что Богъ изволитъ, здѣсь подобаетъ быть вселенскому патріарху; а въ старомъ Цареградѣ за наше согрѣшеніе вѣра христіанская изгоняется отъ невѣрныхъ турокъ“. Въ уложенную грамоту объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, какая была составлена на Москвѣ отъ лица греческихъ и русскихъ іерарховъ, внесена была и такая рѣчь, будто бы сказанная Іеремію: „понеже убо ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересью, второй же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы, отъ безбожныхъ турокъ, обладаемъ; твое же, о благочестивый царю, великое російское царствіе, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая царствіе въ твое въ едию собрася, и ты единъ подъ небесемъ христіан-

¹⁾ Мелетій Пигасъ—Малышевскаго, т. 2-й, № II и IV, стр. 4—10.

скій царь именуешься во всей вселенной, во всѣхъ христіанахъ, и по Божію промыслу и пречистые Богородицы милости, и молитвъ ради новыхъ чудотворцевъ великаго російскаго царствія, Петра и Алексѣя и Іоны, и по твоему царскому прошенію у Бога, твоимъ царскимъ совѣтомъ, сіе превеликое дѣло (учрежденіе патріаршества) исполнитца“. Несомнѣнно, что рѣчи Іереміи въ нашемъ документѣ приданъ очень уже замѣтный русскій колоритъ, почему она является скорѣе произведеніемъ московскаго приказнаго искусства, чѣмъ рѣчью греческаго патріарха, хотя и въ настоящемъ своемъ видѣ она совсѣмъ не заключаетъ въ себѣ того, чтобы Іеремія, восхваляя русское благочестіе, въ то же время „свою греческую вѣру до конца уничтожилъ“. Для правильнаго сужденія о московскихъ рѣчахъ и дѣятельности Іереміи нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что кромѣ нашихъ русскихъ оффиціальныхъ правительственныхъ извѣстій о пребываніи въ Москвѣ Іереміи и объ учрежденіи имъ у насъ патріаршества, сохранились и другія современныя извѣстія, принадлежащія, что особенно важно, спутнику Іереміи, монемвасійскому митрополиту Іероѳею, и рисующія всю обстановку учрежденія у насъ патріаршества и дѣятельность Іереміи въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели какъ объ этомъ говорятъ русскіе документы. Іеремія, по словамъ Іероѳея, усиленно желалъ самъ остаться патріархомъ въ Москвѣ, и когда это оказалось неудобнымъ, онъ *противъ воли* согласился на поставленіе патріарха изъ русскихъ. Самая грамота объ учрежденіи патріаршества въ Россіи составлена была только одними русскими, и написана только по русски, какъ имъ желалось. Когда дьякъ Андрей Щелкаловъ поднесъ ее для подписи Іереміи, тотъ не читая, такъ какъ не зналъ русскаго языка, подписался подъ грамотою. Не такъ относился къ дѣлу монемвасійскій митрополитъ Іероѳей. Онъ возмущался неосторожнымъ и нѣсколько легкомысленнымъ поведеніемъ въ Москвѣ Іереміи, котораго, по его мнѣнію, русскіе просто обманывали и хитростію заставляли дѣлать то, что имъ хотѣлось. Онъ предостерегалъ Іеремію отъ необдуманыхъ поступковъ и самъ дѣйствовалъ очень осторожно. Когда дьякъ Щелкаловъ обратился къ нему съ просьбою подписаться подъ уложенною грамотою объ учрежденіи у насъ патріаршества и сказалъ,

что патриархъ Іеремія уже подписался, Іерооѣй возразилъ: „что это за грамота, и что я въ ней долженъ подписывать?“ Щелкаловъ отвѣтилъ: „написано, какъ вы поставили патриарха и какъ вы пришли сюда“. Іерооѣй замѣтилъ: „приличнѣе было-бы написать ее по гречески, а не по русски, да и предложить ее выслушать“, и затѣмъ рѣшительно отказался подписать грамоту изъ опасенія, *чтобы не раздѣлилась церковь Божія, не настала другая глава и не произошла великая схизма*. Однако Іерооѣй все таки принужденъ былъ подписать грамоту. На православномъ востокѣ, какъ и предполагалъ Іерооѣй, къ поставленію въ Москвѣ патриарха отнеслись съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и порицали за это Іеремію. Тотъ же самый Мелетій Пигасъ, который писалъ вышеприведенныя письма къ царю Ѳеодору Ивановичу, по поводу учрежденія въ Москвѣ патриаршества писалъ въ Константинополь къ патриарху Іереміи слѣдующее: „я очень хорошо знаю, что ты погрѣшилъ возведеніемъ московской митрополіи на степень патриаршества, потому что тебѣ безъизвѣстно (если только новый Римъ не научился слѣдовать древнему), что въ этомъ дѣлѣ не властенъ одинъ патриархъ, но властенъ только синодъ и притомъ вселенскій синодъ; такъ установлены всѣ до нынѣ существующія патриархи. Поэтому ваше святѣйшество должно было получить единодушное согласіе остальной братіи, такъ какъ, согласно постановленію отцовъ третьяго собора, всѣмъ надлежитъ знать и опредѣлять то, что слѣдуетъ дѣлать всякій разъ, когда разсматривается вопросъ общій. Извѣстно, что патриаршій престолъ не подчиняется никому иному, какъ только каѳолической церкви, съ которою онъ соединенъ и связанъ исповѣданіемъ единой и неизмѣняемой православной вѣры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этимъ началамъ, и то, что ты сдѣлалъ по принужденію, по размышленіи, уничтожишь словесно и письменно. Но такъ какъ наши слова не приводятъ тебя ни къ чему доброму, а только къ смущенію, гнѣву и ихъ послѣдствіямъ, то я избавляю ваше святѣйшество отъ моихъ упрековъ и самого себя отъ хлопотъ, и молю Бога быть милостивымъ къ вамъ во всемъ на будущее время“.

Очевидно, что греки совсѣмъ не желали и не думали возвеличивать и восхвалять русскихъ на свой собственный

счетъ, никогда не думали уничтожать и дѣйствительно не уничтожали своего благочестія, никогда не признавали какую-то неполную чистоту своихъ православныхъ вѣрованій, которыя будто-бы сохранились теперь у однихъ русскихъ. Въ дѣйствительности они всегда думали какъ разъ наоборотъ. У грековъ существовалъ взглядъ, подсказанный имъ вѣковыми традиціями и національною гордостью, которому они старались придать даже каноническій характеръ,—что только древніе четыре патріархата (пятый римскій) должны существовать въ православномъ мірѣ, и что все настоящее христіанство заключено въ предѣлахъ этихъ четырехъ патріархатовъ, которые должны находиться исключительно въ рукахъ грековъ. Въ окружномъ посланіи константинопольскаго патріарха Каллиника, заключавшемъ въ себѣ соборное постановленіе по дѣлу синайскаго архіепископа Ананіи (присутствовавшаго у насъ на соборѣ 1667 года), стремившагося сдѣлаться автокефальнымъ, говорится, что находиться внѣ четырехъ патріархатовъ значило то же, что находиться внѣ христіанства, „внутри бо четырехъ патріархатовъ все христіанство ограждается“, хотя въ это время существовалъ пятый православный патріархатъ—московскій, который, очевидно, на греческій взглядъ, былъ ненастоящій, совсѣмъ не то, что четыре древніе греческіе патріархаты. И ранѣе обстоятельства вынуждали грековъ, вопреки ихъ желаніямъ, учреждать патріархаты—болгарскій и сербскій, но, при первой возможности, они уничтожали ихъ какъ учрежденія противныя національнымъ греческимъ интересамъ. Поэтому и рѣчи Константинопольскаго патріарха Іереміи о превосходствѣ русскаго благочестія въ цѣломъ мірѣ, о превосходствѣ русскаго православія, какъ болѣе чистаго и совершеннаго, чѣмъ греческое, о чемъ постоянно говорятъ противники церковной реформы Никона, простая осторожность требуетъ признать не рѣчами самого Іереміи, а мѣстнымъ московскимъ издѣліемъ, хотя и возникшимъ, вѣроятно, на основѣ дѣйствительныхъ дипломатично-хвалебныхъ рѣчей грека Іереміи предъ русскимъ правительствомъ, отъ котораго ему желалось получить возможно щедрую милостыню ¹⁾.

¹⁾ Подробности объ учрежденіи у насъ патріаршества можно найти въ

То же самое нужно сказать и о рѣчахъ іерусалимскаго патріарха Теофана, поставившаго у насъ въ патріархи Филарета Никитича. До насъ дошла очень любопытная записка современника очевидца о томъ: „какъ служилъ Теофанъ іерусалимскій съ русскими митрополиты и со архіепископы“ (въ 1619 году) ¹⁾. Въ этой запискѣ подробно описывается, какъ самъ Теофанъ, и сослужившіе ему вмѣстѣ съ русскими греки, дѣлали разныя ошибки противъ тогдашняго русскаго церковнаго чина и обычая, и какъ русскіе въ своей сердечной простотѣ серьезно поучали самого Теофана и другихъ служившихъ грековъ, что и какъ имъ нужно дѣлать и поступать, чтобы церковная служба отправлялась по настоящему, т. е. по московски. Теофанъ подчинился своимъ русскимъ руководителямъ и поступалъ такъ, какъ ему показывали. Когда, по окончаніи службы, Теофана изъ собора до келіи провожали служившіе съ нимъ русскіе іерархи онъ, обратившись къ нимъ, сказалъ: „просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челою бью“. Эта полная иронія благодарность Теофана за его просвѣщеніе особымъ русскимъ благочестіемъ и русскимъ благочестивымъ ученіемъ, была принята однако русскими за чистую монету, и они были искренно увѣрены, что дѣйствительно поучили грековъ и самого іерусалимскаго патріарха настоящему православному церковному чину, такъ какъ греки, наивно поясняетъ записка, „по грѣху позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина“.

Но если греки не могли уничтожать въ Москвѣ и дѣйствительно никогда не уничтожали своего благочестія и вѣры предъ русскими, то какъ же нужно понимать ихъ усиленные восхваленія русскаго благочестія и правовѣрія, ихъ признаніе, что русскій царь, единый теперь православный царь въ цѣломъ мірѣ, служить единственною опорой и защитой всего православія, что безъ его реальной помощи и покровительства оно можетъ окончательно погибнуть на востокѣ отъ турецкихъ притѣсненій?

нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. II, стр. 34—60.

¹⁾ Эта записка полностью напечатана въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ, стр. 32—34, въ примѣчаніи.

Все дѣло объясняется, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что разные греческіе іерархи и лично и письменно обращались въ Москву въ качествѣ просителей милостыни, и, желая получить ее отъ московскаго правительства какъ можно больше, старались, какъ и всякіе просители—милостынесобиратели, всячески угодить и понравиться своимъ благодѣтелямъ, ради чего и говорили по ихъ адресу только одни пріятныя для русскихъ вещи, старались восхвалять и подчеркнуть ихъ высокія христіанскія качества и всякія добродѣтели, чтобы расположить русскихъ къ нескудной милостынѣ своимъ страждущихъ единовѣрцамъ. Съ другой стороны, когда греческіе іерархи, являясь въ Москву, всячески хвалили русское благочестіе, говорили, что теперь только въ московскомъ царствѣ вполнѣ процвѣтаетъ истинное благочестіе; то этимъ они вовсе не хотѣли сказать того, какъ это думали русскіе патріоты, что у грековъ истинная вѣра и благочестіе уже замутились, не сохранились во всей полнотѣ и чистотѣ, а только то, что положеніе православія на Москвѣ во всѣхъ отношеніяхъ находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ оно уже не находится у грековъ, поработенныхъ турками. На Москвѣ православіе можетъ проявлять себя безъ всякой помѣхи во всей своей силѣ и мощи, не только съ внутренней стороны, но и съ внѣшней,—русскіе на началахъ православія могутъ построить всю свою частную и общественную жизнь и дѣятельность, могутъ придать внѣшнимъ проявленіямъ православія всякій блескъ и всю полноту и ширину церковнаго величія, чего не можетъ быть у грековъ, находящихся подъ турецкимъ игомъ. Но это сознаніе вовсе не означало, чтобы греки признали по существу, по внутреннимъ, такъ сказать, качествамъ русское благочестіе въ какомъ либо отношеніи высшимъ и совершеннѣйшимъ чѣмъ тогдашнее греческое; имъ и въ голову конечно не приходило признавать, чтобы полное и совершеннѣйшее православіе и благочестіе теперь сохранилось только у русскихъ, а не у грековъ. Въ этомъ отношеніи греки думали какъ разъ обратное русскимъ. Даже о характерѣ благочестія выдвигающагося русскаго церковнаго реформатора—грекофила Никона, константинопольскій патріархъ и соборъ, какъ мы видѣли, составилъ, на основа-

ніи вопросовъ Никона къ константинопольскому патріарху Паисію, не особенно высокое представленіе.

Такимъ образомъ противники церковной реформы Никона, когда имъ пришлось точно и опредѣленно формулировать свои воззрѣнія на современныхъ грековъ, создать и прочно обосновать свои взгляды на отступленіе грековъ отъ истиннаго православія, — оказались не на высотѣ предстоящей имъ задачи. Они рѣшали вопросъ очень поверхностно, разнорѣчиво и даже противорѣчиво и, въ большинствѣ, очень несогласно съ историческою дѣйствительностію, которую они или плохо знали, или не умѣли ею пользоваться какъ слѣдуетъ. Но если все, сообщаемое ими объ отпаденіи грековъ отъ православія, освободить отъ разныхъ противорѣчій и несообразностей, встрѣчающихся у отдѣльныхъ писателей, а ихъ руководящія мысли привести въ порядокъ; то получится слѣдующая теорія отступленія грековъ отъ православія, созданная первыми церковными противниками Никона:

а) Уже древніе греки очень падки были на всякія ереси, — у нихъ, съ древнѣйшихъ временъ, много было еретиковъ: царей, патріарховъ, архіереевъ и другихъ лицъ всякихъ общественныхъ ранговъ и положеній. Въ этомъ отношеніи даже древніе греки представляютъ полную противоположность русскимъ, у которыхъ никогда не было еретичествующихъ царей и архіереевъ.

б) Греки, еще задолго до завоеванія Константинополя турками, были уже народомъ нравственно глубоко испорченнымъ и развращеннымъ. Даже въ чисто церковной жизни у нихъ господствовали очень крупные пороки: сребролюбіе, симонія и т. под.

в) На такой, уже растлѣнной раннѣйшими ересями и пороками почвѣ, легко было возникнуть флорентійской уніи, когда греки, въ лицѣ своихъ высшихъ свѣтскихъ (царя) и духовныхъ представителей (патріарха и большинства бывшихъ на флорентійскомъ соборѣ греческихъ іерарховъ) отступились отъ родного православія и соединились съ латинами.

г) Правда флорентійская унія съ самаго начала не была принята большинствомъ греческаго народа, а потомъ со всѣмъ отвергнута всею греческою церковію, но она уже сдѣлала въ православной греческой средѣ свое злое дѣло.

Латинство, какъ тонкій ядъ, незамѣтно стало приникать во всѣ поры греческой церковной жизни, постепенно отравлять ее и передѣлывать на свой ладъ. Къ тому же у латинянь явились два могучія орудія для воздѣйствія на грековъ,— печать и школа, эти два канала, которые непрерывно изливали въ греческую православную среду струи латинскаго отравляющаго ученія, что и повело къ появленію въ греческой церковной практикѣ и въ самомъ вѣроученіи различныхъ латинскихъ новшествъ.

д) Если латинство дѣйствовало отравляющимъ и разлагающимъ образомъ на внутреннюю сторону православія, вводя въ православное вѣроученіе латинскія новшества, то завоеваніе Константинополя турками сыграло туже разлагающую роль относительно внѣшней церковно - обрядовой стороны греческой жизни и всего церковнаго быта грековъ. Турецкое иго не касалось внутренней стороны вѣрованной грековъ, но зато турки раззоряли ихъ монастыри и церкви, запрещали грекамъ торжественно и публично совершать различныя церковныя службы и церемоніи, до крайности стѣснили и принизили всю вообще ихъ церковную жизнь, которая по необходимости являлась во всемъ нѣсколько урѣзанною и умаленною сравнительно съ древнимъ временемъ.

е) Если латинство и турецкое иго дѣйствовали разлагающимъ образомъ на внутреннюю и внѣшнюю церковно-религіозную жизнь грековъ, то само собою понятно, русскимъ никакъ не слѣдуетъ копировать позднѣйшіе греческіе церковные порядки, что дѣлалъ Никонъ, а слѣдуетъ держаться своихъ русскихъ порядковъ, которые восприняты нами отъ грековъ въ лучшую пору ихъ церковной жизни и доселѣ хранятся у насъ въ ихъ прежнемъ неизмѣненномъ видѣ. Очевидно измѣнять наши русскіе церковные порядки по образцу современныхъ греческихъ, значить завѣдомо ихъ портить, а не улучшать.

Изложенная нами теорія отпаденія грековъ отъ православія нигдѣ однако и ни однимъ изъ первыхъ литературныхъ противниковъ церковной реформы Никона не была изложена въ цѣломъ видѣ, ясно, опредѣлено и послѣдовательно формулирована. Они всегда высказывали свои воззрѣнія по этому предмету отрывочно, эпизодически, по тому или другому частному и отдѣльному случаю, такъ что изслѣдова-

телю приходится собирать разбросанныя въ ихъ сочиненіяхъ части и изъ нихъ уже самому составлять стройное цѣлое.

Отрицая церковную реформу Никона, какъ во всѣхъ отношеніяхъ бесполезную, несостоятельную и очень зловредную, защитники старины въ то же время признавали однако нужду въ реформѣ вообще, но реформѣ такой, которая была бы направлена только на исправленіе и улучшеніе народной жизни, зараженной многими пороками, языческими суевѣрїями и т. под., такъ что они находили нужнымъ и желали исправлять, какъ выражается протопопъ Аввакумъ, не книги, а нравы. Точно также защитники старины признавали, что въ нашей церковной жизни есть много нестроеной и непорядковъ, требующихъ исправленія. Они, какъ мы знаемъ, уже ранѣе обличали зазорную жизнь приходскаго духовенства, его небрежное отношеніе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, нарушеніе имъ, при совершеніи церковныхъ службъ, устава. Позднѣе они съ особою силою стали указывать на непорядки въ самой нашей высшей церковной іерархіи и на происходящія отсюда разныя прискорбныя явленія въ церковной жизни. Они смотрѣли на архіереевъ какъ на людей вѣдущихъ не монашескій роскошный образъ жизни, думающихъ только о себѣ и своихъ удовольствїяхъ; какъ на людей не слѣдующихъ правдѣ, допускающихъ всякія злоупотребленія по епархіальному управленію вообще и, особенно, по замѣщенію разныхъ церковныхъ должностей, и въ то же время какъ на льстецовъ предъ царемъ и сильными міра, готовыхъ, ради личныхъ интересовъ и выгодъ, поступиться рѣшительно всѣмъ, даже самымъ святымъ. Они собирали, особенно о нелюбимыхъ ими архіереяхъ, всякіе ходячіе рассказы и сплетни и, не задумываясь, передавали ихъ какъ историческіе факты,—личные нападки на нѣкоторыхъ архіереевъ были обычны у нихъ. Дьконъ Ѳеодоръ, напримѣръ, пишетъ: „сами начальники и отсупницы (т. е. архіереи) не дверію внидоша во дворъ овчїй, но тако, яко татїе суть и разбойницы, по словеси Христову;—прескочиша ограду священныхъ правилъ: попы бывше въ міру, и растлѣнно житїе проходяще. Таковыхъ святая правила отнюдь отсѣкаетъ ихъ не быти епископамъ мірскому попу постригшемуся; ниже патрахили имъ прощаютъ наложити, не

токмо на архіерейство дерзати таковымъ. А они вси мірстїи попы бывше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступницы отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, неускусныхъ писанію простяковъ, воровъ же и пьяницъ, и гнустное житіе отъ юности проходящихъ многихъ, и дѣтямъ неискустнымъ вручающе страшное таинство, 9 лѣтъ и меньше въ чтецы и пѣвцы поставляюще, и таковыми блуда исполниша церковь... Во діаконы ихъ 15 лѣтъ поставляютъ, въ попы 20-ти лѣтъ, овыхъ и меньше! А священная правила вся сія отмешуть беззаконія и анаемѣ предають... Сія бо имъ подобаше исправляти, а не догматы отеческія превращати“. Инокъ Авраамій пишетъ: „и радуются (архіереи) одѣющесея въ брачна цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рога-тыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры въ рукахъ позлащены имуще, воцаритися надъ людьми хотяще, параманды такожь златомъ вышивающе. Се есть монахъ! се есть учитель! се есть наша вѣра. Таковїи суть нынѣ законоучители—блазнители и прелестницы!“... ¹⁾

Противники церковной реформы Никона, если и не всѣ, то лучшіе изъ нихъ и болѣе свѣдущіе, тоже признавали порчу старыхъ русскихъ книгъ и нужду ихъ исправленія. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ: „а письменныя книги многія прочтохъ, идѣже видѣхъ ихъ: *и много искажены*,—въ той тако, а въ иной инаково о святомъ Духѣ“, и затѣмъ указываетъ на самыя разночтенія въ символѣ о святомъ Духѣ, взятыхъ изъ различныхъ видѣнныхъ имъ книгъ. Въ виду этого дьяконъ Ѳеодоръ не только признавалъ описки и ошибки въ нашихъ старыхъ книгахъ и нужду въ ихъ исправленіи, но даже ссорился по этому случаю съ Аввакумомъ (и отчасти съ Лазаремъ), когда тотъ говорилъ ему: „ты де старыя книги хулишь и передѣлывать мнѣ велишь, а я де за нихъ мучуся отъ никоніянъ давно прежде тебя“. Но если Ѳеодоръ и признавалъ порчу старыхъ книгъ и нужду ихъ исправленія, то онъ существенно расходился съ Никономъ, въ пониманіи самого характера книжныхъ исправленій. Ѳеодоръ говоритъ: „не то диво, еже и въ старыхъ книгахъ какія описки бывають и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе и по-

¹⁾ Матер. VI, 68—69, 201—202, 260—328. VII, 98—99, 203, 216, 339, 373.

слѣди исправляется отъ искусныхъ мужей. Ово бо описъ, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматамъ церковнымъ. За описъ бо кую въ книгѣ какой и погрѣшенное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти; а за превращеніе книгъ старыхъ и догматовъ правыхъ измѣненіе подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отцевъ“. ¹⁾

Нельзя не признать того, что противники церковной реформы Никона совершенно справедливо указывали, что вся тогдашняя нравственно-религіозная и церковная жизнь страдала очень и очень многими и притомъ самыми серьезными недостатками, и что именно она прежде всего нуждалась въ исправленіи, въ реформѣ, а не книги и обряды. Для вѣры и благочестія, для нравственности человѣка рѣшительно безразлично—крестится ли онъ двумя перстами или тремя, двоить или троить аллилуію, отправляетъ ли церковную службу по новоисправленнымъ или по старымъ до никоновскимъ книгамъ: пороки и безнравственность въ общественной жизни, непорядки и нестроенія въ жизни церковной, не могутъ ни уменьшаться, ни исчезать отъ того, если мы одинъ церковный обрядъ замѣнимъ другимъ. Чисто внѣшняя, церковно-обрядовая реформа Никона нисколько не дѣлала тогдашняго общества болѣе религіознымъ, благочестивымъ и нравственнымъ; оно и послѣ реформы оставалось при прежнихъ своихъ порокахъ и разныхъ недостаткахъ. Въ виду этого: внѣшней обрядовой реформѣ Никона ея противники съ полнымъ правомъ могли бы противопоставить другую—свою реформу, направленную на улучшение народной нравственности, на искорененіе грубыхъ языческаго характера народныхъ нравовъ, обычаевъ, увеселеній, на просвѣтленіе и возвышеніе всей вообще христіанской жизни вѣрующихъ, на всецѣлое и всестороннее проникновеніе ея истинно христіанскими началами. Въ этомъ смыслѣ и духѣ они могли бы съ успѣхомъ выставить свою программу и противопоставить ее программѣ Никона. Но у нихъ на такое дѣло не хватало ни правильнаго взгляда на истинно христіанскую жизнь, ни пониманія тѣхъ причинъ и условій,

¹⁾ Матер. VI, 10, 127—123.

благодаря которымъ и при которыхъ она создается и можетъ существовать, ни умѣняя, исходя изъ извѣстныхъ христіанскихъ принциповъ, на основаніи ихъ создать для жизни вѣрующихъ стройную послѣдовательную систему нравственно-религіозной дѣятельности. Если иногда они и говорятъ, что нужно исправлять не книги, а нравы и самую жизнь, то говорятъ это только мимоходомъ, въ видѣ эпизодическихъ случайныхъ замѣчаній, они нигдѣ нарочито и прочно не устанавливаютъ этой своей точки зрѣнія, не развиваютъ и не противопоставляютъ ее, какъ болѣе вѣрную и для жизни необходимую, внѣшне-обрядовой реформѣ Никона. Они слишкомъ увлекаются полемикой, желаніемъ во что бы то ни стало доказать несостоятельность никоновской реформы, показать и выяснитъ ея отрицательныя стороны, причемъ совсѣмъ опускаютъ изъ виду положительную сторону своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя они могли бы противопоставить программѣ Никона. Отсюда и результатъ ихъ критики получился только отрицательный, а не творчески-созидательный: въ жизни не нужно ничего новаго, слѣдуетъ жить всегда только старому, ничего въ немъ не измѣняя,— только одно старое полезно и спасительно, а все новое вредно и губительно.

Противники церковной реформы Никона не съумѣли правильно поставить и выяснитъ вопросъ о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ. Въ исправленіи книгъ при Никонѣ они хотѣли видѣть сознательное и намѣренное искаженіе старыхъ книгъ, желаніе этими исправленіями замутитъ чистое русское православіе, внести въ него различныя ереси. Въ дѣйствительности конечно ничего подобнаго не было. Никонъ былъ такой же строгій поборникъ и ревнитель православія, какъ и его противники, онъ такъ же далекъ и чуждъ былъ отъ всякой ереси, какъ и они. Все различіе между ними заключалось только въ томъ, что Никонъ увѣровалъ въ троеперстіе, какъ единственно правильную форму перстосложенія для крестнаго знаменія, въ троеніе, а не двоеніе аллилуіи, въ правильность написанія имени Христа Исусъ, вмѣсто прежняго Ісусъ, въ порчу русскихъ церковныхъ книгъ и т. под., тогда какъ его противники по прежнему вѣровали въ двоеперстіе, въ сугубую аллилуію, въ писаніе имени Христа Ісусъ и т. под. Ни какой дѣйствительной вѣроиспо-

вѣдной разности между ними не было и обѣ враждовавшія стороны были одинаково православны, одинаково далеки отъ какихъ бы то ни было неправославныхъ, а тѣмъ болѣе еретическихъ воззрѣній и вѣрованій. Но Никонъ, какъ скоро онъ увѣровалъ въ большую правильность троеперстія, троенія, а не двоенія аллилуйи и под., естественно, какъ ревностный къ процвѣтанію православія архипастырь, постарался энергично реформировать русскую церковную старину сообразно своимъ новымъ вѣрованіямъ, причемъ Никонъ вполне искренно вѣрилъ, что своею реформаторскою дѣятельностію онъ только еще болѣе возвышаетъ старое русское православіе, несознательно усвоившее было въ послѣднее время кое-что неправое и нововводное въ сферѣ церковнаго обряда и чина. Въ этихъ именно видахъ, а не ради своего еретичества, онъ и началъ свои книжныя исправленія. Къ сожалѣнію Никонъ задачу исправленія книгъ понялъ не въ томъ смыслѣ, что нужно исправлять въ нихъ только ошибки, описки, происшедшія отъ небрежности или невѣжества переписчиковъ, разныя темныя, неточныя и устарѣвшія слова и выраженія, что было бы ему по силамъ, а значительно шире. Онъ, вовсе не знавшій греческаго языка, рѣшилъ однако дѣлать новые переводы съ греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, причемъ, конечно, самъ не могъ ни контролировать, ни провѣрять правильность новыхъ переводовъ, а всецѣло зависѣлъ въ этомъ дѣлѣ отъ случайныхъ переводчиковъ, которые неизбѣжно были настоящими господами положенія. Главнымъ переводчикомъ и справщикомъ книгъ при Никонѣ былъ извѣстный Арсеній грекъ. Защитники старины постоянно и съ особою настойчивостію указываютъ на то обстоятельство, что Арсеній грекъ былъ еретикъ, что онъ научалъ еретичеству Никона, что онъ, переводя и исправляя книги, нарочно вносилъ въ нихъ все соблазнительное и еретическое. Въ дѣйствительности же это дѣло стояло такъ: Арсеній, до своего пріѣзда въ Москву, проживая въ Кіевѣ, нѣсколько выучился говорить по малороссійски. Прибывъ въ Москву и будучи сосланъ на Соловки, онъ здѣсь практически выучился понимать русскую рѣчь и говорить по русски. Какъ грека образованнаго и знающаго русскій языкъ, Никонъ охотно сдѣлалъ Арсенія справщикомъ книгъ, поручилъ въ то же время ему вновь переводить книги съ

греческихъ. Но несомнѣнно, что Арсеній, какъ иностранецъ-грекъ, не настолько однако владѣлъ русскимъ языкомъ, чтобы постичь всѣ его тонкости, понимать всѣ его особенности и оттѣнки, умѣть всегда подыскать нужное слово, нужный оборотъ рѣчи, чтобы точно, ясно выразить ту или другую мысль, точно и вѣрно, по строю рѣчи, формулировать извѣстное ученіе. Многое и, конечно, очень многое для Арсенія, какъ иностранца, оставалось въ русскомъ языкѣ непонятнымъ и закрытымъ, почему его переводы естественно во многомъ отличались отъ старыхъ, нерѣдко уступали имъ въ ясности, точности, въ умѣстности того или другого выраженія, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Но, очевидно, всѣ недочеты книжныхъ переводовъ Арсенія, слѣдуетъ объяснять не его еретичествомъ, а его недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, и умѣньемъ владѣть имъ, какъ слѣдуетъ. Другимъ виднымъ переводчикомъ при Никонѣ и послѣ него, былъ Епифаній Славяпецкій. Этотъ переводчикъ извѣстенъ какъ крайній приверженецъ буквализма въ переводѣ,—онъ, въ жертву буквализму, приносилъ ясность и понятность самой рѣчи, сочинялъ собственные слова и ихъ сочетанія очень искусственныя и маловразумительныя, лишь бы ближе быть къ подлиннику, отъ чего его переводы всегда неуклюжи, нерѣдко темны и малопонятны, такъ что смыслъ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ пѣсней и сейчасъ усваивается съ трудомъ. Вполнѣ естественно было поэтому, что переводы книгъ Арсенія и Епифанія иногда дѣйствительно во многомъ уступали старымъ, ранѣе имѣвшимся у русскихъ, переводамъ, и что новоисправленныя при Никонѣ книги способны были вызвать разныя недоумѣнія. Вотъ именно съ этой—реальной точки зрѣнія и слѣдовало сторонникамъ старины критиковать и оцѣнивать книжныя исправленія при Никонѣ, совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ при этомъ всѣ свои фантастическіе домыслы о еретичествѣ Никона, о сознательной и намѣренной порчѣ и растлѣніи имъ старыхъ русскихъ церковныхъ книгъ. На указанной реальной почвѣ ихъ критика книжныхъ исправленій Никона была бы гораздо убѣдительнѣе, дѣйствительнѣе и для всей русской церкви полезнѣе, чѣмъ ихъ странная, но очень ожесточенная борьба противъ воображаемыхъ ересей,

будто бы всюду насѣянныхъ въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ.

Нельзя не замѣтить еще и того, что критика противниковъ церковной реформы Никона нерѣдко ведется ими слишкомъ тенденціозно и пристрастно, съ явнымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало уронить своихъ противниковъ, хотя бы средства для этого пришлось употребить и не совсѣмъ пригодныя. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобнаго рода. Защитники старины въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно рѣшительно отрицаютъ авторитетъ современныхъ имъ русскихъ архіереевъ, на томъ, между прочимъ основаніи, что почти всѣ тогдашніе архіереи ранѣе были бѣлыми священниками, а потомъ, постригшись въ монахи, сдѣлались епископами. Но по церковнымъ-де правиламъ, говорятъ они, кто былъ въ міру священникомъ и потомъ постригся въ монахи, уже не можетъ быть священникомъ, а тѣмъ болѣе епископомъ: мірской священникъ, по постриженіи въ иноки, обязательно становится только простымъ старцемъ и совершать священническое служеніе не можетъ ¹⁾. Но если это дѣйствительно справедливо, то какимъ же образомъ возможно было, что самые первые и важнѣйшіе противники церковной реформы Никона: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь, Даниилъ, Логинъ, за своими руками подавали челобитную царю, чтобы онъ, на мѣсто умершаго патріарха Іосифа, поставилъ въ патріархи своего духовника—протопопа Стефана Вонифатьевича? Какимъ образомъ возможно было, что тѣ же самыя лица, когда протопопъ Стефанъ отказался отъ патріаршества, подали, за своими руками, новую челобитную, чтобы въ патріархи былъ поставленъ Никонъ, ранѣе также бывший мірскимъ священникомъ? Если Никонъ и нѣкоторые другіе современные ему русскіе архіереи, какъ бывшіе ранѣе мірскими священниками, чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхищаютъ, не дверьми входятъ во святую церковь, но дирою влазятъ, яко татіе“, если они стали архіереями, дѣйствительно „перескочиша ограду святыхъ правилъ“; то почему же защитники старины признаютъ настоящимъ патріархомъ, и чуть не святымъ—Гермогена, который ранѣе былъ приход-

¹⁾ Такъ и именно говорили: Лазарь, Θεодоръ, Авраамій. Матер. IV, 262, VI, 68—69, 199—201. VII, 216, 339.

скимъ священникомъ въ Казани, а потомъ, овдовѣвъ, постригся въ монахи и сдѣлался казанскимъ митрополитомъ, а затѣмъ и патріархомъ московскимъ? Значить, въ такомъ случаѣ, и патріархъ Гермогенъ „не дверьми вошелъ на патріаршество, а дырою, какъ тать, перескоча ограду святыхъ правилъ“? Очевидно, защитники старины тотъ порядокъ, при которомъ и бывшіе мірскіе священники ставились въ архіереи и даже патріархи, находили вполне допустимымъ и законнымъ, не видѣли въ немъ нарушенія церковныхъ правилъ и обычаевъ, когда въ архіереи ставились ихъ сторонники и единомышленники, какими они признавали тогда и Стефана и Никона. И послѣ только того, какъ Никонъ и нѣкоторые другіе архіереи отнеслись къ нимъ враждебно и стали ихъ преслѣдовать, они вспомнили, что Никонъ и нѣкоторые другіе архіереи ранѣе были мірскими священниками и потому не имѣли право на епископство. Если бы отношенія къ нимъ Никона были другія—дружескія, они, конечно, вовсе не вспомнили бы тогда правила о томъ, что бывшій мірской священникъ никакъ не можетъ быть патріархомъ, какъ они не помнили этого правила, когда рекомендовали въ патріархи бывшихъ мірскихъ священниковъ—Стефана и Никона.

Указанная, съ нашей точки зрѣнія не очень удачная, критика церковной реформы Никона ея противниками, несколько однако не мѣшала успѣху ихъ литературныхъ произведеній, распространенію ихъ пониманія дѣла и ихъ воззрѣній въ тогдашнемъ обществѣ—ихъ произведенія, несмотря ни на что, на многихъ производили очень сильное впечатлѣніе. Это потому, что реформы Никона самымъ рѣшительнымъ образомъ ниспровергали исторически сложившіяся народныя представленія о чистотѣ и высокости православія у русскихъ, объ ихъ совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ благочестіи. Они прямо низводили русскихъ, этого новаго израиля, съ ихъ прежней высоты, въ разрядъ низшихъ, несовершеннѣйшихъ въ религіозномъ отношеніи народовъ, для которыхъ нужна еще опека и водительство со стороны, такъ какъ предоставленные только самимъ себѣ, они способны, благодаря своему неразумію и невѣжеству, привнести въ свою церковно-религіозную жизнь разныя новшества, искаженія, чуть не ереси, въ родѣ армянскаго пер-

стосложенія въ крестномъ знаменіи и т. п. Понятно, какъ трудно и тяжело было русскимъ признать справедливость этого жестокаго, суроваго приговора надъ всею ихъ прошлою самостоятельною церковною жизнію, о которой они доселѣ имѣли такое преувеличенно высокое представленіе; понятно какъ трудно и тяжело было имъ снова признать за подозрѣнныхъ ими грековъ за своихъ неизбѣжныхъ, въ дѣлахъ вѣры и церкви, опекуновъ и руководителей, ихъ голь, простое указаніе—за законъ для себя, всякое ихъ заявленіе за несомнѣнную, недопускающую противорѣчія истину,—и это даже въ томъ случаѣ, хотя бы все родное, вся собственно русская старина говорила иначе. ¹⁾ Понятно отсю-

¹⁾ Соловецкіе, напримѣръ, челобитчики говорятъ: „греческими книгами они православную нашу христіанскую вѣру истребили до толика, будто и слѣдъ православія въ твоёмъ государствѣ, російскомъ царствіи, до сего времени не именовалось, и учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ, якоже Мордву и Черемису, невѣдущихъ Бога и истинные христіанскіе православныя вѣры“. Они же заявляютъ государю: „а нынѣ, государь, видя вѣсно ихъ греческаго ученія въ православной нашей христіанской вѣрѣ смятеніе и церквамъ Божиимъ неумиреніе и повсядневное премѣненіе, многіе иноземцы намъ посмѣхаются и говорятъ, будто мы христіанскіе вѣры по сю пору не знали, а буде-де и знали, и по нынѣ заблудили, и о томъ, что де ваша вѣра и нынѣ (книги) всѣ перемѣнены по новому, и съ прежними вашими книгами, кои при прежнихъ царехъ были, нынѣшніе книги ни въ чемъ ни сходяща. И намъ, государь, противъ ихъ ругательства отвѣту дать нечего, потому что они видятъ наше нестоянство, поносятъ насъ дѣломъ, неточію тѣмъ противимся, и отъ нихъ отходимъ, и говоримъ, что у насъ истинная православная христіанская вѣра отъ крещенія русскія земли, прародителя твоего государева, благовѣрнаго и равно апостоламъ в. кн. Владимера, лѣтъ съ семсотъ до Никонова патріаршества и до учениковъ его, и до нынѣшнихъ греческихъ учителей, стояла нерушима и непоколебима“... Они же, соловецкіе челобитчики, заявляютъ, что ихъ Соловецкая обитель доселѣ „стояла непоколебима и подъ зазоровъ въ православіи отъ греческихъ и русскихъ архіерей ни въ чемъ не бывали; наипаче же отъ начала во святой обители нашей самцхъ тѣхъ греческихъ и русскихъ и кіевскихъ властей: митрополитовъ, и архіепископовъ а архимадритовъ, и игуменовъ присыльныхъ бывало много и нынѣ есть; а присылаются всѣ греческія власти того ради, чтобъ имъ навькнути у насъ въ обители православныя христіанскія вѣры истиннаго благочестія и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у насъ была неправая вѣра, то бы ихъ, греческихъ властей, для исправленія къ намъ подъ начало въ Соловецкой монастырь не присылали. И о семъ съ клятвою вси тебѣ, великому государю, пишемъ, и свидѣтеля Христа Бога на души своя, представля-

да съ какой чуткостію, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ долженъ былъ не потерявши вѣры въ свое прошлое русскій прислушиваться ко всякому смѣлому и энергичному голосу тѣхъ, которые говорили ему, что въ дѣйствительности права во всемъ русская старина, что не только нѣтъ никакой нужды отказываться отъ своего испытаннаго, исторически доказаннаго и оправданнаго прошлаго, въ пользу болѣе чѣмъ сомнительнаго современнаго греческаго, но что такое отступленіе отъ своей святой старины было бы прямо измѣною православію, тяжкимъ гибельнымъ преступленіемъ. Понятно сколько сильныхъ побужденій, какъ много охоты и желанія было у русскихъ вѣрить именно врагамъ Никона, ихъ глазами смотрѣть на всѣ произведенныя имъ реформы, тѣмъ болѣе, что способъ, какимъ Никонъ производилъ реформы, помимо существа дѣла, уже сильно раздражалъ и оскорблялъ народъ, искони отличавшійся приверженностью къ освященнымъ вѣками обрядамъ и обычаямъ и въ измѣненіи ихъ видѣвшій одно нечестіе, премѣненіе вѣры. Самъ Никонъ въ рѣчи, сказанной имъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ при оставленіи патріаршей каѳедры, такъ опредѣляетъ отношеніе народа къ его реформаторской дѣятельности: „когда я ходилъ, говорилъ оу своей паствѣ, съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь, и въ ту пору па Москвѣ многіе люди, къ лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, что многіе де иконы я ималъ и дралъ, и за то де хотѣли меня убить, а я ималъ иконы латинскія, которымъ нельзя поклоняться, а вывезъ тотъ переводъ нѣмчинъ изъ нѣмецкой земли. И указалъ въ соборной церкви на Спасовъ образъ: мощно де сему вѣрить и поклоняться, а я де не иконоборецъ. И послѣ де того времени называли меня еретикомъ: новые де книги завелъ. И

емъ, яко неточію они, гречаня простыя чернецы, но и самыя ихъ начальнѣйшія власти, архіереи, кои у насъ подъ началомъ бывали и нынѣ есть, нимало истиннаго благочестія и иноческаго чина и церковнаго и келейнаго начала не знаютъ, донележе у насъ благочестію навывкнутъ, и лица своего перекрестити по подобію не умѣютъ; а иныхъ старцевъ гречанъ привозять къ намъ безъ крестовъ, и кресты накладываемъ на нихъ здѣ, у себя во обители“. (Матр. III, 217, 253—260 274—275).

то ради моихъ де грѣховъ чинится. И я вамъ предлагаль многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, и въ не послушаніи окамененіемъ сердцеъ своихъ *хотѣли меня каменіемъ побить*“ 1). Такимъ образомъ самъ Никонъ, при оставленіи имъ патріаршей кафедрѣ, принужденъ былъ съ горечью публично сознаться и засвидѣтельствовать, что паства не понимала смысла и значенія его реформаторской дѣятельности, называла за нее Никона то иконоборцемъ, то еретикомъ, а когда онъ указывалъ ей на авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ греческихъ патріарховъ, она хотѣла побить его камнями. Понятно теперь, при указанной настроенности народа, какое сильное впечатлѣніе должна была производить на всѣхъ обширная антиниконовская литература, которая, къ тому же долгое время ни откуда не встрѣчала себѣ должнаго, хотя бы сколько-нибудь соответствующаго литературнаго отпора. Въ виду этого противникамъ церковной реформы уже казалось, что скоро наступитъ новое время, когда новый патріархъ отмѣнитъ всѣ Никоновы „затѣйки“ и на Руси опять водворится та церковная старина, какая была до Никона.

---

1) Показаніе патріаршаго ризничаго: Дѣло о патріархѣ Никонѣ. № 11 стр. 38.

ГЛАВА XI.

Отрицательное отношеніе къ реформамъ Никона въ средѣ православныхъ.

Протестъ противъ церковно-реформаторской дѣятельности Никона въ средѣ русскихъ іерарховъ. Непризнаніе новоисправленныхъ Никономъ книгъ большинствомъ бѣлаго и чернаго духовенства. Признаніе Никона бывшими въ Москвѣ учеными греками церковнымъ новаторомъ и разорителемъ древнихъ церковныхъ обычаевъ. Общее печальное состояніе тогдашней церковно-богослужебной практикѣ, какъ слѣдствіе церковной реформы Никона.

Запутанное положеніе церковныхъ дѣлъ послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедры еще болѣе осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что противъ церковной реформы Никона возстали не одни только члены бывшаго кружка ревнителей благочестія, но и многіе изъ приверженцевъ церкви, вовсе не думавшіе о какомъ либо отдѣленіи отъ нея, принадлежавшіе къ ея клиру и даже къ высшей церковной іерархіи. Если бы протестъ противъ реформаторской дѣятельности Никона исходилъ только отъ членовъ бывшаго кружка ревнителей благочестія и ихъ сторонниковъ, то въ этомъ протестѣ можно было бы видѣть одни личные счеты такихъ людей, которые ранѣе были очень близки къ Никону, возлагали на него, какъ патріарха, свои честолюбивые и эгоистичные расчеты, но которые рѣшительно обманулись въ немъ и потому возненавидѣли его. Въ виду этого, протестамъ противъ никоновской реформы со стороны Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ подобныхъ лицъ, можно было бы, пожалуй, и не придавать особенно важнаго значенія, какъ протесту тенденціозному, подсказанному только лич-

ными сторонними самому дѣлу мотивами. Но совсѣмъ другое впечатлѣніе получалось, когда противъ реформы Никона стали высказываться уже не Нероновъ, Аввакумъ и подобные имъ, но сами русскіе архіереи, когда къ новоисправленнымъ книгамъ отрицательно отнеслось большинство бѣлаго и чернаго духовенства, когда даже сами ученые греки, бывшіе тогда въ Москвѣ, признали Никона церковнымъ новаторомъ, разорителемъ старыхъ священныхъ церковныхъ обычаевъ.

Извѣстный старообрядческій дѣятель и писатель Денисовъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Виноградъ Россійскій“, заявляетъ, что подъ соборнымъ опредѣленіемъ о книжныхъ исправленіяхъ нѣкоторые архіереи подписались только изъ страха и послѣ раскаялись въ этомъ. „Макарій митрополитъ новгородскій, говоритъ Денисовъ, тако скорбяше, тако сѣтоваше о оныхъ новинахъ, яко и рукополагающихся священники укрѣпляше, еже повинъ не пріимати: аще азъ и подписахся, рече, трепетомъ мученій объятый, но вы крѣпко держитесь древлецерковнаго благочестія. И не инако самъ служаше и благословляше, но яко исперва пріять, яко отъ млада научися. Сиче и во всемъ градѣ, при онаго бытности, не бѣ гоненія, ниже нужды, но вси по первому обычаю совершаша службы. Аще отъ Никона многажды оный архіерей зазираемъ и досаждаемъ бѣ, нѣкогда же и во устахъ терпяше, обаче аще и не явно за страхъ, но въ тай древнее похваляше благочестіе. Тако и Маркель архіепископъ вологодскій подписався на соборѣ ономъ страха ради Никонова, но послѣжде раскаявся, вельми тужаше и зѣло печаловася о семъ, и въ своемъ градѣ никакихъ нужды, ниже гоненія, ни насилія никакова о древлецерковномъ благочестіи людямъ содѣла. Тако и Александръ епископъ вятскій, аще на соборѣ страхомъ преклоненъ, подписался, но послѣди и плакаше и рыдаше о семъ, новинъ весьма ненавидяше. Свидѣтельствуеть о семъ яственно того посланіе жалобное ко государю царю, поданное на Никоно во 171 годѣ, въ немъ же Никоновы прегорчайшія плоды, огорчившія русскую землю, изрядно объявляетъ“ ¹⁾.

Это заявленіе Денисова, что нѣкоторые архіереи не сочув-

¹⁾ По рукописи нашей (Московской духовной) Академіи, л. 48—49.

ствовали церковной реформаторской дѣятельности Никона,— подтверждается прямыми современными свидѣтельствами. Уже по вопросу о поклонахъ противъ Никона открыто выступилъ коломенскій епископъ Павелъ. Суровая расправа Никона съ Павломъ подавила на время оппозицію Никону среди архіереевъ, но не уничтожила ее окончательно и пострадавшаго отъ Никона своего собрата—Павла архіереи называютъ потомъ „божественнымъ страдальцемъ“¹⁾. Нѣкоторые изъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1655 года, хотя и не открыто, однако говорили, по свидѣтельству Павла Алепскаго, по поводу заявленія Никона о необходимости согласовать русскія церковныя книги, чины и обряды съ тогдашними греческими: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле. Однако, замѣчаетъ Алепскій, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ“. Когда потомъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ на виду у всѣхъ перемѣнилъ русскій кlobукъ на греческій, то, по свидѣтельству того же Павла Алепскаго, присутствовавшіе при этомъ въ соборѣ епископы, игумены, священники и народъ подняли ропотъ и говорили: „смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они приняли по внушенію Святаго Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ святаго Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по московски, онъ сдѣлался грекомъ“²⁾.

Оставленіе Никономъ патріаршей каѳедры развязало руки недовольнымъ іерархамъ и они теперь открыто выступили и лично противъ Никона и противъ его церковной реформы. Изъ нихъ своимъ открытымъ протестомъ особенно выдается вятскій епископъ Александръ. Правда Александръ присутствовалъ на соборахъ 1656 года, бывшихъ въ апрѣлѣ, маѣ и октябрѣ, и подписался подъ опредѣленіями этихъ соборовъ, одобрившихъ Скрижалъ, новоисправленный требникъ, наложившихъ проклятіе на двоеперстниковъ, на Неронова и его единомышленниковъ. Но это обстоятельство не помѣшало потомъ Александру открыто выступить противъ того самаго

---

¹⁾ Такъ называетъ Павла Коломенскаго самъ мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Питиримъ. Гиб. II, 606.

²⁾ Мурк., вып. III, 171, IV, 109.

новоисправленнаго требника, который онъ самъ одобрилъ къ печатанію на соборѣ 1656 года, одобрилъ, очевидно, только изъ страха предъ грознымъ Никономъ, изъ боязни испытать за несогласіе съ патріархомъ участь епископа Павла коломненскаго.

Епископъ Александръ написалъ направленное противъ Никоновскихъ книжныхъ исправленій особое изслѣдованіе, которое онъ потомъ намѣренъ былъ представить на разсмотрѣніе и рѣшеніе отцовъ собора 1666 года ¹⁾. Въ предисловіи къ своему изысканію епископъ Александръ обращается къ отцамъ собора съ слѣдующею рѣчью: „Велицыи отцы и братія, преосвященніи митрополити, архіепископи и епископи! Меньшій братъ вашъ, смиренный Александръ епископъ вятскій, молю святительство ваше и всего священнаго собора архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и иноковъ, протопоповъ, іереовъ и дьяконовъ, разрѣшите, молю боголюбіе ваше, въ сомнительныхъ о книгѣ потребникѣ новомъ моя вопрошенія, и дадите на писанныя моя вопросы, яко пастыріе Христова стада, писанныя отвѣты отъ дарованныя вамъ благодати, не скрывающе ничтоже, но многотрудне о мирѣ святыхъ, соборныхъ и апостолскія церкви полезное имуще и не смиреніе мое точію, но и весь православный россійскій народъ пользующе. Много бо она книга въ рѣчахъ перебита, и чины и написанія несходны, и умъ имущимъ, пачеже простѣйшимъ, смущенію виновна: съ прежними бо нашими книгами въ царствующемъ градѣ Москвѣ тисненіемъ печатнымъ изданными, отнюдь не согласна и превратовъ исполнена, кіево же печерскаго потребника чинми мало сходна, и съ тѣми въ рѣчахъ перебита и согласія мало имать. И сихъ ради мнози правовѣрніи, пачеже и христочивіи, смущающесе зазирають намъ — архіереомъ, якоже не брегущимъ Христова стада. Пачеже во страхъ приведе мя вселеннѣи проповѣдникъ Іоаннь, ясно зовый, глаголя: возлюбленніи, да не презираемъ соблазняющихся, да не пресѣченіе сотворимъ благовѣстію Христову и погубимъ спасеніе наше.... Сихъ ради вонмите, молю, не свой бо разумъ составить ишу, но полезное церкви и вѣрнымъ людямъ, смотря въ сомни-

¹⁾ Дѣйствительно, на соборѣ 1666 г. было цѣлое особое засѣданіе по дѣлу вятскаго епископа Александра. Мат. для ист. раск. т. II, стр. 79.

тельныхъ, разрѣшенія прошу въ Божію воистину славу, и вамъ самѣмъ на вѣчную похвалу: тщаясь многотрудне взыскати полезное церкви и вѣрныхъ Христовыхъ людей отъ соблазна премѣняюще и во едино мудрованіе совокупающе, не нуажу, но волею и по Бозѣ; многими бо времена утвержденныя обычаи небезбѣдно поколебати первое убо блаженное опорочити и потомъ благимъ совѣтомъ соборнѣ исправить; дерзостію бо творимое нетвердо, но блаженно во истину и смущенію виновно, совѣтомъ же исправленное—пользуется, и вѣрно трудившія похвалу пріобрѣтаютъ въ родѣ и родѣ и милости Бога сподобляются, аминь“. Послѣ этой вступительной рѣчи епископомъ Александромъ предлагается на рѣшеніе собора сначала 26 вопросовъ, а потомъ еще 22.

Въ первыхъ 26 вопросахъ исправленный при Никонѣ требникъ сличается съ кіевскимъ требникомъ Петра Могилы, рѣже съ прежними московскими печатными изданіями и еще рѣже съ рукописями. При этомъ сличеніи указываются разности и несогласія никоновскаго требника съ требникомъ Могилы, при чемъ замѣчается обыкновенно, что въ новомъ требникѣ, сравнительно съ кіевскимъ, „въ рѣчахъ перебито и превраты исполнена“, при чемъ епископъ спрашиваетъ: „возвѣсти ми, молю, который въ нихъ премудрѣ Петръ ли Могила, или Никонъ?“ Или, напримѣръ, Александръ замѣчаетъ: „а иныхъ рѣчей (въ новоисправленномъ требникѣ) противъ прежнихъ нашихъ нѣтъ, а иныя писаны странно“. Встрѣчаются и такія замѣчанія по поводу положенныхъ въ новоисправленномъ требникѣ новыхъ монашескихъ именъ, не употреблявшихся доселѣ у насъ и у грековъ, говорится: „взыскати лѣпо, и аще они (имена) не обрѣтаются въ греческихъ и въ кіевскомъ потребникѣ, и у насъ въ великой Россіи, то гдѣ обрѣсти возможно: явѣ въ римскомъ костелѣ у латинника папы, и у жидовъ, а иные у еллинъ; но сихъ подражати намъ вѣрнымъ не буди, да не радость тѣмъ будетъ, вѣрнымъ же плачь. Но и у жидовъ дерзость таковая не бывала, еже звати чловѣки Херувимъ и Серафимъ, кто бо сицевая отъ вѣрныхъ слышавъ, паче же видѣвъ, не соблазнится и окаянна дерзости исполненнаго нарицати не будетъ“. Или, напримѣръ, у него встрѣчается такое замѣчаніе: въ чинѣ погребенія говорится, что іерей „наливаетъ верху

мощей елей отъ кандилы, или сыплють пещель отъ кандилницы и тако покрываютъ гробъ,—и посему ихъ мудрованію ушто едину силу имуть елей отъ кандилы и пещель отъ кандилницъ? И мнози облазвившеся въ правду, умъ иступившихъ нарицають сиче мудрствующихъ и глаголющихъ быти мудри объюродѣвшихъ, и сиче облазвившихся презрѣти-ли подобаетъ?“ Или, на примѣръ, сличая чинъ погребенія священниковъ въ новомъ требникѣ съ кievскимъ, замѣчаетъ: „прочія же 12 икосовъ смѣха и мятежа полны и невѣдомо откуда взяты, и св. апостоль и св. отецъ разуму и мудрованію отнюдь противны, и мню, яко врагъ церкви нѣкто сія расположивый, строя пагубу душамъ Христова стада,—кто бо отъ богословцевъ таковая мудрствова когда?“

Во второй серіи вопросовъ епископъ Александръ указываетъ на неисправности и погрѣшности и въ прежнихъ печатныхъ московскихъ требникахъ 7131, 139 и 159 годовъ, находитъ въ называемой Кирилловой книгѣ разныя погрѣшности и даже „оригеновой ереси „мудрованіе“, и наконецъ одинаково осуждаетъ потребники и Никона и Петра Могиты. Онъ говоритъ: „Петра Могилы мудрованіе“ въ потребникѣ его напечатано имя Господа нашего Ісуса Христа—Ісусъ, такожде и въ московскомъ Никоновѣ потребникѣ,—Петръ Могила и Никонъ оба въ семь поблудиша, и не въ семь точію, но апостольскіе и евангельскіе рѣчи перебили, единъ другаго злѣйши, такожде въ молитвахъ и въ ектеняхъ отнюдь согласія нѣсть, ни съ прежними московскими печатными потребники, ни Петра Могилы съ Никоновымъ“. Или, на примѣръ, такое замѣчаніе: „како самыя Спасовы слова, и апостольскія и отеческія, Петръ Могила и Никонъ смѣють превращати?“ Онъ прямо и рѣшительно защищаетъ старообрядческія мнѣнія: зачѣмъ, на примѣръ, напечатано „несотворенна“, вмѣсто прежняго: „а несотворенна“; и въ Духа святаго Господа животворящаго, съ пропускомъ „истиннаго“, вмѣсто: „нѣсть конца“, напечатано: „не будетъ конца“.

Итакъ вятскій епископъ Александръ находитъ неисправными не только никоновскія новоисправленныя книги, но и южно-русскія—Петра Могилы, и даже нѣкоторыя московскія, напечатанныя до Никона. Откуда же, по его мнѣнію, произошли погрѣшности и превраты въ никоновскія новоисправ-

ленные книги, и какъ же бы слѣдовало и съ какихъ именно книгъ исправлять погрѣшности въ печатныхъ московскихъ книгахъ? Отвѣтъ на это епископъ Александръ даетъ въ 20 вопросѣ первой серіи, гдѣ онъ сличаетъ чинъ погребенія священника никоновскаго потребника съ кievскимъ. Здѣсь онъ говоритъ: „что много глаголати: во всякомъ стихѣ несогласія и превраты, у многихъ стиховъ концовъ нѣтъ, а во инѣхъ въ срединѣ многихъ рѣчей нѣтъ, весь чинъ превратовъ исполненъ и съ кievскимъ несогласенъ. Много паче препамятovati лѣпо блаженные памяти святѣйшаго Юсафа патріарха московскаго и всея Росіи, онъ убо сіе священническое погребеніе отложили, и недѣйствительно показали, Еремы болгарскаго попа еретика мудрованіе сіе нарекъ. И въ лѣпоту и намъ не переходити предѣлъ и своя комуждо не мудрствовати, но исправляти право истины. Правое убо ни откуду показатися имать, аще со древними согласно не будетъ,—новый же сей потребникъ ни съ кievскимъ, ни съ прежними нашими московскими согласно не имать. Откуду убо явится истинна? Зане мы въ Венецыи печатанныхъ книгъ греческихъ огребатися должны есмы, и въ неволи живущимъ грекомъ у латинниковъ и у еллиновъ, обычаевъ и чиновъ пріимати нѣсмы должны, но просвѣтившаго насъ святымъ крещеніемъ равноапостольнаго, благовѣрнаго великаго князя Владиміра, нареченнаго во святомъ крещеніи Василия, благія нравы подражати, и при немъ и по немъ церковнымъ учителемъ, и преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ, въ знаменіяхъ и чудесѣхъ просіявшихъ въ великой Росіи, послѣдовати, и благія ихъ нравы и чисти и равноангельское житіе подражати, тако же и чины и преданія ихъ должны есмы хранить, яко отъ самого Бога свидѣтельствоваыя. Древнія же греческія книги, ихже пріять благовѣрная княгиня Ольга, нареченная во святомъ крещеніи Елена, баба Владимірова, отъ Фотія патріарха цареградскаго, такоже и Владиміръ, ихъ же пріять отъ цареградскаго патріарха и отъ курсунскаго епископа, пріемлемъ. Много паче послѣдуемъ словенскому учителю блаженному Константину философу, нареченному во мнишескомъ чину Кирилломъ, и брату его Меѳодію, епископу моравскому, и приведенныя тѣми великими и святыми отцы святыя книги отъ греческаго языка на словенскій, лобызаемъ и на нихъ утвердимся,

непоколебимое убо тѣ намъ святыя книги утверженіе, ихже крѣпко взыскати должни есмы, такожде и святое евангеліе, вверженное во огнь и не сгорѣвшее вначалѣ просвѣщенія Росіи, взыскати лѣпо и тѣмъ святымъ книгамъ послѣдовати, а не въ Венецыи печатаннымъ отъ еретикъ. Откуда убо мнящимся премудрымъ ослѣпленіе таково? Явѣ, яко отъ небреженія спасенія своего, отъ растлѣннаго житія: вси бо мнящіяся столпи настоящаго сего времени другъ со другомъ въ чинѣхъ церковныхъ согласія не имуть, у каждаго бо ихъ свое мудрованіе, отнюдь смиренномудрія чужее, вся бо каждо гонимъ тщеславію виновное, и яко да вѣка сего покоя и славы и чести не отпадемъ, Христово же стадо небрежемъ и о спасеніи тѣхъ не промышляемъ, зане смущающихся тѣхъ о несогласіи церковномъ духомъ кротости исправить не тщимся, но въ своихъ обычаехъ утверждаемъ, ратующе Христово стадо, древнія же церковныя чины отмѣтающе и новой необычно начинающе, вредимъ ихъ же лѣпо пользоваться“.

Такимъ образомъ по мнѣнію вятскаго епископа Александра русскія церковныя книги никакъ не слѣдуетъ исправлять по еретическимъ венеціанскимъ изданіямъ, какъ это дѣлалъ Никонъ, не слѣдуетъ и русскіе церковныя чины и обряды исправлять по современнымъ греческимъ, какъ это опять дѣлалъ Никонъ и его продолжатели. Для русскихъ руководствомъ въ ихъ религіозной жизни должна служить, по мнѣнію епископа Александра, исключительно своя родная, святая старина: можно вѣрить и греческимъ книгамъ, но только тѣмъ, которыя были привезены на Русь еще святыми Ольгою и Владиміромъ, а лучше исключительно утвердиться на книгахъ, которыя переведены на славянскій языкъ святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ жизни и нравахъ слѣдуетъ подражать святымъ угодникамъ „въ знаменіяхъ и чудесѣхъ просіявшимъ въ великой Росіи“; слѣдуетъ „и чины и преданія ихъ хранить, яко отъ самага Бога свидѣльствованныя“, а не мѣнять ихъ на сомнительныя современныя греческія. Тѣмъ болѣе необходимо поступать такъ, что измѣняющіе теперь русскую церковную старину, чины и обряды, эти „мнящіяся столпи настоящаго сего времени“, сами „другъ со другомъ въ чинѣхъ церковныхъ согласія не имуть“, ибо отвергнувъ родную святую

старину, которой бы имъ слѣдовало твердо держаться, они потеряли подъ собою твердую надежную почву, благодаря чему у каждаго изъ нихъ явилось „свое мудрованіе, совершенно чуждое смиренномудрїа“, они, побуждаемые тщеславіемъ, заботятся по преимуществу о томъ, „яко да вѣка сего покоя и славы и чести не отпадемъ“. Многіе „отъ вѣрныхъ“ соблазняются „вправду“ новоисправленными книгами и сильно смущаются возникшими церковными несогласїями, такъ какъ новоисправленные книги дѣйствительно заключаютъ въ себѣ много поводовъ къ соблазну, а между тѣмъ пастыри церкви вовсе не заботятся исправлять такихъ смущающихся „духомъ кротости“, а только „ратуютъ Христово стадо“, вредятъ тѣмъ, „ихъ же лѣпо пользоваться“. Въ виду этого епископъ Александръ желаетъ, чтобы соборъ уничтожилъ въ новоисправленныхъ книгахъ все превратное и соблазнительное, и чтобы это новое исправленіе книгъ совершилось „благимъ совѣтомъ соборнѣ“, такъ какъ „дерзостію творимое не твердо, но блажено воистину и смущенію виновно, совѣтомъ же исправленное—пользуется“. Очевидно, что этими своими заявленїями о недостаткахъ церковной реформы Никона епископъ Александръ какъ нельзя болѣе сближался съ воззрѣніями и заявленїями принципиальныхъ противниковъ церковной реформы Никона, которые поэтому оказывали ему свое особое расположеніе, охотно списывали его вопросы и, съ своей стороны, пользовались его расположенїемъ ¹⁾. Но въ то же время, между ними и Александръ

---

¹⁾ Нероновъ въ своей челобитной государю заявляетъ: „ревнитель же воистину закона, блаженный Александръ епископъ вятскій, во всѣхъ писанїяхъ къ тебѣ, великому государю, явѣ блудно Никонову показа... и въ тисненїи печатномъ книги ево, Никонова мудрованїа, ересей полны показа и блуженїя, рекше, превратовъ“. (Митр. 1, 187). Игуменъ Θεоктистъ, нѣкоторое время проживавшій въ Вяткѣ у Александра, пишетъ къ извѣстной боярынь Морозовой, чтобы она сама и чрезъ своихъ знакомыхъ всячески похлопотала о дѣлахъ епископа Александра. Между арестованными у игумена Θεоктиста бумагами значатся и вопросы Александра къ собору. (Ibid. стр. 230, 308—315). Дьяконъ Феодоръ пишетъ: „святитель Александръ вятскій епископъ, иже прежде коломенскій бывъ, по Павлѣ исповѣдникѣ, разумѣвъ все коварство и неправду сборища ихъ погибельнаго, прїѣхавъ въ свою область, не служаше по новымъ книгамъ, и сельскимъ попомъ всемъ запрещаше. И нѣдцы попове, бояще страха царева, извѣщаша нѣдцы царю о томъ нань, и истязанїе бысть

ромъ было и существенное различіе, именно: хотя Александръ и признавалъ серьезныя недостатки въ книжныхъ исправленіяхъ Никона, однако не находилъ эти недостатки на столько важными, чтобы ради ихъ погибло православіе на Руси, чтобы изъ-за нихъ слѣдовало отдѣляться отъ церкви, или, чтобы ради ихъ признать Никона и его послѣдователей еретиками, съ которыми не слѣдуетъ сообщаться. Кромѣ того Александръ находилъ неисправными не только книги напечатанныя при Никонѣ, но и книги напечатанныя при его предшественникахъ, почему и желалъ, чтобы всѣ наши книги вновь были исправлены, но обязательно на соборѣ, общимъ совѣтомъ, а не единолично. Само собою понятно, что возраженія епископа Александра противъ новоисправленныхъ книгъ, хотя относительно и сдержанные, должны были однако производить и на православныхъ, т. е. уже принявшихъ новоисправленные книги, очень сильное впечатлѣніе, такъ какъ нападеніе на никоновскія книги исходило отъ православнаго епископа, который не только находился въ полномъ общеніи съ церковію, управлялъ самостоятельно цѣлою епархіею, но и былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ, отличавшійся, какъ видно, недюженнымъ умомъ, начитанностію, горячею ревностію о благочестіи и высокимъ, сравнительно, пониманіемъ своихъ архипастырскихъ обязанностей.

Кромѣ вопросовъ вятскаго епископа Александра до насъ дошло еще „Обличеніе на Никона патріарха“, написанное послѣ его удаленія съ кафедры однимъ изъ русскихъ архіереевъ. Обличеніе состоитъ изъ тридцати статей и подано было государю въ видѣ челобитной отъ лица русскихъ архіереевъ. Въ четвертой статьѣ обличенія говорится: „отнеже бо онъ, Никонъ, начать вводити смущенія догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу“. Въ двадцать первой статьѣ говорится: „кого бы отъ архіерей и святыхъ отецъ единомудрствующихъ имѣя съ собою Никонъ? Ей, никого“. Въ статьѣ двадцать пятой: „благочестивый царю! Онъ, Ни-

---

ему. Онъ же страха Божія паче убоися и непослушаша лукаваго соборища ихъ, и отрекся новозаконія ихъ, и остави епископію, отыде въ монастырь свой на Вычегду, и каяся до смерти о прежнемъ своемъ поплановеніи, за еже сообщися съ ними“ (Матер. VI, 256).

конъ суемудренный, смысли, учимъ воистину древнимъ чловѣкоубійцею діаволомъ, и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣхъ, ко отчаянію привести тшася и всѣхъ погубити хотя“. Но особенно для насъ важна и интересна послѣдняя—тридцатая обличительная статья. „Пишетъ Никонъ, о благочестивый царю, заявляетъ обличеніе, что оныхъ трехъ иноковъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданію православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Паисея, цареградскаго патріарха; и во святѣй-де литургіи въ божественныхъ таинствахъ недовѣруютъ и недружбы чинятъ противъ того, что онъ исправилъ думою и благословеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, а во благи де своей никогда же хотѣлъ ни прибавить, ни убавить отъ церкви, опрочѣ правилъ св. апостоль и св. отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тисненіи печатномъ перебилъ и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самый несогласный: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Также и прочія книги, при патріаршествѣ его тисненіемъ печатнымъ изданныя, мятежа и смущенія исполнены, и 6-бо выходовъ служебниковъ мудрованія его сами въ себѣ согласія не имуть. Но и скрижалъ духовная сама въ себѣ несогласна, существа перебиты, а толкованіемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да аще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патріарха Паисея вѣрѣ научился и исправити потшася: царствующаго града Москвы благочестивіи и христілюбивіи цари и великіе князи, и князи и боляра, и преже его бывшіе 5 патріарховъ, и преосвященныя митрополиты, и архіепископы и епископы, священноархимандриты и игумены, протопопы, іереи и діаконъ, и святыхъ великихъ обителей и прочихъ монастырей мнихи, пачеже и старцы, и христілюбивый російскій народъ,—ушто до него, Никона, неправо вѣровали и безкровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и безстудія! Ненасытився, убивая вѣрныхъ душъ, глаголетъ, яко исправляя и не хотящихъ послѣдовать его прелестному мудрованію, проклинаетъ. Не ново убо начинающе святіи они старцы, но древнее святыхъ отецъ преданіе утвержающе, вѣрныхъ души отъ смущенія соблюдати тшасеся. Глаголяй же, яко не хотѣлъ прибавить, ни убавить, опрочѣ правилъ святыхъ апостоль и святыхъ вселен-

скихъ соборовъ, приказывалъ: какъ ни есть, только не по старому. О книгахъ убо, благочестивый царю, что извѣщаль преосвященный Паисія (т. е. Лигаридъ) тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны, заперты безпожиточно,—пишетъ Никонъ, что въ ево далныя монастыри отвезены,—не въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Почто, христоролюбивый царю, попусти сице,—не реку человеку, но звѣрю, и ни малаго добра смыслившу святѣй церкви и державѣ царствія твоего?“¹⁾

Вотъ что заявляли русскіе архіереи царю Алексѣю Михайловичу по поводу церковной реформы Никона, какъ они представляли это дѣло себѣ и старались въ челобитной разъяснить царю, какъ ему слѣдуетъ смотрѣть на церковно-реформаторскую дѣятельность Никона; она, по ихъ мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ есть дѣятельность преступная, какъ наносящая непоправимый вредъ русской правой вѣрѣ и русскому истинному благочестію, и потому заслуживаетъ не признанія и одобренія, а полнаго отрицанія и осужденія со стороны всѣхъ истинно вѣрующихъ и благочестивыхъ людей. Между указанными воззрѣніями русскихъ іерарховъ на церковныя исправленія Никона и воззрѣніями тогдашнихъ принципиальныхъ защитниковъ русской церковной старины, трудно найти какое либо различіе: русскіе іерархи—челобитчики и защитники старины слились въ этомъ отношеніи въ нѣчто однородное и неразличимое по своему существу. Справедливость однако требуетъ сказать, что приведенная нами челобитная русскихъ архіереевъ государю, въ которой они рѣшительно осуждаютъ всѣ Никоновскія церковныя исправленія, какъ несостоятельныя и очень вредныя для церкви, были написаны архіереемъ — заклятымъ врагомъ Никона—тѣмъ же вятскимъ епископомъ Александромъ, которымъ были написаны и приведенные нами выше вопросы, направленные противъ книжныхъ исправленій Никона и предназначенные Александромъ для прочтенія на соборѣ 1666 года. Правда Александръ говоритъ въ челобитной отъ имени всѣхъ архіереевъ, но несомнѣнно, что тогда были

¹⁾ Рукописный сборникъ Москов. синод. бібліотеки, № 294! Лѣтопись рус. лит. и древн.—Тихонравова, т. V, и Матер. для ист. раск. т. VII; стр. 148 и свѣд.

архіереи, которые никакъ не могли согласиться съ воззрѣніями Александра на реформы Никона, такъ какъ они были горячими и убѣжденными поклонниками всѣхъ никоновскихъ церковныхъ исправленій. Такими сторонниками и защитниками реформъ Никона были тогда, намъ извѣстные, крутицкій митрополитъ Павелъ, рязанскій архіепископъ Иларіонъ и, конечно, другіе. Но, съ другой стороны несомнѣнно и то, что епископъ Александръ былъ не одинъ, что между тогдашними архіереями и у него были сторонники, которые, покрайней мѣрѣ въ первое время послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедръ, отрицательно относились не только лично къ Никону, но вмѣстѣ и къ его реформѣ. Поэтому Александръ и могъ въ своей челобитной государю говорить, если не отъ лица всѣхъ, то отъ лица извѣстной группы тогдашнихъ архіереевъ.

Такимъ образомъ, нѣкоторые русскіе архіереи, по крайней мѣрѣ вначалѣ, относились отрицательно къ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, и это свое отношеніе къ реформѣ, которое они по страху скрывали во время патріаршества Никона, послѣ оставленія имъ кафедръ, уже открыто, въ лицѣ вятскаго епископа Александра выражали публично и даже въ особой челобитной государю.

Отрицательное отношеніе къ новопечатнымъ Никоновскимъ книгамъ въ приходскомъ духовенствѣ и въ монастыряхъ сначала было почти всеобщимъ, хотя только у нѣкоторыхъ, и даже очень немногихъ лицъ, оно проявлялось сознательно, какъ сопротивленіе предполагаемому еретичеству, внесенному будто бы Никономъ въ новоисправленныя книги. У большинства же, какъ бѣлаго приходскаго духовенства, такъ и чернаго монастырскаго, новоисправленныя никоновскія книги встрѣтили или открытое, или молчаливое—пассивное непризнаніе по мотивамъ чисто практическимъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ правовѣрію или неправовѣрію. Дѣло въ томъ, что тогдашнее бѣлое и черное духовенство, особенно духовенство сельское и рядовое монастырское, было въ своемъ большинствѣ малограмотно, оно съ трудомъ и съ значительными усиліями пріучалось кое-какъ брести по привычнымъ книгамъ, исправлять по нимъ церковныя службы, и всегда готово было сильно споткнуться и даже совсѣмъ остановиться, если привычную книгу замѣ-

нить другой, отличной отъ старой. II отъ такихъ-то малограмотныхъ лицъ вдругъ потребовали, чтобы они отправляли всѣ церковныя службы по новымъ книгамъ, къ которымъ они, въ виду своей малограмотности и привычки къ разъ усвоенному, не знали какъ и пристать. Имъ теперь приходилось переучиваться, отвыкать отъ затверженнаго ранѣе и твердить новое. Дьяконъ Ѳеодоръ, какъ очевидецъ, рассказываетъ, что когда по рекомендаціи Павла митрополита Крутицкаго, ставили въ архіереи на Вологду игумена Свирскаго монастыря Симона, то онъ, при чтеніи символа, неожиданно прочелъ по старому: „рожденна, а несотворенна“. Тогда, повѣствуетъ Ѳеодоръ, „нехотѣ его царь поставити во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; не хочу его азъ! И поиде съ мѣста своего. Павелъ же льстецъ припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никако, государь, вѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справиль рѣчь ту по новому реченію. Царь же возвратися на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“ ¹⁾. Если уже кандидатъ въ архіепископы, значить человѣкъ, по тогдашнему времени, болѣе образованный, при своемъ ставленіи, не смотря конечно на тщательную предварительную подготовку, всетаки въ чтеніи символа сначала сбился на привычное старое, то чего же можно было требовать отъ лицъ малограмотныхъ, какими въ то время были почти всѣ сельскіе священно и церковнослужители и рядовое монастырское монашество. Для многихъ изъ нихъ читать и служить по новоисправленнымъ книгамъ было просто не по силамъ, они не умѣли, да и не могли перейти на новое, а потому по необходимости крѣпко держались за старое. Въ соборномъ приговорѣ соловецкихъ иноковъ, въ іюнѣ 1658 года, говорится: „во обители, по преданію чудотворцевъ, преподобнаго Зосимы и митрополита Ѳилиппа, какъ былъ игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и какъ прежніе игумены изстари служили, повыкли и мы божественныя литургіи служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы и сперва учились и привыкли. А нынѣ и по тѣмъ служебникамъ мы, старые священники, очередей сво-

¹⁾ Матер. VI, 229—230.

ихъ недѣльныхъ держати не сможемъ, а по новымъ служебникамъ для своей старости учитца не сможемъ же, да и некогда,—которое и учено было и того мало видимъ. А которые мы священники и діаконы маломочны и грамотѣ не навичны и къ ученію косны, по которымъ служебникамъ старымъ многія лѣта училися, а служили съ великою нуждею и Бога славили, а по новымъ книгамъ служебникамъ, что прислалъ изъ Колмогоръ старецъ Іосиѣ, намъ—чернцомъ коснымъ и неперемчивымъ—сколько ниучиться, а не навичнуть, лутче будетъ съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти“ ¹⁾. Бывшій строитель Лысковскаго Покровскаго монастыря Аврамій на соборѣ 1666 года заявлялъ, что доселѣ онъ служилъ по старымъ служебникамъ“, а не служилъ по новоисправнымъ служебникамъ для того, что обыкъ по старымъ служебникамъ служить, а символъ вѣры по се время говорилъ по прежнему“, но впредь обѣщается служить по новоисправленнымъ книгамъ ²⁾.

Въ то время какъ значительная часть малограмотнаго— „коснаго и неперемчиваго“ духовенства рѣшительно заявляла, что ему „сколько ни учиться, а не навичнуть“ отправлять службы по новоисправленнымъ книгамъ, въ это время всѣми уважаемыя и авторитетныя лица, извѣстныя самому царю и имъ чтимыя, открыто и рѣшительно стали увѣрять и всюду проповѣдывать, что новыя книги Никономъ не исправлены, а только испорчены, что въ нихъ внесены разныя ереси, что въ интересахъ сохраненія православія на Руси, въ интересахъ своего личнаго спасенія, каждому нужно крѣпко держаться именно старыхъ книгъ, старыхъ обрядовъ и чиновъ, что нужно обязательно отвергнуть все новое, введенное Никономъ, какъ еретическое измышленіе,—словомъ они учили, что перемѣнять въ старомъ ничего не нужно, никакъ не слѣдуетъ и учиться новому, какъ гибельному для правой вѣры и истиннаго благочестія. Этотъ призывъ—крѣпко держаться стараго и отвергать все новое, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ настроенности малограмотнаго духовенства, рѣшалъ жгучій и жизненный для него вопросъ въ самомъ желательномъ и благопріятномъ для него

¹⁾ Матер. III, 5—6.

²⁾ Матер. I, 4т9.

смыслѣ, вполне оправдывалъ его въ собственныхъ его глазахъ, такъ какъ убѣждалъ его, что противленіе новому и удержаніе стараго не есть проявленіе его малограмотности и косности, а дѣло высокое, богоугодное и спасительное. Такъ подъ сопротивленіе малограмотнаго невѣжества положена была высокая идея—охраны правой вѣры и истиннаго благочестія. Теперь невѣжды подняли опущенную было голову, онѣ подвысились и, такъ сказать, облагородились въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ какъ иное дѣло—держаться за старое въ силу малограмотности и косности, и иное—во имя спасенія русскаго неповрежденнаго православія и истиннаго благочестія отъ гибели,—изъ малограмотныхъ невѣждъ они превращались теперь въ героевъ, призванныхъ спасти и вѣру и отечество.—Никонъ и продолжатели его дѣла, уже по своему оффиціальному положенію, должны бы были хорошо знать и понимать, съ какимъ матеріаломъ, въ лицѣ большинства тогдашняго духовенства, они имѣютъ дѣло, когда, рассылая новоисправленные книги, они требовали, чтобы духовенство служило только по нимъ, тогда какъ всякому сколько нибудь знавшему тогдашнее наше духовенство ясно было, что въ значительномъ большинствѣ оно не станетъ служить по новымъ книгамъ единственно только потому, что по своей малограмотности оно не съумѣетъ отправлять по нимъ церковныхъ службъ, и потому всячески будетъ держаться за старыя привычныя для него книги.

Введеніе новоисправленныхъ книгъ въ церквахъ не могло совершиться быстро и скоро даже по матеріальнымъ, такъ сказать, причинамъ, безотносительно къ тому, желало или не желало принимать ихъ и слѣдовать имъ тогдашнее духовенство. Церквей—соборныхъ, приходскихъ, домовыхъ, монастырскихъ, а также часовень, замѣнявшихъ собою во многихъ мѣстахъ церкви, было у насъ очень много, а средства единственной тогда у насъ правительственной московской типографіи были очень ограничены; она могла, за другими работами, выпускать новоисправленные книги только въ небольшомъ относительно количествѣ экземпляровъ, такъ что требовалось очень и очень много времени, чтобы новоисправленныхъ книгъ хватало на всѣ тогдашнія церкви и чтобы всѣ онѣ могли ими обзавестись. Съ другой стороны,

книги тогда были очень дороги и для бѣдныхъ церквей пріобрѣтать цѣлый кругъ новопечатныхъ церковныхъ книгъ часто было не подѣ силу, а потому по необходимости многія церкви очень долго продолжали пробавляться имѣвшимися въ нихъ прежними старыми книгами. Нижегородскаго Лыковскаго Богородичнаго монастыря черный попъ Авраамій, на соборѣ 1666 года, „прощенія просилъ, что онъ новоисправные печатные книги не держалъ скудости ради“ ¹⁾. Естественно, что тогда не мало было и такихъ священниковъ, современниковъ Никона, которые успѣли умереть не имѣя даже случая увидать новоисправленныя книги; естественно, что очень долгое время и послѣ реформы Никона во многихъ церквахъ, особенно сельскихъ и захолустныхъ, церковныя службы продолжали совершаться по старымъ книгамъ единственно потому, что не было подѣ руками новоисправленныхъ книгъ.

Въ самой Москвѣ, даже въ Кремлѣ, т. е. на глазахъ царя и всѣхъ высшихъ церковныхъ властей, въ нѣкоторыхъ церквахъ еще продолжали употреблять старыя книги вплоть до самаго рѣшенія этого вопроса соборомъ 1666 года. Игуменья Вознесенскаго въ Кремлѣ монастыря, Маремьяна Пальчикова, въ челобитной государю 1666 года заявляла: „по твоему, великаго государя, указу и по соборному уложенію, указалъ ты, великій государь, вездѣ по монастырямъ и по прихоцкимъ церквамъ, по новому соборному уложенію, въ церквахъ по книгамъ пѣть и честь, по новому соборному уложенію, на рѣчь. И мы, нищіе царскіе твои богомольцы, по книгамъ говорили по старому, а пѣли обѣдни и всякое пѣніе по новому, а книгъ, государь, твоего царскато жалованья къ намъ новыхъ въ Вознесенскій дѣвичій монастырь въ прежніе годы не пресыловано. А въ нынѣшнемъ, государь, во 174 году, по твоему, великаго государя, указу присланы къ намъ въ монастырь книги по новому твоему, великаго государя, соборному уложенію къ священникамъ, и тѣ, государь, священницы и крылошанки по книгамъ по старымъ и по новымъ говорятъ; а заповѣди и заказу отъ тебя, великій государь, къ намъ въ дѣвичій Вознесенской монастырь объ этомъ не бывало, что по старымъ книгамъ

¹⁾—II. 13.

не говорить“¹⁾. На соборѣ 1666 года черныи попъ Ѡаддей показывалъ: „года де тому съ два, или больши, былъ онъ въ нижегородскомъ уѣздѣ въ селѣ Лысковѣ въ монастыре пречистые Богородицы Казанскіе у строителя чернаго попа Аврамія въ кельѣ, и въ разговорѣ похвалялъ книги новоисправной печати, и тотъ де черныи попъ Аврамій противъ того говорилъ: и старыя книги добры, вѣдь де они свидѣтельствованыжъ, и на Москвѣ по новоисправнымъ книгамъ не все служатъ,—еще де не установилося, да и патріаршъ де казначей, старецъ Тихонъ, не вовсе за новоисправныя книги приниматца велитъ.“ Другой старецъ, Гавріилъ, показывалъ, что когда онъ уговаривалъ Аврамія держаться новоисправленныхъ книгъ, тотъ ему на это отвѣтилъ: „не единъ де я такъ служу (т. е. по старымъ книгамъ), какъ де во всѣхъ церквахъ будутъ служить (по новымъ книгамъ), тогда де и я буду“. Въ 1657 году въ Соловецкій монастырь были присланы новоисправленныя книги. Получивъ книги, монастырскія власти никому не показали ихъ, а сложили въ казенную палатку, гдѣ книги спокойно и лежали, а службы продолжали отправляться по прежнему—по старымъ книгамъ и никакая власть этому не препятствовала. Соловецкій старецъ, Герасимъ Фирсовъ, на соборѣ 1666 года показывалъ: „по новоисправленнымъ служебникамъ въ Соловецкомъ монастырѣ не служилъ для того, что великаго государя указу не было“. Бывшій соловецкій архимандритъ Варсоломей тоже на соборѣ 1666 года показывалъ: „а кресты де на просвирахъ въ Соловецкомъ монастырѣ и до нынѣ постарому, и о томъ де къ нимъ указу не бывало“. Только послѣ собора 1666 года послѣдовалъ въ Соловецкій монастырь указъ объ обязательномъ отправленіи всѣхъ церковныхъ службъ исключительно по новоисправленнымъ книгамъ, что и повело къ возмущенію соловецкихъ монаховъ²⁾.

Если въ самой Москвѣ, послѣ удаленія Никона, съ новоисправленными книгами „еще не установилося“, почему благоразумныя московскія духовныя лица, спрашивавшимъ ихъ провинціаламъ, „не вовсе за новоисправныя книги приниматься велеть“, если въ Москвѣ, и даже въ самомъ Кремлѣ, попрежнему безпрепятственно еще продолжали служить по

¹⁾ Православ. Обзорѣніе, 1885 г. т. II, стр. 66—67.

²⁾ Матер. I, 460, 463. III, 3—7, 108, 111. 117.

старымъ книгамъ и царскаго указа о замѣнѣ ихъ новыми не было; то какихъ либо особыхъ специальныхъ мѣръ о замѣнѣ старыхъ книгъ новыми конечно не предпринималось архіереями и въ ихъ епархіяхъ,—служили, кто какъ хотѣлъ: или по новому, или по старому, большинство, понятно, по старому. Изъ дошедшихъ до насъ архіерейскихъ грамотъ видно, что епархіальные архіереи, до собора 1666 года, вовсе не настаивали на томъ, чтобы въ ихъ епархіяхъ обязательно служили по новымъ, а не по старымъ книгамъ. Въ 1658 году вологодскій архіепископъ Маркеллъ предписываетъ наблюдать соборному протопопу, „чтобы въ церкви Божіи всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно“, причемъ вовсе не говоритъ того, чтобы пѣніе въ церквахъ совершалось по новоисправленнымъ книгамъ, о послѣднихъ грамота совсѣмъ умалчиваетъ. Въ 1660 году въ царской грамотѣ новгородскому духовенству предписывается: „и вы бѣ—архимариты, игумены и протопопы—приходскихъ всѣхъ церквей попомъ и дьякономъ и всякихъ чиновъ людемъ приказывали съ великимъ разсмотрѣніемъ и подкрѣпленіемъ, чтобъ во всѣхъ церквахъ Божіихъ божественное пѣніе было единогласно, со страхомъ Божіимъ“. Объ обязанности пѣть по новоисправленнымъ книгамъ опять не упоминается. Въ 1661 году новгородскій митрополитъ Макарій, въ грамотѣ къ архимандриту Тихвинскаго монастыря предписываетъ ему сдѣлать крѣпкій наказъ всему духовенству, „что бѣ пѣли и говорили по всѣмъ святымъ Божіимъ церквамъ единогласно, а не во многіе гласы“. О новоисправленныхъ книгахъ не упоминается. Это неупоминаніе грамотъ до 1666 года объ обязанности духовенства отправлять службы именно по новоисправленнымъ, а не по старымъ книгамъ, было не случайностію, а естественнымъ послѣдствіемъ и обнаруженіемъ общей неувѣренности принятія церковію новоисправленныхъ иконовскихъ книгъ, неувѣренности, которая прекратилась лишь со времени собора 1666 года, что сейчасъ же и отразилось въ послѣдующихъ архіерейскихъ грамотахъ. Такъ новгородскій митрополитъ Питиримъ въ 1671 году предписываетъ учинить крѣпкій наказъ попамъ и причетникамъ, чтобы они „пѣли и говорили единогласно по новоисправленнымъ книгамъ“. Тотъ же митрополитъ узнавъ, что „въ Вожской десятинѣ духовные поютъ и говорятъ не единогласно

и по книгамъ старыя печати, а не по новоисправленнымъ“ предписываетъ отправлять службы единогласно по новоисправленнымъ книгамъ. Въ 1683 году устюжскій архіепіскопъ Геласій предписываетъ, чтобы въ церквахъ Божіихъ „пѣли и говорили единогласно и нарѣчно, а не мятежно, по новоисправленнымъ нарѣчнымъ книгамъ“¹⁾. Такимъ образомъ, какъ до собора 1666 года, когда относительно новоисправленныхъ книгъ „еще не установилося“, архіерейскія грамоты требуютъ отъ духовенства только пѣть единогласно, совсѣмъ не упоминая при этомъ о новоисправленныхъ книгахъ; такъ послѣ собора 1666 года наоборотъ: во всѣхъ подобныхъ архіерейскихъ грамотахъ всегда уже говорится, чтобы духовенство пѣло и читало въ церквахъ единогласно и обязательно по новоисправленнымъ, а не по старымъ книгамъ.

Но что особенно характерно и любопытно: колебанія и неувѣренность, царившія тогда въ русскомъ обществѣ относительно законности и доброкачественности церковной реформы Никона, поддерживали сами греки, по указаніямъ и подъ руководствомъ которыхъ, какъ мы знаемъ, Никонъ производилъ свои грекофильскія реформы. Теперь, по удаленіи Никона съ патріаршей кафедрой, нѣкоторые греки перешли на сторону враговъ Никона и стали изображать его, подобно старообрядцамъ, церковнымъ самочиннымъ новаторомъ, нарушителемъ священной церковной старины и обычаевъ. Грекъ іеродіаконъ Мелетій, посланный государемъ приглашать восточныхъ патріарховъ въ Москву для устройства русскихъ церковныхъ дѣлъ, изобразилъ Никона предъ іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ церковнымъ новаторомъ, почему Нектарій, въ своей грамотѣ государю, отъ 20 марта 1664 года, между прочимъ пишетъ: „о Никонѣ же сказалъ (Мелетій) нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными... Киръ Никонъ (будто бы) *выдумалъ нѣкоторыя новости касательно церковнаго порядка и желаетъ, чтобы сіе противъ обыкновенія принято было*“²⁾. Въ виду такихъ представленій о Никонѣ, полученныхъ восточными патріархами отъ царскихъ посланцевъ къ нимъ—грековъ, они въ

¹⁾ Ак. ист. IV, № 151. Ак. археогр. эк. IV, №№ 105, 115, 184, 188, 275.

²⁾ Рус. Архивъ, 1873 г., кн. 9, 1610—1611.

своихъ отвѣтахъ на царскіе вопросы, имѣя въ виду сдѣланныя имъ сообщенія о самочинныхъ церковныхъ новшествахъ Никона, пишутъ: патриарху не должно „въ церковныхъ дѣлѣхъ совѣтовати или измѣняти древнія узаконенія или обычаи, или новая священнослуженія вводити въ божественную церковь, или измѣняти и отдаляти чины святыхъ литургій, развѣ тѣхъ установленныхъ и узаконенныхъ, сирѣчь: святаго Златоустаго и великаго Василия и прежде священныхъ, но хранить убо правую къ царю вѣру, къ церковнымъ же преданіямъ и обычаемъ держати умъ неизмѣненъ и ни чесоже обновляти въ нихъ“ ¹⁾. Но особенно любопытно познакомиться, въ чемъ, между прочимъ, обвинялъ Никона самъ называвшій себя ученѣйшимъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, игравшій тогда при московскомъ дворѣ особенно выдающуюся роль. Въ докладной запискѣ государю, въ которой онъ оправдывается отъ обвиненій, взведенныхъ на него Никономъ, Паисій перечисляетъ вины Никона и между ними указываетъ: „яко новыхъ чиновъ употребилъ есть (Никонъ), древнія чины оставя и отринувъ“ ²⁾. Паисію Лигариду царемъ поручено было составить докладную записку о дѣлѣ Никона для ѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патриарховъ. Паисій составилъ эту записку и въ ней обвиняетъ Никона въ томъ, „что онъ перемѣнилъ обычаи прежнихъ московскихъ патриарховъ не только тѣмъ, что вмѣсто синихъ скрижалей сталъ носить червленныя и что не поминалъ торжественно вселенскаго попрежнему, но и тѣмъ, что ввелъ новые обряды и томы (опредѣленія), переоблачался во время божественнаго тайнодѣйствія (имѣя восемьдесятъ саккосовъ, за одной обѣдней перемѣнялъ ихъ до двѣнадцати). Что бѣ не казаться ниже Бога всяческихъ, чудовищно придумалъ онъ для пѣснопѣнія служебные чины или лики, назвавъ нѣкоторыхъ отроковъ херувимами и серафимами, которые прислуживали ему внутри страшнаго олтаря, гдѣ онъ чесался передъ зеркаломъ. Изъ олтаря онъ сдѣлалъ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ іеродіаконовъ. Онъ отмѣнилъ пѣсни троичныя, сложенные патриархомъ Митрофаномъ и воспѣваемые обык-

¹⁾ Гиб. II, 674.

²⁾ Вольшой моск. арх. мин. ин. дѣль,—Греческія дѣла, 7175 г. № 2.

новенно каждое воскресенье; между тѣмъ 2-й канонъ 6-го собора повелѣваетъ пѣснямъ, слагаемымъ святыми отцами, оставаться неизмѣнными. Какъ же не подвергнется *тройной анафемѣ Никонъ*, который велѣлъ, противъ порядка церковнаго, совершать единожды освященіе богоявленское, которое велѣно совершать дважды, а именно: въ навечеріе и самый праздникъ... Какой человѣкъ разсудительный будетъ отвергать, что *Никонъ нововводитель, когда онъ поколебалъ уставъ и древнее церковное преданіе?* Онъ былъ рукоположенъ во второй разъ, когда сдѣлался патріархомъ, а двухъ архіереевъ, прежде отставленныхъ, снова рукоположилъ, вопреки 67 канону апостоль, отлучающихъ за такоѣ рукоположеніе и поставляющаго и ставленника... Остается Никону признать одно изъ двухъ: или что онъ никогда не былъ поставленъ въ Новгородѣ, потому что патріархъ Іосифъ еретикъ (что ложно и неразумно), или же, что былъ снова поставленъ, *онъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ*. Сверхъ того, поставленія имъ совершенныя, не имѣютъ силы, потому что совершены мужемъ, снова рукоположеннымъ“ ¹⁾.—А между тѣмъ все это о Никонѣ писано было не какимъ нибудь фанатичнымъ и невѣжественнымъ поборникомъ старины, какъ естественно было бы подумать, а ученымъ грекомъ—митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ, писано имъ по особому порученію царя съ цѣлію ознакомить восточныхъ патріарховъ съ личностію и церковной дѣятельностію патріарха Никона.

Такимъ образомъ, послѣ удаленія Никона съ патріаршаго престола, мы встрѣчаемъ въ тогдашнемъ обществѣ очень сильное и распространенное теченіе, отрицательно относившееся къ церковно-реформаторской дѣятельности Никона, стремившееся признать ее во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельною и даже вредною и губительною для церкви. Эти отрицательные взгляды на реформу Никона исходили не отъ однихъ только принципіальныхъ противниковъ новыхъ церковныхъ порядковъ, но были распространены и въ церковно-православной средѣ, и не только между низшимъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, но и между архіереями и даже между учеными греками, въ то время проживавшими въ Москвѣ.

¹⁾ Сочиненіе Паисія Лигарида. О соборномъ осужденіи Никона, ч. II, гл. 11.

Смута, неувѣренность и колебанія, существовавшія тогда въ обществѣ относительно признанія или непризнанія церковныхъ реформъ Никона, рѣзко проявляли себя прежде всего въ тогдашней церковно-богослужебной практикѣ.

Реформы Никона круто подорвали прежніе привычные церковно-богослужебные порядки, въ первое время не давъ однако на мѣсто стараго чего-либо прочнаго и всѣми признаваемого новаго: старое и новое вступило въ ожесточенную борьбу между собою за право существованія, причѣмъ въ однихъ случаяхъ побѣждало старое, въ другихъ—новое, часто новое и старое своеобразно—пестро перемѣшивалось между собою и никто хорошо не зналъ, чего слѣдуетъ держаться: одинъ тянулъ въ одну сторону, другой—въ другую, третій думалъ совмѣстить и то и другое. Въ отпращиваніи ежедневныхъ церковныхъ службъ всюду проявилась безпорядочность, крайняя во всемъ неустойчивость, соблазнительное разнообразіе и произволь отдѣльныхъ лицъ. Самъ Никонъ на упрекъ, сдѣланный ему въ 1663 году Паисіемъ Лигаридомъ и Одоевскимъ: зачѣмъ онъ издалъ три служебника и всѣ они разнятся между собою? отвѣтилъ: „нынѣ-де поють такъ, кто какъ захочетъ, а то-де чинится отъ непослушанія“. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ повелѣніи въ 1662 году о созваніи по дѣлу Никона собора и о приглашеніи на него восточныхъ патріарховъ, говоритъ: „Никону убо отшедшу и пребывающу въ новопостроенныхъ отъ него обителяхъ, о вдовствѣ ея (церкви) не радящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и о службѣ божественныя литургіи и о иныхъ церковныхъ винахъ, которыя учинились при бытіяхъ патріаршества его, и потому дѣйствуются и до нынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстехъ и расколы“. Посланный царемъ на востокъ подъячій Перфілій Оловениковъ, отъ имени государя говорилъ іерусалимскому патріарху Нектарію: „на Руси митрополиты, архіепископы, и епископы и весь церковный чинъ въ несоглашеніи, въ церквахъ Божіихъ служатъ всякій своимъ правомъ“. 1) Вятскій епископъ Александръ въ челобитной государю пишетъ: „всеи мнѣшася столпи настоящаго времени другъ съ другомъ въ чи-

1) Гиб. I, 242—243. II, 628, 765.

нахъ церковныхъ согласія не имуть, у кождо бо ихъ свое мудрованіе... смущающихся о несогласіи церковнемъ, духомъ кротости исправить не тщимся, но въ своихъ обычаяхъ утверждаемъ, ратующе Христово стадо, древнія же церковныя чины отметающе и новыи необычно начинающе, вредимъ, ихъ же должно пользоваться“¹⁾ Соловецкій архимандритъ Вареоломей заявляетъ, что когда онъ ѣхалъ въ Москву, то, „по грѣхамъ нашимъ, послѣ моего поѣзду къ Москвѣ, учинилась въ монастырѣ, въ братьѣ и мірскихъ людяхъ, великая смута, будто священники и діаконы почали службу служить не такъ, какъ было при мнѣ, архимандритѣ, и въ службу ввели чины нововводные, и подаваніе божественныхъ и животворящихъ таинъ, тѣло Христово, учили подавати священники священникомъ и діакономъ иной съ сѣверную страну, а иной съ лѣтнюю страну, и о томъ у нихъ въ церкви Божіи и въ олтарѣ во время божественныя службы и святаго причащенія стала смута и вражда велія“.²⁾ Въ „повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона митрополита суздальскаго“ разсказывается, что когда Никонъ разослалъ приказъ служить по новоисправленнымъ книгамъ, то преподобный, бывшій въ то время настоятелемъ Флорищевской обители, „зѣло усомнѣвашеся о томъ,

¹⁾ Рук. Моск. синод. библ. № 294, л. 115.

²⁾ Матер. III, 40. Съ своей стороны и Нероновъ въ челобитвой государю 1660 года объ избраніи новаго патріарха пишетъ: „смущеніе убо веліе, государь, въ великой Росіи о церковныхъ вещѣхъ, яко же и самъ вѣси, благочестивый государь царь, во всѣ убо седмь лѣтъ, тысящи тысящъ, душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ таинъ, и ученія нѣсть, паче же и согласія ради церковныхъ учителей. Помилуй ко отчаянію близъ сущихъ и спаситися желающихъ“. Инокъ Авраамій пишетъ царю: „воззри, христолюбче, убо аще нелѣбностенъ еси, обратиши-ли гдѣ правѣ напечатанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ какую ни естъ книгу отъ Никона бѣшенова начальства лѣтъ 15 и больше? Непорочныя же старыя книги обезчестованы. Къ сему же: обрящещи ли чинъ и послѣдованіе по указанному святыхъ и богоносныхъ отецъ взаконоенію? Обрящещи ли судъ и отмщеніе въ вещехъ церковныхъ, или строителя, или начальника правѣ исправляюща слово истины, и по чину вся бывающая въ церкви? Но вѣмъ, яко неудобъ обрѣсти возможещи, не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже во епископіяхъ, паче же ни въ монастырѣхъ. Видь убо, аще не плача достойна сія окаянная времена наша, въ ня же, увы, достигохомъ?“ (Матер. I, 170. VII, 93—94).

глаголя: писано есть: аще кто прибавить или убавить, ачаема да будетъ, и начатъ о томъ со слезами ко Господу Богу молитися прилежно, да ими же вѣсть судьбами открыеть ему о семь... Богъ же не призрѣ моленія раба своего, откры ему сичевымъ образомъ:“ когда Иларіонъ рѣшился отслужить по новоисправленнымъ книгамъ одну обѣдню, и, по окончаніи ея сталъ вытирать губою святой патиръ, то увидалъ, что внутри патира выступила кровь, „выступила та же кровь и на внѣшнюю сторону патира“. Тогда недоумѣвающему о явленіи Иларіону былъ гласъ: „елико крови обрѣтется внутри чаши, толико и на внѣшней странѣ чаши; тако разумѣй и о исправленіи книжномъ и о прочемъ: аще по прежнимъ, или по новоисправленнымъ службникамъ, обаче ни чимъ же новоисправленная служба меньше первыя“. Увѣрившись такимъ чудеснымъ образомъ въ одинаковомъ достоинствѣ новоисправленныхъ книгъ съ старыми, Иларіонъ не только самъ сталъ служить по новымъ книгамъ, но и требовать того же отъ своихъ учениковъ. Одни повиновались ему, „ови же упорствомъ многимъ возразишася, и даже до смерти совѣщастася въ своемъ упорствѣ стояти, укоряюще самого преподобнаго, якобы самому ему съ праваго пути совратитися, глаголюще ему со укоризною: яко самому тебѣ прежде учити насъ даже до смерти о семь стояти. Преподобный же нѣкоего ученика—Пестяковца проста и письма не умѣющаго, многимъ постомъ и поклонами и плинѣны на выю его повѣсивше, смиряше“. ¹⁾ Но подобнаго чудеснаго увѣренія въ одинаковомъ достоинствѣ старыхъ и новыхъ книгъ удостоивались, конечно, очень и очень немногіе, большинство же колебалось и не знало чего ему слѣдуетъ держаться.

Очень живую и яркую картину нестроеній, колебаній и пестроты въ отправленіи разныхъ церковныхъ службъ рисуетъ намъ современникъ—сѣздальскій священникъ Никита Добрынинъ (Пустосвятъ) въ челобитной государю. „Во многихъ градѣхъ твоя благочестивыя державы, наипачеже въ селѣхъ, пишетъ онъ государю, церкви Божіи зѣло возмущены, еже есмь много ходахъ, и не обрѣтохъ дву, или трехъ церквей, чтобы въ нихъ единочинно дѣйствовали и пѣли, но во всѣхъ разнствіе и велій раздоръ: въ той цер-

¹⁾ Рукопись моск. румянц. музея, по указанію Ундольскаго, № 418, л. 20.

кви по книгамъ Никоновымъ служатъ и поютъ, а въ иной по старымъ, и гдѣ на праздники, или на освѣщеніе церкви, два или трое священниковъ литургію Божію служатъ, и дѣйствуютъ по разнымъ служебникамъ, а иные точію возгласы по новымъ возглашаютъ, и всяко пестрятъ. Наипачеже въ просфиромисаніи священнодѣйствуютъ и просфиромисаютъ сѣмо и овамо: овѣи отъ нихъ постаринѣ агнецъ Божій прободають, инѣи же—по никонову толкованію, въ другую страну, и богородичну часть съ девятью частями полагають, а прочіи части вынимають и полагають что и сказать невѣдомо какъ,—овѣи отъ нихъ троеугольно части вынимають, инѣи же щиплять копіемъ и части всѣ смѣшаютъ въ груду. Ктому и діаконы со іереи не согласуются: овѣ священнодѣйствуетъ по новому, а другіи по старому. Инѣи же священники, противъ 52 главы никоницкіе книги, велятъ дьякономъ агнецъ выимати. И о томъ въ смятеніи вси. Такожде и пѣвцы межъ собою въ несогласіи: на клиросѣ поютъ тако, а на другомъ инако. И во многихъ церквахъ служатъ и поютъ ни по новымъ книгамъ, ни по старымъ. И евангеліе и апостоль и пареміи чтуть и стихѣры кананархистають ни греческимъ, ни словенскимъ согласіемъ: понеже старое истеряли, а новое не обрѣли. И священнотайственная Божія служба и весь чинъ церковный мнется: одни служатъ и поютъ тако, инѣи же инако, или—нынѣ служатъ тако, а наутріе инако. И указють на никоновы печатныя книги и на розныя и непостоянныя указы. Такожде и въ прочихъ во всѣхъ службамъ раздоръ и непостоянство... И во всемъ, великій государь, въ христоименитой вѣрѣ благочестиваго твоего государства расколъ и непостоянство. И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей, погибаетъ, еже во отчаяніе впали и къ церквамъ Божіимъ пооскуду учили ходить, а инѣи и не ходять, и отцевъ духовныхъ не учили имѣть¹⁾.

Не только въ церковныхъ службахъ, но даже въ самой одеждѣ архіереевъ, священниковъ, дьяконовъ, а также и иноковъ, явилось, со времени реформъ Никона, раздѣленіе и разнообразіе: одни изъ духовныхъ одѣвались по-старому, другіе по-новому, треть ипросто по-мірски, что невольнo всѣмъ рѣзко бросалось въ глаза, вызывало недоумѣнія, разные

¹⁾ М.тер. IV, 155—157.

толки и соблазнъ. Священникъ Никита пишетъ царю: „богомольцы твои, святителіе Христовы, межъ собою одеждою раздѣлилися: ови отъ нихъ носятъ латынскіе рясы и новопокройный бѣлый клобукъ на колпашныхъ камилавкахъ, инии же, боясь суда Божія, старины держатся. Тако же и черныя власти и весь священнической чинъ одеждою раздѣлилися жъ: ови священники и діаконы ходятъ въ однорядкахъ и скуѣяхъ, инии же по иноземски въ ляцкихъ рясахъ и въ римскихъ, и въ колпашныхъ камилавкахъ, а иные, якожь простые людины, простоволосы ходятъ и шапку съ соболемъ съ заломы носятъ; а иноки не по иноческому чину, но—полячки—безъ манатей, въ однихъ рясахъ, аки въ жидовскихъ кафтанахъ, и римскихъ рогатыхъ клобукахъ“. По этому поводу Никита дѣлаетъ такое замѣчаніе: „въ томъ странномъ одѣяніи невѣдомо—кое попъ, и кое чернецъ, или пѣвчій дьякъ, или римлянинъ, или ляхъ, или жидовинъ“¹⁾. Соловецкіе иноки пишутъ государю: „святительскій бѣлый клобукъ, изъ Риму принесенный, иже отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа на прославленіе истиннаго нашего православія русійскому царствію преданный, перемѣнили, а священнической и иноческой чинъ до конца обругали: попы мірскіе, яко никонова преданія ревнители, нарицаеміи никониане, ходятъ поримски безъ скуѣей, оброслыми главами и волосы распускавъ по глазомъ, аки паны, или опалные тюремные сидѣльцы, а иные носятъ вмѣсто скуѣей колпаки черныя, и шапки кумыцкіе, и платье все не русское же; а черницы ходятъ въ церковь Божію и по торгомъ безъ манатей, безобразно и безчинно, аки иноземцы, или кабацкіе пропойцы, не по преданію святаго Василия Великаго“. Инокъ Авраамій про современныхъ ему архіереевъ пишетъ: „одѣющаяся въ брачная цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скиптры въ рукахъ позлащены нмуще, воцаритися надъ людьми хотяще, параманды такожь златомъ вышивающе. Се есть монахъ! се есть учитель! се есть премудръ! се есть наша вѣра! Таковіи суть нынѣ законоучители—блазнители прелестницы!“²⁾.

¹⁾ *ibid.* стр. 146, 157.

²⁾ „ III. 303—304. VII, 98.

Тяжелое наслѣдство оставилъ Никонъ своему бывшему „собинному“ другу—царю Алексѣю Михайловичу. Все въ тогдашней нашей церковной жизни, сверху донизу, находилось въ полномъ смятеніи и какъ бы разложеніи, ни въ чемъ не было устойчивости, опредѣленнаго порядка и прочности, все какъ бы шаталось, всюду видны были только рознь, раздоры, взаимная ненависть и борьба. Общая нелюбовь лично къ Никону перешла и на его реформу: большинство, какъ мы показали, относилось къ ней отрицательно, сами архіереи сначала видѣли въ ней только личное дѣло одного Никона, только проявленіе его патріаршаго самовластия и самочинія. Даже ученые греки смотрѣли на Никона, за его церковно-реформаторскую дѣятельность, какъ на опаснаго новатора, какъ на разорителя вѣковыхъ священныхъ традицій и обычаевъ, достойнаго за это всякаго порицанія и осужденія. Казалось, что наступило время, когда должны были сбыться слова Іоанна Неронова, нѣкогда сказанныя имъ Никону патріарху: „что ты единъ не затѣваешь, то дѣло некрѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святыи владыко“; казалось, что возвращеніе къ дониконовскимъ церковнымъ порядкамъ дѣйствительно было бы, при тогдашнемъ состояніи умовъ, самымъ подходящимъ выходомъ изъ запутаннаго положенія церковныхъ дѣлъ, такъ какъ оно вполне соотвѣтствовало бы желаніямъ и настроенности значительнаго большинства тогдашняго общества и, повидимому, способно было внести въ него необходимое умиротвореніе и успокоеніе. Дѣло съ реформою Никона, казалось, висѣло на волоскѣ. Но реформа Никона однако не погибла, такъ какъ весь дальнѣйшій тотъ или другой ходъ этого дѣла зависѣлъ теперь прежде всего и главнымъ образомъ отъ царя Алексѣя Михайловича, который, послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедры, сдѣлался единственнымъ фактическимъ управителемъ всей русской церкви, почему исключительно именно отъ него зависѣло признать или не признать церковную реформу Никона. Какъ повелъ это дѣло и къ какому концу привелъ его царь Алексѣй Михайловичъ, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . Стр. I—V

ГЛАВА I. Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его главные представители.

Появленіе въ русскомъ обществѣ, послѣ такъ называемаго смутнаго времени, сознанія необходимости улучшить религіозно-нравственную жизнь всего русскаго народа. Разныя челобитныя къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ съ жалобами на церковныя непорядки, на зазорное поведеніе бѣлаго и чернаго духовенства, на народныя языческаго характера суевѣрія и игрища, на разныя народныя пороки и недостатки. Правительственныя мѣры по поводу этихъ жалобъ. Образование въ Москвѣ кружка ревнителей благочестія. Глава кружка, царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Его придворная дѣятельность, его приверженность къ кievлявамъ и грекамъ, его заботы о поднятіи нравственности и просвѣщенія среди духовенства и народа, поставленіе имъ, съ этою цѣлю, по разнымъ городамъ на протопопскія мѣста лицъ, извѣстныхъ своею строгою жизнію, истовостію въ совершеніи церковныхъ службъ, учительностію, ревностію къ насажденію благочестія въ народѣ и борьбою съ народными языческаго характера игрищами и суевѣріями. Образование изъ этихъ лицъ провинціального кружка ревнителей благочестія. Общій характеръ дѣятельности провинціального кружка ревнителей, задачи и цѣли, какія онъ преслѣдовалъ. Его взглядъ на относительное достоинство греческаго благочестія, греческихъ обрядовъ и чиновъ, сравнительно съ русскими. . . . . Стр. 1—30.

ГЛАВА II. Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его главные представители (продолженіе).

Столичный кружокъ ревнителей благочестія. Особенности его возрѣвій, задачъ и цѣлей, по сравненію съ провинціальными ревнителями. Важнѣйшіе извѣстные представители этого кружка. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ членъ кружка ревнителей

благочестія. Его семейное воспитаніе въ грекофильскихъ традиціяхъ. Алексѣй Михайловичъ какъ убѣжденный грекофилъ и убѣжденный сторонникъ полнаго и тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею вселенскою греческою. Политическіе мотивы его грекофильства. Рѣшеніе царя и Стефана Вонифатьевича произвести церковную реформу въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою. Предварительныя мѣры царя и Стефана Вонифатьевича, какія ими предприняты, еще въ патриаршество Іосифа, для проведенія намѣченной ими церковной реформы: вызовъ въ Москву ученыхъ Кіевлянъ и начатое ими исправленіе книгъ съ греческихъ; заботы объ открытіи въ Москвѣ греческой школы; порученіе греческому назаретскому митрополиту Гавріилу произносить въ Москвѣ устныя, на современные темы, проповѣди; согласованіе нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ чиновъ съ тогдашними греческими, по указаніямъ іерусалимскаго патриарха Паисія; посылка на востокъ Арсенія Суханова для изученія на мѣстѣ греческихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ; обращеніе къ Константинопольскому патриарху, какъ высшей церковной инстанціи, за рѣшеніемъ вопроса о единогласіи; приказъ царя на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патриархомъ, доминать и вселенскихъ греческихъ патриарховъ. Никонъ какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Мѣры со стороны царя и Стефана Вонифатьевича привить Никону, какъ кандидату въ патриархи на мѣсто Іосифа, грекофильское направленіе и превращеніе Никона, благодаря этимъ мѣрамъ, изъ грекофоба въ грекофила, способнаго осуществить церковную реформу, ранѣе намѣченную царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, какъ дѣятельный и вліятельный членъ кружка ревнителей. Его особенная расположенность къ кіевскимъ ученымъ инокамъ, къ кіевской школѣ и литературѣ; его расположенность къ грекамъ и къ русскимъ представителямъ разныхъ направленій. Его домъ, какъ сборный нейтральный пунктъ, для представителей всѣхъ направленій, гдѣ они свободно вступали между собою въ состязанія, о чемъ зналъ и государь. Анна Михайловна Ртищева, какъ дѣятельная сторонница церковной реформы и Борисъ Ивановичъ Морозовъ, сочувствовавшій грекофиламъ. . . . . Стр. 31—80

ГЛАВА III. Борьба кружка ревнителей благочестія съ патриархомъ Іосифомъ по вопросу о единогласіи.

Первоначальная общая дѣятельность кружка ревнителей благочестія. Неудовольствіе на эту дѣятельность со стороны высшихъ духовныхъ властей, особенно патриарха. Столкновеніе между ревнителями и патриархомъ Іосифомъ изъ за единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Возникновеніе и развитіе у насъ многогласія. Неудачная борьба съ этимъ злоупотребленіемъ, начиная съ Стоглаваго собора. Стефанъ Вонифатьевичъ и Рти-

щевъ вводятъ единогласіе сначала въ своихъ церквахъ, а потомъ къ нимъ присоединяется царь, Нероповъ, Никонъ и другіе ревнители. Соборъ 11 февраля 1649 года, подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа, рѣшаетъ вопросъ въ пользу стараго многогласія. Царь не признаетъ этого соборнаго постановленія и заставляеть патріарха Іосифа передать рѣшеніе вопроса на усмотреніе константинопольскаго патріарха, который безусловно высказывается за единогласіе. Въ 1651 году патріархъ Іосифъ принужденъ былъ созвать новый соборъ для вторичнаго разсмотрѣнія вопроса о единогласіи и порѣшить его, вопреки своему прежнему постановленію, такъ, какъ желали его противники—сторонники единогласія. Патріархъ Іосифъ теряетъ всякое значеніе въ церковныхъ дѣлахъ вплоть до самой своей смерти. Стр. 81—105.

ГЛАВА IV. Первые церковно-реформаторскія дѣйствія патріарха Никона.

Вступленіе Никона на патріаршую кафедру. Онъ разрываетъ свои прежнія близкія отношенія къ провинціальнымъ ревнителямъ. Причины и ближайшія послѣдствія этого поступка Никона. Первое реформаторское дѣйствіе Никона: распоряженіе его о поклонахъ и перстосложеніи. Протестъ противъ этого распоряженія со стороны провинціальныхъ ревнителей благочестія. Расправа съ ними Никона. Дѣйствительныя отношенія между Никономъ патріархомъ и царскимъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Соборъ 1654 года, уполномочивавшій Никона произвести книжныя исправленія. Впечатлѣніе, произведенное соборомъ 1654 года на русское общество. Слабыя стороны собора 1654 года. . . . . Стр. 106—150.

ГЛАВА V. Церковно-обрядовыя реформы Никона.

Посылка Никономъ грамоты Константинопольскому патріарху съ просьбою рѣшить въ ней предложенные вопросы. Приѣздъ въ Москву Антиохійскаго патріарха Макарія и его участіе въ церковно-реформаторской дѣятельности Никона. Расправа Никона, при поддержкѣ и одобреніи антиохійскаго патріарха Макарія, съ иконами франкскаго письма. Публичное одобреніе Макаріемъ распоряженія Никона о замѣнѣ двоеперстнаго перстосложенія троеперстнымъ. Соборъ 1655 года по разсказу служебника и по разсказу Павла Алепскаго. Соборная отвѣтная грамота Константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, не одобряющая его реформаціоннаго увлеченія, направленнаго на исправленіе и передѣлку безразличныхъ для вѣры и благочестія старыхъ русскихъ чиновъ и обрядовъ. Провогащеніе антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ русскаго двоеперстія армянскимъ перстосложеніемъ. Торжественное проклятіе въ Успенскомъ соборѣ антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополи-

томъ Григоріемъ всѣхъ крестящихся двоеперстно. Древнія свидѣтельства, доказывающія, что двоеперстіе есть старое православное перстосложеніе и что оно древнѣе троеперстія. Отлученіе отъ церкви и проклятiе двоеперстниковъ соборомъ русскихъ іерарховъ 1656 года. Другія церковно-обрядовыя реформы Никона, совершенныя имъ по указаніямъ антиохійскаго патріарха Макарія. Общія замѣчанія о характерѣ и цѣнности церковно-обрядовыхъ реформъ Никона. . . . . Стр. 151—226.

ГЛАВА VI. Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ.

Взглядъ русскихъ на печатныя греческія книги, какъ на испорченныя еретиками. Исправленіе книгъ при Никонѣ происходило по греческимъ венеціанскимъ изданіямъ, которыя однако провѣрялись и передѣлывались съ помощію старыхъ рукописныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ. Арсеній грекъ, какъ книжный справщикъ при Никонѣ. Личное участіе Никона въ книжныхъ исправленіяхъ. Никонъ лично признавалъ исправленіе книгъ только по древнимъ славянскимъ и древнимъ греческимъ и вѣрилъ, что такъ именно при немъ книги и исправлялись. Въ исправленіи самаго текста книгъ Никонъ не принималъ участія по незнанію греческаго языка. Признаніе Никонемъ старыхъ и новыхъ служебниковъ одинаково добрыми и что можно служить по тѣмъ и другимъ. Полное охлажденіе Никона, послѣ оставленія имъ патріаршей кафедрѣ, къ своей предшественной церковно-реформаторской греко-фильской дѣятельности . . . . . Стр. 227—269.

ГЛАВА VII. Борьба протопопа Іоачна Неронова съ патріархомъ Никонемъ.

Іоаннъ Нероновъ, какъ глава всѣхъ недовольныхъ патріархомъ Никонемъ. Громадная популярность Неронова. Его увѣренность, что онъ находится подъ особымъ божественнымъ водительствомъ и что самъ Богъ призвалъ его къ общественной дѣятельности и къ борьбѣ съ недостойнымъ патріархомъ Никонемъ. Нероновъ всегда признавалъ греческихъ патріарховъ православными и ихъ высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ боролся лично только съ Никонемъ, а не съ церковію и ея іерархіею. Примиреніе Неронова съ Никонемъ было примиреніемъ съ церковію, а не съ личностью Никона, хотя онъ и принялъ потомъ всѣ произведенныя Никонемъ церковныя реформы . . . . . Стр. 270—307.

ГЛАВА VIII. Протопопъ Аввакумъ какъ противникъ церковной реформы патріарха Никона.

Первоначальная дѣятельность Аввакума, какъ священника въ Лопатицахъ и протопопа въ Юрьевцѣ Повольскомъ. Положеніе

Аввакума въ Москвѣ, послѣ его бѣгства изъ Юрьевца. Ссылка его въ Сибирь, его сибирская жизнь и возвращеніе въ Москву. Протопопъ Аввакумъ какъ великій угодникъ Божій, какъ прославленный святой и чудотворецъ. Попытка государя, вызвавшего Аввакума въ Москву, примирить его съ новымъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ. Неуспѣхъ этихъ попытокъ. Окончательный отказъ государя, въ виду упрямства Аввакума, отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ нимъ. Встрѣчное стремленіе со стороны Аввакума отвлечь царя отъ церковной реформы Никона и его стараніе возвратить государя къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ. Неуспѣхъ этихъ стараній Аввакума и перемѣна въ характерѣ его отношеній къ царю. Отношеніе Аввакума къ тогдашней русской церкви, къ Никону, къ русскимъ іерархамъ и къ никонианамъ вообще, какъ выраженіе его крайней ненависти къ своимъ церковнымъ противникамъ. Религіозная нетерпимость Аввакума. Его отрицательное отношеніе къ наукѣ и образованію. Несоотвѣтствіе у Аввакума между его внѣшнимъ подвигомъ и внутреннимъ содержаніемъ этого подвига. . . . . Стр. 308—393.

ГЛАВА IX. Оставленіе Никономъ патріаршей каведры.

Обстоятельства при которыхъ произошло оставленіе Никономъ патріаршей каведры. Самъ Никонъ за разное время указывалъ и на разныя причины, почему онъ оставилъ патріаршество. Истинныя причины оставленія Никономъ патріаршества. Какъ смотрѣть на оставленіе Никономъ патріаршей каведры: было-ли оно искреннимъ, или только притворнымъ? . . . . . Стр. 394—431.

ГЛАВА X. Критика церковной реформы Никона въ литературныхъ произведеніяхъ ея первыхъ противниковъ.

Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, а русскія церковныя книги вполне правы и не пуждаются въ исправленіи. Благочестіе современныхъ грековъ очень сомнительно, ихъ церковныя книги испорчены еретиками, почему теперь истинному благочестію нужно учиться не русскимъ у грековъ, а грекамъ у русскихъ. Никонъ, какъ реформаторъ, былъ еретикъ и слуга антихриста, въ своей реформаторской дѣятельности онъ руководился личнымъ произволомъ, пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ, гордостію и высокоуміемъ. Онъ не исправлялъ, а прямо завоу передѣлывалъ старыя русскія книги. Его завѣренія, что онъ исправлялъ книги съ древнихъ греческихъ и славянскихъ харатейныхъ, рѣшительно несправедливы, такъ какъ въ дѣйствительности онъ исправлялъ свои книги или съ новогреческихъ напечатанныхъ еретиками книгъ, или съ польскихъ, или, если и съ русскихъ, то „съ покидныхъ“ и „хромыхъ“ книгъ. Слабыя стороны и тенденціозность критики церковной реформы Никона защитниками старины . . . . . Стр. 432—490.

ГЛАВА XI. Отрицательное отношеніе къ реформамъ Никона въ средѣ православныхъ.

Протестъ противъ церковно-реформаторской дѣятельности Никона въ средѣ русскихъ іерарховъ. Непрізнаніе повоисправленныхъ Никономъ книгъ большинствомъ бѣлаго и чернаго духовенства. Признаніе Никона бычшими въ Москвѣ учеными греками церковнымъ новаторомъ и разорителемъ древнихъ церковныхъ обычаевъ. Общее печальное состояніе тогдашней церковно-богослужебной практики, какъ слѣдствіе церковной реформы Никона.

ОПЕЧАТКИ.

Здѣсь отмѣчаются только такія опечатки, которыя искажаютъ самый смыслъ рѣчи.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Нужно читать.</i>
69.	3 сн.	переродами	переводами
72.	19 св.	Дамаскивъ, Птицкій	Дамаскивъ Птицкій
86.	3 св.	Іосифу	Іоасафу.
95.	23 св.	бывали	бивали
97.	20 св.	наибольшее	на большее
105.	2 сн.	за соборомъ	за сорѣмъ
369.	18 св.	мистическое	миѣическое
502.	10 св.	были написаны	была написана
505.	19 св.	непеременчиваго	неперемчпваго.
